

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА»
(Самарский университет)

З.М. Кобозева, П.С. Кабытов

МЕЩАНСКОЕ СОСЛОВИЕ РУССКИХ ГОРОДОВ

Монография

Самара
ООО «Слово»
2023

УДК 977.083
ББК 63.3(2) 52
К 55

Рецензенты:

Доктор исторических наук, профессор В.Н.Данилов
Доктор исторических наук, профессор В.В.Кондрашин

Научный редактор:

Доктор исторических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ П.С. Кабытов

Кобозева З.М., Кабытов П.С.

К 55 **Мещанское сословие русских городов** / Под ред. П.С. Кабытова. –
Самара: ООО «Слово», 2023. – 448 с.

ISBN 978-5-6050007-1-6

В предлагаемой вниманию читателей книге на основе широкого круга архивных материалов авторы предпринимают попытку реабилитации понятий «мещанство» и «обыватель», вернув им их первоначальное значение: житель города, принадлежащий к городскому мещанскому сословию, член городского общества, внесённый в Обывательскую книгу города, то есть законодательно представленный средний слой горожан. Мещане – основные герои городской социальной жизни, её «маленькие люди». Но они же и важные участники истории страны. В книге показано гражданское творчество мещан через участие в городском самоуправлении, введённом в Российской империи Екатериной II. В книге прослежена картина мира мещан, то есть система представлений о месте человека в государстве и его активной созидательной роли в историческом процессе. Книга предназначена для профессиональных историков, преподавателей гуманитарных дисциплин, студентов, аспирантов и широкого круга читателей, интересующихся повседневной историей дореволюционного русского города.

УДК 977.083
ББК 63.3(2) 52

ISBN 978-5-6050007-1-6

© Кобозева З.М., Кабытов П.С., 2023
© Самарский университет
акад. С.П. Королева, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
ГЛАВА 1. МЕЩАНЕ РУССКИХ ГОРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В 1850–60-е гг.....	46
Города Среднего Поволжья как форпосты имперской политики....	46
Результаты державной систематизации городских структур.....	64
Способы использования мещанами системы городского самоуправления в повседневной жизни.....	84
ГЛАВА 2. МЕЩАНЕ РУССКИХ ГОРОДОВ В 1870-е -1910-е гг.....	122
Мещане в новом социокультурном пространстве пореформенного города.....	122
Взаимодействие мещан с городской думой и мещанской управой	140
Саратовская модель мещанско-купеческого благотворительного союза и участие представителей сословия во всероссийских мещанских съездах	168
ГЛАВА 3. ПОВИННОСТИ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ МЕЩАН ГОРОДА	215
Налоги и общественные сборы	215
Паспортный контроль	238
Рекрутская повинность.....	260

ГЛАВА 4. МЕЩАНСКИЕ ДЕВИАЦИИ В МИРНОЕ И РЕВОЛЮЦИОННОЕ ВРЕМЯ	291
Представления о пороке в мещанской сословной среде	292
Повседневные религиозные практики или «обязуюсь пребывать в послушании»	308
Практики поведения и психология мещан в революции: озорующий обыватель	325
ГЛАВА 5. ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ ОБЫВАТЕЛЬСКОГО БЫТА	361
Хозяйственные практики	361
Внутрисемейные повседневные практики.....	386
Повседневные практики в немощи и в старости	404
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	438

«Не понимаю, в чем они повинны,
Все эти розовые бальзамы
И фуксии с подвесками атласными
Пунцово-белыми, лилово-красными.
Едва увижу их, перед глазами
Старинный пыльный пригород Казани,
Дом в три окошка, где отец мой рос,
А в окнах – шапки огненной герани
(В слободке не выращивали роз.)
Я представляю крошечное зальце
С великолепным фикусом в углу.
Врастяжку дремлют солнечные зайцы
На выкрашенном охрою полу.
Перед диваном столик несуразный,
Трюмо, как будто в ряске озерцо...
У женщины худой и черноглазой
Надменное от горестей лицо.
Заштопанные бережно скатерки,
Дешевый голубой сервизик в горке
И чистота – до блеска, до сиянья,
Единственная роскошь бедноты.
А вот цветы – всех смертных достоянье...
Да, я люблю мещанские цветы,
Я без кавычек ставлю это слово

*В его первоначальном смысле, в том,
Что люди жили тяжело и сурово,
А труд во все эпохи был трудом.
...Цветы цвели смиренно, безотказно,
В подвалах и на чердаках цвели,
В кастрюльках ржавых,
В банках безобразных,
Цвели – благословение земли.
Теперь, когда конец домишкам тесным
И все иначе, именно теперь,
Мне кажется особенно нечестным
Взять и захлопнуть перед ними дверь»*

Вероника Тушинова

ВВЕДЕНИЕ

Персонаж детективов Агаты Кристи мисс Марпл расследует убийства, исходя не только из аналитических способностей её ума, но и прекрасного знания повседневной жизни обитателей родной деревушки Сэнт Мэри Мид. Мисс Марпл считает, что характеры и мотивы людей везде и всегда одинаковы и, правильно определив типы действующих лиц и практики их повседневной жизни, по ее мнению, можно обнаружить преступника. То есть, всё заключено в повседневности. Разделяя это убеждение, на страницах данной книги мы попытаемся рассмотреть основные повседневные практики мещан, или городских обывателей провинциальных городов Среднего Поволжья, застигнутых в момент «происшествия». Этим «происшествием» для мирного течения городской жизни могли быть законодательные инициативы власти, экономические изменения жизни, вызванные модернизационными процессами, политические события, болезнь, смерть, армия или любовь. Поэтому наш интеллектуальный роман будет слегка напоминать мисс Марпл в её любимом и родном Сэнт Мэри Миде, мы внимательно понаблюдаем за мещанами Самары, Саратова и Симбирска второй половины XIX – начала XX вв.

Изучение повседневного взаимодействия власти и человека – одно из важнейших направлений современной исторической науки, позволяющее не только понять многие особенности мировосприятия людей прошлого с позиции «маленького человека», но и использовать этот опыт в конструировании современного диалога между государством и людьми. Государство для человека представляет не только защиту, но и определённый «вызов» на прочность, налагая многочисленные обязанности и осуществляя дисциплинарный контроль. Человек, прекрасно отдавая себе отчёт в необходимости данной структуры власти, приспособливается к заданному ею статусу так, чтобы повседневность была наполнена не эсхатологическим отчаянием, а витальным оптимизмом. Как бы ни продумывало государство через закон и разветвлённый аппарат власти «архитектуру» социальной организации, человек в пространстве повседневности «подгоняет» её под себя, приспособливается и в определённой степени блокирует проникновение власти в частную жизнь. Это и есть «повседневные практики», то есть практики использования того, что дано человеку властью. А также всевозможные ухищрения, микроскопические

уклонения, ускользание или понимание по – своему всего того, что предназначено законом.

В экстремальных ситуациях войн, стихийных бедствий, бедности, болезней, старости, насилия – человек адаптируется к происходящему именно в границах повседневности. А так как это и повторяющиеся изо дня в день поведенческие практики, уловить их гораздо сложнее, чем «атрибутировать» «важное» историческое событие в границах институциональной истории. В книге пойдёт рассказ о повседневных поведенческих практиках мещан России, застигнутых в момент приспособления к модернизации страны, столкнувшихся с революциями и войнами и встретивших отмену сословий.

Индивидуальное переживание «социальной игры» в границах жизни человека, отображённое в делопроизводственных источниках, рассматриваемых в данном исследовании в качестве эго-документов, дают возможность увидеть те грани сословной идентичности, которые рождались «снизу» и не могли быть предугаданы законом. Власть вновь и вновь предназначала «маленькому человеку» империи его место и социальные роли, а «маленький человек» вновь и вновь бился за жизнь, причём жизнь счастливую, перешивая это «платье империи» под свой размер. Так рождались индивидуальные и коллективные практики сословного существования в ситуации перманентного «диалога» с властью. Их анализ и научное осмысление возможны только при расширении традиционных методов исторического исследования достижениями исследовательской программы «истории повседневности» через реконструкцию социальных практик на микроуровне сословного общества города, семьи и отдельной личности.

Под «маленьким» человеком мы будем понимать провинциально-мещанина трёх губерний «внутренней окраины»¹ Российской империи. Как представитель мещанского сословия, он подошёл к 1917 г., постепенно лишаясь многих традиционных для этого социального слоя прав и обязанностей. Практически растворившись в среде горожан, он властью закона все ещё продолжал фиксироваться во всех сферах жизни как принадлежащий к мещанскому сословию.

Сословия в Российской империи были уничтожены декретом СНК и ВЦИК от 11(24) ноября 1917 года. До этого повседневная жизнь людей протекала в столицах и провинции, с одной стороны, так, как писал Л.Н.Толстой, по принципу "все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему"², с другой

стороны, счастье и несчастье во многом зависели от тех прав и обязанностей, которые диктовал им сословный статус, поддерживаемый властью и законом. Эта «игра по правилам» заставляла социальных «игроков» вырабатывать такие механизмы адаптации, которые бы позволили им получать удовольствие от жизни даже в тех ситуациях, когда «игра», казалось бы, была абсолютно проиграна, ибо на этих основаниях зиждется витальный оптимизм.

Русский город XIX в. «был чрезвычайно многоликим по социальному составу. Среди его жителей можно было встретить все сословия России»³. Мещанство преобладало среди них⁴. Поэтому представляется интересным сфокусироваться на эволюции «мещанского» «обывательского» города с 50-х гг. XIX в. и до 1917 г. и одновременно на эволюции самого мещанского сословия в границах изменяющегося в процессе модернизации города. Мещанство чрезвычайно трудно выделить из «многоярусного» городского быта в силу отсутствия замкнутости между сословными группами, диалогичности различных городских субкультур, их неожиданных переплетений и сочетаний, *qui pro quo*, инверсий социальных ролей.

Социальный термин «мещанство», являясь частью официального языка власти, влиял на государственные представления о месте этого сословия в обществе. С другой стороны, сами мещане при социальном взаимодействии между собой и с властью оценивали себя в категориях сословности, что является важным показателем сословной идентичности.

Мещане порой включались в российском законодательстве в более общее понятие «городских обывателей», которое, начиная с конца XVIII века, подразумевало не только мещан, но и купцов и ремесленников. Однако именно мещанство в русских городах в количественном отношении преобладало. Между мещанством и купечеством постоянно происходила ротация, разбогатевшие мещане становились купцами, а разорившиеся купцы – мещанами. Ремесленники же часто предпочитали оставаться в мещанском сословии. Понятие «городской обыватель» наиболее чётко проясняется в Законах о состояниях 1832 г. издания. Городскими обывателями в широком смысле слова считались все жители города, они именуется «городскими обывателями вообще»⁵. Городские обыватели в узком смысле слова назывались «гражданами» или «среднего рода людьми или мещанами», в Законах о состояниях они названы «городскими

обывателями в особенности»⁶. Очень важный элемент роли и значения мещан в городской жизни – это городская обывательская книга, которая закрепляла «гражданство» города: кто не вписан в городскую обывательскую книгу города, «не только не принадлежит к гражданству того города, но да и не пользуется мещанскою выгодою того города»⁷. После отмены городских обывательских книг в конце XIX века, началось медленное угасание мещанства в качестве городского сословия. Но как бы мало они не просуществовали, всё же сумели создать определённые повседневные практики, связанные с традициями самоуправления и участия в делах города. Но не только повседневные практики «городского гражданства» создали обыватели. Они сумели спровоцировать негативную реакцию на свою картину мира и набор ценностей такой силы, что «обывательщина» – практически такой же приговор в русской культуре, как и «мещанство». Достаточно вспомнить Питирима Сорокина и его утверждение, что «всякий обыватель на весь мир смотрит и все оценивает *sub specie* интересов своего живота. Ему нет дела ни до чего, что не относится к этой "ценности". Над ним можно делать все, что угодно, лишь бы ваши проделки не касались его благополучия. Обыватель все терпит и все сносит, что не касается интересов его живота. Самые возвышенные лозунги бессильны возбудить его энтузиазм. Самые отвратительные преступления не в состоянии вывести его из равновесия, если только они не затрагивают его благополучия. В этих случаях он для приличия скажет пару слов, зевнет и успокоится на мудром правиле: "Моя хата с краю, ничего не знаю"»⁸. Но неизвестно, что хуже в этой жизни: мирное обывательское благополучие или категоричность суждений, раскачивающих государство и толкающих народ на революцию и хаос.

Территориальные рамки книги определяются городами трёх губерний, принадлежащих к Среднему Поволжью: Самарской, Симбирской и Саратовской. Рассматриваемый регион отнесён к «внутренней окраине» Российской империи, представлявшей собой активно развивающуюся зону фронта между центральной Россией и осваиваемыми территориями востока и юго-востока страны. Эти губернии, с одной стороны, обладали многими общими чертами, связанными с географическими особенностями среды: губернские города располагались на волжских берегах, уездные территориально не были значительно удалены от рек; равнинный характер местности, свойства

почв и климатические условия обусловили преимущественно аграрный характер экономики региона; это были города – пересечения путей, водных и сухопутных. С другой стороны, особенности исторического развития Самары, Саратова и Симбирска и находящихся в ареале их воздействия уездных городов, наложили свой отпечаток на социальную расстановку сил, в результате чего Самара представляла собой динамично развивающийся городской организм с унисонным типом взаимоотношений власти и патриархально апеллирующим к ней мещанским сословием. Саратов оставался одним из лидеров в развитии экономического потенциала в Среднем Поволжье. Более длительная, чем в Самаре, его история в качестве губернского центра, привела к установлению формализованных связей активного мещанского общества с властью. Симбирск отставал в темпах развития и от Самары и от Саратова. Его дворянский социальный колер препятствовал коммуникации мещанства с властью, за исключением ситуаций, связанных со стихийными бедствиями.

Поймать мещан в наш научный микроскоп нам показалось интересным в период с середины XIX в. по 1917 г.. Несмотря на то, что традиционно пореформенный период в историографии определяется началом эпохи Великих реформ, то есть с 1861 г., в книге сознательно нижняя хронологическая граница опускается до самой середины XIX в., чтобы пореформенное развитие показать на фоне последнего десятилетия того этапа социальной жизни города, который был сформирован законодательством конца XVIII в. и определялся как эпоха «городского гражданства».

Основное источниковое «сырьё» работы – делопроизводственная документация мещанских управ (канцелярий мещанских старост) и городских дум. «Сердцевинной» всех деловых бумаг, связанных с мещанским сословием, становится такой важный канал связи общества и власти, как письменные обращения населения («во власть», «письма во власть» (в форме прошений, ходатайств, жалоб и т.д.). Они настолько личные, что мы решили отнести их к источникам личного происхождения. Обращение к власти мещан в основном было связано с местным уровнем взаимодействия сословной и городской власти с обществом и являлось не только чертой патриархального стиля взаимодействия, но и частью процедуры бюрократического управления и политической коммуникации. Следует отметить, что такое активное коммуникативное пространство между властью города,

властью сословной и мещанским обществом позволяет обнаружить именно делопроизводство Самарской губернии, что делает данный регион ключевым при подходе к анализу мещанской повседневности через взаимодействие власти, общества и индивидов⁹. Особенно рельефно самарское мещанское делопроизводство выглядит на фоне отсутствия в регионе традиционных источников личного происхождения, таких как мемуары, воспоминания, переписка, а также беллетристики и бытописания, как, к примеру, в значительном количестве сохранившиеся и опубликованные записки московских писателей о городском «дне» и жизни бедного городского сословия Москвы¹⁰. Делопроизводство Симбирска и Саратова оказывается по разным причинам в меньшей степени насыщенным такой патриархальной коммуникацией с властью, как в Самаре. Но в этих соседних с Самарой регионах был обнаружен свой выразительный слой мещанских репрезентаций. В Саратове – связанный с совместным с купцами благотворительным фондом, в Симбирске – оказалась интересной сама слабость мещанского «голоса» в коммуникативных процессах, связанная с традиционно дворянским колером города. Все остальные группы источников, используемые в исследовании, помогают решить поставленные задачи и носят вспомогательный характер.

«Каждый пишет, как он дышит». Это и есть методология работы историка, его понимание истории и исторического процесса. В данной книге под «историей повседневности», солидаризируясь с достижениями германской школы *Alltagsgeschichte*¹¹, с работами отечественных историков, таких как О.Е.Кошелева, А.Б.Каменский, С.В.Журавлёв, Е.А.Вишленкова, С.Ю.Малышева, А.А.Сальникова и др.¹² и, опираясь на методологические разработки в этом вопросе Н.Л.Пушкарёвой¹³, будет пониматься изучение прошлого через историю повседневных социальных практик. Мы сочетаем исследовательскую «оптику» «снизу» и «сверху», со стороны «маленького человека» и со стороны власти. Поэтому, помимо методов «микро-истории», в работе используется дискурс-анализ, черпающий свою теорию и методы в социальном конструктивизме. Несмотря на то, что социально-конструктивистское исследование претендует быть вне повседневных репрезентаций, данные подходы вполне соединимы с историей повседневности, исторической антропологией и историей ментальности. При анализе повседневной жизни людей используются концепции социального действия П.Бурдьё, дисциплинарной природы власти

М.Фуко, стратегий и тактик М. де Серто. Последовательно применяются при анализе источников семиотический подход и методики реконструкции языковой картины мира и языковой личности.

На наш взгляд, чрезвычайно важной для понимания концепта «повседневных практик» является работа французского историка, антрополога и социального философа М. де Серто «Изобретение повседневности. 1. искусство делать»¹⁴. Повседневность понимается М.Серто как поле постоянной борьбы «пользователей» или «потребителей» схем, навязанных властью, за превращение этого пространства в «своё». Главным объектом исследования М. де Серто становятся повседневные практики, представляющие собой «использование или потребление» той продукции, которая навязывается властью или господствующим порядком. Во время этих практик возникают процедуры повседневной изобретательности. Подтверждение данному тезису находим, к примеру, в сюжетах об использовании мещанами различных обстоятельств, связанных с паспортным контролем. Главный вопрос, на который стремится ответить Серто, касается логики, которой подчинены практики. Эти практики «задействуют «народное» ratio, а именно – способ мыслить, инвестированный в способ действовать, искусство комбинирования, неотделимое от искусства использования»¹⁵. Зарубежная историография имеет в своём арсенале значительные накопления в области анализа повседневных практик. Этот историографический фундамент, используемый Серто, включает работы П.Бурдые, И.Гофмана, М.Мосса, М.Детьена, Ж.Буасвэна, Э.Лауманна, Ж.Фишмана и др., которые разрабатывали теорию практик «как смесь ритуалов и бриколажей, манипуляций с пространством, операторов сетей», а также процедур повседневных взаимодействий, «задействованных в структуры ожиданий, переговоров, импровизаций, присущих повседневному языку»¹⁶. Но несмотря на такую опору, Серто замечает, что исследовать практики чрезвычайно сложно, так как они «раз за разом возмущают нашу логику и сбивают её с толку»¹⁷.

Когда Серто пишет о маргинальности групп, данные характеристики вполне соотносятся и с русским мещанством и его «следом» в истории: «именно в этом состоит культурная деятельность тех, кто не производит культуру, деятельность, не имеющая подписи, нечитаемая, не символизируемая»¹⁸. Серто выделяет кроме того «стратегии» и «тактики». Под «стратегией» он понимает подсчёт соотношений

сил, который становится возможным с того момента, когда субъект, обладающий волей и властью, может быть вычленен из «окружающих условий», а под «тактикой» – «расчёт, который не может опираться ни на «собственное» пространство, ни, как следствие, на границу, отделяющую другого как видимую целостность»¹⁹. Как и мы, Серто отталкивается от теорий Фуко и Бурдьё, рассуждая о теории искусства делания. Фуко выявляет жест, организующий пространство дискурса²⁰. А Бурдьё интересуется генезис, «способ порождения практик»²¹.

Самое главное терминологическое уточнение данного исследования касается использования слова «мещанство» исключительно в качестве названия одного из российских дореволюционных сословий. В русскую языковую практику слово «мещанство» входит из польского языка, в котором *miasto* означает город, *mieszczane* — горожане²². Слово «мещанин» фиксируется в русской лексике XVII в. в двух значениях: как житель посада, слободы, как правило, мелкий ремесленник или торговец, входивший в городское податное сословие, и как горожанин вообще²³. Прилагательное «мещанский» в источниках XVII в. встречается в тех же двух значениях. Кроме того, термином «мещане» в XIV-XVII вв. назывались жители городов западной и южной Руси, входивших в состав Польско-Литовского государства (Украина, Белоруссия, с XVII века — жители Смоленских земель)²⁴. Однако в «Региональном историческом словаре XVI-XVII вв. (по памятникам письменности Смоленского края)» слово «мещанин» не упоминается²⁵. В XVII в. мещанами начинают называть население Мещанской слободы, образованной в 1671-1672 годах около Москвы выходцами из Польши, находившимися на службе у Посольского приказа. Это были квалифицированные мастера, торговцы и «целовальники» при Посольском дворе²⁶.

XVIII в. в истории слова «мещанство» в России ознаменовался его законодательным оформлением. Наименование «мещане» распространилось на все посадское население российских городов. В таком значении термин «мещане» употреблен в «Проекте законов о правах среднего рода городских жителей», составленном в ходе работы Уложенной комиссии 1767-1769 гг.²⁷ В Манифесте от 17 марта 1775 г. «По случаю заключения мира с Портою Оттоманской» мещане выделены как податная категория жителей с капиталом менее 500 руб., обязанных платить подушную подать, отбывать рекрутскую и другие натуральные и денежные повинности²⁸.

В Жалованной грамоте городам 1785 г. «мещанами» названы все городовые обыватели («мещане вообще»), которые делились на 6 разрядов, из них 4 разряда («настоящие городовые обыватели», т.е. лица, имевшие в городе недвижимость, «цеховые граждане», «иногородние и иностранные гости», «посадские») фактически составили сословие мещан в узком смысле слова.

В XVIII в. активно издаются словари и справочники, которые были, в основном, посвящены специальным вопросам, как, например, «Опыт риторического словаря о российских писателях» Н.И. Новикова (1772 г.), «Ботанический подробный словарь» А. Мейера (1781 г.), «Географический словарь российского государства» Л.М. Максимовича (1788–1789 гг.) и др.²⁹ Слово «мещанство» в них не обнаруживаем. В Словаре Академии Российской 1793 г. слово «мещанин» трактуется как «городовой обыватель среднего состояния», который «волен заводить станы всякого рода».³⁰ В этом же словаре даётся определение значения прилагательного «мещанский» как «принадлежащий, свойственный всякому мещанину»³¹.

Словарь русского языка XVIII в. трактует слово «мещанин» в двух значениях: 1. Горожанин из ремесленно-торгового слоя населения, горожанин вообще; 2. Лицо, принадлежащее мещанскому сословию, к мещанству. В XVIII в. в языковой практике используется прилагательное «мещанский», относящееся к существительным «мещанин», появляется новая словоупотребительная ситуация, связанная с появлением мещанских клубов³², а также «мещанский» встречается в текстах и в значении «гражданский»³³. Кроме того, в XVIII в. существовал особый род войск, так называемые «мещанские войска»³⁴. В XVIII в. впервые появляются значения слова «мещанский», связанные с менталитетом сословия, так называемым «мещанским духом»: «Что-нибудь особливое, чудное в поступках или в образе мыслей, не скажу я низкое, мещанское, простонародное, смешное, но только двусмысленное, погубит тебя безвозвратно»³⁵. И, наконец, в XVIII в. появляется такой вид искусства, как «мещанская трагедия (драма)», главные герои которой – люди незнатного происхождения³⁶. В России переводная «мещанская драма» распространилась в 60–70-е годы XVIII в., пока её не вытеснили своим появлением драматические произведения Пушкина, Гоголя и Грибоедова³⁷. И, наконец, в XVIII в. определяется особый вид поэзии, получившей название «мещанская поэзия».

Таким образом, в XVIII в. лингвистически закрепляется в русской лексике понятие «мещанство» в 4-х значениях: 1) сословие, состоящее из ремесленников, мелких торговцев, домовладельцев, низших служащих и т.п.; 2) мещанство в значении горожане; 3) мещанство как социально-психологическая характеристика; 4) состояние — гражданство. Тем самым происходит процесс институализации не только сословия как такового, но и частично его картины мира.

На протяжении XVIII в. слово «мещанство» накапливало в себе и сложное символическое содержание. Негативное значение восторжествовало только в XIX в. в интеллигентской интерпретации и определило некий консерватизм в отношении его исторического прочтения. Кроме того, «устаревшая терминология часто служит большим препятствием к прогрессу, мешая овладеть новым материалом, искажая самый смысл новых фактов, которых не может быть со всей полнотой и точностью выразить»³⁸. Чем больше явлений социальной жизни определялось через слово «мещанин» (мещанский), тем быстрее конструировалась сословная идентичность на уровне «среднего человека». Как отмечал П. Бицилли, «средний человек» — знак, выражающий результат интегрирования множества однородных «малых факторов»³⁹. А социальное название этого «среднего человека» в России, «мещанин», выступало той формой, «под которой историк находит содержание действительности, подлежащее ее научному ведению, и слово является тем знаком, от которого историк приходит к своему предмету с его специфическим содержанием, составляющим значение или смысл этого знака»⁴⁰. Следуя принципу разграничения значения и смысла слова, как это делает Г. Шпет, под значением мы будем понимать «тот многозначный набор, который фиксируется словарями, смысл же лежит в плоскости того единственного понимания, которое возникает в данном речевом контексте»⁴¹.

«Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля, опубликованный в середине XIX в., фиксирует глагол «мещанствовать» в значении «состоять в мещанском сословии»⁴² (это единственный словарь, который образует от слова «мещанство» глагол).

В 1873–79 гг. в России выходит «Русский энциклопедический словарь» (Т. 1–16) под редакцией И.Н. Березина. В этом словаре «мещанин» определяется также как городской обыватель, но добавляется уточнение: «низшего сословия, не записанный в гильдии».⁴³ В историческом экскурсе также подчёркивалось низшее место мещан в соци-

альной иерархии горожан: «низшее сословие городских обывателей, к которым относились торговцы, ремесленники, подёнщики».⁴⁴

В 1890–1907 годах издавалась самая крупная из всех дореволюционных энциклопедий — «Энциклопедический словарь» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (Т. 1–82 и 4 дополнительных тома). В 1911 г. издательская фирма «Брокгауз и Ефрон» начала выпускать «Новый энциклопедический словарь» под редакцией Арсеньева. В данном издании обобщается вся предшествующая юридическая практика в отношении «мещанства» и характеризуется его современный сословный статус⁴⁵. Словарь Брокгауза и Ефрона заменяет термин «сословие» — «состоянием»⁴⁶.

С 1891 г. началось издание многотомного энциклопедического словаря русского библиографического института Гранат. Слово «мещане» в нём трактуется как «класс городских обывателей...или так называемый средний род людей».⁴⁷ Юридическое положение мещанства освещается вскользь. Особого внимания заслуживает социальная терминология, в частности, замена словом «класс» устоявшихся терминов «сословие» («состояние»).

Словарь Д.Н. Ушакова дает определение мещанина как «человека, принадлежащего к городскому торгово-ремесленному слою населения», а «с 1775 г. официальное название лиц, главным образом из городской мелкой буржуазии, составляющих в дореволюционной России особое сословие, ниже купеческого»⁴⁸.

В советский период наиболее фундаментальный энциклопедический труд, Большая советская энциклопедия, повторяет предшествующий опыт описания сословного статуса, но добавляет так называемое «переносное значение»: «...мещанами называют людей, взглядам и поведению которых свойственны эгоизм и индивидуализм, стяжательство, аполитичность, безыдейность и т.п.» (даётся ссылка на «мелкая буржуазия», что подчёркивает коннотацию смыслов «мещанский» и «мелкобуржуазный»)⁴⁹.

Статья о мещанстве в Советской исторической энциклопедии, основанная на монографиях П.Г. Рыдзюнского и А.Г. Рашина, трактует мещан как сословие, включавшее в себя разные категории городских жителей (ремесленников, мелких торговцев, мелких домовладельцев и т.д.). После «буржуазных реформ 60–70-х гг. основная масса мещан представляла собой мелкую буржуазию городов»⁵⁰. Анализ понятия

«мелкобуржуазный» влечёт за собой достаточно обширную самостоятельную исследовательскую рефлексию.

Таким образом, понятие «мещане» в значении «горожане» появляется в России с XVII в., законодательно оформляется в значении «городского сословия» в XVIII в., сохраняется в обиходе и в законодательстве (не имея юридической чёткости) до 1917 года. Сложности в изучении мещанства связаны с тем обстоятельством, что в России в общественном сознании данное понятие из слова, обозначающего сословие, превратилось в нравственно-этическую категорию, негативную модель поведения человека и, выходя за рамки сугубо сословной трактовки, приобрело статус самостоятельного культурологического и цивилизационного объекта.

Особенностью данного исследования является тот факт, что среди различных граней повседневной жизни горожан была рассмотрена именно сословная повседневность мещан. Сословие определялось прежде всего законодательством, то есть было инициировано властью, контролировалось властью и развивалось в перманентном диалоге с властью. Следовательно, в основе изучения этого локуса повседневности должен находиться такой источниковый материал, который бы сосредоточил в себе всю палитру сложных взаимоотношений власти – человека – социума в повседневном, рутинном жизненном ритме, причём, не исключаяющим событийности, но событийности другого порядка, нежели в метанарративе, событийности частной жизни неприметных социальных акторов. Как уже отмечалось, наше исследование проводится в рамках концепции «новой политической истории». А история городских обывателей рассматривается преимущественно «снизу вверх» относительно социальной и институциональной иерархии⁵¹.

Увидеть жизнь мещан города «снизу» в форме ответа на перманентный «вызов» власти, рассмотреть эти взаимоотношения с властью в активной и динамичной форме, а также выявить основные ключевые «болевые» точки мещанской повседневности, которые и определили структуру данного исследования, позволяют фонды мещанских управ и канцелярий мещанских старост провинциальных архивов: Самары, Саратова, Ульяновска, а также фонды мещанских управ Москвы и Серпухова для сравнительно-сопоставительного анализа специфики мещанской жизни в центре и на периферии⁵².

Разница между фондами управ и старост проявляется только в самом статусе, который избрали для себя мещанские общества после введения Городового положения 1870 г. Согласно данному Положению, мещанские общества получили право своими приговорами учреждать мещанские управы для заведывания делами общества. Где управ не было создано, сохранялись прежние органы управления в лице мещанский старост, что было подтверждено в 1899 г. в законах о состояниях⁵³. С точки зрения полноты повседневной мещанской жизни, фонд мещанской управы оказывается настолько же информативным, как и фонд мещанского старосты. Единственно, канцелярии старост, как правило, сохранялись в тех местах, где мещанское общество было или меньше или пассивнее и не пожелало учредить специальное мещанское управление. В рассматриваемом регионе таким обществом оказывается симбирское мещанское общество. И действительно, это наиболее «безликий» фонд в смысле наличия так называемых «его-документов» или «human document». Под «его-документами» понимаются не источники личного происхождения, которых нет в данном исследовании, а те документы, которые можно рассматривать как «интервью» в широком смысле слова. Под таким «интервью», к примеру, А.Б.Каменский понимает допросные речи, рассматривая допрос как тот вид коммуникации, который обнажает повседневность горожан⁵⁴. «Интервью» власти с человеком можно считать состоявшимся, когда появляется личный диалог. Если мещанин просто отправляет заполненный бланк какого-нибудь ходатайства или официальный запрос – это слишком имплицитное высказывание, его нельзя рассматривать как «его – документ». Но если он сопровождает его рассказом о своей личной судьбе, ситуации, в которую попал, нагружает свой текст определёнными эмоциями, выраженными в приписках, в экспрессии почерка, в имплицитном языке пунктуации, грамматики и т.д. – этот текст вполне может выступать как «его – документ». И в данном контексте мещанство Симбирска удивительно «молчаливое». У них не только не была создана управа, но они ещё и не желали вступать в личный диалог с властью. Для анализа причин подобного ухода в официальность требуется специальное микроисследование, посвящённое исключительно симбирскому мещанству. Потому что причины сословной документальной невыразительности можно искать только в детальном полистном знакомстве с фондами, уходящи-

ми в тот период истории города, который последовал за екатерининским законодательством конца XVIII в.

Несмотря на тот факт, что мещанская управа вводится в качестве сословного органа власти после реформы 1870 г., данный фонд включает в себя дела предшествующего периода, связанные с компетенцией мещанского старосты и собраниями мещанского общества города, в Самаре – начиная с 1848 г.; в Саратове – с 1785 г.; в Симбирске – с 1864 г.⁵⁵ Ошибочно представление о том, что делопроизводство данного сословного учреждения отражает его фискально – контролирующие функции. За традиционной номенклатурой дел скрываются удивительные истории – анекдоты из повседневности мещан-обывателей. Все они, так или иначе, связаны с такими «болевыми точками» в жизни мещан, как собственность, статус, паспорт, налоги, рекрутство, семья, любовь. Эмоциональный фон данных текстов варьируется от страха до гнева, от любви до ненависти. Маленький человек большой империи, запечатлённый в тот момент, когда он апеллирует к власти или застигнут властью, неизбежно одинок в коллективе. Мещанина ещё держат тысячи продуманных государством связей, как сословных, так и семейных. Но и среди них он страшно одинок. Ибо его удел отныне – малая семья, закрытые двери, чужаки на улицах и одинокая старость. Такая участь уготована именно горожанину-мещанину, так как в держащихся за старый быт купеческих семьях нет этой тоски одинокого гражданина общества, там ещё царит традиционный дух. Таким образом, в случае с мещанским сословием, особенно Самары, обнаруживается феномен эмоционально – гротескного делопроизводства, которое и определило структуру исследования. Языковая личность провинциального мещанина/мещанки второй половины XIX – начала XX вв., сокрытая за вырванностью из контекста, за невозможностью проследить её жизнь, за ситуативностью её появления в «рубрике» письменной культуры, оказалась настолько выразительна и требовательна, что заставила исследователя XXI века «услышать» её и под её руководством дать названия частям исследования. Таким образом, структура работы – реакция исследователя (адресата) на так называемые «сгустки эмоций» мещан – адресантов. Получилось своего рода мещанское аутентичное высказывание, при отсутствии «внешнего наблюдателя»: значительный объём делопроизводственных источников заставил проигнорировать образ мещан в прессе, в художественной литературе, в мемуарно-эпистолярном на-

следии элитарных групп населения России и в многочисленных институтах власти, связанных с образованием мещан, их медицинским обслуживанием, судебными тяжбами, семейными разделами, беспризорными детьми, этническими группами, конфессиями и т.д.

Именно фонд мещанской управы Самары явился тем основанием, на котором оказалась воздвигнута вся архитектура исследования. Фонд оказался практически не тронутым рукой исследователя, что позволило обнаружить в нём вещные находки: медаль с орденой ленточкой и портмоне с запиской. Фонд невелик. 448 единиц хранения, одна опись, включающих в себя традиционную номенклатуру дел с 1848 по 1916 гг.⁵⁶ Фонд включает в себя указы Самарской городской думы, предписания, уведомления Самарской городской управы и Казённой палаты, наряды приговоров, постановлений, уведомлений и отношений Самарской мещанской управы, книги на запись приговоров мещанского общества, окладные, кассовые и памятные книги, учётные тетради по сбору податей и повинностей с мещан, алфавиты, посемейные списки, паспорта и ревизские сказки. Сквозной, полный просмотр дел фонда позволил за сухой номенклатурой дел обнаружить самое «разговорчивое» с властью мещанское сословие, среди более сдержанных саратовского, симбирского, серпуховского, московского. Хронологически эта пошехонская непосредственность в основном относится ко второй половине XIX в., однако, и в начале XX в., в период вытеснения рукописного обращения во власть отпечатанным бланком или телеграммой, в Самаре сохраняется значительное количество «его – документов», вплоть до 1917 г.

Важное уточнение взаимосвязи такого рода источников, как материалы фондов мещанских управ и мещанских старост с проблемой воссоздания картины повседневной жизни сословия касается того, что повседневность, реконструируемая такой группой источников – это не полная этнографическая повседневность, включающая в себя, к примеру, внутренне убранство домов, специфику городской моды, рацион питания, ритуальные и обрядовые действия, праздники, формы досуга и т.д. Сюжеты, которые легли в основу исследования, исходя из данной группы источников, характеризуют те стороны повседневной жизни, которые касались жизни человека в государстве и реакцию человека на «госзаказ» в форме различных стратегий, тактик и практик повседневного поведения, которые мещанин изобретал для

адаптации под себя в повседневной жизни требований власти, иными словами как человек приспособлялся к ним.

Таким образом сюжеты этой книги инициированы именно фондом мещанской управы одного города Самары. Сходную, иногда удивительно похожую ситуацию описывает А.Б.Каменский в предисловии к своей книге о повседневности городских обывателей Бежецка. Он также пишет о методике полистного изучения фондов. Так же оговаривает тот факт, что «сюжеты книги определили источники»⁵⁷. И он замечает, что «информация, содержащаяся в одном архивном деле, а подчас даже и в одном документе, как правило, многоаспектна и имеет отношение сразу к нескольким темам... Можно попытаться рассортировать информацию источника по сюжетам и использовать её в разных главах...»⁵⁸. Действительно, именно своей всеаспектностью отличаются сюжеты мещанской повседневности, отражённые в фонде управы. К примеру, мещанин хочет спасти своего сына от рекрутской повинности. Он пишет в управу письмо, в котором апеллирует к специфике внутрисемейных отношений. Таким образом, этот сюжет подходит и для раздела о семье и для раздела о рекрутской повинности. То же самое можно сказать о многочисленных историях про паспортный контроль в жизни мещан. Если разгневанный муж пишет письмо в управу с просьбой не выдавать паспорт жене из-за её безнравственного поведения, то данное свидетельство можно использовать как в рассказе о социальном статусе женщин, связанном с необходимостью получения разрешения на выдачу паспорта от мужей и о частной жизни мещанских семей.

Ещё один сходный момент в рассуждениях А.Б.Каменского об источниках и методах их интерпретации при исследовании повседневности связан с отношением к тексту документа как к художественному, желание оставить его без комментариев, чтобы «академическим комментарием не убить аромат эпохи»⁵⁹.

Из вышеперечисленной номенклатуры дел фонда мещанской управы нельзя выделить какую-то особую группу дел, в которых в большей степени сосредоточены бы были антропологические подробности мещанской повседневной жизни. Человек пробивается сквозь документ в самых неожиданных местах: в учётных тетрадах по сбору податей и в приговорах мещанского общества, в посемейных списках и в прошениях мещан о выдаче паспорта и т.д. На этом фоне самым невостребованным в границах данного исследования

типом документов оказались алфавитные списки. Но определённый колорит эпохи заключён в самой предметности данных документов. Заводился специальный блокнот в виде адресной алфавитной книжки, которые до недавнего времени использовались в нашем быту как записные телефонные книжки. И на каждую букву записывались фамилии мещан, входивших в состав мещанского общества. Если бы исследование было связано не с повседневностью, а с какими-нибудь социально-экономическими характеристиками сословия, в которых одну из основных ролей играет статистика, тогда бы такие документы переместились на первое место в иерархии важности для исследования.

В фондах мещанских управ и мещанских старост сосредоточено значительное количество письменных обращений населения к представителям власти, в основном, к мещанским старостам (председателям мещанских управ) и к городским головам, то есть к тем «близким» и «своим» представителям власти, через которых осуществлялись многочисленные городские интеракции. Как правило, это прошения, жалобы, заявления, ходатайства и прочие виды обращений во власть, которые мещане, зачастую, именовали в произвольной форме. Подобные документы представляют важное значение для исследования повседневной жизни сословия, так как представляют собой и практику обращения к власти как модель политической активности, и «дискурсивный аспект репрезентации, т.е. текстовое конструирование отношений, аргументов, легитимности, условий и – *ultima ratio* (последний довод) – угроз»⁶⁰. Этот ракурс анализа источников позаимствован из исторической антропологии и дискурс-анализа.

Фонд мещанской управы Саратова интересен институциональными подробностями функционирования организма мещанского сословного общества⁶¹. Сам Саратов в рассматриваемый период, несмотря на экономический и социокультурный рывок Самары, продолжал быть более развитым городом из тех, которые рассматриваются в исследовании. Фонд мещанской управы Саратова позволил обнаружить феномен купеческо-мещанского благотворительного союза, называвшегося «Управление общественных имений купцов и мещан г.Саратова», сложившегося именно «снизу», в XVIII в. и вызвавшему особую активность сословия в период 1917 г., так как мещанам Саратова, в случае отмены сословий, было что терять: огромный совместный с купцами капитал, выражавшийся в движимой и недвижимой

собственности. Так как в границах данного исследования финансовая сторона деятельности Управления не представляла специального интереса, специальный фонд Управления представлен единичными делами, в которых содержится информация о его создании и принципах функционирования⁶². Все документы, которые были связаны с делами управления общественными именными – озвучивались на мещанских собраниях и поэтому оказывались продублированными в фонде мещанской управы. Благодаря деятельности мещан Саратова по защите своих капиталов, обнаружился сюжет, связанный с попыткой мещан России объединиться в предреволюционный и революционный периоды и выработать совместную программу выхода из кризиса и жизни в условиях отмены сословий в стране. В этой связи фонд Мещанской управы Саратова интересен в большей степени не документами, характеризующими антропологию повседневного быта, а свидетельствами, касающимися феноменологических параметров сословной парадигмы в России.

Что касается фонда мещанского старосты Симбирска, то при сходной номенклатуре дел, фонд поражает своим «молчанием» в отношении личного высказывания⁶³. Создаётся впечатление, к сожалению оставленное в форме *work in progress* (в стадии разработки), что мещанство Симбирска было задавлено дворянским истеблишментом, традиционно сильным в этом центре помещичьего землевладения на Волге.

Материалы фонда московской мещанской управы и серпуховского мещанского старосты позволяют произвести сравнительно-сопоставительный анализ мещанской повседневности в центре и на местах. На фоне общих структурных моментов, связанных с типичной номенклатурой дел, совершенно чётко проявляется такая особенность мещанского делопроизводства, как наличие особого менталитета того или иного регионального мещанского общества. Однозначно в мещанском делопроизводстве Москвы отсутствует та лёгкость «разговора» с властью, готовность поведать самые потаённые детали личной биографии, личного горя или радости, как в самарском делопроизводстве. Мещанское делопроизводство Москвы более подходит своей т.н. институциональностью на Саратов, кроме того, в нём присутствует «гигантизм» крупной организации мещан фактически второй столицы империи⁶⁴. Используемое в данном исследовании описание процедуры выборов в мещанской управе Москвы показыва-

ет более крупный размах процессов сословной жизни. Серпухов, взятый в качестве примера одной из центральных уездных мещанских организаций, также менее патриархален, чем Самара, но в принципе, если брать во внимание мещанские повседневные заботы и нужды, во всех регионах они были идентичны, что и показывает мещанское делопроизводство.

Благодаря фонду Самарской городской думы получилось сформулировать гипотезу о «золотом веке мещанства»⁶⁵. В единицах хранения шестой описи данного фонда содержатся материалы, позволяющие раскрыть тесное взаимодействие мещан и купцов третьей гильдии в границах, так называемой шестигласной думы, которая предшествовала претворению в жизнь результатов Городового Положения 1870, после чего мещанство уходит со сцены городских интеракций, вытесненное новыми «хозяевами» города, которых можно определить как грюндерско – интеллигентские. А.К.Семёнов в своём диссертационном исследовании о самоуправлении русских провинциальных городов подчёркивает не связь, а разрыв мещанства с купечеством: «городские общества империи были искусственно разделены на привилегированную часть – купцов...и всех остальных, вынужденных подчиняться им при исполнении имперских повинностей»⁶⁶, саму шестигласную думу оценивает как «функционально пустое место» в «системе губернской иерархии присутствий» «по причине полной либо частичной недееспособности этого института власти»⁶⁷. И приходит к выводу о том, что «непоследовательная и противоречивая политика российского самодержавия в отношении городов и городского населения империи в первой половине XIX в. объективно тормозила процессы формирования городских социальных связей и дальнейшего развития буржуазной городской культуры»⁶⁸. Документы шестой описи 170 фонда городской думы ЦГАСО опровергают данные выводы, свидетельствуя об активном мещанско-купеческом социальном взаимодействии в границах шестигласной думы. С другой стороны, материалы этого же фонда, в котором без внутреннего «водораздела» собрано и делопроизводство новой думы, учреждённой после Городового положения 1870 г., заставляют солидаризироваться с выводом А.К.Семёнова о том, что «носители старых гильдейских традиций купцы – гласные дум,..., в думских собраниях охотно вступали в коалиции с дворянами и разночинцами, рассматривая их как естественных союзников в блокировании вождедений маргиналь-

ных купцов и торгующих мещан»⁶⁹. Особое место в фонде городской думы Самары занимают дела, содержащие две части Обывательской книги Самары. Обывательские книги отражают значительный пласт повседневной жизни мещан в городе, так как содержат информацию о составе семьи, о происхождении недвижимой собственности, о занятиях и об участии в общественных службах мещан⁷⁰.

Фонд Симбирской городской думы содержит дела, в которых впервые мещане вылезают из своих «скорлупок» и начинают говорить. Даже не говорить, а кричать, если учитывать эмоциональный накал данных дел. Когда после страшного пожара в Симбирске, в результате которого выгорел практически весь город, после газетного объявления пошёл слух, что дума будет выплачивать компенсацию за причинённый ущерб, мещане стали отправлять в думу прошения о компенсации с полным описанием не только сгоревшего имущества, но и своего горя, своего поведения во время пожара, своих тяжёлых жизненных обстоятельств. В конце прошений они добавляли: «по совести ... руб.», что должно было означать их честность в описании ущерба⁷¹. Особое место в менталитете мещан Симбирской губернии занимают мещанские общества трёх завожских слобод, Корольчихи, Канавы и Часовни. В приговорах этих обществ обращает на себя внимание корявый почерк, лишённый какой-либо грамматики, масса нюансов, связанных с архаикой и патриархальными нравами. Прямое высказывание – протестное обращение к власти этих мещан находим в опубликованном источнике, что подтверждает версию о более независимом нраве жителей этой практически сельской местности, относящихся к городскому обществу.

Что касается уездного города, к примеру Сызрани, то в фонде городской думы сохранились источники, связанные с исторической антропологией, историей ментальности, повседневностью, хронологически относящихся к периоду революции 1917 г. и после. Деятельность городской думы после 1870 г. – более всего отражена в плане её хозяйственной деятельности, а о повседневной истории горожан лучше повествуют дела городского магистрата, замечательно сохранившиеся в Сызранском филиале ЦГАСО, но, к сожалению, хронологически в этих матерналах сведения заканчиваются началом XX в.⁷²

Проблема выборов мещан в местное самоуправление и их деятельность в границах города на общественных должностях заставляет обратиться к делам городских магистратов⁷³. Городовой магистрат

Симбирска является весьма информативным для воссоздания повседневных конфликтов мещан, однако, в границах данного исследования носит вспомогательное значение⁷⁴.

И в фондах мещанских управ и в фондах городских дум, и в фондах магистратов – наиболее ценными источниками оказались те, которые связаны с разного рода конфликтами, происходившими во внутри сословной среде и в окружающем её городском пространстве. Как справедливо замечал А.Б.Каменский, «именно конфликтные отношения, т.е. столкновение интересов, оказываются...наиболее информативными»⁷⁵.

Так как по Положению 1870 г. мещанская управа находилась под контролем правительственных властей в лице губернатора, Казённой палаты, в определённой степени городской управы, теснейшим образом связана с думой, а иногда и Министерством внутренних дел, то были привлечены фонды городской управы, канцелярии губернатора⁷⁶.

Материалы, отложившиеся в фонде канцелярии губернатора, подчинены сословному принципу в том смысле, что названия дел в описях фиксируют сословную принадлежность фигуранта. С точки зрения выразительности жизненных историй – это самые интересные дела, как, например, дело мещанина – предателя секты хлыстов Вакха Пименова Копанкина⁷⁷. В исследовании подобные дела выступают как казус. Следуя логике альманаха «Казус», стремясь соблюсти грань между историческим анекдотом, рассказанным случаем, данное исследование интегрировало подобные рассказы-казусы в контексте принятых в обществе сценариев поведения и практик индивидуального выбора⁷⁸.

Религиозное поведение мещан, помимо фондов мещанских управ, помогают восстановить фонды духовных консисторий⁷⁹. Тексты поведения мещан в революции находят своё отражение, помимо фонда канцелярии губернатора, в фондах жандармских управлений⁸⁰. Политические дела и отчёты губернаторов о политических настроениях населения в губерниях отправлялись в Департамент полиции Министерства внутренних дел. Казалось бы, в таких учреждениях, которые сориентированы на общероссийский контекст, не может встретиться казус, связанный с тем или иным провинциальным частным событием. Тем не менее, для характеристики общего состояния нравов в губернских городах, нами были обнаружены и введены в научный

оборот дела, повествующие о погроме публичных домов в Сызрани, обнаруженном в вагонах Красного креста «кладе» в Самарском депо и т.д.⁸¹.

Уникальная информация, касающаяся проведения всероссийских мещанских съездов сохранилась в фонде московской мещанской управы Центрального исторического архива Москвы⁸² и в фонде канцелярии Временного правительства Государственного архива Российской Федерации⁸³.

Таким образом, основной источниковый фундамент исследования составляют неопубликованные источники. В этой связи хотелось бы принципиально возразить мнению, высказанному А.С.Лавровым о том, что «микроисследования одного или двух дел могут быть оправданы только в двух случаях – если эти дела единственны в своём роде или если типичность (или, наоборот, не типичность) этих дел установлена. В противоположном случае дело просто невозможно прокомментировать, а все оценки носят вкусовой характер»⁸⁴. Защитить эти не вписывающиеся в «знак» или «казус» дела возможно при использовании методов лингвокультурного анализа, нацеленных на реконструкцию языковой картины мира или языковой личности, через призму которых возможно восстановить некоторые утраченные грани сословной идентичности мещан.

Группу опубликованных источников составляют сборники документов и материалов, стенографические отчёты, памятники законодательства, материалы периодической печати, эпистолярно-мемуарные документы и публицистика и художественная литература.

Памятники законодательства подтверждают правовой статус сословия. Законы о состояниях издания 1842, 1857, 1876, 1899 гг. свидетельствуют о том, что в понимании статуса основных городских сословий практически не произошло никаких изменений по сравнению с изданием 1832 г.⁸⁵ Чтобы легче было ориентироваться в законодательстве о мещанах, в XIX – начале XX вв. выходили различные правительственные и судебные разъяснения законов о мещанских управлениях, которые помогают и современному исследователю сориентироваться в мещанском законодательстве⁸⁶. И подтверждают тезис о стремлении местных мещанских управленцев действовать, «не отступая от оных ни под каким предлогом»⁸⁷.

Особую группу опубликованных источников составляют Адрес-календари, Памятные книжки и другие справочные издания,

характеризующие количественный, сословный, национальный, профессиональный и т.д. состав населения⁸⁸. Так как и исследование по повседневности не может обходиться без статистики, данная группа источников играет важную роль при сравнительно-сопоставительном анализе мещанства по губерниям. Кроме того, в Адрес-Календарях и Памятных книжках публиковались сведения о сословном составе служащих дум, управ, магистратов, сиротских судов и т.д., то есть благодаря данной группе источников можно узнать, какое количество мещан выполняло общественные службы в городе и насколько их число коррелировалось с аналогичными показателями по купеческому сословию. Кроме того, с конца XIX в. в данных изданиях начинает активно публиковаться реклама, что помогает восстановить социокультурный фон городской жизни, в границах которого протекала мещанская жизнь. Во Всеподданейших Отчётах губернаторов публиковались сведения о состоянии здравоохранения во вверенных им губерниях, об эпидемиях, о преступности, показатели которой указывались по сословиям. Сведения о заболеваниях, которым было подвержено мещанское население городов, сосредоточены в различных отчётах санитарных врачей, больниц, земств и т.д.⁸⁹ Кроме того, данные по составу населения городов содержатся в материалах Первой Всеобщей переписи населения по каждой губернии⁹⁰.

Позицию мещан в тех или иных вопросах жизни города, а также их сословные требования можно проследить по журналам городских дум⁹¹.

Публицистические очерки о жизни тех или иных городов помогают проанализировать общий фон городской жизни, инфраструктуры и особенности менталитета горожан. Применительно к Самаре – это исследования П.В.Алабина, о Симбирске писал очерки П.Мартынов, о Саратове – И.Горизонтов и др.⁹² Особое место занимают очерки главного санитарного врача Саратова И.Матвеева, благодаря которым удаётся не только представить картину мещанского быта, но и узнать подробности возникновения Управления общественными именными купцов и мещан г. Саратова⁹³.

Учитывая тот факт, что положение мещан мало волновало русскую интеллигенцию, непосредственно посвящённых сословию публицистических работ – единицы. Среди них особое место занимают труды Н.П.Дружинина⁹⁴.

Что касается периодической печати, информация, заключённая в ней, касающаяся сословия, носит специфический характер. Газеты публиковали сообщения о собраниях мещан. В газетах можно было обнаружить сообщения о беспаспортных бродягах, принадлежащих к мещанскому сословию. Кроме того, газеты публиковали происшествия, в которых могли оказаться задействованы представители сословия. Но в местной прессе все эти сведения достаточно лапидарны. Материалы периодической печати привлекаются также, чтобы создать так называемые социокультурные «декорации», на фоне которых протекала провинциальная жизнь. С помощью использования периодической печати можно показать соотношение в повседневной жизни масштабных политических событий и ежедневных забот горожан, отражённых в многочисленной рекламе. Кроме того, показательно, что «Московские ведомости» и «Московские губернские ведомости», публикуя на своих страницах в 1917 г. сообщения о съездах собаководов, заседаниях советов и т.д. – полностью игнорируют проводившиеся в июне и августе в Москве Всероссийские мещанские съезды⁹⁵. Но в целом, в границах данного исследования данная группа источников носит второстепенное значение⁹⁶. Губернские епархиальные ведомости помогают раскрыть вопросы, связанные с мещанской религиозностью⁹⁷.

Эпистолярно-мемуарные источники не содержат в себе адресной информации в отношении мещанского сословия, но посвящены тем или иным сюжетам городской жизни, связанным с мещанской повседневностью⁹⁸.

Произведения реализма XIX в. и литературная критика, казалось бы, уже схватили мещанскую социальную реальность и переработали её в блестящий художественный продукт, снабдив учением о «типе», то есть расставив этические акценты для всех социальных персонажей русской действительности: купцов, дворян, крестьян, духовенства и мещан. Одно из самых знаковых для образа мещанства в русской литературе произведений, повесть Н.Г.Помяловского «Мещанское счастье», начинается с рефлексии главного героя, Егора Ивановича Молотова, которую можно было бы определить как социальная зависть: «А где же те липы, под которыми прошло моё детство? – нет тех лип, да и не было никогда»⁹⁹. Образ «лип» сразу же нас отсылает не к пограничному с мещанством социальному слою купцов, а к дворянству. Тем самым, мы с уверенностью можем констатировать, что

в произведении Н.Г.Помяловского речь идёт не о тех мещанах, которые составляли сердцевину русского провинциального города, а о тех, которые, порвав со своей социальной средой, пополняли категорию русской разночинной интеллигенции и о которых пишет Э.Виртшафтер в своей монографии «Социальные структуры: разночинцы в Российской империи»¹⁰⁰. Безусловно, к реально существовавшему в России социальному слою, мещанству, ближе всего образ, созданный М.Горьким в пьесе «Мещане». И в тоже время Горький выступал как судья над мещанством, отсюда и все искажения, которые возникают при любой художественной интерпретации. В результате нравственных «уроков» Горького и вообще всей русской литературы, мещанином стали называть, «независимо от социальной принадлежности, человека с узкими, частнособственническими интересами, с ограниченным духовным кругозором»¹⁰¹. С мещанством мы встречаемся и в образе отца Лопухова, одного из героев романа Чернышевского «Что делать?», который был «рязанский мещанин, жил, по мещанскому званию, достаточно, то есть его семейство имело щи с мясом не по одним воскресеньям и даже пило чай каждый день. Содержать сына в гимназии он кое-как мог»¹⁰², и в «Пошехонской старине» Салтыкова-Щедрина, когда «жена крепостного иконописца происхождением из мещан решила закрепоститься, выйдя за него замуж»¹⁰³, и в образе мещанина-ремесленника Кулигина в драме Островского «Гроза»: «В мещанстве, сударь, вы ничего, кроме грубости да бедности нагольной, не увидите. И никогда нам, сударь, не выбраться из этой норы! Потому что честным трудом никогда не заработать нам больше настоящего хлеба»¹⁰⁴. Талантливый механик-самоучка мечтает служить людям, но для этого не имеет ни прав, ни возможностей: «Работу надо дать мещанству-то. А то руки есть, а работать нечего»¹⁰⁵. «Братцы мои в мещане отписались и в городе мастерством занимаются, а я мужик», — говорит старик Холодов в рассказе Чехова «Степь»¹⁰⁶, а в «Обломове» Гончарова «городничий бьет мещан по зубам»¹⁰⁷. Таким образом, эпоха реализма в русской литературе оставила такой глубокий и до сих пор ощутимый след в сознании и психологии всех тех, кто знаком с её ключевыми образами, что исследователю очень сложно пробиваться сквозь этот своеобразный «текст культуры» и доносить до аудитории мещанскую социальность.

Специфика источниковой базы данного исследования определила весь смысл и концепцию исследования: воссоздание новых граней со-

словной мещанской идентичности через призму их языковой картины мира. Так как в самом исследовании постоянно пересекаются два уровня анализа: макро и микроуровни, так и при анализе источников мы используем два основных лингвокультурных понятия: языковая картина мира и языковая личность. Концепцию языковой личности в отечественное языкознание ввёл академик В.В.Виноградов. Далее этой проблемой занимался Ю.Н.Караулов¹⁰⁸. Можно выделить три уровня структуры языковой личности: вербально-семантический, лингвокогнитивный и мотивационный. Вербально-семантический уровень подразумевает лексикон личности, понимаемый в широком смысле слова, включающий в себя фонд грамматических знаний личности. В этом отношении нас интересовали те грани мещанских текстов, которые связаны с уровнем грамматических знаний представителей сословия, особенно в так называемый «допечатный период» сословного делопроизводства, который мы ограничили второй половиной XIX в., так как в начале XX в. делопроизводство теряет свой характер интимного эпистолярного пространства между личностью и властью, оформленный в виде «диалога с властью». Обращает на себя внимание практически полное отсутствие знаков препинания в источниках. Если они периодически будут встречаться в тексте исследования при цитировании, то есть подозрение, что они порой нечаянно бессознательно введены рукой автора. Заглавными буквами выделялись не только имена собственные, но и все значимые для мещан личности, события, действия. То есть заглавная буква служила для авторов неким вторичным смыслом, накладываемым на аутентичный, для акцентирования переживаний, испытываемых создателем текста.

Лингвокогнитивный уровень представляет собой «образ мира» или систему знаний о мире, которой обладает личность. В этом отношении наиболее ярким примером является употребление одним рядовым мещанином города эпохи первой русской революции слова «микадо», из чего становится понятным, что информационные источники, газеты и журналы, доходили до обывателя в таком количестве, что они ввели в свою обиходную речь титул японского императора.

Мотивационный уровень деятельностно-коммуникативных потребностей отражает прагматикон личности: систему её целей, мотивов, установок и интенций. Этот уровень в наибольшей степени позволяет выявить из источника личность социальную.

При микроанализе исторического явления особую роль начинает играть семантика, пропущенная через призму текстов. Кроме того, в рамках нашего исследования постоянно делается акцент на экспрессивную лексику и другие языковые средства, связанные с эмоционально-оценочными компонентами различных стилей.

Одним из свойств дискурса «является его способность порождать определённые картины мира в сознании коммуникаторов – модели мира, предопределяющие систему ценностных ориентаций субъекта, оказывающих регулирующее воздействие на его поведение»¹⁰⁹. Семиотика социального локуса находит отражение в языковой картине мира. Человек, герой, актер, носитель языковой картины мира, языковая личность, создавая текст, отражающий его собственную точку зрения на происходящее вокруг него, тем самым транслирует гносеологическую модель реальности, сформированную в результате индивидуально – институционального познания мира. Специфика социального локуса мещанства провинциальных городов Среднего Поволжья заключалась в сочетании двух основных типов жителей: «старожилов» и мигрантов. Постоянный приток в город мещан из других губерний империи, а также представителей разных социальных групп и национальностей, пополнявших перманентно это сословие, приводил в определённой степени к маргинализации данного социального локуса, размыванию традиционных, аутентичных образов и формированию особой фронтальной ментальности «перекачанное поле». Поэтому и речевая картина мира, в частности, самарского мещанства, исключительно полифонична, что вызвано смешанным, разноречивым составом населения, оторванностью от так называемого территориального «ядра» российской государственности, культурным взаимодействием мигрантов с аборигенами, а также урбанизацией, способствовавшей тесному взаимодействию деревенского и городского типов мышления и картин мира. В этом отношении историку не под силу проводить когнитивно-дискурсивный анализ речевой картины мира. Но историк может попытаться реконструировать некие общесословные фреймы, связанные с такими концептами как «власть», «война», «паспорт», «вера», «семья», «дисциплина», «любовь». И на основании их анализа подняться до моделирования государственного дискурса «снизу», в пространстве сословной повседневности.

«Языковая картина мира в когнитивных исследованиях трактуется как воплощение особого ментально-языкового членения действительности, объективированного, прежде всего, в грамматической и лексической системах языка»¹¹⁰. Реконструкция фрагментов картины мира мещанина осуществляется на языковом материале сословного делопроизводства, связанного с местным городским самоуправлением. Речевое поведение, проявляющееся в системе речевого общения, является частью сословного поведения и варьируется в зависимости от социокоммуникативного контекста и типов коммуникантов.

При использовании в историческом исследовании методов лингвистики, особо следует остановиться на возможностях заимствования дискурс-анализа, как выходящего за границы формальной лингвистики и включающего в сферу своего внимания «экстралингвистические факторы, влияющие на речевую деятельность»¹¹¹. «При дискурс-анализе в центре внимания оказывается язык как средство общения, как способ вербализации намерений, в фокусе внимания – текстовая структура и условия её порождения/ существования»¹¹². Мещанский сословный дискурс в типологии дискурсов, предложенной В.И.Карасиком, может быть отнесён к дихотомии: институциональный/персональный¹¹³. Институциональность мещанского дискурса понимается как «речевое взаимодействие представителей социальных групп или институтов друг с другом, с людьми, реализующими свои статусно-ролевые возможности в рамках сложившихся общественных институтов»¹¹⁴. В исследовании мещанство города выступает связанным и между собой в границах мещанского общества, и с институтами власти, такими как городская дума и мещанская управа. Но стиль каждого мещанского обращения во власть настолько самобытен и индивидуален, что можно говорить и об «личностно-ориентированном дискурсе бытийного типа»¹¹⁵.

При анализе мещанского сословного дискурса, выявляются социокультурные условия его бытования, даются коммуникативные характеристики, анализируется личность адресанта или говорящего.

Что же касается языковой картины мира мещан провинциального города, не поднимаясь до глобальных обобщений в силу специфики источникового материала, очерченного лишь делопроизводственной документацией, можно констатировать, что в данном исследовании представлены лишь фрагменты языковой картины мира, связанные с переживанием индивидом в повседневной жизни различных уровней

столкновения с властью. Поэтому необходимо дополнять фрагменты языковой картины мира дискурсивной картиной мира, понимаемой как «систему смыслов, формируемую в координируемых коммуникативных действиях адресантов и адресатов в соответствии с системой их ценностей и интересов, и включённых в социальные практики»¹¹⁶. Следует солидаризироваться с мнением Ю.А.Эмер о том, что «значимым являются не только когнитивные акты – категоризация и моделирование знаний о мире, общие когнитивные модели, объединяющие коммуникантов, но и умение оперировать когнитивными моделями, трансформировать их в зависимости от социокоммуникативных условий»¹¹⁷.

В связи с проблемой сословной идентичности мещанства, встаёт вопрос о восприятии людьми этого сословия и их государственным окружением самого названия группы, «мещане». В этой связи казалось бы необходимо было обратиться к такому направлению гуманитаристики, как «история понятий». Но история понятия «мещанство» в законодательном дискурсе, который является репрезентацией рассуждений власти о сословной парадигме в империи, затрагивается в большинстве энциклопедических статей и исследований о мещанском сословии. Нормативные источники, к которым следует отнести законодательные памятники, делопроизводственную документацию, словари и энциклопедии – представляют долговечную информацию. И, тем не менее, можно наблюдать, как происходит постепенное «нагружение» понятия новыми слоями значений, легитимными и институциональными¹¹⁸. В перспективе диахронное сравнение статей в своде законов Российской империи¹¹⁹ и добавлений к ним, а также сравнение словарей, как дореволюционных, так и постреволюционных, обнаружение повторяемости семантики и инновации могут стать интересной исследовательской нишей, однако, в границах данной работы, не производится анализ темпоральной нагруженности понятия «мещанство», внимание сосредотачивается на анализе базовых интересов самих акторов мещанского сословия, в чью картину мира не входила рефлексия в отношении внешнего названия их социальной среды. С другой стороны, так как «язык генерирует и конструирует социальный мир», «значения, которые мы придаём словам, не заложены в них изначально, а являются результатом социальных договорённостей»¹²⁰, эти значения могут со временем изменяться в процессе использования языка, люди подвергают структуру «испы-

танию, добавляя альтернативные идеи о том, как фиксировать значения знаков»¹²¹ и вместе с этими языковыми изменениями меняется и социальная реальность. Архивные документы свидетельствуют, что употребление термина «мещане» в языковой делопроизводственной практики России сохранялось вплоть до декрета СНК и ВЦИК от 11 (24) ноября 1917 г., отменившего сословия, и даже дольше, в период становления нового советского государства. Слово определяло социальную реальность, которая существует дольше, чем создавший её дискурс.

Ещё один момент касается таких, казалось бы казуистических подробностей источника, как написание мещанских отчеств. До 1917 г. юридически определённое в Российской империи мещанское сословие, обладало и своей групповой идентичностью, сконструированной как властью, так и воспитанной культурой окружающей среды. Применительно к мещанскому сословию, не оставившему аутентичной художественной рефлексии, связанной с самоидентификацией, поиск её проявлений вынужден опираться на бюрократические бумаги: «хотя у человека только одно реальное «Я», его может сопровождать по жизни бесконечная толпа документальных «Я», каждое из которых представляет какой-то аспект его личности, определённый соответствующим делопроизводителем»¹²². Применительно к мещанству «делопроизводственное Я» удаётся обнаружить лишь в многочисленных обращениях «во власть» представителей сословия по вопросам, касающимся паспорта, рекрутства, хозяйства, семейного быта, налогов, повинностей, веры, изменения статуса при пересечении сословных «границ». Э.К.Виртшафтер, анализируя самоопределение и идентичность разночинцев, считает, что «правовое самоопределение возникало тогда, когда люди старались изменить свою формальную идентичность или получить официальное признание непризнанного положения, когда административные ведомства конкурировали между собой в вопросах принадлежности налогоплательщиков, специалистов и исполнителей, и когда общины, землевладельцы и административные учреждения сталкивались с частными прошениями по поводу перемены положения»¹²³. Однако, в случае с мещанством, не представляется возможной и такая плоскость анализа, как изучение расхождения между «содержанием идеальных социальных типов и идентичностей, как они выражались властями, интеллектуалами и группами в обществе» и «конкретной жизнью

людей и реальными судьбами групп»¹²⁴. Если для разночинцев, представлявших собой более образованную и более тонко чувствующую своё место в социальной иерархии группу, рассматриваемый феномен возможно выстроить на предложенных Э.Виртшафтер основаниях, то применительно к провинциальному мещанству, в массе своей не выражавшего социальные требования и социально не уклонявшегося от управляемой формальной идентичности, приходится обращать внимание и на такие, казалось бы, незначительные детали, как отсутствие суффикса «вич» в делопроизводственной сословной записи мещанских отчеств вплоть до 1917 года (фонд мещанской управы). Социологи выделяют два типа идентификации: социальная идентификация и самоидентификация. Социальная идентификация позволяет рассматривать человека как члена определённой группы¹²⁵. Наличие или отсутствие «вич» в отчествах тех или иных социальных групп в дореволюционной России позволяло сравнивать индивидуумов согласно определённым критериям. «Самоидентификация осуществляется в рамках процесса развития личности, в ходе которого мы учимся воспринимать себя и окружающий нас мир»¹²⁶. Мещанство в России во второй половине XIX – начале XX вв. находилось на этапе перехода от традиционных общественных форм, когда «индивидуальность человека формировалась под воздействием широкой... социальной группы»¹²⁷, к современным, связанным с ослаблением влияния общепринятых правил и традиций, передающихся из поколения в поколение в результате урбанизации и постепенного отмирания сословных признаков. Таким образом возникает вопрос, было ли сформировано данной социальной группой определённое отношение к специфической патронимической записи в делопроизводстве. В архивах не удалось обнаружить явно выраженной реакции мещанства на данный аспект социальной реальности. Основываясь на весьма лапидарных высказываниях историков в отношении обнаружения взаимосвязи между личностью и общепринятыми формами сословной антропонимики, можно предположить, что мещанин, вырвавшийся из своей социальной среды через службу, образование или общественную деятельность и получавший «вич» в отчество, приобретал новую квазисущность вместе с этой казалось бы пустяковой в историческом аспекте деталью.

Лингвисты, занимающиеся отечественной ономастикой, отмечали, что «вопросы именования человека в России в национальный

период её развития переросли официально-канцелярские рамки и приобрели идейно-политический характер, о чём свидетельствует борьба русских революционных демократов и прогрессивной общественности против антропонимического неравенства, являвшегося продолжением и отражением неравенства социального»¹²⁸. Нельзя сказать, чтобы этой проблеме были посвящены специальные исследования, но стоит отметить рефреном присутствующую в различных учебных пособиях по ономастике мысль о том, что «в одно и тоже время у разных социальных групп внутри одного и того же народа могут существовать разные антропонимические системы...и даже в официальных документах конца XIX – начала XX в., в эпоху значительной нивелировки антропонимики «господа» именовались с «вичем», а «народ» – без него: офицер или чиновник – Пётр Васильевич, а мещанин или крестьянин – Пётр Васильев»¹²⁹.

Данную особенность русской ономастики отмечает и В.Д.Бондалетов, применительно к XIX в. заметив: «Иван Петров – это совсем не то, что Иван Петрович или только Петрович»¹³⁰. В повседневной жизни у всех сословий использовались отчества на –ВИЧ¹³¹. «Не случайно герой повести А.С.Пушкина «Капитанская дочка» молодой дворянин Гринёв зовёт старого преданного слугу не по имени, а по отчеству – Савельич»¹³². В целом, на протяжении всего XIX века «наблюдалось постоянное смешение и взаимодействие отчеств разных форм, с разными суффиксами»¹³³.

Что касается историков, то связь ономастики с социальным статусом затрагивается в исследованиях Л.В.Кошман¹³⁴ и Б.Н.Миронова¹³⁵.

Таким образом, вместе со складыванием в конце XVIII – XX вв. в России трёхчленной структуры именования и стабилизации словообразовательных средств отчеств (суффиксы –ов(-ев), -ин, -ич)¹³⁶, делопроизводственная сословная документация продолжала стойко и упрямо держаться за традицию, именуя мещан неполным отчеством, тем самым подчёркивая место сословия в социальной иерархии. Включаясь в разнообразие сетей человеческих взаимодействий, мещанин нарушал институализированное сословное поведение. И именно индивидуальный, неинституциональный смысл новых форм жизни мещанства на пути трансформации сословия в различные городские субкультуры приходил в противоречие с полуотчеством, пригвождавшим его к привычной социальной стратификации, исходящей от власти и закреплённой в законодательстве.

Таким образом, наличие значительного количества источников позволило создать необходимую документальную базу для раскрытия темы и формулировки основных выводов, связанных с эволюцией повседневной жизни мещан городов Саратовской, Самарской и Симбирской губерний во второй половине XIX – начале XX вв.

Концевые сноски

- 1 Ключевое концептуальное положение «внутренняя окраина» России введено П.С.Кабытовым, В.Н.Даниловым, Э.Л.Дубманом и др. в монографиях «Поволжье – «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI – начало XX вв.) Самара, 2007»; «Очерки истории Поволжья и Приуралья в имперский период. Саратов, 2010».
- 2 Толстой Л.Н. Анна Каренина. Роман в восьми частях // Собр. соч.: в 14 т. Т.8. М., 1952. С.5.
- 3 Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России XIX столетия : социальные и культурные аспекты. М., 2008. С. 179.
- 4 Там же. С. 182.
- 5 Свод Законов. 1832. Т.9. Ст.240.
- 6 Свод Законов. 1832. Т.9. Ст. 246
- 7 ПСЗ – I. Т.32. № 16188. Ст.62 – 68.
- 8 Сорокин П. Заметки социолога. Об обывателе и обывательщине // Воля народа. Сентябрь. 1917. № 111.
- 9 Государственное бюджетное учреждение Центральный государственный архив Самарской области. Ф.217, 170.
- 10 Левитов А. И. Жизнь московских закоулков: очерки и рассказы. М., 2013.
- 11 Людтке А. История повседневности в Германии. Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М., 2010.
- 12 Кошелева О.Е. Повседневность Петербурга петровского времени. Дисс. Доктора истор. наук. М., 2006; Кошелева О.Е. Люди Санкт-Петербургского острова петровского времени. М., 2004; Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей: ист. Анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М., 2007; Журавлёв С.В. «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электроставода в советском обществе 1920–1930–х гг. М., 2000; Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Культура повседневности провинциального города: Казань и казанцы (XIX – XX века). Казань, 2008.

- 13 Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения истории повседневности // Этнографическое обозрение, 2004. № 5, С. 3-19; Она же. «История повседневности» и «история частной жизни»: содержание и соотношение понятий // Социальная история. 2004. М., 2005. С. 93-113; Она же. История повседневности: предмет и методы // Социальная история. 2007. М., 2007. С. 9-21; Она же. К определению понятия «женская повседневность» // Повседневный мир советского человека: стратегии выживания и механизмы адаптации в условиях социальных трансформаций 1920-1940-х гг. / Отв. Ред. Е.Ф.Кринко. Ростов-на-Дону, 2009. С. 212-223; Она же. Гендерный аспект «истории повседневности»: содержание и перспективы изучения // Частное и общественное: гендерный аспект / Отв. ред. Н.Л.Пушкарева, Н.В.Новикова, М.Г.Муравьева. М., 2011. С. 538-539; Она же. История повседневностей // Теория и методология истории. М., 2014. С. 312-335.
- 14 Серто М. Изобретение повседневности.
- 15 Там же. С. 44.
- 16 Серто М. Изобретение повседневности. С.45-46.
- 17 Там же. С. 47.
- 18 Там же.
- 19 Там же. С. 50.
- 20 Там же. С. 125.
- 21 Там же. С. 140.
- 22 Отечественная история. История России с древнейших времён до 1917 года : энцикл. Т. 3. М., 2000. С. 570.
- 23 Словарь русского языка XI – XVII вв. М., 1982. С. 144.
- 24 Советская историческая энциклопедия. Т. 9. М., 1966. С. 415-416.
- 25 Региональный исторический словарь XVI-XVIII вв. (по памятникам письменности смоленского края). Смоленск, 2000.
- 26 Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года : энцикл. Т. 3. М., 2000. С. 570.
- 27 Там же. С. 571.
- 28 Отечественная история. С.571.
- 29 Книга : энцикл. / гл. ред. В.М. Жарков. М., 1999. С. 735.
- 30 Словарь академии Российской. Ч. IV : от М до Р. В СанктПетербурге, при императорской Академии Наук 1793 года. СПб., 1793. С. 418.
- 31 Словарь академии Российской. С. 418.
- 32 Словарь русского языка XVIII века. Выпуск 12. Лытец-Молвотворство. СПб., 2001. С. 172.
- 33 Там же.
- 34 Словарь русского языка XVIII века.
- 35 Там же.

- 36 Литературная энциклопедия : словарь литературных терминов. В 2 т. М.-Л., 1925 // Режим доступа : http://literary_terms.academic.ru/ (Дата обращения 12.11.2011).
- 37 Хренов В. А., Соколов К. Б. Художественная жизнь императорской России. Субкультуры. Картины мира. Ментальность. СПб., 2001. С. 19-20.
- 38 Богданов А. А. Текстология. Всеобщая организационная наука. М., 1989. Кн. 1. С. 138.
- 39 Бицилли П. Место Ренессанса в истории культуры. СПб., 1996. С. 167.
- 40 Шпет Г. История как предмет логики // Историко-философский ежегодник. М., 1988. С. 302-303.
- 41 Цит. по: Почепцов Г. История русской семиотики. М., 1998. С. 181.
- 42 Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка // Режим доступа: <http://slovardalya.ru/description/meshchanin/15766> (Дата обращения 12.11.2011).
- 43 Русский энциклопедический словарь, издаваемый профессором Санкт-Петербургского университета И. Н. Березиным. Отд. III. Т. III: М-Н. СПб., 1875. С. 507.
- 44 Там же.
- 45 Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Т. 39. СПб., 1992. С. 339.
- 46 Там же.
- 47 Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. Т. 29 : Минеральные воды – Наугейм. 11-е изд., стереотип. М., 1890. С. 494.
- 48 Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка // Режим доступа: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=29548> (Дата обращения 29.09.2011).
- 49 Большая советская энциклопедия // Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/108865> (Дата обращения 12.11.2011).
- 50 Советская историческая энциклопедия Т. 9 / гл. ред. Е. М. Жуков. М., 1966. С. 415-416.
- 51 Шперлинг В. Торговаться с властью: прошения и жалобы как форма политической коммуникации в пореформенной России. С. 153.
- 52 Государственное бюджетное учреждение Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф.217. Самарская мещанская управа ; Областное государственное Бюджетное учреждение Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф.143 Симбирский мещанский староста; Областное государственное учреждение Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф.94 Саратовская городская мещанская управа ; Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф.852 Серпуховский мещанский староста, Ф.5. Московская мещанская управа.

- 53 Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество. С. 470.
54 Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей. С. 45.
55 ЦГАСО. Ф.217; ГАСО. Ф.94; ГАУО. Ф.143.
56 ЦГАСО. Ф.217.
57 Каменский А. Б. Повседневность русских городских обывателей. С. 22.
58 Там же.
59 Там же. С. 23.
60 Шперлинг В. Торговаться с властью. С. 154.
61 ГАСО. Ф.94. Саратовская городская мещанская управа.
62 ГАСО. Ф.571. Управление общественных имений купцов и мещан.
63 ГАУО. Ф. 143. Мещанский староста г.Симбирска.
64 ЦИАМ. Ф.5. 852.
65 ЦГАСО. Ф.170. Оп.6.
66 Семёнов А. К. Самоуправление русских провинциальных городов в конце XVIII – начале XX вв. : дис. ... д-ра ист. наук. Воронеж, 2006. С. 120.
67 Там же. С. 180.
68 Там же. С. 530.
69 Там же. С. 532.
70 ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д.120, 121; Алеврас Н.Н. Обывательские книги Челябинска // Исторические чтения. Вып.3. Материалы научной конференции «История Челябинска: проблемы источниковедения и историографии» (1996) Челябинск, 1997. С.34–39.
71 ГАУО. Ф.144. Оп.1. Д.313; Д.68.
72 Сызранский филиал ЦГАСО. Ф.101 Сызранская городская дума; Ф. 61 Сызранский городской магистрат.
73 ГАУО. Ф.32; Сызранский филиал ЦГАСО. Ф.61.
74 ГАУО. Ф. 32. Оп.1,2.
75 Каменский А. Б. Повседневность русских городских обывателей. С. 36.
76 ЦГАСО. Ф.153. Самарская городская управа; Ф.3 Канцелярия Самарского губернатора.
77 ГАСО. Ф.3. Оп.233. Д.1558.
78 Бессмертный Ю.Л. Что за «Казус»? // Казус. 1996. Индивидуальное и уникальное в истории. М., 1997.
79 ЦГАСО. Ф. 32. Самарская духовная консистория.
80 ЦГАСО. Ф. 468. Самарское губернское жандармское управление; Ф. 471. Самарское отделение Самарского жандармского полицейского управления железных дорог.
81 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.102. Департамент полиции Министерства внутренних дел.
82 ЦГИАМ. Ф.4. Оп.2. Д.26.
83 ГАРФ. Ф.1779. Оп.1. Д.306.

84 Каменский А. Б. Повседневность русских городских обывателей. С. 47.
85 Свод законов Российской империи. Т. 9 ; Полное собрание законов Российской империи. II. Т.21, Т.38, Т.7, Т.13.

86 Собрание законов о купцах, мещанах, посадских и цеховых, или Городовое положение.. Книга десятая о купцах, мещанах, цеховых и посадских или Городовое положение со включением законов предшествующих и последующих с 1766 по 1832 год : составлено Редактором Комиссии составления законов и Ордена Св. Владимира 4 степени Кавалером П. Хавским. СПб., 1823 ; О мещанских и ремесленных управлениях : сб. узаконений / сост. Мыш М.И. 2 изд., испр. и доп. СПб., 1896 ; Систематический сборник законов о мещанских управлениях с позднейшими разъяснениями Правительствующего Сената, Министерств и других учреждений и Отдел о сиротских судах, Паспортный устав (внутренний паспорт) и различные формы / составил Я.М. Вилейшис. Херсон, 1914.

87 Собрание законов о купцах, мещанах, посадских и цеховых, или Городовое положение.С. 318.

88 Адрес-Календари Самарской губернии ; Адрес-Календари г.Саратова Весь Саратов ; Вольский календарь и справочная книга ; Календарь и Памятная книжка Симбирской губернии ; Календарь Симбирской губернии; Обзор Самарской губернии ; Обзор Симбирской губернии ; Памятная книжка и Адрес-Календарь Симбирской губернии ; Памятная книжка Самарской губернии ; Памятная книжка Саратовской губернии ; Памятная книжка Симбирской губернии ; Приложение ко Всеподданнейшему отчёту Самарского губернатора ; Приложение ко Всеподданнейшему отчёту Симбирского губернатора ; Саратовский календарь и т.д.

89 Ведомость о движении больных острозаразными болезнями по Симбирской губернии за время с 16 января по 1 февраля 1910 г. ; Вестник Симбирского земства. Апрель. Издание Симбирской Губернской Земской Управы. Год девятнадцатый. Симбирск, 1904 ; Годовой отчёт Симбирской Губернской Земской больницы за 1911 год. Симбирск, 1912.

90 Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. XXXIX: Симбирская губерния. СПб., 1904 ; Первая всеобщая перепись населения. Т. XXXIV: Самарская губерния. СПб., 1904 ; Первая всеобщая перепись населения. Т.XXXVIII: Саратовская губерния. СПб., 1904.

91 Журнал Симбирской городской думы; Журнал Самарской городской думы; Перечень постановлений Симбирской городской думы, рассмотренных за 1868,1869, 1876-1884, 1886-1905, 1907-1912, 1914-1917 гг. Ульяновск, 2004.

92 Горизонтов И. Письма к приятелю // Старый Саратов : свидетельство прошлого. Т.2. Саратов, 1995 ; Алабин П. В. Двадцатипятилетие Самары, как губернского города : ист.-стат. очерк. Самара, 1877 ; Мартынов П. Го-

род Симбирск за 250 лет его существования : сист. сб. ист. сведений о г. Симбирске Симбирск, 1898.

93 Матвеев И. Санитарные очерки. III. Перепечатано из № 39 «Саратовской Земской Недели» за 1896 г. Саратовская типография Губернского земства. Ночлежные дома, артельные квартиры и постоялые дворы г. Саратова.

94 Дружинин Н. П. Мещане, их положение и нужды. Самара, 1917 ; Дружинин Н.П. Мещане и земельный вопрос // Народное право. 1906. № 33.

95 Московские ведомости, 1917. № 99 – 187; Московские губернские ведомости. 1917. № 46–48.

96 Самарские губернские ведомости, Симбирские губернские ведомости, Симбирянин; Саратовский голос, Саратовские губернские ведомости, Саратовский вестник.

97 Симбирские епархиальные ведомости, Самарские епархиальные ведомости.

98 Беккер В. И. Воспоминания о Саратовской губернии статского советника В.Беккера. М., 1852 ; Блюменталь И. И. Социал-демократия и революционное движение 1905 г. в Самарском крае : материалы по истории РКП (б) и революционного движения. Самара, 1925 ; 1905 год в Самарском крае : материалы по истории РКП(б) и революционного движения. Самара, 1925; Засодимский П. Из самых видных городов...: Поволжье от Симбирска до Царицына // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т.8. Ч.1. СПб., 1901 // Старый Саратов и др.

99 Помяловский Н. Г. Мещанское счастье : очерки бурсы. М., 1981. С. 5.

100 Виртшафтер Э. Социальные структуры: разночинцы в Российской империи. М., 2002.

101 Федосюк Ю. Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. М., 2010.

102 Чернышевский Н. Г. Что делать? Л., 1975.

103 Салтыков-Щедрин М. Е. Пошехонская старина. М., 1980.

104 Островский А. Н. Полное собрание сочинений. Т. 2 : Пьесы. 1856–1861. М., 1950.

105 Там же.

106 Чехов А. П. Степь // Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. Т. 7. М., 1985.

107 Гончаров И. А. Обломов // Собр. соч. : в 8 т. Т. 4. М., 1953.

108 Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

109 Картины русского мира : современный медиадискурс. Томск, 2011. С. 5.

110 Эмер Ю. А. Современный песенный фольклор : когниции и дискурсы. Томск, 2011. С. 18.

- 111 Там же. С. 22.
112 Там же. С. 23.
113 Карасик В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс. М., 2004.
114 Там же. С. 193.
115 Эмер Ю. А. Современный песенный фольклор : когниции и дискурсы. С. 26.
116 Резанова З. И. Дискурсивные картины мира // Картины русского мира: современный медиадискурс. Томск, 2011. С. 42.
117 Эмер Ю. А. Современный песенный фольклор : когниции и дискурсы. С. 52.
118 Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история метафор : сб. ст. М., 2010. С. 32.
119 До 1917 года, когда сословная структура общества была упразднена.
120 Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий. С. 31.
121 Там же. С. 34.
122 Фицпатрик Ш. Срывайте маски! : идентичность и самозванство в России XX века. С. 24.
123 Виртшафтер Э. К. Социальные структуры : различия в Российской империи. М., 2002. С. 170.
124 Там же. С. 171.
125 Гидденс Э. Социология. М., 2005. С. 39.
126 Там же. С. 40.
127 Там же.
128 Бондалетов В. Д. Русская ономастика. М., 1983. С. 126.
129 Леонтьева Г.А., Шорин П. А., Кобрин В. Б. Ключи к тайнам Клио : Палеография. Метрология. Хронология. Геральдика. Нумизматика. Ономастика. Генеалогия. М., 1994. С. 245.
130 Бондалетов В.Д. Русская ономастика. С. 125.
131 Горбаневский М. Иван да Марья: рассказы о русских именах, отчествах, фамилиях, прозвищах, псевдонимах: кн. для чтения с коммент. и рус. – нем. словарём. М., 1988. С. 52.
132 Пушкин А. С. Капитанская дочка // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 10 т. Т. 6 : 1977-1979. Л., 1978.
133 Горбаневский М. Иван да Марья... С. 54.
134 Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России XIX столетия : социал. и культ. аспекты. М., 2008. С. 282-283.
135 Суперанская А. В. Имя – через века и страны. М., 1990. С. 523.
136 Бондалетов В. Д. Русская ономастика. С. 124-125.

ГЛАВА 1.

МЕЩАНЕ РУССКИХ ГОРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В 1850–60-е гг.

ГОРОДА СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ КАК ФОРПОСТЫ ИМПЕРСКОЙ ПОЛИТИКИ

Местом действия, в котором мещанство включилось уже основательно к 50–60-м гг. XIX в. в «городское гражданство» (систему городского самоуправления), были выбраны три губернских города, расположенные друг за другом на берегах Волги: Симбирск, Самара и Саратов, и прилегающие к ним уездные города и посады. Эти города выступают «местом действия, сценой, на которой происходит драма жизни»¹ их основных обитателей – мещан. Нас будет интересовать их повседневная жизнь, связанная с болезнями и общественной работой по городскому самоуправлению, хулиганством и работой в мещанской управе, торговлей и участием в мещанских собраниях. Таким образом, в книге изучаются не города, а жизнь мещан в городах. Но город, взятый даже в качестве «декораций» повседневной жизни, представляет собой цивилизационный «вызов» для своих обитателей. Поэтому применительно к такому обширному аграрному региону, как Среднее Поволжье, важно определиться с тем, какие тексты поведения задавал мещанам город как социокультурный объект в два противоположных периода: до введения Городового положения 1870 г. и после.

Характеризуя политическую культуру мещанства «снизу», следует учитывать специфику не только региона в целом, Среднего Поволжья, но и географические образы каждого губернского города в отдельности: Саратова, Самары и Симбирска, и прилегающих к ним уездных городов и посадов. В 1897 г. больше всего городского населения в рассматриваемых губерниях проживало в Саратовской губернии, но по сравнению с не городским населением – это был незначительный процент. Города рассматриваемого региона «утопали» в сельском окружении (см. табл. 1).

Таблица 1

Процент городского населения в составе общего
числа жителей в 1897 г.

В России	В Саратовской губернии	В Самарской губернии	В Симбирской губернии
9,1	13,2	5,8	7,1

Составлено по данным: Россия: полное географическое описание нашего Отечества. Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. СПб., 1901. С. 145.

Но в книге речь пойдёт о повседневной культуре ещё более узкого слоя горожан, мещанства, находящегося в окружении абсолютного крестьянского большинства и проводящего свою жизнь в особом организме русского города, сохранившего приоритет административно-политической функции, крепко связанного с сельской округой, горожане которого сохраняли сельско-хозяйственные занятия и в основном занимались ремесленным кустарным промыслом². Но одновременно эти горожане живо ощущали свой разрыв с деревней и настаивали на городской картине мира. Важно же, кем ты хочешь быть! Становиться, к примеру, городской модницей, или везти в город за собой «деревню»...

На территории трёх губерний, Самарской, Саратовской и Симбирской, урбанизация обладала своими специфическими чертами, выраженными в отсутствии ускоренного роста городов, наличии большого количества «малых» городских поселений и подавляющем сельском окружении³. Губернские города – Самара, Симбирск и Сызрань – были городами, сочетавшими в себе функции военных, административных и торгово-ремесленных центров⁴. Губернская реформа Екатерины II, придав многим городам региона статус уездных, в определённом смысле спасла их от деградации в эпоху, когда их оборонительное значение начинало падать. Это такие города, как Алатырь, Ардатов, Сызрань, Самара⁵. В уездные города были преобразованы некоторые крепости на укрепленных линиях на Волге: Бузулук, Курмыш, Камышин, Царицын, Кузнецк⁶. Уездными городами становились бывшие сёла: Буинск, Карсун, Сенгилей, Бугульма, Бугуруслан, Николаевск, Аткарск, Балашов,

Сердобск, Хвалынский⁷. Сама процедура преобразования села в город заключалась в строительстве в нём зданий присутственных мест⁸.

Города Саратовской губернии, как отмечалось в «Памятной книжке Саратовской губернии» на 1859 год, «более чем в какой-либо другой местности России, возникли не вследствие географических условий и не под влиянием совокупности местных промышленных и торговых обстоятельств и народных нужд, а сделались главными пунктами губернии вследствие административных мер, как станции, через которые должны переноситься в массу сельского населения правительственные и начальственные распоряжения»⁹. Они «не отличались материальным благосостоянием»¹⁰ и «находились в бедственном положении», особенно Аткарск, Сердобск, Петровка и Камышин¹¹. Но, несмотря на преобладающий деревянный тип городского жилья, горожане в 20–30-е гг. XIX в. стремились внешне соответствовать городской моде, «уже в 1840-х-1860-х гг...купец или мещанин в европейском платье постепенно перестаёт восприниматься как человек, утративший свою конфессиональную, национальную и сословную идентичность»¹².

К.Попов в «Записках о Саратове» писал, что изменились даже крестьяне, приезжавшие в город, «кроме мордвы и чуваш»: «из русского простого чапана, тулупа и лаптей вылезли и оделись, как мужской, так и женский пол, в городской мещанский наряд. Теперь увидите на них сюртук и брюки хорошего сукна, драпа, трико и разных летних материй, а женский пол скинул сарафаны и шубейки домашнего произведения, одевается в разные ситцевые, гарусные платья, бурнусы и пальто; всё это покупное, а домашнего произведения иметь признают невыгодным, да и не из чего приготовить: нет ни прядева, ни скота...»¹³. В 1854 г. в Саратове открылась первая фотография¹⁴, позволившая отныне запечатлеть этот меняющийся городской мир.

Саратов становится губернским в 1780 г.¹⁵, вскоре, в 1796 г., статус губернского получает Симбирск¹⁶, Самара же вошла в историю как губернский город только с 1851 г. Таким образом, Саратов – старейший в регионе административный центр. В 1859 г. в нём проживало 36482 чел.¹⁷. Известно, что в 1846 г. в составе горожан было 12135 мещан¹⁸, то есть приблизительно третья часть, а в 1857 г. во всей губернии было 100622 мещан (48613 мужчин и 52009 женщин), что составляло к общей численности населения губернии – 1:15¹⁹. Для сравнения, в столице, в Санкт-Петербурге, в 1856 г. проживало 65862 мещанина, 60% из них составляли женщины²⁰. Расположенный в котловине между тремя горами,

отступающими в этом месте от берега²¹, Саратов вызывал у путешественников мысли о человеческих страстях, кипевших в этих степях²². Степным колером отличалась и Самара. Со второй половины XIX в. начинается мирное процветание Саратова, особенно быстро оно пошло со времени освобождения крестьян и устройства на Волге пароходства²³. Главным предметом торговли являлся хлеб. Кроме того, город являлся крупным посредником в торговле нефтяными продуктами, лесом, рыбой, солью, шерстью, льняными и подсолнечными семенами и пр²⁴. Среди заводских производств первое место принадлежало мукомольному, второе – маслобойному и далее шли: механическое, воскобелильное, табачное, водочное, пивоваренное и др. производства²⁵. В отличие от Симбирска, «культура высшего сословия не имела в Саратове...давних традиций» и «отсутствие «давления» дворянской культуры способствовало тому, что ...началось формирование демократической культуры»²⁶.

Ту городскую культуру, которую создавало мещанское сословие, или «средний класс Саратова», интеллигенция уже в середине XIX в. воспринимала свысока: «публика эта весьма громко разговаривает «промежду себя», ещё громче смеётся, садится на занятые места на скамейках, щёлкает семечки и решительно игнорирует общепринятые правила приличия и вежливости»²⁷. Но мещане тоже в свою очередь уже ощущали разрыв с образованными горожанами: «очки почему-то в особенности вызывают антипатию этой толпы»²⁸. Для мещан Саратова занимательным зрелищем являлись выступления фокусников, акробатов, русских песенников на Барыкинском вокзале, «пляшут эти певцы лихо: бьют ногами дробь...», «выступают квартеты, куплетисты, выходят различные уродцы и феномены»²⁹. Трактирный хор в ресторане разбогатевшего сапожника М. М. Корнеева исполнял песню «Ещё в пятнадцать лет себе я цену знала...»³⁰. Вкусам мещанской публики отвечал и Дом общества купцов и мещан г. Саратова, находившийся на углу Полицейской и Московской улиц³¹: «довольно обширное и довольно старое здание, безвкусной архитектуры, принадлежащее обществу купцов и мещан, которому принадлежит масса домов в Саратове»³².

Местом повседневного обитания мещан являлись толкучие рынки: «Пешка», или Пеший базар, и «Толкун»³³. Интеллигентов, описывающих со стороны, в качестве наблюдателей, этот городской быт, особенно потрясала «саратовская баба-торговка»: «ни пьяный бурлак, ни придиричивый полицейский, ни бойкий покупатель – никто ей, этой даме, не страшен»³⁴. Город был районирован по ремесленным специальностям.

Так, в «Тулупном переулке» обитали «овчинники» и «швецы», «артисты-портные, сооружающие полушубки, шугаи, рукавицы, шапки», этот район был пропитан запахами «кислой шерсти и дублёной кожи»³⁵. Сами портные говорили, что «с нашим душком...нам бояться нечего: холера и та нос заворотит!»³⁶.

Любимой уличной забавой саратовских мещан были кулачные бои с бурсаками. «Семинаристы дрались попеременно, то за городских против бурлаков, то за последних против первых, в особенности когда мещане, всегда дерзкие и нахальные, чем-нибудь обижали поповичей, назвав их «кутьёй» или «жеребьячим отродьем»... «Кутья»,...соединившись с волжскими бурлаками, жестоко била мещан, просивших тогда пардона»³⁷.

Мещанское сословие было отражено и в топонимике русских городов, практически во всех существовали Мещанские слободы. В Саратове существовала Мещанская улица. Мещане активно были задействованы в предпринимательской жизни города. В 1840 г. мещанином И. М. Степановым был открыт первый гончарный завод в Саратове³⁸. 1 марта 1840 г. мещанин Поздняков, живший около Глебучева оврага, спустился в погреб с зажжённой свечой. Произошёл взрыв. Было проведено расследование и обнаружены обильные запасы газа³⁹. Хотя в 1853–1857 гг. в Саратове был устроен водопровод⁴⁰, многие мещане пользовались портомойней, расположенной в Глебовом овраге. В городе было более двух тысяч лавок, двести магазинов. Ежедневно осуществлялась базарная торговля: по утрам на так называемом Верхнем базаре и на старой Сенной площади, а вечером – на Нижнем или Пешем базаре. Кроме того, в городе работали хлебный, рыбный, зеленой, свиной и дровяной рынки. В год проводились три ярмарки⁴¹. Мещанская среда г. Саратова, по мнению краеведов В. Н. Семёнова и Н. Н. Семёнова, была очень консервативной: «семьи городских жителей среднего и малого достатка жили веками заведёнными и сохраняемыми порядками»⁴². В целом, безусловно, уже в середине XIX в. Саратов представлял собой достаточно уважаемый для провинции город, ведь с 1824 г., времени появления знаменитой грибоедовской фразы «В деревню,... в глушь, в Саратов!», прошла уже четверть века. Однако, как писал в своём очерке П. Засодимский, «в последнее время у Саратова явилась чрезвычайно опасная соперница – Самара, ... с каждым годом всё более и более перетягивающая в свою сторону центр тяжести поволжской торговой деятельности»⁴³.

Уездные города, окружавшие Саратов в 50–60-е гг. XIX в., как правило, по численности были или меньше 10 тыс. человек или чуть больше. Жители их, в основном мещане, занимались ремеслом, торговлей и сельским хозяйством. Большинство этих городков только в конце XVIII в. были преобразованы из сёл, а жители названы мещанами. Так, Кузнецк, преобразованный из села в город в VXIII в.⁴⁴, в начале 60-х гг. XIX в. состоял из 13 тыс. горожан, и только к 1897 г. его население составило 20 555 чел.⁴⁵ Их главным занятием являлись различные ремёсла, среди которых основными были кожевенное и кузнечное ремесло⁴⁶. Отсюда происходит и название города⁴⁷. Несмотря на то, что в 30-е гг. XIX в. в Кузнецке был только один каменный дом, в 1859 г. уже функционировала гостиница,⁴⁸ что свидетельствует о желании города и горожан соответствовать статусу именно города, а не села. Хвалынск, превращённый из села в уездный город в XVIII в., в 1859 г. в насчитывал 1482 дома⁴⁹ и в начале 60-х гг. в нём проживало 12 000 жителей, (а по переписи 1897 г. уже 15 465)⁵⁰. Этот город Саратовской губернии относится к торгово-промышленным⁵¹, занимавшимся активно закупкой и продажей хлеба. Замечательный рассказ о начале хвалынского городского самоуправления дошёл в пересказе М. М. Владимирова⁵². Предок одного из хвалынских жителей был избран первым городским головой сразу же после «открытия» города: Никифор Абрамович Зайцев «спрятался на подловке, испугавшись выбора, думал, что и не знай что ему за это будет». Князь М. Д. Кугушев, первый городничий Хвалынска, «разыскал голову на подловке, ободрил его, говорил, что бояться нечего, что все дела будут решать по закону»⁵³. В этих же рассказах старожилов читаем: «Кугушев этот был славный человек. Бывало, старики сойдутся у нашего дома на лавочке, и он придёт к ним да не велит вставать, а сам рядом с ними сядет и начнёт разговаривать»⁵⁴. История уездного Вольска⁵⁵ также в некоторой степени связана с традициями мещанско-купеческого самоуправления. Незадолго до его превращения в уездный город в волостной избе служил крестьянин Василий Злобин, «заика, бедняк, имевший только холщовый халат, но умный, оборотливый, бережливый, ласковый со всеми, искательный»⁵⁶. Случайное знакомство с князем Вяземским открыло ему путь наверх, к богатой жизни. И Злобин сделался городским головой Вольска. Потом уехал в Петербург, нажил огромное состояние. Но продолжал заботиться об улучшении своего родного города. Многие здания в Вольске были построены Злобиным или при его содействии⁵⁷. В течение всего XIX в.

Злобин был центральным персонажем местных преданий о Вольске⁵⁸. Его постигло разорение после 1812 г. Вернувшись в Вольск, Злобин умирает в 1814 г. «Разорение Злобина повлекло за собой тяжёлые последствия для всего Вольска, потому что поручителем за его откупные операции выступало городское общество. Жители города оказались в долгу перед казной вплоть до 1829 г., когда этот долг был аннулирован»⁵⁹. Этот сюжет местной истории является важным моментом, характеризующим финансовые операции, которые могло проводить городское общество, что свидетельствует о власти большей, чем традиционно принято отводить местному самоуправлению в дореформенной России. Рискованные откупные операции Злобина поддерживались городским обществом Вольска, которое представляло в залог достроенные и не достроенные ещё здания, принадлежавшие вольским купцам, «...неоплаченные долги Злобина легли на городское общество, что сказалось на благосостоянии вольских мещан»⁶⁰. К 60-м гг. XIX в. в Вольске проживало более 23 тыс. жителей, а к 1897 г. – 27 000 чел.⁶¹ Их главным занятием было садоводство, бахчеводство, огородничество, работы на пристанях. В исторической литературе особо выделяется «феномен Вольска», связанный с активной торговой жизнью купцов и мещан⁶². В начале XIX в. в Вольске уже было 23 каменных дома, по тем временам большая редкость для уездного города⁶³. В 1842 г. город посетил Беккер и был поражён: «Жителей в Вольске 16 тысяч, следовательно, больше, чем в иных губернских городах; домов до двух тысяч, и в том числе, полтораста каменных»⁶⁴.

В уездном Аткарске, преобразованном в 1780 г. из села в город вместе с жителями, пахотными солдатами, обращёнными в мещан⁶⁵, и в середине XIX в. земледелие определяло характер экономики и жизненный уклад населения⁶⁶. В Аткарске, таким образом, мещане занимались земледелием⁶⁷. И внешний облик Аткарска, по воспоминаниям путешественников, был «чисто деревенский»⁶⁸. В начале 60-х гг. XIX в. в городе проживало более 6 000 чел., а к 1897 г. – 9 750 чел.⁶⁹ Заводов в городе не было. Основная торговля производилась хлебом.

В уездном Сердобске, превращённом из села в город в 1780 г., в начале 60-х гг. XIX в. проживало немного более 5 000 жителей, а к 1897 г. – стало 12 720⁷⁰. К концу XIX в. в городе существовал только один кирпичный завод, проводилась ярмарка. Главным предметом торговли выступал хлеб⁷¹. Посетивший Сердобск в первой половине XIX в. В. И. Беккер назвал его «незавидным городком»⁷².

Уездный город Камышин в 1780 г. был переименован из города-крепости Дмитриевска и назначен уездным⁷³. Так называемая «Камышинская летопись» повествует о славном историческом прошлом города, начиная с XVII в., в котором ключевыми персонажами выступают Пётр I, Кондратий Булавин, князь П. А. Хованский, Е. И. Пугачёв⁷⁴. В 1855 г. Камышин посетил Н. И. Костомаров и писал о своём впечатлении: «Трудно представить себе другой городок, который производил бы более грустное впечатление, чем Камышин. Глаза путешественника с первого взгляда поражаются видом разрушения: стены домов без дверей и окон, с травой на обломках, остатки печей и груды щебня и мусора, рядом с новыми домиками и заборами...»⁷⁵. Со второй половины XIX в. Камышин стал быстро развиваться. В 1861 г. в нём было 8 600 жителей, а по переписи 1897 г. – 15 900.

Уездный город Балашов был в 1780 г. превращён из дворцового села в город. В Балашове уже в 1839 г. имелось уездное училище, жители проявляли деловую активность, в городе было около 50 купцов, принадлежащих ко второй гильдии⁷⁶. В 1859 г. в Балашове были ещё и духовное училище, гостиница⁷⁷. В начале 60-х гг. XIX в. в Балашове проживало 6 000 жителей, а по переписи 1897 г. – 12 165⁷⁸, экономика основывалась главным образом на торговле хлебом⁷⁹.

Население посада Дубовки, помимо торговли, занималось выделкой сусликовых шкурок, шитьём из них верхней одежды, ткачеством ковров, садоводством и бахчеводством⁸⁰. В конце XIX в. в Дубовке проживало 16 500 жителей⁸¹.

Уездный г. Царицын в XIX в. утратил значение военного города и начал развиваться в торгово-промышленном отношении. Если в 1861 г. население города составляло 6 700 чел., то по переписи 1897 г. уже – 55 970 чел., то есть увеличилось более чем в 8 раз⁸².

Царицын являлся узлом – соединением Волги с Доном, внутренних губерний с окраинами империи. Крупные нефтепромышленники и торговцы имели в городе свои склады. Кроме того, город являлся главным местом сбыта лесопромышленных районов Уфимской, Пермской, Костромской и Вятской губерний. Царицын являлся также главным пунктом перепродажи рыбных товаров. Кроме того, здесь был расположен один из главных рынков Поволжья по найму рабочих на суда⁸³. В уездном Петровске особенностью была цыганская слобода. Цыгане занимались скупкой и перепродажей лошадей, земледелием, среди них были богатые купцы, которые торговали целыми табунами⁸⁴.

По вероисповеданию петровские цыгане были православными, «чрез родственные связи с русскими они довольно обрусели, так что детей их редко можно распознать в кругу русских»⁸⁵.

Таким образом, все уездные города Саратовской губернии и сам губернский город Саратов формировали особое культурное пространство небольшого волжского города, основным функциональным признаком которого в XIX в. становится торговля. Для Саратовской губернии первая половина XIX в. была временем складывания городской культуры. Саратов приобретает культурный смысл столицы губернии и апломб одного из крупнейших торговых волжских городов.

Если до середины XIX в. Самара «заметно уступала Симбирску, Сызрани и Саратову, поставленным на безопасной горной стороне, то теперь та же географическая ситуация оборачивалась для ней своими выгодами. К тому же выявилось необыкновенное удобство Самарской пристани. Через неё в середине века проходило две трети грузооборота...всех пристаней по луговому берегу Волги ниже устья Камы»⁸⁶. В это время в Самаре проживало около 15 тыс. душ населения, было 62 каменных дома и 1583 деревянных. От Сенной площади далее раскидывалась степь. С другой стороны города к Волге спускались леса. В городе было 8 церквей (включая Старый Собор и Часовню св. Алексея). А также: одно уездное училище, одна больница, одна аптека и один врач. Тетра, библиотеки – не было, «не было даже ни одной книжной лавки»⁸⁷. Но уже к началу 60-х гг. XIX в. в Самаре проживало 24 тыс. жителей, а к 1897 г. население города составило 91670 чел.⁸⁸. По сохранившимся планам г. Самары видно, что основными социальными персонажами, которым принадлежали городские места и выгонные земли – были купцы и мещане. На выгонных землях (по плану 50-х гг) располагались их сады и огороды⁸⁹. Городская жизнь в Самаре оживает приблизительно с 70-х гг. XIX в.

Уездный город Ставрополь ведёт свою историю с XVIII в. В 60-е гг. XIX в. в нём проживало около 2 тыс. жителей, а к 1897 г. – их уже было 6000⁹⁰. В Сергиевске, заштатном городе Самарского уезда, число жителей в 1897 г. составило 1650 чел⁹¹. Уездный Бугуруслан в начале 60-х гг. состоял из 6 тыс. жителей. Город торговал преимущественно хлебом⁹². В уездной Бугульме в начале 60-х гг. XIX в. в городе проживало 5 тыс. жителей, а к 1897 г. их стало 7580⁹³. В уездном Бузулуке в 60-е гг. XIX в. проживало 6 тыс. жителей, а к 1897 г. их число увеличилось до 14470 чел⁹⁴.

Губернский город Симбирск в середине XIX в. по числу жителей уступал уездной Самаре, к 1858 г. здесь проживало 23 000 жителей⁹⁵. Симбирск состоял из трёх частей, непохожих одна на другую. Такого чёткого социального районирования не знали Саратов и Самара. Первая часть, которую называли «Дворянской», была застроена общественными и казёнными зданиями, домами дворян, чиновников и богатых купцов, магазинами. Как писали современники, эта часть – «самая опрятная и красивая»⁹⁶. И это не случайно, так как Симбирская губерния и её столица принадлежали к «самым «дворянским» территориям Российской империи»⁹⁷, Симбирск часто называли «дворянин на Волге»⁹⁸. Вторая часть Симбирска – была торговой, с базарами, лавками, гостиницами, постоялыми дворами, трактирами. И, наконец, третья часть города, «с характером полугородским полусельским» была заселена «преимущественно неторгующими мещанами, отставными солдатами и другими небогатыми сословиями»⁹⁹.

В дворянской части располагался Венец, своего рода центр города, самое высокое место над Волгой. Здесь находился Губернаторский дом, гимназия, дом Градского общества, строительство которого началось в 1840 г. и который был восстановлен после пожара 1864 г.¹⁰⁰, дом Присутственных мест и другие важные для города объекты. Дворянская часть, с одной стороны, была далека от мещанской повседневности, с другой стороны, именно в этом месте была сосредоточена власть, не только коронная администрация, «чужая» мещанам, но и власть «своя», городское самоуправление, сосредоточенное в доме Градского общества. Торговая часть Симбирска являлась местом приложения мещанских хозяйственных интересов. Здесь, помимо Гостиного двора, находились толкучий рынок, лавки с мучным и бакалейным товаром, базар, общественные лавки для сборной ярмарки, ярмарочная площадь. К этой части могла быть отнесена и Нагорная улица на берегу Волги, на которой проходил весенний торг фарфоровой и глиняной посудой, лимонами, мебелью, грузили хлеб на суда, располагались амбары для хлеба. Тут же для народа были открыты трактиры и харчевни и лавочки с мелочным товаром¹⁰¹. Как писали современники, «волжская пристань находится в самом плачевном состоянии: в том месте, где существует перевоз, в дождливое время и преимущественно осенью люди и лошади вязнут в страшной грязи»¹⁰².

Бедную часть Симбирска составляли улицы, прилегающие к Свяиге и спускающиеся по склону Волжской горы. Вся эта территория была

покрыта садами. Эта бедная часть, называвшаяся ещё и Мещанской, включала в себя окраины города: на Севере – местность, называемую «кирпичные сараи», на Западе – Большую и Малую Конные улицы. На Востоке – подгорную часть и на Юге – слобода «Туть»¹⁰³.

И, наконец, совершенно особый мир, не только в жизни города, но и в жизни мещанской общины, составляли три заволжские слободы: Часовня, Канава и Корольчиха (Королёвка). С одной стороны, в них преобладал сельский образ жизни. Жители занимались садоводством, огородничеством и хлебопашеством¹⁰⁴. С другой стороны, «не имея земли и почти никаких промыслов, кроме хлебопашества, обитатели этих слобод считаются горожанами, тогда как на самом деле отсутствие широкой фабричной и вообще промышленной жизни в Симбирске не позволяет им оторваться от старого земледельческого быта, что, конечно, отражается и на самом внешнем виде этих слобод»¹⁰⁵. Эти слободы возникли раньше основания Симбирска, в 164, там «издавна были мордовские рыбацкие поселения»¹⁰⁶. В конце XIX в. в Часовне проживало 1370 жителей, в Канаве – 1000, а в Корольчихе – 1120¹⁰⁷.

В 60-е гг. XIX в. весь этот городской мещанский мир освещало 302 фонаря¹⁰⁸. 302 фонаря освещали город, который «с лёгкой руки Лермонтова и Гончарова» слыл «сонным городом»¹⁰⁹.

Период 50–60-х гг. XIX в. ознаменовался для горожан Симбирска трагедией, пожаром 1864 г. Известный общественный деятель, краевед, П. Л. Мартынов писал: «Город Симбирск не избежал участи очень многих русских городов – он неоднократно подвергался более или менее опустошительным пожарам... ничтожным при сравнении с бедствием, обрушившимся на Симбирск в августе 1864 г., когда в течение 9 дней сгорел весь город, уцелела едва четвертая и притом худшая его часть. С 13 по 21 августа город представлял потоки огня...не представлялось возможности спастись имущество...19 августа сгорел Венец. После 19 августа найдено было в городе 130 обгорелых трупов...Общей гибели избежала лишь незначительная часть города, прилегающая к реке Свияге и подгорье. Из присутственных мест уцелела только Удельная контора»¹¹⁰. Сгорело 12 церквей, Спасский монастырь, 30 казённых и общественных зданий, каменный гостиный двор, ярмарочные ряды и 1480 частных домов; «жертвой пламени сделались сотни человеческих жизней, масса имущества, драгоценностей и архивных документов»¹¹¹. Было проведено расследование причин пожара, «эти материалы составили более двух с половиной десятков дел, распух-

ших от огромного количества актов, протоколов допросов, доносов и т.д.»¹¹². Как замечает П. Л. Мартынов, «вместе с возобновлением города изменилась и его физиономия: на живых торговых улицах явились дома лучше, чем даже до пожара»¹¹³. Страшных пожаров не избежали и другие волжские города. Страшный пожар 1850 г. в Самаре также уничтожил практически весь город. Но пожар Симбирска важен именно для реконструкции мещанской жизни, так как мещане оставили многочисленные прошения о компенсации ущерба, причинённого им этим пожаром. По плану губернского города Симбирска 1866 г. – город состоял из 144 кварталов. «Границы города определялись «предполагаемым к сооружению» валом с канавою»¹¹⁴. Таким образом, «вал с канавою» – выступал своего рода городской чертой. На Севере за ней следовали выгоны и кладбища: католическое, лютеранское, магометанское, еврейское. На Западе – салотопенные, мыловаренные заводы и еврейское кладбище. На Юге город доходил до Волги»¹¹⁵.

И. Пушкарёв, описывая в первой половине XIX в. города Симбирской губернии, поделил всё её население на платящих подати и не платящих их: «мещан, крестьян и прочего сословия, платящих подати», по его подсчётам, проживало в губернии 7941 чел.¹¹⁶ Наречие у всего этого люда было общепринятым, «разве только слова базар, табр, айда и пр., отзываются ещё татарским владычеством», отмечал автор «Историческо-географического описания»¹¹⁷. «Одежда низшего сословия та же самая, какую носят в столицах мещане и торгующие крестьяне»¹¹⁸. По выражению графа В. А. Соллогуба, «симбирский год простодушно разделялся на две отдельные эпохи: на эпоху грязи и на эпоху пыли»¹¹⁹.

Описывая население Симбирской губернии в середине XIX в., полковник Генерального штаба Липинский также замечал, что «относительно гражданских прав все сословия распределяются на податные и неподатные. К первым относятся: купцы, мещане, вечно-цеховые, рабочие и крестьяне»¹²⁰. «Кроме того, – замечал автор, – сословия, по месту жительства, могут быть разделены на городские и сельские; к первым относятся...: почётные граждане, купцы, мещане, цеховые, рабочие и разночинцы»¹²¹. По его подсчётам, 90% населения губернии составляло крестьянство, то есть на каждую 1000 человек приходится 42 купцов, мещан, цеховых, рабочих¹²². Мещан, вечно-цеховых и рабочих в губернии – 44608 человек, что составляет 3, 818% от общего числа жителей¹²³. Что касается национального состава симбирских

горожан, автор материалов отмечал, что городские сословия состоят преимущественно из русских, «из инородцев... в мещанское звание записываются только татары»¹²⁴. В данном источнике подтверждается высказанное нами ранее предположении о практически едином статусе мещан и цеховых ремесленников: «мещане и вечно-цеховые составляют один разряд городского сословия и по правам, почти не различаются между собою, за исключением того, что мещане могут записываться и не записываться в цех, а вечно-цеховые должны вечно состоять в цехе. Впрочем и это различие, в настоящее время, не имеет никакого значения и название вечно-цеховые удерживается только обычаем. В Казённой же палате оба эти сословия числятся в одной графе»¹²⁵. В данном источнике подчёркивалось также, что «мещанское общество города отвечает круговой порукой за исправность взноса податей и др. повинностей каждым членом, поэтому неисправные плательщики исключаются из общества и составляют особенный разряд городского сословия рабочих. «В этом классе числятся и все лица, приписанные к городам из сельских обществ», пока они «не испросят приговора общества на приписку в мещане»¹²⁶. В 1861 г. в г. Симбирске и уезде мещан и вечно-цеховых по сведениям Казённой палаты проживало 5132 человек, к 1862 г. по сведениям городской думы их число увеличилось до 7526 чел.¹²⁷ В это общее число мещанства было записано 36 человек вечно-цеховых и 956 рабочих¹²⁸. Из других мещанских обществ Симбирской губернии, вечно-цеховые существовали в Сызрани и Корсуне, «но число их, как и рабочих, незначительно»¹²⁹.

В статистическом отчёте по Симбирской губернии отмечается интересный факт, связанный с существованием отдельных мещанских обществ «в упразднённых городах Тагае и Котьякове», но при подсчётах мещан этих городов считают вместе с симбирскими и карсунскими¹³⁰. Тагай был городом-крепостью Симбирской черты, в XVII в. пережил яркие страницы истории, при учреждении Симбирского наместничества был сделан уездным городом, но в XIX в. упоминается уже как село¹³¹. И тем не менее в «Материалах для географии и статистики России» (в которых приводятся сведения по 50-м–60-м гг. XIX в.) отмечалось, что и в середине XIX в. в Тагае мещанское общество имеет до сих пор своё мещанское управление, «а относительно рекрутской очереди составляет совершенно отдельное общество»¹³². Мещане же, живущие в других сёлах Симбирской губернии, в том числе и в упразднённом г. Канадее, «по незначительному их числу не составляют отдельных

обществ, а приписываются к уездному городу. Они большей частью весьма зажиточны, особенно в местностях промышленных, где для их деятельности представляется более средств. Вообще же большинство мещан, даже живущих в Симбирске и Сызрани, далеко не отличаются достатком и недоимки на мещанских обществах постоянно возрастают. Самое состояние городских промыслов и ремёсел, по бедности мещан, находится в незавидном состоянии»¹³⁵. Что касается ремесленной управы, то по мнению авторов «Материалов», «разделённая на шесть цехов имеет заметное число цеховых членов только в г. Симбирске, где вместе с подмастерьями и учениками их считается до 730 чел...число цеховых ремесленников в г. Симбирске составляет только 10% всего числа мещан, а следовательно 90% всех симбирских мещан могут считаться бедными»¹³⁴. В небольших городах губернии, как отмечается в данном источнике, «ремесленные управы существуют не столько для развития между обывателями города улучшенных ремёсел, сколько для виду; почему и охотников записываться в цехи немного»¹³⁵. Занятия мещан Симбирской губернии по «Материалам для географии и статистики» представляются следующим образом: «кроме мелочной торговли и промыслов, большинство мещан занимается разведением огородов, садов, а также хлебопашеством, для чего снимают землю, или городскую, или же по соседству в удельных и помещичьих имениях»¹³⁶. По 9-й ревизии в Симбирской губернии проживало 13240 мещан, по 10-й ревизии – 16353 и в 1861 г. – 20677¹³⁷.

В Симбирске в 1860 г. проживало 9602 мещан (4807 муж. И 4795 жен.), в Сенгилее – 1504 мещан (706 муж. И 798 жен.), в Сызрани – 9850 мещан (4645 муж. И 5205 жен.), в Карсуне – 898 мещан (421 муж. И 477 жен.), в Алатыре – 6037 мещан (2791 муж. И 3246 жен.), в Ардатове – 1917 мещан (943 муж. и 974 жен.), в Курмыше – 1041 мещан (509 муж. и 532 жен.) и в Буинске – 2129 мещан (1032 муж. и 1097 жен.)¹³⁸. Всего в городах Симбирской губернии проживало 32978 мещан (15 854 муж. и 17124 жен.)¹³⁹. Для сравнения, купцов в городах Симбирской губернии проживало 2217 чел., 973 чел. цеховых, 60 чел. потомственных почётных граждан и 454 чел. личных почётных граждан¹⁴⁰. В 1861 г. число мещан, проживавших в Симбирске увеличилось до 10.401 чел., в Сенгилее – до 1981 чел., в Сызрани – до 10473 чел., в Карсуне – до 919 чел., в Алатыре – до 6100 чел., в Ардатове – до 1909 чел., в Курмыше – до 1121 чел., в Буинске – 2210 чел., а всего число мещан в городах Симбирской губернии увеличилось до 35114 чел.¹⁴¹. По ревизским сказкам

1858 г., по Сызрани выделялись две категории мещан: просто мещане и цеховые мещане. Мещан мужского пола в Сызрани проживало 4018 чел., женского – 4662 чел., мещан цеховых: 459 и 465. Всего в Сызрани в сведениях в Казённую палату сообщалось о 4477 мужчинах и 5127 женщинах мещанского сословия¹⁴². Таким образом, мещанское сословие преобладало во всех городах Симбирской губернии среди прочих городских сословий и его количество увеличивалось.

Увеличение численности мещан в городах губернии происходило за счёт притока крестьян, естественного прироста населения и за счёт обедневшего купечества, а также некоторых других категорий населения¹⁴³. Среди городов Симбирской губернии самым многочисленным мещанским городом по первой всеобщей переписи населения 1897 г. был Симбирск (16184 чел.), на втором месте – Сызрань (11719 чел.), на третьем – Алатырь (6012 чел.). Наименьшее количество мещан проживало в Курмышском уезде (817 чел.), а в самом г. Курмыше – 1006 чел.¹⁴⁴ Но, как отмечает автор исследования о составе населения Среднего Поволжья и Южного Урала во второй половине XIX в., В. И. Петров, мещанство Среднего Поволжья по темпам прироста значительно отставало от мещанства Южного Урала, что связано, на его взгляд, с «более динамичным ростом городского населения в южной части Урала»¹⁴⁵. Хотя как справедливо замечает в своём исследовании повседневности Санкт-Петербурга XVIII в. О. Е. Кошелева, необходимо рассматривать общество «не только в разделённом, но и в «перемешанном» состоянии, обращая внимание и на мелкие, и на «плавающие», и на маргинальные группы, стремясь, таким образом, к созданию более голографичной, чем схематичной картины города...В городской среде выделяются такие «локусы», где повседневный контакт людей разного общественного положения особенно интенсивен. Это – и сами петербургские дворы, и городские общественные места. Нередко представители разных чинов оказываются связанными родственными узами»¹⁴⁶.

Самыми древними городами в Симбирской губернии были Алатырь и Курмыш¹⁴⁷. В 1850 г. в Алатыре располагалось деревянное тюремное здание¹⁴⁸. «Тюрьма родилась раньше, чем её начали систематически использовать в уголовном праве. Она образовалась вне судебного аппарата, когда по всему телу общества распространились процедуры, направленные на распределение индивидов, их закрепление в пространстве»¹⁴⁹. Деревянная тюрьма – такой же знак власти, её присутствия в обществе, присутствие надзора за населением, как и наличие

Дома общества градского. Присутствие законностей и противозаконностей в отгороженном пространстве города. В 1860 г. всё население города и уезда составляло 128 148 чел¹⁵⁰. Основным источником «народного богатства»¹⁵¹ являлось хлебопашество. «Сборник историко-статистических материалов по Симбирской губернии» отмечал, что в 1868 г. Алатырь состоял из собственно города и находящегося в двух с половиной верстах от него посада, «жители которого мещане, большей частью, имеют отдельные от горожан угодья»¹⁵². Показательно в этом отрывке противопоставление горожан Алатыря и мещан посада. Скорее всего, это сделано случайно, однако на практике, как в ситуации с завожскими слободами Симбирска, мещанство подобных населённых пунктов отличалось от горожан большей приближенностью к сельскому образу жизни. В 1868 г. из 8679 жителей Алатыря – 5/9 составляли купцы и мещане¹⁵³. В 1868 г. в городе было 24 каменных и 1370 деревянных жилых домов. Алатырский базар удовлетворял потребности только местных обывателей, в отношении хлебной торговли «Алатырь стоял ниже Ардатова»¹⁵⁴. К 1897 г. в Алатыре проживало 11100 жителей¹⁵⁵.

Курмыш, несмотря на яркую и древнюю историческую жизнь, к 1897 г. превратился в «небольшой захолустный городок»¹⁵⁶. В начале 60-х гг. XIX в. число его жителей было около 1500, а к 1897 г. составило 3480 человек¹⁵⁷. «Фабрик и заводов в нём нет, торговля ничтожна»¹⁵⁸.

В Ардатове, бывшем мордовском селе, в 60-е гг. проживало 5200 жителей, а к 1897 г. – 4840 человек¹⁵⁹. «Торговое и промышленно значение Ардатова ничтожно: в городе всего одна небольшая спичечная фабрика и два кожевенных заводика с 13 рабочими»¹⁶⁰.

В Уездном Буинске в 60-е гг. проживало 3950 жителей, а в 1897 г. – 4220¹⁶¹. Город Карсун являлся также небольшим захолустным городом¹⁶². В начале 60-х гг. XIX в. в нём проживало 3800 жителей, к 1897 г. – их число увеличилось до 4140 человек¹⁶³. В городе работал маленький кожевенный заводик, функционировала Троицкая десятидневная ярмарка¹⁶⁴. Уездный город Сенгилей в начале 60-х гг. состоял из 4000 жителей, а к 1897 г. их стало 5735 чел.¹⁶⁵ В городе работали мукомольные мельницы, активно функционировала пристань, жители города занимались разведением луковичных плантаций и торговлей луком¹⁶⁶.

И, наконец, уездный город Сызрань начал быстро развиваться с середины XIX в. Город располагался на удобных водных путях и так же,

как и саратовские города Хвалынский и Вольск, хотя и был уездным по своему административному статусу, являлся важным экономическим центром, обладал всеми урбанистическими свойствами¹⁶⁷. В начале 60-х гг. население Сызрани составляло более 18 тыс. человек. А к 1897 г. – уже 32 380 чел¹⁶⁸. Основными занятиями жителей были работы на пристани и ремёсла, из которых особенно выделялись сапожное и кузнечное дело. Главным предметом торговли был хлеб. В городе действовали две ярмарки. Работали три банка, 70 заводов. Существовали: реальное училище, женская гимназия, духовное училище, городская публичная библиотека, метеорологическая станция, судоходная дистанция. Кроме того, Сызрань была известна как крупная приволжская биржа сельскохозяйственного труда¹⁶⁹.

Про пошехонские нравы жителей поволжских городов писали многие современники. В определённой степени это было связано с сохранением аграрных занятий в жизни горожан, особенно мещан. «В конце 50-начале 60-х гг. сельскохозяйственные занятия в городах 20 губерний европейской части и Поволжья России были достаточно распространены и оказывали существенное влияние на их жизненный уклад»¹⁷⁰. А. А. Кузнецов в статье, посвящённой благоустройству городов края, отмечает, что «стада коров, совершенно беспрепятственно бродивших по улицам, были характерны для всех городов Симбирской губернии. В 1865 г. несколько бодающихся коров переградили дорогу экипажу губернатора на главной улице Алатыря. Традиция выпускать крупный и мелкий рогатый скот пастись на улицы – яркое свидетельство сельского уклада жизни большинства горожан»¹⁷¹.

Таким образом, как писал Ф.Бродель, «мир-экономика всегда предполагал городским полюсом, городом, пребывавшем в центре сосредоточения непреременных элементов, обеспечивающих его деловую активность: информации, товаров, капиталов, кредита, людей, векселей, торговой корреспонденции»¹⁷². Такими городами-полюсами для маленьких волжских уездных городков и для сельской округи выступали три губернских города: Саратов, Самара и Симбирск. В истории больших и малых городских центров трёх губерний – много общего, главная особенность заключается в их тесной связи с властью и приоритетности административной функции. В губернских городах инфраструктура была более разветвлённой и плотной, чем в уездных. Но в 50–60-е гг. XIX в. и губернские, и уездные города пребывали ещё в лоне традиционной народной культуры, имели прочные связи с сель-

ским окружением, промышленное производство было практически не развито, торговля осуществлялась на ярмарках, базарах и, в целом, городская инфраструктура только складывалась, а так как информация просачивалась в провинцию слабо, это в определённой степени способствовало самостоятельности совместного творчества купцов и мещан по созданию местных урбанистических моделей городских организмов, хотя и выстроенных по заданным схемам, но адаптированных, исходя из специфики социальных связей каждого отдельного города. История большинства этих волжских городов в качестве губернских и уездных – не древнее самого мещанского сословия. Применительно к периоду 50–60-х гг. XIX в. – прошло немногим больше полувека с момента их организации властью. Но, с другой стороны, в этот период времени дискурсы, которые артикулировали учреждение модели русского города с его социальным составом в конце XVIII в., уже практически исчезли. От них остались лишь фрагменты. Если А.Куприянов считает, что «первым шагом в культурной сфере сразу после обретения населённым пунктом городского статуса было создание в городе приходского и уездного училищ»¹⁷³, в жизни поволжских городов важным фактором становятся практики участия горожан в системе самоуправления. Это было более доступно, чем получение образования. Не с точки зрения законодательно утверждённого количества горожан, имеющих право быть избранными на общественные должности, а исходя из того количества практик, которое порождала деятельность городского общества. Законодательство чётко проводило идею о разделении сословий на городские и сельские. В волжских городах проживало значительное количество крестьян. Крестьяне участвовали в торговых операциях города. Но при этом, право участия в социальной жизни города принадлежало только городским сословиям, крестьяне туда не допускались. Большинство рассматриваемых в исследовании уездных городов были преобразованы из сёл. Власть заставляла их население превратиться в горожан через практики участия в городском самоуправлении. Потом прибавлялся эффект культурной инфраструктуры, образования, моды и т.д. К 50–60-м гг. три губернских города, Саратов, Симбирск и Самара, переживали переход от сельского к городскому образу жизни, от патриархального менталитета к индивидуализму в текстах поведения горожан, от статуса пограничья (фронта, «внутренней окраины» империи) к вовлечённой в общероссийский урбанистический процесс территории, от «шумного захолустья» к европейскому городу

Нового времени. И этот переходный на пути к модернизации период в жизни городов можно обозначить как образ старожильского чрева, в лоне которого проявили себя повседневные практики «городского гражданства».

РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕРЖАВНОЙ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ГОРОДСКИХ СТРУКТУР

Период 50–60-х гг. XIX в. в отношении мещанского сословия оказывается наименее изученным историографией. Те исследования истории сословия или городского самоуправления, которые очерчивают свои хронологические границы дореформенным периодом, как правило, основной акцент делают на конце XVIII – начале XIX вв.¹⁷⁴, те же, которые занимаются пореформенным развитием – начинают с Городового положения 1870 г.¹⁷⁵ Да и сама система городского самоуправления в 50–60-е гг. оказывалась «ровесницей» изменений в центре империи, связанных с введением нового мещанского управления в 1846 г. в Петербурге, в 1862 г. в Москве и в 1863 г. в Одессе. По всей России это новое мещанское управление стало вводиться после выхода Городового положения 1870 г., благодаря которому мещанские общества получили право своими приговорами учреждать мещанские управы для заведывания делами обществ¹⁷⁶. Таким образом, получилось, что в период 50–60-х гг. XIX в. власть в столицах и в Одессе реализовывала новый проект социальной организации мещанства, а в провинциальных городах ещё действовала старая структура, которая, тем не менее, уже знала о грядущих изменениях. В этот период всё усложнялось ещё и тем, что дворянство, а вместе с ним и бюрократия, начинают проявлять интерес к делам города, что подтверждает в своём исследовании В. Д. Гончаров, отмечая факт введения в городскую думу Санкт-Петербурга в 1846 г. дворян, повышение в 6 раз избирательного ценза и бюрократизацию городского управления «не только путём усиления правительственной опеки, но и прямым введением в состав распорядительной думы назначенного министром внутренних дел «члена от короны»»¹⁷⁷. Но в городах Саратовской, Самарской и Симбирской губерний в 50–60-е гг. XIX в. дворянство ещё не проявило своей заинтересованности делами местного самоуправления. Любой

заключительный этап какого-либо периода в истории, как правило, демонстрирует, с одной стороны, уже в определённой степени сформировавшуюся модель развития, с другой стороны, подобно морской раковине, модель «снизу» обрастает таким количеством «адаптаций», «творчества», «приспособлений», порождённых повседневными практиками, что становится достаточно проблематичным рассмотреть во всех этих городских интеракциях изначальный замысел власти. О таком же «осадке» в отношении претворения в жизнь «Жалованной грамоты городам» рассуждает и В. А. Нардова, отмечая, что «некоторые её положения были фактически сведены на нет последующими законодательными актами, но при этом формально так и оставались неотменёнными, иные были перечёркнуты самой жизнью. Всё законодательство в целом, весьма запутанное и неопределённое, давно перестало соответствовать уровню социально-экономического развития городов и их значению в жизни страны...»¹⁷⁸. Б. Н. Миронов так же отмечает, что при проведении реформы 1775–1785 гг. в жизнь произошли существенные отклонения от замысла, с которыми правительство было вынуждено смириться и признать их, «... Эти отклонения – убедительное доказательство того, что не только государство творило социальную историю страны, но и само население...»¹⁷⁹ творило её.

«Паноптикум» Екатерины II в отношении русского города прочитывался в тексте Наказа, данного Комиссии о сочинении проекта нового Уложения 30 июля 1767 г.: «Сколько ни есть разных положений городам, только в том они все вообще сходствуют, что им всем нужно иметь одинаковый закон, который бы определил: что есть город, кто в оном почитается жителем и кто составляет общество того города...»¹⁸⁰. Мещанам в Наказе власть отводила роль тех, от которых «государство много добра ожидает»¹⁸¹, то есть в отношении мещан власть расценивала правила и обязанности «как личные связи, разрыв которых составляет правонарушение»¹⁸². Кроме того, создавалось сегментированное пространство «паноптикума»: «К сему роду людей причесть должно всех тех, кои, не быв дворянином, ни хлебопашцем, упражняются в художествах, в науках, в мореплавании, в торговле и ремёслах...кои выходить будут...из всех нами и предками нашими учреждённых училищ и воспитательных домов...»¹⁸³. На данном этапе законотворчества власть ещё в размышлениях о «среднем роде людей» ограничивалась фразой: «...не входя в подробность оных, открываем только дорогу к рассуждению об нём»¹⁸⁴. Следующим же законода-

тельным этапом, манифестом Екатерины II о высочайше дарованных милостях по случаю заключения мира с Портой Оттоманской от 17 марта 1775 г., проводился водораздел между мещанами и купцами суммой капитала в 500 руб. и состоянием «податным» и «неподатным»: подушную подать с купцов отныне не брали, её заменил однопроцентный налог с объявленного капитала¹⁸⁵. Третью, наиболее близкую к мещанам гильдию купечества, определял капитал от 500 до 1 тыс. руб.¹⁸⁶. Указом от 19 сентября 1776 г. было установлено ещё одно различие купцов и мещан: рекрутская повинность была заменена для купцов денежным взносом в сумме 360 руб., который в 1783 г. был повышен до 500 руб. за рекрута¹⁸⁷. Таким образом, это уже были значительные «различия в униформе»: распределяя по рангам, власть не только «устанавливает иерархию качеств, знаний и навыков», но и «наказывает и вознаграждает»¹⁸⁸.

Указами 17 марта и 25 мая 1775 г. было подтверждено разделение горожан на купцов, мещан и цеховых, что требовало отдельного корпоративного управления. Гильдейский, мещанский и цеховой старосты должны были заменить городского старосту¹⁸⁹. Купеческое звание фактически оказывалось производным от мещанского, «поскольку приобреталось при наличии капитала путём ежегодной покупки гильдейских свидетельств и утрачивалось в случае их невозобновления. При этом купец возвращался в своё первоначальное состояние, чаще всего мещанское»¹⁹⁰. Повышался финансовый водораздел между купцами третьей гильдии и мещанами: отныне к третьей гильдии относились лица, объявившие капитал свыше 1 тыс. руб.¹⁹¹. Если купцы первой и второй гильдий помимо освобождения от подушной подати, рекрутчины и казённых служб, были ещё и освобождены от телесных наказаний, то купцы третьей гильдии могли быть подвергнуты им и не могли ездить по городу в карете или впрягать более одной лошади¹⁹².

Законодательство первой половины XIX в. «подтверждало, уточняло и развивало многие ранее принятые правовые акты, касающиеся городских обывателей»¹⁹³. Повышался правовой статус купечества и усиливалась дистанция между ним и мещанством. Рекрутский устав 1831 г. снимал с купцов рекрутскую денежную повинность¹⁹⁴. Законодательно устанавливалось более определённо соответствие сословного положения служилым обязанностям горожан: купцы 1-й гильдии должны были служить в должностях городских голов и т.д., купцы 2-й гильдии – в должностях бургомистров, ратманов и т.д., купцы 3-й

гильдии – городскими старостами, членами шестигласных дум и т.д., мещане – на тех низших должностях, на которые не шли купцы¹⁹⁵. Указами 1807 и 1824 гг. был увеличен финансовый водораздел между мещанским сословием и купечеством 3-й гильдии в сумму капитала от 8 тыс. руб.¹⁹⁶.

Однако в границах городского самоуправления можно говорить и о союзе мещан и купцов, особенно купцов третьей гильдии. Купцы третьей гильдии могли избираться на должности городских старост, членов шестигласных дум и т.д. На все прочие низшие должности избирались мещане¹⁹⁷. Кроме того, «мещан и третьегильдейское купечество объединяло и сходство предпринимательской деятельности, с той только разницей, что у купцов торговля была несколько крупнее: сдача в аренду лавок, предоставление кредита, смешанная торговля»¹⁹⁸. Поэтому, если с точки зрения закона, купцы в начале XIX века «всё более отделялись от мещан»¹⁹⁹ и всё больше увеличивался разрыв между ними²⁰⁰, «городские общества империи были искусственно разделены на привилегированную часть – купцов...и всех остальных, вынужденных подчиняться им при исполнении имперских повинностей»²⁰¹, на практике оказывалось, что эти две группы творили сообща институциональный сценарий дореформенного русского города. А советская историография называла это творчество «снизу» «административно-хозяйственным придатком к аппарату администрации и полиции»²⁰² и настаивала на антагонизме этих социальных персонажей.

Из числа лиц, входящих в мещанское общество, Жалованная грамота городам выделяла также цеховых ремесленников²⁰³. Однако в границах данного исследования не будут специально акцентироваться правовые различия между мещанами и ремесленниками города, так как в реальной повседневной жизни провинциального города второй половины XIX – начале XX вв. этот водораздел провести весьма проблематично. Поэтому ремесленников можно рассматривать как «производственную группу» в рамках мещанской общины: «чтобы попасть в гильдию или в цех из мещан, достаточно было только сделать дополнительный взнос в казну»²⁰⁴.

В 1785 г. «Грамотой на права и выгоды городам Российской империи» была создана такая структура социального пространства русского города, или такая «власть нормы»²⁰⁵, которая «сохранялась в основе своей на протяжении всего XIX – начала XX в.»²⁰⁶. Грамота делила всё городское население на городских обывателей в широком смысле слова

и городских обывателей в узком смысле слова (что было прояснено в Законах о состояниях 1832 г.), которые получали название «граждан» или «среднего рода людей или мещан»²⁰⁷. Статус «гражданства» закреплялся городской Обывательской книгой, в которой вписывалось «имя и прозвание всякого гражданина в том городе дом или строение, или землю имеющего, или в гильдии или в цех записанного или мещанским промыслом промышленяющего»²⁰⁸, прописывалась наследственность статуса («доставить каждому гражданину своё достояние от отца к сыну, внуку, правнуку и их наследию»²⁰⁹) и отмечалось, что тот, кто не будет вписан в Обывательскую книгу, «не только не принадлежит к гражданству того города, но да и не пользуется мещанскою выгодою того города»²¹⁰. В Самаре сохранилась Обывательская книга мещан, состоящая из двух частей: «Имеющим недвижимую собственность» и «Не имеющим недвижимую собственность»²¹¹. Таким образом, городская Обывательская книга как бы фиксировала принадлежность к «гражданству» города²¹². Не случайно, Б. Н. Миронов связывает «девальвацию сословной парадигмы» в России и, в частности, условный конец социальной жизни городского сословия, наступивший после Великих реформ, с фактом прекращения ведения с 1870 г. Обывательских книг²¹³. Но как бы то ни было, при решении некоторых вопросов своей повседневной жизни, особенно в отношении права пользования городскими землями, мещане и в конце XIX – начале XX вв. продолжали настаивать на своём праве принадлежности к городскому обществу.

Лица других сословий, проживающие в городе, имеющие собственность, но не записанные в Обывательскую книгу, не считались «гражданами»: дворяне, лица, находившиеся на военной и гражданской государственной службе, разночинцы, крестьяне, крепостные²¹⁴. И если представители этих категорий населения желали заняться торгово-промышленной деятельностью в городе, они должны были или приобретать гильдейское купеческое свидетельство или записываться в мещанство²¹⁵. Для причисления в мещане необходимо было иметь в городе недвижимую собственность, заниматься торговлей и ремеслом, нести податные обязанности и исполнять городские общественные службы²¹⁶.

Жалованная грамота городам оформляла и городское (градское) общество, которое было названо «общество гражданское»²¹⁷. Городскому обществу разрешалось иметь дом для собраний («Дом общества градского»), архив, печать с городским гербом и своего писаря²¹⁸.

Городское общество имело право «составлять собрания», или общие, для всего общества, или частные по сословиям и по частям города²¹⁹. В. В. Рабцевич характеризует эту систему как «трёхстепенную»²²⁰: «общегородская община получала представительство в виде собрания общества градского, общей градской и шестигласной дум. Посадская община объединялась магистратом (или ратушей). Внешние связи сословных групп купцов, мещан и цеховых осуществлялись через старост»²²¹.

На собраниях общества градского могли присутствовать граждане не моложе 25 лет и имеющие капитал, проценты с которого составляли не ниже 50 руб.²²² На них происходили выборы лиц, задействованных во внутреннем управлении обществом и на различные должности судебного и полицейского ведомств. Баллами выбирались городской голова, бургомистры, ратманы в Городовой магистрат, купеческие, мещанские старосты и словесные судьи²²³. От каждой городской части избирались старосты и депутаты для ведения городской Обывательской книги²²⁴. Все выборные городские должности были законодательно обобщены властью в т. 3 Свода законов 1832 г. в разделе, посвящённом службе по выборам²²⁵. Городское общество имело дисциплинарную власть над своими членами²²⁶, могло составлять «особливую казну своими добровольными складами»²²⁷. В собраниях общества градского «не могла участвовать масса служилого и приказного люда, крестьян и даже чиновников», «к решению вопросов допускались на так называемых «равных условиях» лишь те, кто был включён в Обывательскую книгу, обладал собственным домом и капиталом в 5 тысяч рублей, с которого в казну поступал взнос не менее 50 руб. (1%)»²²⁸. Так, к примеру, в Санкт-Петербурге, в 1849 г. из всех мещан оказалось только 1715 «мещан-хозяев», которые могли принять участие в выборах в Общую думу²²⁹. В 1854 г. была издана высочайше утверждённая инструкция Санкт-Петербургской городской Общей Думе о порядке собраний и внутреннем делопроизводстве²³⁰. Но чем дальше от столицы, тем дальше от соответствия законодательной норме. Поскольку отвечающих законодательным условиям оказывалось в провинции мало, в собрание приглашались и другие горожане, не владеющие собственностью и не внесённые в Обывательскую книгу. С другой стороны, тот факт, что «собрание общества градского несло материальную ответственность как за свои решения, так и за действия избранных им лиц»²³¹, делало «организацию собраний неимоверно трудной»²³². Таким образом, изначально, с момента появления в городах

екатерининской модели самоуправления, «потребители» этой модели начинали пролагать свои собственные «тропы» «в джунглях функционалистской рациональности»²³³. В различных губерниях Российской империи наблюдалось отхождение от первоначального замысла законодательства, проявившееся и в «разное» на местах в сибирских городах²³⁴ и в «фактической подмене на местах «общей думы» «собранием городского общества»; «городское управление...походило на своеобразный равнобедренный административно-правовой треугольник, вершиной которого был градоначальник, а двумя сторонами – городской магистрат и сословно-муниципальное самоуправление, в свою очередь, представлявшее из себя трёхступенчатую ... систему делегирования полномочий»²³⁵. Но как бы то ни было, органы самоуправления, избравшиеся горожанами, стали в значительно большей степени выражать интересы городских сословий²³⁶.

Из городского головы и депутатов от всех частей города составлялось городское депутатское собрание, которое занималось рассмотрением доказательств городского состояния и составлением Обывательской книги. Городскую обывательскую книгу утверждало купеческо-мещанское собрание общества градского.

В городскую Общую думу входили: городской голова и гласные от основных групп населения. Городская Общая дума из своих гласных избирала шестигласную думу, которая состояла из представителей от: городских обывателей, гильдейских, цеховых, иногородних и иностранных гостей, именитых граждан и посадских и заседала под председательством городского головы²³⁷. Общая дума собиралась раз в три года, шестигласная – раз в неделю, а иногда и чаще²³⁸. В компетенцию дум входили вопросы «обеспечения жителям города прокормления или содержания, поощрение торговли, сохранение добрых отношений между жителями города и с окрестными городами и селениями, наблюдение за состоянием публичных городских зданий, содействие строительству новых магазинов, пристаней и других необходимых городу объектов, способствование приращению городских доходов и распространению заведений, подведомственных Приказу общественного призрения..., разрешение вопросов, касающихся ремёсел и гильдий, хранение городского и ремесленного Положений, контроль за их правильным исполнением»²³⁹. Городовые думы распоряжались городскими доходами и расходами. Доходы складывались из отчислений от таможенных и питейных сборов, с мельниц, рыбных ловель, перевозов, штрафных

денег, собираемых с купцов и мещан, с выморочных мещанских имений. К расходам были отнесены содержание магистратов и различных городских должностей, содержание городских школ и других заведений, подведомственных Приказу общественного призрения, строительство и ремонт городских зданий²⁴⁰.

Таким образом, сложившаяся система выглядела так: органами общегородского масштаба выступали собрание общества градского, собрание граждан по шести разрядам, общая и шестигласная дума, городской голова, депутатское собрание по сочинению обывательской книги. Городовой магистрат, сиротский и словесный суды действовали в пределах посада. Гильдейский и мещанский старосты, ремесленная управа и цеховые старшины действовали в сословных корпоративных группах горожан²⁴¹. Городовой магистрат выполнял роль сословного суда для городской общины, в его ведении находились уголовные и гражданские дела лиц купеческого, цехового и мещанского званий²⁴². Действующие при магистрате городские словесные суды решали денежные и имущественные споры²⁴³. На заседаниях сиротского суда рассматривались вопросы опеки, вдов и сирот²⁴⁴. На думы возлагались хозяйственные функции, а также: организация общественных собраний, наблюдение за службой выбранных на должности, рассмотрение жалоб, учёт городского населения, запись в городское сословие, выдача купцам и мещанам паспортов и билетов на отлучку, надзор за сословным управлением купцов, мещан и цеховых²⁴⁵. Купеческие и мещанские старосты исполняли решения думы и магистрата. Они непосредственно подчинялись городскому голове. Кроме того, старосты занимались сбором податей и земских повинностей, проводили выборы на низшие общественные должности, исполняли многочисленные полицейские функции²⁴⁶. Мещанский староста особенно был связан с податными функциями. Он занимался развёрсткой и сбором податей, контролировал выполнения государственных и внутригородских натуральных повинностей мещан, следил за очередностью назначения, снаряжением и отправкой рекрутов, распределением нарядов на очередные общественные службы и т.д.²⁴⁷. И, наконец, структура городского самоуправления включала многочисленную категорию низших служащих, выбиравшихся отдельно каждой сословной общиной: податные старосты, раскладчики, сборщики недоимок, квартирмейстеры, оценщики и т.д.²⁴⁸.

Исследователи, занимавшиеся на региональном уровне анализом системы самоуправления в городах с 70–80- гг. XVIII в. и до реформы 1870 г., такие как Н. В. Середа, В. В. Рабцевич, А. И. Куприянов и др., пришли к выводу о том, что «ситуация с распределением властных полномочий была особенно сложной из-за того, что новые структуры функционировали одновременно со старыми», системы органов выборного городского самоуправления существенно отличались в разных городах и имели свои особенности²⁴⁹. «Формирование этих различий было ситуативно: в одних городах на распределение функций повлияла власть, в других – решающую роль сыграла местная инициатива горожан»²⁵⁰. Поведенческие практики мещан в системе «городского гражданства» напоминали «кишение микробов», которые «множатся внутри технократических структур, одновременно искажая их функционирование за счёт бесчисленных «тактик», проявляющихся в «деталях» повседневной жизни»²⁵¹. Логику этих практик, многообразных и фрагментарных операций, «проникающих внутрь аппаратов власти и скрывающихся в них»²⁵² трудно выявить. И тем не менее логика, безусловно, была. Она была связана с народным *ratio*, с тем, что М. де Серто называет «способ мыслить, инвестированный в способ действовать, искусство комбинирования, неотделимое от искусства использования»²⁵³. Это «потребление внутри рамок»²⁵⁴ принадлежит к «тактическому типу»²⁵⁵. К типу победы «слабого над сильным» (властями, болезнью, насилием, исходящим от вещей или существующего порядка и т.д.)»²⁵⁶. К типу «ловких проделок, искусства делать «ходы», хитростям охотников, маневрирования, разнообразных стимуляций, счастливых открытий», к тактикам, сформировавшимся в древние времена и проявлявшимся в «уловках и мимикрии»²⁵⁷. Эти повседневные практики мещан в диалоге с властью можно также уподобить разговору, «преображающему речевые ситуации», с неким словесным производством, в котором «переплетение позиций собеседников создаёт устную ткань, у которой нет владельцев»²⁵⁸, такое коммуникативное пространство, которое не принадлежит никому. Никому, кроме повседневности.

Большинство исследователей, занимавшихся вопросами участия горожан в системе городского самоуправления, и архивные источники подтверждают факт обременительности для повседневного экономического быта людей необходимости тратить время на участие в общественных службах по городу. Но принужденные властью, мещане не могли не выполнять этих правил городской жизни. И в этой ситуации,

«испытывающий всё большее принуждение и всё меньше связанный с этими широкими рамками, индивид отделяется от них, не будучи способным выйти за их пределы, и ему остаётся только хитрить с ними, «продельывать с ними шутки»»²⁵⁹.

Таким образом, в рассматриваемый нами период 50–60-х гг. XIX в., участие мещан в городском самоуправлении оказалось не столько результатом воли власти, сколько эмоциональной и рациональной реакцией представителей мещанской общины города на законодательную ситуацию и социальное окружение. В результате сложился союз мещан с купцами в делах управления. А. И. Куприянов считает, что данное объединение возникло по следующим причинам: 1. «сами граждане предпочли, чтобы в его (самоуправлении – З.К.) деятельности участвовала не только верхушка, но и состоятельные мещане, обладавшие недвижимостью»; 2. «купцы и мещане объединились против вовлечения дворян и чиновников в городские дела»²⁶⁰. Сюда следовало бы добавить ещё одну причину. Во многих городах не находилось в нужном количестве горожан, соответствовавших законодательным требованиям, и среди немногочисленного купечества было много самоотводов. Поэтому приходилось доукомплектовывать самоуправление из тех, кто был в наличии. То есть, как могли, так и справлялись с ситуацией. А дворянство просто в данный период ещё не почувствовало вкус к такому виду деятельности.

Таким образом, власть через закон репрезентировала определённую структуру устройства городского организма империи, в котором ключевую роль играло слово «гражданство». Если бы идея власти о «гражданстве» ставила своей целью только лишь «сложение сил в целях построения эффективной машины»²⁶¹, «тщательно рассчитанное соединение сил»²⁶² или некое «общественное тело», принуждаемое к дисциплине, то не было бы такой дифференциации на «обывателей вообще» и «обывателей в узком смысле слова», и система городского самоуправления не создала бы столько практик внутри городского сообщества, которые можно охарактеризовать как культуру повседневного политического, которые сыграли определённую роль в формировании мещанской сословной идентичности. В этой культуре повседневного политического – происходило столкновение двух принципов государственной жизни России, регулярности, утверждаемой «сверху», и «иррегулярности» как свойства менталитета русского народа: «вся жизнь регламентирована, подчинена правилам, выстроена с соблюде-

нием геометрических пропорций, сведена к точным однолинейным решениям»²⁶³, но эта регулярность постоянно «размывалась живой жизнью, не мирящейся с механическим единообразием»²⁶⁴. Тем не менее на протяжении XVIII в. «бюрократический принцип, в который вырождались «регулярность», быстро разрастался, захватывая всё новые области жизни»²⁶⁵. Но неизбежно наталкивался на иррегулярный характер русского народа, которому явно не хватало строгих правил и разъяснений, и в результате, без нужного количества образованных «поводырей», он плодил самостоятельное творчество «снизу», не стремясь к революции, а исходя исключительно из логики повседневной жизни и попыток её каким-то образом оставить легитимной, как и приказала власть.

Всё это происходило на фоне замены сословной городской общины «общесословным обществом всего городского населения»²⁶⁶, со своими общесословными городскими органами. Но при этом, «новые учреждения не отменили старые, а ввели их в новую систему самоуправления», «функции городских дум и магистратов были размежеваны очень приблизительно», «при проведении городской реформы 1775–1785 гг. в жизнь произошли существенные отклонения от замысла, с которыми правительство вынуждено было смириться и признать их ... сепаратными законодательными актами, корректирующими Городовое положение 1785 г.», «городские думы и коронная администрация были вынуждены допускать на собрания лиц по своему усмотрению, часто всех желающих», «возникали сложности с комплектованием дум», «дворянство, разночинцы и духовенство отказались в них участвовать, крестьянство и военные не имели права, в результате думы превратились в органы только городского сословия», «купцов первых двух гильдий, которые соответствовали цензу, в большинстве городов было очень мало, поэтому...было разрешено при недостатке купечества избирать на все общественные должности мещан и ремесленников, а купцам отказываться от второстепенных должностей», «из-за отказа дворян, духовенства и разночинцев участвовать в городском самоуправлении, а также по причине абсентизма образовать общие городские думы в соответствии с законом оказалось невозможно, и в большинстве городов они прекратили своё существование, а шестигласные думы по той же причине превратились в орган городского сословия»²⁶⁷. По всем вышеперечисленным отклонениям от продуманной властью схемы, в городах в результате реформ 1775–1785 гг. было сформировано

общество городского сословия, в котором ведущую роль играли купцы и мещане. И так как «коронная администрация не имела возможности серьёзно контролировать деятельность органов городского самоуправления»²⁶⁸, даже не смотря на то, что их компетенция была сужена в результате реформ²⁶⁹, именно в недрах городского самоуправления сложился и проявил себя мещанско-купеческий союз, воплотивший в себе народные представления о власти, создавший различные обряды и церемонии, символы, то есть символическую природу легитимности власти, продемонстрировавший социокультурные аспекты властвования в границах тех полномочий, которыми купцов и мещан города наделило государство.

Участие в системе городского самоуправления было предложено горожанам и как «осознанная необходимость» для выполнения мещанским обществом налоговых обязательств и как возможность участия в общественной и хозяйственной деятельности. Общественные должности, на которые избирались мещане и купцы, не предполагали жалования, отрывали от каждодневного труда, направленного на выживание семьи. То есть, казалось бы, должны были являться ещё одним тяглом. Но вопреки сложившейся в историографии точке зрения о том, что до 1860-х гг. государство присваивало себе часть функций местного самоуправления и только в пореформенный период делегировало их местной общественности²⁷⁰, именно в дореформенный период мещане и купцы города создали свою модель «городского гражданства» «снизу», относясь к нуждам города как к своим собственным, с позиций трудовой этики и психологии «хозяина». Взаимодействие мещан в границах городского самоуправления носило в некоторой степени характер патриархальных связей, в которых главой большой патриархальной «семьи» выступал городской голова, а связующим звеном между «отцом» и «домочадцами» являлся мещанский староста.

Во всех городах Саратовской, Самарской и Симбирской губерний в первой половине XIX в. продолжали действовать с некоторыми изменениями екатерининские муниципальные учреждения²⁷¹, и к 1861 г. органы городского самоуправления были представлены канцелярией городского головы, городской думой и ратушей, состоящей из бургомистров и ратманов²⁷², а если управление осуществляла дума или канцелярия городского головы, в городе имелся магистрат. При управлении ратушей магистрата не было, как не было и должности городского головы²⁷³. В историографии существует мнение о том, что

в Среднем Поволжье «общие думы» в первой половине XIX в. «потеряли всякое значение и, может быть, вообще не существовали»²⁷⁴. Что касается шестигласной думы, то, она «сделалась неузнаваемой по сравнению со своим прототипом», а единого «градского общества» вообще не существовало²⁷⁵, так как дворяне находили унизительным «быть избираемыми вместе с купцами и мещанами»²⁷⁶. Городской голова избирался всем городом по общему правилу не из кандидатов, а путём баллотировки «всех вообще горожан» подходящего сословия. Избранный голова утверждался губернатором. Городские головы избирались преимущественно из купцов первых двух гильдий. В малолюдных городах допускались головы из мещан²⁷⁷. С 1836 г. мещан разрешили выбирать на все городские должности²⁷⁸. Общественные должности не оплачивались, но предполагались поощрения в виде освобождения от рекрутчины и телесных наказаний²⁷⁹. Общее мнение в историографии сводится к тому, что общественная служба была для обывателей весьма обременительной, «людей, озабоченных тем, как добыть пропитание, государство заставляло тратить драгоценное время на службу в выборных учреждениях»²⁸⁰. И как результат – «темнота и невежество гласных – общее место в отчётах ревизоров»²⁸¹, а «делопроизводство в думах велось медленно, часто неправильно. Инструкции и циркуляры сплошь и рядом в срок не выполнялись. Элементарные дела тянулись годами»²⁸², «думы и ратуши были очень несамостоятельны в своих действиях. Теоретически на каждый свой шаг они должны были испрашивать разрешение губернского правления, а то и высочайшее»²⁸³, «сметы думами составлялись небрежно и бестолково. Общественные суммы тратились на поздравления чиновников, на кормление их обедами...и т.п...В росписи вносились расходы на уплату жалования по должностям, которых не было»²⁸⁴. По мнению авторов коллективной монографии «Очерки истории Поволжья и Приуралья в имперский период», «полноценные органы самоуправления к началу XIX века были созданы только в губернских городах, а также в Сызрани и Самаре. В большинстве уездных городов выбирали только городского старосту (довольно часто его именовали бургомистром), задача которого сводилась к составлению ревизских сказок и сбору подушной подати. В маленьких городках городские головы, думы, купеческие и мещанские старосты появились лишь во второй четверти XIX века»²⁸⁵. И тем не менее, в городах региона, в первой половине XIX в. «купцы и мещане всё смелее выходили на сцену»²⁸⁶, мещане получали больше

власти в самоуправлении, чем это было предначертано законодателем, менялись культурные запросы мещанства и купечества, происходила интериоризация сознания, смена традиционной парадигмы в сфере эмоционального выражения чувств, уменьшался культурный разрыв между элитарной и низовой культурами, формировалась городская идентичность мещан. Во многом все эти изменения были связаны с екатерининской моделью формирования «городского гражданства», участвующего в самоуправлении. По крайней мере законодательные инициативы Екатерины II волей-неволей вовлекли мещан города в тот механизм производства городской картины мира, который, как и многое другое в Российской империи, был инициирован властью.

Особенностью саратовского сословного мещанского делопроизводства является тот факт, что история Мещанской управы ведётся с 1769 г., к этому времени относятся самые ранние документы, касающиеся её деятельности и хранящиеся ныне в Государственном архиве Саратовской области²⁸⁷. Некоторые исследователи, вслед за И. И. Дитягиным, называют органы сословного самоуправления, утверждённые в городах «Жалованной грамотой» 1785 г. управами²⁸⁸. Но так как по утвердившемуся в историографии мнению о том, что мещанское общество в городах было выделено Жалованной грамотой 1785 г. и с этого же момента городское общество должно было выбирать мещанского старосту для управления обществом²⁸⁹, а система мещанского управления, аналогичного купеческому, была впервые введена в 1846 г. в Петербурге²⁹⁰, и позднее утверждена Городовым положением 1870 г. для остальных российских городов, то термин «управа» применительно к дореформенному периоду представляется некорректным.

В 1844 г. в Саратове было торжественно открыто новое здание Городской думы. «Саратовские губернские ведомости» писали по этому поводу: «Дом вышел правильный, светлый, обширный, роскошно отделанный и, как внутри, так и снаружи, отлично украшенный»²⁹¹. В 1852 г. саратовским городским головой был избран почётный гражданин Л. С. Масленников²⁹². В 1858 г. в состав гласных саратовской градской думы входило два мещанина²⁹³, а в 1859 г. – уже трое мещан²⁹⁴, состав городского магистрата и в 1858 и в 1859 гг. был полностью купеческим²⁹⁵. В г. Волжске Саратовской губернии, дума была по составу купеческой, а вот в городской магистрат входило двое мещан²⁹⁶. В Актарске мещанин занимал должность городского головы и в 1858 и в 1859 гг.²⁹⁷, трое мещан входили в гласные думы и состав городско-

го магистрата был купеческо-мещанским²⁹⁸. В Балашове двое мещан являлись гласными думы²⁹⁹. В Камышине – гласными думы были три мещанина³⁰⁰. В Хвалынске мещанин выполнял функции городского головы, двое мещан являлись гласными думы и один мещанин входил в состав магистрата³⁰¹. Трое мещан являлись гласными думы Кузнецка и двое – выполняли должности ратманов в магистрате³⁰². Двое гласных из мещан входили в состав сердобской думы и один мещанин служил в магистрате³⁰³. В Петровске в городской думе было трое гласных из мещан, двое мещан были бургомистрами и двое – ратманами в магистрате³⁰⁴. И, наконец, в посаде Дубовка в составе гласных думы были двое мещан³⁰⁵.

Таким образом, представители мещанского сословия в Саратовской губернии, наряду с купечеством, были включены в систему городского самоуправления и ещё с конца XVIII в. установили между собой прочные деловые отношения.

В Симбирской губернии, по мнению Е. А. Ерохиной, до введения Городового положения 1870 г. губернская администрация полностью контролировала деятельность городских дум³⁰⁶, вмешивалась в хозяйственные внутригородские дела и «думам оставалось только выполнять предписания»³⁰⁷. Поднимался вопрос о растрате средств думой, на что члены думы отвечали: «никаких растрат не существует, и данная ситуация – результат противостояния различных групп в думе»³⁰⁸. После пожара 1864 г., уничтожившего большую часть Симбирска, дума продолжала затягивать проверку расходов³⁰⁹. И в 1869 г. были избраны от городского общества депутаты, по три человека от каждого сословия (дворян, чиновников, купцов и мещан) для проверки доходов и расходов думы³¹⁰. По мнению Е. А. Ерохиной, только введение Городового положения смогло изменить ситуацию с городским самоуправлением в лучшую сторону, а до этого момента – оно «существовало только на бумаге»³¹¹. Таким образом, Ерохина в своём исследовании рисует весьма пессимистическую картину функционирования системы городского самоуправления в Симбирской губернии: «города практически не обустроивались, горожане игнорировали выборы, органы городского самоуправления находились под контролем губернской администрации и были полностью лишены финансовой самостоятельности», и в качестве основной проблемы дореформенных муниципальных органов власти автор называет «сосредоточение всех городских дел в руках податных сословий – купцов и мещан»³¹².

В Симбирске, как и в других русских городах, екатерининским законодательством вводились две думы, шестигласная и общая³¹³. В 1862–1863 гг. в составе городского магистрата Симбирска выполняли общественные должности только купцы³¹⁴. А в состав городской думы Симбирска в качестве гласного от купцов входил купец третьей гильдии, от мещан – купец третьей гильдии и пять мещан. Городским головой был купец второй гильдии А. П. Кирпичников³¹⁵. В Сенгилее в состав гласных городской думы входило двое мещан³¹⁶. В Карсуне городским головой был мещанин, А. И. Пастухов, а гласных было двое: купеческий сын и купец. В городском магистрате должности бургомистров исполняли один купец и один мещанин, а ратманов – мещанин и купеческий сын³¹⁷. В Сызрани все должности по городскому управлению были заняты купцами³¹⁸. Сохранившиеся в хорошем состоянии в Сызранском филиале государственного архива Самарской области журналы магистратов заставляют предполагать об активной деятельности самоуправления в этом уездном городе. В конце XVIII в в сызранском магистрате состояли на службе 2 бургомистра и 4 ратмана³¹⁹. В Алатыри – городским головой был купец, гласными – купец третьей гильдии и мещанин. В городском магистрате бургомистром служил мещанин, а ратманами – два купца третьей гильдии³²⁰. В Буинске гласными в городской думе также были купец и мещанин и ратманами в магистрате – три купца и один мещанин³²¹. В городской думе Курмыша два гласных были мещанского сословия, а в магистрате – бургомистр и ратман³²². Два мещанина были гласными в городской думе Ардатова, а один мещанин – ратманом³²³. В Очерках географии, истории, культуры, экономики Сызрани из дореформенной системы городского самоуправления упоминается только городской магистрат, состоящий из бургомистров и ратманов и описывается его компетенция³²⁴.

В 1864 г. в состав гласных градской думы Симбирска входило 7 человек: трое купцов второй гильдии и четверо мещан³²⁵. В городском магистрате заседали только купцы и почётные граждане³²⁶. В Сенгилее гласными думы были двое мещан, а городским головой – купец второй гильдии³²⁷. В городском магистрате двое мещан выполняли обязанности ратманов, а бургомистром являлся купец второй гильдии³²⁸. В Карсуне городским головой был мещанин, а гласными думы – купеческий сын и мещанин. В городском магистрате бургомистрами являлись два купца второй гильдии, а ратманами – два мещанина³²⁹. В Сызрани

городской магистрат состоял полностью из купцов, один мещанин входил в состав городской думы³³⁰. В Алатыре гласными думы были двое мещан и один мещанин выполнял обязанности ратмана в городском магистрате³³¹. В Буинске один мещанин являлся гласным думы, остальные должности по городскому самоуправлению были заняты купцами³³². В Ардатове оба гласных думы были мещанами, а также кандидат бургомистра и кандидат ратмана в городском магистрате – были выходцами из мещанского сословия. И словесный судья был из мещан³³³. В Курмыше все должности городского самоуправления, отражённые в Памятной книге, исполнялись мещанами: исполняющий должность городского головы, гласный думы, бургомистр и ратман³³⁴. В гласные городской думы Симбирска входили 6 купцов и один мещанин. Членами сиротского суда были один купец и один мещанин. Судьями словесного суда являлись двое мещан³³⁵. В статистических обзорах Памятной книжки за 1869 г. не находим дифференциации по сословиям. В ней отмечается, что 57,6% населения городов Симбирской губернии составляли представители городских сословий³³⁶.

Таким образом, накануне реформы городского управления 1870 г., состав городского самоуправления в городах Симбирской губернии был купеческо-мещанским.

Что касается Самары, авторы коллективной монографии «История Самары: От воеводского управления до губернской думы» отмечают, что общая городская дума практического значения в повседневной жизни не имела. По сути дела, это было собрание выборщиков от разных групп горожан, которое проводилось раз в три года и занималось исключительно избранием членов постоянной, так называемой «шестигласной» думы... В уездной Самаре от издания «Жалованной грамоты» до 1850 г. было проведено 23 созыва думы³³⁷. В Самаре было четыре гласных, а не шесть, как предусматривала «Жалованная грамота». «Дума осуществляла распорядительные функции по тем сторонам жизни Самары, что были отнесены к ведению местного самоуправления. Она ведала сбором податей с горожан и несением ими повинностей, содействовала развитию торговли и ремёсел, управляла городским хозяйством и имуществом, занималась благоустройством, защищала сословные права купцов и мещан. Важнейшей частью работы думы была финансово-бюджетная»³³⁸. В целом, авторы монографии приходят к выводу, что, так как до 1851 г. Самара была уездным городом, «её органы городского самоуправления были развиты слабо»³³⁹.

А. А. Кузьмин в исследовании городского самоуправления Самары в период с 1851 по 1892 гг., применительно к 50–60-м гг. отмечал, что «городское депутатское собрание в эти годы практически не собиралось, упоминание о его существовании почти не встречается в делах городской думы» и «только к концу первой четверти XIX в. городские органы самоуправления стали проявлять более менее заметную роль в жизни Самары»³⁴⁰.

В данный период в Самаре действовали следующие органы местного самоуправления: городская дума, городской магистрат (суд для горожан – не дворян) и сиротский суд (орган опеки для купеческого и мещанского сословия). В начале XIX в. «все эти учреждения размещались в деревянном здании, стоявшем вне крепости на посаде неподалёку от волжского берега близ хлебных амбаров и называвшемся часто в документах «городовым общественным домом» или «домом общества градского»³⁴¹. «Градское общество» имело юридический статус, владело собственностью, получало доходы со своего имущества и облагало своих членов специальными сборами³⁴². «Общая городская дума практического значения в повседневной жизни не имела. По сути дела это было собрание выборщиков от разных групп горожан, которое проводилось раз в три года и занималось исключительно избранием членов постоянной, так называемой «шестигласной» думы. Последняя являлась важнейшим органом местного самоуправления, именно её следует называть просто городской думой»³⁴³. Городская дума состояла из головы и гласных, которых в Самаре было 4, а не 6, как предусматривалось «Жалованной грамотой»³⁴⁴. Дума ведала сбором податей с горожан и контролировала выполнение ими повинностей. Кроме того, регулировала вопросы, связанные с торговлей и ремеслом, управляла городским хозяйством и имуществом, занималась благоустройством, защищала сословные права мещан и купцов³⁴⁵. Так как «не казна, а «градское общество» содержало всю городскую администрацию и полицию»³⁴⁶, важнейшей частью работы думы были финансово-бюджетные вопросы. Причём, приходилось постоянно всё это согласовывать с губернатором и отчитываться перед ним. И если содержание правительственной администрации и полиции составляло 48, 95% годовых доходов «общества градского», то содержание думы и других органов городского самоуправления составляли 8,49% годовых расходов³⁴⁷. Голова, гласные думы, судьи магистрата («ратманы») и сиротского суда не получали жалования, а довольствовались освобо-

ждением от некоторых налогов и повинностей. Жалование получали только канцелярские служащие, сторожа, рассыльные и т.д., то есть все те, кто не принимал участия в решении городских вопросов, а просто обеспечивал условия для функционирования думы. Собрания думы проводились практически ежедневно. Гласным и голове помогали в их работе купеческий, мещанский, ревизские, податные, базарные старосты, присяжные оценщики и торговые депутаты.

Процедура выборов на должности городского самоуправления в уездный период жизни Самары реконструирована историками лишь по единичным делам, уцелевшим после пожара 1850 г.. Решение о проведении выборов и их сроках принимал городской голова в конце календарного года. В особых случаях проходили досрочные выборы. Все собирались в «доме общества градского», приносили присягу, подписывались под её текстом. Результаты выборов протоколировались. Голосование проводилось шарами (баллотировкой). Получивший второй результат на выборах числился кандидатом в должность³⁴⁸.

Самарское градское общество на каждое трёхлетие избирало по баллотировке в городскую думу: городского голову (1 чел.), гласных думы (4 чел.), заседателей в палату уголовного суда (2 чел.), заседателей в палату гражданского суда (2 чел.), и в городской магистрат: бургомистров (2 чел.), ратманов (4 чел.), ратманов для полиции (2 чел.), депутатов и купеческих, мещанских и податных старост³⁴⁹. Все выбранные должности должны были утверждаться губернатором. В пользу сторонников теории «цивилизованной добродетели» городов³⁵⁰ говорит критерий выборов кандидатов на должности в городское самоуправление. «Назначенные к баллотированию лица – есть люди поведения хорошего, ни в каких пороках не замеченные, в штрафах и под судом не были, а если были, то за что и чем дела кончены»³⁵¹. Качества личного порядка становились особенно важными, так как, во-первых, были проверяемы в условиях небольшого пространства провинциального города, в котором многие друг друга знали или были лично знакомы, и, во-вторых, городские должности такого низового уровня предполагали тип «персонализированного лидерства»³⁵², при котором носитель власти пользуется уважением в качестве главы «большой патриархальной семьи» – общества градского. Процедура выборов, на наш взгляд, не столько была задана властью, как об этом пишет А. И. Куприянов, сколько являлась той психической активностью провинциала, которая находила внешнее выражение в конструировании своего мира, мира провинциального города.

Социальная система задаёт правила поведения, в том числе ролевого, «которое в свою очередь определяется существующими социальными институтами»³⁵³. «Роли» в данном действии получали купцы и мещане не моложе 25 лет, имеющие в Самаре капитал, с которого проценты составляли не ниже 15 рублей серебром³⁵⁴. Действие разворачивалось следующим образом: «горожане, имеющие право участвовать в выборах, прибывали в Городскую Думу в 8 часов утра и, вместе с Городским Головою, отправлялись в Соборную церковь. Там служили для них Божественную литургию и молебен Христу Спасителю, а затем они, всем обществом, приводились к присяге, давая... «Клятвенное обещание»»³⁵⁵. Текст «Клятвенного обещания», апеллируя к религиозному сознанию мещанина («обещаю и клянусь Всемогущим Богом пред святым Евангелием»), формировал нравственный облик такого управленца из народа: «по чистой моей совести и чести без пристрастия и собственной корысти, устраняя вражду и связи родства и дружбы», «попечительными о пользе общественной», «(не)радивый о благе общественном в коем и моё собственное заключается»³⁵⁶ (Приложение № 1). Б. Н. Миронов очень точно характеризует это сложное чувство, испытываемое членами городского сообщества при включении их в управление городскими делами: они «смотрели на городское самоуправление как на служение государственным и местным сословным интересам, как на обязанность и право, как на повинность и привилегию...»³⁵⁷.

В Самаре, удалённой на значительное расстояние от административных центров страны, «героем» местного самоуправления мог стать некий персонаж «срединного мира», вобравший в себя «как амбициозный низ, так и склонный к компромиссу верх общества ...», выступавший «средоточием динамики. Единица среднего класса - "self made man", человек-самоделка, человек-выскачка, чей девиз – "Преуспеть, пробиться!" ("Pağvenir!" – в духе бальзаковского Растиньяка). Никто, ничей, ниоткуда, – он определяет себя не через принадлежность к общине или культурной традиции (чему-то большему, глубже укорененному исторически, чем он сам), но исключительно через индивидуальную деятельность и ее результаты»³⁵⁸. Герой семейной хроники самарских купцов Плотниковых-Шерстнёвых, Фёдор Семёнович Плотников, в 25 лет, приобретая свидетельство купца 3-ей гильдии, принял участие в выборах в городское самоуправление. Повествуя этот сюжет из его биографии, авторы пишут: «Местное управление, в отличие от центрального, осуществлялось в это время не правительственными

чиновниками, а при помощи местных жителей, заинтересованных в результатах своей деятельности»³⁵⁹.

Таким образом, результатом державной систематизации городских структур становится не всесословное городское общество, как это задумывалось законодателем, а купеческо-мещанский союз по участию в городском самоуправлении. Среди горожан были представлены и другие социальные слои империи, но участвовать в самоуправлении имели право и проявили желание только купцы и мещане. Для мещан, вытесненных интеллектуальной мыслью России не только из духовной культуры, но и из социальной пореформенной истории в плане позиции нового социального состава дум по отношению к мещанам, период так называемого «городского гражданства» являлся своего рода «золотым веком» их общественной жизни в городе. Даже в провинциальных городах Саратовской, Самарской и Симбирской губерний, при всех отхождениях от первоначального замысла власти, при нежелании мещан выполнять общественные поручения, при перманентных самоотводах, участие в системе самоуправления плодотворно влияло на урбанистический процесс в регионе, на взаимоотношения с властью города, которая воспринималась как «своя» и на складывание у мещанства городского менталитета и сословной идентичности.

СПОСОБЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕЩАНАМИ СИСТЕМЫ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

Освоение социального поля «городского гражданства» осуществлялось провинциальными мещанами через многообразные и фрагментарные операции, проникающие внутрь власти, использующие власть, обманывающие власть и «потребляющие» в силу безвыходности то, к чему обязывает власть. В системе ценностей мещан Дом занимает особое место. Дом – это защита, убежище, частный семейный круг, место накопления материальных благ, выражение идентичности и т.д. В этой связи для «одомашнивания» власти, её необходимо было поселить в Дом. И городское самоуправление символически и реально было помещено в Дом общества градского.

В одних городах это было отдельное здание для заседаний градской думы, в других – более широкое присутственное место, где были сосредоточены различные государственные учреждения. В 1858 г. мещане г. Самары собирались на своё общественное собрание в дом, занимаемый городской думой³⁶⁰. Дом власти, место её сосредоточения, влияет на людей по-разному. Пространство дома помогает обрести идентичность³⁶¹. После пожара 1850 г. старый деревянный «дом общества градского» в Самаре сгорел, уцелели лишь «стол присутствующих думы с зелёным сукном, зеркало и портрет Государя императора без рамки»³⁶². Представители местного самоуправления вынуждены были снимать за 290 руб. в год дом купца И. С. Лебедева³⁶³. Власть на какое-то время становится «бездомной». Дом, как концепция созданного человеком культурного пространства³⁶⁴, может выступать не только в прикладном повседневном аспекте как место жизни индивида, но и в символическом, как место жизни власти. Выражение «Дом общества градского» подчёркивает позитивные (эмоционально) семантические компоненты данной пространственной концепции, то есть «её защитные, охранительные и способствующие сплочению аспекты»³⁶⁵. В 1810–1820 гг. в Самаре было два каменных дома, в одном из которых – помещались присутственные места и жил городничий, а в другом – имелись караульня и тюрьма. Таким образом, сама локализация урбанистического пространства фактически была связана с домами, в которых обитала власть. (Приложение № 2) В небольшом пространстве дореформенного города власть находилась близко к человеку. Она соседствовала с ним. В этом отношении символически звучит сообщение «Симбирских губернских ведомостей» от 24 февраля 1862 г. о том, что писарем Симбирского городского общества Егоровым была потеряна общественная печать. «Если означенная печать где окажется, то доставить оную в Симбирскую городскую Думу»³⁶⁶. Все знаки власти, включая печать, носят символический характер и образуют с горожанами некое коллективное единство, систему, в 50–60-е гг. XIX в. ещё не потревоженную новыми сообщениями³⁶⁷, выводящими систему из равновесия. В пространстве «патриархального дома» и такая символическая вещь, как печать, может быть обнаружена «домо-чадцами» и возвращена на место.

Городовой магистрат, который в рассматриваемый период в некоторых городах региона был «населён» мещанами, также располагался в Доме общества градского или, как в Симбирске, в помещении гу-

бернского правления³⁶⁸. После пожара 1864 г., когда каждый житель города горевал по своему сгоревшему дому и имуществу, служащие магистрата «горевали» по сгоревшему казённому имуществу, которое воспринимали как собственное, жаловались, что «не имеют никаких средств обмундировать себя, как носильным платьем, так равно и содержать себя», так как из-за пожара сгорело «всё без изъятия движимое имущество»³⁶⁹.

В столице у мещан был специальный Мещанский общественный дом. Рядом с сословной властью в нём соседствовали квартиры, лавки, кладовые, торговые лари, сдаваемые мещанами в наём³⁷⁰. В крупных мещанских сословных организациях, сословная власть стремились извлечь доход со всего³⁷¹, в том числе и с Дома власти. Так происходило в Саратове. Саратовский мещанский «Дом» был самым богатым в регионе.

Но «Дом» власти мог быть представлен и в отрицательных коннотациях, как центр «дисциплинарного пространства». У М.Фуко читаем: «В центре и в первой городской черте – больницы для лечения всех болезней, богадельни для всевозможной нищеты, сумасшедшие дома, каторжные тюрьмы... По обочине первого кольца – казармы, суды, полицейское ведомство, жилища надсмотрщиков, площадки для эшафотов, дома палача и его подручных. По четырём углам – палата депутатов, палата пэров, академия и королевский дворец Город-карцер с его воображаемой «геополитикой»...»³⁷². Такой символический образ власти служит обязательной декомпенсацией, чтобы не было самообмана. Власть всегда включает в себе элементы «карцера», даже если речь идёт о власти однообщественников. В этой связи с Домом общества градского в мещанском сословии было связано две противоположные эмоции: одна положительная, воспринимающая Дом как защиту, другая отрицательная, связанная с властью как насилием и наказанием.

В Дом общества градского мещане собирались для выборов на общественные должности. Процедура выборов находилась под контролем коронной администрации, что свидетельствовало не столько о правительственной опеке городского самоуправления, сколько о придании государственного статуса подобной процедуре, об определённом престиже её и ритуальном характере. Участие в городском самоуправлении должно было стать привычным, ритуальным действием, связанным не с неприятной обязанностью, а с общественным престижем. Эмоционально торжественность ритуальных действий

была призвана компенсировать подлинную сущность системы городского самоуправления, связанную с выполнением сословием своих фискальных обязанностей, да ещё и контролем за их выполнением.

Разрешение на выборы в «должностные управления мещан г. Симбирска» на 1864–1866 г. было получено «Господином Симбирским Городским Головой» от Министра Внутренних Дел, переданное через «Начальника губернии» и Симбирское губернское правление. Было предписано провести выборы в Доме градского общества³⁷³. О выборах Городской голова рапортовал и губернскому прокурору: «С разрешения Его Превосходительства Господина Министра Внутренних Дел, 28 числа сего февраля в 6 часов вечера имеет быть открыто собрание городского общества для проведения выборов на XXVIII-е трёх-летие»³⁷⁴.

Номенклатура должностей, на которые избирались мещане, была значительно шире законодательных предписаний, что было связано с практикой постоянных самоотводов с должностей не только мещан, но и купцов. В 1855 г. мещане Самары избрали на общественные должности базарных старост, мещанского старосту, помощников податному старосте, присяжных оценщиков, комиссара общественных зданий, депутата для квартирных дел, депутатов городского депутатского собрания, торговых депутатов³⁷⁵. Из приговора мещанского общества 1856 г. видно, что всего «при городской думе» служило 24 мещанина³⁷⁶, на которых однообщественники возлагали «обязанность исполнять (должности)...в точности и добросовестно, в чём подпишемся к сему приговору...»³⁷⁷. Два определения, «точно и добросовестно», характеризуют, исполнительскую роль мещанского общества в городе. Но фигура исполнителя вовсе не лишена значимости и общественной пользы. Причём, как бы ни тягостно было для мещан отрываться от своих повседневных забот для выполнения общественных городских должностей и обязанностей, к этой работе, как и к любой другой работе, нужно было относиться «точно и добросовестно», так как это было их город, наделённый смыслом «Дома».

Для решения общегородских вопросов мещане и купцы заседали сообща. Выслушав предложенное Городским головой мнение, производили «по этому предмету баллотировку» шарами³⁷⁸. В отношении купеческо-мещанского состава городского самоуправления, сложившегося также вопреки воле законодателей, заслуживает внимания формулировка начала приговора Симбирского общества от 29 апреля 1865 г.: «Как на настоящее собрание из других сословий никого не

явилось, кроме купцов и мещан, то из среды себя назначаем...»³⁷⁹. Для решения вопроса о налогах было назначено 6 симбирских купцов и 10 симбирских мещан³⁸⁰. Таким образом, два сословия в решении повседневных дел выступали на паритетных началах. Но в сами списки гласных, назначенных к баллотировке в градскую думу, вносились помимо купцов и мещан, и потомственные почётные граждане³⁸¹. В 1865 г. в Симбирске градское общество избирало из своей среды заседателей уголовной палаты гражданского суда, Приказа общественного призрения, ратманов городского полицейского управления, бургомистров городского магистрата, ратманов городского магистрата, писаря городского общества, судей в Словесный суд, торговых депутатов, депутатов в квартирную комиссию, депутатов депутатского собрания, оценщиков для оценки всех вообще зданий жителей г. Симбирска, мещанского старосту³⁸². Итоги выборов докладывались в Симбирское губернское правление³⁸³.

По выборам служащих из городских обывателей по Самарской Городской Думе на 1858–1965 г. предстаёт достаточно широкий круг должностей, на которых избирались мещане: это гласные думы, общественный писарь, депутаты городского депутатского собрания, депутаты по торговле, аукционщик, комиссар для смотрения за общественными зданиями, мещанский староста с помощником, податный староста с помощниками, присяжный оценщик с помощниками, депутаты для следственных дел, базарный староста, добросовестный по общественным делам и добросовестный по рекрутским делам, депутат со стороны граждан по раздаче жителям г. Самары, страдавших от пожара, денег, комиссар по сбору денег с домовых труб, выборные при частях города, добросовестные при частях города, ратман полиции, староста квартирной комиссии, староста по составлению городской обывательской книги, комиссары для сбора денег в городской доход, окладчик податей, торговые депутаты, члены пожарного комитета и на большинство должностей ещё и кандидаты, которые могли бы заменить в крайнем случае³⁸⁴. Фактически все эти должности призваны были обеспечить порядок в городе. И мещане, таким образом, выступали как творцы собственной городской жизни.

О ситуации в мещанских обществах других городов Самарской губернии помогает узнать фонд Самарского губернского правления³⁸⁵. Из материалов фонда видно, что в Сергиевское мещанское общество в 1851 г. избирало словесных судей, присяжных свидетелей, оценщиков,

депутатов квартирной комиссии³⁸⁶. Мещанское общество г. Бузулука в 1851 г. избирало в должности городских старост, депутатов квартирной комиссии. По всей видимости, мещанство Бузулука, так же как и самарское мещанство, не было в восторге от исполнения этих общественных должностей, отвлекающих их от повседневной деятельности, так как делопроизводство сохранило значительное количество самоотводов, написанных в форме просьб с объяснением различных жизненных обстоятельств, не позволявших мещанам заниматься общественной деятельностью³⁸⁷.

От несения службы можно было уклониться по решению врачебной управы, к примеру, в связи с рубцами на конечностях, из-за которых мещанин не мог исполнять должность разводчика³⁸⁸. По причине неумения читать и писать мещанин был освобождён от должности окладчика для раскладки податей по душам³⁸⁹. Не могли быть избранными на общественные должности и мещане, находившиеся под судом. Хотя постоянно возникали ситуации, что по незнанию их всё-таки выбирали, а потом приходилось проводить перевыборы³⁹⁰. Многие избранные на должности мещане просто не приходили выполнять свои обязанности и тогда их «понуждали» через словесные суды и магистраты³⁹¹.

Тексты клятв, которые приносили мещане при избрании на должности городского самоуправления, были практически идентичными, начиная от участия в выборах, заканчивая, к примеру, клятвой на вступление в должность³⁹². В текстах клятв было отражено религиозное сознание, человек клялся перед Богом, в наказание за нерадивость – обрекался на Страшный Суд и в подтверждение клятвы целовал Крест. Самарские клятвы выглядят более пространно и эмоционально. Даже в текстах клятв самарские горожане в большей степени склонны к общению с властью, чем их соседи, мещане Саратовской и Симбирской губерний. Может быть в этом проявил себя статус «неофитов» в плане молодости Самары в качестве губернского города. Симбирские мещане более сдержанны. Они не обнажались в диалоге с властью, так как, по всей видимости, не воспринимали эту власть в «дворянской губернии» как свою. Но повсеместно принесение присяги при вступлении в должность представляло собой важное ритуальное действие, подчёркивающее сакральность власти. Горожане, имеющие право участвовать в выборах, прибывали в Градскую Думу в Самаре в 8 часов утра и вместе с Городским Головою отправлялись в Соборную церковь. Там служили для них Божественную литургию и молебен Христу

Спасителю³⁹³. Потом все приводились к присяге. Но были случаи, когда уже после приведения к присяге, выбранные в должности брали самоотвод³⁹⁴.

Иногда занятие тех или иных общественных должностей для мещан было чревато привлечением к суду. Так, мещанин Н. С. Минаев, избранный на должность депутата от граждан по следственным делам на трёхлетие, неправильно составил приговор по делу мещанина Полякова. По жалобе Полякова, Минаева решили привлечь к суду и от должности освободить. Но он написал уже со своей стороны жалобу в Правительствующий Сенат и все обвинения с него были сняты³⁹⁵.

В фонде мещанской управы г. Самары сохранился список лиц, избранных в разные городские общественные должности: в словесные судьи избирались были 6 купцов и 2 мещан; выборными в городские части – 12 мещан; ратманами в городскую полицию – купцы; депутатами в квартирную комиссию – 3 мещанина; депутатами в городское депутатское собрание и кандидатами к ним – 2 мещанина и 2 купца; старостами для составления обывательской книги – 2 купца и 2 мещанина; депутатами для раскладки земских повинностей – 1 купец и 1 мещанин; торговыми депутатами – 4 купца и 4 мещан; в мещанские старосты и кандидатами к ним – 3 мещан; в податные старосты – 2 мещанина; в помощники податного старосты – 6 мещан; в помощники мещанского старосты – 10 мещан; в аукционисты – 2 мещан; в следственные депутаты – 2 мещан и 2 купцов; в квартирмейстеры – 3 мещан³⁹⁶. Были даже такие мещанские должности в Самаре как «Комиссар по сбору денег за чистку дымовых труб»³⁹⁷.

Своего рода феноменом, как это уже отмечалось выше, было мещанское общество «уничтоженного города Тагая»³⁹⁸. Города уже не было, а мещанское общество сохранилось. В документах так и писалось: «1866 г. ноября 28 дня обществом мещан уничтоженного города Тагая будучи на общественном собрании избрали из среды своей...»³⁹⁹. Или: «обсуждали приговор мещан уничтоженного города Тагая» (писали мещане сами о себе)⁴⁰⁰. Так же как и в заволжских слободах, Часовне, Королёвке, Канаве, выборы в Тагае были поскромнее, гораздо меньше общественных должностей предусматривалось. И в Королёвке, и в Тагае называлось не собрание мещанского общества, а мирской сход или сходка⁴⁰¹. То есть мещане заволжских слобод входили в мещанское общество г. Симбирска, но выборы проводили отдельно на своём мирском сходе. Так и писалось в приговорах: «1865 г. января 7 дня мещане

г. Симбирска проживающие за р. Волгой в слободе Корольчихе будучи на мирском собрании избрали из среды себя в старосты Осипа иванова Кондрашина»⁴⁰².

Если большинство общественных должностей не оплачивались, то писмоводители, как правило, получали от думы деньги за свою работу. Выплачивались деньги священникам, служащим молебны, писарям, писцам, протоколистам, оспопрививателям и др.⁴⁰³. Писмоводитель податного старосты, Могилов, в своём рапорте в Симбирскую городскую думу жаловался: «По приговору общества мещан г. Симбирска, составленному в 1866 г. и утверждённому Симбирским губернским правлением, назначено на нём писцом податного стола и канцелярскими материалами 350 руб. но в этом году отпускалось из Городской думы только по 25 руб. в месяц и недополучено мне за 1866 г. 50 руб.»⁴⁰⁴. Писмоводитель, не сомневаясь в легитимности мещанского приговора, утверждённого правлением, «сражается» за свои недополученные от думы 50 руб. В таких деталях как раз и заключается эффект повседневности, свидетельствующий об устоявшихся в провинциальной жизни институтах местной власти, между которыми «мигрирует» мещанин в своих интеракциях. Некоторые представители мещанской власти злоупотребляли ею. Не в целях обогащения, а от нежелания выполнять эти общественные поручения, без которых, однако, мещанское общество не могло выполнять свои обязанности перед государством. Так, по указу губернского правления было заведено дело «о причинении побоев самарскому мещанину Андрею Данову сборщиками податей»⁴⁰⁵. Событие произошло накануне Нового 1857 года, 31 декабря. Добросовестный самарской думы, мещанский староста, а также сборщик податей собирали с должников по распоряжению Городского головы недоимки. Придя в дом к Андрею Данову и не застав его, они стали требовать деньги с его сына Александра. Мальчик просил подождать отца, так как не знал, где дома деньги. Сборщики ждать не захотели, увидев на дворе лошадь, принадлежащую сестре Данова, решили забрать её. Мальчик попытался удержать их, но сборщики «нанесли ему побои»⁴⁰⁶. Отец пожаловался в думу. Дума, произведя своё дознание, признала сборщиков виновными и дело было передано в суд⁴⁰⁷. Но из материалов дела становится в определённой степени понятна и позиция обвиняемых. Семейный, безграмотный, уже в возрасте, добросовестный вынужден был ходить по должникам и собирать с них недоимки. А должники в ответ – «делали дерзости...»⁴⁰⁸. С другой

стороны, и сам неплательщик Данов уже через 3 года будет награждён «серебряной медалью за усердие на ленте святого Станислава для ношения за человеколюбивые подвиги В подаянии пособия заболевающим холерою всем сословиям в городе Самаре, и в уездах Самарском, Бугурусланском, Бузулукском с раздачею всех средств безденежно и за прекращение в городах Самаре и Ставрополе пожаров.»⁴⁰⁹.

В Симбирске при выборах в различные «должностные лица»⁴¹⁰, мещане в 1865 г. в первую очередь озаботились выборами специального старосты, который бы занимался противопожарной безопасностью⁴¹¹. В противопожарную комиссию вошли 3 человека от купцов и 6 – от мещан⁴¹².

Но вот должность полесовщика для караула городского общественно-го леса вызвала у симбирского мещанина ярый протест на основании его «преклонных лет» (66 года)⁴¹³. Прошения об увольнении от должности писались и на основании того, что дети мещан находились в рекрутах, следовательно нужно было кому-то заниматься хозяйством, а не общественными делами⁴¹⁴. Если судить по документам, сохранившимся в делопроизводствах городских дум, общество каким-то образом постоянно умудрялось, удовлетворяя подобные просьбы, прошения, заявления об увольнении, рекрутировать на общественные должности других горожан. Мещанское общество Саратова согласилось «уволить от должности» помощника мещанского старосты в ответ на его просьбу в думу об увольнении после года работы: «на настоящий же год продолжить отправление вышеозначенной должности никак не в силах, Послучаю что лишился родителя с семейством заключающимся в престарелой матери и трёх несовершеннолетних братьях и двух сестёр, Промышленником остался один, снискивает как для них, и себя необходимое содержание аотвлечшись поотправлению должности совершенно расстройство Поэтому Градскою думою и предписано: обстоятельство это предложить на уважение общества»⁴¹⁵. Также саратовское мещанское общество согласилось уволить «по преклонности лет и слабому здоровью» мещанина, избранного в должность комиссара в Строительную комиссию⁴¹⁶. Также «по преклонности лет и слабому здоровью» «уклонялся от должности» «ценовщика» в Строительной и Дорожной комиссиях мещанин Тумяков и в конце концов был освобождён обществом от выполнения этой обязанности⁴¹⁷. В аналогичном случае мещанское общество освободило от должности добросовестного: «мы мещанское общество снисходя к прописанным причинам Авособенности долголетию их службы уволить»⁴¹⁸. Мещанское общество Саратова увольняет от должности в этом же году

«избранных в тысячные помощники» на основании их безграмотности, о чём записывается в приговоре общества, ещё более безграмотном, чем несостоявшиеся тысячники: «уволить по случаю их отлучного промысла, Авособенности без грамотства от таковых должностей уволить азаместимо взамен их следующих поболтированному Списку Кандидатов»⁴¹⁹.

В Доме общества градского мещане собирались для решения не только сословных, но и общегородских проблем. На одной повестке дня стояли вопросы не только выборов в общественные должности, но и наём охотников в рекруты и др. вопросы⁴²⁰.

Сведения о гласных градской думы в Самаре и Симбирске не публиковались (в отличие от формулярных списков гласных преобразованной думы после 1870 г.). Социальный портрет гласного этой «старой» думы можно обнаружить в Нарядах о службе членов городской думы в фондах городских дум. В подобном Наряде от 1866 г. по Симбирску сохранился Рапорт мещанина: «Имею честь представить следующие сведения что я Симбирский мещанин от роду имею 44 года, православного вероисповедания имею благоприобретённый деревянный двухэтажный дом на каменном фундаменте с принадлежащими к нему строениями воспитание получил домашнее был избран обществом в должность сборщика полупроцентного сбора с недвижимых собственности г. Симбирска, каковую исполнял в 1858 и 1861 годах по выбору Купцов и мещан избран на XXVIII трёхлетие в гласные Симбирской городской думы»⁴²¹.

Градская Дума интересна при анализе мещанской повседневности не только с точки зрения её компетенции, состава, но и в качестве некоего узла мещанских коммуникативных связей. Несмотря на то, что мещанин был важен для думы как основной налогоплательщик города и поставщик рекрутов, следовательно и его смерть важна была для города только лишь для учёта и контроля «паствы», дума невольно координировала и эту грустную статистику. Дума издавала так называемые «Указы о смерти мещан города». Во входящей в думу документации, как правило, писалось: «...волей Божей помер», а в исходящих указах о смерти формально констатировалось: «помер от тифа в походном лазарете Севастопольского пехотного полка»⁴²². Точно так же, как и о смерти, в форме указов дума сообщала мещанскому, податному, рекрутскому и др. старостам о бракосочетаниях мещан города: «городская Дума даёт Вам знать, что Симбирский мещанин Пётр Варфоломеев повенчан с мещанкою... в 1864 г.»⁴²³.

Не останавливаясь специально на деятельности Городового магистрата, отметим, что, как правило, там рассматривались в 50–60-е гг. XIX в. мелкие судебные дела. В 1864 г. в состав Симбирского Городового магистрата входили 2 бургомистра и 2 ратмана. Им приходилось рассматривать, к примеру, такие дела, как дело «о снятии мещанами Слободы Часовни Васильем Степановым и Парфёном Лепуховым шкуры с лошади принадлежащей однообщественнику их Фёдору Степаскому»⁴²⁴. Магистрат постановил: «А как из дела видно что мещанин Лепухов содержится под стражею в Симбирском тюремном замке и он Лепухов за снятие с лошади шкуры должен подлежать только одному денежному взысканию то не обременяя его на долгое время содержанием в тюремном замке...освободить на поручительство»⁴²⁵. О деле было сообщено в Симбирский уездный суд и в думу.

Магистрат рассматривал дела о скоропостижно умерших мещанах, вникал в обстоятельства их смерти⁴²⁶. В заключении фиксировалось: «В умышленном лишении его жизни виновных никого не открыто»⁴²⁷. В магистрат жаловались на семейные ссоры. Дела, как правило, заканчивались «миробитием»⁴²⁸. Обращались в магистрат мещане с жалобами за «причинение обиды и побоев», о «растратах» из магазинов и т.д.⁴²⁹ Но несмотря на незначительность происшествий, даже «за кражу табаку с ...пристаней» мещанин мог оказаться в тюремном замке⁴³⁰. Во время пожара 1864 г. в Симбирска сгорели и все дела в магистрате о «долгах и свойстве несостоятельности». Все надежды возлагались на то, что в «денежном сундучке, хранящимся в...казначействе» сохранились векселя по этим делам⁴³¹. В августе 1865 г. горел г. Перемышль. Документы из официальных зданий выбрасывались в окна. Потом собирались и приводились в порядок⁴³². Эти сюжеты свидетельствуют в пользу патерналистского стиля взаимодействия мещанина и власти. Жизнь мещанской общности города базируется на личной связи. «Личная связь – это множественная сложная связь, базирующаяся на личном доверии», «люди здесь общаются с людьми, а не с абстрактными системами»⁴³³. Как и в частной жизни, в общественной тоже имеются свои «сундучки» и своя «территория», на которой не пропадёт собственный выброшенный «мусор».

Должности по городовому магистрату так же, как и прочие общественные должности, были обременительны для мещан. Но все вопросы самоотвода можно было решить легитимно. Так, ратман симбирского городового магистрата мещанин В. И. Шивикин просил «об увольне-

нии» от должности, так как ему «по домашним делам» необходимо было уехать в Самару и никак не мог получить без увольнения от должности ротмана вид на жительство⁴³⁴.

Городовой магистрат в случае необходимости занимался и розыском пропавших без вести, по крайней мере, такие дела обнаруживаются в симбирском магистрате. Туда в 1865 г. обратился унтер офицер 43 пехотного Севастопольского полка Платон Цветихин, который был встревожен тем, что от его родного брата, симбирского мещанина Палладия Цветихина не приходят письма, начиная с 1860 г.⁴³⁵ Магистрат мог и проводить освидетельствование в умственных способностях симбирских мещан, при чём «на дому», если возникала такая необходимость⁴³⁶. Магистрат решал вопросы о денежных претензиях. Выразительно, с точки зрения межсловных коммуникаций города, выглядит прошение в магистрат мещанок Глафиры Воскобойниковой и Марьи Деревяниной «по делу о взыскании с них девицею из дворян Ольгою Немчиновой денег по закладной»⁴³⁷. В именах, в указаниях сословной принадлежности просматривается некая латентная «демаркационная линия» и указание на древнейшую оппозицию: «свой-чужой». Магистрат рассматривал дела по духовным завещаниям⁴³⁸. И так же, как и в мещанскую управу города, в него иногда возвращались вещи умерших мещан. Их канцелярское описание может поведать об антропологии повседневного сословного быта. В 1865 г. в симбирский городской магистрат были переданы вещи, «оставшиеся после мещанина Кондратьева»: «дырявый зонтик, кремневый пистолет, суконный чапан, чапан тёмно-синего цвета, шуба на лисьем меху, волчий тулуп, из разных овчин тулуп, столовая серебряная ложка, серебряная чайная ложка, пять столовых серебряных ложек без пробы...образ Скорбящей Божьей Матери, Икона Николая Чудотворца, икона Казанской Божьей Матери, стёганое ситцевое одеяло, карманные часы с медною цепочкою, серебряные часы, с бисерным...медный крест, медный кран от самовара, бекешка канадского меха, чёрный кафтан, кафтан тёмно-синего сукна...бумажный шейный платок, ...самовар, часы стенные, односпальная перина, две подушки, медный таз, купчая крепость на дворовое место»⁴³⁹. Перечисленный через запятую вещный мир мещанина, оставшийся после него и нашедший приют в городском магистрате, свидетельствует о жизни маленького городского человека, чьё одиночество в городе в 50–60-е гг. XIX в. ещё скрашивалось «своей» властью, которая, пусть даже после смерти, но давала приют. Это была

эпоха городского взаимодействия «лицом к лицу», когда городская цивилизация в России создавалась «собственным телом»⁴⁴⁰.

Ссоры мещан, решаемые магистратом⁴⁴¹, с одной стороны, могут выступать как практики «бессубъектной повседневности»⁴⁴². С другой стороны, обращаясь за разрешением конфликтной ситуации в магистрат, мещанин «играет в чужую властную игру»⁴⁴³, присваивая её себе, делая её своей, но обогащаясь языком официального решения спора. В 1863 г. поссорились две симбирские мещанки, Марья и Авдотья. Подрались. А на языке магистратского делопроизводства это называется: «совершили побои и изорвание шали одной другой»⁴⁴⁴. Дело порешили следующим образом: «испрошением первой у последней христианского прощения» и уплатой за изорванную шаль 4 руб. серебром, за «снятие бесчестия» 5 руб. серебром и после всего этого «означенное дело прекратить миролюбием»⁴⁴⁵. Прощение в магистрат Симбирска «временно-обязанного дворового человека жены» с жалобой на её хозяйку квартиры, мещанина Василия Филиппова Филатова интересно как часть коммуникативный ритуала письменного обращения во власть. Это также очередная «маска», или конвенциональный приём, обусловленный этикетом общения простолюдина с чиновниками. «Словесная игра», которую ведёт женщина, чтобы выиграть конфликт и наказать обидчика заключается в том, что её реальная речевая повседневность старательно переводится на деловой стиль государственного учреждения. И тогда получается оприличивание неприличного: «хозяин квартиры нашей... зайдя в нанимаемую нами комнату начал делать к мужу моему разного рода придирки и ругался скверноматерно»⁴⁴⁶. Изложение скандала принимает в обращении во власть пролонгированный характер. Ритм действия в эпистолярном изложении замедляется: «и когда брань его стала невыносимой то я по причине нахождения тогда мужа моего в болезни и по праву хозяйки квартиры сказала ему чтобы он от неприятных слов воздержался и шёл бы в свою комнату»⁴⁴⁷. Язык власти, используемый в обращениях во власть, своего рода язык культуры. Стихийное, народное, дионисическое обличается в сдерживающие, эмоционально табуированные формы. И в этой «маске» женщина пишет: «Но он не знаю почему придя более в азарт и озлобление ударил меня по виску так что едва удержалась на ногах и схватил за волосы и таская за них выдрал в большом количестве клоки волос; от нанесённого мне по виску удара имеются на мне знаки. Не зная причин, давших повод ...нанесению мне такого...оскорбления и увечья...»⁴⁴⁸. Для доказательства женщина обра-

тилась к врачу, чтобы врач зафиксировал нанесённые ей побои. У этой истории, как и у многих других подобных, осевших в делопроизводстве магистрата, нет продолжения. Невозможно восстановить привычную для историка событийную канву, провести расследование и «назвать имя убийцы», то есть выявить весь процесс ведения правосудия по данному казусу. Но можно проанализировать языковую личность пишущего во власть. С одной стороны, перед нами ординарная семантика, но и она индивидуально-окрашена. Эта личность привыкла к диалогу с чиновниками. Но в тот период времени чиновник не только крючоктвор и взяточник, но ещё и «свой», доступный, в принципе понятный, несмотря на необходимость письменного формализованного обращения к нему. Несмотря на статус женщины, «жены временно-обязанного дворового человека», она призывает в чужом для неё мире, в городе, «хозяина» дома и «хозяина» города в смысле его сословной исконности в городской культуре. Исследуя мещанство Приамурского края, М. Ф. Бурилова, даже применительно к столь отдалённому от центральной России региону, отмечает: «мещанство было...главным носителем городского образа жизни»⁴⁴⁹. В рассмотренном письме мы застаём женщину, перестраивающую достаточно смело свой габитус, «социальность, встроенную в тело»⁴⁵⁰, в новые обстоятельства и новую социальность. Но и обидчик-мещанин-горожанин, вступая в диалог с сельским сословием, также неминуемо перестраивает свой габитус, в направлении отхода от города-общины к городу – всесословному и доступному для всех тех, кто избрал урбанистический текст культуры и может в нём экономически выжить. Выжить в одиночку. Ибо новый грядущий город – город индивидуализма.

Но вот мещанин из города попадает в деревню. И тут же оказывается нарушителем порядка. Н.Фёдоров, бывший дворовый человек помещика Нейкова, освободившись, переехал в город и вступил в мещанское общество. Стал мещанином. Горожанином. И по непонятным из дела причинам оказывается вновь в деревне, около людской избы на дворе своего бывшего помещика, в окно которой стреляет из ружья⁴⁵¹. На допросе он заявил, что увидел на озере дикую утку и «желая воспользоваться ею (не убить! «воспользоваться» – прим.авт.) спросил сельского старосту Андрея Парамонова можно ли застрелить ту утку, на это староста ответил ему, как бы за выстрел не пожурил старшина, однако он Фёдоров взявши ружьё сказанную утку застрелил; дробь от выстрела...(по мнению пристава первого стана) в окно попасть никак не могла»⁴⁵². Дело в магистрате Симбирска велось на протяжении

1861–1865 гг. В контексте эпохи освобождения, действия мещанского неопита, вернувшегося пострелять из ружья в свой архаичный мир, выглядят символически. И тем не менее, остаётся только догадываться о мотивах данной стрельбы. Судясь судом магистрата, бывший крестьянин, распрошавшийся со своей социальностью и согрешивший против порядка в уже в другой социальности, тем самым по-своему обживает это новое городское пространство, «пробует его на вкус», испытывает предел терпения. Индивид превращается в новый социальный тип. Это его собственное новое пространство свободы. И он его приспособливает под себя уже в новом качестве, в качестве мещанина. А может быть, отдаёт «долги» старой жизни.

Система власти подобна русской матрёшке: один «домик» – мещанское общество; другой «домик» – городское общество и т.д.. В более объёмном пространстве городского общественного «Дома» роль «хозяина» выполнял Городской голова. Иногда мещане города в своих обращениях к Городскому голове настолько уповали на силу его воздействия на жизнь мещанского общества, что складывается впечатление о патриархальном стиле взаимодействия власти и общества в границах «городского гражданства» (Приложение № 3). Письмо одной самарской мещанки на имя Городского Головы, практически лишённое пунктуации, настолько сильно по эмоциональному воздействию, что приближает его по стилю к тексту своего рода «молитвы во власть» о заступничестве⁴⁵³.

О роли Городского головы в жизни мещан будет упомянуто в дальнейшем в разделе, посвящённом паспортной повседневности. Прошения мещан на имя Городского Головы показывают, с одной стороны, сохраняющуюся патриархальность связей, общинность сознания представителей данного сословия, с другой стороны, отчаянную фронтальность этой социальной группы, которая перманентно сохранялась за счёт непрекращающегося потока тех социальных элементов, которые приписывались в мещанство, особенно в период после отмены крепостного права. У таких крестьян – отпущенников за плечами оставалась прожитая в рабстве жизнь. Причисляясь в мещанство города, многие из них не имели «никакого средства не только для уплаты податей, но и для пропитания своё»⁴⁵⁴. С другой стороны, экономическую безысходность представляли собой и те слои мещан, которые по жизненным обстоятельствам оказались в городе без всякой поддержки и возможности заработать на кусок хлеба: это пожилые одинокие женщины, вдовы, часто с детьми. Все они писали Голове: «не могу пропитываться»,

«нести повинности по старости лет не имею никакой возможности», «я едва могу существовать»⁴⁵⁵. На имя Городского Головы поступали из магистрата и из Палаты уголовного суда сведения о судимости мещан. Это были или конкретные донесения о том, к примеру, как какой-нибудь мещанин украл деньги, нанёс «жене обиды» или однообщественнику побои⁴⁵⁶. Или это были так называемые «Ведомости купцам и мещанам, состоящим под судом палаты»⁴⁵⁷.

В Симбирской губернии, также как и в Самарской, обращения мещан на имя Городского Головы в 50–60-е гг. XIX в., носили патриархальный характер: «Ваше Степенство / Милостивый Государь / Александр Иванович / (Зотов – прим. Авт.) честь имею вас уведомить, что я по слабости здоровья прибыть в собрание не могу; и притом покорнейше вас прошу принять на себя труд предъявить почтеннейшему обществу мою убедительную просьбу: дабы оно благоволило от назначения меня в какую-либо должность уволить, ибо мне по случаю ...пожаров...моих лет...обстоятельств и здоровья, никакой должности принять на себя невозможно...Честь имею Вашего Степенства Покорнейший Слуга Пётр Иванов Зотов симбирский мещанин»⁴⁵⁸. Таких личных обращений мещан к Городскому Голове в связи с выборами поступало достаточно много. Письмо симбирской мещанки Софьи Буско по-своему уникально, так как женщины не имели права лично участвовать в выборах, быть избранными. Но в своей повседневной жизни соперевживали мужьям. Поэтому Софья берётся за перо и пишет объяснительную записку на имя Городского Головы: «Милостивый Государь / Александр Иванович! В следствии повестки вашей от 9 го сего марта, за отсутствием мужа полученной мною, обязанной считаю известить вас, что муж мой возвратится в город не ранее 15 го числа и поэтому в собрание граждан, имеющееся быть 12 числа, явиться не может. С истинным почтением и преданностью имею честь быть милостивый государь готовая к услугам Софья Буско»⁴⁵⁹. К городскому голове обращались лично посредством писем представители и мещанского и купеческого сословий, в основном, чтобы объяснить невозможность выполнять те или иные общественные должности⁴⁶⁰. Были и такие «отписки», которые носили официальный характер⁴⁶¹.

Другим местным лидером, к которому обращались в своих нуждах мещане, был мещанский староста. Мещанский староста, его помощники и десятские, ведавшие отдельными участками города, избирались мещанским обществом по баллам на трёхлетний срок и утверждались

губернатором. Должности старосты и помощников считались общественными и долгое время не оплачивались, но по приговору общества им могли отпускать небольшие суммы. Постепенно общества получили право выделять из своих общественных сборов определённую сумму на оплату должностных лиц⁴⁶².

Мещанский староста – заключал в себе функцию хозяина «Дома» – мещанского общества. Хозяина можно слушаться, уважать или злиться на него как на представителя власти. Он не был отстранённой и дистанцированной фигурой, какими для мещанского общества выступали представители коронной администрации. Иными словами, мещанский староста был «свой». А «своего» необходимо защищать от обидчиков. С этой целью однажды собрались самарские мещане, чтобы защитить своего старосту Лебяжинского от однообщественника Семёна Ларионова Ежова. Ежов (человек с говорящей фамилией), угрожал старосте и вообще вёл жизнь «нетрезвую и озорную»⁴⁶³.

Мещанский староста доносил до сведения однообщественников указы Городской думы⁴⁶⁴. Именно мещанский староста сообщал о проведении в Думе торгов на постройку и перекрытие ярмарочных лавок и т.д.⁴⁶⁵. Показательно, что в своих официальных бумагах, направлявшихся мещанскому старосте, в период 50–60-х гг., Дума обращается к нему на «ты», например: «Градская Дума предписывает тебе...» или «Городская Дума препровождает при сём к тебе подсудимого мещанина Ефима Муравьёва для водворения в мещанское общество»⁴⁶⁶. Семантически выразительной является фраза «для водворения в мещанское общество», лишней раз подчёркивающая его функции в качестве семьи, дома и одновременно исправительного учреждения. В основе данных взаимоотношений, был в первую очередь экономический вопрос: кто будет содержать хулигана? В самарской градской полиции в тюремном замке содержался арестант, самарский мещанин, осуждённый за кражу двух лошадей у удельного крестьянина Старой Бинарадки. Мещанское общество города вынуждено было специально собираться, чтобы обсудить вопрос о его содержании в тюрьме, то есть кто будет платить за это⁴⁶⁷. Аналогичные проблемы мещанское общество решало постоянно⁴⁶⁸. В случае с мещанкой Варварой Филипповой Суворовой, выпущенной из тюрьмы, куда она попала за укрывательство краденых вещей, мещане постановили принять её обратно в общество и «внушить ей чтоб она от дурных поступков воздержалась а мужу её Семёну Антонову внушить что бы

он не допускал её до слабости и воздерживал от законопротивных поступков»⁴⁶⁹.

Круг забот мещанского старосты в 50-е гг. XIX в. можно выявить из такого документа, как «Собрание указов мещанского старосты г. Самары на 1858 г.»⁴⁷⁰. Указы касались сбора недоимок за лечение в больницах бедных мещан; водворение в Сибирь тех мещан, которые нарушали принятые в городском обществе нормы поведения; расследование спорных ситуаций⁴⁷¹. Старосте, к примеру, пришлось разбираться в деле двух мещан, «заподозренных в краже дров»⁴⁷². Служба выборных в старосты мещан до 1870 г. приравнивалась к службе чиновников 14 класса. На срок службы старосты освобождались от рекрутской повинности, телесных наказаний. Кроме того, им разрешалось ношение мундиров. Но в пореформенную время староста лишался этих привилегий и с 1873 г. никакими правами государственной службы больше не пользовался⁴⁷³.

Для решения городских и внутрисословных дел мещане собирались на собрания. В вынесении приговоров принимали участие все наличные мещане-хозяева, имеющие свои дома, лавки, недвижимую собственность. В обсуждении дела должны были участвовать не менее 24 домохозяев или 2/3 всех членов общества⁴⁷⁴. (Приложение № 4) Принадлежность к обществу города (в нашем случае мещанскому) не давала материальных льгот, но повышала социальный престиж горожанина (получение особого права жить в деревне не требовалось)⁴⁷⁵. На собраниях мещан, с одной стороны, участвовали не только те, кому положено по закону было принимать в них участие, но и сочувствующие, с другой – значительная часть мещан находила причины уклониться от рядовых собраний. Так податный староста Симбирска писал служебную записку через мещанского старосту в губернское правление: «Многие из мещан Симбирска из неплательщиков повинностей приглашаются как ...известно для обсуждения общественных вопросов на собрания, и избираются в общественные должности, но мне неизвестно, дозволяет ли закон таких лиц приглашать на собрание, вследствие чего я прошу вас донести о сём губернскому правлению, которое просит разъяснить должны или нет означенные лица находиться на общественных собраниях и выбираться в общественные должности»⁴⁷⁶.

Ещё одно пространство провинциальной власти проявлялось во властных прерогативах самого мещанского общества города. Это касалось приёма или перечисления в их сообщество мещан из других городов, представителей других сословий. Принимались в общество: вдовы,

крестьяне, младшие воинские чины (например, запасной старший унтер-офицер из крестьян), ссыльные, учителя и т.д.⁴⁷⁷. Увольнялись в монашество, в крестьянство, на государственную службу, в высшие учебные заведения и т.д.⁴⁷⁸.

По прошениям об увольнении из общества порой предстаёт картина семейных мещанских переездов, представляющихся нам ещё одной гранью этого «фронтирного» во всех отношениях сословия: пересечение границ социальных, географических, ментальных, экономических акторами этого социума делает символ «мещанского мирка» наделённым такими свойствами мобильности, в результате которых «мирок» превращается в «мир», а населяющие его персонажи из обывателей превращаются в «пилигримов», отправляющихся на «приискание себе нового места жительства»⁴⁷⁹.

В Самаре к мещанству города принадлежали и цыгане, основным видом деятельности для которых была «конная торговля» и стоявшее рядом с ней конокрадство. Тем не менее представительница этой в общем-то маргинальной этнической группы, в своём прошении в городскую думу описывает свой семейный быт как легитимное сословное существование, на фоне которого проступок её внука (кража лошади) воспринимается как исключение из правил, заслуживающее снисхождения. «Из цыган восьмидесятилетней мещанки Анны Ивановой Богомоловой Прошение Более 30 лет состоим в самарском обществе, поведением своим, как перед правительством, так и перед обществом порочными видимы не были...»⁴⁸⁰.

Мещанские общества принимали решения не только о том, чтобы изгнать из своей среды, но и отпустить однообщественников на учёбу или для устройства на такую работу, которая требовала исключения из мещанского сословия. Для работы учителем подготовительного класса при Ставропольском уездном училище Пётр Сергеев Кошкин был «исключён из класса мещан»⁴⁸¹. Увольнение требовалось и «для поступления в гимназию к продолжению наук»⁴⁸². Дмитрий Афанасий Чайников, самарский мещанин, также хлопотал о сыне в 1858 г.: «Желая поместить в число учеников Самарской Гимназии сына своего Михаила»⁴⁸³. Аналогичное прошение поступило и от мещанина Андрея Степанова Боголюбского⁴⁸⁴. Мещанское общество не очень-то тепло относилось к подобным просьбам, создавая многосисленные препятствия для таких семей. Это проистекало от нежелания потерять человека как единицу налогообложения и кандидата для рекрутства, от социальной зависти

к тем семьям, которым экономический статус позволял давать детям образование и от от неизбежной для русской культуры и истории глухой неприязни тех, кто был вне дискурса высокой культуры к «образованным» и «культурным». В дело пришлось в 1863 г. вмешаться даже самарскому губернатору Замятину. В циркулярном обращении в Городскую думу он писал: «Директор Училищ Самарской губернии уведомил меня, что по отзывам лиц, принадлежащих к податному сословию, отдающих детей своих или родственников для образования в гимназию, оказывается, что не малого труда стоит для них выхлопотать увольнительное от общества свидетельство, требующееся для принятия мальчиков в гимназию...»⁴⁸⁵. С другой стороны, в 1862 г. мещанское общество спокойно, не чиня препятствий, отпустило для обучения в Академии художеств мещанина Ивана Ушакова, в своём решении отметив: «платёж податей за него...до новой ревизии мы принимаем на себя»⁴⁸⁶. В том же году выдано было увольнительное свидетельство и Василию Рябушкину для поступления в Казанский университет⁴⁸⁷. В 1859 г. выдали увольнительное свидетельство женщине, Лукерье Павловой для поступления на службу в почтовое ведомство⁴⁸⁸.

Все решения мещанского общества о принятии или исключении из своей среды поступали к податному старосте. Вновь причисленным в мещанство, к примеру из отпущенных на волю крестьян, как правило, предоставлялось на несколько лет освобождение от уплаты податей и от рекрутской повинности⁴⁸⁹. Такая практика адаптации к новой городской жизни была достаточно широко распространена⁴⁹⁰.

Между купечеством и мещанством происходила постоянная ротация. В 1857 г. в самарское мещанство было причислено 28 человек из купцов, не объявивших капитал⁴⁹¹. В мещанство причислялись бывшие дворовые люди князей, купчих, «прапорщиц», есаулов, прапорщиков и т.д., отпущенные на волю⁴⁹². Причислялись исключённые из военного ведомства кантонисты и солдатские дочери⁴⁹³. В 1868 г симбирская мещанка Авдотья Петрова Иванова просила причислить к своему семейству «отпущенную на волю ...дворовую девку», для чего ей нужно было иметь от общества приёмный приговор. Авдотью отправили по инстанциям: в Симбирское городское полицейское управление и в Казённую палату⁴⁹⁴.

Что касается горизонтальной мобильности, в самарское мещанство причислялись жители различных губерний империи. Они приезжали большими семействами⁴⁹⁵.

Мещанское собрание решало и такой вопрос, который был под силу только той власти, которая совсем близко с человеком, может заглянуть к нему через забор, войти в дом, посмотреть сад и огород и сходить вместе с ним на рынок. Вопрос о том, кто на самом деле беден, не способен платить подати, а кто притворяется, предоставляет бумаги, не соответствующие действительности. Этот вопрос тесно связан с патриархальной общественной нравственностью. В ситуации круговой поруки взваливать свои финансовые обязательства на однообщественников – подло. В том случае, если твои доходы позволяют уплатить все налоговые обязательства. Но с другой стороны, и в собрании мещан заседали люди, со всей их субъективностью и порой предвзятостью. Которые могли из каких-нибудь обстоятельств вражды, зависти, ненависти заставить платить подати тех, кто на самом деле находится на грани голодной смерти. Но в большинстве случаев мещане судили и рассуждали по совести и старались быть справедливыми в таких важных вопросах⁴⁹⁶.

Сама форма мещанского приговора, вынесенного на собрании, так же символически подчёркивает те интеракции, которые сложились в результате проведения в жизнь екатерининского законодательства в отношении «городского гражданства». Стиль приговора подчёркивается выражениями: «мы нижеподписавшиеся мещане г. Самары»; «прошение однообщественника», «уволить согласны»⁴⁹⁷. Мещанство, облечённое властью, выступает как социальный агент, то есть оформляет письменно своё коллективное и объединённое действие⁴⁹⁸.

Как уже отмечалось выше, грань между мещанским и ремесленным обществами в городе была, зачастую, весьма условной. С ситуацией выборов часть самарского мещанства сталкивалась при избрании должностей в ремесленное общество города. В баллотировочных списках самарского ремесленного общества в основном были указаны мещане города⁴⁹⁹. Несмотря на то, что в России, как в правительственных кругах, так и в прессе, перманентно на протяжении XIX века шла дискуссия о целесообразности существования ремесленного сословия, оно не было отменено, и в городах подобное деление населения порождало ещё больше путаницы и лишних сложностей в жизни обывателей.

Таким образом, подводя итоги анализа повседневной сословной жизни мещан трёх волжских губерний в 50–60-е гг. XIX в., следует рассмотреть спектр практик, вызванных на местах, в провинции, реализованной властью в конце XVIII в. идеи «городского гражданства». Идея предполагала оформление городского самоуправления, по аналогии

с западно-европейской системой, в форме общесословного городского общества. Но на практике городское самоуправление превратилось в самоуправление купцов и мещан. В волжских городах, не знавших древних местнических традиций, с высокой мобильностью населения и социально-экономической близостью купцов третьей гильдии с мещанством, сложился достаточно независимый от государственной администрации союз двух сословий, основанный на совместной деятельности по решению сословных нужд и нужд города. В 50–60-е гг. XIX в. в столичных губерниях уже реализовывался новый проект власти по введению сословного мещанского управления, реализованный повсеместно Городовым положением 1870 г. Но провинциальные города ещё продолжали жить в пространстве различных наработанных практик, связанных с системой екатерининского городского законодательства. К 50–60-м гг. мещане приспособили эту систему под себя и нашли в ней плюсы. Это и называется «процедурой потребления». В волжских городах этого периода, лишённых таких мощных «цивилизационных добродетелей» как образовательные, культурно-просветительские учреждения, промышленные предприятия, урбанизация в форме становления городского образа жизни проходила за счёт участия городских сословий, в частности мещанства, в системе самоуправления: городского и сословного. Все мещане города находились в «сетях надзора», так как являлись податным сословием. Система городского самоуправления предусматривала обеспечение выполнения мещанством их сословных обязанностей. Многочисленные общественные должности должны были следить за сбором податей, за нравственностью, порядком, составом сословия и т.д. Они не приносили дохода и отвлекали от хозяйственных повседневных дел. Но установленная структура городской жизни, рационализированная и централизованная, за счёт участия в ней мещан, наполнялась позитивным смыслом и эмоциональным фоном, связанным с восприятием городского общества в качестве «Дома», непосредственно локализованного в Доме общества градского. Практики использования порядка гораздо труднее уловить, чем институциональное функционирование самого порядка. Несмотря на бесконечный поток «самоотводов» от общественных должностей, мещанское общество постоянно находило, кого рекрутировать на эти должности. Религиозная нравственность, общинные традиции, круговая порука в уплате податей – формировали своего рода сословный «noblesse oblige», заставлявший выполнять свою работу, что выражалось в символическом плане в текстах клятв при вступлении в должности и ритуалах

приведения к присяге. Решение споров, конфликтов, сам язык решения конфликтов через магистраты и словесные суды, через решения мещанских обществ о «порочных» – формировали сословную идентичность. Форма собраний мещанского общества, подразумевающая коллективное решение и коллективную ответственность, тесное сотрудничество с городской думой, патриархальность взаимоотношений с сословными и городскими лидерами (Городской голова, Мещанский староста) – позволяют говорить о том, что в городе этой эпохи сосуществовали две модели организации: общность и общество, то есть социальные связи, основанные как на соседстве и родстве, так и на принципе рациональной полезности взаимного существования. В Самаре в этот период сложился особый патриархальный, доверительный стиль взаимоотношения сословной и городской власти и мещанского общества.

Концевые сноски

- 1 Кошелева О. Е. Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. М., 2004. С. 16.
- 2 Кошман Л. В. Город и городская жизнь. С. 62–63.
- 3 Очерки истории Поволжья и Приуралья в имперский период. С. 189.
- 4 Там же. С. 190.
- 5 Там же. С. 192.
- 6 Там же.
- 7 Там же.
- 8 Там же. С. 193.
- 9 Памятная книжка Саратовской губернии на 1859 г. Саратов, 1859. С. 115.
- 10 Там же. С. 133.
- 11 Там же. С. 118–119.
- 12 Куприянов А. И. Городская культура. С. 360.
- 13 Попов К. Записки о Саратове // Старый Саратов. Свидетельство прошлого. Т. I. Саратов, 1995. С. 89.
- 14 Старый Саратов. Свидетельство прошлого. Т. 2. Саратов, 1995. С. 135.
- 15 Майорова А. С. История культуры Саратовского края. Культура Саратовского края до начала XX века. Саратов, 2013. С. 124–125.
- 16 Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. С. 390.
- 17 Там же. С. 174.
- 18 Старый Саратов. Свидетельство прошлого. Т. 2. Саратов, 1995. С. 128–129.
- 19 Памятная книжка Саратовской губернии на 1858 г. Саратов, 1858. С. 89–90.

- 20 Отчёт по управлению С.-Петербургского мещанского сословия. С 1847 по 1856 г. СПб., 1858. С. 1.
- 21 Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. С. 474.
- 22 Исторические воспоминания на пути из Симбирска в Саратов (Влад. Булыгин) // Учёные записки Казанского университета. Казань, 1836. С. 189.
- 23 Там же. С. 476.
- 24 Там же. С. 478.
- 25 Исторические воспоминания на пути из Симбирска в Саратов (Влад. Булыгин) // Учёные записки Казанского университета. Казань, 1836. С. 478.
- 26 Там же. С. 175.
- 27 Горизонтов И. Письма к приятелю // Старый Саратов. Свидетельство прошлого. Саратов, 1995. Т. 2. С. 15–16.
- 28 Горизонтов И. Письма к приятелю С. 18.
- 29 Там же. С. 26–28.
- 30 Там же. С. 35.
- 31 Там же. С. 53.
- 32 Там же. С. 105.
- 33 Там же. С. 56.
- 34 Там же. С. 59.
- 35 Там же. С. 86.
- 36 Там же. С. 87.
- 37 Горизонтов И. Письма к приятелю С. 89–90.
- 38 Из летописи Саратова // Старый Саратов. Свидетельство прошлого. Т. 2. Саратов, 1995. С. 124.
- 39 Там же.
- 40 Засодимский П. Из самых видных городов... // Поволжье от Симбирска до Царицына // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. 8. Ч. 1. СПб., 1901 // Старый Саратов. С. 193.
- 41 Там же. С. 193, 211–212.
- 42 Семёнов В. Н., Семёнов Н. Н. Саратов мещанский. Саратов, 2004. С. 8.
- 43 Там же. С. 214.
- 44 Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. С. 448.
- 45 Там же.
- 46 Там же.
- 47 Майорова А. С. История культуры Саратовского края: культура Саратовского края до начала XX века. Ч. 1. Саратов, 2012. С. 194.
- 48 Там же. С. 207.
- 49 Мерковский В. Г. Родословные перекрёстки. Крестьяне, мещане, купцы, казаки и дворяне. СПб., 2001. С. 194.

- 50 Майорова А. С. История культуры Саратовского края. С. 460.
51 Там же. С. 194.
52 Владимиров М. М. Первое столетие Хвалынска // Саратовский сборник: материалы для изучения Саратовской губернии. Т. 2. Саратов, 1882. С. 145.
53 Там же.
54 Владимиров М. М. Первое столетие Хвалынска. С. 175.
55 Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. С. 464.
56 Там же.
57 Там же. С. 465–466.
58 Майорова А. С. История культуры Саратовского края. Культура Саратовского края до начала XX века. С. 198.
59 Там же.
60 Там же. С. 199.
61 Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. С. 466.
62 Майорова А. С. История культуры Саратовского края. Культура Саратовского края до начала XX века. С. 194.
63 Там же. С. 196.
64 Беккер В. И. Воспоминания о Саратовской губернии статского советника В. Беккера. М., 1852. С. 42.
65 Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. С. 483.
66 Майорова А. С. История культуры Саратовского края. С. 208.
67 Там же.
68 Там же. С. 209.
69 Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. С. 483.
70 Там же. С. 486.
71 Там же.
72 Беккер В. И. Воспоминания о Саратовской губернии статского советника В. Беккера. С. 39.
73 Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. С. 506.
74 Майорова А. С. История культуры Саратовского края. С. 188.
75 Костомаров Н. И. Впечатления Камышина, Дубовки и Царицына // Царицынский и Камышинский уезды С. 82.
76 Майорова А. С. История культуры Саратовского края. С. 209.
77 Там же. С. 210.
78 Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. С. 509.
79 Там же.
80 Там же. С. 517.
81 Там же.
82 Там же. С. 520–521.
83 Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. С. 522.

- 84 Майорова А. С. История культуры Саратовского края. С. 191.
- 85 Там же.
- 86 Поволжье – «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI – начало XX вв.) Самара, 2007. С. 188.
- 87 Среднее и нижнее Поволжье и Заволжье. С. 422.
- 88 Там же. С. 423.
- 89 Классика Самарского краеведения: антология. Вып. 3. Головкин К. П. Самара, 2008. С. 63–66, 71–76.
- 90 Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. С. 415.
- 91 Там же. С. 429–430.
- 92 Там же. С. 432.
- 93 Там же.
- 94 Там же. С. 438.
- 95 Очерки истории Поволжья и Приуралья. С. 196.
- 96 Памятная книжка Симбирской губернии на 1862–1863-й годы. С. 22.
- 97 Историко-архитектурные памятники Симбирска-Ульяновска. Ульяновск, 2006. С. 15.
- 98 Там же. С. 30.
- 99 Памятная книжка Симбирской губернии на 1862–1863-й годы. С. 22.
- 100 Памятная книжка и Адрес-календарь Симбирской губернии. 1901 г. Симбирск, 1901. С. 42.
- 101 Памятная книжка Симбирской губернии на 1862–1863-й годы. С. 23.
- 102 Там же. С. 26.
- 103 Памятная книжка и Адрес-календарь Симбирской губернии. 1901 г. Симбирск, 1901. С. 32.
- 104 Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. С. 403.
- 105 Памятная книжка Симбирской губернии на 1862–1863-й годы. С. 23.
- 106 Там же.
- 107 Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. С. 402.
- 108 Памятная книжка Симбирской губернии на 1862–1863-й годы. С. 28.
- 109 Справочная книжка и Адрес-календарь Симбирской губернии на 1916 год. Симбирск, 1916. (Путеводитель, постраничная разбивка отсутствует).
- 110 План Симбирска-Ульяновска из фондов Государственного архива Ульяновской области. Ульяновск, 2008. С. 14.
- 111 Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. С. 391.
- 112 План Симбирска-Ульяновска из фондов Государственного архива Ульяновской области С. 15.
- 113 Там же.
- 114 Там же.
- 115 Там же.

- 116 Пушкарёв И. Историко-географическое описание городов Симбирской губернии. СПб., 1837. С. 29.
- 117 Там же. С. 50.
- 118 Там же.
- 119 Кузнецов А. А. Особенности благоустройства и экологии городов Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX века // Образ жизни и образ мыслей: материалы научных чтений, 7 сент. 2005 г. Ульяновск, 2005. С. 107.
- 120 Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Ч. I: Симбирская губерния. СПб., 1868. С. 253.
- 121 Там же.
- 122 Там же. С. 254–255.
- 123 Там же. С. 254.
- 124 Там же. С. 255.
- 125 Там же. С. 262.
- 126 Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба.
- 127 Там же. С. 263.
- 128 Там же.
- 129 Там же.
- 130 Там же.
- 131 Среднее и Нижнее Поволжье. С. 398–399.
- 132 Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. С. 263.
- 133 Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. С. 263.
- 134 Там же. С. 264.
- 135 Там же.
- 136 Там же.
- 137 Там же.
- 138 Памятная книжка Симбирской губернии на 1862–1863-й годы. Число жителей по сословиям 1860 г. (Таблицы). С. 1–8.
- 139 Там же.
- 140 Там же.
- 141 Памятная книжка Симбирской губернии на 1862–1863-й годы. Число жителей по сословиям 1860 г. (Таблицы). С. 1–6.
- 142 Сызранский филиал ЦГАСО. Ф.101. Оп.1. Д.1. Л.83.
- 143 Петров В. И. Состав населения Среднего Поволжья и Южного Урала во второй половине XIX века: дис... канд. ист. наук. Оренбург, 2005. С. 100.
- 144 Там же. С. 105.

- 145 Там же. С. 109.
- 146 Кошелева О. Е. Люди Санкт-Петербургского острова. С. 119.
- 147 Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. С. 339.
- 148 Алатырь. Летопись города. Факты, события, воспоминания, фотографии. Алатырь, 2002. С. 132.
- 149 Фуко М. Надзирать и наказывать. С. 337.
- 150 Алатырь. Летопись города. Факты, события, воспоминания, фотографии. С. 135–136.
- 151 Там же. С. 137.
- 152 Там же. С. 151.
- 153 Алатырь. Летопись города. Факты, события, воспоминания, фотографии. С. 151.
- 154 Там же.
- 155 Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. С. 339.
- 156 Там же. С. 346.
- 157 Там же.
- 158 Там же.
- 159 Там же.
- 160 Там же.
- 161 Там же.
- 162 Там же. С. 401.
- 163 Там же.
- 164 Там же.
- 165 Там же.
- 166 Там же.
- 167 Очерки истории Поволжья и Приуралья. С. 196–197.
- 168 Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. С. 456.
- 169 Там же. С. 456–457.
- 170 Кошман Л. В. Город и городская жизнь. С. 234.
- 171 Кузнецов А. А. Особенности благоустройства и экологии городов Симбирской губернии. С. 110.
- 172 Бродель Ф. Время мира. Т. 3. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. М., 1992. С. 21.
- 173 Куприянов А. И. Городская культура русской провинции. С. 470.
- 174 Анкушева К. А. Городское сословие Зауралья в конце XVIII – начале XX в.: дис... канд. ист. наук. Тюмень, 2005; Лебеденко Е. Ю. Мещанство Пермской губернии в конце XVIII – начале 60-х гг. XIX в.: дис... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2011; Медведева Г. А. Самоуправление русского провинциального города (конец XVIII – начало XX вв.: дис... канд. ист. наук. Воронеж, 2003; Ковалёва М. В. Орловская городская дума (1787–1913): дис... канд. ист. наук, Орёл, 2003; Меженина О. В. Мещанство Юга Запад-

ной Сибири в дореформенный период (последняя четверть XVIII – начало 60-х гг. XIX в.): дис... канд. ист. наук. Барнаул, 2005 и др.

175 Белослудцева В. В. Мещанское сословие Пермской губернии во второй половине XIX – начале XX в.: дис... канд. ист. наук. Пермь, 2006;

Одинцова Л. А. Эволюция мещанского сословия в системе социально-экономических отношений Нижнего Поволжья во второй половине XIX –

начале XX вв.: дис... канд. ист. наук. Астрахань, 2011; Захарова В. В. Мещанское сословие пореформенной России: дис... канд. ист. наук. М., 1998;

Долгопятов А. В. Мещанское сословие городов Московской губернии: эволюция в пореформенный период: дис... канд. ист. наук. М., 2010; Смирнов И. Н. Мещанское сословие области войска Донского в конце XIX –

начале XX в.: дис... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2007; Чутчев В. С. Мещанское сословие Западной Сибири во второй половине XIX – начале

XX в.: дис... канд. ист. наук. Барнаул, 2004; Ерохина Е. А. Органы городского самоуправления Симбирской губернии во второй половине XIX в.: дис... канд. ист. наук. Ульяновск, 2006; Каплуновский А. П. Русская мещанская община в городах Казанского Поволжья. 1870–1918 гг. (Этно-историческое исследование): дис... канд. ист. наук. М., 1998.

176 Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество. С. 469–470.

177 Гончаров В. Д. Отношения государственной власти и городского самоуправления в дореволюционной России: дис... д-ра юрид. наук. СПб., 2001, С. 65.

178 Нардова В. А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х годов XIX в.: правительственная политика. Л., 1984. С. 11.

179 Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи. С. 495.

180 ПСЗ-И. Т. 18. Т 12949. § 393.

181 Там же. § 377–382.

182 Фуко М. Надзирать и наказывать. С. 85.

183 ПСЗ-И. Т. 18. Т 12949. § 377–382.

184 Там же.

185 ПСЗ-И. Т. 20. № 14275.

186 Там же. № 14327.

187 ПСЗ-И. Т. 20. № 14509. Т. 21. № 15721.

188 Фуко М. Надзирать и наказывать. С. 265.

189 Рабцевич В. В. С. 129.

190 Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество. С. 368.

191 Там же. С. 370.

192 Там же. С. 370–371.

193 Там же. С. 383.

194 ПСЗ-И. Т. 29. № 22418. Ст. 17; ПСЗ-И. Т. 6. № 4677. § 10, п. 1.

195 ПСЗ-И. Т. 39. № 30115. § 30–33.

- 196 ПСЗ-I. Т. 29. № 22678. Ст. 18. Т. 39. № 30115. § 35.
197 ПСЗ-I. Т. 39. № 30115. § 30–33.
198 Рындзюнский П. Г. Городское гражданство. С. 24.
199 Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи. С. 390.
200 Лавринович М. Б. Реформаторская политика Екатерины II. С. 241.
201 Семёнов А. К. Самоуправление русских провинциальных городов. С. 120.
202 Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 129.
203 Там же. С. 372.
204 Рабцевич В. В. Сибирский город. С. 122.
205 Фуко М. Надзирать и наказывать. С. 269.
206 Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество. С. 363.
207 ПСЗ-I. Т. 22. № 16188. Ст. 77. Ст. 52, 53, 80–91.
208 Там же. Ст. 55.
209 Там же. Ст. 53.
210 Там же. Ст. 56.
211 ЦГАСО. Ф.170, Оп.6. Д.120, 121. Обывательская книга губернского города Самары.
212 Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской Империи. С. 365.
213 Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи. С. 112–113.
214 Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской Империи. С. 365–366.
215 Там же. С. 366.
216 Гончаров Ю. М. Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в.: дис... д-ра ист. наук. Барнаул, 2002. С. 145.
217 ПСЗ-I. Т. 22. № 16188. Ст. 74.
218 Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской Империи. С. 377.
219 Там же.
220 Рабцевич В. В. Сибирский город. С. 133.
221 Там же.
222 Там же. С. 378.
223 ПСЗ-I. Т. 20. № 14392. Ст. 26, 277.
224 ПСЗ-I. Т. 22. № 16188. Ст. 54, 61, 74.
225 ПСЗ-I. Т. 20. № 14392. Ст. 53, 57.
226 ПСЗ-I. Т. 22. Ст. 52.
227 ПСЗ-I. Т. 22. Ст. 42.
228 Рабцевич В. В. Сибирский город. С. 133.

- 229 Отчёт по управлению С.-Петербургского мещанского общества. С. 165.
230 Там же. С. 172.
231 Рабцевич В. В. Сибирский город. С. 135.
232 Там же. С. 136.
233 Серто М. Изобретение повседневности. С. 107.
234 Рабцевич В. В. Сибирский город. С. 142.
235 Медведева Г. А. Самоуправление русского провинциального города (конец XVIII – начало XX вв.): дис. .. канд. ист. наук. Воронеж, 2003. С. 31, 35.
236 Куприянов А. И. Городская культура. С. 211.
237 ПСЗ-1. Т. 20. № 14392. Гл. XXII. Ст. 164–165.
238 Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской Империи. С. 381–382.
239 Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской Империи. С. 382.
240 Там же.
241 Рабцевич В. В. Сибирский город. С. 149.
242 Там же. С. 151.
243 Там же. С. 153.
244 Там же. С. 152–153.
245 Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской Империи. С. 154.
246 Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской Империи. С. 154–155.
247 Рабцевич В. В. Сибирский город. С. 163.
248 Там же. С. 163–164.
249 Куприянов А. И. Городская культура. С. 215.
250 Там же.
251 Серто М. Изобретение повседневности. С. 43–44.
252 Там же. С. 44.
253 Серто М. Изобретение повседневности. С. 44.
254 Там же. С. 47.
255 Там же. С. 51.
256 Там же.
257 Там же.
258 Там же. С. 55.
259 Там же. С. 57.
260 Там же. С. 476.
261 Фуко М. Надзирать и наказывать. С. 239.
262 Там же. С. 242.

- 263 Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. С. 22.
264 Там же.
265 Там же. С. 32.
266 Миронов Б. Н. Социальная история России. Т. 1. С. 495.
267 Там же. С. 495–496.
268 Миронов Б. Н. Социальная история России. Т. 1. С. 499.
269 Там же.
270 Миронов Б. Н. Социальная история России. Т. 2. С. 257.
271 Очерки городского быта дореволюционного Поволжья. Ульяновск, 2000. С. 23.
272 Зорин А. И. Горожане Среднего Поволжья во второй половине XVI – начале XX в.: ист.-этногр. очерк. Казань, 1992. С. 144.
273 Там же.
274 Там же.
275 Там же.
276 Там же. С. 145.
277 Там же.
278 Там же.
279 Там же.
280 Там же.
281 Там же.
282 Там же.
283 Зорин А. И. Горожане Среднего Поволжья во второй половине XVI – начале XX в. С. 147.
284 Там же.
285 Очерки истории Поволжья и Приуралья. С. 193.
286 Куприянов А. И. Городская культура. С. 474.
287 Семёнов В. Н., Семёнов Н. Н. Саратов мещанский. С. 12.
288 Дитятин И. И. Устройство и управление городов России. СПб., 1875; Очерки истории Поволжья и Приуралья в имперский период. Саратов, 2010. С. 193.
289 Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи. С. 378; Кошман Л. В. Город и городская жизнь. С. 215.
290 Там же. С. 469.
291 Старый Саратов. Свидетельство прошлого. Саратов, 1995. Т. 2. С. 127.
292 Там же. С. 132.
293 Памятная книжка Саратовской губернии на 1858 г. Саратов, 1858. С. 16.
294 Памятная книжка Саратовской губернии на 1859 г. Саратов, 1859. С. 15–16.

- 295 Памятная книжка Саратовской губернии на 1858 г. С. 16; Памятная книжка Саратовской губернии на 1859 г. С. 16.
- 296 Памятная книжка Саратовской губернии на 1859 г. С. 18.
- 297 Там же. С. 20.
- 298 Памятная книжка Саратовской губернии на 1859 г. С. 20.
- 299 Там же. С. 22.
- 300 Там же. С. 24.
- 301 Там же. С. 28.
- 302 Там же. С. 31.
- 303 Там же. С. 33.
- 304 Там же. С. 35.
- 305 Там же. С. 37.
- 306 Ерохина Е. А. Контроль губернских органов управления за деятельностью городских дум и управ в 1850–1900 гг. // Сытинские чтения: материалы Всерос. науч. конф. «История и культура Поволжья в микроисторическом измерении». Ульяновск, 2010. С. 414.
- 307 Там же. С. 415.
- 308 Там же. С. 416.
- 309 Там же.
- 310 Ерохина Е. А. Контроль губернских органов управления за деятельностью городских дум и управ в 1850–1900 гг.
- 311 Ерохина Е. А. Органы городского самоуправления Симбирской губернии во второй половине XIX века. Ульяновск, 2010. С. 7–8.
- 312 Там же.
- 313 История городского самоуправления в Симбирске–Ульяновске: по материалам очерка С. Мельниковой, Л. Сомовой // Ульяновск сегодня. 2001. 12 окт. (№ 77(174)). С. 5.
- 314 Памятная книжка Симбирской губернии на 1862–1863-й годы. Симбирск, 1863. С. 30.
- 315 Там же. С. 28.
- 316 Там же. С. 32–33.
- 317 Там же. С. 39.
- 318 Там же. С. 43.
- 319 Сызранский филиал ЦГАСО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 86. Л. 1.
- 320 Памятная книжка Симбирской губернии на 1862–1863-й годы. Симбирск, 1863. С. 49.
- 321 Там же. С. 55.
- 322 Там же. С. 59.
- 323 Там же. С. 65.
- 324 Город Сызрань. Очерки географии, истории, культуры, экономики. В 2 т. Т. I. Сызрань, 2008. С. 254–255.

- 325 Памятная книжка Симбирской губернии на 1864 год. Симбирск, 1864. С. 34.
- 326 Там же. С. 35.
- 327 Там же. С. 39.
- 328 Там же.
- 329 Там же. С. 42.
- 330 Там же. С. 46–47.
- 331 Памятная книжка Симбирской губернии на 1864 год. С. 51.
- 332 Там же. С. 55.
- 333 Там же. С. 58.
- 334 Там же. С. 62.
- 335 Памятная книжка Симбирской губернии на 1869 год. Симбирск, 1869. С. 63–64.
- 336 Там же. С. 9.
- 337 История Самары: от воеводского управления до губернской Думы. Кн. первая. Самара, 2011. С. 101.
- 338 История Самары: от воеводского управления до губернской Думы. С. 101.
- 339 Там же. С. 123.
- 340 Кузьмин А. А. Городское самоуправление Самары 1851–1892 гг.: дис... канд. ист. наук. М., 2003. С. 64.
- 341 История Самары: от воеводского управления до Губернской Думы. С. 99.
- 342 Там же.
- 343 Там же. С. 101.
- 344 История Самары: от воеводского управления до губернской Думы. С. 101.
- 345 Там же.
- 346 Там же.
- 347 Там же. С. 102.
- 348 Там же. С. 103.
- 349 Баранов В. С., Михеева А. В., Шерстнёв В. Г., Шерстнёва Г. С. История самарского купечества. С. 15–16.
- 350 Гидденс Э. Социология. С. 497.
- 351 ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д.1080. Л.16 (Об.).
- 352 Гидденс Э. Социология. С. 518.
- 353 Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история. Т. 1. С. 99–100.
- 354 ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д.1080. Л.16 (Об.).
- 355 Баранов В. С., Михеева А. В., Шерстнёв В. Г., Шерстнёва Г. С. История самарского купечества. С. 16.
- 356 ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д.46. Л.17–17 (Об.).

- 357 Миронов Б. Н. Социальная история России. Т. 1. С. 498.
358 Венедиктова Т. Д. Секрет срединного мира. Культурная функция реализма 19 века // Зарубежная литература второго тысячелетия. М., 2001.
359 Баранов В. С., Михеева А. В., Шерстнёв В. Г., Шерстнёва Г. С. История самарского купечества. С. 15.
360 ЦГАСО. Ф.170. Оп.6.Д.507. Л.140 (Об.).
361 Баак ванн Й. Дом и мир // Антропология культуры. Вып. 3. М., 2005. С. 66.
362 История Самары: от воеводского управления до Губернской Думы. С. 99.
363 Там же.
364 Баак ванн Й. Дом и мир. С. 41.
365 Там же. С. 44.
366 Симбирские губернские ведомости. 1862. № 3. С. 40.
367 Почепцов Г. История русской семиотики. С. 301.
368 ГАУО. Ф.32. Оп.1. Д.2. Л.3.
369 Там же. Л.3–6.
370 Отчёт по управлению С.-Петербургского мещанского сословия. С. 123.
371 Там же. С. 132.
372 Фуко М. Надзирать и наказывать. С. 453.
373 ГАУО. Ф.143. Оп.1.Д.5. Л.6,9.
374 ГАУО. Ф.143. Оп.1.Д.5. Л.48.
375 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.26. Л.186.
376 Там же. Л.527.
377 ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д.122. Л.18.
378 ГАУО. Ф.143. Оп.1. Д.5. Л.15.
379 Там же. Л.16.
380 ГАУО. Ф.143. Оп.1. Д.5. Л.16.
381 Там же. Л.71.
382 Там же. Л.76–79, 80, 85, 87–90, 91, 93, 95, 97, 99, 101, 103, 105.
383 Там же. Л. 111.
384 ЦГАСО. Ф. 170. Оп.6. Д.119. Л.5 (Об.)–501 (Об.).
385 ЦГАСО. Ф.1. Оп. 1. Д.25, 28.
386 Там же. Л.12 (Об.)–13.
387 Там же. Д.28. Л.19–19 (Об.).
388 ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д. 491. Л.54, Л.60.
389 Там же. Л.66.
390 Там же. Ф.1. Оп.1. Д.28. Л.21.
391 ГАУО. Ф.32. Оп.1. Д.2. Л.13.
392 ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6. Д. 46, Л.17–17 (Об.); Д. 491. Л.129.

- 393 Баранов В. С., Михеева А. В., Шерстнёв В. Г., Шерстнёва Г. С. История самарского купечества. С. 16.
- 394 ГАУО. Ф.143. Оп.1. Д.5. Л.21.
- 395 ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6. Д.493. Л.3.
- 396 ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6. Д.33. Л.319–321.
- 397 Там же. Д.26. Л.1711 (Об.).
- 398 ГАУО. Ф.144. Оп.1. Д.77. Л.4.
- 399 Там же.
- 400 Там же. Л.68.
- 401 Там же. Л.8–8 (Об.), 15, 38.
- 402 ГАУО. Ф.144. Оп.1. Д.15. Л.9.
- 403 Там же. Д.77. Л.284.
- 404 ГАУО. Ф.144. Оп.1. Д.77. Л.90.
- 405 ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д.317.
- 406 ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д.317.Л.1–1 (Об.).
- 407 Там же. Л.2.
- 408 Там же. Л.31–31 (Об.).
- 409 ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д. 489. Л.1.
- 410 ГАУО. Ф.144. Оп.1. Д.15. Л.43, 53.
- 411 Там же. Л.136.
- 412 Там же.
- 413 Там же. Л.381.
- 414 ГАУО. Ф.144. Оп.1. Д.15. Л.389.
- 415 ГАСО. Ф.94. Оп.1. Д.962. Л. 5 (Об.)–6.
- 416 ГАСО. Ф.94. Оп.1. Д.962. Л.6 (Об.).
- 417 Там же. Л.7–7 (Об.).
- 418 Там же. Л.10.
- 419 ГАСО. Ф.94. Оп.1. Д.962. Л.10 (Об.).
- 420 Там же. Д.1229. Л.1.
- 421 ГАУО. Ф.144. Оп.1. Д.72. Л.4–4 (Об.).
- 422 Там же. Ф.143. Оп.1. Д.2. Л.9,10,11.
- 423 Там же. Ф.144. Оп.1. Д.207. Л.4.
- 424 Там же. Ф.32. Оп.1. Д.4. Л.2–2(Об.).
- 425 ГАУО. Ф.32. Оп.1. Д.4. Л.2 (Об.).
- 426 Там же. Л.4.
- 427 Там же.
- 428 Там же. Л.22.
- 429 Там же. Л.73, 77.
- 430 Там же. Ф.32. Оп.1. Д.5. Л.1.
- 431 Там же. Л.15.
- 432 Там же. Д.15. Л.14.

- 433 Козлова Н. Н. Горизонты повседневности. С. 119.
434 ГАУО. Ф.32. Оп.1. Д.15. Л.77.
435 Там же. Л.132.
436 Там же. Л.190.
437 Там же. Ф.32. Оп.1. Д.18. Л.9, 3.
438 Там же. Л.19.
439 ГАУО. Ф.32. Оп.1. Д.33. Л.12 (Об.).
440 Козлова Н. Н. Горизонты повседневности. С. 188.
441 ГАУО. Ф. 32. Оп.2. Д. 19. Л.2.
442 Козлова Н. Н. Горизонты повседневности. С. 61–79.
443 Там же. С. 82.
444 ГАУО. Ф. 32. Оп.2. Д.6. Л.1.
445 Там же. Л.7.
446 ГАУО. Ф. 32. Оп.2. Д.4. Л.2.
447 Там же. Д.6. Л.2 (Об.).
448 Там же.
449 Бурилова М. Ф. Мещанское сословие Приамурского края // Третьи Гродековские чтения. Дальний Восток России: исторический опыт и современные проблемы заселения и освоения территории. Ч. 2. Хабаровск, 2001. С. 32–33.
450 Козлова Н. Н. Горизонты повседневности. С. 111.
451 ГАУО. Ф.32. Оп. 2. Д.2. Л.2–3.
452 Там же. Л.3 (Об.).
453 ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д.15. Л.60–60 (Об.).
454 Там же. Ф.217. Оп.1. Д.80. Л.814.
455 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.80. Л.820, 845, 846, 878, 865.
456 ГАУО. Ф. 143. Оп.1. Д.5. Л.25.
457 Там же. Л.26–27.
458 Там же. Л.55.
459 ГАУО. Ф. 143. Оп.1. Д.5. Л.56–57
460 Там же. Л.62–64.
461 Там же. Л.65.
462 Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи. С. 469.
463 ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д. 507. Л.157 (Об.).
464 Там же. Ф.217. Оп.1. Д.4. Л.42–42 (Об.).
465 Там же. Л.75.
466 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.4. Л.42–42 (Об.). Л.121, 136.
467 Там же. Л.190.
468 Там же. Л.242, 247.
469 Там же. Л.166–166 (Об.).

- 470 Там же. Ф.217. Оп.1. Д.32.
471 Там же. Л.62–226 (Об.).
472 Там же. Л.207.
473 Каплуновский А. П. Русская мещанская община. С. 83.
474 Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи. С. 470.
475 Рабцевич В. В. Сибирский город в дореформенной системе управления. Новосибирск, 1984. С. 92–93.
476 ГАУО. Ф.143. Оп.1. Д.38. Л.11.
477 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.300. Л.61.
478 Там же. Л.70, 88.
479 Там же. Ф.170. Оп.6. Д.1558. Л. 156.
480 Там же. Д.1558. Л.287–287 (Об.).
481 Там же. Ф.217. Оп.1. Д.24. Л.43.
482 Там же. Ф.170. Оп.6. Д.214. Л.1; Ф. 217. Д.26. Л.203.
483 ЦГАСО. Ф. 170. Оп.6. Д.219. Л.1.
484 Там же. Д.215. Л.1.
485 Там же. Д.621. Л.205.
486 Там же. Д.580. Л.2.
487 Там же. Д.579. Л.1.
488 Там же. Д.578. Л.1.
489 Там же. Ф.170. Оп.1. Д.24. Л. 49 (Об.)
490 ЦГАСО. Ф.170. Оп.1. Д.24. Л.57 (Об.), 59, 62.
491 Там же. Л.176.
492 Там же. Оп.6. Д.37 (а). Л.49,95,162,208, 218.
493 Там же. Л.384; Д.199. Л.1 (Об.)-2.
494 ГАУО. Ф.144. Оп.2. Д.129. Л.2.
495 ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д.199. Л.43.
496 ГАУО. Ф.144. Оп.1. Д.77. Л. 215.
497 ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д.507. Л.140 (Об.).
498 Там же. Л.142 (Об.)
499 Там же. Д.490. Л.5–25.

ГЛАВА 2.

МЕЩАНЕ РУССКИХ ГОРОДОВ В 1870-е -1910-е гг.

МЕЩАНЕ В НОВОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОРЕФОРМЕННОГО ГОРОДА

Если оставаться на позициях, сформулированных историографией советского периода, подчёркивающей важность экономического фактора в градообразовательных процессах, то пореформенный город можно определить как «ступень развития капитализма», характеризующуюся «вполне сложившимся буржуазным комплексом»¹. П.Г.Рындзюнский в монографии «Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX в.» определяет принципиальный момент «несходства экономических и социальных структур населения городских и негородских местностей»², тем самым подтверждая

тезис другой части историографии, основанной на социокультурном прочтении города, о его особом значении как центра сосредоточения «креативной, созидающей культуры», как «важнейшей среды, где могла происходить модернизация общества»³. Многие марксистские тезисы о «прогрессивном значении уничтожения противоположности города и деревни», о росте рабочего класса за счёт пролетаризации крестьян, перешедших в город, об экономических институтах, производных от сословной регламентации, о том, что «пребывание людей в местах, не соответствующих их сословному званию ...не изменяло их правового и податного положения», что «с особой силой» проявляло «жизненные противоречия»⁴ – являются точными и обоснованными, но сформулированными, исходя из такой социальной теории, при которой «маленький человек» этого нового города оказывался невидимым, и его «жизненные противоречия» оставались исключительно противоречиями капиталистической системы и российской дореволюционной действительности, структурированной в угоду марксистскому представлению о прогрессивном движении вперёд к революции. Не отрицая объективной фактичности человеческого общества, мы сосредотачиваемся на субъективной деятельности индивидов. То есть не опровергая «физикализм»⁵ марксистского понимания пореформенного города как города буржуазных противоречий и капиталистического развития, мы выбираем «психологизм» исключительно на уровне исследовательской «оптики», позволяющей увидеть обычных «пользователей» города, живущих «внизу», «там, где кончается доступное наблюдению», где с большей вероятностью можно разглядеть тех обывателей-мещан, «чьи тела повинуются всем изгибам городского «текста»⁶. И этот городской «текст» в пореформенный период обладал следующими чертами.

Во-первых, изменившимся хронотопом. Чрезвычайно возросла роль системы информационных связей. «Железные дороги, ускорявшие передвижение пассажиров и почтовых отправок, телеграф и телефон, хотя и медленно, но входившие в общественный быт в последние десятилетия XIX в., усиливали динамизм общественной жизни, меняя само представление о времени и пространстве»⁷. Пространство расширялось до всего земного шара, так как «Губернские ведомости» постоянно публиковали на своих страницах мировые известия. В Симбирских губернских ведомостях этот раздел назывался «Телеграммы», в котором сообщалось о событиях в различных

городах мира⁸. Некоторые профессии заставляли горожан надолго покидать пространство дома и отправляться за границу. А войны, которые вела империя на протяжении данного периода, выталкивали вчерашнего обывателя во взаимодействие с «внешним» миром. И когда комбатант возвращался в свой город, он уже не был прежним мещанином-обывателем, прикрепленным к месту паспортом и образом жизни. И, наконец, отмена для мещан временных паспортов во многом также повлияла на изменение картины мира обывателя, усилив мобильность горожан. Город становился всё более открытым, как новым социальным персонажам, так и разноплановым внешним влияниям, связанным с техническим прогрессом, с потоком информации, обрушившейся на горожанина со страниц периодической печати. Рационализм сознания горожанина заставлял его становиться более мобильным, ценить время, изыскивать возможности для разрыва привычных границ, включая не только территориальные, но и социальные и профессиональные. Усилившийся в годы Первой мировой войны поток беженцев в благополучные губернии Средней Волги оказывал также мощное воздействие на представления мещан о границах и чужаках. Многочисленные «дезертиры», как они назывались в документации мещанских управ, из Австро-Венгрии, Пруссии – неизменно пополняли мещанское общество городов, внося свои изменения в коммуникационные связи внутри города.

Во-вторых, город пореформенной России наполнялся новым «лицом» власти. По-прежнему неизменным фактором в русском городе оставалось сохранение приоритета его административно-политической функции⁹. Если развитие западноевропейского города определялось процессом выведения его городским правом из-под сеньориальной юрисдикции, то русский город, как справедливо отмечала государственно-юридическая школа историографии, находился под контролем государства¹⁰. Поэтому и все городские сословные органы самоуправления несли на себе «печать» имперского центра, деформировались под властью нормы, что не исключает повседневной жизни, в границах которой «происходит типизация феноменов и упорядочивание нового опыта», «образование смысловых связей»¹¹, создание речевых ситуаций, влияющих на картину мира, а также бесчисленное пространство мельчайших казусов, спонтанностей и аномалий, благодаря которым мещанство изобретало свою повседневность, отличную от нормы. Но власть в городе перешла к новым социальным

персонажам: интеллигенции, дворянам и богатому купечеству. Это были те социальные «Чужаки», которые не хотели находиться рядом с мещанством в период «городского гражданства», которые презирали и игнорировали мещан. («Мы хотим уничтожения мещанства, – писал Н.В.Шелгунов в 1861 г., – этой неудавшейся русской буржуазии, выдуманной Екатериной II»¹²) И единственными эмоциями которых в отношении самого многочисленного городского сословия были финансовый интерес и административный контроль.

В-третьих, сам город, как экономический объект, окончательно утратил патриархальность городского общества, определявшую до-реформенный уклад мещанской жизни, и превратился в объект для купли-продажи-аренды («закон запрещал застраивать городские выгоны. Но практически во многих городах, где, по мнению городских властей, «выгонная земля в излишестве», её разрешалось «отдавать под разные заведения с получением за сие денежной платы»... городская реформа 1870 г. изменила традиционный характер владения землёй в городе, введя буржуазный принцип её распределения между горожанами. Вся земля, разбитая на разные по площади участки..., стала сдаваться в аренду с торгов с платой подесятинно...В распределении и использовании земель, которыми издавна на правах аренды владели мещане, существовало противостояние между городскими властями и Мещанским обществом»¹³). Мещанские общинные связи, основанные на взаимопомощи, тоже постепенно утрачивались в пореформенный период в силу экономической несостоятельности обществ и отсутствия развитой сословной системы благотворительности. Но и семейные узы постепенно деформировались под влиянием урбанистических процессов. Индивидуализм выдвигал новый текст поведения, сориентированный на успех, достижение которого неизменно сопровождалось «конфликтами, соперничеством, ревностью, напряжением в человеческих отношениях. Успех был сопряжён также с отречением от таких традиционных ценностей, как семья, община, сословие»¹⁴.

Кроме того, за счёт процессов урбанизации, происходивших в Поволжье, население городов росло. И если типичный поволжский город в 1850-е гг насчитывал 5 тыс. жителей¹⁵, то средняя численность населения уездных пореформенных городов Среднего Поволжья и Заволжья перевалила за 10 тыс., в Царицыне вообще составляла 55186 чел., а в губернских – более 100 тыс.¹⁶ А «в крупном городе

отношения между людьми строятся косвенно, за счёт вещных связей; происходит ослабление родственных уз, уменьшается социальная роль семьи, межличностные отношения носят поверхностный характер, ослабевают традиции. В городах с населением 20–30 тыс. подобные тенденции усиливаются и становятся необратимыми»¹⁷. И если поволжские города в середине XIX в. были «лишь на пути к этому процессу», «в городском сообществе были сильны сословные и корпоративные связи»¹⁸, то в конце XIX – начале XX вв. разросшийся и усложнившийся городской организм представлял собой взаимодействие людей, которые могли ни разу не видеться друг с другом и не встречаться. «Общение людей на центральных улицах, в парках, на базарах становилось всё более обезличенным. Человек всё чаще ощущал себя безразличным для окружающих его людей, становился незаметным в толпе и сам не замечал встречных»¹⁹. Этот новый город косвенных связей принадлежал всем так называемым «городским пользователям»²⁰. Принадлежал он не только городскому истеблишменту, но и тем, кто находился на периферии экономического роста, иммигрантам, бедным, обездоленным. Но весь этот люд «обочины» вытеснялся из системы пользования городом новым аппаратом местной власти, введённым Городовым положением 1870 г. (В новую губернскую думу Самары вошли 72 человека, из них 57 были купцами, 9 – представители дворянства и чиновничества²¹. В 1897 г. в городах Самарской губернии проживало 80670 чел. мещан, 2651 чел. – дворян потомственных и 4397 дворян личных и чиновников не из дворян, а также 2059 купцов. Таким образом, 51 % мещанского населения городов был лишён возможности социально-политического и экономического самовыражения через думу, власть в которой захватили представители 5,4 % населения²². И то, что традиционно ставится в заслугу думам, а именно заботы о благоустройстве города, «для большинства городских обывателей – крестьян и мещан – ...были связаны с увеличением сборов, по которым...имелись и без того уже значительные недоимки»²³.

И, наконец, пореформенный период – время человека реализма, которое должно пониматься не в узкой искусствоведческой трактовке как определённое художественное направление, а как семиотический код эпохи, характеризующийся всеобщим убыстрением темпа и желанием на этом фоне зафиксировать свой мир-космос-быт-картину мира. Эпоха реализма – время, когда «за фасадом самодовольной

стабильности развивался, набирая темп, процесс внутренних преобразований. Не случайно так легко приклеивались к этому, на первый взгляд, неподвижному времени этикетки – «век перемен», «век перехода». ...Смутное и вместе с тем неотразимое ощущение подвижности явлений и смыслов пронизывало общественное сознание во всех его «этажах», включая и самые массовые, общедоступные»²⁴. «Подвижность» охватила не только российскую деревню, устремившуюся в город и русский город, устремившийся в различные точки империи и за её пределы. «Вся Англия устремилась в Индию, Германия – в Америку, Франция – в Париж... с 1820 по 1920 год Европу покинуло более 60 млн. человек: целая огромная страна снялась с места и рассеялась по планете – кто в Индию, кто в Америку, кто в Австралию. Действовала, впрочем, и противоположная, центростремительная тяга, повсюду провинция штурмовала метрополию: Франция – Париж, Англия – Лондон и т.д. С городом и опытом городской жизни – ее мозаичностью, дробностью, мобильностью, неестественно ускоренным ритмом и темпом – все отчетливее ассоциировала себя культурная элита. «Знаки времени» уже не стоят перед глазами, а скользят, мелькают, мельтешат. В контексте бурно развивающейся индустриальной революции немислимое вчера становится сенсацией сегодня, назавтра – привычкой, как марка на почтовом конверте, или пароходное сообщение через океан, или фотография, телеграф, телефон, газовое, а затем электрическое освещение, наконец, маргарин – первый в истории искусственный пищевой продукт (символическая мелочь, симптом радикально преобразуемого качества окружающей среды!)»²⁵.

И, безусловно, нельзя не учитывать влияния на город начала XX в. внутри – и внешнеполитических событий, войн и революций, хотя местная пресса и утверждала, что «трупный запах от разлагающегося правительства доносился только окольным путём»²⁶.

Таким образом, главная отличительная особенность пореформенного города, как декорации, в обрамлении которой протекала повседневная жизнь мещан, заключалась в изменении городского хронотопа, социальной природы местной власти и в новых текстах поведения горожан как людей эпохи реализма.

С учётом всех этих изменений город для мещанина становился не «другим», а «чужим». В то время как «другой» «выступает в качестве некой внешней данности, независимой от индивида»²⁷, то «чужой»

значит враждебный. Но и доступный одновременно. Мещанин в пореформенном городе находится в зоне «Между»: ««Собственное» всегда остаётся «Между» подобным», «опыт Чужого указывает за пределы самого себя, он находится в горизонте некоторого опыта мира»²⁸. В пореформенном городе мещанин попадает в такую форму «Чужести», подпадающую под витгенштейновское «Я не ориентируюсь»²⁹. Повседневность неизменно «одомашнивает» «Чужой» мир, но и «Чужой» мир нового города, в свою очередь, своим сверхрационализмом, своим рассудочным мышлением и прагматикой капиталистического бытия убивает иррациональную общинную чувственность старожилы, являвшуюся нервом старого города на берегу большой реки, в зоне фронта. Любой ответ на «Чужое» порождает две тактики отвечающего поведения. Официальное, чёткое, декларативное и частное, повседневное, размытое, ускользающее. Официальных текстов поведения – адаптации мещанина, как члена сословной группы, на «Чужой» пореформенный город не было выработано. Ни мещанин, ни управа не приспособились к этому городу и не сроднились с ним. Не в силу антагонистичности позиций, а в силу неповоротливости законодательства, удерживающего сословность в городе, в сословности не нуждающемся. Но так как законодательно сословие продолжало существовать, всем своим социальным статусом приходя в несоответствие с новыми требованиями жизни, ни плохой и не хорошей, а «Чужой», на повседневном уровне приходилось вырабатывать практики и тактики выживания. Но когда «опыт «Чужое» настигает, оно уже не является тем, чем было»³⁰. И мещанин, настигнутый вначале «Чужим» городом, потом «Чужой» войной, а потом и «Чужой» революцией, уже сам стал «Чужим», так как, адаптируясь к «Чужому», перестал быть прежним.

В городах Самарской, Симбирской и Саратовской губерний во второй половине XIX – начале XX вв. «происходило стремительное промышленное развитие, заметно возрастали обороты торговых операций, совершенствовалась инфраструктура, активно протекал процесс урбанизации»³¹. Но следует учитывать тот факт, что вплоть до 1917 г. мощной индустрии в данном регионе не сложилось. В 1897 г. в Саратове, крупнейшем городе региона, на 2192 рабочих приходилось 9237 ремесленников. В Самарской же и Симбирской губерниях вообще не было сколько-нибудь крупных промышленных предприятий³². Поэтому города региона, скорее, следует определять как торговые.

С позиций классификации, предлагаемой Б.Н.Мироновым, города регионы можно определить по смешанному типу: в них присутствовали как черты доиндустриального, так и индустриального города³³. Доиндустриальный город выполнял административную, военную и аграрную функции. Индустриальный – промышленную, торговую и транспортную³⁴. Поволжский город в пореформенный период, сохраняя ярко выраженную административную и аграрную функции, был наполнен ещё и торговлей, а самое главное – являлся транспортным центром, связывающим центральные районы империи с периферией.

Рост населения городов и быстрое развитие объяснялось выгодным транспортно-географическим расположением региона. Кроме того, «важным фактором социального развития Саратова и Самары являлось огромное число сезонных рабочих... которые в летние месяцы прибывали в город в поисках заработка»³⁵. Поэтому все торговые поволжские города, резко «выбившиеся в люди» в пореформенный период, не представляли собой циклического замкнутого хронотопа провинциального города N, о котором писал М.М.Бахтин: «Провинциальный мещанский городок с его затхлым бытом – чрезвычайно распространенное место свершения романских событий в XIX веке ... Такой городок – место циклического бытового времени. Здесь нет событий, а есть только повторяющиеся «бывания». Время лишено здесь поступательного исторического хода, оно движется по узким кругам: круг дня, круг недели, месяца, круг всей жизни. День никогда не день, год не год, жизнь не жизнь. Из дня в день повторяются те же бытовые действия, те же темы разговоров, те же слова и т.д. Люди в этом времени едят, пьют, спят, имеют жен, любовниц (безроманных), мелко интригуют, сидят в своих лавочках или конторах, играют в карты, сплетничают. Это обыденно-житейское циклическое бытовое время. Оно знакомо нам в разных вариациях и по Гоголю, и по Тургеневу, по Глебу Успенскому, Щедрина, Чехову. Приметы этого времени просты, грубо материальны, крепко срослись с бытовыми локальностями: с домиками и комнатками городка, сонными улицами, пылью и мухами, клубами, бильярдами и проч. и проч. Время здесь бессобытийно и потому кажется почти остановившимся. Здесь не происходят ни «встречи», ни «разлуки». Это густое, липкое, ползущее в пространстве время»³⁶. Города же Саратовской, Самарской и Симбирской губерний были похожи на караван-сарай, столько тор-

гующего люда собиралось в них, особенно в период навигации или во время ярмарок.

Саратов и Самара во второй половине XIX – начале XX вв. становятся «крупными экономическими и культурными центрами региона», а Симбирск на их фоне менялся медленно. В середине XIX в. в губернском Симбирске было меньше жителей, чем в уездной тогда ещё Самаре⁵⁷. По территории в 1888 г. на первом месте оказывалась Самарская губерния (2 743 кв.миль, 2 412 887 чел. населения), на втором месте – Саратовская губерния (1 534 кв. миль, 2 159 483 чел. населения), на третьем – Симбирская губерния (898 кв. миль, 1 554 664 чел. населения)⁵⁸). Но календарь «Весь Саратов на 1916 г.» называет именно Саратов, применительно к 70-м гг. XIX в. «Столицей Поволжья»⁵⁹.

По данным переписи 1897 г. в городах Самарской губернии, в Самаре, Бугульме, Бугуруслане, Бузулуке, Николаевске, Новоузенске и Ставрополе проживало 158 842 чел., что составляло 5,8 % всего населения губернии⁴⁰. В городах Саратовской губернии, в Саратове, Аткарске, Балашове, Вольске, Камышине, Кузнецке, Петровске, Сердобске, Хвалынске и Царицыне, по данным переписи, проживало 309 549 чел., что составляло 12,9 % от всего населения губернии⁴¹. В Симбирской губернии, в городах Симбирске (41684 чел.), Алатыре (12209), Ардатове (4855), Буинске (4213), Корсуне (3805), Курмыше (3166), Сенгилее (5734), Сызрани(32383) – проживало 108 049 чел., что составляло 7,1 % от всего населения губернии⁴². По сравнению с 1860 г., когда доля городского населения составляла 3,8 % в Самарской губернии, 5 % – в Саратовской и 6 % в Симбирской – налицо рост показателей к 1897 г., что свидетельствует об усилении процессов урбанизации в регионе⁴³. Темпы увеличения численности населения губернского города были наиболее высоки в Самаре, а скорость увеличения численности городского населения была наиболее существенной в Саратовской губернии⁴⁴. Что касается соотношения жителей губернского города и уездных городов губернии, то в губернской Самаре проживало 56,7 % всех городских жителей губернии, вторым по численности населения был Бузулук (14362 чел.), третьим – Новоузенск (13 261 чел.)⁴⁵. В Саратове проживало 44,3 % горожан губернии. В Царицыне – 55 186 чел., в Вольске – 27 058 чел., в Кузнецке – 20 473 чел.⁴⁶ И, наконец, в Симбирске концентрировалось 38,6 % горожан и 30 % – проживало в Сызрани⁴⁷. Низкая величина городского населе-

ния в Симбирской губернии, как отмечалось в материалах переписи, «указывает...на слабое развитие в губернии заводско-фабричной промышленности и на преобладающее значение сельского хозяйства»⁴⁸. В целом, по сравнению с 1860-ми гг., доля жителей уездных городов в Самарской и Симбирской губерниях сократилась: в Самарской губернии – с 64,6 до 41, 4 %; в Симбирской – с 67,2 до 61, 4 %⁴⁹. Такая тенденция вполне объяснима: столицы губерний, являясь основными центрами сосредоточения власти, экономики и культуры, вытягивали из периферии все силы, тем более, что в большинстве своём уездная периферия Самарской и Симбирской губерний была слабой. В то время как Саратовская губерния на их фоне отличалась более мощной историко-культурной городской средой десяти уездов⁵⁰.

В 1894 г. в Самаре проживало уже 100245 чел.⁵¹ В 1914 г. численность городского населения Симбирска увеличилась до 69701 чел., Алатыря – 25993, Ардатова – 6873, Буинска – 5795, Карсуня – 4838, Курмыша – 2759, Сенгилея – 8911, Сызрани – 48311 человек⁵². К 1915 г. в Симбирском уезде проживало 73884 горожан, в Алатырском уезде – 25144, в Буинском – 5845, в Карсунском – 7415, в Курмышском – 2859, в Сенгилеевском – 11965, в Сызранском – 56097 горожан⁵³. В 1881 г. в Саратове проживало 114 919 человек, а в 1897 г. – уже 137 тыс. жителей⁵⁴. Рост численности городского населения уездных городов региона Т.М.Гусева относит к процессу, названному в её исследовании ««урбанизационным переходом» или «переходом к городскому обществу», т.е. переходу общества в новое качество, где город играет определяющую и доминирующую роль»⁵⁵. Хотя сама автор и отмечает, что «проблему урбанизации многие исследователи считают многоаспектной, а не только демографической, экономико-географической и социальной»⁵⁶, в ситуации с небольшими уездными поволжскими городами на первое место выходит именно демографический фактор, обозначающий пространство города как некую приоритетную модель повседневного существования, как место, принципиально отличающееся от сельской округи, осознанно выбранное крестьянами, определившимися в сторону городского образа жизни.

Что касается социокультурного пространства пореформенных городов, часть исследователей считает, что в начале XX в. происходит переход населения к всеобщему городскому образу жизни, типу одежды⁵⁷ и сословная принадлежность не определяет характера трудовой деятельности горожанина и источников его доходов⁵⁸. Другая

часть исследователей – исходит из того, что «общими чертами досуга горожан рубежа XIX – XX вв. была социальная стратифицированность по сословному и имущественному принципу»⁵⁹. Если рассматривать социокультурный облик города через призму мещанского большинства, то, безусловно, сословные различия в пореформенный период не играли существенной роли. Крестьяне, приезжавшие в город на постоянное жительство, постепенно превращались в настоящих горожан с точки зрения внешнего вида и текстов поведения. Точно также и мещане, исконные жители городов, покупая одежду в магазинах готового платья, заказывая у портных, ничем не отличались от крестьян, переодевшихся в модный городской костюм. Но основная масса мещан, безусловно, в силу воспитания, образования, материального положения, вкусового поля – отличались от городской интеллигенции.

Основной категорией городского населения в городах Саратовской, Симбирской и Самарской губерний являлись мещане⁶⁰. В городах Самарской губернии проживало в 1897 г. 80 670 мещан, что составляло 51 % по отношению ко всему населению городов губернии⁶¹. В Саратовской губернии – 145 661 мещан, что составляло 47,1 %. И в Симбирской губернии – 42 587 или 39,4 %⁶². В г. Самаре из 89999 чел. жителей, 39254 – были мещанского сословия (для сравнения, крестьян в Самаре проживало на 571 чел. больше, 39825 чел.⁶³). В 1879 г. в Симбирске мещане составляли большинство населения города⁶⁴. Всего в Симбирской губернии в 1879 г. проживало 48 931 мещан (49791 мещан – в источнике)⁶⁵. Для сравнения, крестьян в губернии проживало 1 200 335 человек, военного сословия – 64 589, а всё население губернии составляло 1 345 678 человек⁶⁶. В 1896 г. в Симбирской губернии число мещан увеличилось до 66 988 человек⁶⁷. В 1902 г. в Симбирской губернии проживало уже 72 180 мещан (34 486 мужчин и 37 694 женщин)⁶⁸. В 1909 г. их становится 78 364 человека (37 652 мужчин и 40 712 женщин)⁶⁹. В 1911 г. численность мещанского сословия Симбирской губернии уменьшилась до 74 435 чел. (35 744 мужчин и 38 691 женщин)⁷⁰. В 1913 г. количество мещан в губернии выросло, но не сравнялось ещё с показателями 1909 года, 76 802 чел. (37 034 муж. и 39 768 жен.)⁷¹.

Мещанское население городов в большей степени было задействовано в торговой сфере, сосредоточенной на всевозможных ярмарках, толкучих рынках, в лабазах, балаганах, ларях, сундуках с верхами и

без них, на ярмарочных рядах, холодных деревянных с каменными столбами и в зданиях-корпусах, на улицах городов, в магазинах и лавках, деревянных и каменных, на пристанях, в деревянных лавках, в складах. По сведениям Симбирской городской управы, в начале XX в. происходило увеличение процента торговых владений крестьян и мещан и уменьшение купеческих владений. Кроме того, увеличивался процент чисто жилых помещений, принадлежащих крестьянам и мещанам в Симбирске⁷². Таким образом, мещанство в конце XIX в., оставаясь вторым по численности после крестьянства сословием, проживало, в основном, в губернских и уездных городах и было задействовано в их торговой и ремесленной жизни.

Но, несмотря на торговую активность горожан Симбирска, в Приложении ко всеподданнейшему отчёту начальника Симбирской губернии за 1895 г. отмечалось, что «главное занятие населения Симбирской губернии и единственный почти источник его благосостояния составляют земледелие и сельское хозяйство»⁷³. Кустарные промыслы в Симбирской губернии были развиты слабо, за исключением «древоделия», плетения лаптей (за 1895 г. сплетено 182 тыс. пар лаптей) и «тканья кулей и рогож»⁷⁴. Города всех трёх губерний не являлись промышленными центрами. В Симбирске в 1909 г. было 2 лесопильных завода с числом рабочих 52 человека, один мыловаренный (20 чел. раб.), восковечный (35 чел.), три кирпичных (93), горшочный (5), три медно-литейных (55), мукомольный (16), винокуренный (32), три пиво – мёдо – варенных и искусственных минеральных вод (54), крупно-обдирный и зерносушильный (5), асфальтовый и чугунный (14), соломольный (6)⁷⁵. Ремесленные профессии горожан были связаны с простым повседневным бытом, продукция, произведённая симбирскими ремесленниками, шла на удовлетворение потребностей горожан в продуктах первой необходимости и в вещах, связанных с их хозяйственной деятельностью (Приложение № 5). Поэтому город как бы был замкнут в самом себе, подобно феодальному натуральному хозяйству, и замкнутость эта обеспечивалась на уровне повседневной занятости большинства горожан в границах своего локуса. Что не исключает других зигзагов повседневности, разрушающих этот местечковый «феодализм». Но большинство мещан в контексте своих торговых и ремесленных дел не уезжало далеко от своего города. Поэтому при открытости границ и перманентных миграционных потоках, проходивших через поволжский город, траектории этих

движений в основном равнялись расстоянию от деревни до города, а мир провинциальных горожан и в пореформенный период во многом оставался «миром». Ремесленные специальности горожан в 1860 и 1889 гг. показывают, что этот «мирок» во многом оставался неизменным. Но мирок городской торговли и ремесла – это своего рода просто определённая программа городской жизни, а таких программ было много. В одних мы в состоянии уловить изменения программ, некие отклоняющиеся элементы, свидетельствующие о новациях, модернизации, урбанизации. Но есть некое «агностическое ядро самобытности» города, некий базар, на котором совершается повседневная покупка продуктов питания, одежды, предметов быта. И этот «базар», это «ядро» – вечно, не зависит от эпох и большого нарратива.

В числе тех, кому выданы были в 1863 г. торговые свидетельства, встречались и иностранные купцы⁷⁶. Но даже присутствие на рынках города «чужаков» не исключает определённой городской повседневной-бытовой замкнутости. Причём в эту замкнутость органично вплеталась окружающая город сельская округа, ехавшая в город торговать и покупать, решать дела, устанавливать связи. И к концу XIX в. занятия населения оставались приблизительно такого же свойства, как и в 60-х гг. Но появились и новые черты в профессиональном пространстве мещан провинциального города: увеличение их занятости в сфере обслуживания, которая «поглощала около 17 % рабочей силы городов»⁷⁷.

Новации в повседневности города переплетались с традиционными формами быта. К концу XIX в. в Саратове действовало более 2000 лавок, 200 магазинов, ежедневно велась базарная торговля, по утрам – на Верхнем базаре, а вечером – на Нижнем или Пешем⁷⁸. Работали хлебный, рыбный, зеленой, свиной и дровяной рынки, проводились три ярмарки в год⁷⁹. Фабричная и заводская промышленность в Саратове, как и в Самаре и в Симбирске была развита слабо⁸⁰. Но, это не отменяло интенсивности развития городов, внутренней конкуренции, взлётов и падений урбанистических процессов. А дворянский Симбирск оскудевал раньше, чем дворянское оскудение осознала русская культура. В противоречии Саратова, Самары и Симбирска отражён антагонизм Лопахина из «Вишнёвого сада» и дворянской культуры. «Вишнёвый сад теперь мой, мой!». В 1887 г. в Саратове началась установка телефонов, в 1889 г. открылась городская телеграфная линия, в 1897 г. была проведена «первая демонстрация дви-

жущейся фотографии Люмьера – кинематографа», в 1900 г. на улицах города впервые появился автомобиль⁸¹.

Губернские ведомости к концу XIX в. наполняются сообщениями из разных концов света, что расширяет кругозор мещанина-обывателя. Саратовские губернские ведомости сообщают о красавицах-приказчицах в Нью-Йорке, Альфред Сервье извещал горожан Саратова о том, что, «возвратясь из Парижа, привёз большой выбор разных модных вещей дамского туалета»⁸².

После появления в 1894 г. телеграфа в Симбирске восхитившаяся этим событием гимназистка написала в своём дневнике стихотворение: «Яркое солнце сверкает / Ласково в окна глядит / А за стеной телеграфа / Кто-то о чём-то грустит / Рокот и треск аппаратов / гул непрерывный кругом / Сколько живых автоматов / В этом жерле роковом»⁸³.

Информационное поле городов значительно расширилось за счёт появления телеграфа. К 1863 г. посредством телеграфа осуществлялась связь Саратова с Москвой. На протяжении 60-х гг. телеграфные линии связали все главнейшие центры империи. К концу XIX в. телеграф существовал уже не только в губернских, но и в уездных городах и фабричных сёлах⁸⁴. Из-за того, что увеличился штат телеграфистов, мещане получили ещё одну возможную сферу профессиональной занятости. Письма в мещанскую управу начинают с начала XX в. вытесняться телеграммами. В 1895 г. в Симбирской губернии существовало 10 почтово-телеграфных контор, 26 почтовых и 2 телеграфных отделения⁸⁵.

С начала XX в. мещанин в городе оказывается под воздействием увеличившейся периодической печати и рекламы. Адрес-календари и Памятные книжки также наполняются рекламой. В 1901 г. из рекламы становится видным тот вещный мир, продающийся в магазинах и на рынках городов, который окружал мещанина-горожанина в его повседневной жизни (Приложение № 6).

В неофициальной части губернских ведомостей в пореформенный период активно публиковалась информация о всевозможных модных новинках, сокращающая разрыв между мировой модой, столичной и провинциальной, что также стимулировала горожанина провинции к активному включению в новый культурный код, границы которого охватывали всё европейское сообщество. Потому что мода ориентировалась на Запад, а не на Восток. И городской костюм, городская

мебель, аксессуары соответствовали не ориентализму, а Европе. Горожанин, одетый в европейский модный костюм и окружённый европейскими предметами быта, однозначно развивался в унисон с европейской цивилизацией. Поэтому и урбанизм, и модернизация шли именно в русле интеграции в общемировой культурный европоцентричный процесс. «Симбирские губернские ведомости» сообщали о выходе журнала «Русский ремесленник», в котором «для мастеров и мастериц, портных...будут ежемесячно сообщаемы сведения о новых фасонах платья, с пояснением описания парижскими картинками; для мастеров столярных – описания и рисунки модной мебели...для парикмахеров – сведения о новых причёсках и т.д.»⁸⁶. И там же сообщалось о том, что вышел и раздаётся первый номер журнала «Модный магазин», посвящённый «умению одеваться». Напоминалось также барышням о возвращении моды на «баскины» (баскиньи – прим.авт.), а также «гарибальди» (гарибальдийки – прим.авт.) и зуавы⁸⁷. Ведомости рекламировали всевозможную печатную продукцию, поступающую в продажу. Так, Симбирские губернские ведомости постоянно давали рекламу в 1895 г. на сочинение доктора Лоренца, стоимостью 1 руб., под названием «Грехи молодости». В анонсе говорилось: «Поучительное слово ко всем, расстроившим свою нервную систему онанизмом и распутством»⁸⁸.

Инфраструктуру губернского Симбирска 1901 г. описывает в своём стихотворении К.И.Коренев: «Я не забыл тебя, далёкий / Но сердцу близкий городок, / И Волги берег твой высокий / И тротуары из досок / Твои пастушеские нравы / Стада баранов и коров / Весной чрез лужи переправы / Зимой – бугры твоих снегов / Главу блестящую собора / Уютных домиков ряды / А там, по склону косогора / твои фруктовые сады; / твой тарантас шестиаршинный / Костюм мордвы, чуваш, татар / И чисто русский быт старинный / Твоих приветливых бояр»⁸⁹. В 1901 г. в Симбирске уже было 4300 домов⁹⁰. С 1902 г. в рекламе Симбирска появляются велосипеды⁹¹. И уже к 1916 году в Справочных книжках авторы обнадёживают, что хотя Симбирск и слышит «сонным городом», но уже начинает пробуждаться от «обломовского сна» и «спешно совершает свой туалет перед тем, как выйти в свет»⁹². Но граф В.А.Соллогуб утверждал, что «симбирский год простодушно разделялся на две отдельные эпохи: на эпоху грязи и на эпоху пыли»⁹³. В 1916 г. в Симбирском «электро-театре» «Зеркало жизни» шёл фильм «Когда вянут цветы любви». В кондитерской А.Комаровой,

расположенной в доме Медведевой с телефоном «№ 329», продавались «мороженое и пломбир»⁹⁴. В театре Бульчёвой по утрам шли весёлые комедии, а вечерами – спектакли и кабаре. На рекламных иллюстрациях находила отражение женская эмансипация: изображались барышни, печатающие на машинках⁹⁵. В списке зубных врачей появились женщины⁹⁶. И даже специальная статья была посвящена рождественской ёлке в женской тюрьме⁹⁷. На обывателя обрушивалась не только реклама, но и масса всякой литературы, расширяющей границы обыденных знаний о жизни (Приложение № 7).

Первая русская революция, наводнив периодическую печать и справочные издания своими знаками времени, не изменила такое явление повседневности города, как реклама. Рекламы год от года становилось всё больше. Она начинала играть в свои собственные игры с потребителем. Так, в рекламе саратовского чайного магазина «Посредник» в 1906 г. стояла приписка «Прошу заметить!», в которой речь шла о 20 % скидке⁹⁸. В рекламе за 1911 г. упоминаются модные причёски «по моделям из Парижа» «из самых лучших волос», которые «исполняются в моей мастерской»⁹⁹. Реклама совершенно чётко обнаруживает личность горожанина, который, рекламируя свой товар, свои услуги, стремится к выделению из толпы, выявлению неповторимости, уникальности. Это уже не коллективное безликое начало, а конкретный уникальный персонаж. Одиночка. Выскочка. Осознающий, что выживает в этом городе – один. И выжить может за счёт того, что в растущей конкурентной среде нащупать свою собственную неповторимость. Так, ещё в одной рекламе за этот же год читаем: «Довожу до сведения Гг. приезжающих, что мною принята гостиница «Бристоль» поставленная в настоящее время в наилучшее положение...для останавливающихся предоставляется зало, столовая, гостиная, пианино, газеты, ванна, телефон, посыльные, комиссионеры, освещение электрическое»¹⁰⁰.

И даже справочную городскую книгу «Весь Саратов на 1916 г.» автор-составитель, А.Майзульс, адресует деловому человеку: «настоящим изданием составитель стремится дать настольную справочную книгу для делового человека»¹⁰¹. А «Весь Саратов на 1916 г.», изданный в другом издательстве «группой студентов», интересен если не апелляцией к деловому потребителю, то особым личным обращением издателей к своему читателю, что косвенно свидетельствует об установившемся общем пространстве читающей публики в городе.

Издатели жалуются, что на пути осуществления задачи, которую они поставили перед собой, связанную с расширением информационного поля в городе, они встретили такие препятствия, как «чрезвычайная дороговизна бумаги и печати»¹⁰².

В Сызрани дума издаёт обязательные постановления о порядке езды на велосипедах, а в 1908 г. мещанин просит отвести ему место под устройство циклодрома для езды на велосипедах¹⁰³. А также сызранская дума, стремясь сделать быт горожан более цивилизованным, запрещает в парикмахерских «извлечение зубов, ставку кровеносных банок, приставление пиявок»¹⁰⁴.

В городах после лета усиливалось употребление алкоголя, так как «какой бы ни было сбор хлеба давал возможность часть его растратить на вино вопреки сознанию предстоящей голодовки»¹⁰⁵. В одном только Симбирске казённых винных лавок в 1912 г. насчитывалось 14, в Ардатове – 3, в Буинске – 2, в Карсуне – 3, в Курмыше – 1, в Сенгилее – 2, в Сызрани – 7. Во всех городах Симбирской губернии насчитывалось 28 складов пива, 55 трактиров, 36 буфетов, 24 ренсковых погреба, 5 погребов для продажи русских вин и 297 пивных лавки¹⁰⁶. Пьянство и огромные расходы на алкогольные напитки составляли во всех странах «величайшее зло городской жизни»¹⁰⁷. Но если, к примеру, в Англии действовали общества «Всеобщей воздержанности», «Трезвости», «Армия синих лент», карикатуристы в газетах формировали общественное мнение по данному вопросу, просвещение и организация культурного досуга горожан отвлекали от пьянства, законы о лицензиях, кинематограф также содействовали антирекламе алкоголя, то в России, в русских провинциальных городах, была совершенно другая жизнь. В ней главным развлечением и отдохновением от забот продолжало оставаться пьянство: «желание прибегнуть к бутылке, стоящей в буфете...притягательная сила огней ..., манивших к себе на дождливой негостеприимной улице обещанием тепла и радушного приёма»¹⁰⁸. Мещанин продавал алкоголь и потреблял алкоголь.

И вот в эти города приходит революция. Гласные думы уездной Сызрани избирают в марте 1917 г. «Обывательский комитет», призванный сохранить порядок и спокойствие в городе¹⁰⁹. В него входили как гласные думы, так и простые горожане, а возглавлял – бухгалтер фирмы. Слово «обыватель», входившее некогда в название книги для старожилов и обеспечивающее принадлежность к городскому граждан-

ству, вновь поднялось в среде населения как спасительный статус кво. Экстренным заседанием думы от 5 марта 1917 г. полиция Сызрани менялась на народную милицию¹¹⁰. Полицейские чиновники оказались обезоруженными и отстранёнными от занимаемых должностей. А 46-летний муж саратовской мещанки дурного поведения Марии Релизовой, служивший в Саратове городовым, «после государственного переворота был заключён вместе с другими чинами полиции в тюрьму»¹¹¹. И когда его освободили по болезни в апреле 1917 г., больше уже никуда, как бывшего полицейского, не хотели брать на работу. Сызрань же некому стало охранять. Горожане просили устроить патрули, так как в городе сплошные митинги и кто-то освободил арестантов¹¹². Хулиганы взламывают винные склады, и обыватели жаловались, что пленные австрийцы свободно разгуливают по городу. Но дума отвечала: «охрана города вверена войску и находится в надёжных руках»¹¹³. А напуганные горожане тут же подобострастно просили думу «гг. офицерам и нижним чинам всех частей гарнизона выразить великое русское спасибо»¹¹⁴. Потом неожиданно гласные думы обнаруживали, что «войска с народом ходили с красными флагами», значит, делали они вывод, «все стоят за обновление» и успокоено замечали: «Обошлось всё Слава Богу благополучно»¹¹⁵.

Если в газетах 70–80-х гг. XIX в. употребляется слово «мещане (мещанин/ка)»¹¹⁶, то в газетах за 1917 г. практически не остаётся сословной терминологии¹¹⁷. Население именуется гражданами (гражданин/гражданка)¹¹⁸. Поражает чехарда из политических знаков времени и рекламы, из сообщений религиозного толка и полного пренебрежения к религии в форме, к примеру, соединения в одном столбце даты и времени Божественной литургии и картинки огромной свиньи в фартуке, рекламирующей «Колбасную К.А.Войтовича»¹¹⁹. Аналитические статьи о самодержавии и абсолютизме соседствуют с подробностями изнасилования несовершеннолетней в парикмахерской¹²⁰. Рекламируется литература «В царстве наркоза», повествующая об опиуме, гашише, морфии, кокаине и т.д.¹²¹ В нескольких номерах повествуется история о ревнивой жене, облившей соперницу серной кислотой¹²². Обыватель шутит в газетных статьях над забастовками: «-Что вы не являетесь на звонки? – спрашивали жильцы номеров, выходя в коридор у горничных. – Никак, сударь, не можем: у нас забастовка!»¹²³. И призыв «Саратовского вестника» о том, что страна не может существовать без власти соседствует с сообщением: «На основании ка-

кого параграфа институции или устава о благоустройстве кладбища по могилам бродят коровы?»¹²⁴. А текст о торжественном заседании Думы по поводу провозглашения России республикой завершается рекламой средств «при мужском безсилии»¹²⁵. Резолюция митинга на площади сопровождается колонкой «Театр и искусство», и поиском «опытных бухгалтерш», «барышень с 6 кл гимназии» мест работы¹²⁶. Призыв к гражданам города Покровки напечатан над рекламной строкой о курсах английского языка¹²⁷. Политическая история с её великими событиями занимает на страницах провинциальной прессы такое же место, как и повседневная жизнь с её собственной событийной шкалой, отражённой в рекламе.

Таким образом, пореформенные города Саратовской, Самарской и Симбирской губерний, не соответствуя хрестоматийному образу диккенсовской индустриализации вследствие отсутствия в них крупного промышленного производства, развивались, тем не менее, в сторону европеизации: модный рынок проникал в повседневность как мещан, так и крестьян, наводнивших город и мещанское общество после освобождения. Индустриальный рывок, сделанный Россией в рассматриваемый период, повлиял на провинциальный аграрный край через транспортную систему и хлебную торговлю. Магазины воспитывали у бедной городской публики желание носить модное платье, газеты – разбивали замкнутость повседневных «миров», внося в них известия из разных стран и городов. Почта, телеграф, телефон, граммофон, электричество, новые виды городского транспорта, кинематограф – лепили новый собирательный образ горожанина, но при этом, власть никак не могла решиться убрать вокруг него сословную рамку. Так формировался «осадок» (sedimentary) мещанской повседневности, или «аппендикс», в виде сословной организации и формировавшихся ею социальных взаимодействий.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕЩАН С ГОРОДСКОЙ ДУМОЙ И МЕЩАНСКОЙ УПРАВой

«Исход» мещан Самары из активного участия в городском самоуправлении и слова «мещанин» из делопроизводства обнаруживается в документах фонда городской думы Самары, начиная с 1870-х

гг.¹²⁸. Фонд № 170, ГУСО ЦГАСО, скомплектован из дел, связанных с компетенцией Градской думы и новой Думы, учреждённой после введения Городового положения без какого-либо внутреннего «водораздела». После 1870 г. из номенклатуры дел практически исчезает само слово «мещане(ин, ка)», в то время как до этого периода, опись шестая данного фонда, практически полностью была посвящена мещанско-купеческой теме. Новая дума занималась, казалось бы, всё теми же вопросами городского хозяйства, общесословного призрения, здравоохранения, культуры, образования. Но вместе с «исходом» мещанства компетенция её была сужена по сравнению с предшествующим периодом. Зато она получила определённую автономию от коронной администрации. Город рос, превращаясь в столицу губернии. Увеличивалось его население. Вместе с ним росла и элита. Часть её концентрировалась в думе. Малообразованным, патриархально настроенным городским старожилам предшествующего поколения трудно было выдержать конкуренцию с новыми грюндерами и интеллигенцией. Правительство «стремилось...привлечь к решению новых городских задач наиболее образованную часть русского общества»¹²⁹. По мнению авторов коллективной монографии «История Самары: от воеводского управления до Губернской Думы», привлечение «высокообразованных представителей дворянства...благотворно влияло на деятельность органов городского самоуправления»¹³⁰. Бывшие соратники мещан по городскому самоуправлению, купцы, стали другими. Это новое поколение купеческих семей города уже не походило на тех одиночек, прибывших в Самару в середине XIX в., чтобы начать своё дело, подняться по общественной лестнице: «никто, ничей, ниоткуда». Законодательство 1863, 1865 гг. привело к упразднению третьей гильдии купечества¹³¹, представители которой так активно сотрудничали с мещанством в границах прежнего самоуправления. Отныне устанавливались две гильдии, для подтверждения которых нужно было ежегодно платить достаточно высокий гильдейский сбор. Поэтому экономический статус этого нового купечества предполагал респектабельность образа жизни и определённый социальный снобизм. На выборах самарской городской думы 1892 г. 60 % гласных было от купечества, 22,6 % – от дворян¹³². Тех представителей мещанского сословия, которые входили в число гласных думы, характеризует такой источник как формулярные списки о службе (Приложение № 8). Биографии этих мещан отражают появление со-

циального типа в мещанстве более близкого к купечеству и земской интеллигенции: те же императивы, связанные с пониманием общественного блага, те же пути достижения социального престижа, те же амбиции и умеренный альтруизм¹³³. Таким образом, в пореформенный период дума для мещан превратилась из «Дома» («Дом общества градского») в «Антидом», со всеми вытекающими отрицательными для сословия последствиями, когда интересы социального большинства выражает социальное меньшинство. Объективно заинтересованная в благоустройстве города, дума предпочитала осуществлять свои проекты в определённой степени за счёт беднейшего слоя горожан – мещан. Мещане продолжали участвовать в местном самоуправлении, но в небольшом количестве и только представители экономически состоятельной части сословия.

В Симбирской губернии фактор участия мещан в местном самоуправлении в пореформенный период подтверждается «Адрес-Календарями» и «Памятными книжками», публиковавшими сословный состав дум, управ и др. органов городского самоуправления. Фонд городской думы Симбирска с точки зрения количества дел значительно уступает аналогичному фонду самарской городской думы. Поэтому по данному источнику трудно обнаружить такое же как в Самаре резкое исчезновение самого слова «мещанин» из делопроизводства думы. В 1879 г. в городах губернии представители мещанского сословия входили в состав сиротских судов и городских управ. Их количество было гораздо меньше, чем представителей купеческого сословия. В 1901 г. в Ардатове мещанин был городским головой¹³⁴. В 1916 г. один мещанин входил в городскую управу, мещане заседали в сиротских судах¹³⁵. В уездных управлениях мещане входили в состав Курмышской, Ардаатовской и Буинской городских управ¹³⁶.

Как уже отмечалось выше, дума была теперь на другом конце социальной реальности по отношению к мещанскому обществу и продолжала наступать на права мещан. Остро прореагировали мещане заволжских слобод Часовни, Канавы и Королёвки, когда город решил изъять принадлежащие им испокон века земли. Казанская судебная палата решила дело в пользу города. Тогда мещане обратились с жалобой в Сенат. На заседаниях Думы в связи с этим обсуждался вопрос о том, как задействовать личные связи в Петербурге, чтобы выиграть дело в Сенате¹³⁷. Дума постоянно увеличивала арендную плату за городские земли, необходимые горожанам под посев овощей. Если с

1880 по 1882 г. аренда такого земельного участка стоила 251 руб. 37 коп., то с 1883 г. повысилась до 270 руб. 50 коп.¹³⁸ Земли мещан отходили под строящийся город, а дума старалась использовать любую возможность, чтобы не компенсировать мещанам утрату городского места. Мещанин С.Ф.Быков через поверенного обратился в Думу в 1883 г. с просьбой, чтобы ему компенсировали место в щепном ряду, доставшееся ему от родителей и отошедшее под строительство площади. В пожар 1864 г все документы сгорели, причём не у одного Быкова. Зная о своих правах на место и обладая купчей родителей 1836 г., он просто возобновил на нём торговлю хлебом, построив новую лавку. Но Дума распорядилась место очистить и никакой компенсации не предоставила¹³⁹, на основании того, что Быков ничем не доказал своё право на место¹⁴⁰.

А вот в случае если мещане просили сдать в аренду за плату места, даже на Венце, то есть в respectable части города, под торговлю прохладительными напитками, дума склонялась к положительному ответу. Такая беседка стоила мещанину И.М.Фокину 10 руб. в год¹⁴¹, а палатка на Большой Саратовской улице – 5 руб. в год¹⁴². С мещан собирали деньги за всё: за аренду земли и под их дом и под их бизнес¹⁴³.

Дума боролась с пожарной опасностью, запрещая жителям улиц возводить деревянные постройки. Но жителям этих улиц не по карману было строить каменные, они писали в Думу, заявляя, что «строительство каменных построек приведёт их к разорению, ибо они, не имея средств к возведению таковых построек, должны будут продать свои дома за бесценок»¹⁴⁴. Но Дума оставалась равнодушной к беднякам, заботясь о том объективно правильном городском организме, которому бедное мещанство не могло соответствовать¹⁴⁵.

Стремясь к порядку в городской торговле и предотвращая перекупку горожанами у крестьян на подступах к городу их товара, дума принимала решения, чтобы горожане не скупали у крестьян товар до 7–9 часов утра и вне Базарной площади¹⁴⁶. Но вся торговая повседневность горожан с ещё дореформенных времён была основана именно на такой перекупке. Городским мещанам «нужно было успеть «перехватить мужичка по дороге к базару, часто ещё за городской заставой...затем, сбив какой-нибудь алтын или гривну с товара, перепродать его настоящим перекупщикам»»¹⁴⁷. Желая схитрить, мещане и купцы Симбирска обращались в думу, чтобы им разрешено было

скупать у крестьян товар в 5 утра, так как «крестьянам надо возвращаться к их сельскохозяйственным работам»¹⁴⁸.

Несмотря на то, что Дума и городское общество находились в какой-то степени по разные стороны баррикад, мещане шли со своими спорными проблемами по привычке именно в думу: с жалобами на соседей, со спорами из-за границ владений и т.д.¹⁴⁹ Дума же высокомерно реагировала даже на завещания мещан, придавая им смыслы собственных представлений о благотворительной этике. Горожанин в своей благотворительной деятельности не только проявлял религиозное сознание и христианское милосердие, но и обозначал свой статус гражданина и публичной персоны городского пространства. Страсть к публичности, спровоцированная усилившимся информационным потоком в провинцию, приводила к новым текстам поведения. Так, мещанин Н.И.Раков обратился в думу с заявлением о передаче билета Симбирского городского Общественного банка стоимостью 1000 рублей (№ 20696) с процентами на содержание одной койки в богадельне, которая должна была бы быть названа его именем, и он бы сам назначал призреваемых на это место, а после его смерти – наследники бы его за это отвечали. На что дума отреагировала, что если Раков хочет пожизненно назначать призреваемого в богадельню, пусть платит за это 2000 руб., а если ещё и пожелает, чтобы после его смерти наследники отвечали за это, то наследники должны заплатить 3000 рублей. А то получается нечестно. Дума отдаёт в богадельню 2/3 своих расходов, а 1000 руб. – это только 1/3 расходов на койку¹⁵⁰. Но с другой стороны, когда мещанин Е.И.Куликов завещал 2000 руб. на учреждение в богадельне двух коек своего имени, дума приняла сей дар¹⁵¹.

Главное противоречие мещанского общества города с думой состояло в городских землях, которые мещане продолжали считать принадлежащими обществу градскому. То есть мещане осознавали, что жизнь поменялась по сравнению с эпохой до введения Городового Положения 1870 г.. Понимали и принимали силу закона. Но считали, что их права, определённые законодательством, ущемляют именно местные власти, дума и управа. 23 сентября 1883 г. Симбирская дума слушала приговор мещанского общества о том, что «мещанский староста должен ходатайствовать перед думой об отчислении дохода от принадлежащих городу пахотных земель в пользу мещанского общества»¹⁵². Дума единогласно постановила, что подобное требование

мещан не может быть удовлетворено, так как эти деньги принадлежат городу¹⁵³. Дума и мещане понимали город во второй половине XIX в. по-разному. Мещане, сохранённые в границах сословного общества города, выполняющие основные налоговые, рекрутские обязательства, страдающие из-за бедности, из-за неимения средств для погашения больничных недоимок, накопленных в больницах и благотворительных учреждениях, не могли понять, почему новая власть города отбирает у них ещё и земли, сдаёт их кому угодно, лишь бы платили исправно аренду и неизвестно куда идут эти городские деньги. Думе же, проблемы мещанского общества города, также как и земству, были абсолютно не интересны, потому что поменялся социальный состав городских управленцев. В прениях по вопросу о мещанских претензиях думцы высказывались о том, что деньги, заработанные ими для города идут «для удовлетворения его многообразных потребностей», «общих нужд города, а не одного мещанского сословия»¹⁵⁴. Мещане же в своём приговоре рассуждали о том, что Городская Управа имеет в непосредственном своём владении разные оброчные статьи: ярмарочные лавки, пахотную землю за р.Волгой, сенокос до 9000 дес., лавки на Базарной площади, 2 мельницы, леса на Нагорной стороне и за р.Волгой, и «за содержание всего этого Управа получает деньги в весьма значительном количестве и употребляет их по своему усмотрению, на одно только жалование служащим расходуется в Управе около 20000 рублей»¹⁵⁵. И далее в Приговоре писали: «Мещане же небогатые, обременённые многочисленными семействами и после опустошительного пожара разорённые, решительно ничего не имеют в своём распоряжении и владении, но всё же несут тяжёлые налоги»¹⁵⁶. Это, во-первых, государственные, земские, общественные и рекрутские повинности. Во-вторых, государственный налог с недвижимых имуществ, квартирную повинность, которую мещане платят наравне с зажиточными жителями города. А в 650 статье V т. Свода Законов в Уставе о податях, отмечали мещане в своём Приговоре, говорится: «Доходы от принадлежащих мещанским обществам оброчных статей, в пользу их поступающих, должны быть обращаемы не на посторонние предметы, а на составление городского капитала, если на обществе нет недоимок, или же оные в таком количестве, что могут без затруднений быть уплачены обществом по обыкновенной раскладке, в противном случае, сии доходы обращаются на платёж лежащих на всём обществе недоимок. Сумму сего до-

хода Городская Дума, или Ратуша, по получении, немедленно вносит в Уездное Казначейство на уплату недоимки, записывая её на приход и выводя в расход в установленных для того книгах»¹⁵⁷. Далее мещане жаловались, что на их обществе лежит «в большом количестве недоимка» государственных и земских сборов, и Губернское Правление предписало эту недоимку разложить на исправных плательщиков повинностей. В Симбирском мещанском обществе на 1883 год состояло 9 506 человек. Среди них исправных плательщиков – меньше половины. Но и эти уже вынуждены были платить «за излишние души как то: за бездетно умерших, отданных в рекруты, престарелых и малолетних сирот, а посему они уплату недоимки считают для себя весьма обременительной»¹⁵⁸. В то же самое время «при городе Симбирске имеется пахотной земли и сенокоса до 9000 десятин, в том числе есть дровяной лес». Но Симбирская городская Управа вместо того, чтобы помочь мещанам, пахотную землю «сдаёт разным лицам в оброчное содержание и получаемые за неё весьма значительные деньги употребляет на разные надобности по своему усмотрению, тогда как на погашение недоимки, состоящей на Симбирском мещанском обществе, достаточно было бы собранного за землю в один год оброка...»¹⁵⁹. В ответ на этот Приговор мещанского общества, дума весьма хитро постановила: «просить мещанского старосту чтобы он ходатайствовал через Губернское правление у Начальства на отчисление собираемого дохода со сказанной оброчной статьи – завожской земли – в распоряжение не городского, а мещанского общества»¹⁶⁰. Дума прекрасно знала, что «Начальство» никогда не передаст данный источник дохода мещанству.

Данный сюжет иллюстрирует общероссийскую ситуацию, связанную с противостоянием Городских властей и мещанских обществ в распределении и использовании земли, сложившуюся после введения Городового положения 1870 г.¹⁶¹ В статье «Мещане и «город» Я.Абрамов, критикуя Городовое положение 1870 г. и отмечая тот факт, что городская поземельная община разрушается под давлением капитала, писал: «...В наших городах идёт глухая борьба между мещанами и привилегированным населением, представителями которого являются разные банковские и думские деятели»¹⁶². Б.Н.Миронов также отмечает негативное влияние реформы 1870 г. на быт мещан-земледельцев, которые «несколько столетий жили в условиях поземельной мещанской общины». Новую расстановку сил в городе в этом вопро-

се он связывает с тем, что мещане не попадали в думы из-за высоко-го для них имущественного ценза и их интересы в думах защищать было некому, «чем и воспользовались городские думы, которые, став распорядителями городских земель, изменили порядок их использования. Мещанские общества, распоряжавшиеся землёй до реформы, потеряли на неё права и не получили никакой компенсации. Думы для увеличения городских доходов стали сдавать её в аренду»¹⁶³.

И уж тем более, никому не было дела до заволжских маленьких древних слобод, мещане которых относились к мещанскому обществу Симбирска. Мещане слобод Часовни, Канавы и Корольчихи (Королёвки) выглядели даже на фоне своих собратьев по сословию, проживающих в самом Симбирске, более архаичными и в большей степени связанными с сельским образом жизни. В 1883 г. мещане этих слобод обратились с Прошением в думу Симбирска. Прошение начиналось с экскурса в древность: «с незапамятных времён предки наши, живущие в заволжских слободах: Часовне, Канаве и Королёвке пасли свой скот в заволжском лесу, владеемом ныне городом. Примеру их последовали и мы, в чём до минувшего 1882 г. не имели ни от кого ни малейшего препятствия»¹⁶⁴. И неожиданно в 1882 г. приехали в слободы объездчики городских дач и стали сгонять из леса мещанский скот. В жару на выгонах вся трава выгорела. Лес оставался единственным местом, где можно было бы пасти скотину. И тут приехавшие из Симбирска чиновники начали наводить порядок. Мещане слобод возмущались: «Все мы заволжские жители – жители того же города Симбирска, те же члены Городского общества; все мы несём те же повинности, как и домовладельцы самого города, которые пользуются всеми удобствами, как то: шоссированными улицами, освещением этих улиц и проч., на что употребляются городом громадные суммы, чего мы совершенно лишены, но мы об этом уже и не думаем, а желаем только, чтобы и мы не были вовсе отстранены от городских благ, именно благ, необходимых для нас, хлебопашцев»¹⁶⁵. Далее в Прошении достаточно подробно характеризовался хозяйственный быт заволжских слободских мещан, связанный с хлебопашеством (Приложение № 9)¹⁶⁶. В заключении своего Прошения слободские мещане просили сложить с них штраф «если уж не по бедности нашей, то хотя в память незабвенного коронавания Священных особ Их Императорских величеств, последовавшего в этом году, как радостнейшее событие для всех для нас русских верноподданных»¹⁶⁷.

В данном прошении обращает на себя внимание способ использования дискурсов, который применяют для достижения своих целей мещане. На кону стояла сумма в 465 руб. 50 коп., которую 354 домовладельца слобод должны были заплатить городу в качестве штрафа¹⁶⁸. Даже до совершенно нелитературной среды Корольчихи, Канавы и Часовни в конце XIX в. доходит осознание важности правильно составленного литературного текста, даже если он носит характер официальной бумаги во власть. Мещане прибегают к услугам поверенного, используя его навыки создания не только официального юридического запроса, но и текста, порождённого культурной средой интеллигенции, необходимого для ведения диалога с интеллигенцией думы. Мещане пробуют говорить с думой на её языке. В результате гласные думы разделились на два лагеря. Одни считали, что «ходатайство мещан не заслуживает уважения на том основании, что взыскание за самоуправство...есть единственная мера, которая может остановить заволжских мещан от подобных действий в будущем»¹⁶⁹. За мещан заступился Городской Голова, который заметил, что «осознавая вполне, что другого способа для удержания мещан от самоуправления, как преследование путём, указанным законом, нет, полагал бы в данном случае, в виду крайне тяжёлого положения просителей-землевладельцев, по случаю неурожаев, простить им этот долг...»¹⁷⁰. В конце концов, решили всё-таки «штраф не взыскивать, но объявить, что снисхождение – в последний раз»¹⁷¹. В данном постановлении думы ключевым словом – кодом является «снисхождение». Новые власти города оказывали «снисхождение» мещанам и не собирались реагировать на ту социальную реальность, в которой находилось большинство жителей города¹⁷². С другой стороны, мещане не только «воевали» и «торговались» с думой, они ещё и постоянно обращались к ней за материальной помощью¹⁷³. Дума выдавала пособия нуждающимся мещанам (от 3 до 10 руб. в месяц), оплачивала обучение некоторых мещанских детей в учебных заведениях города, помещала за свой счёт в городскую богадельню¹⁷⁴.

То, что многие гласные думы не понимали мещан, их интересов и чаяний, подтверждает спорный вопрос, возникший на заседании управы в связи с размещением войск по обывателям. 20 гласных думы возмутились «натиску со стороны Командующего войсками» о необходимости немедленно строить в Симбирске казармы на средства города для размещения войск. В Самаре и Сызрани казармы ре-

шено было строить за свой счёт, «да ведь это города богатые, торговые, промышленные и благоустроенные, а Симбирск – город бедный, город мелкого люда, людей 20 числа»¹⁷⁵. С точки зрения этой части гласных, чем тратить деньги на казарму, легче будет обойтись постоянной повинностью: «Во имя патриотизма разве трудно разместить полк в 2600 человек в 3000 домах входящих в состав г.Симбирска, значит по человеку в дом. Солдат ведь такой же гражданин... лучше этого человека приютить и приласкать у себя...»¹⁷⁶. Но большинством голосов дума решила взять деньги в долг и начать строительство казармы в Симбирске.

В Саратове мещанское общество было более богатым и организационно мощным, чем в Самаре и Симбирске. Поэтому новое Городовое Положение 1870 г. прибавило для мещан ещё больше страхов за судьбу своего сословного капитала, входившего в нераздельный капитал с купечеством. Ещё с первой половины XIX в. правительство обязало мещанские общества создавать сословные продовольственные капиталы, объявляя ежегодные сборы среди мещан. В 1866 г. сборы были отменены, а деньги переданы на хранение общинам. Через несколько лет было предписано перевести эти капиталы в земские управы, а с 1900 г. – в городские управы¹⁷⁷. Если в самарском и симбирском мещанских делопроизводствах вопрос о передаче сословного капитала не отразился, то саратовское мещанское общество, более значительное и богатое, обсуждало на своих собраниях эту проблему и даже заслушивало в 1878 г. пояснительную записку по данному вопросу министра внутренних дел А.Е.Тимашева, адресованную Саратовскому губернатору¹⁷⁸.

Мещанская управа Саратова вынуждена была решать многие вопросы своей сословной жизни, входя для этого в соприкосновение с чужими социальностями. И если для общения с купеческим обществом Саратова в вопросах совместного нераздельного капитала использовался один язык, можно сказать язык партнёров, то в общении с городской думой, мещане избирали язык просителей. В 1871 г. мещане Саратова, во главе со своим старостой, выступили перед Думой с заявлением о так называемой годовой росписи, в которой думская комиссия решила, что все расходы на «мещанское и рекрутское отделения» вносит в городской расход только в текущем 1871 г., а со следующего года мещане должны сами изыскивать средства¹⁷⁹. Мещане же в своём заявлении отмечали, что «сознавая ...в том что расход на

содержание мещанского и рекрутского отделений есть сословный, касающийся одного мещанского общества» но при «отнесении его на мещанское общество...оно...постановлено было бы в совершенно безвыходное положение»¹⁸⁰. Придерживаясь выбранного тона, мещане продолжали, что «многим из гг.Гласных вероятно известно, что здешнее мещанское общество сильно обременено не только текущими платежами и повинностями, но за ним ещё числится громадная недоимка. Мы не берёмся приводить всех тех причин, которые ставят саратовское мещанское общество в такое безвыходное положение, но укажем только на одну, по нашему мнению, главную причину, составляющую бремя мещанского общества»¹⁸¹. По мнению саратовских мещан, главная причина «обеднения мещанского общества» заключалась в том, что «после освобождения крестьян значительное число бывших дворовых людей приписалось, без согласия общества, к здешнему мещанству; таких лиц числится несколько тысяч душ и они то составляют всё бремя общества. Местожительств большей части из них неизвестно, между тем как на них начисляются подати и повинности, а по нерозыску их или крайней бедности, подати эти раскладываются на наличных плательщиков»¹⁸². Далее мещане объясняли, что поиск местоительства всех этих приписанных без согласия общества людей, требует «опытных людей для делопроизводства м неизбежных денежных расходов»¹⁸³. Но вот если бы удалось отыскать всех числящихся в обществе плательщиков, тогда бы удалось облегчить положение «коренного населения города»¹⁸⁴. Как видим, в этом отрывке мещанского заявления чётко проводится «водораздел» между мещанами – старожилами и многочисленным пришлым элементом. С 1858 г. по 1897 г., то есть за 49 лет, количество крестьян-горожан возросло в России в 4,6 раза¹⁸⁵. Из-за законодательных препятствий, тем не менее, многие из них продолжали числиться в крестьянском сословии. Но и тех, которым удалось приписаться в мещане, для мещанских обществ хватало, чтобы не справляться с сословными налоговыми обязательствами. В результате «гг.Гласные» постановили: «имея в виду, что содержание мещанского управления, составляя потребность одного только сословия, для города необязательно, Городская Дума не признала возможным уважить заслушанное ходатайство представителей мещанского общества»¹⁸⁶. Данный сюжет со всей убедительностью доказывает, что реформой 1870 г. имперская власть создала новую расстановку сил в городе, наделив

властью те социальные силы, которые находились в неизбывном антагонизме с городской бедной.

В газете «Саратовский листок» в 1885 г. были опубликованы «Письма к приятелю» журналиста, фельетониста Ивана Горизонтова, в которых он замечал, что «все сословные учреждения обратились поистине в сословные, т.е. думы – в учреждения купеческие, а земства – в дворянские...сузились...до сословных и ещё того хуже – до партийных, даже до семейных учреждений...»¹⁸⁷. В определённой степени наблюдения саратовского журналиста подтверждаются современным исследователем М.В.Зайцевым в статье «Состав саратовской городской думы», в которой автор показывает преимущественно купеческий состав и наличие так называемого «костяка», то есть гласных, избиравшихся в течение многих лет подряд¹⁸⁸.

Помимо дум, олицетворяющих для мещан «чужую» городскую власть, существовали более близкие к сословной жизни места концентрации власти, которыми являлись «свои» управы, старосты со своими канцеляриями и собрания, охватывающие не всех мещан города, а только тех, кто соответствовал законодательным условиям, но решения которых становились обязательными для всех мещан города.

Впервые мещанское общественное управление в России было введено в 1846 г. в Петербурге, потом в 1862 г. в Москве и в 1863 г. в Одессе¹⁸⁹. И уже согласно Городовому Положению 1870 г. мещанские общества остальных городов империи получили право своими приговорами, которые утверждались губернатором, учреждать мещанские управы для заведования делами общества. Там где управы не были созданы, сохранялись прежние органы управления, состоящие из мещанских старост и десятских, что нашло подтверждение в Законах о состояниях 1899 г.¹⁹⁰. Мещанская управа являлась исполнительным органом мещанского общества¹⁹¹. В компетенцию мещанских управ входили вопросы информационно-распорядительного плана, сословной благотворительности, персонального учёта мещан и выдачи им видов на жительство, раскладки и реализации сбора повинностей, общественные и хозяйственные дела¹⁹².

В столице империи для внутреннего управления мещанским обществом избирались ежегодно трое старост из мещанского сословия. Когда объявлялся рекрутский набор, избирался четвёртый староста, Рекрутский. Кроме того, выбирались из мещанской среды Петербур-

га несколько человек в сборщики податей, в сотские и десятские¹⁹³. Московская мещанская управа была учреждена в 1862 г.¹⁹⁴ И к 1896 г., то есть к концу XIX в., она обладала значительным штатом, во многом превышающим штат служащих управ в провинции¹⁹⁵. В 1863 г. в окладе московского мещанского общества числилось 35 800 душ¹⁹⁶. Мещанскому обществу принадлежали: дом, занимаемый гостиницей «Лондон», подвалы под зданием мещанского управления, богадельня¹⁹⁷. Благотворительная деятельность московского мещанского общества была значительнее, чем в саратовском, самарском и симбирском, но связана с теми же благотворительными статьями: богадельнями, лечением однообщественников в городских больницах, помощью бедным и образованием¹⁹⁸. Бедные мещане Москвы активно поддерживались и различными благотворительными организациями других сословий. Действовало московское мужское мещанское училище¹⁹⁹, учреждённое в 1834 г. купечеством Москвы²⁰⁰. На юбилейных торжествах 1885 г. в проповеди священник училища напутствовал бедных мещанских мальчиков: «Грех большой вам – забывать молиться за своих благодетелей» (купцов – прим. авт.)²⁰¹, тем самым подчёркивая социальную разницу статусов купечества и мещанства. И на следующий 1886 г. при выпуске учеников из училища священник Бухарев вновь призывал воспитанников проявлять благодарность к купцам-благотворителям («дайте обет молиться за своих благодетелей»²⁰²). В 1914 г. с речью перед ними выступал уже не священник, а представитель Вспомогательного общества бывших воспитанников и воспитанниц Мещанского училища²⁰³. Размах финансовых операций московского мещанства был значительный, о чём свидетельствуют публиковавшиеся в печати отчёты²⁰⁴.

В уездных мещанских обществах Московской губернии на повестке дня собраний и в деятельности мещанских управлений в целом, стояли те же вопросы, которые волновали мещан Саратовской, Самарской и Симбирской губерний. Это выдача удостоверений о бедности мещан²⁰⁵, проблема больничных недоимок, оплата лечения мещан в больницах²⁰⁶ и т.д. Приговоры собраний, к примеру, серпуховского мещанского общества, начинались с такой же словесной «шапки», как и протоколы Саратовского, Самарского и Симбирского мещанских собраний²⁰⁷.

Выборы на основные мещанские общественные должности в Москве готовились более серьёзно, чем в провинции. В 1913 г. в москов-

ском мещанском управлении заготавливали специальные отпечатанные бланки, в которые вносились сведения о московских мещанах, подлежащих внесению в список избирателей для выбора в 1913 г. выборных по мещанскому сословию²⁰⁸. В сведениях указывались: фамилия, имя, отчество, «лета», вероисповедание, «какой слободы», местожительство, «нет ли общественных недоимок», «не состоит ли и не состоял ли под судом», «каким владеет избирательным цензом», когда причислен в мещане²⁰⁹.

Б.Н.Миронов определяет пореформенный период в жизни мещанского общества городов России как деградацию²¹⁰, отмечая, что «смерть» сословия в 1917 г. «была тихой и закономерной»²¹¹. Похоронив, таким образом, сословную организацию мещанства, Б.Н.Миронов предоставил исследователям, занимающимся повседневными практиками, замечательную возможность посмотреть на сословную жизнь в границах «неэффективной системы» и «тупиковой ветви развития». Ведь люди, принадлежавшие к мещанскому сословию города, продолжали жить, вступать в различные виды социального взаимодействия как с управой, так и между собой, писать жалобы, обращаться в управу как в адресный стол, увольняться из общества, решать через служащих управы внутрисемейные конфликты, то есть демонстрировать нюансы обыденного сознания (Приложение № 10).

В 1871 г. накопившиеся жалобы на процедуру проведения собраний мещанского общества Самары заставили Губернатора вмешаться в этот процесс и внести в него определённые коррективы. Он потребовал, чтобы, во-первых, отныне о каждом собрании мещанского общества ему заблаговременно доносили с объявлением точной даты проведения. Во-вторых, независимо от приглашения мещан на собрание повестками или особыми объявлениями нужно было заблаговременно публиковать в «Самарских губернских ведомостях» и в «Справочном листке» бесплатное объявление о собрании. В-третьих, со всех постановлений мещанского общества губернатор требовал копии. И, наконец, в-четвёртых, во время проведения собраний мещане не должны были допускать шума и беспорядков. Чрезмерную «шумность» мещанских собраний отмечали и другие исследователи²¹². И, наконец, Губернатор предложил самарскому мещанскому обществу решить, какое число членов общества должно присутствовать на собрании, чтобы постановление общества имело силу²¹³. Исходя из этих требований, можно представить, что до вмешательства губернской власти в дела мещанского об-

щества там царил «пешехонский» произвольный порядок. Обиженные на мещанское начальство, отправлялись жаловаться губернатору.

8 декабря 1871 г. на своём собрании мещане г.Самары «приговорили: для более правильного ведения общественных дел и удобного сбора с общества повинностей мы желаем открыть с 1 января 1872 г. Мещанскую Управу, которая должна состоять из Председателя и двух членов»²¹⁴. Мещане попросили «господина Начальника Губернии права произвести выборы вновь», то есть выбрать председателя Мещанской управы и членов управы. К этому моменту должность мещанского старосты занимал И.Г. Белов. Его же мещане избрали и на должность Председателя управы, причём и в мещанском делопроизводстве и в повседневной речи за Председателем Мещанской управы города сохранилось название «мещанский староста». На выборы мещанское общество Самары собралось в полном составе. Выслушали молебен и приступили к голосованию. За Белова было 92 шара, против – 20 шаров²¹⁵. Белов был утверждён Губернатором на этом посту. Клятвенное обещание при вступлении Председателя мещанской управы в должность сохранили ту же, что и при вступлении в должность мещанского старосты²¹⁶. В члены мещанской управы был избран А.Д. Грачёв. По закону он должен был также принести присягу, но тут возникла особенная ситуация, о которой он писал в объяснительной записке: «...я принадлежу к обществу Духовных христиан, верующих в Евангелие, признающих браки и молящихся за царя и по своему исповеданию неприемлющих присяги, то вследствие этого обязуюсь исполнять должность эту по совести, согласно всем требованиям закона»²¹⁷. За него проголосовали 81 шар за и 30 шаров против²¹⁸. И такой результат выборов показателен, учитывая достаточно жёсткую позицию православной церкви по отношению к «сектантам». Тем более, что до 1883 г. существовал запрет на избрание старообрядцев и сектантов в должность по общественному управлению²¹⁹. Самарское мещанское общество, по незнанию закона или, опять-таки, по «пошехонскому» обычаю – пренебрегло законом. Вторым членом Самарской мещанской управы был избран У.И. Суслов²²⁰. Повышение статуса мещанских сословных органов власти отразилось в изменившемся обращении к председателю: «Г.Председатель Самарской мещанской управы» и в употреблении в их отчетах суффикса «ич»²²¹. Меняется и стиль обращений губернатора к председателю мещанской управы. С одной стороны, по-прежнему,

дистанция, разделяющая этих двух носителей власти – огромна, что прочитывается в их переписке, с другой стороны, Господин Председатель оказался включённым в переписку с Губернатором интонационно в более уважительном контексте, чем ранее мещанский староста. Губернатор Аксаков писал Председателю Мещанской управы: «...поставляю Вас в известность...»²²².

Изменения статуса мещанского старосты Белова, превратившего его в Господина Председателя Мещанской управы города, не спасло от внутренних конфликтов, в которые он оказался втянут «фрондой» из мещан, претендовавших, по всей видимости, на активное участие во вновь образованной структуре власти.

В 1871 г. на собрании мещан города планировалось обсудить много важных вопросов, но явилось всего 20 человек и среди них Иван Фоминский «в азартном виде»²²³. Фоминский во время ведения старостой собрания «произнёс ему...много оскорбительных слов, на что даже многие бывшие приглашёнными на собрание повестками лица очень оскорбились». Выражал свои мысли Фоминский «площадными словами» и оскорблённые сообщественники постановили запретить ему являться на собрания в течение трёх лет²²⁴. Своей обиды он не забыл. И в 1876 г., вместе с другими мещанами (А.Даниловым и И.Абрамовым²²⁵), обратился с жалобой на самарского мещанского старосту Белова к губернатору, отметив, что «староста, незнакомый с законами...допустил беспорядки: в собрании участвовали мещане в нетрезвом виде». Фоминский даже не вспомнил про свой «азартный вид» несколькими годами ранее, а сообщал, что когда во время проведения собрания стали обсуждать вопрос о принятии в свою среду бывших арестантов и мещане отказались их принимать, некто Севастьянов с приятелями стали оскорблять проголосовавших против и староста не мог никого призвать к порядку²²⁶. В 1876 году, когда жалобе был дан ход, Белов уже не являлся мещанским старостой. Причём, сменивший его на этом посту Смирнов, пробыл мещанским старостой только один год, хотя, как правило, старосты избирались на три года. Можно предположить, что избрание Смирнова было вызвано какими-то конфликтами внутри мещанского общества, связанными с личностью Белова.

На собрания общества, связанные с выборами в 1873 – 1874 гг. собиралось около 80 человек мещан²²⁷. Выбранных в мещанское управление приводили к традиционной присяге, добавив новую фразу: «не щадя живота своего до последней капли крови»²²⁸. То есть новые чле-

ны мещанской управы, принося присягу, обязывались служить мещанскому обществу города «до последней капли крови».

В 1877 г. в г.Бузулуке главным фигурантом «беспорядков» в мещанском обществе города было само мещанское «начальство»: мещанский староста Гречушкин, сборщик податей Попов и общественный писарь Колосов²²⁹. О финансовых злоупотреблениях сообщил губернатору в Служебной записке бузулукский мещанин И.Е.Струков (Приложение № 11)²³⁰. Хотя все обвинения, выдвигаемые Струковым, подтвердились, никто не наказал мещанское начальство, а сам обвинитель умер, не дожив до конца своего «дела».

В г. Сергиевске также возникла неприличная финансовая ситуация, связанная с личностью мещанского старосты. В 1885 г. в Самаре рассматривалось дело о бывшем Сергиевском мещанском старосте В. Е. Львове (был старостой с 1876 г.), обвиняемом в растрате общественных денег²³¹. Когда он передавал свои дела вновь избранному старосте Тимашеву, обнаружилась недостача в 214 руб. 37 коп.²³². Вначале решили, что 114 руб. можно пополнить из общественных сумм, а 100 руб. предъявить как растрату. Но дело также было «спущено на тормозах».

Совершенно противоположная ситуация наблюдалась в мещанском обществе другого города Самарской губернии, посаде Мелекесс. В Мелекессе сложился феномен гармоничного взаимодействия всех институтов местного самоуправления между собой и с обществом под руководством старообрядческой семьи купцов Марковых. В 1882 г. в посаде Мелекесс на выборах мещанского старосты, 30 человек мелекесских мещан, прибывших на собрание общества, обратились к старосте с предложением выразить признательность обществу Господину посадскому голове Константину Григорьевичу Маркову «за все те заботы его и старания, какими сопровождалось учреждение в Мелекессе мещанского управления». Мещане решили пригласить его на собрание, чтобы «преподнести ему от имени общества хлеб/соль и благодарственный адрес»²³³ (Приложение № 12) и решили присудить посадскому городскому голове звание «почётного члена Мелекесского мещанского общества с правом совещательного голоса»²³⁴. Но Самарское губернское правление не утвердило это решение мещанского общества на основании отсутствия «закона уполномочивающего мещанские общества предоставлять кому либо почётные звания»²³⁵.

Несмотря на то, что участвовать в собрании официально разрешилось всем мещанам мужского пола, которые являлись действительными членами мещанской общины данного города, то есть были причислены к ней с согласия её членов²³⁶, на собрания приходило, как правило, небольшое количество человек. Собрания проходили в зале городской думы. В 1878 г. на собрания мещанского общества Самары приходило от 44 человек до 156 человек²³⁷. Управа оповещала мещан через Самарские губернские ведомости²³⁸. Но когда предстояли выборы на основные должности управы, явка могла достигать и 349 чел., как, например, в 1879 г.²³⁹. На общественные должности избирали, как правило, уже зрелых мужчин, в возрасте от 40 до 60 лет²⁴⁰. Избирательным голосом обладали лица, не моложе 25 лет²⁴¹. И уже традиционно результаты выборов окончательно утверждались губернатором²⁴².

Мелкие перебранки и жалобы друг на друга становились уже неотъемлемой частью повседневности мещанской управы города. В 1885 г. членом мещанской управы был выбран Иван Зотов Сорокин. И это несмотря на то, что в 1881 г. он, в числе группы мещан, написал жалобу губернатору на управу из-за того, что вовремя не были выданы деньги на канцелярские расходы. Управа же в ответ объясняла: «К нам в управу никто не обращался, а если по поводу этому действительно был в управе дважды мещанин Иван Зотов Сорокин, но как он по безграмотности своей не смог ничего высказать основательно, так что нельзя было понять, что он просит»²⁴³. Но Сорокина избрали членом мещанской управы, из-за того, что он приходил на собрания в нетрезвом виде на него самого постоянно приходили жалобы, но и он не оставался в долгу: продолжал писать жалобы на председателя и других членов мещанской управы²⁴⁴.

На рубеже XIX – XX вв. в некоторых мещанских обществах страны был поднят вопрос о нецелесообразности наличия мещанских управ. В Самаре подобная ситуация произошла в 1883 году, о чём свидетельствует Протест, принятый собранием мещан 20 ноября и поданный 2 декабря 1883 г. губернатору (Приложение № 13). По степени важности для сословной жизни мещан города Самары этот документ в своём роде уникальный. Ни до, ни после этого Протеста, в делопроизводстве мещанской управы Самары не было документов, которые бы с такой ясностью фиксировали изживание сословной организации и попытки части самого мещанства остановить этот процесс. Если бы

не та активность, которую они развили, защищая мещанскую управу как институт, а вместе с ней и всё мещанское общество с его традиционными функциями, мещанская сословная организация разрушилась бы «снизу» сама собой из-за законодательного устранения сословной исключительности в вопросах налогов и паспортов. И, следовательно, при освобождении управ от этих функций, они, действительно, становились не нужными. В 1883 г. мещане Самары на своём собрании приняли решение об упразднении мещанской управы и сохранения только должности мещанского старосты, которому бы помогали два писца. Но тут образовалась инициативная группа, которая выступила с Протестом против подобного решения²⁴⁵. Усилиями этой группы мещан управа в Самаре была сохранена.

Одной из самых острых внутренних сословных проблем, с которыми сталкивалась мещанская управа в своей повседневной деятельности, были больничные недоимки, копившиеся на мещанском обществе. Так как мещане представляли собой с экономической точки зрения бедные городские слои, плата в сутки за лечение в больнице в размере 18,6 коп.²⁴⁶ оказывалась для них непосильной. Часто они попадали в больницу не по своей воле, умирали там, а за лечение всё равно кто-то должен был платить. И больничные суммы ложились в качестве общественных сборов на мещанское общество. Так как для самого мещанства уплата налогов была рассчитана до копейки, являлась крайне обременительной для семейных бюджетов, а иногда, в силу тяжёлых жизненных обстоятельств, даже невозможной, на обществе копилась ещё и больничные недоимки.

В 1885 г. уполномоченные мещанского общества Самары выступали на земском собрании и пытались объяснить, почему так невыносимо сложно было для них изыскивать средства для лечения мещан в земской больнице и невозможно погасить накопившиеся за годы недоимки²⁴⁷ (Приложение № 14). Речь шла о погашении недоимки в 2985 руб. за лечение 378 мещан г. Самары²⁴⁸. Но, несмотря на апелляцию к филантропическим чувствам гласных самарского земства и, несмотря на имидж земства как организации, делавшей очень много для социальной помощи населению, рассмотрение дела о погашении недоимок было передано в суд.

Во всей этой истории, казалось бы связанной исключительно с частным экономическим вопросом уплаты больничных недоимок, отразилось общее состояние социальной жизни в России. В преиму-

щественно аграрной стране главным «героем» социальных отношений являлся самый многочисленный слой, крестьянство, которое по определению не могло находиться на периферии политического взаимодействия самых различных структур государственного контекста. В этом смысле общественный интерес к мещанству был минимальным, поскольку роль и значение этой группы в России была незначительной, а в рефлексии интеллигенции усугублена негативистскими предубеждениями. Мещанское общество вынуждено было нанять присяжного поверенного, чтобы он в суде защищал их интересы²⁴⁹. Поверенный поехал представлять интересы самарского мещанства в Казанскую судебную палату и выиграл дело, решение было принято в пользу мещанского общества²⁵⁰. Но уже на следующий год вновь со всей остротой встал вопрос о больничных недоимках. И в 1888 г. на мещанском обществе Самары вновь скопилась больничная недоимка более 6 тыс. рублей серебром²⁵¹. Но теперь уже мещане предъявили претензии своей собственной управе, заявив, что им «делать нечего», могли бы и уменьшить расход управы, таким образом деньги экономить и «назначить на лечение бедных мещан г.Самары в земской больнице»²⁵². Но на своей зарплате служащие управы решили не экономить, а обложить сбором всех мещан города по 10 руб., чтобы покрыть больничную недоимку²⁵³.

События большой истории доносились в мещанскую управу, не находя отражения в приговорах. О реакции мещанства на смену монархов по делопроизводственной документации Самары невозможно узнать, за исключением таких моментов, как сбор средств на портрет нового самодержца, «в помещениях управ...было принято вывешивать портреты царственных особ»²⁵⁴. В тексте присяги мещан и в начале XX в. сохранялась религиозная формула: мещане клялись «Всемогущим Богом пред Святым Его Евангелием и Животворящим Крестом Спасителя»²⁵⁵. Их гражданское сознание выражено следующими словами: «хочу и должен», «окажут себя ревностными к службе Его Императорского Величества и попечительными о пользе общественной», «нерадивый о благе общественном, в коем и моё собственное заключается»²⁵⁶. С желанием или с неохотой, но при вступлении в должность маленький человек империи становился в определённой степени гражданином – охранителем этого огромного государства. Вставал перед необходимостью бороться с теми пороками русской жизни, которые сам и творил. Это очень чётко отражено

в тексте мещанской клятвы: «для отправления правосудия и других дел по чистой моей совести и чести, без пристрастия и собственных корысти, устраняя вражду и связи родства и дружбы, избрать из моих собратий таких, которых по качествам ума и совести их нахожу я достойнейшими и способнейшими и от которых надеюсь...»²⁵⁷. После принесения присяги, зачитывался текст закона о состояниях, определявший правовой статус мещанского сословия. Повседневный быт управы становился всё более рациональным, формализованным, полагающим на твёрдые юридические основания²⁵⁸.

В 1901 г. умирает председатель Самарской мещанской управы И. Уваров, находившийся в этой должности с 1893 г., а в составе мещанской управы с 1872 г.²⁵⁹. С докладом по этому поводу 8 июля выступил перед обществом член управы А. Неклюдов. Отметив заслуги почившего, «в каких должностях он (Уваров – прим.авт.) оказал себя в полном смысле слова человеком знающим совершенно принятые им на себя должности»²⁶⁰, он перешёл к изложению конфликта с супругой покойного, Пелагеей Алексеевой. Управа потребовала с неё остатки общественных сумм в размере 1269 руб. 29 коп. Но Уварова предоставила только 700 руб., «объяснив при этом, что последние 569 руб. 29 коп. в настоящее время предоставить не может по неимению у неё таковых»²⁶¹. Решено было оставить этот вопрос открытым, а Неклюдов вновь вернулся к образу усопшего, предложив поручить мещанской управе «купить в 50 руб. венок с надписью на ленте: «Мещанскому старосте И.С.Уварову от признательного общества мещан г.Самары» и возложить таковой на гроб почившего», а деньги за венок разложить на общество на 1902 год²⁶². А уж похоронив председателя, вернуться к вопросу о его финансовых долгах обществу.

Только начало русско-японской войны вызвало реакцию мещан Самары. Степень реакции на какое-либо событие так называемого «большого нарратива» русской истории по делопроизводству управы еле улавливается. Её практически нет. В условной шкале событийности, главное событие – цифры (недоимки, сборы, прибывшие и убывшие...). Поэтому особое значение приобретают сведения о выражении верноподданнических чувств мещанами города. 1 февраля 1904 г., когда страна вступила в войну с Японией, члены мещанского общества Самары «...возмущаясь низкой выходкой японцев» решили «повергнуть к стопам Его Императорского Величества беспредельное чувство своей преданной любви к своему Монарху и готовность встать грудью за

Веру-Царя и Отечество» и постановили «просить Г-на Начальника Губернии означенное выше верноподданническое чувство повергнуть к стопам Его Императорского Величества по телеграфу»²⁶³.

Учитывая всю важность закона 1906 г. об отмене обязательной приписки мещан к определённому городу для мещанской жизни и деятельности управы, об этом событии делопроизводство откликается вскользь, отмечая, что после того, как получать паспорта с 1906 г. стало возможно в полицейском управлении,²⁶⁴ «Мещанская Управа поставлена в безвыходное положение», так как «с новыми правилами невозможно собрать недоимки и соответственно нет денег на оплату служащих Мещанской Управы. Поэтому жалованье вынуждены брать из общественных сумм»²⁶⁵.

Характер самих делопроизводственных бумаг мещанской управы Самары меняется в сторону появления отпечатанных документов и большого количества телеграмм. В 1914 г. мещанской управе Самары потребовались разъяснения закона от 12 марта 1914 года о личных и имущественных правах замужних женщин и об отношениях супругов между собою и к детям, в частности, о раздельном жительстве супругов. Мещанского старосту и членов управы больше всего интересовал вопрос: выдавать ли замужним женщинам без согласия мужей вид на жительство²⁶⁶? Губернатор ответил: «Можно»²⁶⁷.

В Наряде к сведению мещанской управы Самары за 1915 г. отражён слабый отклик на российскую внешнюю политику в форме стенографического отчёта заседания Государственной Думы четвёртого созыва от 20 июня 1914 года²⁶⁸, в котором было напечатано «приветственное слово Государя Императора» и сообщение об объявлении войны²⁶⁹. Как и в повести Константина Финна «Окраина»²⁷⁰, мещане провинции на своих собраниях не отреагировали на вступление страны в войну. Отсутствие реакции – тоже реакция. Война не является индикатором эмоционального состояния управного человека. Если в частной жизни это слово вызывает скорбь, страдание, страх, горе и т.д.. То в сословной жизни мещанской управы Самары не удаётся обнаружить переживаний, связанных с этим событием: никакой риторики, никакой аффектации – тексты безмолвствуют. Единственный «след», связанный с войной – циркуляр 1916 г., уточняющий, что «иностранцы, принесшие присягу на подданство России до достижения призывного возраста – подлежат исполнению воинской повин-

ности», а возраст, до которого мещанин мог быть призван, определялся в 30 лет²⁷¹.

К 1916 г. круг вопросов мещанского сословного делопроизводства Самары сужается до выдачи паспортов²⁷². В последние годы дореволюционной сословной жизни, в 1916–1917 гг., члены мещанской управы Самары всё так же составляли посемейные списки, расписки о выдаче паспортов, предоставляли сведения о местожительстве, об отбытии воинской повинности²⁷³. 31 августа 1917 г. с выяснением места жительства общественников служащие управы обращаются уже не в полицию, а в милицию²⁷⁴.

В 1916 г. в газете «Симбирянин» было опубликовано стихотворение какого-то неизвестного местного автора – пародия на стихотворение Н.А.Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Автор симбирского текста рассуждал на тему «кому живётся счастливо, привольно тож и весело, в Симбирске, славном городе на Волге на реке»?²⁷⁵ «В Симбирске все сословия – повсюду заглянут», сочинял автор. Но среди всех сословий, к которым с вопросом о счастливом социальном быте он заглядывал, к купцу, к мануфактурщику, к «управе-матушке» («а города отцы – в постеле всё-то нежатся»), к сторожу управы, к «господину-судовладельцу», мещан не было. Как не создана была в городе и мещанская управа. Управление общиной осуществляли: мещанский староста, податный староста с помощниками и письмоводитель. И в их штате состояли писцы и рассыльные. В некоторых документах, тем не менее, сохранилось самоназвание этого аппарата мещанских управленцев «управа»²⁷⁶. Мещанский староста Симбирска в месяц получал жалования 50 руб., податный староста – 25 руб., письмоводитель – 41 руб., два помощника податного старосты – по 12 руб. Писцам, в количестве 8 человек, было выдано от 6 до 20 руб., рассыльным – по 6 руб.²⁷⁷

Как и над самарским мещанским обществом, над Симбирским, ещё более финансово несостоятельным, висел, как «дамоклов меч», вопрос о призрении бедных и больных однообщественников²⁷⁸. Главный врач больницы обратился к мещанскому старосте с просьбой «взять из Больницы мещанку Александрову как присланную в Оную» управой²⁷⁹. Так как в городе не было «устроено особого дома для неизлечимо больных», мещанское общество, «на обязанности которого лежит Ея призрение», не знало что делать²⁸⁰. В подобных случаях, не предусмотренных властью²⁸¹, мещанское обще-

ство выработало практику «усыновления» таких стариков за деньги мещанскими семьями. Иногда полгода уходило на поиск подходящей семьи. Беря к себе стариков, мещане писали заявление: «берём на призрение, впредь до разрешения этого предмета обществом, с тем, чтобы кормить её, обмывать в бане и вообще покоить её, как свою семейную и за что получать от мещанского старосты по семи рублей в месяц, в чём и подписуемся»²⁸². А «разрешение предмета» подразумевало, что мещанское общество найдёт для старого человека место в земской богадельне. Но как правило, приходил отказ «занеимением свободных мест»²⁸³. Таким образом, лечение бедных однообщественников, больничные недоимки – являлись проблемой и симбирского мещанского общества²⁸⁴.

В отношении проведения мещанских собраний, как и в Самаре, мещанский староста получал из Губернского правления разрешение со ссылкой на резолюцию губернатора²⁸⁵. После такого разрешения созывалось собрание, в среднем в 70-е гг. XIX в. на него собиралось около 60 человек²⁸⁶. Совсем небольшая по численности группа на фоне всех мещан города. Так как была введена практика накладывать штраф на «проигнорировавших собрание», можно предположить, что многие просто уклонялись от участия в нём²⁸⁷. Выборы 1870 г. на должности по мещанскому обществу демонстрировали всё привычный набор должностей: мещанский староста, отдатчики по отправлению рекрутской повинности, сборщики государственных налогов и поземельных денег, депутаты квартирной комиссии, словесные судьи и т.д.²⁸⁸ В 1870 г. ещё проводилось собрание общества «граждан города Симбирска всех сословий», под которым понималось «Общество купцов и мещан», избравшее на общественные должности по городскому самоуправлению²⁸⁹.

Несмотря на то, что мещане заволжских слобод Корольчихи, Канавы и Часовни принадлежали к симбирскому мещанскому обществу, собрания у них происходили отдельно, назывались сходками²⁹⁰, у них был свой мещанский староста и прочие мещанские управленцы. Но все дела слободских мещанских обществ пересылались в делопроизводство симбирского мещанского старосты. Приговоры общества слобод начинались со слов: «1870 года января 1 дня мы мещане Слободы Часовни были на мирской сходке избрали в старосты Григорья Павлова Медяньского в десятники Ионов Трофим Максимов» и т.д.²⁹¹ В начале 1872 г. собиралось мещанское общество слободы Корольчихи, чтобы выбрать из своей среды старост. Мещанским старостой

был избран С. Г. Данилов, в его помощники – И.Д.Галкин, а в пожарные старосты – С.А.Дорофеев²⁹². Само мещанское общество Часовни в начале XX в состояло из 212 человек, Канавы – из 131 человека и Корольчихи – из 136 человек²⁹³.

Постоянно кто-нибудь из мещан отказывался от возложенных на него общественных служб (Приложение № 15). В таких случаях писалось Заявление на имя мещанского старосты, чтобы он разобрался с ситуацией на очередном собрании мещанского общества²⁹⁴. Мещане уже чётко знали свои права и обязанности и при отказе оперировали положениями закона. Заявление, к примеру, выглядело так: «выбор этот я считаю не правильным, потому что имею от роду только 22 года, а в подобные должности, на основании существующего закона лица избираемые должны иметь не менее 25 лет, поэтому я службы этой продолжить не могу, а также ещё и по одиночеству хотя и имею в семействе отца, но он по старости лет слабого здоровья, а меньшей мой брат находится в услужении» и просил освободить его от должности, «в которую я избран противузаконно»²⁹⁵. Или: «Известясь частно, что я будто бы назначен пожарным старостою...»²⁹⁶, мещанин объясняет, что не может занимать эту должность, ссылаясь на статьи закона: 1. «дома я в г.Симбирске не имею и живу в доме жены своей»; 2. «к обществу я не приписан и несогласен принять означенной должности»; 3. «кроме того, в Симбирске я проживаю временно, а родина моя в Алатырском уезде»²⁹⁷. Мещане чётко знали, что не могут быть избраны на должность «без всякого со стороны нашей согласия», так как «по новому преобразованию Руси лица избираемые в должность должны на это оставить согласие, но мы на означенные должности в настоящее время своего согласия неизъявляем, а покорнейше просим Вас предложить обществу от должности освободить нас и вместо нас избрать других»²⁹⁸. Собрание, как правило, всегда шло таким прошениям навстречу²⁹⁹. Но некоторые прошения об освобождении от должности по самоуправлению, выглядят скорее жалостливо. Мещанин В.И.Францев покорнейше просил освободить его от вторичного исполнения обязанностей податного старосты, «как я обязан большим семейством, которому я даю пропитание, а если же будет дана Ваша означенная должность то моё семейство останется без всяких средств к пропитанию»³⁰⁰. Такой тональности прошений сохранилось в делопроизводстве также в значительном количестве³⁰¹. Иногда мещан по ошибке избирали сразу на несколько должностей,

в связи с тем, что они входили в различные общества³⁰². Совершенно иное по стилю Прошение мещанина Г.И.Полежаева: «Господин Староста! Мне сделалось известно, что в 26 сего октября симбирское мещанское общество выбрало меня на должность рекрутского старосты. Положа руку на сердце не смущаясь скажу: хотя назначение это для меня в высшей степени и лестно и приятно, как доказательство и доверия и внимания ко мне общества, однакож, несмотря на это, я, в настоящее время, в следствие и домашних и посторонних обстоятельств, вынужден нахожусь отказать решительно и неизменно от возлагаемой на меня обязанности»³⁰³. Иногда форма подобных прошений была предельно официальной: «по болезненному моему состоянию отправлять не могу...покорнейше прошу об увольнении...»³⁰⁴. Мещанский податный староста Симбирска обратился в 1872 г. с жалобой к мещанскому старосте, так как его избрали в 1871 г. только на год, а вот уже прошла половина следующего года, а он всё ещё продолжает выполнять обязанности податного старосты³⁰⁵.

Симбирские губернские ведомости практически не отражали словенную жизнь мещан. Создаётся впечатление, что слова «мещанин – мещанство – мещанское» появлялись на страницах газеты только в связи с рекрутскими наборами, выборами в думу и судебными тяжбами³⁰⁶. На этом фоне выделяется № 20 от 15 марта 1895 г., в котором была напечатана статья под названием «Собрание мещанского общества»³⁰⁷. В статье сообщалось, что 28 февраля на мещанском собрании Симбирска «по совершении молебствия о здравии и долгоденствии Их Императорских Величеств», мещанский староста Башанов предложил составить благодарственный верноподданнический адрес и сложить недоимку с бедных однообщественников³⁰⁸. В лексике мещанского адреса присутствуют идиомы, связанные с кончиной императора Александра III, а потому интонационно торжественно-скорбные: «дорогое отечество», «обширное отечество», «события величайшей важности», «Величайший Миротворец», «горестное событие», «глубокий траур», «уныние», «верноподданнический долг», «горячие молитвы», «упокоение чистой души»³⁰⁹. Их сменяет верноподданническая радость, связанная со свадебными и коронационными торжествами вступления на престол нового монарха: «благополучно царствующие». Но тут же практичный ум мещанина переходит к главному: к Всемиловистейшему Манифесту, факт опубликования которого облекается в долженствующую случаю эйфорию о «любвео-

бильных царских милостях», распространённых «не на одно какое сословие, а на всех верноподданных», о «великих радостных событиях», о «добрых делах». Отметив, что в честь Манифеста, сословия «нашего обширного отечества, наперерыв...сооружают школы, открывают богадельни, учреждают стипендии в благотворительных и учебных заведениях», мещанский староста подходит к главному: «я предлагаю Вам, Милостивые Государи, последовать благим примерам обществ и ознаменовать радостный день бракосочетания Его Императорского Величества благодарственным Господу Богу молебствием и повергнуть к стопам Их Императорских Величеств верноподданнический адрес, а также сложить недоимки с беднейших и престарелых наших однообщественников, по Вашему усмотрению»³¹⁰. Собрание мещан Симбирска, выслушав предложение своего мещанского старосты, единогласно постановило: повергнуть адрес и сложить недоимку 9 763 руб. 63 коп. Адрес подписали 114 мещан и предоставили Губернатору г. Симбирска. В ответ на это Всемилоостивейшим рескриптом от 3 марта 1894 г. симбирскому мещанскому обществу была объявлена через губернатора благодарность от императора³¹¹.

В 1916 г. симбирские мещане получали приглашение на выборы на отпечатанных бланках с обращением «Милостивый Государь!»³¹². Как и в Самаре, в Симбирске периодически возникали в связи с выборами конфликты³¹³. Были отменены выборы, на которых мещанским старостой избрали Белова. По жалобе на результаты этих выборов одного мещанина, который заявил, что Белов, как «неимеющий никакого ценза, не мог быть избран на должность старосты мещанского общества»³¹⁴ и что на собрании присутствовали мещане, которые не имели права участвовать в собрании³¹⁵, выборы были признаны недействительными³¹⁶. Выборы были проведены снова. Мещанским старостой избран В.С.Паклин³¹⁷.

С 1914 г. в делопроизводстве саратовской мещанской управы появляются отпечатанные и опубликованные отчёты, иллюстрирующие её экономический повседневный быт³¹⁸. Из всех денег необходимо было содержать саму управу, оплачивать почтовые расходы на высылку паспортов, выделять суммы для мещанского дома призрения, оплачивать лечение мещан в больницах, выделить деньги на открытие детского приюта, выплачивать пособие бедным мещанам, выделять на продовольственный капитал и т.д.³¹⁹. В Саратове мещанская управа имела дело со значительными капиталами. Поэтому для про-

верки счетов работала специально созданная ревизионная комиссия³²⁰. В 1914 г. на содержание одной только канцелярии саратовской мещанской управы было израсходовано 8 043 руб. 80 коп., собранных с общества³²¹. В Саратове, как и в самарском и симбирском обществах, решался вопрос о том, кто имел право участвовать в собраниях мещан. В 1916 г. была учреждена специальная комиссия, которая должна была составить списки мещан, имеющих право голоса на общественных собраниях³²². В этот список вошли мещане, владеющие в Саратове недвижимой собственностью, 1848 человек, и мещане, получившие торговые свидетельства на право торговли и промыслов, 276 человек³²³. Деятельность саратовской мещанской управы была в основном связана с совместным с купцами благотворительным капиталом, чему посвящён специальный раздел исследования.

Таким образом, мещане в период, последовавший за Городовым Положением 1870 г., оказались в ситуации совершенно нового города. Та власть, которая воспринималась традиционно как «своя», власть городской думы, поменяла своё социальное лицо, стала выражать политический вкус и культурную программу российской интеллигенции, испытывающей стойкие антимещанские предрассудки, и стала «чужой». Мещанская же управа получила определённую самостоятельность лишь в тот период, когда традиционные обязанности мещан, за выполнение которых должна была отвечать управа, стали исчезать. И от управ потребовалась виртуозная игра по обоснованию своей собственной необходимости для общества и оправданию трат денег мещан, которые шли на её содержание. В абсолютно равнодушном к делам сословия городском окружении управа пыталась формулировать нужды мещан на языке новой городской власти. Мещанская управа (в Саратове и Самаре) и староста (в Симбирске) олицетворяли «свою» власть. На собраниях мещанских обществ господствовали аутентичные мещанские тексты поведения и использовался традиционный для городских общин язык общения. Несмотря на то, что от работы по общественному управлению мещане всячески уклонялись, оказавшись избранными на должности – старались выполнять свои обязанности, соотносясь с законом, трудовой и общинной этикой, что закреплялось ритуалом присяги. Мещане не высказывались по поводу войн, реформ, не составляли верноподданнических адресов в таком количестве, как это происходило на дворянских собраниях. Их общественная

рефлексия была связана с вопросами повседневного выживания в условиях сословных обязанностей. Логика повседневных практик мещан в границах взаимодействия с думой и мещанской управой сводилась к попыткам сохранить для себя то небольшое, чем они традиционно обладали в городе: землю, торговые места, дома, предприятия и даже платьемойки. Для этого использовались многочисленные уловки, сводимые к имплицитной программе антиподчинения при внешней легитимной позиции.

САРАТОВСКАЯ МОДЕЛЬ МЕЩАНСКО-КУПЕЧЕСКОГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО СОЮЗА И УЧАСТИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СОСЛОВИЯ ВО ВСЕРОССИЙСКИХ МЕЩАНСКИХ СЪЕЗДАХ

В границах трёх губерний, Саратовской, Самарской и Симбирской, особое место занимает саратовское мещанское общество в силу своей экономической и общественной активности и особых связей с купечеством города, закреплённых организацией, существовавшей в рассматриваемом регионе только в Саратове, Попечительством (или Управлением) общественных имений купцов и мещан г.Саратова³²⁴. Если, к примеру, в Москве, купечество окружало благотворительной заботой само мещанское сословие, устроив, в частности, в 1834 г. училище для 50-ти беднейших мещанских детей, преимущественно сирот³²⁵, то в Саратове мещане и купцы объединились в одно общество, чтобы на паритетных началах заниматься благотворительностью.

Это совместное, двусословное управление образовалось в конце XVIII в. по инициативе самих купцов и мещан города, было названо Попечительством и являлось самостоятельной организацией. Попечительство просуществовало до 1918 г. Забота о совместном неразделённом капитале привела к тому, что саратовское мещанство активно пыталось в 1917 г., совместно с купечеством, выработать в условиях грядущей отмены сословий такой вариант сохранения совместного капитала, который бы не исчез с отменой государственных слов «мещанство» и «купечество».

Началось всё с того, что в 1754 г.³²⁶ несколько купцов и мещан г. Саратова составили из добровольных взносов капитал для получения с него доходов и использования его на общественные нужды: на благотворительность, на образование и т.д.. В Прошении на имя Министра Внутренних дел от попечителей имений обществ купцов и мещан, датированном 1845 г., говорилось: «в течение назад тому более пятидесятилетней давности, Саратовское купечество и мещанство в видах получения доходов благоприобрела от частных лиц с аукционных торгов разное движимое и недвижимое имущество»³²⁷. Таким образом, уже в 1845 г. мещане и купцы не знали точной даты возникновения общества. На собранные средства купцы и мещане приобретали от частных лиц и с аукционов на имя купеческого и мещанского обществ недвижимое имущество: земельные участки в городе и Саратовском уезде, каменные дома, торговые лавки и сдавали их в аренду. Капитал наращивали, исходя из первоначального взноса, в последующие годы дополнительных взносов не делали. Для заведования имуществом и распоряжения доходами купеческое и мещанское общества избрали Попечительство из двух попечителей, по одному от каждого сословия. Попечительство представляло собой исполнительный орган общего собрания купцов и мещан. Точная дата образования Попечительства неизвестна³²⁸. Но уже в финансовых документах саратовской купеческой конторы за 1797 г. Попечительство упоминается³²⁹. В 20-е гг. XIX в. Попечительство состояло уже из 4 попечителей, по 2 от каждого сословия. В 1845 г., как видно из Прошения попечителей на имя Министра Внутренних Дел Л.А.Перовского, купцы и мещане впервые задумались о разделе имущества³³⁰. Но МВД не пошло в этом вопросе им навстречу.

В 1864 г. порядок управления имениями изменился. 17 августа 1864 г. на общем собрании купеческих и мещанских обществ были приняты правила для управления общественными имениями³³¹. Общества купцов и мещан стали избирать путём закрытого баллотирования на трёхлетний срок 100 уполномоченных, по 50 от каждого сословия, в качестве распорядителей по управлению имениями. Исполнительным органом являлось Попечительство из 4 человек, по 2 от каждого сословия, причём один из них избирался казначеем. Попечители, не подчинялись должностным лицам городского управления, имели право составлять предложения по приращению капитала, сметы и отчёты. Счетоводство и отчётность попечители вели по

принятому в купеческих конторах способу. Решения по управлению имуществом и ежегодную отчётность принимало и ревизовало собрание уполномоченных. Фонд 571 Попечительства общественных имений купцов и мещан г.Саратова представляет собой в основном финансовую отчётность: книги приходов и расходов, а также квитанции, выдаваемые при поступлении или выдаче денег. Как, например, «приняты от мещанина...деньги за лавку...на вторую половину 1869 г. 42 р.50 к.»³³².

9 октября 1870 г. правила были частично изменены. Уполномоченные из своей среды стали избирать в состав Попечительства ещё и председателя и кандидата к нему, а также кандидатов к уполномоченным³³³. В 1875 г. общее собрание купцов и мещан приняло решение о сокращении числа уполномоченных со 100 до 60, по 30 от каждого сословия³³⁴. В 1882 г. по постановлению общего собрания купцов и мещан попечители разработали проект устава «для управления общественными имениями купеческого и мещанского сословий г.Саратова» и представили его через начальника губернии Министру внутренних дел на утверждение. По проекту, для разрешения вопросов, превышающих пределы власти уполномоченных, должно было создаваться общее собрание купеческого и мещанского сословий, которое рассматривало бы заявления и жалобы на неправильное проведение выборов членов правления, жалобы на постановления собраний уполномоченных, вопросы об изменении устава. Необходимость доработки правил и утверждения их правительством была вызвана ростом общественного имущества купцов и мещан и увеличением оборотов их совместного неразделимого капитала. В 1882 г. в состав общественных имуществ входило 5 647 десятин земли в Саратовском уезде, старый гостинный двор, линии лавок на Верхнем базаре, 8 каменных зданий, в которых помещались в том числе городская дума, Городской общественный банк, Окружной суд, мировой съезд, Судебная палата³³⁵. Стоимость всех имуществ по страховой оценке вместе с наличным капиталом достигала 910 тыс. руб., ежегодный доход составлял 60 тыс. руб.³³⁶ Доходы тратились на содержание общественных, пяти женских и семи мужских, Крестовоздвиженских училищ, на ежегодные единовременные пособия детскому Мариинскому приюту, приюту Галкина-Врасского, заработный детский дом, бесплатную столовую при кинонии, богодельни по призрению нищих. Выдавали также пособия разным лицам купеческого и мещанского сословий на

образование, а также «впавшим в нужду». Из доходов платили налоги, страховали строения, выдавали жалование попечителям и служащим конторы при попечительстве.

Доход Попечительства складывался в том числе и из сдачи в аренду лавок на Верхнем базаре. Мещане, или представители других сословий, желающие взять у общества в аренду лавку, заключали контракт, как, например, контракт 1871 г. галицкого мещанина В.В.Шумилова: «...я нижеподписавшийся..... заключил этот контракт с попечительством общественных имений купцов и мещан г.Саратова в том, что снял у попечительства лавку, состоящую на верхнем базаре...для торгу кожевенным товаром впредь на 3 года...с платою за каждый год по 100 руб. а во весь 3 года 300 руб. серебром...»³³⁷. Далее в контракте указывались обязательства, которые арендатор брал на себя: «деньги обязуюсь платить вперёд», «и если от небрежения моего или находящихся при мне людей чего Бог сохрани случится пожар в лавке и последует какой либо вред, то за него обязан я Шумилов ответственать»³³⁸. Наиболее активными арендаторами лавок у Попечительства выступали мещане: под торговлю хлебными товарами арендовать лавку стоило 255 руб., под кожевенный товар – 300 руб., мучным и хлебным товаром – 150 руб. Цена, безусловно, зависела и от того, в каком месте сдавалась лавка³³⁹.

В городе, в котором уже практически век к 70-м гг. XIX в. существовало такое мощное благотворительное сословное общество, как Попечительство, мещане привыкли выступать с благотворительными инициативами, активно вникать в общественную жизнь сословия, находиться в диалоге с купечеством, а также выражать своё мнение на собраниях мещан, которые решали гораздо более широкий круг вопросов, нежели общества Самары и Симбирска. Мещанам Саратова нужно было соглашаться или не соглашаться на те статьи расходов, которые принимались купеческим обществом и заботиться о финансовых операциях и источниках доходов Попечительства. К примеру, в 1877 г. мещанин П.И.Малинин выступал со своим особым «Мнением» по поводу открытия саратовской мещанской земледельческой школы³⁴⁰, чтобы бедные мещане «могли бы присоединиться к земледельческой школе и заниматься бы земледелием производили бы посев хлеба и разного рода овощ произведением лучшей породы скота преимущественно молочного для своего продовольствия»³⁴¹. Раз Мнение было официально подано на имя председателя мещанской

управы, нужно было дать официальный ответ. На собрании мещан Председатель, который в Саратове обращался к однообщественникам «Милостивые Государи»³⁴², был обязан доложить об особом Мнении мещанина Малинина и отреагировать на него. Председатель заявил собравшимся мещанам, что в ближайшее время средств на земледельческую школу не предвидится. Однако мещане своим приговором постановили ходатайствовать перед Начальником губернии об открытии школы³⁴³.

Попечительство вело Кассовые книги о приходе и расходе сумм, поступающих с общественных имений. На 1 января 1877 г. приход общества за 1876 г. составил 114 050 руб. 28 ½ коп³⁴⁴. К 4 января 1877 г. поступило вновь средств: с саратовской мещанки Авдотьи Горбуновой за шкафчики внутри Гостиного двора 5 руб., с саратовского купца за лавки – 375 руб., с него же пенни – 11 руб. 25 коп., с него же за лавку – 20 руб., с саратовского мещанина за лавку – 62 руб. 50 коп. и т.д.³⁴⁵ В целом, приход составил, включая пенни за лавки 116 740 руб. 73 ½ коп³⁴⁶. Расходы выглядели следующим образом: «за разные многочисленные поправки в квартире г.Начальника Губернии на сумму 50 р.87 к. и за выписание газеты «Саратовский листок» 23 р.32 к. В Саратовский Городской общественный банк на бессрочные времена 2000 р. на отопление Крестовоздвиженского училища 259 р. 20 к.» и т.д.. В целом, расход составил 6870 руб. 12 ½ коп.³⁴⁷

Излюбленным благотворительным «детисцем» саратовского мещанства была сословная богадельня, основанная в 1891 г. В некоторых мещанских обществах страны также были сословные богадельни. В Москве, к примеру, мещанская богадельня была основана в 1837 г. в связи с деятельностью Комитета о приискании средств к искоренению в Москве бродяжничества и нищенства³⁴⁸. А самарское мещанство вынуждено было отправлять своих стариков в земскую богадельню. Хотя надо отметить, что в конце XIX века по завещанию, мещанин Самары П.Ф.Бычков пожертвовал городу дворовое место, каменный дом с хозяйственными постройками и капитал в сумме 15 000 руб. для устройства богадельни для престарелых и неспособных к труду ремесленников³⁴⁹.

В 1894 г. Саратовское мещанское общество пригласило в качестве врача в дом презрения для престарелых и убогих мещан городского санитарного врача И.Н.Матвеева. В 1898 г. И.Н.Матвеев опубликовал свои «Санитарные очерки» и это практически единственный доку-

мент (кроме архивных материалов, сам автор ссылается на документы мещанского общества³⁵⁰), в котором рассказывается об организации общественного купеческо-мещанского капитала г.Саратова³⁵¹ (Приложение № 16). По его сведениям в 1896 г. в Саратове проживало 65 тыс. мещан, 33000 мужчин и 32 000 женщин. И на всё это общество была только одна богадельня, «неустроенная»³⁵². К 1898 г. «сравнительно незначительное в начале имущество обоих обществ, путём удачных коммерческих оборотов возросло до стоимости более миллиона рублей серебром, которым с 1884 года заведуют уже не попечители, а избираемые ими (согласно ст.661 и 667 Т.IX св. зак.) купеческий староста и мещанская управа»³⁵³. Такое новое правление обществом образовалось в результате следующей ситуации.

В 1883 г. Министерство внутренних дел отклонило ходатайство саратовских купцов и мещан об утверждении Устава Попечительства и предложило передать общественное имение в ведение саратовской городской думы, а само Попечительство упразднить на основании того, что по Городовому Положению 1870 г. общественное имущество может принадлежать либо городскому обществу в целом, либо только одному из сословий³⁵⁴. 14 июня 1884 г. на отдельных собраниях саратовских купеческого и мещанского обществ были приняты решения о том, чтобы не передавать городу совместное имущество, а разделить его между сословиями с помощью «раздельного акта». Уполномоченные и попечители были упразднены. Заведовать сословным имуществом общества временно поручили купеческому старосте, в помощь к которому избрали двух товарищей (купеческой управы в Саратове не было) и мещанскому старосте и двум членам мещанской управы³⁵⁵. Таким образом, просуществовав практически век, совместное благотворительное финансовое объединение купцов и мещан, перед угрозой передачи общественных имуществ в руки уже чужого для них города, решилось на раздел капитала. Губернское правление, олицетворявшее в определённой степени эту новую пореформенную городскую власть, отменило данное постановление купеческого и мещанского обществ. И тогда в 1885 г. купцы и мещане Саратова направили жалобу на распоряжения Министерства внутренних дел и на саратовского начальника губернии, по распоряжению которого действовало губернское правление, в Правительствующий сенат. Сенат отменил распоряжения Министерства внутренних дел и начальника Саратовской губернии о передаче общественных имуществ городу Саратову и признал пра-

вомерность существовавшего порядка управления совместным капиталом, установленным по обоюдному согласию собственников³⁵⁶. Таким образом, общественное имущество купцов и мещан г.Саратова не было разделено по сословиям, но все дела по управлению имуществом с этого момента решались не в какой-то единой конторе (Управлении), а по сословиям: в купеческой конторе и в мещанской управе.

По оценкам И.Н.Матвеева, имущество общества к 1898 г. состояло: 1) из 5789 дес. земли в Саратовской губернии, приобретённой в 1822 г.; 2) из 10 самых доходных домов в г.Саратове, в которых помещались: Судебная палата, Окружной суд, Мировой съезд, Городская, мещанская и купеческая управы, Городской ломбард, банк, квартира губернатора, торговый дом, три училища, гостиница; 3) пять линий каменных лавок; 4) две линии деревянных лавок; 5) каменное двухэтажное здание Гостиного двора; 6) «незанятые места в черте города»³⁵⁷. Доход со всего имущества в 1896 г. равнялся 84802 руб.37 коп.³⁵⁸ Как замечал И.Н.Матвеев, «хотя по мысли основателей «общественного фонда» цель и назначение его состояло в удовлетворении насущных общественных нужд обоих обществ.

Однако, как видно из официальных документов, деньги расходовались и на другие цели, не имевшие прямого отношения к общественным этого общества нуждам»³⁵⁹. В качестве примера отхождения от первоначального благотворительного замысла И.Н.Матвеев приводит следующие факты: наём квартиры Преосвященному за 3500 руб. в 1829 г.; пожертвования на устройство манежа для артиллерии в 1836 г. 4500 руб.; «лично Городскому голове «отпущено» 6200 р.» в 1839 г.; в 1842 г. было выдано жалования секретарю магистрата 2500 руб. и «проч. и проч.», замечает санитарный врач³⁶⁰. Более того, «если судить по тем же официальным документам, то до 1890 г. ни купеческое, ни мещанское общества, за исключением нескольких трат на помощь бедным преимущественно со стороны мещанского общества никакой благотворительности не проявило. При массе лиц, нуждающихся в призрении, число находившихся на призрении общества равнялось с 1870 по 1880 годы только 20 лицам в год, с 1880 по 1890 годы – 50 лицам на дому»³⁶¹.

И.Н.Матвеев выделяет два периода в жизнедеятельности благотворительного общества купцов и мещан: до 1897 г. и после. В первый период, по его мнению, «деньги расходовались совместно обоими обществами...на нужды, мало соприкасавшиеся с нуждами обоих

обществ»³⁶². Во второй период, достаточно резко замечает Матвеев, «относится только к Мещанскому обществу. С этого времени одно мещанское общество, за отказом Саратовского купечества признать общественную нужду призрение бедных истратило на призрение дряхлых и немощных своих однообщественников более 50 тысяч рублей. На эту сумму было приобретено большое дворовое место и выстроено четыре здания для богадельни. То есть спустя 136 лет после основания благотворительного капитала проценты с него начали расходоваться на истинное назначение его и то только мещанами»³⁶³. Купцы же, по мнению автора «Санитарного очерка», «не участвуют в организованной благотворительности мещан и в их богадельне... а дают только совместно на общие с мещанами средства т.е. пополам сними пособие 20 лицам на сумму 973 руб. (т.е. 486 руб. 50 коп. на долю купцов). Затем расходуют совместно же на 3 приюта 2500 р., на 3 школы до 10000 руб., на ремесленное училище 10000 руб., на пособие благотворительным обществам например: Братству Св. Креста и Алексея человека Божия 400 руб. итого 24473 руб. или приходится всех расходов по 12236 руб. 50 коп. на каждое общество»³⁶⁴.

В очерках Матвеева содержится важное сообщение о начавшемся в 1890-е гг. разладе между обществами купцов и мещан. Санитарный врач связывает причину этого конфликта с тем, что «мещане начали расходовать на истинно благотворительное дело: на призрение сирых и убогих»³⁶⁵. И замечает, что как только купцы увидели, что общие деньги расходуются активно мещанами на благотворительность, они решили разделить капитал и сделать отдельный купеческий фонд (Матвеев называет источник: протокол купеческого общества от 3 октября 1896 г.³⁶⁶). Однако, применительно к более раннему периоду, он же замечает: «в апреле 1890 г. мещанское Общество, не желая постоянно быть в зависимости от купцов при расходовании средств на свои действительно общественные нужды, не желая... постоянно ссориться с купеческим Обществом дало на это (на раздел – прим.авт.) своё согласие и купцы в свой вновь образовавшейся фонд отчислили из общих сумм 52720 р. 78 к.»³⁶⁷. Далее автор приводит интересную статистику: «саратовское купеческое общество, состоящее из 583 чел. обоего пола, составляют почти все купцы временные, недавние. Коренных же купцов насчитывается в Саратове только 56 человек, а мещан 65 тысяч.... С 1857 по 1897 г., т.е. за 40 лет купцов, перешедших в мещане, было 4063. Мещан, перешедших в купцы – 670 чел.»³⁶⁸.

Приводя развёрнутую статистику перманентной ротации между купеческим и мещанским сословиями Саратова, Матвеев делает вывод о том, что «ряды мещанского Общества пополнялись обедневшими купцами», на которых мещане тратили «немалые суммы», в то время как купцы «категорически отказывали в помощи своим обедневшим собратьям»³⁶⁹. Саратовское мещанское общество за лечение своих однообщественников в 1890 – х гг. заплатило саратовскому земству 20 тысяч рублей³⁷⁰. По справкам, которые навёл санитарный врач, в числе лечившихся оказалось 38 купцов, не перечисленных в мещанское общество. При чём из них только за лечение в психиатрической больнице бывшего саратовского купца первой гильдии Шувалова мещане заплатили земству 1600 руб., за лечение купца А.Ногаева – 3500 руб.³⁷¹ А когда в 1897 г. купец Добрынин, шесть лет как перечисленный в мещане из-за разорения, обратился к купеческому обществу с просьбой выделить для его сына стипендию, купцы отклонили его ходатайство и посоветовали обратиться в мещанское общество³⁷².

О доходах и расходах с общего нераздельного имущества саратовских купцов и мещан сообщалось губернатору в официальных рапортах. По рапортам видно, что ежегодный доход обществ получается до 85 тысяч, при отсутствии долгов на общем имуществе³⁷³. Но при этом на мещанах лежал долг за лечение в больницах 17320 руб., по общественным сборам – 12857 руб.60 коп.³⁷⁴ А на купцах никаких недоимок не было, «сборов на общественные надобности с купцов не производится»³⁷⁵. Безусловно, автор «Санитарных очерков», приглашённый для работы именно в мещанское благотворительное заведение, не мог остаться беспристрастным и замечает, что в рапортах губернатору «относительно обособленной благотворительной деятельности купцов отметки...нет», в то время как мещане «имеют свой дом призрения для престарелых и немощных лиц обоего пола на сто с лишнем человек, не обеспеченный постоянным капиталом: содержится он на текущие суммы общественных сборов»³⁷⁶. И если до открытия Дома призрения (до 1891 г.) из мещанских сборов было выделено престарелым и неимущим всего 4337 руб. 60 коп., то с 1891 по 1896 гг. неимущим было выдано по 500 руб. каждому³⁷⁷. Но Матвеев отмечал, что «оба общества имеют в собственных домах три начальных училища, ежегодный расход которых составляет 8100 руб.»³⁷⁸ До открытия мещанской богадельни, мещане «призывали себя сами как могли и как умели», собирая по 3 руб. в месяц на эти цели³⁷⁹. В конце концов

мещанское общество обратилось с предложением к купеческому обществу об открытии богадельни. Понятно, что купцы, представляющие в массе своей совершенно иной социально-экономический слой, отказались. И тогда мещане Саратова решили сами открыть свою словенную богадельню. Но деньги на неё могли взять только из общего капитала, предварительно получив согласие от купцов. Поэтому, как писал Матвеев, постоянно вынуждены были выпрашивать деньги из общего фонда³⁸⁰. Но как бы не жалел мещан санитарный врач, деньги из общего капитала были получены. И с 1893 по 1897 гг. мещанское общество смогло открыть одноэтажное здание на 50 призреваемых, одноэтажное здание «для хроников», ещё одно одноэтажное здание на 25 человек и, наконец, «роскошное двухэтажное каменное здание красивой архитектуры по плану губернского архитектора г.Тихомирова на 100 человек»³⁸¹. В этом новом здании был «громадный двор», «обстановка дома со стороны административного персонала такова, какую не имеет ни одна саратовская богадельня»³⁸². Рядом находится частная аптека и частный хирургический магазин³⁸³. И заканчивает Матвеев свой очерк о саратовской мещанской благотворительности панегирически: «Саратовское мещанское Общество по отношению к призрению бедных своих однообщественников в последнее время является передовым обществом среди всех сословий г.Саратова»³⁸⁴.

Вопрос о восстановлении управления общественным имением через уполномоченных и попечителей был поставлен мещанами вновь в 1902 г. По мнению мещан, все вопросы по управлению имениями рассматривались в отдельных сословных обществах слишком долго, фактически всё управление сосредотачивалось в руках купеческого старосты, в конторе которого и хранился общественный капитал. Интересы купцов и мещан к этому времени уже существенно разошлись. Купцы предпочитали выделять средства на образование своих детей, а мещане – нуждались в организации богаделен для призрения нищих однообщественников. Но на заседании купеческого общества было отклонено предложение мещанского общества восстановить управление. Между сословиями возник конфликт. Мещане обратились с жалобой в Сенат. Сенат жалобу отклонил на основании того, что определение порядка управления собственностью является внутренним делом собственника³⁸⁵. После этого, уже в 1908 г., сословные собрания купеческого и мещанского обществ постановили разработать новый устав по управлению общественными имениями и образовать для этого комис-

сию, в которую вошло 5 представителей от мещанского общества³⁸⁶. (Приложение № 17) Но новый устав так и не был претворён в жизнь.

И вот в 1915 г. уже купеческое общество выступило с инициативой о разделе общественных имуществ по сословиям. 3 ноября 1915 г. созданная для этих целей комиссия, собралась в помещении мещанской управы. Была озвучена заметка, опубликованная в одной из местных газет, о том, что «купеческое общество в одном из своих заседаний постановило произвести раздел имуществ и капиталов находящихся в совместном владении с мещанским обществом»³⁸⁷. Так как на протяжении всего пореформенного периода происходил рост купеческих капиталов, в то время как мещанство оставалось в массе своей бедным городским сословием, следовательно исчезли паритетные начала в финансовой деятельности совместного капитала, мещане решили, чтобы не остаться ни с чем, не соглашаться на раздел³⁸⁸. Купеческое общество со своей стороны собиралось «принудить (мещанское общество – прим.авт.) к тому судом для каковой цели ... избрало из среды себя комиссию для подготовки материала к разделу»³⁸⁹. 29 октября 1915 г. мещане Саратова в составе 45 человек под председательством Г.Я.Понамарёва собрались на своё собрание, чтобы решить вопрос о том, что «Общества купцов и мещан более столетия владея общими именьями, приобретая таковые вновь и расширяя их доходность, между тем как хозяин этими именьями ни разу не был ознакомлен с историей происхождения этих имений, как то, с какого времени каждое имение приобретено, от кого и в какой степени таковое прогрессировалось в смысле своей стоимости и доходности. Кроме того об историческом слиянии обществ купцов и мещан в совместное владение именьями и капиталами, чем это слияние вызвано, каким капиталом владели общества до приобретения первого совместного имущества и каким образом таковой образовался»³⁹⁰. И мещане со своей стороны также избрали комиссию. Но понимая, что самостоятельно разобраться в данном вопросе им не под силу, наняли присяжного поверенного Л.П.Мошинского³⁹¹.

Юридический взгляд на проблему присяжного поверенного, его разыскания, проведённые по данному вопросу и сохранившиеся в фонде саратовской мещанской управы, подтверждают уникальность данного общественного союза двух сословий в границах рассматриваемого региона. Во-первых, Л.П.Мошинский доложил мещанам, что юридически в ситуации действий с общественным капиталом они могут опи-

раться только на IX том Закона о состояниях, в котором прописаны ситуации, связанные с сословными «имуществами разного рода»³⁹². Во-вторых, изучив ситуацию по России в целом, Л.П.Мошинский заявил собранию, что подобных случаев только два: в Саратове и в Одессе, «поэтому в гражданских законах нет никаких указаний о правовых отношениях данных сословий к своим имуществам владеющих на общинных началах при наличии благотворительного их назначения»³⁹³. В-третьих, Л.П.Мошинский объяснил мещанам, что не имея прецедентов, их случай «является юридически довольно сложным и спорным и может разрешиться по аналогичным сенатским решениям или же может вызвать новое сенатское непредвиденное решение в пользу той или иной стороны»³⁹⁴. По всей видимости и купцы в той ситуации посчитали, что издержки от тяжб могут превысить доход. И вновь пословного раздела имущества не произошло³⁹⁵.

На 1 января 1917 г. в обществе мещан г.Саратова состояло 31227 мужчин и 38227 женщин, то есть всего 69504 мещан³⁹⁶. На 1 мая 1917 г. мещанскому обществу г.Саратова принадлежали капиталы: продовольственный капитал в сумме 11825 руб., благотворительный капитал (30500 руб.), капитал на лечение в больницах (34600 руб.), канцелярский (46435 руб.), капитал, пожертвованный на постройку домово́й церкви при богадельне (5000 руб.), «других сумм, не имеющих специальных условий» (4500 руб.). Кроме того, общество владело недвижимым имуществом: двумя дворовыми местами с постройками в г.Саратове, оценёнными страховым обществом (одни постройки) на сумму 90551 руб.³⁹⁷ Кроме того, у общества было совместное имущество с купцами г.Саратова: дома и торговые корпуса, земельные участки, оцениваемые «ныне до 10 млн. руб. доходность с этих имений за текущий 1917 год по смете исчислена в 242 379 руб. каковые полностью идут на дела благотворительности, как то: содержит три школы, две из них начальные мужские и женские и одна – двухклассная мужская; на выдачу пособий на содержание бедных мещан. На оказание помощи отдельным лицам из мещан, на образование в средних и высших учебных заведениях. На учреждение стипендий для бедных мещан г.Саратова имени общества купцов и мещан. На субсидии разным учебным и благотворительным учреждениям и другие виды благотворительности»³⁹⁸. На январь 1917 г. никаких долгов у мещанского общества г.Саратова не было. Доходы от капиталов в процентах составляли 2000 руб., от права обществен-

ной аптеки – 700 руб. С недвижимых имений у общества доходов не было, так как указанные выше дворовые места были заняты Домом призрения (мещанской богадельней)³⁹⁹. На Дом призрения, в котором в 1917 г. содержалось 200 призреваемых, общество определило истратить в текущем году 26500 руб. На содержание канцелярии управы – 12414 руб.⁴⁰⁰ На 1917 г. на общественные нужды мещанское общество Саратова постановило собирать с каждого члена общества: на содержание канцелярии 29 коп. с мужского пола, на дом призрения 55 коп., на детский приют – 20 коп.⁴⁰¹ Если за кем-то из однообщественников накапливались недоимки, общество рассылало им окладные листы или «взыскивало через милицию»⁴⁰². Собственных больниц у мещанского общества Саратова не было. Только при богадельне действовало хроническое отделение, где работал постоянный врачебный персонал⁴⁰³. Собственных банков и судосберегательных касс, библиотек и клубов у мещанского общества не было⁴⁰⁴.

К 1917 г. Управление общественными именными купцов и мещан г.Саратова проводило довольно продуманную экономическую политику, чутко реагируя на экономические и политические события. Учитывались сложные обстоятельства арендаторов, вызванные Первой мировой войной. Так, к примеру, от участка в 615 десятин общество получило 4305 руб., а недоимок осталось – 6079 руб. И тем не менее, учитывались такие факторы, что, к примеру, «вследствие приёма некоторых членов Товарищества крестьян села Гартовки по мобилизации на военную службу, повышенной цены на рабочие руки и неблагоприятного урожая хлебов в 1916 году аренда уменьшена на 1000 руб., т.е. в 1917 году вместо 4305 руб. предположено получить 3305 руб.⁴⁰⁵ Сами крестьяне писали: «Заявление гартовских крестьян земельного участка № 1-й, в котором Товарищество просит скостить по 3 руб. с десятины, а 4 руб. на десятину оно обязывается платить. Скостку просят сделать лишь на один 1917 год. Если Управление общества не уважит их ходатайства, то они не в состоянии далее продолжать аренду и от арендования участка отказываются в виду того, что половина членов Товарищества взята в действующую армию, рабочих рук не осталось – распахать и обсеменить всю землю не могут»⁴⁰⁶. Данную сумму утвердили отдельными приговорами купеческое и мещанское собрание города. В 1916 г. с одних только пяти корпусов лавок на Верхнем базаре было получено 48278 руб. 50 коп., в недоимках по ним осталось 1357 руб.⁴⁰⁷ Средства поступали в общество с массы объектов в городе:

с корпусов, с домов, с подвалов и т.д.⁴⁰⁸. Мещане, приходившие на свои собрания, добросовестно слушали сметы, составленные Управлением, в которых перечислялись источники доходов по имениям купцов и мещан и причины снижения арендной платы.

Несмотря на революционные события февраля 1917 г., саратовская мещанская управа избирала на своём собрании 24 февраля 1917 г. мещанского старосту и кандидатов к нему на трёхлетие до 1920 г.⁴⁰⁹ Предварительно разосланы были мещанам приглашения явиться в мещанскую управу к семи часам вечера в назначенный день. Приглашения начинались со слов: «Саратовский мещанский староста имеет честь просить Вас, Милостивый Государь, пожаловать...»⁴¹⁰. Потом о дате собрания староста докладывал в Губернское правление⁴¹¹. 24 февраля на собрание явилось 216 мещан г.Саратова⁴¹². Перед голосованием все мещане были приведены к присяге, дали «Клятвенное обещание», причём для «неприемлющих священства» была своя присяга⁴¹³. После присяги всем собравшимся был прочитан закон: ст.597-599 т.IX Закона о состояниях, издания 1899 г.⁴¹⁴ В Саратове процедура баллотировки имела свои особенности: шары, положенные «направо», означали – за, «налево» – против. Кандидаты могли потребовать открытого голосования. Но Пономарёв и Гуляев согласились на закрытое. Конкурентом бывшего уже давно в должности старосты, Григория Яковлевича Пономарёва, был Павел Васильевич Гуляев⁴¹⁵. За Гуляева проголосовало 160 человек, против – 75. За Пономарёва – 208 чел., против – 9⁴¹⁶. Ещё за двух кандидатов было совсем немного голосов, за В.Ф.Скорнякова – 8 и за П.М.Медведева – 3 голоса⁴¹⁷. Так Г.Я.Пономарёву выпала нелёгкая доля встречать в качестве старосты революцию и закрывать двери управы после неё. Кандидатом к должности мещанского старосты был избран Гуляев⁴¹⁸. В Приговоре мещанского общества от 24 февраля 1917 г. помимо отчёта о голосовании, содержалась характеристика избранного мещанского старосты Г.Я.Пономарёва. Перед началом характеристики мещане заметили, что «многолюдные собрания» у них собираются только на выборы и «при утверждении денежной отчётности»⁴¹⁹. Ещё в 1915 г. мещанское общество на одном из «многолюдных собраний», «отмечало многополезную и долголетнюю деятельность Г.Я.Пономарёва на пользу Мещанского общества»⁴²⁰. В марте Губернским комиссаром Н.Семёновым был утверждён в должности мещанского старосты Пономарёв⁴²¹.

23 марта 1917 г. на собрании присутствовало 23 человек. Председатель Мещанского управы Г.Я.Понамарёв озвучил присутствующим протокол Саратовского Купеческого общества, в котором сообщалось, что 2 марта умер «старейший из купцов Саратова, общественный деятель и жертвователь на благотворительные цели Пётр Илларионович Давыдов»⁴²². Далее в приговоре мещанского общества, цитирующего слова Председателя следует пассаж, иллюстрирующий ментальность сословия, объединённого практически до октябрьской революции в основном финансовым интересом: как собрать налоги, уплатить недоимки, помочь бедным однообщественникам. То есть не сколотить капиталы, как в купечестве, а выжить. Г.Я.Понамарёв продолжил: «Предлагаю почтить память покойного, при этом присовокупляю, что на гроб покойного от имени Общества купцов и мещан возложен венок, на покупку которого израсходовано из общих средств 45 руб»⁴²³. И далее опять следует в некотором смысле циничный, но характерный для дискурса мещанских собраний пассаж: «купеческое общество постановило: почтить память покойного вставанием, выразить его семье соболезнования о постигшем несчастье. Произведённый расход на венок отнести на общие средства купцов и мещан»⁴²⁴. Заключительная фраза мещанского протокола (приговора) свидетельствует о той неразрывной связи двух сословных обществ, которая установилась в Саратове в следствии неразделённости благотворительного капитала: «мещанское собрание постановило согласиться с приведённым здесь постановлением купеческого общества»⁴²⁵. По другим вопросам, обсуждавшимся на мещанском собрании от 23 марта 1917 г. осуществлялась та же процедура. Мещане заслушивали постановления купеческого общества по финансовым вопросам и соглашались или не соглашались с ними. На подарки воинам «к Святой Пасхе» купцы постановили ассигновать средства. Мещане согласились⁴²⁶. Но были некоторые вопросы финансового порядка, первоначально инициированные именно мещанским обществом. Так на собрании мещан от 17 февраля 1917 г. было решено ассигновать из общественных доходов на 1917 г. 1120 р. на обучение в женской гимназии 14 учениц из бедных мещан⁴²⁷. Также мещане постановили ассигновать «на текущий 1917 г. на содержание Дома призрения мещанского общества на 220 призреваемых по 100 руб. на каждого, что составит 2200 руб.», и кроме того, «в текущем году потребуются изготовить для призреваемых белья и обуви на 3190 р. на покупку разного мелкого инвентаря 210 р. и на ремонт

зданий 1100 р. итого 4500 р., а всего потребуется на содержание Дома призрения 26500 р.»⁴²⁸. Дом призрения в Саратове содержался на средства, получаемые из Управления имениями обществ купцов и мещан и на «душевные сборы» с мещан города Саратова. Но в 1917 г., как отмечалось на мещанском собрании, «2/3 всех работоспособных плательщиков мещан призваны в войска» и поэтому «нет возможности» собирать в том же объёме как раньше благотворительные капиталы. А ещё необходимо выделять деньги на содержание мещанской управы. Поэтому решено было «ассигновать на текущий 1917 г. из общих доходов с имений, принадлежащих обществу купцов и мещан на содержание Дома призрения мещанского общества 18000 р. и на содержание Мещанской управы 600 р. с отчисляемых равных сумм в купеческий фонд, внеся их в смету расходов»⁴²⁹. Денежные вопросы, поднимаемые на собраниях мещан, являлись в то же время реакцией на тяжёлое время войны и кануна революции. Служащие Мещанской управы просили от общества ассигновать к празднику Пасхи денежные награды, которые, как они заявляли, «в данный острый момент особенно окажут благоприятное влияние на их материальное положение»⁴³⁰. В заявлении подчёркивалось, что все служащие – люди семейные, ничем не обеспеченные и получающие ограниченное жалование, поэтому «им несомненно трудно существовать со своими семьями» «в нынешнее экономически тяжёлое время»⁴³¹. А размер получаемого жалования канцелярии составлял 345 руб., «за исключением делопроизводителя и сторожа, которые получают награду из общих средств купцов и мещан по смете имений»⁴³². В связи с этим, мещане решили выдать к празднику Св.Пасхи награду служащим управы в размере 345 руб. из общих доходов с имений общества купцов и мещан, и как всегда добавлялось в принятом внутреннем законе распределения общих сумм, «с отчислением равной суммы в купеческий фонд»⁴³³. Кроме того, мещанское общество на данном собрании приняло решение «прибавить на дороговизну» служащим при Управлении имениями в размере 30 % на рубль получаемого ими жалования⁴³⁴. В совместном капитале всё было уравнено, все находились на паритетных правах: купцы и мещане. Если жалование представителям купеческого общества за управление имениями в 1917 г. было решено выплачивать 5400 р., то столько же заплатили представителям мещанского общества, задействованным в управлении имениями⁴³⁵. Общими были благотворительные траты, общие суммы выделялись на ремонт зданий и соблюдение в них чистоты,

на отопление и т.д.⁴³⁶. В 1917 г. планировалось истратить 545227 руб. 49 коп. общественных сумм⁴³⁷. Под такими совместными сметами подписывались саратовский купеческий староста, товарищ купеческого старосты, мещанский староста и члены мещанской управы⁴³⁸. Дополнительная смета расходов общества купцов и мещан на 1917 г. иллюстрирует ценностный ряд мещанского общества, так как эти траты были инициированы именно им: «в помощь освобождённым из тюрем и каторг» было решено выделить 2000 руб., «на подарки воинам передовых позиций к Св.Пасхе» – 300 руб.⁴³⁹ И опять следует фраза, снимающая возможность споров и конфликтов: «на отчисление равной суммы в купеческий фонд»⁴⁴⁰. В 1917 г. практически все документы собраний мещанского общества Саратова содержат в себе тревожный мотив о тяготах военного времени и о дороговизне. У мещанского общества, «в виду дороговизны жизненных продуктов, вызванной военным временем», просили увеличить пособие на содержание жёны умерших сторожа и дворника мещанской управы⁴⁴¹.

2 марта 1917 г. умер «старейший от купцов г.Саратова общественный деятель и жертвователь на благотворительные нужды П.И. Давыдов»⁴⁴². Мещане на своём собрании выслушали сообщение старосты о том, что «на гроб покойного от имени Общества купцов и мещан возложен венок, на покупку которого израсходовано из общих средств 45 р.»⁴⁴³. Денежная отчётность, капиталы, приход-расход – самые важные моменты сословной повседневности. И только на втором плане этой социальной картины стоят смерть, война, революция.

С марта на мещанских собраниях Саратова уже зазвучала тема грядущей отмены мещанского сословия в империи⁴⁴⁴. И на собрании от 23 марта 1917 г. был оглашён список из 28 человек служащих Купеческого и мещанского обществ «коим ассигновано Обществом вознаграждение в размере годового содержания в случае упразднения сословий», 26904 руб.⁴⁴⁵ На текущий 1917 г. было ассигновано мещанским обществом из общих доходов 18000 руб. на содержание Дома призрения и 6000 на содержание Мещанской Управы. Решено было пригласить доверенного для заведывания земельными участками Общества купцов и мещан Н.М.Петрова на жалование 100 руб. в год⁴⁴⁶. Мещане выслушали от своего председателя заявление-речь саратовского купца Фёдора Иванова Малинина, поданное на имя Общества купцов и мещан г.Саратова⁴⁴⁷. В силу важности этого заявления и его уникальности в контексте сословной истории мещан,

приводим его текст практически полностью в пересказе мещанского приговора: «27 февраля 1917 г. произошёл в России Государственный переворот и в Управление страной вступило новое Временное правительство, которое признано всей Россией – Новое правительство при своём вступлении в Управление всенародно объявило программу своей деятельности, в которой возвестило народу об упразднении всех сословий и об отмене веро – исповедных и национальных ограничений. Таким образом Россия вступила в свободную демократическую жизнь и вопрос об упразднении сословий предreshён утвердительно. Следовательно недалеко то будущее когда все сословия упразднятся и жители страны без различия религий и национальностей сольются в общую семью с наименованием «Гражданин Великой России»... Полагаю, что упразднение сословий Купеческого и Мещанского осуществляются в самом недалёком будущем, а поэтому является неотложным принять самые энергичные меры к обсуждению вопроса: как поступить с имуществом Обществ купцов и мещан, которые несомненно при упразднении сословий будут переданы в распоряжение города, но дабы город не мог расходовать доходы от Общественных имуществ по своему усмотрению, я полагал бы обеспечить тем или иным путём благотворительные и просветительские учреждения Обществ купцов и мещан этими имуществами»⁴⁴⁸. Интересно, что в другом деле Мещанской управы Саратова хранится очень похожий текст, но который зафиксирован в мещанском делопроизводстве как «доклад служащих по Управлению именными и Мещанской Управе адресованный на имя общественных собраний купцов и мещан»⁴⁴⁹ (Приложение № 18) По мнению авторов доклада, каждому управленцу необходимо было выдать по годовому жалованию: купеческому старосте – 2400 руб., товарищу купеческого старосты – 1500 руб., мещанскому старосте – 2400 руб., членам Мещанской Управы – по 1500 руб., членам саратовского Сиротского суда от купеческого общества – 1200 руб., от мещанского общества – 1200 руб., служащим при Управлении именными, делопроизводителю от купеческого общества – 1560 руб., от мещанского общества – 1560 руб., бухгалтеру – 1320 руб., десятнику – 936 руб., служителю при Управлением именными – 624 руб., сторожу Мещанской Управы – 546 руб., швейцару при управлении – 468 руб., итого: 18714 руб.⁴⁵⁰. Решив вопрос с деньгами, управленцы продолжили свой доклад на тему спасения капитала: «Озабочиваясь судьбою своих имуществ и учреждённых

Обществом благотворительных учреждений...(нужно) избрать из среды себя Комиссию которой поручить совместно с такой же комиссией избранной со стороны купеческого общества и с Управлением именными разработать это вопрос и внести на обсуждение обществ мотивированный доклад»⁴⁵¹.

В преддверии возможной экспроприации, в 1917 г. был образован контингент служащих Управления, в чьи обязанности входила ликвидация имущества общества купцов и мещан г.Саратова. В апреле 1917 г. по их решению 4448 руб. было выдано в пользу безработных сирот⁴⁵².

Тема будущей судьбы общественного капитала в ситуации грядущего упразднения сословий в стране с этого момента практически не оставляет мещанские собрания Саратова. И если не имеющие подобных капиталов самарские и симбирские мещане не откликнулись на всероссийский мещанский съезд, то саратовские мещане, «принимая во внимание что г.Саратов находится в исключительном положении от остальных городов России, так как Саратовское мещанское общество имеет имущества и капиталы в совместном нераздельном владении с обществом купцов г.Саратова», делегировали на съезд своего старосту Г.Я.Понамарёва⁴⁵³. 2 июня саратовские мещане собрались на собрание в количестве 70 человек, чтобы выслушать анкету, выработанную московской мещанской управой по вопросу о созыве Всероссийского съезда представителей мещанских обществ⁴⁵⁴.

Купец Ф.И.Малинин продолжать выступать с заявлениями, которые так или иначе касались общего капитала, и в связи с этим затрагивали мещан. На саратовском купеческом собрании 6 июня 1917 г. он выступил с заявлением откликнуться на призыв губернского комиссара Н.И.Семёнова и подписаться на «Заём свободы» в сумме два с половиной миллиона рублей, тем самым выразив доверие Временному правительству⁴⁵⁵. Малинин в своём заявлении отмечал, что Временное правительство состоит из «борцов кристальной честности, борцов, ведущих родину к победе над врагом и спасению. Борцы эти мне напоминают как в старину Минин и Пожарский, – продолжал он, – кликнули клич к народу: несите деньги и золото для спасения отечества...»⁴⁵⁶. Купеческое общество Саратова данная риторика не смутила, и они проголосовали за заём. Мещане же даже рассматривать не стали данный вопрос⁴⁵⁷. А позднее проголосовали против⁴⁵⁸. Их волновала перспектива отмены сословий. И результаты поездки

в Москву старосты Пономарёва для выяснения вопроса о том, что делают со своим сословным капиталом московские мещане в сложившихся обстоятельствах⁴⁵⁹. Но тут купцы решили проголосовать против поездки в Москву на мещанский съезд их купеческого старосты⁴⁶⁰. Поэтому на Всероссийский мещанский съезд отправился мещанский староста. И по возвращению сообщил обществу, что в Москве купцы взяли инициативу на себя и пригласили юриста, чтобы выработать новый устав на случай упразднения сословий⁴⁶¹. В документах управы есть упоминание о том, что купеческое и мещанское общества добились согласия в вопросе выработки нового устава для вновь организуемого Общества «Просвещения и Благотворения». То есть не дожидаясь отмены сословий, они решили переименовать их объединённое благотворительное общество, чтобы в названии не упоминались сословные группы⁴⁶². Этот вопрос был решён в конце 1917 г. Как видно из доклада мещанского старосты Пономарёва на собрании мещан от 3 декабря 1917 г., 9 сентября 1917 г. Окружным судом Саратова был зарегистрирован Устав Общества Попечения о Просветительных и Благотворительных учреждениях⁴⁶³. Этому Обществу решением собраний купцов и мещан (30 ноября 1917 г.) были переданы в дар «принадлежащие означенным Обществам движимые и недвижимые имущества, значащиеся в крепостных и других актах»⁴⁶⁴.

В 1917 г. Управлению приходилось решать вопросы, возникавшие в связи с нарушением всех правовых норм в ситуации революционных изменений и витавшей в воздухе жажды перераспределения собственности и лёгкой наживы под лозунгом справедливости. В июле 1917 г. Всеволодчинский Волостной комитет постановил обложить принадлежащие обществам купцов и мещан Саратова земли сбором на содержание Волостного правления в сумме 2460 руб.⁴⁶⁵ Управление обратилось к юрист-консульту г.Поляку с просьбой «навести справку законно ли распоряжение комитета». Поляк ответил, что «постановление Волостного комитета в обложение волостным сбором купеческие и мещанские общественные земли незаконно и исполнению не подлежит»⁴⁶⁶. Данный сюжет, иллюстрирующий практики повседневного легитимного решения спорных вопросов купцами и мещанами города, по-своему трагичен. Пройдёт 2 месяца. И от легитимного повседневного быта, с практиками обращения к юрисконсультам по спорным вопросам, с коллегиальным финансовым управлением ско-

лоченного на протяжении полутора веков капитала, не останется ничего. Два месяца и наступит конец этой повседневности.

Тот факт, что у саратовский мещан «на кону» находилось миллионное достояние совместного с купцами капитала, заставило их принять активное участие в подготовке делегатов на Всероссийский мещанский съезд, который должен был решить, что делать мещанам в случае отмены сословий и как сберечь сословные капиталы. Ни в Самаре, ни в Симбирске на собраниях не обсуждался этот вопрос, делегаты от Самарской и Симбирской губерний не прибыли на съезд (с другой стороны, участие мещан этих губерний могло просто оказаться не зафиксированным в протоколах съезда, так как саратовские делегаты также не отмечены в протоколах, хотя в делопроизводстве управы находим сведения о том, что делегаты были отправлены). 3 июля 1917 г. саратовское мещанское собрание выслушало доклад мещанского старосты Г.Я.Понамарёва о Всероссийском съезде мещан, проводившимся в Москве 15 июня 1917 г.⁴⁶⁷ Понамарёв напомнил присутствующим, что в июне мещанское собрание постановило командировать на упомянутый съезд мещанского и купеческого старост и расходы на поездку отнести на общие средства купцов и мещан. Купеческое общество решило своего старосту не отправлять и на съезд отправился только мещанский староста. На съезде обсуждался вопрос об имуществе и капиталах обществ, по которому было постановлено: «предоставить каждому обществу в отдельности разрешать на случай упразднения сословий, судьбу своих имуществ и капиталов по своему усмотрению в зависимости от местных условий, каковые стеснять своим решением съезд решил неудобным»⁴⁶⁸. На поездку староста израсходовал 243 руб. 40 коп. за 10 дней, которые провёл в Москве (следует отметить, что в протоколах съезда нам не удалось обнаружить представителя саратовского мещанства).

3 июля 1917 г. мещанское собрание в составе 50 мещан обсуждало вопрос о том, «как быть с Торговой школой в случае упразднения Общества купцов и мещан»⁴⁶⁹. Мещане пытались решить как успеть материально обеспечить учащихся и учителей в случае потери капитала.

По докладу Попечителя мещанского дома призрения, заслушанного мещанами Саратова в составе 37 человек в августе 1917 г., на попечении мещан находилось 220 призреваемых. На 1917 г. мещанское общество из общего с купцами капитала должно было истратить на их содержание 26396 руб. 85 коп.⁴⁷⁰ Попечитель сообщал, что август –

время заготовок на зиму, поэтому необходимо уже сейчас закупить для дома призрения картофель, капусту, помидор, дров, опилок, колоба, пшена, муки, луку, масла, мыла и др. необходимых для призреваемых вещей. Безусловно, суммы для этого были заранее выделены и внесены в смету, но в следствие дороговизны, денег катастрофически не хватает. Мещане, очень серьёзно относившиеся к своему дому призрения, единогласно постановили доассигновать необходимые средства⁴⁷¹.

Свидетельством военного времени, отображённом в делопроизводстве, являются постоянные ходатайства об увеличений пособий от благотворительного общества в связи с дороговизной военного времени. То есть слово «дороговизна» практически не покидает делопроизводство мещанской управы Саратова и Управления общественными именными купцов и мещан на протяжении 1917 г. «Учащие» (т.е. учителя – прим. авт.) «общественных школ» (содержащихся Управлением) обратились к обществам купцов и мещан с просьбой об увеличении жалования, так как «вследствие военного времени все продукты вздорожали в два-три раза». И отметили в своём ходатайстве, что «Городская дума сделала прибавку своим служащим от 10 до 50 % на рубль получаемого жалования»⁴⁷². Раз уж давний соперник Городская дума сделала прибавку, то и общества купцов и мещан также согласились на неё.

По докладу Попечителя мещанского дома призрения, заслушанного мещанами Саратова в составе 37 человек в августе 1917 г., на попечении мещан находилось 220 призреваемых. На 1917 г. мещанское общество из общего с купцами капитала должно было истратить на их содержание 26396 руб. 85 коп.⁴⁷³ Попечитель сообщал, что август – время заготовок на зиму, поэтому необходимо уже сейчас закупить для дома призрения картофель, капусту, помидор, дров, опилок, колоба, пшена, муки, луку, масла, мыла и др. необходимых для призреваемых вещей. Безусловно, суммы для этого были заранее выделены и внесены в смету, но в следствие дороговизны, денег катастрофически не хватает. Мещане, очень серьёзно относившиеся к своему дому призрения, единогласно постановили доассигновать необходимые средства⁴⁷⁴. Следовательно, такую же сумму на свою благотворительность имели право истратить и купцы.

Но по некоторым вопросам мещане и купцы расходились во мнениях. 21 сентября 1917 г. мещане собрались на своё собрание, чтобы выслушать мнение купеческого общества о предложении жены саратовского купца М.В.Оленевой одолжить обществу сумму в 200 тыс.

руб. на 5–6 лет с 6% годовых с тем, чтобы общество могло купить дом вместо дома Горина (в доме Горина располагалось представительство Управления в Петрограде). Купеческое общество нашло это предложение не выгодным. А вот мещанское общество единогласно постановило: «заявление г-жи Оленевой принять к сведению и поручить Управлению войти с ней в переговоры предложив ей дать обществу под залог дома ...200000 руб. из 6 % годовых, но с тем чтобы все военные и др. налоги по этой закладной оплачивались на общем основании займодавцем, т.е. Г-жою Оленевою»⁴⁷⁵.

Саратовское мещанско-купеческое сообщество, безусловно, представляло собой уникальный для провинции проект. К 1917 г. оно имело свои представительства в Петрограде. И документы фонда саратовского Управления, позволяют увидеть предреволюционный Петроград в ситуации «разгрузки», которую изобрело Временное правительство летом 1917 г., страшась слова «эвакуация». 23 августа 1917 г. была учреждена должность особо уполномоченного по разгрузке Петрограда. В его задачи входили вопросы эвакуации из Петрограда и окрестностей учреждений, организаций, предприятий. При особо уполномоченном были созданы Комиссия по разгрузке и Канцелярия⁴⁷⁶. Когда из столицы «выселялось» и «увозилось» всё «лишнее», «лишним» оказался и дом, занятый в Петрограде Управлением общества купцов и мещан г.Саратова. На заседании общества мещан 17 октября 1917 г. был заслушан протокол общества саратовского купечества о том, что «уполномоченными Особого совещания по разгрузке Петрограда Н.Н. Еремеевым, Н.К. Бакеевым и Городским архитектором М.А.Пульман составлены 2 сентября с/г 2 акта о том, что осмотренные ими дома занятые Управлением Общества купцов и мещан, Мещанской Управой и Управлением Илецко-Уральской Строительной конторы, в доме бывшем Горина признаны годными для занятия их казёнными учреждениями и, в случае отказа от добровольной сдачи, подлежат ревизии по распоряжению особого уполномоченного по разгрузке Петрограда»⁴⁷⁷. И, несмотря на то, что этот дом был ещё и сдан в аренду до 1918 г. Перельман Хане Цуковне под аптекарский магазин⁴⁷⁸, обоим обществам ничего другого не оставалось как постановить: «принять к сведению»⁴⁷⁹.

По всей видимости, финансовые дела обществ купцов и мещан Саратова к осени 1917 г. уже не выдерживали всей неразберихи революционного и военного времени, навалившихся проблем, нарушаю-

щих привычный, отлаженный, легитимный быт. К обществу обратился бухгалтер Правления Общества Волго-Бугульминской железной дороги П.И.Колпаков с ходатайством о сдаче Правлению в арендное содержание помещения обществ купцов и мещан, занятого Управлением обществ. Плата была предложена 6000 руб. в год⁴⁸⁰. Настолько Управление было заинтересовано в данной сумме, что согласилось освободить своё помещение. Удивлённые мещане, прибывшие на собрание, поинтересовались, где же их финансовые управленцы намерены тогда разместиться. Тогда купеческий староста, прибывший на собрание мещан, ответил, что «представители Мещанского общества мещанский староста Г.Я.Понамарёв и член Управы М.С.Захаров изъявили готовность представить Управлению общественными именными в помещении Мещанской управы две комнаты из коих одна в данное время занята кабинетом Мещанского старосты, а другая помещением Правления и бухгалтером Управы»⁴⁸¹. Мещане приняли решение потесниться. Без споров. А бывшее помещение Управления сдали железной дороге. В приговоре мещанского общества написали: «комнаты мещан сдать в полное распоряжение купеческого общества и чтобы со стороны мещанской управы не было стеснений к свободному занятию делами, как по общественным именным, так и сословным делам купеческого общества»⁴⁸². Перед самой революцией, как в известном детском стихотворении С.Я.Маршака «Кошкин дом», богатое купечество поступалось в дом бедного мещанства и было радушно принято.

Но и в самом обществе мещан всё начинало «рассыпаться» в эти тревожные дни. Дни перед революцией. 17 октября 1917 г. обсуждали поведение члена мещанской управы В.Ф.Скрнякова который вместо того, чтобы каждый день работать в управе, «предпочёл торговлю»⁴⁸³.

И вот революция произошла. А собрание мещан г.Саратова продолжает функционировать. 28 ноября 1917 г. в составе 55 человек они слушали прошения служащих мещанской управы о выдаче им наград к празднику Рождества Христова «по месячному окладу», что составляло 758 руб., и служащих дома призрения о выдаче суммы в 250 руб.⁴⁸⁴ Рассматривали возможную прибавку к жалованию для служащих общества и управы⁴⁸⁵. 3 декабря 1917 г. купеческое и мещанское общества «в виду упразднения сословий признало нужным наградить своих представителей и служащих в размере годового оклада»⁴⁸⁶. До конца 1917 г. создаётся впечатление, что главной забо-

той мещанских собраний было успеть утвердить всем выплату жалования⁴⁸⁷.

12 января 1918 г. мещанский староста Пономарёв перед собранием мещан выступил с докладом, в котором отметил, что «с наступлением текущего нового года впредь до рассмотрения Обществами купцов и мещан приходно-расходной сметы по имуществам им принадлежащим, учреждения содержащихся на доходы с этих имуществ как Дом Призрения, так и Мещанская Управа лишены всяких кредитов на содержание»⁴⁸⁸. И на этом же собрании всем, кому могли, раздали жалование⁴⁸⁹. Последнее о чём заявил на этом собрании Пономарёв – это о своей усталости. Он устал потому что «состоит в должности мещанского старосты с августа 1905 г., то есть более 12 лет...и в течение этого времени ни разу для своих надобностей не пользовался отпусками, между тем в настоящее время он чувствует себя чрезвычайно утомлённым, поэтому врачи приписывают ему для восстановления здоровья продолжительный отдых»⁴⁹⁰. Мещане постановили предоставить своему старосте отпуск на полтора месяца с сохранением содержания. И выполнять обязанности старосты поручили М.С.Захарову⁴⁹¹. А на Павлу Ивановичу Пономарёву поручили выдавать мещанам г.Саратова паспорта, удостоверения личности и наблюдение за своевременным исполнением бумаг по паспортно-податному столу⁴⁹². Последний хронологически документ саратовской мещанской управы связан с январём 1918 г. Это Подписка «служащих Мещанской Управы находившихся на военной службе»: «Мы, нижеподписавшиеся...дали подписку Мещанской Управе в том, что по получении нами ассигнованного приговорами обществ...годового содержания в размере получаемого их семьями пособия, считаем себя уволенными со службы в Мещанской Управе с января 1918 года и никаких денежных претензий к Мещанской Управе иметь не будем. В том и подписуемся»⁴⁹³.

Саратовское Управление общественными имуществами купцов и мещан продолжало свою деятельность до января-февраля 1918 г. Последние денежные расчёты общества были проведены в апреле 1918 г.⁴⁹⁴ Были выплачены денежные вознаграждения служащим управления, учебных заведений и богаделен общества. Основное имущество после революции перешло в государственную собственность.

Всероссийский союз мещан был образован на первом всероссийском съезде мещанских общин, который проходил с 30 апреля по 2 мая 1917 г. в Воронеже⁴⁹⁵. В нём приняли участие 179 представите-

лей от 75 городов. Инициатором и вдохновителем проведения съезда был мещанский староста г.Боброва Воронежской губернии В.Я.Калашников⁴⁹⁶. На заседании 1 мая 1917 г. была составлена Программа, включавшая в себя 18 пунктов. В данном документе была выражена политическая позиция тех мещан, которые в 1917 г. попытались объединить свои усилия и выработать в новых политических реалиях свою сословную программу общественного развития.

Параллельно с Воронежем о созыве мещанского съезда в Москве на 15–20 июня 1917 г. объявила мещанская управа г.Москвы. В мещанские провинциальные общества была разослана анкета, состоящая из вопросов, которые мещане на местах должны были в преддверии съезда заполнить и отправить в мещанскую управу г.Москвы⁴⁹⁷. Самый первый и главный вопрос, волновавший мещан и сформулированный в анкете был следующий: «Если мещанское сословие переименуют в граждан, желательно ли чтобы оно самостоятельно управлялось?»⁴⁹⁸. Саратовское мещанское общество на этот вопрос ответило: «Все городские сословия, в том числе и мещанские, столетие имели собственное Управление, а также имущества и капиталы, на которые содержатся различные благотворительные и просветительские учреждения, польза от этих учреждений не только узко сословная, но и чисто Государственная, а посему желательно, при переименовании в граждан лиц из городских сословий, учредить самостоятельное гражданское Управление, на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, т.е. применительно закона Временного Правительства от 15 апреля 1917 г. о выборах в городские Самоуправления, которое могло бы проводить в жизнь благотворительные и просветительские начинания бывших сословий»⁴⁹⁹. Второй вопрос анкеты был связан с обсуждением возможности передачи мещанского сословия в ведение Городских управ⁵⁰⁰. Саратовские мещане не могли самостоятельно отдаться в руки «врага» или, как это было названо в других разделах исследования, «чужой власти». Если бы самарские или симбирские мещане отвечали на данный вопрос анкеты, вполне вероятно они отреагировали также, так как и в Самаре, и в Симбирске в пореформенный период постоянно происходило наступление городских дум и управ на исконные права мещанского сословия и конфликтные отношения между мещанами и гласными думы были повсеместны. Поэтому саратовские мещане отвечали по данному пункту: «Передача мещанского сословия в ведение Городских управ не желательна, на том основании, что Городскому управлению чужды со-

словные интересы, поэтому при передаче таковому, все бывшие сословные капиталы и имущества сольются в общую кассу городских средств и в виду обычной задолженности городов, пойдут на покрытие общих городских расходов, а те благотворительные и просветительские учреждения, на которые сословия убивали все заботы и свои средства получаемые путём душевных сборов, останутся за флагом и будут лишены саморазвития»⁵⁰¹. Вместо того, чтобы отдавать деньги городу, мещане по данному пункту анкеты предлагали учредить особое Гражданское управление или общество, которое обладало бы самостоятельным от города капиталом, в которое входили бы люди «близко заинтересованные» в создании подобного учреждения и которые стремились бы к процветанию учреждений бывших сословий. Именно от сословных обществ, по мнению саратовских мещан, и «получилась бы Государственная польза»⁵⁰². Если же Учредительное собрание при упразднении сословий «не внемлет голосу представителей мещанских обществ и не учредит самостоятельное Гражданское управление бывших городских сословий, а передаст в ведение города», нужно будет «учредить из лиц бывших сословий частное благотворительное общество»⁵⁰³. На некоторые вопросы анкеты саратовские мещане не написали своего ответа. Проигнорировали вопрос, как по всей видимости, повторяющий вышесказанное, о том «желательно ли сохранить самостоятельное управление капиталами и имуществами» в том случае, «если сословие будет переименовано в граждан и передано в город». А также «Как лучше следует организовать Общее Управление?»⁵⁰⁴. На вопрос «Какие меры следует принять для организации общества?» саратовские мещане ответили: «Путём полного объединения всех мещанских обществ в одну ячейку, выразителем интересов коих должен быть съезд их представителей в определённом месте»⁵⁰⁵. И на вопрос о том, следует ли учреждать Всероссийский Союз мещанских обществ по примеру Союза городов, саратовские мещане ответили, что это даже «крайне необходимо». Так же мещане Саратова подтвердили вопрос анкеты, касающийся необходимости учреждения кассы взаимопомощи или Банка. Этот общемещанский банк должен был бы действовать при съезде или союзе мещанских обществ, а в каждом местном мещанском обществе иметь свои филиалы⁵⁰⁶. Многие вопросы анкеты, касающиеся непосредственной жизни каждого отдельно взятого мещанского общества России, количества мещан, количества богоугодных сословных заведений и т.д. – включены в другие разделы исследования, характеризующие саратовскую мещанскую по-

вседневную жизнь. Саратовские мещане предлагали пересмотреть всё действующее законодательство о мещанах и «издать в духе нынешнего времени»⁵⁰⁷. Из данной же анкеты выясняется, что у саратовского мещанства не было собственного банка или ссудно-сберегательной кассы, не было библиотеки, клуба⁵⁰⁸. Ответ на вопрос об изменении закона о приобретении земли мещанами у крестьян, подтверждает важность земельного вопроса для казалося бы городского сословия Саратова. Мещане отвечают, что «желательно приобретение земли законным способом, в виду того, что из многомиллионного населения мещан преобладающее число занимается хлебопашеством»⁵⁰⁹. И на практически повторяющийся вновь вопрос «в случае постановления правительства о переименовании Мещанского общества в граждан и передачи в Городское управление со всем имуществом, на каких условиях передать городу имущества?», мещане однозначно отвечали: «Передача капиталов и имуществ в город ни при каких условиях нежелательна»⁵¹⁰. Тем самым подтверждается высказанное в данном исследовании предположение об антагонизме мещанского общества городов с его «новыми хозяевами», пришедшими к власти в городском самоуправлении после реформы 1870 г. Таким образом, из ответов на вопросы анкеты, присланной в саратовское мещанское общество из московской мещанской управы становится очевидным, что мещане Саратова только сейчас отреагировали на идею создания Всероссийской мещанской организации. Значит о воронежском съезде или не знали, или проигнорировали.

Вначале обе стороны, Москва и Воронеж, рассчитывали на то, что кто-нибудь из них уступит и присоединится к другому. «Когда же на московском съезде выяснилось, что Воронежский союз не хочет отказываться от достигнутых результатов, его деятельность с подачи устроителей московского съезда была осуждена и представители ВОСМ – члены Бюро и делегаты принадлежащих к нему общин, были по сути изгнаны со съезда»⁵¹¹. На московском съезде 212 делегатами от 138 городов России был принят Устав Всероссийского союза мещанских обществ (г.Москва)⁵¹². В нём были прописаны цели и права союза, связанные с необходимостью объединения всех мещанских обществ Российского государства «как для политических, так и для правовых и экономических интересов мещанского сословия»⁵¹³. Всероссийский союз оформлялся как юридическая единица, имеющая право заключать договоры, приобретать и продавать движимое и недвижимое имущество. И оговаривалось, что «союз считается организовавшимся

и правомочным при наличии не менее, как ста коллективных членов (так как сто мещанских обществ)». Союз должен был содержаться на единовременные взносы (от 20 до 50 руб.)⁵¹⁴. Был выбран Исполнительный комитет из пяти лиц под председательством Гринёва⁵¹⁵. В уставе прописана была также ситуация, связанная с ликвидацией союза. Всё имущество, накопленное к этому моменту, должно бы было пойти на благотворительные цели⁵¹⁶. Исполнительный комитет распространил среди мещанских обществ своё воззвание к гражданам-мещанам⁵¹⁷. Февральская революция оценивалась в нём как «великое историческое событие», как «Промысел Всемогущего Бога» и как «сила народного движения». Мещане рассматривались в контексте «много-страдального трудового народа», приветствующего «падение вековой монархической власти»⁵¹⁸. В Воззвании говорилось, что «триста лет мы (мещане – прим.авт.) были в подавленном, угнетённом состоянии, триста лет мы были забыты правителями нашими и покорно несли все государственные тяготы...Безропотно платили налоги, ставили своих сыновей в войска для защиты Родины и в постоянном труде ремесленников обслуживали городское и крестьянское население, оставаясь на низших ступенях общественной жизни, как забытое, бесправное и безземельное сословие»⁵¹⁹. На июньском съезде, как подтверждает текст воззвания, мещане ещё верили, что теперь настал тот момент, когда «сословие...должно...стать у кормила управления страной нашей и во всех государственных и общественных учреждениях требовать для мещан почётные места»⁵²⁰. В воззвании оказалась чётко отражённой социальная идентичность мещан, основанная на определённом изгойстве этого срединного сословия, усиленной проницаемостью его границ: «В нашем сословии нет ни промышленников, ни капиталистов, ни крупных собственников, они всегда стремились уйти от мещан, становились купцами, личными дворянами, почётными гражданами и т.п.»⁵²¹. На первом московском съезде мещане постановили «впредь до упразднения мещанского сословия по решению Учредительного собрания и уравнивания мещан в правах со всеми гражданами...сохранить мещанское сословие и отдельные мещанские управления и учредить в Москве Всероссийский Союз Мещанских обществ»⁵²². На июньском съезде присутствовал делегат от саратовского мещанства, мещанский староста Г.Я.Понамарёв, израсходовавший на поездку 243 руб. общественных денег и пробывший в Москве 10 дней. Несмотря на то, что мещане Саратова выразили желание, чтобы на съезд отправился и ку-

печеский староста, купцы решили воздержаться от участия в мещанском сословном съезде⁵²³. Для нужд Исполнительного комитета Первый съезд мещан в Москве собрал 6989 руб.02 коп., до созыва Второго съезда комитет израсходовал 4464 руб. 44 коп.⁵²⁴

Протоколы, труды и резолюции Второго Всероссийского съезда представителей Мещанских Обществ и Союзов, состоявшегося в Москве с 23-го по 26-е августа 1917 г. и изданные в этом же году в Рязани⁵²⁵, оказались утерянными в Государственной исторической публичной библиотеке. Поэтому восстановить картину событий оказывается возможным только по фонду мещанской управы Москвы, хранящемуся в ЦГИА⁵²⁶. С 23 по 26 августа 1917 г. в Москве проходил Второй Всероссийский съезд мещан. Из списка делегатов, прибывших на этот съезд, выясняется, что Самара, Саратов и Симбирск своих делегатов на него не отправили⁵²⁷. На съезд приехали 48 делегатов из Московской, Орловской, Владимирской, Смоленской, Петроградской, Рязанской, Нижегородской, Ярославской, Тверской, Калужской, Новгородской, Харьковской, Тамбовской, Курской и Подольской губерний⁵²⁸.

Как видно из тех скудных источников, которые сохранили информацию о попытках мещанства объединиться и выработать свою политическую программу в 1917 г., мещане постоянно апеллируют к тому, что являются вторым по численности, после крестьянства, сословием в государстве. И тем не менее, в ситуации чрезвычайно активного политического творчества, которое проявили практически все социальные силы в стране в рассматриваемый период, мещане на удивление невыразительны и слабы в своей риторике и политической активности. Действительно, являясь «средним классом», самым многочисленным городским сословием, мещане смогли осилить проведение съездов исключительно за счёт той интеллигенции, которая образовалась в их среде и желала высказаться со стороны данной социальной страты. Подавляющая масса провинциального мещанства не отреагировала на эти попытки объединения. Не удалось обнаружить какой-либо реакции на всероссийские мещанские съезды в провинциальной и столичной прессе⁵²⁹.

Таким образом, в Саратове сложился уникальный союз двух основных городских сословий, купцов и мещан, основанный на благотворительности. Общий неразделённый капитал купцов и мещан начал складываться ещё в XVIII в., тогда, когда интересы купцов и мещан совпадали и их социальные статусы не были разведены настолько, как это произошло во второй половине XIX в. В границах «городского

гражданства» купцы и мещане сообща занимались проблемами города, участвовали в деятельности местного самоуправления. Поэтому не видели ничего плохого в том, чтобы объединить свои капиталы и пустить этот совместный капитал на благотворительные нужды. Однако в XIX в. эти сословные группы начали отдаляться друг от друга. Купцы богатели. Мещане беднели. Купцы стремились выбиться из своей социальности через образование детей. Мещане хотели помочь своим многочисленным бедным однообщественникам, старикам и сиротам. В результате всё труднее стало находить понимание в самих целях и адресности благотворительности. Однако, как только купцы и мещане настраивались на раздел и обращались к государству, государство тут же выражало готовность забрать у них совместно нажитое имущество и передать городу. А уж что из себя представляла новая городская власть после введения Городового положения 1870 г. купцы и мещане прекрасно понимали. Они понимали, что этих денег больше не увидят. И продолжали охранять свой капитал сообща, стиснув зубы. Государственный переворот февраля 1917 г., война, события октября волновали мещан исключительно с точки зрения как поступать с деньгами в случае отмены сословий. Все тексты поведения, все повседневные практики мещанских и купеческих управленцев в данной ситуации отличает вера в законность и возможность легитимного урегулирования споров. Приглашаются в сложных ситуациях юристы, мещане и купцы попробовали зарегистрировать новое общество, в названии которого не было сословий и передать ему все капиталы в дар. Но и это не спасло копившийся в течение почти что двух веков совместный капитал. Даже попытка сословного объединения в 1917 г. в форме участия во Всероссийском мещанском съезде была продиктована исключительно заботой о сословном имуществе. Саратовским мещанам было что терять. Этим объясняется их феноменальная, на фоне самарского и симбирского мещанства, активность в начале XX в., в эпоху гибели сословности в империи, их, отражённая в делопроизводстве мещанской управы, реакция на политические события в стране. Но ни всероссийские мещанские съезды, ни саратовское мещанство не смогли выработать программу адаптации сословия к изменившимся политическим условиям.

Концевые сноски

1 Рындзюнский П.Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века. М., 1983. С.265.

2 Там же. С.266.

- 3 Кошман Л.В. Город и городская жизнь. С.9-10.
- 4 Рындзюнский П.Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века. С.3-14.
- 5 Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. Т.1. С.103.
- 6 Серто М. Изобретение повседневности. С.187.
- 7 Кошман Л.В. Город и городская жизнь. С.431.
- 8 Симбирские губернские ведомости. 1872. 25 янв. (№ 7).
- 9 Кошман Л.В. Город и городская жизнь. С.428.
- 10 Дитятин И.И. Устройство и управление городов России. Т.1: Города России в XVIII столетии. СПб., 1875; Т.2: Городское самоуправление до 1870 г. Ярославль, 1877.
- 11 Марков Б.В. Культура повседневности. СПб., 2008. С.154.
- 12 Шелгунов Н.В. К молодому поколению // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. М., 1997. С.104.
- 13 Кошман Л.В. Город и городская жизнь. С.239-243.
- 14 Миронов Б.Н. Социальная история России. С.336.
- 15 Средняя Волга и Заволжье в процессе развития Российской цивилизации. С.103.
- 16 Там же. С. 219.
- 17 Там же. С.104.
- 18 Там же.
- 19 Очерки истории Поволжья и Приуралья. С.213.
- 20 Гидденс Э. Социология. С.496.
- 21 «Обретение Родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.). Часть I. Самара, 2013. С.282.
- 22 «Обретение Родины»: общество и власть в Среднем Поволжье; Средняя Волга и Заволжье в процессе развития Российской цивилизации. С.222.
- 23 Кузнецов А.А. Особенности благоустройства и экологии городов. С.110.
- 24 Венедиктова Т. Д. Секрет срединного мира. Культурная функция реализма 19 века // Зарубежная литература второго тысячелетия. М., 2001. С. 186-220.
- 25 Венедиктова Т. Д. Секрет срединного мира. Культурная функция реализма 19 века. С. 186-220.
- 26 В.А. Февральский переворот // Ульяновский общественный Орган Ульяновского Губкома ВКП (б), Губисполкома и Губпрофсовета. 1927. № 5 (март). С. 8.
- 27 Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. Т.1. С.104.

- 28 Вальденфельс Б. Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о «Чужом» // <http://anthropology.rinet.ru/old/6/wald.htm> (Дата обращения: 23.07.2014)
- 29 Там же.
- 30 Вальденфельс Б. Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о «Чужом» // <http://anthropology.rinet.ru/old/6/wald.htm> (Дата обращения: 23.07.2014)
- 31 Средняя Волга и Заволжье в процессе развития Российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.). Самара, 2013. С.217.
- 32 Очерки истории Поволжья и Приуралья. С.232–233.
- 33 Миронов Б.Н. Социальная история России. С.302–303.
- 34 Там же. С.302.
- 35 Там же. С.218.
- 36 Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе : очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
- 37 Очерки истории Поволжья и Приуралья. С.196.
- 38 Календарь «Волжского вестника» на 1888–й год. Год первый : бесплатное приложение к газете «Волжский вестник». Казань, 1888. С.5.
- 39 Весь Саратов на 1916 г. : справочник-календарь. Саратов, 1915. С.36.
- 40 Первая всеобщая перепись населения. Т.XXXIV. Самарская губерния. СПб., 1904. С.1.
- 41 Первая всеобщая перепись населения. Т.XXXVIII. Саратовская губерния. СПб., 1904. С.1.
- 42 Первая всеобщая перепись населения. Т.XXXIX. Симбирская губерния. СПб., 1904. С.1.
- 43 Средняя Волга и Заволжье в процессе развития Российской цивилизации. С.219.
- 44 Там же.
- 45 Первая всеобщая перепись населения. Т.XXXIV. Самарская губерния.
- 46 Первая всеобщая перепись населения. Т.XXXVIII. Саратовская губерния.
- 47 Первая всеобщая перепись населения. Т.XXXIX. Симбирская губерния.
- 48 Там же. С.111.
- 49 Гусева Т.М. Городские сословия и формирование социокультурной среды уездных городов Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века : дис...доктора ист. наук. Саранск, 2012. С.121.
- 50 Сборник сведений по Саратовской губернии за 1902 год. Саратов, 1904. С.2.

- 51 Адрес-календарь Самарской губернии на 1894 г. С.77.
- 52 Статистический ежегодник по Симбирской губернии за 1913 год. (год четвёртый). Симбирск, 1915. С.207.
- 53 Статистический ежегодник по Симбирской губернии за 1914 г. (год пятый). Симбирск, 1916. С.155.
- 54 Сырнев И. Первый по величине // Россия. Полное географическое описание нашего отечества : настольная и дорожная книга для русских людей. Т.6: Нижнее Поволжье. СПб., 1901. С.142–143, 183.
- 55 Гусева Т.М. Городские сословия и формирование социокультурной среды уездных городов Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX в. : автореф. дис... д-ра ист. наук. Самара, 2012. С.13.
- 56 Там же.
- 57 Храмов Л.В. Введение в самарское краеведение. С.77.
- 58 Очерки городского быта дореволюционного Поволжья. С.31.
- 59 Анашкина Г.П., Коробцова Н.Ю. Опыт исследования досуга населения российского провинциального города (на примере Симбирска-Ульяновска) // Краеведческие записки. Вып.12. Ульяновск, 2006. С.126.
- 60 Средняя Волга и Заволжье в процессе развития Российской цивилизации. С.221.
- 61 Там же. С.222.
- 62 Там же.
- 63 Подсчитано автором по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XXXVI. Самарская губерния. СПб., 1904. С. 34–35.
- 64 Календарь Симбирской губернии. 1879. Симбирск.1879. С.92.
- 65 Подсчитано по: Календарь Симбирской губернии 1879. С.94–95.
- 66 Там же.
- 67 Приложение ко Всеподданнейшему отчёту начальника Симбирской губернии за 1895, 1897, 1896 г. С.6.
- 68 Статистический обзор Симбирской губернии за 1902 год. С.16.
- 69 Справочная книжка и Адрес-календарь Симбирской губернии на 1910 год. Симбирск, 1910. С. 240.
- 70 Справочная книжка и Адрес-Календарь Симбирской губернии на 1912 год. Симбирск, 1912. С.34.
- 71 Справочная книжка и Адрес-Календарь Симбирской губернии на 1914 год. Симбирск, 1914. С.209.
- 72 Оценочно-статистическое отделение Симбирской городской управы. Город Симбирск по двум переписям недвижимых имуществ (1900–1901 гг. – земской и 1909 г. – городской). Симбирск, 1911. С.46–81.
- 73 Приложение ко Всеподданнейшему отчёту начальника Симбирской губернии за 1895, 1897, 1896 г.

- 74 Там же.
- 75 Статистический ежегодник по Симбирской губернии за 1910 год. Год первый. Симбирск, 1912. С.155-157.
- 76 Список населённых мест Симбирской губернии // Памятная книжка Симбирской губернии на 1862-63-й годы. Симбирск, 1863. С.73-74.
- 77 Миронов Б.Н. Социальная история России. С.305.
- 78 Засодимский П. Из самых видных городов // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. 8, Ч. 1: Поволжье от Симбирска до Царицына. СПб., 1901. С.193, 211.
- 79 Там же.
- 80 Там же. С. 212.
- 81 Сырнев И. Первый по величине. С.222, 225, 236, 241.
- 82 Саратовские губернские ведомости. 1872. № 77. 7 апреля; 3 210. 1 октября.
- 83 Артемьева Н.А. Дневник гимназистки // Краеведческие записки. Вып.10. Ульяновск, 2005. С.52.
- 84 Кошман Л.В. Город и городская жизнь. С.417.
- 85 Приложение ко Всеподданнейшему отчёту начальника Симбирской губернии за 1895, 1897, 1896 г. С.8.
- 86 Симбирские губернские ведомости : неофициальная часть. 1862. 10 февр. (№ 6). С.15.
- 87 Там же. С.16.
- 88 Симбирские губернские ведомости. 1895. 29 июля (№ 53).
- 89 Памятная книжка и Адрес-календарь Симбирской губернии. 1901. Симбирск, 1901. С.29.
- 90 Там же. С.31-32.
- 91 Памятная книжка и Адрес-календарь Симбирской губернии на 1902 г. Симбирск, 1901.
- 92 Справочная книжка и Адрес-календарь Симбирской губернии на 1916 год. Симбирск, 1916. (без нумерации страниц).
- 93 Цит. по: Кузнецов А.А. Особенности благоустройства и экологии городов Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX века // Образ жизни и образ мыслей : материалы науч. чтений 7 сент. 2005 г. Ульяновск, 2005. С.107.
- 94 Симбирянин : ежедн. полит., обществен. и лит. газ. 1916. № 2505. С.2 ; № 2506 ; № 2507.
- 95 Там же. № 2508.
- 96 Там же. 1916. № 2509.
- 97 Там же.
- 98 Адрес-Календарь г.Саратова на 1906 г. Саратов, 1906.

- 99 Весь Саратов на 1911 г. : справочная книга (для всевозможных фабрик, заводов, банкирских, железнодорожных, технических контор и различных других учреждений). «Алфавитный сводный указатель». Издание 1911-12 гг. Саратов, 1911.
- 100 Весь Саратов на 1911 г. Саратов, 1911.
- 101 Весь Саратов на 1916 год. Саратов, 1916.
- 102 Там же.
- 103 Сызранский филиал ЦГАСО. Ф.101. Оп.1. Д.8. Л. 157.
- 104 Там же. Д.4. Л.4, 10.
- 105 Статистический ежегодник по Симбирской губернии за 1911 год. Год второй. Симбирск, 1913. С.79.
- 106 Подсчитано по: Статистический ежегодник по Симбирской губернии за 1912 год. Год третий. Симбирск, 1914. С.114-115.
- 107 Тревельян Дж.М. История Англии от Чосера до королевы Виктории. Смоленск, 2001. С.596.
- 108 Там же. С.597.
- 109 Сызранский филиал ЦГАСО. Ф.101. Оп.1. Д.24. Л.18.
- 110 Там же. Л.24.
- 111 ГАСО. Ф. 94. Оп.1. Д.2795. Л.55.
- 112 Сызранский филиал ЦГАСО. Ф.101. Оп.1. Д.24. Л.25.
- 113 Там же. Л.26.
- 114 Там же. Л.26 (Об.).
- 115 Там же. Л.31.
- 116 Саратовские губернские ведомости. 1872. № 72-78.
- 117 Московские губернские ведомости. 1917. № 46.
- 118 Московские губернские ведомости. 1917. № 46-48.
- 119 Саратовский голос. 1917. № 54. 1 января.
- 120 Саратовский голос. 1917. № 61. 11 января.
- 121 Саратовский голос. 1917. № 65. 15 января.
- 122 Саратовский листок. 1917. № 70, 76. 21 января, 28 января.
- 123 Московские ведомости. 1917. № 99. 13 мая.
- 124 Саратовский вестник. 1917. № 198. 7 сентября.
- 125 Саратовский вестник. 1917. № 199. 6 сентября.
- 126 Саратовский вестник. 1917. № 156, 251.
- 127 Саратовский вестник. 1917. № 203.
- 128 ЦГАСО. Ф.170. Оп.1,6.
- 129 История Самары. С.126.
- 130 История Самары.
- 131 Самарское купечество: веки истории. Самара, 2006. С. 21.
- 132 История Самары: от воеводского управления до Губернской Думы. Кн. 1. С. 135.

- 133 ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д.1038. Л.40-40 (Об.).
- 134 Памятная книжка и Адрес-календарь Симбирской губернии. 1901. Симбирск, 1901. С.181.
- 135 Там же. С.20, 29.
- 136 Там же. С.53,58,61.
- 137 Журнал Симбирской городской думы марта 14 дня 1883 г. С.79-80.
- 138 Там же.
- 139 Журнал Симбирской городской думы апреля 5 дня 1883 г. С.85.
- 140 Там же. С.86.
- 141 Журнал Симбирской городской думы апреля 23 дня 1883 г. С.138.
- 142 Там же. С.139.
- 143 Журнал Симбирской городской думы сентября 23 дня. 1883. С.444 ; Журнал Симбирской городской думы за 1910 г. С. 483 ; Журнал Симбирской городской думы за 1911 г. С. 508..
- 144 Журнал Симбирской городской думы июня 1 дня 1883 г. С.187.
- 145 Там же. С.188.
- 146 Там же. С.206.
- 147 Кошман Л.В. Город и городская жизнь. С.221.
- 148 Журнал Симбирской городской думы июня 1 дня 1883 г. С.207.
- 149 Журнал Симбирской городской думы июля 15 дня 1883 г. С.349.
- 150 Журнал Симбирской городской думы за 1914 год. С. 757-758.
- 151 Там же. С.843.
- 152 Журнал Симбирской городской думы сентября 23 дня 1883 г. С.401-402.
- 153 Там же.
- 154 Там же.
- 155 Журнал Симбирской городской думы сентября 23 дня 1883 г.
- 156 Там же.
- 157 Там же. С.403.
- 158 Там же.
- 159 Журнал Симбирской городской думы сентября 23 дня 1883 г. С.404.
- 160 Там же.
- 161 Кошман Л.В.Город и городская жизнь в России. С.242.
- 162 Абрамов Я. Мещане и «город» // Отечественные записки. 1883. Т.267. № 3. С.6, 20,21.
- 163 Миронов Б.Н. Социальная история России. С.502-503.
- 164 Журнал Симбирской городской думы. 1883. С.577.
- 165 Там же.
- 166 Там же. С.577-578.
- 167 Там же.
- 168 Журнал Симбирской городской думы. 1883.

- 169 Там же. С.354.
170 Там же.
171 Там же.
172 Журнал Симбирской городской Думы 1885 года. С. 626.
173 Журнал Симбирской городской думы за 1910 год. С. 142.
174 Журнал Симбирской городской думы за 1911 год. С. 51-53.
175 Журнал Симбирской городской думы за 1910 год. С.178.
176 Там же.
177 Белослудцева В.В. Традиции благотворительности и социальной помощи в мещанских обществах Пермской губернии во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Пермского университета. Вып. 5. 2005. С.105.
178 ГАСО. Ф.94. Оп.1. Д.1831. Л.28.
179 Протоколы Саратовской городской Думы за 1871 г. : июль, август и сентябрь. Саратов, 1872. С.124.
180 Там же. С.125.
181 Там же.
182 Протоколы Саратовской городской Думы за 1871 г. : июль, август и сентябрь. Саратов, 1872. С. 125.
183 Там же. С.126.
184 Там же.
185 Рындзюнский П.Г. Крестьяне и город. С.212.
186 Там же. С.128.
187 Там же. С.109, 110.
188 Зайцев М.В. Состав Саратовской городской думы в 1893-1917 гг. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. 2008. № 6.
189 Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи. С.469.
190 СЗ. 1899. Т.9. Ст.598.
191 Кошман Л.В. Город и городская жизнь. С.218.
192 Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи. С.470.
193 Отчёт по управлению С.-Петербургского мещанского сословия. С. XI.
194 Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи. С. 469.
195 Смета Московской Мещанской Управы за 1897 год. М., 1896. С.2-7.
196 Щепкин М. Бюджеты трёх московских сословий: купеческого, мещанского и ремесленного. М., 1865. С.35.
197 Там же. С.41.

- 198 Щепкин М. Бюджеты трёх московских сословий: купеческого, мещанского и ремесленного. М., 1865. С.35.
- 199 Программы учебных предметов в московском мужском мещанском училище. М., 1898.
- 200 Пятидесятилетний юбилей Мещанского училища, Московского купеческого общества (17 апреля 1885 года). М., 1885, С.6.
- 201 Там же. С.10
- 202 Несколько слов воспитанникам и воспитанницам Московского мещанского училища при выпуске их из училища (накануне акта), законоучителя священника Бухарева. М., 1886. С.9.
- 203 Семнадцатый годичный отчёт вспомогательного общества бывших воспитанников и воспитанниц Мещанских училищ, основанных Московским купеческим обществом в Москве за 1914 год. М., 1915. С.8, 56.
- 204 Отчёт Московской мещанской управы за 1894 год. М., 1895. С.1.
- 205 ЦГИАМ. Ф.852. Оп.2. Д.25. Л.15.
- 206 Там же. Л. 22-108.
- 207 Там же. Оп.3. Д.19. Л.1.
- 208 Там же. Ф.5. Оп.2. Д.1. Л.3.
- 209 Там же.
- 210 Миронов Б.Н. Социальная история России. Т. 1. С.508.
- 211 Там же.
- 212 Каплуновский А. П. Русская мещанская община. С. 67.
- 213 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.88. Л.1 (Об.).
- 214 Там же. Л.4 (Об.).
- 215 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.88. Л.9 (Об.).
- 216 Там же. Л. 6-8.
- 217 Там же. Л.8.
- 218 Там же. Л. 9 (Об.).
- 219 Каплуновский А. П. Русская мещанская община. С. 78.
- 220 Там же.
- 221 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.88. Л.19.
- 222 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.88. Л.23 (Об.).
- 223 Там же. Д. 85. Л.161-162.
- 224 Там же.
- 225 Там же. Ф.1. Оп.1. Д.3459.
- 226 Там же. Л.3-3 (Об.).
- 227 ЦГАСО. Ф.1. Оп.1. Д.3459. Л.1 (Об.)-3.
- 228 Там же. Ф.217. Оп.1. Д.123. Л.2-3.
- 229 Там же. Ф.1. Оп.1. Д.3462. Л.3.
- 230 Там же. Л.4- 30 (Об.).
- 231 Там же. Д.3754.

- 232 Там же. Л.1(Об.).
233 ЦГАСО. Ф.1. Оп.1. Д.3630. Л.2,3, 11.
234 Там же. Л.11 (Об.)-12(Об.).
235 Там же. Л.24.
236 Каплуновский А. П. Русская мещанская община. С. 37.
237 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.165. Л.59-79.
238 Там же. Д.167. Л.1.
239 Там же. Д.189. Л.44-51.
240 Там же. Д.190. Л.43. Д.201. Л.22.
241 Каплуновский А. П. Русская мещанская община. С. 37.
242 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.168. Л.1-2.
243 ЦГАСО. Ф.1. Оп.1. Д.3459. Л.3-3 (Об.).
244 Там же. Ф.217. Оп.1. Д.254. Л.64 (Об.).
245 Там же. Л.11 (Об.) – 20 (Об.).
246 Кузьмин В. Ю. Земская медицина России в мирное и военное время (1864-1917 гг.). Самара, 2000. С. 61.
247 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.222. Л.2-6.
248 Там же. Л.44.
249 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.222. Л. 49.
250 Там же. Л.52.
251 Там же. Д.227. Л.111.
252 Там же. Ф.217. Оп.1. Д.227. Л.111.
253 Там же. Л.229.
254 Каплуновский А. П. Русская мещанская община. С. 88.
255 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.300. Л.18-19.
256 Там же.
257 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.300. Л.18-19.
258 Миронов Б. Н. Социальная история России. Т. 1. С.522.
259 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.88. Л.4 (Об.).
260 Там же.
261 Там же. Л.99 (Об.).
262 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.88. Л. 99 (Об.).
263 Там же. Д.356. Л.12.
264 Там же. Ф.217. Оп.1. Д.391. Л.88.
265 Там же. Л.88 (Об.).
266 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.411. Л.172.
267 Там же.
268 Там же. Д.418. Л.44(а).
269 Там же.
270 Финн К. Рассказы и повести многих лет. М., 1969.
271 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.426. Л.1.

- 272 Там же. Д.450. Л.1-157 (Об.).
273 Там же. Д.423. Л.1-238.
274 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1.Д.423. Л.238.
275 Симбирянин. 1916. 17 янв. (№ 2517)
276 ГАУО. Ф.143. Оп.1. Д.36. Л.287.
277 ГАУО. Ф.143. Оп.1. Д. 36. Л.26.
278 Там же. Д.81. Л.1.
279 Там же. Л.1(Об.).
280 Там же.
281 ГАУО. Ф.143. Оп.1. Д. 36. Л.1 (Об.).
282 Там же. Л.4.
283 Там же. Л.5.
284 Там же. Д.36. Л.287.
285 Там же. Д.70. Л.1.
286 ГАУО. Ф.143. Оп.1. Д.70. Л.2.
287 Перечень постановлений Симбирской городской думы, рассмотренных за 1868,1869, 1876-1884, 1886-1905, 1907-1912, 1914-1917 гг. Ульяновск, 2004. С.17.
288 ГАУО. Ф.144. Оп.2. Д.34. Л.7- 26 (Об.).
289 ГАУО. Ф.144. Оп.2. Д.34. Л.74-79.
290 Там же. Ф.143. Оп.1. Д.47. Л.15.
291 Там же.144. Оп.2. Д.34. Л.2.
292 Там же. Ф.143. Оп.1. Д.38. Л.7.
293 Там же. Д.644. Л.1-16. Посчитано по алфавитным спискам, которые напечатаны на машинке, но без даты.
294 Там же. Ф.144. Оп.2. Д.34. Л.16.
295 ГАУО. Ф.144. Оп.2. Д.34. Л.40 – 40 (Об.).
296 Там же. Ф.144. Оп.2. Д.34. Л.109.
297 Там же. Л.109 (Об.).
298 Там же. Ф.143. Оп. 1. Д.38. Л.10.
299 ГАУО. Ф.143. Оп.1. Д.38. Л.41 (Об.).
300 Там же. Ф.144. Оп.2. Д.34. Л.116.
301 Там же. Л.116-125, 129.
302 Там же. Л.125.
303 ГАУО. Ф.144. Оп.2. Д.34. Л. 82-82 (Об.).
304 Там же. Ф.143. Оп.1. Д.47. Л.17.
305 Там же. Д.38. Л.14.
306 Симбирские губернские ведомости. 1872-1895 гг.; Симбирские губернские ведомости. 1872. 3 окт. (№ 69).
307 Симбирские губернские ведомости. 1895. 15 марта (№ 20).
308 Там же.

- 309 Там же.
310 Симбирские губернские ведомости. 1895. 15 марта (№ 20).
311 Там же.
312 ГАУО. Ф.143. Оп.1. Д.628. Л. 1.
313 Там же. Л.7.
314 Там же.
315 Там же. Л.7 (Об.).
316 ГАУО. Ф.143. Оп.1. Д.628. Л.8 (Об.).
317 Там же. Л.22.
318 ГАСО. Ф.94. Оп.1. Д.2681. Л.1 (Об.).
319 ГАСО. Ф.94. Оп.1. Д.2681. Л.1 (Об.)–8 (Об.).
320 Там же. Л.8 (Об.).
321 Там же. Л.9.
322 Там же. Д.2795. Л.6.
323 Там же.
324 ГАСО. Ф.571. Опись.
325 Пятидесятилетний юбилей Мещанского училища, Московского купеческого общества (17 апреля 1885 года). М., 1885. С.6.
326 Санитарные очерки городского санитарного врача г.Саратова И.Н. Матвеева. Общественное призрение в Саратове. Саратов, 1898. С.123.
327 ГАСО. Ф.94. Оп.1. Д.422. Л.1–4.
328 ГАСО. Ф.571. Опись.
329 Там же. Ф.94. Оп.1. Д.2406. Л. 47.
330 Там же. Д.422. Л.1–4.
331 Там же. Л.32–32 (Об.).
332 ГАСО. Ф.571. Оп.1. Д.6. Л.101 (Об.).
333 ГАСО. Ф.94. Оп.1. Д.422. Л.33–43.
334 Там же. Д.1799. Л.1.
335 ГАСО. Ф.571. Опись фонда.
336 Там же.
337 ГАСО. Ф.94. Оп.1. Д.1720. Л.3.
338 Там же. Л.3 (Об.).
339 Там же. Л.4, 5, 31, 34.
340 ГАСО. Ф.94. Оп.1. Д.1831. Л.1.
341 Там же. Л.4.
342 Там же. Ф.94. Оп.1. Д.1831. Л.5.
343 Там же. Л.5–6 (Об.).
344 Там же. Ф.94. Оп.1. Д.1849. Л.1 (Об.).
345 ГАСО. Ф.94. Оп.1. Д.1849. Л. 1 (Об.).
346 Там же. Л.2 (Об.).
347 ГАСО. Ф.94. Оп.1. Д.1849. Л.2,3.

- 348 Материалы для истории Покровской богадельни и Александро-Мариинского Ремесленного училища Московского Мещанского общества. Вып. I. М., 1892. С.6-10.
- 349 ГАСО. Ф.153. Оп.1. Д.1254. Л.52об-57об.
- 350 Санитарные очерки городского санитарного врача г.Саратова И.Н. Матвеева. Общественное призрение в Саратове. Саратов, 1898. С.123.
- 351 Там же.
- 352 Санитарные очерки городского санитарного врача г.Саратова И.Н. Матвеева. С.1.
- 353 Там же. С.123.
- 354 ГАСО. Ф.94. Оп.1. Д.1799. Л.1.
- 355 Там же. Л.24 (Об.)-25, 57, 69, 97-98.
- 356 ГАСО. Ф.571. Опись фонда.
- 357 Санитарные очерки городского санитарного врача г.Саратова И.Н. Матвеева. С.123.
- 358 Там же.
- 359 Там же.
- 360 Там же.
- 361 Санитарные очерки городского санитарного врача г.Саратова И.Н. Матвеева. С.124.
- 362 Там же.
- 363 Там же. С.124-125.
- 364 Там же. С.125.
- 365 Санитарные очерки городского санитарного врача г.Саратова И.Н. Матвеева. С.125.
- 366 Там же.
- 367 Там же.
- 368 Там же. С.126.
- 369 Там же. С.128.
- 370 Там же.
- 371 Там же.
- 372 Санитарные очерки городского санитарного врача г.Саратова И.Н. Матвеева. С. 128.
- 373 Там же. С.129.
- 374 Там же.
- 375 Там же.
- 376 Там же. С.130.
- 377 Там же.
- 378 Там же.
- 379 Там же. С.131.

- 380 Санитарные очерки городского санитарного врача г.Саратова И.Н. Матвеева. С.132.
- 381 Там же.
- 382 Там же.
- 383 Там же. С.133.
- 384 Там же. С.134.
- 385 ГАСО. Ф.94. Оп.1. Д.2542.
- 386 Там же. Л.5.
- 387 Там же. Д.2729. Л.15.
- 388 Там же. Л.1-3 (Об.).
- 389 Там же. Л.15.
- 390 ГАСО. Ф.94. Оп.1. Д.2542. Л.3.
- 391 Там же. Л.4.
- 392 Там же.
- 393 Там же. Л.4 (Об.).
- 394 Там же.
- 395 Там же. Д.2797.
- 396 Там же. Д.2795. Л.59.
- 397 ГАСО. Ф.94. Оп.1. Д. 2795. Л.59 (Об.).
- 398 Там же. Л.59 (Об.) – 60.
- 399 Там же. Л.60.
- 400 ГАСО. Ф.94. Оп.1. Д.2797. Л.60.
- 401 Там же.
- 402 Там же. Л.60 (Об.).
- 403 ГАСО. Ф.94. Оп.1. Д.2797. Л.60 (Об.).
- 404 Там же. Л.61.
- 405 Там же. Д.2801. Л.1-1 (Об.).
- 406 Там же. Ф.94. Оп.1. Д.2797. Л.26.
- 407 Там же. Д.2801. Л.2 (Об.)-3.
- 408 Там же. Л.3 (Об.)-4.
- 409 ГАСО. Ф.94. Оп.1. Д.2796.
- 410 Там же. Л.1.
- 411 Там же. Л.2.
- 412 Там же. Л.3.
- 413 Там же. Л.12,14.
- 414 Там же. Л.15.
- 415 Там же. Д.2796. Л.8,9.
- 416 Там же.
- 417 Там же. Л.15.
- 418 Там же. Л.15 (Об.).
- 419 ГАСО. Ф.94. Оп.1. Д. 2796. Л.20.

- 420 Там же. Л.20 (Об.).
421 Там же. Л.22.
422 Там же. Д.2801. Л.23.
423 Там же.
424 Там же.
425 ГАСО. Ф.94. Оп.1. Д.2801. Л.23.
426 Там же. Л.24.
427 Там же. Л.25.
428 Там же. Л.27.
429 Там же. Д.2797. Л.27.
430 ГАСО. Ф.94. Оп.1. Д. 2797. Л.28.
431 Там же.
432 Там же.
433 Там же. Л.28 (Об.).
434 Там же. Л.29.
435 Там же. Л.34 (Об.).
436 Там же. Л.37 (Об.)- 55.
437 Там же. Л.55.
438 Там же.
439 ГАСО. Ф.94. Оп.1. Д. 2797. Л.56.
440 Там же. Л.56 (Об.).
441 Там же. Л.59, 60.
442 Там же. Д.2795. Л.35.
443 Там же.
444 Там же. Л.48-49.
445 Там же. Л.51.
446 Там же. Л.10.
447 ГАСО. Ф.94. Оп.1. Д.2797. Л.55 (Об.).
448 Там же. Л.55 (Об.)-56.
449 Там же. Д.2795. Л.27-28.
450 ГАСО. Ф.94. Оп.1. Д. 2795. Л.29 (Об.).
451 Там же. Л.29 (Об.)-30.
452 Там же. Д.2803. Л. 275 (Об.)-276.
453 Там же. Л.81-81 (Об.).
454 Там же. Л.57 (Об.).
455 ГАСО. Ф.94. Оп.1. Д. 2797. Л.84.
456 Там же.
457 Там же. Л.84 (Об.).
458 Там же. Л.96.
459 Там же. Л.85 (Об.).
460 Там же. Л.86.

- 461 Там же.
462 Там же. Л.89.
463 ГАСО. Ф.94. Оп.1. Д.2797. Л.149.
464 Там же.
465 Там же. Д.2801. Л.71.
466 Там же.
467 ГАСО. Ф.94. Оп.1. Д.2801. Л.85.
468 Там же.
469 Там же. Д.2797. Л.94.
470 Там же. Л.80.
471 ГАСО. Ф.94. Оп.1. Д.2797. Л.80.
472 Там же. Д.2801. Л.72, 74, 75.
473 Там же. Л.80.
474 ГАСО. Ф.94. Оп.1. Д.2801. Л.80.
475 Там же. Л.73.
476 ГАРФ. Ф.7736. Оп.1. Особо уполномоченный Временного правительства по разгрузке Петрограда. 1917-1918. // Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории России XIX – начала XX в. Путеводитель. Т.1.
477 ГАСО. Ф.94. Оп.1. Д.2801. Л.75.
478 Там же. Д.2804. Л.56 (Об.)-57.
479 Там же. Д.2801. Л.75.
480 Там же.
481 Там же. Л.75 (Об.).
482 ГАСО. Ф.94. Оп.1. Д.2801.Л. 75 (Об.).
483 Там же. Л.77.
484 Там же. Л.78.
485 Там же. Д.2797. Л.144.
486 Там же. Л.147, 148.
487 Там же. Л.149-158.
488 Там же. Д.2801. Л.149-158.
489 ГАСО. Ф.94. Оп.1. Д.2801. Л.161.
490 Там же. Л.23.
491 Там же. Л.24.
492 Там же.
493 Там же. Д.2797. Л.162.
494 Там же. Д.2803.
495 ГАРФ. Ф. 1779. Оп.1. Д.306. Л.1-2.
496 Журнал заседания Всероссийского Союза граждан-мещан в гор. Воронеже. Дневное заседание 30 апреля 1917 года // Каплуновский А.П. Русская мещанская община. Приложения.

- 497 ГАСО. Ф. 94. Оп.1. Д.2795. Л.57 (Об.).
498 Там же.
499 Там же.
500 Там же. Л.58.
501 ГАСО. Ф. 94. Оп.1. Д.2795. Л.58.
502 Там же.
503 Там же. Л.58 (Об.)
504 ГАСО. Ф. 94. Оп.1. Д.2795. Л.58(Об.).
505 Там же. Л.59.
506 Там же.
507 Там же. Л.60
508 Там же. Л.61.
509 Там же.
510 ГАСО. Ф. 94. Оп.1. Д.2795. Л.58.
511 Каплуновский А. Русская мещанская община в городах Казанского Поволжья. С.197.
512 ЦИАМ. Ф.5. Оп.1. Д.26. Л.14 (Об.).
513 Там же.
514 Там же.
515 Там же.
516 ЦИАМ. Ф.5. Оп.2. Д.26. Л. 14 (Об.).
517 Там же. Л.14.
518 Там же.
519 Там же.
520 Там же.
521 Там же.
522 Там же.
523 ГАСО. Ф. 94. Оп.1. Д.2801. Л.85; Д. 2797. Л.85 (Об.).
524 ЦИАМ. Ф.5. Оп.1. Д.26. Л.5.
525 Протоколы, труды и резолюции Второго Всероссийского съезда представителей Мещанских Обществ и Союзов, состоявшегося в Москве с 23-го по 26-е августа 1917 г. Рязань. 1917.
526 ЦИАМ. Ф.5. Оп.2. Д.26.
527 Там же. Л.1.
528 Там же.
529 Московские губернские ведомости. № 46-48. М.,1917; Саратовский голос. № 104-187. Саратов, 1917; Саратовский вестник. № 128 - 198. Саратов, 1917.

ГЛАВА 3.

ПОВИННОСТИ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ МЕЩАН ГОРОДА

НАЛОГИ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ СБОРЫ

Повседневный быт каждой отдельной мещанской семьи или одиночек был также органически связан с властью, как и вся сословная организация мещанства в целом. Платить подати, выполнять рекрутскую повинность, выбивать паспорт для переездов по стране, выяснять внутрисемейные отношения, болеть, умирать, восстанавливать своё хозяйство после пожаров или арендовать землю – мещанин мог только в пространстве власти. Весь его частный мир был пронизан властью. В данном разделе будет рассматриваться быт, организованный двумя векторами: вектором действия власти «сверху» и вектором противодействия власти, создаваемым повседневными практиками «снизу». Основными героями будут выступать не сословные функционеры, а рядовые мещане города.

Состав мещанского общества города необходимо было чётко зафиксировать и оценить с точки зрения финансовой состоятельности, так как главная обязанность мещан в государстве заключалась в своевременной уплате податей, заменённых позднее окладными сборами, и в самофинансировании самого сословного организма со всеми его социальными нуждами и управленческими структурами. Для этих целей и было изобретено мещанское управление, регулирующее состав общества и своевременный сбор налогов и общественных сборов. В результате его управленческой деятельности, снизу, в мещанской сословной среде, создавалась определённая социальная реальность, чьи «сосуды» и «капилляры» пронизывали сословную группу, обречённо принявшую на себя роль податного сословия, а позднее – «бывшего податного сословия». Без сопротивления. По всей видимости, по сравнению с деревней, мещанство как знак городского образа жизни, как стиль жизни горожанина, более высокий в негласной иерархии смыслов и культур-

ных кодов, должно было платить за этот свой статус непротивлением и дисциплиной. Инициативные представители сословия в мещанстве не умирали. Они поднимались наверх по социальной лестнице. Также инициативные, но проигравшие жизненные битвы, как правило купцы, воспринимали мещанство как низшую границу городского мира, ниже которой падать уже было некуда. А пассивное большинство просто жило в городе и платило за эту урбанистическую культуру свою цену в виде сословных обязанностей перед государством.

Н.Н.Козлова обращает внимание на существование в культуре двух традиций: большой и малой. Большая – традиция «размышляющего меньшинства», малая – традиция «неразмышляющего большинства»¹. В её размышлениях о «голых людях», пришедших после революции из «неразмышляющего большинства», то есть о людях упрощённых, не подозревающих «не то что свободы, но и существования проблемы добра и зла, живущих во внедрагедийном мире самых простых потребностей», «людей не творящих историю, но плывших по её властному течению», людей, которые «либо Бога не подозревали, либо понимали, что и без Бога можно жить»², как раз отражена специфика жизни городских низов до революции с их непротивлением власти и закону в открытой форме. После революции, когда «хозяева уехали, слуги остались»³, эти «голые люди» поднялись и стали заметны, лишённые «верхнего слоя» культурного меньшинства, подобно лаку высшей пробы, покрывавшему их социальность в дореволюционный период. Разделяя позицию Б.Н.Миронова о выдающейся роли государства в процессе модернизации в России и о недостатке инициативы со стороны народа вследствие «дефицита капитала, образования и культуры»⁴, приходится отодвинуть эти объективные макро-характеристики и обстоятельства на второй план исследования, чтобы разглядеть «броуновское движение» повседневной жизни тех, кто характеризовался «дефицитом капитала, образования и культуры» и сосредоточиться на «реабилитации всего, что связано с жизненным миром человека: повседневного, массового, номиналистического, архитипического»⁵. Поэтому следует отказаться от принципа деления людей на «творцов и тупую бесцветную массу»⁶. И обращаясь к проблеме тяглового сознания городских низов, следует ещё раз акцентировать внимание на возникающих внутри сословной рамки стратегиях повседневного маневрирования, лавирования между правилами, своего рода «стратегиях карточной игры», которая зависит от «карт на руках...и от способа играть»⁷.

Мещанское общество города представляло собой, с одной стороны, своего рода «плацдарм» для социального движения вверх или вниз. С другой стороны, оно включало в себя многочисленные маргинальные группы, которые по закону могли быть приписаны к сословию (Приложение № 19). На протяжении последних двух третей XIX в. и в начале XX в. законодательство расширяло круг лиц, имеющих право вступать в мещанское сословие⁸. Был облегчен переход государственных крестьян в мещанское сословие (1849 г.), разрешено причисление крестившихся евреев в мещане (1842 г.), перечисление евреев в Сибири из государственных крестьян в мещане (1858 г.), вступали в мещанское сословие уволенные из цеха вольные матросы (1855 г.), осуждённые к ссылке в отдалённые губернии могли там записываться в мещане (1855 г.), лица бывшей польской шляхты, не доказавшие дворянства (1850 г.), дети личных дворян, не имевшие офицерских чинов и пользовавшиеся по закону правами потомственного почётного гражданства (1852 г.), купцы, не выкупившие купеческие свидетельства, по Положению 1861 г. все сельские обыватели получили право вступления в мещанское общество, уральские и среднеазиатские инородцы (1891 г.). В мещанское сословие могли вступать все лица, имевшие право или обязанность избрать род жизни: незаконнорождённые, подкидыши, непомнящие родства. А также уволенные из духовного звания лица, а также жители польских губерний, уволенные из войскового сословия, рождённые после 7 июня 1899 г. дети придворнослужителей, не имеющие прав высшего сословия и т.д.⁹ Таким образом, как замечал публицист Н.П.Дружинин в начале XX в., «мещанское население города представляет собой поразительное разнообразие», «смесь племён, наречий, состояний»¹⁰. Ротация между мещанством и крестьянством, мещанством и купечеством – также постоянно размывала состав сословия. Особенно после реформы 1861 г. В делопроизводстве мещанских управ, как столичных, так и провинциальных, сохранился значительный массив документов, связанных с переходом крестьян в мещанское сословие. В большинстве случаев при рассмотрении прошений от крестьян с просьбой причислиться в мещане, в приговорах мещанских собраний писалось: «на принятие в свою среду...мы со своей стороны согласны»¹¹. Запись и перечисление в сословие мещан контролировались Казённой палатой, а спорные вопросы решались губернатором или через Министерства финансов и внутренних дел¹². В городских думах

находились все сведения о перечисленных из разных обществ мещан¹³. Так в постановлениях симбирской думы за 1868 г. находим информацию об отказах на вступление в общество мещан из тюремных замков, об увольнении в связи с переходом в монашество, о переходе в крестьяне, о принятии из арестантских рот, о переходе в мещанские общества других городов и т.д.¹⁴ Казённая палата уведомляла мещанскую управу о причислении разных лиц¹⁵, к примеру: «Казённая палата уведомляет вас, что крестьянская девица Сызранского уезда Елшанской волости села Акуловки Афросинья Ананьева перечислена с начала 1875 г. в Симбирское мещанство»¹⁶. Среди таких документов существуют целые списки причисленных по исключению из военного ведомства кантонистов¹⁷.

Если мещанин желал перейти в другое состояние или переехать в другой город, он получал от общества увольнительный приговор. В таком приговоре указывалось: что перечисляющийся не имеет недоимок и частных долгов, не состоит под судом и следствием, что на перечисление несовершеннолетнего увольняющегося изъявили согласие его родители (или их нет в живых), что, если часть семейства увольняющегося осталась в обществе, то в ней не было малолетних детей или лиц, оставшихся без средств к существованию. Но лица, приписанные к мещанским обществам без их согласия, могли переходить в другие общества и сословия без увольнительных приговоров. Из мещанского общества также увольняли в случае присуждения к наказанию, сопряжённому с лишением всех прав состояния.

В законодательстве существовали две формы вступления в мещанское общество: приписка и причисление. Приписаны могли быть по указанию Казённой палаты питомцы Воспитательных домов, незаконнорождённые, иноверцы, принявшие христианскую веру, дети канцелярских служителей, отставные нижние воинские чины. Как правило, общества сопротивлялись (как всегда пассивно) подобным социальным персонажам. Так как финансовая благонадёжность их вызвала сомнения, а мещанское общество отвечало круговой порукой за исправный взнос податей, поэтому «неисправные плательщики» исключались из общества¹⁸. Кроме того, причисляемыми к обществу оказывались солдатские, матросские дети и военные кантонисты. Мещанские общества старались если не исключить таких приписанных однообщественников, то по крайней мере на первое время освободить от податей, чтобы дать возможность людям обустроиться на новом

месте и завести хозяйство¹⁹. Приписанные без согласия общества, эти категории не имели права голоса на общем собрании и права выбора на сословные должности. Только через пять лет они могли исходатайствовать согласие общества на причисление к оному²⁰.

Ещё одним условием вступления в мещанское общество города была «непринадлежность к вредным обществам и сектам»²¹. Поступить на службу мещанин также мог только с согласия общества, к которому был приписан. Общее собрание мещан города выдавало в этом случае увольнительные свидетельства. И только именной указ 5 октября 1906 г. отменил все ограничения в отношении государственной службы представителям российских сословий. Отныне мещане при поступлении на учёбу, работу в государственные учреждения не должны были предоставлять увольнительные свидетельства. И по этому же закону отменялась обязательная приписка мещан к определённом городу²².

По прошениям об увольнении из общества порой предстаёт картина семейных мещанских переездов, представляющих нам ещё одной гранью этого «фронтирного» во всех отношениях сословия: пересечение границ социальных, географических, ментальных, экономических акторами этого социума делает символ «мещанского мирка» наделённым такими свойствами мобильности, в результате которых «мирок» превращается в «мир», а населяющие его персонажи из обывателей превращаются в «пилигримов» модернизационных процессов. Мещане срывались с мест целыми семействами для «приискания себе нового места жительства»²³.

Мещанские общества принимали решения не только о том, чтобы изгнать из своей среды, но, как уже отмечалось, и отпустить однообщественников на учёбу или для устройства на такую работу, которая требовала исключения из мещанского сословия²⁴. Тоже самое требовалось увольнение для обучения²⁵. Мещанское общество не очень-то тепло относилось к подобным просьбам, создавая многочисленные препятствия. Это проистекало от нежелания потерять человека как единицу налогообложения, кандидата для рекрутства, от социальной зависти к тем семьям, которым экономический статус позволял давать детям образование. Иногда в подобные дела приходилось вмешиваться даже губернаторам²⁶. С другой стороны, в некоторых случаях мещане беспрепятственно увольняли для учёбы своих однообщественников²⁷.

Все решения мещанского общества о принятии или исключении из своей среды, поступали к податному старосте (Приложение № 20). Вновь причисленным в мещанство, к примеру из отпущенных на волю крестьян, как правило, предоставлялось на несколько лет освобождение от уплаты податей и от рекрутской повинности²⁸.

Между купечеством и мещанством, как уже было сказано выше, происходила постоянная ротация. В 1857 г. в самарское мещанство было причислено 28 человек из купцов, не объявивших капитал²⁹. С 1857 по 1897 г. в Саратове из купцов перечислились в мещане 4063 чел., а из мещан в купцы – 670 человек³⁰. Как уже отмечалось, причисление в мещанство осуществлялось взаимодействием трёх органов: Казённой палаты, мещанского старосты, городской управы³¹. Что касается причисления мещан в купеческое сословие, по мнению Л.Н.Галимовой, в данном вопросе роль мещанской общины была минимизирована. На основании решения Казённой палаты мещанский староста выписывал «Определение», заверенное его подписью о переходе мещан в купечество. Делалась отметка в так называемом «Алфавите причисленников» и ставилась в известность городская управа³². В мещанство причислялись бывшие дворовые люди князей, купчих, «прапорщиц», есаулов, прапорщиков и т.д., отпущенные на волю³³, а также исключённые из военного ведомства кантонисты и солдатские дочери³⁴. К этим категориям мещанские общества относились внимательно, учитывая их материальный статус, нравы и тексты поведения. Что касается горизонтальной мобильности, в мещанство причислялись мещане различных губерний империи. Как правило, они приезжали большими семействами³⁵.

Все прошения о принятии в мещанское общество города начинались словами: «Желаю причислиться с семейством моим в мещане»³⁶. Это была общая словесная формула для всех городов рассматриваемых губерний. Такую формулу прошения использовали бывшие дворовые люди³⁷, отпущенные нижние воинские чины³⁸ и другие категории. Данная фраза фиксирует как «последовательную темпоральную траекторию развития личности»³⁹, так и переживания индивида, связанные с конкретным моментом. Данная фраза означает точку перехода в иную социальную среду и знаменует собой финал определённого отрезка жизненного пути, связанного с накоплениями как материальных, так и духовных ценностей. В глаголе «желаю», таким образом, заключено как нормативное, так и рефлексивное содер-

жание. В данной точке бифуркации осуществляется личный выбор индивида между привычным и новым, между рутинной и движением, между стабильностью и рисками. Мещанин выбирает сословную стезю осознанно, как первичную, добавляя к ней впоследствии профессиональную, что закрепляется формулой «заявки» на участие в новой жизни в новом социуме: «Имею от роду 35 лет Желая причислиться с семейством моим женою Лукерью Евдокимовою и детьми моими сыновьями: Емельяном, Ефимом и матерью Федосьей Дмитриевой из крестьян села Вязовки в Самарское мещанское общество. В обеспечение на предмет исправного платежа при сём прилагаю 5 рублей серебром»⁴⁰. Аналогичное прошение о принятии в мещанское общество Самары но от мужчины другого возраста, более зрелого, заключает в себе несколько иной, не такой как в ситуации с 35-летним, эмоциональный фон. Бывший дворовый госпожи Суриной Василий Егоров Ильин пишет: «Желая причислиться в общество мещан г. Самары. Мне 50 лет»⁴¹. «Социализация и окультуривание не дают единообразных результатов» – пишет Л.П.Репина⁴². Интонационно по-другому звучит «желаю причислиться» от дворянина-одиндворца Подольской губернии Филимона Васильева Терлецкого, теряющего социальный статус в силу жизненных обстоятельств⁴³. Иногда прошения о причислении рисуют разные жизненные ситуации, в которые попадал человек. Жена унтер-офицера Тетюшина оказалась в 1868 г. с 16-летней дочерью без мужа, который уже два года находился «в неизвестной отлучке». В пожаре 1864 г. в Симбирске сгорели все их документы. Муж ранее принадлежал к симбирскому мещанскому обществу и теперь женщина просила к нему же причислить и свою законную дочь⁴⁴. Иногда в подобных документах отражена вся биография человека, к примеру, Ефим Михайлов родился в деревне Буинского уезда. Небольшого роста, с русыми волосами, серыми глазами и небольшим шрамом на лбу. Поступил в 17 лет учиться в удельное училище. «При способностях очень хороших», «прилежании ревностном», «поведении благонравном», получив «хорошо» по закону Божию, Священной истории, нравоучительным разговорам, арифметике, сложению и вычитанию на счётах, чистописанию, был удостоен «к выпуску из училища в домовое учительство». Женится на женщине, старше его на год. В браке родилось трое детей, два мальчика и девочка. Старший сын, в возрасте четырёх лет, умер. А семью приняли в своё общество симбирские мещане⁴⁵.

Случались и такие обстоятельства, когда в общество мещан города оказывались приписанными неизвестные люди. Собрание мещан города Самары в 1872 г. рассматривало дело об исключении из общества 43 душ, причисленных без его согласия⁴⁶. На самом деле вполне вероятно, что эти мещане были приписаны с согласия общества, но их место жительства было неизвестно, мещанские сборы они не платили, накопились недоимки, их нужно было разыскать, для чего было дано об их розыске объявление в «Самарских губернских ведомостях» (19 августа, № 66, суббота, 1872)⁴⁷.

Порой мещанское общество отказывалось принимать в свою среду таких людей, в чьей финансовой состоятельности сомневалось. В 1867 г. мещанское общество Симбирска отказало принять в свою среду на основании того, что не была вперёд уплачена годовая подать⁴⁸.

Тексты прошений показывают, что мещанство пополнялось многочисленными категориями бедняков, социально незащищённых людей, часто инвалидов, не имеющих родственных связей и корней, так как большую часть своей жизни они провели на службе в армии (Приложение № 21). «Покорнейше прошу Мещанскую управу, – писал отставной рядовой, – по причислению моему в Самару выслать мне свидетельство для получения из казны пособия в том что я не имею никаких родственников, которые могли бы давать мне пропитание а так же нигде по службе не состою...»⁴⁹. Другой отставной рядовой «Василий Макримов сын Макримова» писал в управу: «... причислен я...в число мещан г.Самары комиссией врачей...признан я к личному труду неспособным ремеслом я не занимаюсь и торговлею собственного дома не имею в услужении у частных лиц: сторожем в присутственных местах и при церквях не состою собственных средств к жизни по слабости своего здоровья и родственников которые взяли бы меня на своё иждивение не имею почему и нуждаюсь в содержании представляя при сём указе медицинское свидетельство...»⁵⁰. Таких записок поступало в Мещанскую управу города достаточное количество. В случае положительного решения, просителю назначалось пособие 3 руб. в месяц⁵¹. В данную категорию просителей попадали и так называемые солдатки⁵². Мещанское общество проводило своё собственное расследование, чтобы выяснить их действительное экономическое положение⁵³.

Пополнялось мещанство и за счёт иностранцев: «бывших австрийских и прусских дезертиров», «бывших французских подданных» и т.д.⁵⁴.

В начале XX в. в делопроизводстве мещанской управы Самары, касающемся причислении к обществу новых членов, появляются отдельные «Наряды о причислении женского пола», что латентно свидетельствует о растущей эмансипации женщин, вызванной в рамках сословного статуса, облегчением для них получения паспортов без разрешения мужей.

Таким образом, специфика мещанского сословия заключалась в том, что несмотря на его податный (до 1863 г.) характер, увеличение мещанства в пореформенный период происходило не столько в результате демографических процессов, «сколько за счёт пополнения этого сословия выходцами из других социальных групп и слоёв»⁵⁵, достаточно пёстрых и неоднородных с точки зрения экономического и культурного уровней. Мещанскому обществу трудно было зафиксировать свой состав, так как за счёт усилившейся в пореформенное время миграции, соединённой с характерной для Поволжья сезонной миграцией, он был очень подвижным. Кроме того, за счёт постоянного приписывания к сословию представителей различных групп населения со сложной судьбой, основную налоговую ношу несли так называемые «коренные мещане», так как существовала традиция раскладывать повинности неимущих на состоятельных членов общества.

По Положению от 28 июня 1838 г. мещане должны были платить подушную подать, подать на устройство водяных и сухопутных сообщений, земские повинности, которые определялись на каждое трёхлетие Высочайше утверждёнными губернскими сметами, общественные сборы (включающие в себя и рекрутские деньги) и чрезвычайные сборы⁵⁶. Данный порядок был уточнён в 1846 г. и Уставом о податях 1857 г. Именным указом от 1 января 1863 г. указанные налоги, а также подушная подать отменялись. Вместо них вводился налог с недвижимых имуществ, ставший общим для всех городских обывателей. Л.В.Кошман считает, что и после отмены подушной подати мещане остались податным сословием, так как «вместо подушной подати с каждой ревизской души...стали уплачивать в казну «окладные сборы» с каждого члена семейства»⁵⁷. По сути, действительно, в делопроизводстве управ Податные тетради заменились Окладными книгами, заполнявшимися, практически, идентично. Важный момент заключался в том, что мещанское общество несло ответственность за уплату своими членами налогов и выполнение различных повинностей.

До отмены подушной подати в 1863 г., мещане выполняли денежные и натуральные повинности. Под натуральными повинностями понималась в том числе и рекрутская повинность⁵⁸. Различные натуральные повинности нес только мужской пол⁵⁹. Денежные повинности делились на казённые и общественные. К казённым относилась подушная подать, сбор на составление запасного капитала для народного продовольствия, сбор на устройство присутственных мест, земская повинность. К общественным денежным повинностям относились сбор на общественные надобности и рекрутские складки⁶⁰. Постоянно существовала проблема неисправного отбывания мещанским обществом денежных повинностей и накопления недоимок. Причина данного явления была связана с составом мещанского общества, законодательно предусматривающим две формы причисления (приписка и причисление), а следовательно, состоящего из двух внутренних категорий мещан: «осёдлых» (или коренных) и «беспременно движущееся...неуловимое население...которое ускользает от непосредственного надзора своего сословного начальства»⁶¹. В Петербурге попробовали в 1853 г. увеличить число сборщиков податей до 13 человек⁶². И, как и в других губерниях империи, петербургская мещанская управа постановила «для принуждения мещан к явке в Управу и к уплате следующих с них податей...выдавать годовые билеты на жительство и паспорта только таким лицам, которые внесли сполна годовой оклад подати», а «на выдаваемых мещанам билетах на жительство отмечать сколько за ними числится податей в недоимке, чтобы Полиция могла понуждать»⁶³. С другой стороны, существовал определённый гуманизм в мещанском обществе по отношению к тем членам, которые в силу жизненных обстоятельств не могли выплачивать подати, «каждый из мещан, обедневший по каким-либо неблагоприятным обстоятельствам при производстве торговли, промысла или от тяжкой продолжительной болезни, а также пришедший в совершенную дряхлость...должен обратиться с просьбою об освобождении его от платежа податей...в присутствии мещанской управы»⁶⁴. Было предусмотрено также, что недовольные решением старост, могли обращаться с жалобами к Городскому голове.

Если в дореформенное время в Российской империи прямые налоги платили только крестьяне и мещане, то после 60-х гг. XIX в. к платежу прямых налогов правительство привлекло всё население. А в связи с тем, что подушный принцип был заменён на

подоходный, как считает Б.Н.Миронов, вся тяжесть налогового бремени переместилась с бедных на зажиточные слои населения, а в отношении косвенных налогов, с крестьянства – на зажиточные городские слои⁶⁵. Однако современник событий, публицист Н.П.Дружинин, считал, что именно мещане находились под «бременем налогов» и сами не знали, как у них получалось выживать в такой финансовой безнадёге⁶⁶. Автор представляет сословие «беднейшей частью населения страны», «беднейшей частью городского населения», которые «ложась спать, удивляются, как они прожили день», и при этом, государство умудряется обложить и их скромное хозяйство, вырывая, тем самым, «корку хлеба из рта голодного»⁶⁷. Налог с недвижимых имуществ идёт и с мещанских «жалких домишек»: «возьмёт с него казна, возьмёт с него и город, обложит его в свою пользу и мещанское общество»⁶⁸. По мнению Н.П.Дружинина, большинство составляют в городах мещане, не владеющие недвижимым имуществом, «мещанская беднота», которая «ютится в нанятых квартирах». «И вот, подчас с дешёвой занимаемой квартиры мещанин ставится в необходимость платить квартирный налог. Казна не щадит его»⁶⁹. Но ещё больше мещан, по мнению Дружинина, «с настоящей мещанской массы нельзя взять ничего ни путём налога с недвижимых имуществ, ни путём квартирного налога»⁷⁰. Такая категория мещан налоги платят косвенно: «на них набавляет из-за этих налогов домохозяин, квартиронаниматель». С основной массы мещан казна берёт налоги путём пошлин и косвенных налогов. Гербовый сбор и гербовую пошлину «обыватель должен платить особо при каждом своём обращении к власти», и «он должен платить также за каждое действие, которое совершит для него власть»⁷¹. Простое обращение к чиновнику требует гербовой марки: «обыватель платит даже тогда, когда чиновник выдаёт, по его требованию, расписку в том, что он получил от него какую-нибудь обращённую к нему бумагу»⁷². Дружинин совершенно верно подмечает такую черту мещанства как безропотность, в отношении косвенных налогов пишет, имея в виду мещан: «Казна заставляет бедняка платить косвенные налоги. И он платит их самым аккуратным образом»⁷³. Косвенными налогами, по мнению Дружинина, обложены керосин, спички, сахар, дрожжи, спирт. И вывод автора следующий: «мещанская беднота является аккуратной плательщицей налогов в пользу государственной казны»⁷⁴.

До отмены подушной подати, документом, фиксирующим налоговые обязательства мещан, были податные тетради мещанского общества, в которых указывался номер мещанского семейства по ревизской сказке, сколько и за что «по приговорам общества обязаны платить», число душ и сколько уже заплачено⁷⁵. В 1848 г. с мещанина Алексея Александрова недоимки податей составили 14 руб.28 коп., по земским сборам – 1руб.11коп., вспомогательного капитала – 00 руб.72 коп., на устройство помещений – 00 руб.54 коп., на писца и расходы – 00 руб. 18 коп., итого – 16 руб. 83 коп.. К 26 марта половину недоимок он заплатил⁷⁶. Приблизительно размер недоимок за этот год у других мещан колебался от 8 руб. до 13 руб.⁷⁷. По окладу на 1848 г. числилось в самарском мещанстве 3956 душ, с которых собрать следовало 11 356 руб. 69 коп., а собрали в уездное казначейство – 7369 руб.22 коп.⁷⁸. Самарскому мещанину, имеющему в своём семействе 4 ½ душ за 1858 г. нужно было заплатить 15 руб. 25 с половиной коп., из которых – 10 руб. 71 коп. – размер самой подати, 2 руб. 61 коп. – на государственную повинность, 2 руб. ¼ коп. – губернских, 22 ½ коп. – на народное продовольствие, 1руб. 68 коп. – общественных сборов⁷⁹. Имеющий в своём семействе 2 ½ души, должен был заплатить 8 руб. 4 ½ коп., имеющий 5 душ – 16 руб. 95 коп., (для сравнения в 1854 г. за 5 душ взяли 18 руб. 42 коп., но данное сравнение не совсем корректно, так как в эту сумму могли входить недоимки, но в целом, цифры практически не поменялись с 1854 года)⁸⁰ В Податной тетради мещанского общества указывались: номер семьи по ревизской сказке, сколько глава семьи обязан заплатить по приговору общества (государственных податей, недоимки, текущего платежа, на общую земскую повинность, земского капитала, на народное продовольствие, на постройку присутственных мест, тюрем, общественных сборов), число душ по окладу и сколько уже заплачено⁸¹. Обычно такой документ мещанского делопроизводства как Податная тетрадь не несёт каких-либо знаков авторской рефлексии составителя. Поэтому в этом отношении особенно выразительно смотрится запись – молитва, сделанная в начале «Книги податного старосты на 1854 год принимаемой им денежной суммы с мещан г. Самары следующей с них подати и повинности»: «Благословише венец лета, благости твояе Господи!»⁸². Так начинается церковное песнопение, посвящённое празднованию новолетия. Венец лета – это круг года. Церковь испрашивает благословение на продолжение

жизни, на совершение ещё одного годовичного круга, на повторение времён года. Такого же благословения испрашивает и податный староста в бесконечном круге годовых цифр, связанных со сословным налоговым бременем. Вообще, несмотря на то, что сознание горожанина во многом становится более рационалистичным, менее связанным с религиозной духовностью, особенно того горожанина, вся повседневность которого пронизана миром денег, многие постоянные словесные формулы, принятые в сословном делопроизводстве, подходят на строки молитв. Когда мещане пишут в бумагах «во власть» фразу «я и дети мои», это напоминает текст молитвы: «Боже, Тебе молюся, дай мне веселие и радость о моих детях и сподоби мне предстать с ними на Страшном суде Твоём, с непостыдным дерзновением сказать: «Вот я и дети, которых ты мне дал, Господи»⁸³.

После отмены податей мещанские общества должны были вести Окладные книги «за скрепою Думы», в которых обозначалось, по какому закону и в каком числе сбор определён и сколько по общей раскладке получается. Налоги собирались мещанскими старостами и wybranными мещанским обществом податными старостами или сборщиками⁸⁴. Податные старосты и их помощники избирались на три года. Никакой платы за выполнение данных обязанностей не предполагалось, но само общество по приговору могло отпускать от 20 до 50 руб. на каждую тысячу душ. Городская дума выдавала старосте окладной лист и податную тетрадь. Староста обязан был постоянно напоминать членам общества о необходимости уплаты податей. И если он замечал, что кто-то из однообщественников тратит деньги «на мотовство», должен был доносить в Думу⁸⁵. Податные старосты и их помощники за недоимки среди мещан подвергались «строгому неправоительственному взысканию» при Городской думе или ратуше и уже вместе с гласными думы отвечали перед правительством «своим имуществом» за недоимки⁸⁶. Поэтому они заботились не о равномерном распределении податей, а о «бездоимочном взносе их»⁸⁷.

Сроком взноса податей было установлено 1 марта. На сбор недоимок отводилось ещё два месяца. Если и через два месяца мещанин не находил денег для уплаты подати, к нему применялись следующие меры: 1. отдавали по разрешению Городской Думы под надзор или в опеку городовому старосте; 2. приостанавливали выдачу паспортом и видов на отлучку; 3. по приговору общества на покрытие недоимок обращали доход с недвижимых имуществ на покрытие недоимки; 4.

при недостатке суммы, получаемой с недвижимого имущества, продавать движимое имущество; 5. отправляли в работы; 6. продавали с публичного торга всё недвижимое имущество кроме жилых и хозяйственных строений; 7. если со всеми вышеперечисленными мерами к 1 октября недоимки всё – равно оказывались не погашенными, то недоимку раскладывали на всё мещанское общество; 8. если недоимка образовывалась из-за «дурного поведения, нерадения и лености или упорства», то мещанское общество приговаривало к наказанию вплоть до исключения из мещанского общества; 9. если на мещанском обществе недоимки накапливались в таком количестве, что уже не могли быть уплачены «без затруднений» по обыкновенной раскладке, то в счёт погашения шли доходы общества с принадлежащих обществу оброчных статей; 10. по чрезвычайным обстоятельствам рассрочка недоимок мещанского общества могла решаться министром финансов. Министр финансов мог давать рассрочку с мещан на сумму до 3000 руб. серебром на три года с процентами⁸⁸. Но мещанские недоимки всё – равно накапливались и даже передавались по наследству⁸⁹.

И.А.Ган в своём экономическом очерке замечал, что мещанин платит на 86 % меньше податей, чем государственный крестьянин и на 67 % больше, чем помещичий крестьянин⁹⁰. И из трёх категорий, самыми неспособными плательщиками оказываются именно мещане⁹¹. По 10-й ревизии 1857 г. в Саратовской губернии насчитывалось 45 679 мещан, на каждую душу падало податей и общественных сборов в размере 3 руб. 41 ½ коп.⁹² По подсчётам Гана, 53,1 % составляли из всех этих мещан «неспособные плательщики». Поэтому остаётся 21 469 душ, способных платить подати. На каждого такого работника падает податей и общественных сборов по 7 руб. 26 ¾ коп. Таким образом, «мещанин-работник обязан платить одних прямых налогов более семи рублей серебром»⁹³. И.А.Ганн приводит процентные отношения податных недоимок по отношению к годовому окладу, накопившихся на саратовском мещанстве к 1 января 1850 г. По г.Саратову получалось 53 %⁹⁴.

Периодически издавались манифесты о сложении податных недоимок. Так манифестами 1855 и 1856 гг. с помещичьих крестьян и мещан Саратовской губернии было сложено 176 735 руб. 74 ¼ коп., что составляло почти четверть годового оклада, платимого этими сословиями⁹⁵. По первому манифесту с мещан было сложено 1,3 %

годового оклада, по второму – 42.3 %, то есть всего – 43.6 %⁹⁶. Спустя 3 года податные недоимки с мещан снова возросли до 23.2 %. В 1896 г. по общественным сборам за мещанами Саратова числилось 12 857 руб. 60 коп. недоимок⁹⁷. В этот период уже не применялась круговая ответственность в мещанском обществе. Как писал в своих очерках санитарный врач Саратова И.Н.Матвеев, «применить такую на практике не представляется возможным потому что половинная часть общества состоит из лиц приписанных Казённою палатою без согласия мещанского общества из бывших крепостных людей, кантонистов и отставных нижних чинов, с личною каждого ответственностью в платеже повинностей. Эти лица в большинстве случаев проживают вне места своей приписки (т.е. вне Саратова) вследствие чего ни об имущественном их положении, ни о роде занятий...в мещанской управе точных сведений не имеется»⁹⁸. С 1891 по 1895 гг. в мещанское сословие Саратова вступило с согласия общества 707 человек, а без согласия – 1005 человек⁹⁹. А число членов мещанского общества Саратова, проживающих постоянно вне места своей приписки в 1895 г. составило 18200 чел. обоего пола¹⁰⁰. В целом же, мещан г.Саратова, включая мужчин, женщин и детей, в 1896 г. было 65000 человек. Из них «на окладе», с 18-летнего до 55-летнего возраста состояло 17 700 чел. На 1896 г. оклад равнялся 1 руб. 1 ¼ коп. на одного человека. Сумма оклада составлялась из сбора на канцелярию (22 ½ коп.), на больницу (33 ¾ коп.), на призрение больных (46 коп.)¹⁰¹.

За неуплату податей общество могло отправить в общественные работы. Но при этом внимательно рассматривались обстоятельства каждого отдельно взятого члена общества, не позволившие ему уплатить подати. Так в общественные работы был отправлен мещанин Фурсин, накопивший «по своему нерадению, лености и постоянному пьянству» недоимку в 146 руб. 53 коп. Так как он и после общественных работ «в жизни своей нисколько не исправился», «ведёт жизнь дурную и имеет знакомство своё с ворами и подозрительными людьми», то как «немогуший быть по исправному поведению терпимый в обществе», решено было отправить его «в распоряжение Правительства»¹⁰².

Величина оклада за каждый год колебалась в пределах 1 рубля. В эту сумму входили канцелярские суммы, больничные и на призрение бедных¹⁰³. Следует заметить, что в начале 1880-х гг. в городах Московской губернии окладной сбор составлял 2 руб. 50 коп. с каждого члена семейства. В эту сумму входили государственные подати (1 руб.

16 коп.), общественные сборы (1 руб. 34 коп.), взимающиеся по приговорам мещанского общества¹⁰⁴.

Л.В.Кошман также обращает внимание, анализируя мещанство во всероссийском масштабе, на недоимки, как показатель бедности сословия¹⁰⁵. В чрезвычайных ситуациях с мещан могли сложить недоимки. Так, в связи со страшным пожаром в Симбирске 1864 г., решением думы с мещан были сложены недоимки¹⁰⁶. С другой стороны, рассматривая каждый конкретный случай внимательно, дума иногда шла на «сложение недоимок»: в 1873 г. саратовская дума решила сложить недоимку в размере 3450 руб. 85 коп. с мещанина Леонтия Столярова «по безнадёжности ея»¹⁰⁷. В 1872 г. податным старостой г.Симбирска Сучковым было внесено 5097 руб. 28 $\frac{3}{4}$ коп. в общественные сборы¹⁰⁸. В 1881 г. недоимки мещан по Самарской губернии составили 141 % годового оклада¹⁰⁹. И.А.Ган предлагал систему мер для исправной уплаты мещанами податей¹¹⁰. Но никто не прислушивался ни к этому публицисту и общественному деятелю, ни к тем немногим, которые поднимали свой голос в защиту мещанства. Не случайно за мещанами закрепилось определение «забытое сословие».

При взносе денег плательщики должны были под своим именем подписать в окладные книги сколько ими уплачено. Собранные деньги вносились старостами в думы, которые выдавали квитанции в получении, и сдавали все эти суммы в Казначейство.

По Приложению к Трудам высочайше утверждённой Комиссии для пересмотра системы податей и сборов, опубликованному в 1866 г., видно, что в Саратовской губернии 45 627 душ мещан платило налог 108 543 руб. 47 коп., в Самарской губернии 16 484 – 39 227 руб. 16 коп., в Симбирской губернии 17 223 душ – 40 927 руб. 67 коп.¹¹¹ За симбирским мещанством в 1876 г. по окладному сбору числилось 13 152 руб. 60 коп. недоимок¹¹². За 1878 г. – 11 585 руб.¹¹³ В 1879 г. недоимки с мещан по окладным сборам в Симбирской губернии составили 9 458 руб. 22 коп.¹¹⁴

Б.Н.Миронов возражает против того, что частью исследователей «наличие недоимок рассматривается ... в качестве аргумента тяжёлого положения податного населения»¹¹⁵. С его точки зрения недоимки выступают ненадёжным критерием, так как «являлись обязательным спутником крестьянской и мещанской жизни», «крестьяне и мещане не торопились платить подати даже тогда, когда они располагали средствами для этого», ожидая, что недоимки будут прощены властью

и, кроме того, «наличие недоимок препятствовало повышению налогов и повинностей, так как всегда выдвигалось налогоплательщиками как доказательство напряжённости их средств и, самое важное, принималось властями во внимание»¹¹⁶. И всё же для мещан недоимки являлись показателем постоянной финансовой напряжённости бюджетов семей.

Обязанность участвовать в содержании почтового тракта контролировалась Городским головой, который в 1855 г. писал мещанскому старосте: «Я предписываю Вам распорядиться нарядить из недоимных мещан в самарскую почтовую контору потребное число проводников с верховыми лошадьми для препровождения из г. Самары отправляемых почт до первой станции в продолжении весны каждый раз по требованию. Если почта не будет отправлена – на вашей старостиной ответственности»¹¹⁷. Кроме того, ввиду половодья, городской голова потребовал учредить при Думе сборный пункт проводников, состоящий из 10 человек с лошадьми¹¹⁸. Эти люди должны были постоянно поочерёдно находиться на берегу Волги и наблюдать вместе с отряженными для этих же целей верховыми казаками за благополучной переправой через Волгу проезжающих, «содействуя в случае опасности от разрушения льда»¹¹⁹. Постепенно некоторые натуральные повинности мещан, которые были весьма обременительны для их повседневного быта менялись на денежные. Пример такому событию в жизни мещанского общества Самары произошёл на собрании мещан Самары в 1857 г. Мещанам было озвучено предложение Самарского губернского правления «о том не пожелают ли домовладельцы г. Самары заменить натуральную квартирную повинность денежной»¹²⁰. Под квартирной повинностью понималась «обязанность принимать в доме на постой солдат и офицеров расквартированного в городе гарнизона. Казарм в подавляющем большинстве городов ещё не было. Строительство их только начиналось во многом по инициативе императора Николая I»¹²¹. Квартирная повинность была для мещанства ещё и вдвойне обременительна из-за злоупотреблений местного воинского начальства¹²². Поэтому когда мещанам предложили «положить по 1 % с оценочного рубля» и прибавить к этому «примерное исчисление суммы на постройку казарм»¹²³, они приняли решение, что их, действительно, гораздо более устраивает «вместо квартирной повинности по размещению нижних воинских чинов сдать деньги на строительство казарм»¹²⁴.

В 1855 г. для сбора рекрутской суммы по 12-му частному и общему наборам с души, состоящей в окладе, собирали в Самаре по 20 коп. серебром¹²⁵, о чём был извещён рекрутский староста¹²⁶.

Учёт мещанских семейств, связанный с налоговыми сборами, показывал постоянную текучесть и изменение их состава¹²⁷. Кто-то покидал семейства, отправляясь учиться к лекарям, кто-то устраивался на работу в московское пожарное депо, кто-то переходил в купечество, кто-то находился в безвестной отлучке, кто-то оказывался блаженным («убогим»)¹²⁸. Чаще всего встречались записи в окладном реестре: «помер», «в рекруты», «в Сибирь», «стар», «в купцы»¹²⁹. Подобное изменение статуса вело за собой изменение суммы податей. По данным на 29 декабря 1857 г. со всего самарского мещанского общества было внесено в самарское уездное казначейство разных податей, повинностей и недоимок на сумму 4380 руб. 91 коп.¹³⁰. Более подробно количество податей и повинностей с мещан было описано в учётной тетради за 1857 год. Каждая душа должна была сдать за 1857 год: 2 руб. 38 коп. податей, 60 коп. государственной земской повинности, 5 коп. хлебного капитала на продовольствие, ½ коп. губернской повинности, 3 руб. 41 коп. общественного сбора¹³¹. Общественный сбор слагался из «следующих надобностей»: на квартиру первого приходского училища, на содержание второго приходского училища, на выезд в уезд депутатов для следствия, на жалование общественному писарю, на издержки, «потребные для исправления порочных», на наём лошадей для отправления подводной повинности, на содержание мальчиков, обучающихся в московском пожарном депо и в Самаре на оспопрививателей и на непредвиденные общественные надобности. В данном документе указаны были более подробные данные о мещанстве Самары: с 7402 душ собрано в 1857 году 28995 руб. 42 ½ коп.¹³².

По указам из думы податному старосте за 1857 г. можно выявить круг мещанских расходов: «для постройки цейхауса, на квартиру первого приходского училища по 3 коп. с души, на содержание второго приходского училища по 5 коп. с души, на содержание депутатов при производстве следствия, в которых причастны мещане по 1 коп., на жалование общественного писаря по 4 с половиной коп., на издержки, потребные для исправления порочных мещан по 2 коп., на наём лошадей для отправления подводной повинности по 12 коп., на содержание мальчиков, обучающихся в пожарном депо и оспоприви-

вателей по 6 коп., на непредвиденные по общественной надобности расходы по 4 коп. с души»¹³³.

Цифры, касающиеся мещанской повседневности, отображены и в тетрадах Приговоров мещанских обществ. Из них становится известно, что приговором общества мещан города за 1855 год было решено, что с каждой души нужно будет собрать за год 2 руб. 38 коп. государственных податей, 60 коп. государственных повинностей, ½ коп. губернских повинностей, 5 коп. на народное продовольствие, 10 коп. на содержание семейств бессрочно отпусковых, вызванных на государственную службу, 3 коп. на содержание первого приходского училища, 5 коп. на содержание второго приходского училища, 8 коп. на содержание мальчиков, обучающихся в московском пожарном депо и мальчиков, обучающихся в самарском оспопрививании, 1 коп. на выезды в уезды депутатов на следствие, 2 коп. на мещан порочных, отправляемых для исправления поведения, 8 коп. на воспомоществование семействам, отданных в рекруты по жеребьёвке, 4 коп. общественному писарю, 10 коп. на государственное ополчение, 3 коп. на обгородку кладбища на новом месте¹³⁴. У саратовского мещанина Калистрата Никифорова Репина в рекруты забрали обоих сыновей. Он обратился в общество с просьбой «следующие с детей его Государственные земские повинности и общественные сборы снести в раскладку на общество». Аргументировал он тем, что «находится в преклонных летах и средств к уплате государственных и земских повинностей ... не имеет». Общество провело расследование и постановило: так как Репин имеет у себя в городе Саратове двухэтажный каменный дом и ещё две пристани, то «не составит для него особой тягости платить повинности за своих сыновей находящихся в воинской службе»¹³⁵.

Все городские общественные учреждения, как дума, так и Мещанская Управа, были озадачены тем, как собрать с мещан недоимки. Городская дума «делопроизводственно размышляла»: «Из Городской Думы постоянно производятся выдача мещанам разных документов: письменных видов на отлучку из города и промысловых билетов, свидетельств на мелочный торг, разрешений и удостоверений по открытию питейных заведений, постоянных дворов, свидетельств на трактирные заведения и других необходимых для мещанского класса удостоверений, а в особенности с наступлением ноября получение торговых на 1864 г. документов, для торгующих делается обязатель-

ным. Между тем, усматривая из отчётов Податного старосты, что по податям и повинностям на мещанах оказывается недобор в значительном количестве...не выдавать мещанам...до уплаты податей...никаких документов»¹³⁶.

Общественные сборы на удовлетворение частных нужд мещанского общества могли быть введены лишь на основании общественных приговоров. В вынесении приговоров принимали участие все наличные мещане-хозяева, имеющие свои дома, лавки и вообще недвижимую собственность. Приговоры утверждались губернатором в тех местах, где не было введено Городовое положение 1870 г.. Мещанские управы вели Журналы о приходе и расходе сумм мещанского общества¹³⁷. В 1874 г. мещане Самары просили Государственный банк выдать им сумму в 6010 руб. 72 коп. от положенного в банк продовольственного капитала на сумму 4998 руб. 92 коп. под проценты¹³⁸. В 1890 г. мещанских продовольственных капиталов по Самарской губернии было собрано на сумму 21297 руб.84 ½ коп.¹³⁹. В 1895 г. – 22024 руб.35 ½ коп.¹⁴⁰. А в 1896 г. – 22232 руб. 29 ½ коп.¹⁴¹.

Из Книги по описи Самарской мещанской управы на записку расхода сумм на общественные потребности и лечение беднейших общественников в 1899 г. видны статьи расходов¹⁴².

Цифры мещанской повседневности фиксировались и в Памятных книгах для приёма и записки податной суммы, в Памятных тетрадах мещанского общества, в Учётных тетрадах по сбору податей и повинностей с мещан города¹⁴³.

В 1911 г. общественные повинности мещанская управа Самары собрала с 19250 душ¹⁴⁴. Жалование председателю мещанской управы Самары в 1911 г. общество выплачивало 760 руб., членам управы – по 550 руб., письмоводителю – 700 руб., писцам – 1008 руб., сторожу – 241 руб.¹⁴⁵.

Через сызранскую полицию был найден самарский мещанин Иван Иванов Спорышков, с которого самарская городская дума требовала заплатить числящуюся за ним недоимку в размере 5 руб. 42 коп.. Это оказался мальчик. От его имени кто-то неизвестный писал в думу: «... имею честь объяснить что я недоимку эту по малолетству и бедному состоянию своему заплатить не могу впредь до совершеннолетия своего подати уплачивать никак не в силах тем более что я при себе ближних родственников не имею для пособия мне в платеже оной недоимки кроме престарелой матери моей самарской мещанки На-

тали Александровны Сорышковой, а когда достигну возраста дозволяющего приобретать собственными трудами, тогда от платежа податей не откажусь а дотого времени прошу покорнейше самарскую градскую думу взыскиваемую с меня недоимку и текущий платёж подати сложить по той причине что я ещё и пропитываюсь ныне чужим пособием Руку приложил...»¹⁴⁶.

Бедность – оборотная сторона мира денег. Бедность многих мещан толкала их на всевозможные хитрости, позволявшие уменьшить число податей и повинностей, выпадающих на семью. Так мещанка Федора Крупнова просила исключить её мужа Потапа из числа работников по сумасшествию. Но контора Самарской больницы сумасшедшим его не признала, утверждая, что он правильно отвечает на все вопросы и во время своего пребывания в больнице «вёл себя как человек в здравом уме». Отсутствие правильной речи врачи объяснили болезнью языка. И сделали вывод, что он вполне здоров для того, чтобы числиться работником¹⁴⁷.

Чтобы уж не исчезли не заплатив те, кто находился в доступности властных структур, применяли порой такие меры, после которых мещане жаловались в суд, требуя судебных разбирательств. Так мещанин Пётр Матвеев Матицын написал Прошение уездному стряпчему начать дело о преследовании всех тех, кто поступил с ним оскорбительно. 5 декабря по распоряжению Самарской городской думы полицмейстер г.Самары выслал за Матициным полицейских с тем, чтобы они доставили его силой в городское полицейское управление. Пётр Матицын проживал в собственном саду в семи верстах от Самары. С его слов, прибывшие полицейские «взяли меня как учинившего какое-либо преступление, представили в городское полицейское управление, откуда меня отослали ...(под присмотром всё тех же полицейских – прим.авт.)...в Самарскую Градскую Думу...где податный староста потребовал с меня подушной подати, как за себя, так и за сына, живущего от меня (отдельно)...а когда я отказался в платеже (сославшись на преклонность) своих лет, которых в настоящее время я имею более 60 лет, а сын мой кроме себя работников ещё имеет двух, то староста стал стращать меня посадить в тёмную холодную комнату...требовали с меня за сад недоимку будто бы в 200 руб. серебром, а когда я стал убеждать, что 1) за мной не то количество...денег 2) просил сделать рассрочку, то никакого снисхождения мне не сделали что я считаю себе за величайшее стеснение а со стороны непра-

вильности...за сына я не обязан платить а он обязан по самую смерть содержать меня... Ни полицейское управление, ни Городская Дума не должны делать притязания и задерживать под присмотром как какого-либо преступника, что противу не только Закону, но и здравому рассудку»¹⁴⁸. В данном отрывке мещанского текста мы обнаруживаем не только методику власти по добыванию недоимок, но и уже совершенно рациональную форму поведения горожанина. Причём в этой ситуации горожанин не уповаet на своё мещанское общество для защиты своих интересов, а отправляется напрямик к стряпчему, чтобы юридическим путём наказать тех, кто оскорбил его как личность, как гражданина, обладающего презумпцией невиновности, и как человека, у которого пострадало чувство собственного достоинства.

Таким образом, на протяжении рассматриваемого периода мещанство пережило переход из «податного» состояния в «неподатное». Подати с ревизской души были заменены окладными сборами с каждого члена семейства. Многие натуральные повинности мещан, как податного сословия, постепенно заменялись денежными сборами, а потом вообще отменялись. В решении об общественных сборах принимало участие всё мещанское общество. И общество несло ответственность перед государством за сбор налогов. Поэтому для мещанских обществ было чрезвычайно важно фиксировать свой состав и знать реальный экономический статус каждой семьи, входящей в общество. Но через операцию «приписки» государство создало в составе мещанских обществ городов такой контингент, который не мог заплатить налоги, освобождался от них, получал пособие по бедности, а общество должно было на себя взваливать не только их налоговые проблемы, но и вообще заботу о таких категориях, как кантонисты, освобождённые от службы нижние воинские чины, солдатские жёны, подкидыши, незаконнорождённые, не помнящие родства, вернувшиеся с отбывания наказаний и т.д. Кроме того, мещанство было чрезвычайно подвижным сословием, несмотря на приписку к городу. В пореформенные период его активно пополняли крестьяне. Существовала постоянная ротация с купечеством. Для губерний Среднего Поволжья актуальной была и горизонтальная мобильность мещанских семейств. Саратовская, Самарская и Симбирская губернии представляли собой фронтирную зону, через которую устремлялись миграционные потоки из центра на окраины. Поэтому, влекомые переездами, мещане на какое-то время оседали в волжских городах.

Кроме того, ритмы навигации, сезонные волжские рынки, узлы железных дорог – способствовали тому, что мещанские общества рассматриваемых городов находились в постоянном напряжении, связанным с необходимостью зафиксировать прибывших и убывших. В пореформенный период всё ярче проявляется тенденция, связанная со стремлением мещан дать своим детям образование, для чего требовались увольнительные приговоры от общества. И, наконец, эпоха военных конфликтов и революционного брожения размывала состав сословия за счёт категорий ссыльных и так называемых «дезертиров», приписанных в мещанские общества губерний «внутренней окраины» страны. В повседневной жизни мещан, связанной с налогами, проявили себя две тенденции. Первая была связана с мещанскими обществами как организациями. Обществу необходимо было вникнуть в повседневную жизнь каждой отдельно взятой семьи, чтобы решить вопрос о её финансовой «благонадёжности», чтобы разоблачить уловки, хитрости и расчёт. Но здесь также встречались злоупотребления. Ни одного факта дачи взяток служащим управ не было обнаружено, но субъективность в оценке жизненных ситуаций постоянно присутствовала. Если мещане были безропотны в отношении своего общегосударственного статуса, то применительно к спорным вопросам, возникающим на местном уровне взаимоотношений с властью, мещане были достаточно активны: жаловались в вышестоящие инстанции, судились, используя для этих целей профессиональных юристов. Податные тетради и Окладные книги мещан трёх рассматриваемых губерний иллюстрируют вторую тенденцию, которая связана с тем, что проблема недоимок была будничной и решаемой. В большинстве мещанских семейств постоянно присутствовали недоимки, но они, как правило, всё – равно уплачивались. Государство периодически прощало накопившиеся на мещанстве недоимки. Форс-мажорными обстоятельствами в мещанской повседневности оказывались в большей степени больничные недоимки, которые относятся не к запланированным, а к чрезвычайным тратам. Мещанские общества, с одной стороны, бились с городскими властями за сложение этих недоимок, с другой стороны, выбивали плату за лечение с мещан-должников или раскладывали их по однообщественникам. В целом, следует отметить, что у мещанских обществ, ценой постоянного напряжения сил, получалось выполнять функцию, возложенную на них государством: фиксировать свой состав и выполнять налоговые обязательства.

ПАСПОРТНЫЙ КОНТРОЛЬ

Огромные территории Российской империи предполагали такую форму дисциплинарного контроля над населением как «распределение индивидов в пространстве»¹⁴⁹. Социальное пространство, выделенное для каждого сословия, представляло собой в определённой степени «отгороженное место дисциплинарной монотонности»¹⁵⁰. Каждому индивиду в этом пространстве отводилось своё место. В.Г. Чернуха в своих исследованиях о паспорте в дореволюционной России также отмечает, что «паспорт был введён в первую очередь для решения полицейских и налоговых задач»¹⁵¹, а также обращает внимание на то, что, в принципе, «как документ легитимационный, т.е. удостоверяющий личность его предъявителя, и одновременно разрешительный, подтверждающий право владельца на передвижение по стране...известен всему цивилизованному миру»¹⁵². Но в Западной Европе «с развитием в новое время торгово-экономических связей, предпринимательства, требовавшего мобильности населения...начинают отказываться от ограничений прав граждан и обязательности внутреннего паспорта»¹⁵³. В России же, «письменные документы, такие, как выписки из метрических книг (церковно-приходских книг, в которые заносились данные о рождениях, свадьбах и смертях) и внутренние паспорта, которые регулировали проживание и перемещение в пределах империи, служили связующими нитями между отдельными подданными и правящим режимом»¹⁵⁴. Большинство исследователей социальной истории мещанства отмечают стеснённость данной социальной страты «мелочной бюрократической опекой»¹⁵⁵. В энциклопедическом словаре Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона в статье о паспорте также акцентируется полицейская функция данного документа¹⁵⁶. (Структура мещанского паспортного режима вынесена в Приложение № 22)

Можно подойти к проблеме дискурсивной природы мещанского паспорта через теорию социального действия, в частности, символический интеракционизм. Необходимость получения паспорта мещанами будет рассмотрена с точки зрения поведения акторов по отношению к власти, документу и друг другу, всё вместе это будет условно называться «бумажная повседневность» как часть более общей проблемы повседневного существования индивидов в границах дисциплинарного пространства империи.

Несмотря на то, что обязанность платить подати была укоренена в сознании мещан, тем не менее, экономическое положение большинства представителей данного сословия вызывало затруднения в своевременной уплате денежной повинности. Образовывался своего рода «порочный круг»: без уплаты податей – не выдавался паспорт, а без паспорта – невозможно было найти работу. Выдачей паспортов занимался мещанский староста, к нему обращались мещане с просьбой войти в их положение и помочь с паспортом. «Общение лицом к лицу является главной составляющей всех форм социального взаимодействия вне зависимости от масштабности контекста»¹⁵⁷, при таком взаимодействии на микроуровне, особое значение приобретает язык письменных обращений «во власть» как средство передачи смыслов, который индивид берёт из своей повседневной рутины. При всей важности подобного источника, его достаточно трудно интерпретировать, так как «любой пустячный разговор ... труден для понимания»¹⁵⁸.

В дореволюционном провинциальном городе мещанский староста был связан с мещанами города многочисленными нитями, которые официально не были отражены в законодательном плане. В пространстве империи мещанский староста – маленькая бюрократическая фигура, в пространстве личных и общественных связей провинциального города – это большой человек, от которого зависит судьба мещанской семьи: паспорт, подати, рекрутство. Это доказывает стиль писем мещан к мещанскому старосте, носящих в середине и практически до конца XIX в. во многом личный характер. Так, например, самарский мещанин Соловьёв писал старосте в 1856 г. (сохранена орфография источника¹⁵⁹): «Милостивый Государь!/Никанор Семёнович/ Пришла пора немедлинности на пересылку государственных податей, да и правда ныне так долго промедлил, в прочем была тому причина у нас по дому в семействе неблагополучно к большому прискорбию/ Почтенная наша маминька покинула нас и оставила навечно, отойдя в Будущий мир 25 декабря Но сколько ни грусти невозвратим этот путь для каждого/ итак Милостивый Государь Никанор Семёнович всепокорнейшею просьбою обращаюсь к вам на взнос податей при сём посылаю денег с серноводским полицейским солдатом петром Емельяновым 10 руб. серебром За сей текущий год, а недоимка 7 руб....А теперь потрудитесь выправить два паспорта мне и сыну Сашеньке Зделайте милость ради Бога...»¹⁶⁰. Мещанские обращения «во власть», как мы видим из вышеприведённого

источника, отличает достаточно сильный эмоциональный фон, в котором преобладают эмоции страха, граничащего с отчаянием, и своего рода «крик» о помощи. В наступающий век индивидуализма, когда в городском пространстве уже пошатнулись традиционные основы общества – религия и микросообщество (семья, община)¹⁶¹ – мещанское письмо отражает нарастающую тревожность и упование на традицию, выраженную как в патриархальном доверии к общинным лидерам, так и в религиозном сознании, имплицитно присутствующем в тексте письма. Аналогичные письма приходили на имя старосты и от других самарских мещан. Так, например, Александр Соколов в 1853 г. писал Никанору Семёновичу, что годовой паспорт он благополучно получил, «о чём и имею честь уведомить», а оставшиеся от уплаты за паспорт деньги Соколов просит мещанского старосту «употребить на рекрутскую квитанцию», далее следует подпись: «С чувством моего к Вам почтения и непреложною преданностью имею честь быть ваш покорнейший слуга Александр Соколов Самарский мещанин»¹⁶². С одной стороны, в данном отрывке мы, безусловно, сталкиваемся в первую очередь с общеупотребимой формулой вежливости. Другая проблема, которая вытекает из анализа мещанского эпистолярного наследия, связанного с необходимостью получения паспорта, связана с восприятием образа чиновника в мещанской среде. Что касается российского образованного общества, в частности, дворянства, Ю.М.Лотман в своих исследованиях отмечал «низкий общественный престиж» чиновника, который в общественном сознании «ассоциировался с крючкотвором и взяточником»¹⁶³. В России на протяжении всей её истории, «внизу» сформировалась своя «защитная» от давления власти среда, которую выполняли «доступные» и «понятные» для большинства населения «свои» чиновники. «Взятка» в такой среде не несла однозначно негативных коннотаций, обладая значением подарка. «Связи» играли роль родственных связей того локуса, в котором обитал определённый чиновник. Анализ взаимодействия мещан со своими сословными чиновниками заставляет предположить, что в их взаимоотношениях присутствовала некая патриархальность, выражающаяся в интонациях искренней просьбы о помощи, содействии, вера в порядок в границах своего социального пространства, носителем которого (порядка) являлся мещанский староста или городской голова. В определённой степени тому подтверждением служит обращение самарской мещанки Феодосии Жароковой к городскому

голове Василию Ефимовичу Бурееву: «Ваше степенство милостивые государи Василий Ефимович и всех властей вообще Богом премудростию определённых над нами подчинёнными прошу я все покорнейше всегдашняя ваша слуга...»¹⁶⁴. Мещанский староста и сам писал письма мещанам, что подтверждает уже ответное письмо к нему от неизвестного мещанина (подпись в письме очень неразборчива): «Милостивый государь Никанор Семёнович/ Прочитав Ваше письмо от 12 сентября переданное мне от Анисия Ивановича, мне очень приятно было читать оное, из коего вижу, что (Вы)...приняли со своей стороны участие в моём положении»¹⁶⁵.

Переписка провинциального мещанства с властью позволяет по-новому взглянуть на культуру взаимоотношений внутри сословия, отличавшуюся своим собственным достоинством, духовностью и миропониманием. В этом отношении заслуживает внимания письмо мещанскому старосте от мещанина Ивана Разумова: «Милостивый Государь Никанор Семёнович(Минаев) / Первым долгом поздравляю Вас с торжественным праздником – рождеством христовым- желаю в оный насладиться всех благ. А потом надеясь на ваше ко мне дружеское расположение, которое вы всегда оказывали...и я в настоящее время решился прибегнуть к вам с моей покорнейшей просьбою – просьба моя состоит в трёх предметах: 1-е посылаю свой просроченный паспорт и денег 5 руб. серебром да в обеспечение 2 руб.21 коп. сереб. положены в таблицы 1855 г. на 1856 год № таб.654 и того составит 7 р.21 коп. которые зачтите в подати за перв. пол. года а за последние вышлите мне паспорт 6-месячный... за сим надеюсь милостивый государь что вы примите мою покорнейшую просьбу ободряемый этою надеждою честь имею свидетельствовать вам глубочайшее почтение и ожидая благоприятного ответа честь имею пребыть Милостивый государь вашим покорнейшим слугою Иван Разумов 21 декабря 1856 г.»¹⁶⁶. Аналогичное письмо было отправлено главе самарской Думы Льву Алексеичу Умнову: «Милостивый государь Лев Алексеич! Решился особу Вашу беспокоить, потому что не имея в Самаре родственников и знакомых сделайте милость не оставить меня своим покровительством, примите на себя труд приказать мне написать и выслать паспорт, на который и на подати...прилагаю серебром 14 рублей...Павел Яковлев Чаплыгин 1857 г. г.Сенгилей служащий в питейной конторе»¹⁶⁷. Письма приходили городскому голове и от незнакомых ему лично мещан, но и эти письма

носят весьма личностный характер: «от Платона Яковлева Пермякова / Милостивый Государь / Господин Градской Голова / По имени вас Милостивый Государь и отечеству не знаю/ осмеливаюсь Ваше Степенство беспокоить и просить, т.к. я, самарский мещанин ...»¹⁶⁸. Как видно из следующего письма, городской голова участвовал в судьбах сообщественников не только как чиновник, отвечающий за паспорта, но и как христианин, заботящийся о своих ближних. Мещанин Фёдор Сухов писал Льву Алексеевичу: «Так как я зная ваше доброе сердце и Душу то осмелился прибегнуть к стопам Вашим с своей нижайшей просьбой и утруждать вас моим искренним прошением как я известный вам по обществу вашему мещанин Фёдор Сухов бывши отправлен вами по болезни в больницу но как я ни мог хорошенько поправить своё здоровье больше и по выписке вздумал обратиться на родину свою к родным для поправки как себя и своего здоровья, но теперь благодаря бога я немного поправился: живу у своего отца своим семейством. То, осмеливаюсь вас просить о высылке мне годового паспорта ежели можно. А нет – то билет на 3 месяца...»¹⁶⁹. В письмах мещане называют городского голову «отцом», «благодетелем»¹⁷⁰, потому что паспорт являлся для большинства гарантом легитимного существования и основным условием предпринимательской активности, дающей возможность не просто безбедно существовать, а просто существовать. Застигнутые болезнями, мещане писали чиновнику: «Лев Алексеевич как вам уже известно что был отчаянно болен но теперь хоша и поправился но ещё не попрежнему то как вам известно что за мною остался неуплаченным: подушные весенние то я поправлюсь могу сколько следует будет уплатить позаработать будете высылать паспорт мне ...»¹⁷¹ (Приложение № 23).

Титул «Ваше степенство» получал в мещанских письмах и такой персонаж «паспортной повседневности» как податный староста, фигура так же весьма значительная в мещанской жизни, в том числе связанной с паспортом, который выдавался при условии отсутствия недоимок. Самарский мещанин Николай Любимов, посылая за себя подати за 1860 г. писал: «Вашему степенству Старосте податей....пришлите мне полугодичный паспорт ...прошу вас покорнейше не задержите высылкою...»¹⁷².

Мещане были разбросаны промыслами, нуждой, обстоятельствами по разным городам империи. Связующие нити писем с просьбой о высылке паспорта демонстрируют поле интракций, создающее

смысл города как дома. «Ваше степенство, – пишет неизвестный мещанин – Милостивый Государь / Обнадёживаясь на ваше человеколюбие и добродушие к увечным людям простите чистосердечно ... прибегнуть к вам милостивый государь с усерднейшею моею просьбою не оставит исходатайствовать прислать мне на годное здесь в г.Казани проживание годовой паспорт...»¹⁷³. «Новокрещённый богомолец из татар» Иван Гаврилов в 1861 г. писал из Нижнего Новгорода в Самару: «Милостивый государь / Степан Григорьевич! Во первых позвольте Вас поздравить с Новым годом и пожелать вам доброго здоровья всякого благополучия...в делах ваших служебных, будучи всегда уверен на доброту души вашей и расположение...не лишите меня радушным расположением и не оставити моей просьбы Продолжая путь свой...бывши у Соловецких чудотворцев и за молитвами вашими возвратился до Нижнего Новгорода, где чувствую себя обязанным править новый вид...выправить паспорт...»¹⁷⁴. Интересно, что значительное количество писем содержит поздравления должностных лиц с Новым годом: «Милостивый государь Василий Ефимович! Имею честь поздравить Вас с новым годом и новым счастьем Желая Вам ровно начальству Вашему от бога доброго здравия в делах ваших счастливого успеха»¹⁷⁵.

Люди мещанского сословия очень чётко осознавали водораздел между легитимным существованием по паспорту и миром «безписьменных» бродяг. Стоило оказаться где-нибудь вне места приписки с просроченным паспортом, как мещанин сразу попадал в категорию «праздношатающегося» и мог быть арестован полицейскими служащими, как это произошло с симбирскими мещанами П.Струкиным и И.Сыровым¹⁷⁶. А симбирская мещанская девица А.Ф.Чурбанова писала в думу возмущённое послание: «Прошлого 1873 г. через нижегородскую губернскую почтовую контору мною были посланы деньги 2 руб. серебром в Симбирскую городскую думу на высылку мне на проживание в Нижнем Новгороде письменного вида». Так как Чурбанова не получила ни вида, ни денег, она фактически угрожает: «... как известно Городской Думе, что проживать в чужих губерниях без паспортов очень опасно...в противном случае я вынуждена найдусь утруждать Начальника Симбирской губернии»¹⁷⁷.

Следует заметить, что симбирские мещане, в отличие от самарских, практически не вступают в личную переписку с должностными лицами. Дело № 56 полностью посвящено переписке по прошениям, объяв-

лениям симбирских мещан, с полицейскими управлениями и другими учреждениями о выдаче паспортов и видов на жительство за период с 1873 по 1874 г. Все прошения носят официальный характер и, в отличие от самарских подобных делопроизводственных документов, их невозможно рассматривать в качестве источников личного происхождения¹⁷⁸. Исключение составляют несколько дел, в которых, применительно к проблеме паспорта, можно обнаружить «человека», личность в контексте частного пространства. Для Симбирска подобные частные письма скорее исключение и, как правило, пишут их женщины. Мещанка Симбирска Аксинья Андреева писала: «Милостивый государь! Выслан мне за вашим подписем полугодовой паспорт...срок которому скоро кончится и я должна выправить другой с согласия мужа моего симбирского мещанина Василья Андреева, почему покорнейше прошу уведомить меня, неизвестно ли вам, где именно в настоящее время проживает муж мой, деньги же на присылку ответа прошу употребить из оставленных у вас денег при выправке означенного паспорта, сделайте милость не замедлите ответом...Ваша готовая на услуги... А что деньги у вас остались то это видно из уведомления вашего за № 113»¹⁷⁹. Симбирская мещанка, проживавшая в сельце Бобылёвке Тушинской волости Н.П.Кочеткова писала в управу «Объявление»: «В 1873 г. я вышла в замужество за симбирского мещанина Михайлу Федотова Кочеткова, который находился в работе при суконной фабрике принадлежащей симбирскому купцу Алиеву и состоящей в сельце Бобылёвке, он же Михайла Федотов в конце мая месяца сего года с фабрикою рассчитался окончательно, и в то время скрылся в неизвестную отлучку и по сие время где он находится я не знаю». Женщина просит выдать ей вид на жительство, чтобы самой отправиться на заработки, заканчивая письмо фразой «буду ожидать начальничьего милостивого благословения»¹⁸⁰. И, наконец, «Покорнейшее Прошение» симбирской мещанки А.В.Филиповой: «С самого рождения непрживая никогда в г.Симбирске, и не имея там никакой собственной осёдлости, – я давно лишилась родителей на Чужой стороне – Имею на попечении своём Уродливую сестру Наталью и для пропитания себя с нею, нахожусь в услужении у Частных лиц, а посему и встречается необходимо приобретать от общества срочной увольнительной паспорт»¹⁸¹.

Всё дело № 51 «О водворении на жительство симбирских мещан» за 1873 г. вообще лишено личных историй. Это – одни лишь полицейские справки в общество мещан о препровождении «праздношатающихся»

к месту приписки¹⁸². И во всём 32 деле «По ходатайству мещан о выдаче им паспортов на жительство 1871–1872» никаких личных историй¹⁸³. «Человек» проступает в источниках, посвящённых паспортной повседневности мещан Симбирска только в публикуемых «Симбирскими губернскими ведомостями» рубриках «О бродяге», в которых речь шла об опознании лиц, задержанных без вида на жительство или разыскиваемых. Данный источник, безусловно, нельзя считать исключительно симбирской особенностью, так как сама специфика подобных статей подразумевала перечисление примет человека и его одежды, что делает их информативными в плане использования методов исторической антропологии. Из объявления об алатырском мещанине проступают такие подробности: «лет 45, росту 2 аршин 4 вершка, волосы на голове, бровях, бороде и усах светлорусые, глаза светлокарие, нос на кончике туповатый, рот, подбородок обыкновенные, лицо чистое, наверхушке головы небольшая лысина...одет в нанковую серого цвета сибирку, на коленкоровой подкладке, в белой ситцевой рубаше, трековых шароварах, на ногах кожаные сапоги»¹⁸⁴. Нанковый – значит из плотной хлопчатобумажной ткани саржевого переплетения, отличающейся большой прочностью, её широко применяли в России, как правило, представители бедных слоёв населения¹⁸⁵. Сибиркой назывался короткий кафтан на сборках у талии со спины, со стоячим воротником и меховой опушкой. С конца XIX в. сибирка-кафтан являлся признаком мещан, лавочников, уличных торговцев. Кроме того, от слова «сибирка» в смысле «кафтан», произошло название арестантской, куда сажали мещан, подлежащих рекрутской очереди, когда объявлялся набор¹⁸⁶. А вот коленкоровая подкладка свидетельствовала о возможном былом благополучии бродяги или говорит о том, что людей за «безписьменность» могли взять при совершенно неожиданных жизненных обстоятельствах. Коленкоровая – значит хлопчатобумажная ткань полотняного переплетения, отбеленная и накрахмаленная. Коленкор был белый и цветной. Белый шёл на бельё, а цветной, подороже, на подкладки¹⁸⁷.

В книге на выдачу паспортов мещанам г.Саратова на 1876 г. можно увидеть всё разнообразие самих паспортных документов: это и полугодовые паспорта на белой бумаге, годовые, двухгодовые, трёхгодовые, полугодовые паспорта на цветной бумаге, билеты на белой бумаге одномесячные, билеты на цветной бумаге и т.д. Всего с января по сентябрь 1876 г. мещанской управой Саратова было выдано 1978 паспортов¹⁸⁸.

До самого конца сословной истории в России после смерти владельцев паспорта возвращались в родные мещанские управы¹⁸⁹. Ближе к концу сословной истории, у мещан преобладают бессрочные паспорта¹⁹⁰. Женщинам управа выдавала паспорта с осторожностью, в тексте видов на жительство печатая: «Предъявительница сего вдова отставного рядового...причисленная в общество саратовских мещан... есть действительно законная жена...дозволяется ей свободно проживать во всех городах Российской Империи, причём должна она вести себя добропорядочно, от всяких законно-противных поступков воздерживаться»¹⁹¹.

Связи, личные и общественные, образующие локус мещанского мира, использовались для социализации. Так, в одном из писем к «миловитому государю Василию Ефимовичу» с просьбой о высылке паспорта, мещанин замечает: «встретил знакомого в Москве попросил выслать но Дума требует денег в счёт будущих платежей»¹⁹². Роль и значение мещанских связей проступает и в письме Ивана Степанова Куликова: «Великопочтеннейший Филипп Платонович / осмеливаюсь вас беспокоить своей просьбой с согласия вашего и личной просьбой и надеясь на вашу добрую душу что вы не откажете мне. Потрудитесь внести деньги в число податей...За сим...засвидетельствовать моё нижайшее почтение Николаю Филипповичу и всему вашему семейству ...»¹⁹³.

Другой вариант писем о паспорте в думу или мещанскому старосте – носит безличностный характер, свидетельствующий о том, что некоторые мещане располагались «у обочины» городской «ойкумены». Такие письма выглядели следующим образом: «Его Степенству / ...мещанскому старосте Г.Аверьянову / мещанина Андрея Яковлева Скоростехова / Покорнейше прошу ваше степенство выслать билет». Однако подпись письма содержит такое количество уничижительных формул вежливости, что компенсируется недостаток личных интонаций в самом письме: «...чем премного обяжите почитающего вашего навсегда остающегося с преданностью ко всем милостивый государь покорнейший слуга самарский мещанин Иван Калинов»¹⁹⁴.

Человеческая субъективность, отражённая в письме, позволяет рассмотреть конкретного индивида в сочетании свойств, приобщающих его к окружающим и отличающих от них. По следующему письму трудно определить возраст просителя – но в любом случае, перед нами – два самых близких существа, прижавшихся друг к другу

на чужбине, мать и сын, чья жизнь опять-таки напрямую связана с паспортом и чиновником самарского пространства, которое они покинули, но с которым продолжают быть тесно связаны «бумажной повседневностью»: «Милостивый государь / Лев Алексеевич / Мы Фалимон Владимиров и моя маминька Марфа Ивановна просим Вас бути так добры для нещасных нас дайте увольнение моей маменьки Марфе ивановой и мы посылаем Вам старый паспорт Вы знаете что жить без всякого вида нельзя будте так добры пришлите как можно скорее / Пришлите нам в г. Туринск Тобольской губ. Василью Кузьмич Телепневу мещанину»¹⁹⁵.

На помощь матери в высылке паспорта уповали мещане, оказавшиеся на чужбине: «Милостивая наша государыня матушка прошу у вас вашего родительского благословения навеки нерушимого низко вам кланяюсь высылаю вам денег...пришлите нам паспорт ради бога...»¹⁹⁶.

Система паспортного контроля над населением, отражённая в делопроизводстве дум и управ, позволяет проникнуть и в мир межличностных внутрисемейных отношений мещанства. Так как женщины должны были вписываться в паспорта своих мужей, то паспорт становился ещё одной формой дисциплинарного контроля и проявления власти, уже не на имперском, а на семейном уровне. Мужья и жёны использовали этот механизм для манипуляций своими «вторыми половинами», хотя надо отметить, что зачастую ими управляли не «роковые страсти», а элементарные экономические интересы, связанные с необходимостью выжить, прокормить себя и детей (в отношении женщин, а мужья зачастую демонстрировали свой скверный нрав или ущемлённое самолюбие). В 1898 г. самарский мещанин Парамон Прянишников написал Заявление на имя мещанского старосты: «Имею честь просить Ваше степенство законной моей жене Елене васильевне Прянишниковой Невыдавать Положительно ни какого Письменного вида на жительство не только в иногородни места но и в самом городе Самаре без моего нато Письменного согласия или личной явки в Мещанскую управу в следствии ея Елены Прянишниковой безнравственного поведения...(2 февраля 1898 г.)»¹⁹⁷. 8 августа 1898 г. на имя самарского губернатора поступило прошение от самарской мещанки Е.В.Прянишниковой: «Муж мой самарский мещанин Парамон Николаев Прянишников, вот уже четвёртый год, как бросил меня, не давая мне не только что на прокормление, но

постоянно бил меня, в виду чего и не имея при себе какого либо документа, я нахожусь в крайне безвыходном положении, а потому желая поступить куда либо на место и там добывать себе средства к жизни, я обратилась в самарскую мещанскую управу с просьбой о выдаче мне свидетельства на проживание, но Управа в выдаче мне такового отказала, требуя на то согласие мужа, тогда как я и сама не знаю где он в настоящее время находится. Объяснив такое моё безвыходное положение Вашему Превосходительству я имею честь покорнейше просить о производстве о вышеозначенном полицейского дознания...»¹⁹⁸. 3 сентября 1898 г. из самарского губернского правления в мещанскую управу пришло распоряжение о выдаче мещанке Прянишниковой паспорта, ввиду того, что её муж «в настоящее время в безвестной отлучке и два года не получал паспорта»¹⁹⁹. В 1892 г. в самарскую мещанскую управу поступило заявление от мещанки Ефросиньи Кузьминой Гнеушевой с просьбой вернуть ей блудного мужа, уехавшего вместе с цирком, на основании того, что он проживает без вида на жительство: « Муж мой...в настоящее время как мне известно из письма г. Управляющего Цирком Никитина-Миссури находится в г.Киеве при цирке Никитина шорником без всякого документа на жительство несмотря на то, что мною неоднократно были подаваемы прошения г. Харьковскому и Курскому полицмейстерам, Самарскому и курскому губернаторам и в Самарскую мещанскую управу ...Покорнейше прошу Ваше высокоблагородие сделать зависящее распоряжение о немедленной высылке мужа моего...в Самару как не имеющего никакого вида на жительство...»²⁰⁰.

В основном, паспорта необходимы были тем женщинам для устройства на работу, которых бросили мужья. Так, например, самарская мещанка Авдотья Никитина завела гражданское дело на мужа, «недостающего ей средств к содержанию и ведущего нетрезвую жизнь...»²⁰¹. Решено было предоставить ей вид на жительство с правом свободно «отлучаться на заработки»²⁰². Так же в пользу самарской мещанки Левкиной было решено дело о выдаче паспорта, так как её муж вёл «жизнь нетрезвую, средств ей к содержанию малолетних детей не давал, но и не выдавал паспорт на отлучку для работ»²⁰³. Некоторые мужья писали прошения в думу с целью напомнить чиновникам, кто в мещанском доме хозяин: «Самарского мещанина Василья Степанова Бабушкина Прошение / Жена моя Агрофена Иванова с малолетней дочерью Елизаветой неизвестно куда, без моего позволения в

1866 г. из г.Самары скрылась. На проживание она...получает из думы паспорта или билеты, а как по статье...жена обязана жить вместе и по статье...в непосредственном послушании к мужу; ...просить думу более жене моей паспортов не высылать и сообщить где она живёт и немедленной высылке её в г.Самару. 1868 г.»²⁰⁴. Думе отстаивать интересы женщины в данном случае не было резона, и она выдала справку: «Аграфене был выдан паспорт на один год 1867 г...так как срок паспорта уже истёк, то вновь паспорта не выдавать»²⁰⁵. В 1890 г. самарский мещанин, ефрейтор запаса Пашкин писал в мещанскую управу заявление: «Минувшего 1889 г. 2 октября месяца я был повенчен по первому браку с девицею самарской мещанкою Екатериной Ивановой Поповой Как видно что жена моя Екатерина Иванова ныне Пашкова оказалась дурного поведения и в настоящее время от меня самовольно удалилась...покорнейше прошу жене моей...без ведома моего паспорта...не выдавать»²⁰⁶. Аналогичное заявление поступило от мещанина Анофриева, в котором он пишет, что жена Арина Капитоновна «от меня отстала»²⁰⁷ и поэтому паспорт ей не выдавать. Козьма Конатов оказался более детален в своём заявлении о запрещении выдавать паспорт жене, из которого мы узнаём следующее: «так как моя жена законная уже не живёт со мной...4 года, и притом имеет у себя лёгкое поведение которое посрамляет моё имя...известна на всю Самару...»²⁰⁸. Никита Осипов вообще не видел свою жену Матрёну Порфильевну около 15 лет, её местоительство ему также неизвестно, поэтому «в случае явки моей жены паспорта ей не выдавать»²⁰⁹. Мещанин Андрей Захаров просил не выдавать письменного вида жене Марине, «так как она со мной не живёт а ведёт жизнь развратную»²¹⁰.

Но были и такие мужья, которые спокойно относились к необходимости для жён выдачи паспортов²¹¹. Самарский мещанин Баканов писал в самарскую мещанскую управу: «В случае обращения жены моей Федосьи...с просьбой о выдаче документа...не задерживать, так как хотя федосья...со мной не живёт, но с моей стороны к выдаче ей письменного вида препятствий не имеется. 1893 г.»²¹². Аналогичное прошение поступило от 27-летнего Заварзина, который писал: «выдавать ежегодно жене моей Авдотье...отдельный паспорт по её личной просьбе»²¹³.

Обращает на себя внимание значительное количество дел, связанных с нарушением патриархальной нравственности в мещанских

семьях середины и второй половины XIX века. Родители, оставленные детьми без всякой помощи в старости, избиваемые, оскорбляемые – пишут жалобы в думу и управу, пытаясь использовать в качестве механизма воздействия на своих отпрысков рекрутство или паспорт. Арина Гурьянова, самарская мещанка в 1858 г. писала мещанскому старосте: «Ваше степенство / при сём условии представляю до вас всепокорнейшую мою просьбу возбудить начальное разбирательство при требовании паспорта с моего сына Павла Гурьянова взять денег на пропитание моё присылкою в город Уральск...»²¹⁴. После вмешательства властей Гурьянов дал подписку «родительнице своей, ...в том, что обязуюсь я ей родительнице моей давать на пропитание каждый год 45 руб. серебром и за родителя моего самарского мещанина Никиту Иванова подушные ежегодно уплачивать и паспорт каждый год выправлять на свой щёт с тем чтобы мне на промысленности своей мыт от ния особо если сие я обязанности свои не исполню то вольна она родительница моя поступить со мною по её родительской власти. В том подписуюсь»²¹⁵. Самарская мещанка Марфа Шахаткина в 1887 г. писала в мещанскую управу, чтобы сыну её, без её ведома никаких документов на отлучку не выдавали и прибавляется новый персонаж мещанской повседневности, нотариус, для которого сыну также не выдавать никаких документов²¹⁶.

Другое дело – вдовы или солдатские жёны. Мещанские управы рассматривали такие дела по собственному усмотрению. В 1883 г. было выдано самарской мещанской управой удостоверение для проживания в г.Самаре в течении шести месяцев солдатской жене Василисе Ароновой, 50-ти лет, «в том, что она принадлежит к обществу мещан г.Самары и значится записанною по сем. Списку солдата за 1875 г. под № 144, приметамы она: росту 2 арш.4 верш., волосы на голове и бровях светлые глаза серые лицо чистое особых примет нет»²¹⁷.

С паспортом связаны и такие «фабульные мотивы» мещанской повседневности как «покинуть дом» – «вернуться в дом». «Покинуть дом» – «при прохождении определённого жизненного этапа (rite de passage) и обретения нового дома – как совершеннолетие, женитьба, переезд или смерть, или ...в результате конфликта – оказавшись беглецом или пленником, или превратившись в бездомного бродягу, или ища себе новый дом; и, наконец,...отправившись в гости...»²¹⁸. «Вернуться в дом» – «...возвращение прежде потерянных членов семьи (как Одиссей или евангельский блудный сын)...»²¹⁹. В развитии «рус-

ской домашней культуры»²²⁰ сложились различные мифологические образы дома, исходя из субкультурной и сословной стратификации общества: усадебный вариант «дворянского гнезда», купеческий дом с его традиционным укладом, «Домострой» и т.д. Миф мещанского дома – ускользающий, не обоснованный в достаточной степени в культуре, за исключением карикатурных деталей: канарейка, фикус, буфет и т.д. Поэтому если рассматривать паспорт не только как документ, удостоверяющий личность, а как символ домашнего мира, как один из элементов микрокосма мещанского дома, то любые события, связанные с паспортом, будут являться своего рода конфликтным пространством, актуализирующим наполнение повседневности событиями, порой носящими драматический характер. Самарский мещанин Иван Николаевич Барышников отправил своему брату Михаилу Николаевичу в г.Енисейск на золотые прииски «купцов Рязановых, Мошаровых и К» полугодовой паспорт через Енисейскую городскую полицию. Проходит год. Семья не получает никаких вестей от Михаила. Тогда, понимая, что для проживания вне Самары необходим уже новый паспорт, Иван отправляет ещё одно письмо в енисейскую полицию с приложенным к нему письмом от отца. Отец писал: «Милый сын / Во первых строках посылаю тебе своё родительское благословление которое для тебя будет полезно...Я...не могу понять милый сыночек почему я от тебя и до сего времени не могу получить никакой (восточки) ...где ты в настоящее время служишь... Это для меня горько ...Нынче...я получил сведения о тебе что ты ещё существуешь на белом свете, от Ивана максимовича который мне сообщил сведения о тебе, но я милый сын ни письма ни денег ничего от тебя...прошу тебя приезжай ты ради Бога сам хоть избавишь ты меня от престоющей скорби о тебе прими милый сыночек от меня почтение да от брата твоего Ивана Николаевича и супруги Марьи ... почтение от сестры брата и супруги...от детей наших почтение...». На конверте отец что-то ещё неразборчиво дописал о «проклятой Сибири» и просьба возвращаться домой²²¹. Через какое-то время письмо отца возвращается из Енисейска в Самару с припиской на конверте: «Михайло Николаевич приказал всем своим знакомым долго жить, который уже помер как год тому назад»²²². Иван пишет новое письмо в Енисейск с просьбой разобраться, так как «в справедливости её (приписки на конверте о смерти Михаила – З.К.) сомневаюсь, полагаю что если бы он действительно помер, то хозяева его, вероятно,

паспорт его, хотя и просроченный, обратно бы для уничтожения в думу (отправили)»²²³. Обращает на себя внимание вера мещан в документ. Приписка от неизвестного лица, носящая частный характер, уступает вере мещан в бюрократическую процедуру возвращения паспорта умершего в своё родное мещанское общество. Раз паспорт не вернулся, значит жив.

В 1860 г. в Самарскую городскую думу «посредством внутренней стражи» от Чернского городничего был доставлен человек, называвший себя самарским мещанином Никанором Сергеевым Рябининым²²⁴. При пересылке его в Самару, Никанору были выданы казённая одежда и кормовые деньги, всего на сумму 2 рубля 40 копеек. Три дня Никанор просидел в помещении думы без всякой стражи и никуда не сбежал. У него не было денег, а дума не хотела за него платить. Поэтому просто отправили в город, чтобы он нашёл себе квартиру или поручителя²²⁵. Не найдя ни работы, ни поручителей, не имея денег на паспорт, Никанор стал жить с бродягами на берегу Волги. Но деньги за пересылку с думы вновь потребовали и дума решила произвести «секретное дознание», поручив это мещанскому старосте. Из дознания, произведённого по делу Рябинина, открылась история человека, оказавшегося «загнанным в угол» жизненными обстоятельствами, в результате которых он оказался без денег, без паспорта и в положении вне закона (Приложение).

Взятый за «безписьменность» 26-летний самарский мещанин Алексей Григорьев Базаров был отправлен в самарское полицейское управление «без оков» (так как ранее судим не был) в «звании арестанта»²²⁶. Другого «безписьменновидного мещанина г.Самары Алексея Волкова» решено было отправить в самарское городское полицейское управление из Бирючинского уездного полицейского управления (Воронежская губерния) также в состоянии арестанта, но уже со строгим сопровождением: «препровождать по настоящему тракту за караулом ...»²²⁷. Волкову были выданы: халат, полушубок, мужская рубаха, порты, штаны с ремнём и пряжкой, коты, суконные онучи, мешок, каптур, рукавицы с варгами²²⁸. За всю арестантскую одежду взыскать нужно было с самарской стороны. Поэтому в документах, выдаваемых мещанам указывалось, «если после сего срока не явится, то с ним будет поступлено как с бродягою»²²⁹. В 1877 г. в Симбирской губернии было задержано бродяг без письменного вида на жительство: в Симбирске – 48 мужчин и 24 женщины, в Сенгилее – 9

мужчин, в Сызрани – 10 мужчин, в Алатыре – 2 мужчины, в Ардатове – 5 мужчин, в Буинске – 1 мужчина²³⁰.

Матери понимали, с какими перспективами для их детей связана в случае потери документа «безписьменность» и хлопотали о новых видах на жительство для своих сыновей, уехавших на заработки²³¹. Если же мещанская управа задерживала высылку паспорта, мещане могли жаловаться губернатору²³².

Девиации в мещанской среде были связаны, в том числе, и с проблемой фальшивых паспортов. Несмотря на то, что «паспорт был документом, строго учитываемым», в стране было распространено широкое хождение фальшивок²³³.

Нередко местные бюрократы задерживали высылку паспортов под незначительными предлогами. В подобном деле вынужден был разбираться губернатор, когда на его имя было подано прошение от самарских мещан Романа Воронова и Василия Морозова. Мещане писали, что ими 13 октября 1866 г. было отправлено через Ардаатовскую почту в думу на государственные и общественные сборы и на высылку паспортов 13 рублей, но паспортов нет, «этим совершенно стеснены и даже можем подпасть как без паспортные под ответственность, равно подвести под такую же ответственность и то лицо у коего мы проживаем...»²³⁴. На запрос губернатора дума отвечала, что действительно, деньги были получены, «но по недостатке на бланки паспортов денег и на переправку их, паспорта им не высланы...в настоящем году следует с них с каждого по 2р.60 коп. и на паспортные бланки с пересылкой по 1р.35 коп.»²³⁵. Надо отдать должное губернским властям, они реагировали на жалобы со стороны мещан, которым по неизвестным причинам задерживали высылку паспортов. Так, например, от начальника самарской губернии в самарскую городскую думу был отправлено письмо: «Донести, выслан ли паспорт самарскому мещанину, проживающему в г.Омске...»²³⁶. Губернатор распорядился выдать паспорт самарскому мещанину Лебедеву, который обратился с жалобой на думу, не желающей выдать ему с семейством вид на отлучку из-за того, что он состоял в поморской секте²³⁷. Вся специфика «истории снизу» заключается в том, что разные явления социальной жизни могли иметь свою оборотную сторону, тексты поведения должностных лиц в некоторых вопросах различались в зависимости от настроения, частных обстоятельств, личных связей и т.д.. Если в некоторых ситуациях по отношению к мещанам в вопросах выдачи

паспортов чиновники проявляли неуступчивость, то в других – выдавали документы, не разобравшись в недоимках и рекрутской очереди. Так в 1852 г. начальник самарской губернии в своём обращении в думу отмечал, что «дума должна справляться, нет ли недоимок или рекрутской очереди...А нам от подобных беспорядков при выдаче паспортов...происходит медленность и затруднения во взысканиях с лиц по паспортам уволенных казённых податей и недоимок...»²³⁸.

Заслуживает внимания и такой сюжет паспортной повседневности мещан, который связан с проблемой перехода крестьян в мещане после освобождения от крепостной зависимости. В 1858 г. «отпущенник господина Васикова» дворовый человек Яков Васильев был причислен указом казённой палаты в самарское мещанство. Год Яков платил подати в мещанскую управу за себя и жену Авдотью Герасимовну, но не мог выехать из селца Григоровка, принадлежащего Васикову, так как барин его не отпускал и не отдавал вид на жительство. Данная история изложена Яковым в письме к матери: «Милая моя Маминька! Авдотья Петровна! Письмо Ваше для меня весьма приятнейшее имею удовольствие получить И билет приношу Вам мою усердную благодарность / желаю Вам от Всевышнего творца здоровья счастья и всех благ на свете свидетельствую вам искреннее почтение...Цалую...»²³⁹.

Совершенно иной образ паспортной повседневности самарских обывателей середины XIX в. создан в статье Ю.Н.Смирнова ««Юрьев день» губернского масштаба. Отмена проверки паспортов в Самаре в начале 1850-х годов»²⁴⁰. Основной тезис исследователя сводится к существованию достаточно гибкой системы власти, как в центре, так и на местах, которая адаптировала законодательство под экономические потребности региона. Данную модель взаимодействия власти и общества Ю.Н.Смирнов рассматривает на примере отмены паспортной проверки в Самаре в начале 1850-х гг. в интересах торговой жизни города.

После городской реформы 1870 г. лицо города принципиально поменялось и вместе с ним поменялись связи и взаимодействия, определявшие мещанский быт. Меняется лицо и провинциального бюрократа: он становится менее патриархален, более дистанцирован от мещанского сообщества. Многие дела начинают решаться через поверенных²⁴¹. С другой стороны, продолжали поступать по-прежнему патриархальные прошения от стариков-мещан с просьбами через

паспорта воздействовать на их детей²⁴². И мещане предприниматели продолжали использовать всё тот же личный стиль письменного обращения во власть. Самарский мещанин Н.В.Гороховский, владелец сыроваренного завода, расположенного в Пензенской губернии, писал: «Милостивый государь Алексей Ильич! Описываю Вам своё несчастное положение. Хотя вы и не виноваты, извините, что я вас затрудняю. Прошу вас как родного отца, наведите справки, где в настоящее время находится паспорт и пришлите почтовую квитанцию отправленного паспорта, ещё прошу вас, если он отослан по ошибке, то попросите мещанскую управу, выдать копию, чтобы можно было мне проехать в Петербург, хотя на 15 дней Товар у меня отправлен и с того времени как с Вами видался, а сам живу в Пензе А из дому получил 4 телеграммы что паспорта нет. Прошу Вас уведомите меня телеграммой тотчас же по получении сего письма какая причина что будет стоять, запишите в мой счёт...»²⁴³. В письме появляются новые интонации и знаки времени: «прошу вас уведомить меня телеграммой», «что будет стоять», «запишите в мой счёт», а также личная печать в конце письма. Было проведено расследование и выяснилось, что виновата в исчезновении паспорта почтовая контора, по ошибке отправившая его паспорт в Ташкент²⁴⁴.

Если в середине XIX в. в качестве удостоверения личности преобладали в мещанской среде плакатные паспорта и билеты, то с конца XIX в. их место заменяют паспортные книжки, в которых указывались: фамилия, имя, отчество, звание, время рождения или возраст, вероисповедание, место постоянного жительства, состоит ли в браке, отношение к отбыванию воинской повинности, документы, на основании которых выдана паспортная книжка (посемейные списки), подпись владельца книжки, если владелец неграмотен, то его приметы (рост, цвет волос, особые приметы), статья законодательства, на основании которой выдана книжка, перемены, произошедшие в служебном, общественном или семейном положении²⁴⁵. Но продолжали употребляться и плакатные паспорта²⁴⁶. В документах самарской мещанской управы паспортные книжки появляются с 1897 г., с паспортной книжки на имя Апполона Леонова Кириллова.²⁴⁷ С 1900 г. появляется подпись владельца паспорта²⁴⁸. Сведения, указанные в паспортах, часто носили условный характер. Так, например, в паспорте 1903 г. на имя самарской мещанки, скончавшейся в бакинской больнице, отмечено: «неизвестно состоит ли в браке»²⁴⁹. Известно только,

что ей было 22 года, детей нет, православная, работала прислугой²⁵⁰. Паспортные книжки продолжали возвращаться в мещанскую управу родного города после смерти их владельцев на чужбине²⁵¹.

Случались претенденты, когда за неправомерно выданный паспорт мещанскую управу собирались привлекать к суду. В 1880–1883 гг. самарская мещанская управа столкнулась с таким обвинением. По приговору Владикавказского окружного суда коллежский регистратор Фёдор Семёнов за нанесение оскорбления действием своему начальнику был присуждён к лишению всех особенных прав и преимуществ и сослан на жительство в Самарскую губернию на три года с воспрещением всякой отлучки. В Самаре он был причислен к местному мещанскому обществу. Спустя некоторое время Семёнов вдруг обнаруживается проживающим в г.Хвалынске в гостинице Хренова по паспорту, выданному ему из самарской мещанской управы. Когда направили запрос в мещанскую управу, там ответили, что по ошибке выдали паспорт. Им объяснили, что тем самым члены управы во главе с председателем совершили проступок, предусмотренный 979 статьёй уложения о наказаниях. Хвалынскому уездному полицейскому управлению было предписано паспорт у Семёнова отобрать и самого выслать в Самару. Мещанскую управу хотели предать суду, но служащие заявили, что были только что избраны, а прежняя мещанская управа в посемейных списках Семёнова не отметила, и не отметила, что он был сослан в Самару под надзор полиции. Данные обстоятельства были учтены и председатель управы с членами отделались выговорами²⁵².

При интенсификации массовых коммуникаций в начале XX в. всё чаще стали возникать проблемы с пересылкой паспортов по почте²⁵³.

Несмотря на рост индивидуализма в текстах поведения горожан модернизирующегося города, сохранялась некая сердобольность служащих управы по отношению к своим однообщественникам. Так, мещанская управа Самары приняла решение об исключении отметок о судимости из паспорта, выдаваемого мещанину Рябову, так как отметки о его прежней судимости воспрепятствует ему найти какое-либо занятие и изменить настоящий образ жизни²⁵⁴.

В переписке по поводу выдачи паспортов мещанам, которая велась на протяжении 1907–1908 гг. с председателем мещанской управы, обращает на себя внимание отсутствие таких личных писем, которые были свойственны делопроизводству середины XIX века. В паспортах

указываются новые городские профессии: кондуктора, маляра, кузнеца, сапожника, прислуги, машиниста, телеграфиста, калошника, слесаря, приказчика, золотых дел мастера, столяра, фельдшера, чернорабочего, техника и т.д.²⁵⁵. В управу пишут студенты мещанского происхождения: «Покорнейше прошу выслать свидетельство о моём происхождении для канцелярии Томского технологического института студенту Сотникову»²⁵⁶. В 1911 г. продолжается профессионализация мещанства, засвидетельствованная в паспортах²⁵⁷. В 1915 г. увеличивается количество требуемых паспортов для детей, отправленных учиться в другие города²⁵⁸. Обращает на себя внимание появление в делопроизводстве просьб о выдаче и не выдаче паспортов дочерям («вакансии для поступления в должность», «акушерка-фельдшерица» и т.д.)²⁵⁹. Всё свидетельствовало о постепенном включении женщин в активную социальную жизнь. Особенно этому способствовала первая мировая война. Мещанскому старосте понадобилось разъяснение от губернатора закона от 12 марта 1914 г. о выдаче паспортов и видов на жительство замужним женщинам без согласия мужа. Губернатор так и приписал в своей разъяснительной записке: «Можно»²⁶⁰. Но матери по-прежнему писали в управу прошения, чтобы без их разрешения не выдавали паспорт дочерям²⁶¹. Делопроизводственная документация управы за 1916 год хранит ещё один эпизод, приоткрывающий дверь в интимное пространство жизни мещан, и, что показательно, он уже касается юной барышни. С 1903 по 1916 гг. председателем мещанской управы (мещанским старостой) Самары был Степан Матвеевич Евсеев²⁶². К нему и писала молодая особа, мещанка Самары, проживавшая в 1916 г. в г.Бузулуке: «Милостивый государь Степан Матвеевич! Я посылала Вам свой паспорт, чтобы Вы мне его переделали. Но до сих пор не получила...»²⁶³. Следом приходит телеграмма: «покорнейше прошу скорее выслать его (паспорт – З.К.), т.к. 8 октября я уезжаю в Хабаровск»²⁶⁴. Далее в письме от 5 октября барышня пишет: «Что за причина задержания? Меня это волнует. Скоро ведь две недели, как я его вам отослала...Вас просил наш папа...С полицией неприятно дел иметь да и задержать могут лишних несколько дней. А мне каждый день дорог. Елена Михайловна Коновалова»²⁶⁵. В письме от 9 октября Елена Михайловна пишет Степану Евсеевичу: «Милостивый государь / Степан Евсеевич! / За сообщение мне о моём паспорте благодарю вас. / Теперь вынуждена сказать вам о том, как бы не вышло какое недоразумение ввиду того, что у меня не было документов, я вынуждена

была жить гражданским браком. Мои родные против гражданского брака. Когда я попала к своему жениху, то им сообщила, что вышла замуж, но в действительности я жила гражданским браком. Вот только теперь я хочу уже обвенчаться. Но мои родные, больше чем уверены, что я уже обвенчана! И я теперь боюсь, как бы не обнаружилось и они не узнали бы о моём гражданском браке. Вдуг у них что-либо запросит полиция? Конечно, они уверенно так скажут, что я замужем. Вот тут то и может выйти недоразумение очень беспокоюсь! Я покорнейше прошу Вас нельзя ли полиции помимо их моих родных навести обо мне справки? С почтением к Вам Е.М.Коновалова»²⁶⁶.

В 1915 г. мещанская «паспортная повседневность» обнаруживает новые сюжеты, связанные с задачами военного времени. В мещанскую управу циркулярно сообщается, что «недогруз минерального топлива в вагоны подаваемые на каменно-угольные копи Донецкого бассейна» произошёл из-за того, что многие рабочие, вернувшиеся на рождественские праздники домой, «лишены были возможности возвратиться на работы...вследствие задержки на родине, в связи с мобилизацией ратников ополчения» и изъятия в этой связи у рабочих паспортов. Министерский циркуляр требовал «не допускать затруднений» в возвращении рабочих на производство²⁶⁷.

Письма о паспортах начинают с 1914 г. вытеснять телеграммы, в которых уже полностью устраняется оттенок личного обращения во власть²⁶⁸. В 1916–1917 гг. мещанская управа Самары фактически выполняла функции паспортного стола: в делопроизводстве за эти года в основном находятся копии посемейных списков, расписки о выдаче паспортов, сведения о местожительстве, розыске мещан, алфавиты к настольному паспортному реестру и т.д.²⁶⁹.

При официальном уничтожении сословий декретом СНК и ВЦИК от 11 (24) ноября 1917 г., в повседневной практике данная терминология продолжала использоваться. Так, в мае 1918 г. в самарский городской исполнительный комитет поступило заявление от управления народной самарской городской милиции с просьбой выдать копию посемейного списка самарского мещанина Михаила Никифоровича Колесникова²⁷⁰. От комиссара Оренбургской уездной военно-народной охраны в 1918 г. в самарскую мещанскую управу были переданы сведения о том, что мещанка г.Самары Екатерина Павловна Устинова проживает в Оренбургском посаде по годовому паспорту, выданному самарской мещанской управой в марте 1917 года²⁷¹. С другой сторо-

ны, в прошении от 2 ноября 1917 г. уже не было указано сословное происхождение просящей²⁷². Старший милиционер 1-го участка самарской городской милиции 7 ноября 1917 г. провёл дознание в отношении Прасковьи и выяснил, что она мещанская вдова 53-х лет, проживает со своим семейством в Челябинске, в Самаре в мещанской управе её хорошо знают, поэтому решено было выдать её дочери вид на жительство²⁷³. Данный документ иллюстрирует такое свойство повседневности как быстрая адаптация к языковым изменениям политического характера. За полгода население уже привыкло именоваться гражданами, сословные термины параллельно сохранялись в делопроизводстве²⁷⁴.

Таким образом, если до 1906 г. с помощью паспорта мещанские управы могли регулировать поступление общественных сборов с мещан (заплатил налоги – получил паспорт на определённый срок), то после издания указа о введении для бывших податных сословий бессрочных паспортов, как в местах приписки, так и в местах жительства, без обязательной уплаты общественных сборов, мещанские управления оказались в сложной ситуации. Но сила привычки, удобство знакомой институции, личные связи среди однообщественников определяли обращение мещан за паспортом именно в мещанскую управу, а не в полицию. Патриархальные связи, сложившиеся во взаимоотношениях мещан города со своими сословными и городскими учреждениями и их лидерами в лице городских голов и мещанских старост продолжали сохраняться на протяжении всей второй половины XIX в., в уже значительно изменившемся социокультурном городском пространстве, и даже в начале XX в., несмотря на рост тенденций, связанных с формализацией внутрисословных связей. Личные связи были необходимы именно в сфере паспортной повседневности, так как паспорт выступал одним из главных условий легитимного существования представителей сословия, их хозяйственной активности и мобильности.

Вокруг процедуры получения мещанами срочных паспортов сложился напряжённый эмоциональный фон. Особенно он выразительно проступает в самарском мещанском делопроизводстве, полном писем личного характера к старостам и городским головам с просьбой о выдаче и пересылке паспорта. В Саратове и Симбирске сложился более официальный тон взаимоотношений мещан с их сословными управленцами. Благодаря сохранившейся в фонде Самарской

мещанской управы значительной переписки мещан по поводу получения паспортов, можно проследить складывание сословной эпистолярной культуры, как деловой, так и личной. Увидеть как мещанин в негласной общественной иерархии расставлял свои приоритеты, изобретая своё собственное титулование и вводя в контекст письма культурные коды сословной культуры.

Паспорта замыкали круг сословной жизни мещанина, возвращаясь из разных уголков империи после его смерти в родную управу, к месту приписки. С помощью паспорта можно почерпнуть антропологические сведения о его владельце и проследить эпизоды биографии.

Семейные межличностные отношения, полные драматизма, конфликтов, игры гендерных ролей – нашли отражение в использовании в них паспортного «рычага». Паспорт использовался в основном для шантажа жён, мужей и детей с целью заставить их выполнять традиционные гендерные роли. С начала XX в. женщины, наконец, обретают свободу, получив возможность получать паспорт вне зависимости от волеизъявления мужей. Это давало им возможность найти работу.

Таким образом, с помощью паспорта власть не только фиксировала податное городское сословие в пространстве империи, прикрепляла его к месту, заставляя выполнять фискальные обязанности, но и создала целую систему различных практик, тактик, стратегий, с помощью которых решались многочисленные задачи, стоящие перед мещанами, как личного, семейного, так и хозяйственного, общественного порядка. Власть управляла с помощью паспорта, но и мещане управляли определёнными сферами своей жизни с помощью этого придуманного властью механизма. Даже после введения единых для всех сословий бессрочных паспортов, многие механизмы урегулирования внутрисословной и внутрисемейной жизни мещан посредством паспорта и мещанской управы продолжали сохраняться на повседневном уровне.

РЕКРУТСКАЯ ПОВИННОСТЬ

По делам фонда самарской городской думы период 50-60-х гг. XIX в. выделяется преобладанием вопросов, связанных с рекрутской повинностью (несмотря на то, что из 1855 дел шестой описи фонда

№ 170, 139 – посвящены рекрутам, эти дела хронологически сосредоточены именно в 50–60-е гг. XIX в.).²⁷⁵ Это вполне объяснимо, так как Указом 1874 г. мещанство было освобождено от рекрутчины²⁷⁶. Освобождение от рекрутской повинности началось у мещан с лиц, служивших по выборам городских и сословных обществ (указы 11 января 1834 г. и 9 января 1842 г.)²⁷⁷. Правилами от 25 ноября 1853 г. вместо очередного был установлен жеребьёвый порядок назначения в рекруты в городах, посадах и местечках, подтверждённый в 1855 г.²⁷⁸ Указом от 11 марта 1857 г. были освобождены от призыва к рекрутской жеребьёвке единственные пасынки мещан и ремесленников, предоставлены некоторые льготы мещанам и цеховым, и разрешено состоящим на рекрутской очереди или под жребием мещанам перечисляться в купечество²⁷⁹. Указ 1872 г. предусматривал наложение в административном порядке взыскания на членов городских управ за неправильное привлечение мещан к рекрутству²⁸⁰. И, наконец, указом 1874 г. мещанство стало отбывать всеобщую воинскую повинность наравне с другими сословиями. Но, несмотря на оптимистичный тезис современной историографии о том, что происходило «постепенное облегчение рекрутчины»²⁸¹, отдача в солдаты детей была самым тяжёлым испытанием для мещанских семей.

Неся на себе до самого конца рекрутской повинности, наравне с крестьянами, всю её тяжесть,²⁸² и учитывая общинный характер данной повинности,²⁸³ практики выживания мещан, как беднейшего сословия городов, были напрямую связаны с числом работников в семье и, покидавший дом, практически на всю жизнь (средняя трудовая), рекрут в обрядовых действиях и повседневности приравнивался к покойнику.²⁸⁴ Через ритуал рекрутской обрядности (гуляния, связанные с приёмом на службу: жеребьёвкой, измерением, забриванием, присягой, проводами) семантически рекрутство выступало как уход из социума и репрезентировалось в терминах похоронно-поминальной обрядности²⁸⁵. Таким образом, рекрутство было «страшной сказкой» в мещанской традиционной культуре, ситуацией, задаваемой извне и зачастую используемой родителями для подчинения непокорных сыновей (значительное количество дел содержат просьбы родителей отдать в рекруты своих сыновей за неподчинение родительской воле или за отсутствие уважения к родителям). В «хороших» семьях родители пытались придумать различные способы спасения своих детей от службы: переписывание

семейных списков через раздел семей, справки от врачей, членовредительство, наём «охотников» и т.д..

Обыденное сознание мещанства середины XIX века было пронизано неизбежностью государственного тягла. Принимая и осознавая своё место в системе социальной иерархии, мещане города выработали свои модели поведения, позволявшие им жить в «повседневности», а не «в катастрофе» от пожаров, эпидемий, болезней, податей, разорений и рекрутских наборов. «Культурная традиция» мещанского «социального универсума» обладала глубинной программой смиренно-мудрия обывателя, позволяющей защитить себя от «неприемлемых структурных изменений, передать свои познания, опыт и идеалы от поколения к поколению»²⁸⁶.

Наряду с тем, что власть выступает формализующим началом, многое, что она несёт для человека, является эмоционально переживаемым событием. Наиболее сильные рефлексии в среде провинциального мещанства в середине XIX в. были вызваны рекрутством. За более чем вековую историю рекрутской повинности сформировалось как минимум несколько сильных коллективных эмоций, связанных с данным явлением: страх, скорбь, гнев, любовь. Тема рекрутства – это тема плача. Плач преобладает в рекрутских песнях и знаменует собой прощание рекрута с социумом. Если так называемая элитарная культура России пронизана интеллектуальной рефлексией, в которой не плач, а игра в плач, не мистицизм народной религиозности, а игра в неё²⁸⁷, то «низовая культура» – надрывна²⁸⁸ и бесхитростна. В последней трети XIX в. рекрутские песни создавались в жанре так называемого мещанского романа.²⁸⁹ О мещанском романе, замершим на полпути между фольклором и литературой,²⁹⁰ написано так же мало, как и о мещанской рекрутской повинности в историографии и фольклористике. Рекрутские наборы были событием горестным, в эти дни «государство покрывалось траурной завесой, всё встревожено, всё стонет, всё ропщет, врата угнетений и всяких злоупотреблений отверсты».²⁹¹

Понятие «раскладка рекрутской повинности» впервые появилось в законодательстве в XVIII в., было детализировано Рекрутским уставом 1831 г., который определил порядок образования рекрутских участков в каждом податном сословии и количество рекрут.²⁹² Раскладка рекрутской повинности определялась количеством рекрутов, которых необходимо было выставить населению в предстоящий набор, системой льгот и «изъятий» от рекрутской повинности. Губернскими

казёнными палатами производился сбор сведений о числе жителей. На основе собранных данных рассчитывалось число рекрутов, которых можно было собрать с каждого участка. Далее шло распределение рекрутских очередей и определение кандидатов в рекруты.²⁹³ С 1831 г. расчёт числа рекрутов производился по формуле: $A = (B \cdot C + D) : 1000$, где A – число рекрутов, которых должен выставить участок, B – численность населения, подлежащего рекрутской повинности, C – число рекрутов, объявленное в Манифесте о рекрутском наборе, D – долговые рекрутские доли, оставшиеся с прошлого набора.²⁹⁴ Вводилась следующая классификация рекрутских наборов: «обыкновенные» – менее 7 человек с тысячи ревизских душ, «усиленные» – от 7 до 10 и «чрезвычайные» – свыше 10 человек с тысячи душ.²⁹⁵ Определение кандидатов в рекруты производилось сообразуясь с «очерёдным порядком», основанным на учёте рабочей силы семейств. Распределение рекрутских очередей и определение кандидатов в рекруты проводилось самими общинами. В соответствии с правилами «очерёдной системы» семейства в составе участка заносились в так называемый «посемейный список». Поэтому многие мещане ходатайствовали об отделении («разделе») от своих семейств, братьев. Так предпочтение при наборе рекрутов отдавалось тем семьям, в которых несколько работников. К примеру, в 1850 г. саратовское мещанское общество вынуждено было заслушать и принять к сведению прошение в думу от мещанина В.В.Утешева, в котором тот объяснял, что по спискам восьмой ревизии и в очередных рекрутских списках саратовских мещан он записан «общее с родными братьями» «под одним номером в трёх мужска пола душах Но как с самого малолетства находился в услужении лиц и назад тому более 30 лет совокупного жительства с ними не имеет Аживёт с ними совершенно отдельно в чём ссылаюсь на 42 сдешних мещан подписавших»²⁹⁶. Таким образом, как отмечалось в отчётах, «вся тягость (рекрутской) повинности лежит на одних лишь семейных лицах, которые, и относительно содержания своих семейств и в платеже податей, гораздо более обременены, чем люди одинокие»²⁹⁷, поэтому и возникали «злоупотребления – приписка в мещанское общество, раздробляя свои семейства под разными номерами»²⁹⁸. Данная ситуация сохранялась до 1854 г., то есть до введения жеребьёвого порядка²⁹⁹.

С 1853 г. в России для мещан (ремесленников и государственных крестьян) началось введение «жеребьёвого порядка» (для крестьян с 1838 г.).³⁰⁰ Теперь все семейства рекрутского участка, в зависимости

от числа работников, разделялись на два (с 1861 г. – три) разряда. В первый разряд попадали те семьи, где было больше работников «многорабочие» (имевшие не менее 4 работников), а так же бездомные и бесхозяйные одиночки. Во второй разряд – семейства с меньшим числом работников (3 работников), в третий – «малорабочие» (или двойниковые)³⁰¹. К жребию прежде всего призывали рекрутов 1 разряда, молодых людей от 21 до 35 лет. Срок службы для нижних чинов был сокращён с 25 до 20 лет с тем, чтобы они увольнялись сначала в «бессрочный» отпуск на 5 лет, затем – в отставку. Из этого отпуска солдат мог быть отозван в любое время. С воцарением Александра II срок службы был сокращён до 15 лет. В начале действительная служба продолжалась 12 лет, после чего нижние чины увольнялись в бессрочный отпуск на 3 года, затем было введено увольнение в бессрочный отпуск на 5 лет после 10 лет службы.³⁰² Работниками по закону считались мужчины в возрасте от 18 до 60 лет, независимо от состояния здоровья. В редких случаях члены общего собрания мещан освобождали некоторые семейства от поставки рекрутов (как правило, или многодетных или увечных мужчин). Из числа ратников исключались сосланные на поселение, безвестно отсутствующие в течении 5 лет, приобретшие личную льготу от рекрутчины, по медицинским показаниям (инвалиды, калеки, умалишённые).³⁰³ Особая ситуация складывалась с семейными разделами. Правительство им препятствовало, так как считало, что это способ избежать рекрутства. Так, например, в Самаре по рапорту мещанского старосты, рекрутских участков старост с добросовестными был подтверждён раздел между братьями Никитинами, чтобы у каждой семьи был свой особый номер по рекрутскому списку. Для этого было проведено расследование и подтверждено, что братья с семьями проживают раздельно³⁰⁴.

Из жеребьёвого списка участка мещан г. Самары малорабочих семейств по рекрутскому набору, назначенному Манифестом 1 декабря 1855 г. видно, что из 272 человек (1833–1834 гг. рождения) большинство холостых, безграмотных или малограмотных, не знающих ремёсел и не привлекавшихся к суду парней, в основном православных, годных по физическим параметрам к воинской службе, то есть здоровых. Среди них: 4 портных, 3 кузнеца, 3 маляра, 1 гребеньщик, 1 красильщик, 1 резчик и 3 плотника.³⁰⁵

Рекрутский набор контролировался губернатором и рекрутским комитетом (до 1831 г. они назывались рекрутскими присутствия-

ми)³⁰⁶, состоявшим из председателя казённой палаты, губернского предводителя дворянства, председателя палаты государственных имуществ, управляющего удельной конторы. Делами по учёту и раскладке рекрутской повинности ведала Казённая палата.³⁰⁷ Городская дума отвечала за управление рекрутскими участками. После утверждения Казённой палатой призывных рекрутских списков, приготавливались печатные номера жребия по каждому участку. После этого каждый участок собирался в здании Городской думы. Жеребьёвые билеты перечитывались, сворачивались и складывались в урну. После чего каждый вытаскивал себе билет. После этого, призывной список переписывался по порядку вынутых каждым номеров, начиная с первого. И этот список уже получал название жеребьёвого. При объявлении набора надлежало число первых номеров считались рекрутами³⁰⁸. Дальше решался вопрос с наёмными рекрутами – «охотниками» и зачётными квитанциями. Желаящий «охотник» вместе с нанимателем являлся в мещанскую управу. Он должен был с собой принести письменное удостоверение от своих родителей в том, что они не возражают отдать его вместо кого-то в рекруты и количество податной недоимки на его семействе. Наниматель обязан был уплатить всю недоимку семьи «охотника» и деньги «на платёж» до следующей ревизии. Эта последняя сумма определялась общим приговором общества³⁰⁹. После данных процедур, Общая дума составляла увольнительный приговор, в котором были прописаны все денежные условия. Приговор свидетельствовался в присутствии Распорядительной думы и выдавался в руки «охотника». После этого «охотник» с нанимателем отправлялись в Рекрутское присутствие, в котором наниматель «сдавал» «охотника», а вместо него получал зачётную рекрутскую квитанцию³¹⁰. В Отчёте по управлению С.-Петербургского мещанского сословия был сделан вывод о том, что «частный наём рекрутов приносит мещанскому обществу не малую пользу. В рекруты нанимаются люди, привыкшие к праздной жизни и неимеющие постоянных занятий и осёдлости; напротив того те лица, которые нанимают рекрут, уже более или менее зажиточны, а потому поступление их в рекруты было бы потерей для мещанского общества»³¹¹. Иногда с наёмом «охотников» были связаны семейные драмы. Об одной такой писала в Думу самарская мещанка Надежда Степанова Александрова: «муж мой Сергей Александров ...с которым я проживаю в г.Самаре и занимаюсь портным мастерством, всегда рачительна, веду

себя пристойно...неизвестно каким чиновником склонён по наймы в рекруты без всякой к тому причины...оставляя меня с сыном...от роду 10 месяцев без всякого обеспечения, он сделал из любви ко мне и сыну...»³¹². Дело по найму этого «охотника» решили приостановить до выяснения обстоятельств.

Мещане могли вносить вместо рекрутов деньги, купить «зачётную рекрутскую квитанцию»³¹⁵. «Охотника» нанимали иногда за несколько лет. Охотник обходился от 100 до 300 рублей.³¹⁴ С 40-х гг. XIX в. правительство стало само нанимать охотников, выпуская по числу нанятых зачётные рекрутские квитанции³¹⁵. Значительное количество дел фондов мещанской управы и городской думы о найме в рекруты за другое мещанское семейство подтверждает распространённость данной практики в среде мещан³¹⁶. В самарскую градскую думу писалось прошение приблизительно одинаковой формы: «Из нас я Василий Забродин по собственному моему желанию изъявил согласие поступить по найму в рекруты, в зачёт будущих наборов за семейство самарского мещанина Кирилла Иванова Симатова сыновей его Никиту и Ефима, за что договорился получить 271 рубль 43 копейки серебром».³¹⁷ В свою очередь Симатов в данном документе даёт расписку в том, что обязуется оплатить данную сумму сполна «по забратию в рекруты».³¹⁸ Если сыновья шли в «охотники», это должны были подтвердить родители. Так в 1860 г. самарский мещанин Михаил Семёнов и его жена Дарья Васильева подтвердили желание их сына Трофима поступить в рекруты за семейство Ефрема Егоровича Ефремова за 150 руб. серебром³¹⁹. Аналогичные соглашения приблизительно варьировались в границах 65–400 рублей, в качестве обязательств за охотника указывалось ещё и содержание его малолетних детей.³²⁰ Тяжёлое экономическое положение многих мещанских семей вынуждало сыновей поступать в рекруты за чьё-либо семейство и за предоставление в этом случае льгот от повинностей³²¹. Так мать самарского мещанина Семёна Егорова Филатова выразила согласие, чтобы за семейство Белоноговых в рекруты пошёл её сын³²². За семейство мещанина Симанова записался «охотником» самарский мещанин Василий Забродин, в прошении в Самарскую городскую думу обозначив сумму: 271 руб.43 коп. серебром³²³. Сохранились ещё подобные договора на сумму 200, 314, 257 руб. серебром³²⁴. В 1855 г. указывались также следующие суммы за «охотников»: 300, 150 и 65 руб. серебром³²⁵. Порой отцы ушедших в «охотники» сыновей вы-

нуждены были через Думу требовать уплаты денег со стороны тех, за чьё семейство ушёл сын в рекруты³²⁶.

Помимо добровольцев-охотников, правительство выдавало квитанции за людей, отданных в солдаты вне рамок рекрутских наборов: за неуплату податей, самовольные отлучки, буйство и т.д..³²⁷ Наёмник в рекруты должен был быть из того же сословия, к которому принадлежал наниматель, не должен состоять в рекрутской очереди, требовалось разрешение его родителей и «увольнительный» приговор от мещанского общества. Наниматель до очередной ревизии обязывался исполнять все повинности и подати, которые нёс наёмник. В 1868 г. (в энциклопедии Брокгауза и Ефрона с 1872 г.)³²⁸ всему населению империи было разрешено откупаться от воинской службы, сумма составляла 570 рублей.³²⁹ Мещанское общество рассматривало внимательно каждое дело «охотника» и в своём приговоре должно было заключить: «препятствий (для наёма «охотником» – прим.авт.) не имеем»³³⁰.

Рекрутский набор продолжался несколько недель. Рекруты шли в уездный или губернский город в сопровождении «отдатчиков» – выборных на мещанских сходах благонадёжных лиц. Им помогал конвой из членов общества – «проводжатых». Начальником отдатчиков был рекрутский староста. Отдатчики приводили рекрутов в рекрутское присутствие и затем расселяли в специальные дома на постой. Потом отдатчики вносили деньги на обмундирование, провиант и выплату жалованья рекрутам. Взамен казначейства выдавали им специальные квитанции, без которых рекрутские присутствия не принимали новобранцев.³³¹

Манифестом от 1 декабря 1855 г. был назначен рекрутский набор. Жеребьёвый список участка г.Самары малорабочих семейств показывает, что это были молодые люди, 1833–1834 гг. рождения, холостые, в основном православные, несудимые, не знающие никакого ремесла, не грамотные³³². Многим мещанам, отданным в рекруты, не на что было купить себе к обмундирование и решено было обществом каждому рекруту выдавать «вознаграждения» по 5 руб.³³³

О предстоящем рекрутском наборе сообщалось в губернских ведомостях и публиковались списки призывников³³⁴. Симбирское мещанское общество в набор 1872 г. решило собрать по 3 рубля вознаграждения для каждого рекрута, а на содержание их и для розыска сбежавших – выделило 500 руб.³³⁵ Таким образом, расходы на производство рекрутских наборов ложились, в основном, на плечи ме-

щанских обществ. Их можно разделить на 3 категории: 1. расходы на проведение собственно набора; 2. расходы на доставку рекрутов; 3. расходы на обмундирование, провиант, третное жалование и выплату наградных денег рекрутам.³³⁶

Помимо рекрутов, мещанские общества должны были ещё и осуществлять набор в ратники Государственного Ополчения. В ратники записывали тех, кто был забракован в военную службу, кто пользовался льготами от рекрутской повинности, кто старше 30 лет и здесь снова допускался наём «охотников»³³⁷.

Мещане пытались изыскать всевозможные пути для уклонения от рекрутства, но все они по ряду причин были малоэффективными: это и членовредительство, и побег, подкуп лекарей и должностных лиц рекрутских присутствий, попытки изменить положение своих семейств в рекрутских списках за счёт уменьшения числа работников в семье³³⁸. В 1861 г. самарский мещанин Чередников пытался освободить своего сына Василия от призыва к жребью, объясняя, что по прошлой десятой народной переписи показано было в ревизской сказке «семейство моё...в пяти мужского рода душах: я, два племянника, сын, сын племянника...Племянник с сыном – в неизвестной отлучке...Я за них уплачивал подати...».³³⁹ Вопросами об изменениях в посемейных списках, как правило, занимались мещанский староста, рекрутские участковые старосты с добросовестными,³⁴⁰ они отправлялись «на места» и выясняли, действительно ли те или иные семьи проживают раздельно и ведут раздельное хозяйство.

Самарская мещанская вдова Шерстнянова просила о разделе её семейства от семейства брата мужа: «покойный муж ... Василий Ефимов и она с детьми с давнего времени проживает отдельно от брата мужа...и прочего семейства имеет свой дом, промышленяет им тоже разное и ничего общего не имеет и потому просит отделить её с детьми от семейства, для отправления рекрутской повинности под особый номер»³⁴¹. Мещане привлекали свои метрические свидетельства с целью уточнения мест в рекрутских списках, так как это было чрезвычайно важным в их жизни: отсрочить, избежать рекрутства³⁴². Другая мещанская вдова, Дарья Богомолова описала в прошении фактически всю свою жизнь. Раньше она вместе с мужем Ефимом Фёдоровым и сыном Михаилом Ефимовым состояли «в купеческом капитале» своего деда, купца третьей гильдии Алека Владимировича Богомолова. Муж умер в 1818 году. Семья деда не помогала ей воспитывать сына,

Дарья пишет, что «с трудом воспитывала и давала содержание». На 1857 г. «по необъявлению капитала» семейство деда, а следовательно и она, «остались в мещанах». Как можно судить из прошения, семья деда состояла в самарском «обществе из цыган». Дарья пишет, что они «собственных домов не имеют, проживают в зимнее время на квартирах а в летнее в своих кибитках...промышленность их известная, занимаются продажей лошадей, подати и повинности платят каждый за свою часть». Сама же она с сыном более 10 лет вела самостоятельное хозяйство. Он женился. И вот её Михаила собрались забирать в рекруты. Дарья пишет: «Я старая и глухая. В рекруты сына нельзя забирать»³⁴³. Данное прошение было заверено добросовестным филером Новокрещеновым, ревизским и мещанским старостами.

Прямо противоположным было прошение самарского мещанина Фадея Матвеева с просьбой забрать его сына в рекруты: «Имея при себе троих детей Корнила 30 лет Ивана 27 лет и Фёдора 4 лет на обеспечение которых я брал заимообразно в Самарском Общественном банке 300 руб. серебром надеясь уплатить оный с помощью детей моих...но к несчастию моему помянутые мои дети не только что бы помогать мне в уплате долга но даже отказались и от обеспечения в содержании а я имею от роду уже 60 лет...не помогают в уплате долга даже причиняют мне сыновния оскорбления и в особенности Иван...отдать Ивана за меньшого моего сына Фёдора в солдаты»³⁴⁴. В просьбе решено было отказать. Случались ситуации, когда сыновей забирали в рекруты по ошибке. У Фёдора Алексева Колесникова забрали по ошибке сына и он «помер» в армии. Отец обратился за компенсацией в Окружной суд, ему вернули за сына 150 руб.³⁴⁵

Некоторых по свидетельству медицинской комиссии вообще освобождали от воинской службы с записью: «Уволен навсегда». Так, самарский мещанин Громов был признан в 1908 г. «совершенно неспособным к строевой службе по неизлечимой болезни»³⁴⁶. Тем не менее, как только объявлялся набор, его начинали разыскивать, забыв о свидетельстве медицинской комиссии. Найдя, снова восстанавливали документы о неспособности Громова к выполнению воинской повинности³⁴⁷. Подобного рода документация, в форме переписки между воинским начальником, полицейскими учреждениями и мещанской управой о поиске солдат, свидетельствует, что присутствовали случаи самовольного уклонения от выполнения воинской повинности и дезертирства³⁴⁸. Но и в самом делопроизводстве возникали ситуации,

связанные с бесконечным поиском некоторых персонажей для отбывания воинской повинности, начиная со школьной скамьи³⁴⁹.

После введения всеобщей воинской повинности, мещанство продолжало быть учтённым властью для призыва. Городская управа Самары рапортовала в 1888 г. о том, что «призыв молодых людей, подлежащих отбыванию воинской повинности, производится на основании Устава о воинской повинности...1 января 1874 г. С этой целью Городская управа ведёт посемейные списки по сословиям» и составляет призывные списки³⁵⁰. По призывному списку от 1 января 1888 г. видно, что из 315 двадцатилетних юношей Самары, 302 чел. – принадлежат к мещанскому сословию, 4 – купцы, 5 – солдатских детей и 4 – из других участков. Из всего этого коллектива, 26 – признаны негодными к службе, 46 – даны отсрочки³⁵¹. Статистику это не меняет: основным городским сословием, из которого рекрутировались новобранцы, было мещанство. И даже после смерти мещанина, мещанская управа продолжала контролировать процесс: вышел он к этому времени в отставку с записью в мещане или продолжал оставаться рядовым³⁵². Таким образом, если учитывать всю тяжесть для мещан прохождения воинской службы, которая и с введением всеобщей воинской повинностью в некоторых документах продолжала именоваться «рекрутством», то становится понятным степень власти, сконцентрированной в мещанском обществе, которое решало: «увольнять от призыва» или «согласия неизъявлять»³⁵³.

Конечно, если смотреть статистику по всем сословиям страны в отношении воинской повинности, на первом месте по числу призывников стояло крестьянство. В рекрутский набор 1868 г. в Симбирской губернии было призвано: 1387 временнообязанных крестьян, 117 государственных крестьян, 111 бывших удельных крестьян, 102 мещанина, 8 кантонистов, 6 бывших дворовых, 2 однодворца, 2 из дворян, таким образом, всего 1735 человек по всей губернии, больше всего по губернии крестьян, а из городских сословий – одни мещане³⁵⁴. В призыв 1878 г. по Симбирской губернии мещан и цеховых было призвано 177 человек (для сравнения крестьян по губернии в этом году было призвано – 3 596 человек)³⁵⁵. Из 66568 человек мещан Симбирской губернии в призыв 1879 г. было призвано 173 человека мещан и цеховых (крестьян – 3 213 чел.)³⁵⁶.

В отношении рекрутской повинности в 1876 г. самарский губернатор докладывал, что в списки рекрутов внесено было 21689 чел., ис-

ключено – 436. Вытягивали жребий – 20753 чел., из них часть имели право на льготу по семейному положению, часть имело квитанции, часть была исключена по недостаточному росту и часть – по болезням. Из данного числа призывников мещан и цеховых было 317³⁵⁷. Как видно из данного документа, жеребьёвый принцип сохранялся для мещан и после реформы.

Многочисленные свидетельства училищных советов о льготах для учащих по воинской повинности в 1908 г. свидетельствуют, что мещанское общество города сталкивалось с данной проблемой при проведении наборов³⁵⁸.

Таким образом, из повседневной жизни мещанских семейств вырывались потенциальные молодые, здоровые работники, будущие мужья, кормильцы, отцы, некая сердцевина «среднего» класса. Поэтому в народной культуре рекрутская повинность была связана с плачами. К.В.Чистов называет рекрутские причитания плачами-поэмами.³⁵⁹ В них присутствуют элементы, роднящие их с погребальным фольклором, Е.В.Барсов отмечал, что «завоенные плачи имеют ближайшее отношение к...плачам погребальным, надгробным и надмогильным»³⁶⁰. Происходящие радикальные изменения в статусе рекрута приравнивались к смерти для социума. Одинаковой фольклорной формулой определялся социальный статус умершего сына. Сходство текстов похоронной и рекрутской причети проявляется, по мнению Л.Г.Невской, во фрагменте, связанном с изменением дома в результате смерти и ухода в армию: И я взгляну да на косевчато окошечка: / И прикручинивши косевчаты окошечки, / И на слезах стоят стекольчаты околени...».³⁶¹

Рекрутство являлось смертью человека для социума. Мещанин был лоялен к власти и в определённой степени лоялен к смерти, но не настолько, чтобы не бояться обеих. С рекрутством была связана перспектива смерти для самого рекрута и перспектива нищеты для оставшихся без кормильца домочадцев. И то и другое страшило больше, чем перспектива Страшного Суда, так как оказывалось ближе с точки зрения дистанции. Этот страх заставлял людей искать выход из создавшегося положения. Но с точки зрения групповой ментальности неизбежность данного вида повинности прочно жила в сознании мещан. Когда найти «лазейку», чтобы избежать рекрутства, уже не представлялось возможным, появлялась новая эмоция – скорбь, которая закрепилась в фольклоре в форме

рекрутских плачей. С рекрутством связан и такой вид рефлексии как гнев. По архивным источникам, чаще всего встречается родительский гнев на непокорных детей, которых отцы или матери в качестве наказания стремятся отправить в рекруты. Опять-таки, перед нами очередное доказательство проникновения рационализма и индивидуализма в патриархальный семейный быт. Дети забывают нравственную проповедь почтения к родителям, стремятся выйти из повиновения и более того, не оказывают социальной опеки по отношению к престарелым родителям. Возмущённые родители начинают писать заявления в мещанское общество, в думу, чтобы их непокорных сыновей забрали в рекруты. Мещанская вдова Феодосья Мельникова просила забрать её сына Дмитрия в рекруты «за непочтение и неповиновение матери, за пьянство, расточительность и развратную жизнь».³⁶² Мещанское общество выразило на эту просьбу своё согласие. Отдать сына Павла в рекруты за дурное поведение хотел и самарский мещанин Пётр Марьин, так как Павел «ведёт жизнь развратную, не делает должного уважения», «вышел из повиновения родительского».³⁶³ Но начальник Самарской губернии по канцелярии первого стола на данном отцовском прошении написал: «я не считаю себя вправе дать разрешение на отдачу в рекруты в предстоящий набор...» самарского мещанина Павла Марьина. Самарская мещанская вдова Ненила Захарова так же просила Думу отдать вместо младшего сына – старшего, который «мне должного почтения не делает и не делает никакого пособия к пропитанию»³⁶⁴. Мещанское общество рассудило, что если мать содержит младший сын, то старшего следует вместо него отдать в рекруты. Аналогичная ситуация в семье мещан Аношиных, просивших Думу и мещанское общество забрать старшего сына вместо младшего, так как старший «имеет к нам непочтительность и беспечность о хозяйстве».³⁶⁵ Мещанское общество и в этом случае согласилось с доводами родителей. Примечательно, что сын мещанки Анны Егоровой, Василий, которого мать просила забрать в рекруты вместо младшего из-за отсутствия «уважения и почтения», сам добровольно согласился уйти в солдаты.³⁶⁶

Родители рассчитывали и на вознаграждение за сыновей, которых забрали в рекруты. Федот Колесников, два года назад отправивший сына в рекруты, писал прошение в мещанское общество: «...по преклонности лет имею слабое здоровье и чувствую постоянную боль

по всему телу...дабы не расстроить домашнее положение прошу воззреть на бедное моё положение и благоугодным будет пожертвовать в вознаграждение за сына моего какое-либо денежное пособие единовременно...или право поступить в богадельню».³⁶⁷

По рекрутской документации можно узнать и о телесных недугах мещан, пытающихся доказать свою неспособность к прохождению воинской службы. Егор Щипачёв родился от законного брака рядового Оренбургского артиллерийского гарнизона и по правилам вместе с двумя старшими братьями был зачислен в кантонисты. Но если старшие братья находились в воинской службе, Егор, «имеющий телесные неспособности», по просьбе отца был исключён из военного ведомства в податное состояние. Он женился на мещанке Матрёне Чекалиной и стал жить в доме её матери Василисы. Но тут оказался в рекрутских списках и жеребьёвкой ему выпало идти в рекруты. 27-летний мещанин пишет прошение в думу, к которому прилагает весьма ценное для историков описание своих болезней: имею «постоянное удушье, сопряжённое с болью в груди; постоянное усиленное сердцебиение или расширение онаго, тяжёлые завалы в левом боку, постоянное кружение головы, ломоту в ногах и кроме того в 1846 г. я был разбит параличом, от чего я подвергаюсь частовременно болезненным припадкам и совершенно не имею определённой силы во всём корпусе».³⁶⁸ О тяжёлой доле семьи, которую рекрутский набор может лишить последнего кормильца повествует прошение самарского мещанина Льва Кочергина. «Лет пятнадцать тому назад бывши отпущен госпожой Ерофеевой на волю...с отцом моим и матерью и тремя моими сёстрами... Отец вскорости по увольнении умер а мать быв не в состоянии пропитывать нас четверых детей трудами своими вышла в замужество за отставного солдата...с которым прижила ещё двоих детей...Мать моя и отчим умерли, оставив нас шестерых детей без всяких средств почему я с 1851 году причислен в мещанское общество... две сестры в замужестве...три ещё при мне...если заберут трое останутся без всяких средств...»³⁶⁹ Городская дума не сочла возможным удовлетворить данное ходатайство, так как Кочергин не представил никаких удостоверений, подтверждающих его рассказ. Сестра Юлия так же написала прошение в Думу. Тогда дума всё-таки решила провести собственное расследование силами участкового начальника. Выяснили с трудом, что Кочергин действительно воспитывает двух малолетних сирот, а старшие братья и сёстры уже устроились в

жизни. Дума затруднилась сделать по этому случаю своё заключение и передала его на рассмотрение губернатора.³⁷⁰

Самарский мещанин Евстигней Чуркин добился для своего сына освобождения от поставки в рекруты: «Имея я только у себя на пропитание моё одного сына Исаея..., при котором есть жена и трое малолетних детей его, этот сын мой ныне по преклонности уже лет моих и больному моему положению был мне один в пропитание...»³⁷¹. Врачи освидетельствовали Евстигнея и подтвердили, что за ним требуется уход.

Жизненные истории мещан всплывают за сухой рекрутской документацией. Мещанская девица Прасковья Малышева 17 октября 1842 г. «приимела» незаконно сына неизвестно от кого, крещённого 21 октября в самарской Вознесенской церкви, наречённого Дмитрием. Воспитывать ребёнка сама не могла и отдала его «добрым людям», мещанской семье Власовых, у которых была уже взрослая дочь Аксинья. «Вскоре после этого Волею Божию» родители Аксиньи померли и девушка заменила приёмную мать. «Много было употреблено денежных средств от недостаточного своего состояния» Аксиньей «на воспитание...приёмши, для предоставления ему осёдлости и права гражданина».³⁷² Дмитрий вырос и почитал Аксинью как мать родную. По свидетельству соседа Степана Лебяжинского, Аксинья заботилась о Дмитрие как о сыне, «так, что без помощи ея он должен бы остаться бесприютный...».³⁷³ Родная мать Дмитрия вышла замуж за мещанина Касыраева и подтвердила, что нагуляла в девичестве ребёнка и отказалась от него. Дмитрий жил с Аксиньей одним домом, сам стал зарабатывать и содержать приёмную мать. Но случилось так, что ему выпал жребий на рекрутство. Аксинья обратилась в мещанское общество с просьбой не лишать её кормильца. Проверив её историю, мещане г.Самары приняли решение освободить Дмитрия от рекрутства.

Подобных историй, связанных с рекрутством было много. Матери писали прошения: «...сын мой у меня единственная надежда на пропитание меня и трёх дочерей моих...»,³⁷⁴ «...сын мой...к жребию, но так как у него на правой руке два пальца средний и безымянный согнуты ... из-за ожёга, а на правой руке указательного пальца нет первого сустава...прошу освобождения от рекрутства...».³⁷⁵

Сами сыновья порой просили: «Симбирского мещанина Павла Вахрамеева Волохина Прощение Я проситель 22 лет при матери Евдокии Евдокимовой 54 лет и как единственный сын и пропитатель

престарелой матери в прошлый набор по ходатайству её был освобождён...»³⁷⁶. Просили отцы: «прошу сына как единственного при мне работника от призыва по жребью освободить»³⁷⁷. Просили матери: «я с ним живу нераздельно и от трудов его получаю пропитание...»³⁷⁸. Или другая мать писала в своём прошении о том, что её сын не может быть назначен в призыв к жребью так как «я прелонных летах...к старости имея Единственной опорой и обеспечением в содержании и пропитании себя собственными его трудами опасаясь дабы мне не привелось через то лишиться последних средств к жизни и как сердобольная мать объясняя о сём и прилагая у сего одобрительный акт о поведении сына моего от лиц хорошо знающих его...»³⁷⁹. Просили жёны: «одному сыну два года, второй – только родился (если отдадут мужа в рекруты – прим. авт.) ...я должна остаться без всяких средств к пропитанию, и себя не могу пропитать я взята из бедного семейства и при том не имею никаких родственников»³⁸⁰.

Иногда по договорённости один брат шёл в рекруты «охотником» за другого. Но и здесь порой мещан-горюнов подстерегал обман. В думу поступило прошение от рядового писарьской школы 68 пехотного резервного батальона Ивана Непрочнова, который отправился в рекруты за своего брата Никиту. «...Брат же мой...при поступлении меня в рекруты дал мне вознаграждения только 9 рублей серебром на каковые я мог только обмундироваться посредственно, каковою в настоящее время обносился, хотя есть ещё казённое обмундирование, но которые отнимается в цехаузах и выдаётся только при смотрах Начальников а как из полученного распоряжения видно что в скором времени будет нам распределение в разные войска, а я не имею совершенно ничего как то денег и белья, а потому имею честь покорнейше просить самарскую городскую думу о сделании распоряжения в самоскорейшем времени о вытребовании моего брата... в г.самару проживающего ныне в селе Зубовке...для удовлетворения меня деньгами по закону который занимается торговлей вином и другими напитками с присовокуплением непринимая от него никаких отговорок. В случае отступления то ниминую просить об этом начальника губернии...».³⁸¹

Безусловно, родители, спасая своих сыновей от рекрутства, надеялись получить от них поддержку в старости. Но этика патриархальной семьи в городской жизни уже в середине XIX в. не всегда соблюдалась, стариков родителей бросали, оставляя без попечения,

и тогда им только и оставалось жаловаться на своих сыновей в думу. Самарский мещанин Иван Андреевич Черкасов написал в Думу «докладную записку», в которой изложил историю своей жизни. Первая жена его умерла, когда их сыну Андрею было 34 недели. «...я как отец, пекущийся о воспитании сына моего, прилагал своё отеческое старание, как родителям повелевает святое христианское учение, когда же сын мой достиг 7-летнего возраста, обучил его сам грамоте, как то читать и писать и наставлял его Закону Божию, в 54-м году два раза горел, и где я совершенно лишившись всего своего имения, но сына, и всё своё семейство с потерей своего здоровья, не оставлял, а как начальник своего семейства, трудами своими снискивал им пропитание. А когда он дожил совершеннолетия женил его на собственный свой капитал а в 64-м году упомянутый сын мой призываем был к рекрутскому призыву я видя себя в огорчительном положении что я должен остаться в дряхлости своей без подпоры и без куска хлеба потому что я не в состоянии пропитывать своё семейство за благо себе почёл подать в сию Градскую Думу Прошение, об о свидетельстве моего здоровья, и по распоряжению Градской Думы, быв я освидетельствован градским врачом, где и оказался я неработником по дряхлости моей и тем спас сына моего от рекрутской повинности, а оставлен мне на пропитание в прошлом 1867 г. к неожиданности и к сущему моему прискорбию сын мой без дозволения моего от меня сошёл, так что меня не было в квартире, оставив меня без куска хлеба, и я многократно убеждал сына моего чтобы он жил при мне, но всё осталось тщетным. А потому и примел смелость умолять особу Вашу по данной власти, как нам отца бедным гражданам, спросить сына моего, какая его побудила причина оставить меня, и кому он даден на пропитание, мне или тестю его, которого он в настоящее время спокоит, и прошу вас вычитать из святейшего закона царского, какая власть над ним родительская, на что буду ожидать от Вашего Высочествоства отеческого удовлетворения».³⁸²

Среди всего массива дел только одно было связано с патристическими чувствами мещан, но и оно в конце концов заканчивалось меркантильными соображениями. На имя Городского Головы поступила докладная записка от бывшего мещанина, бессрочноотпускного рядового самарской сборной команды Ильи Ветлова, в которой он просил выдать ему вознаграждение за неизвестного мещанина,

вместо которого он отправился в рекруты «по ревностному желанию своему в военную службу», не имея «на себе очереди», так как решил сражаться за Отечество «во время существовавшей войны с Англией, Францией и Турцией».³⁸³

Мещанские сословные органы власти сохранили в своём делопроизводстве письма мещан с фронта, не нашедшие адресатов и даже боевые награды, так и не догнавшие после войны своих хозяев, а потому бережно сохранённые в управе. В Самарском государственном архиве хранится заклеенное посередине письмо из армии. Заклеили его, по всей вероятности, посчитав более важным свидетельство, выданное жене отставного рядового Петра Гаврилова Цыцарева, написанное на оборотной стороне письма. Из свидетельства мы узнаём, что причисленный в самарские мещане отставной рядовой умер в 1885 г.в возрасте 44 лет³⁸⁴. Из того, что удалось прочитать, становится ясно, что письмо, адресовалось теще рядового. Видна приписка: «Любезный мой кум / прошу я вас передать эту записку моей теще Дарье Андреевне Сырынкиной / Пётр Гаврилович Цыцарев»³⁸⁵. Своей теще Пётр рассказывал, что с ним вместе служат ещё 7 его земляков, а двое – в третьей роте по другим батальонам. Какую-то записку он просит передать куме «как возможно быстрее». «Затем ещё прошу я вас мамаша в том если вы продали одежду то сберегите деньги у себя пришлите нам хоть ответ увестите нас об вашем здравии как вы живы здоровы я посылаю вам четвёртое извещение а вы нам не пришлёте мы живы и здоровы чего и вам желаем Адрест город Лхабат закаспийскую область в 4-й стрелковый батальон в...роту Петру»³⁸⁶. Вторая половина письма, которую можно было рассмотреть, полна «поклонами», то есть Пётр «всем кланяется», «куманёчкам» и «кумушкам» и прочитываются ещё два слова: «Любовь» и «Бог»³⁸⁷.

В целом, при изучении мещанского делопроизводства, связанного с войной, возникает стойкое ощущение не столько «державности» сознания мещанства, о котором пишет В.М.Бухараев, сколько «тягловой» психологии сословия, адаптировавшегося к роли основного, после крестьянства, поставщика солдат для империи. Смысл бытия беднейшей части этого сообщества заключался в выживании. Процесс выживания вовсе необязательно был связан с доминированием эмоций обречённости. Но на всё, включая войну, мещанин смотрел по-деловому: раз неизбежно, следовательно, следует приспособить-

ся. 20 марта 1909 г. в самарское уездное полицейское управление поступило письмо от временного командующего 3-го Восточно-Сибирского сапёрного батальона из с. Спасское Приморской области с прилагаемой к нему светло-бронзовой медалью в память о русско-японской войне 1904–1905 гг. и Александровско-Георгиевской лентой к ней для уволенного в запас по окончании срока службы унтер-офицера Ивана Бородачёва из мещан г. Самары³⁸⁸. 20 апреля 1909 г. самарское полицейское управление обратилось в адресный стол с просьбой найти мещанина Бородачёва. Но в адресном столе не оказалось его места жительства. От воинского начальника самарской губернии пришло сообщение о том, что Бородачёв происходит из мещан г. Самары. За «нерозыском» медаль с ленточкой были переданы приставу 3 части г. Самары. В июне 1909 г. околоточный надзиратель так же ничего не смог узнать о Бородачёве. Тогда добросовестные чиновники передали ценную посылку в мещанскую управу г. Самары³⁸⁹, в которой она, аккуратно вклеенная в дело, пролежала до 3 мая 2012 года, никем не обнаруженная.

Таким образом, рекрутская повинность была одной из самых тяжёлых для мещан. Сословная рефлексия, связанная с отношением к рекрутам, зафиксирована в основном в фондах дум и мещанских управ. Особенно применительно к периоду до реформы 1874 г., введшей всеобщую воинскую повинность. Мещане составляли городскую бедноту. Лишиться мужчины в семье – означало для одних ухудшение экономического положения, для других – полную нищету и безнадёжность. Поэтому рекрутство – приравнилось к смерти для социума и было связано с негативными коллективными эмоциями. Мещане вырабатывали различные способы уклонения от воинской повинности. Самыми действенными были легитимный наём «охотников» и покупка рекрутских квитанций. Также, при жеребьёвом порядке, мещане стали прибегать к практикам фиктивного раздела семейств. Но в этом случае мещанские сословные власти проводили тщательное расследование. Попытки объяснить личные тяжёлые обстоятельства жизни иногда приводили к положительным результатам. Так как рекрутство продолжало оставаться общинной повинностью, управа проводила своё дознание и если положение действительно в семье оказывалось безвыходным, освобождала очередника от службы. Попытки симуляции тех или иных недугов, как правило, разоблачались врачебными комиссиями. Рекрутство, как и срочный

паспорт, использовались мещанами для регулирования внутрисемейных отношений. В целом, в мещанской среде доминировала пассивная покорность и обречённость в отношении данной повинности. Мещане безропотно выполняли замысел власти.

Концевые сноски

- 1 Козлова Н.Н. Горизонты повседневности. С.69.
- 2 Там же. С.70–72.
- 3 Там же. С.73.
- 4 Миронов Б.Н. Страсти по революции. С.96.
- 5 Козлова Н.Н. Горизонты повседневности. С.77.
- 6 Там же.
- 7 Серто М. Изобретение повседневности. С.134–135
- 8 Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество. С.454.
- 9 Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи. С.454–456.
- 10 Дружинин Н. П. Мещане. С.2.
- 11 ЦИАМ. Ф.852. Оп.3. Д.19. Л.32.
- 12 Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи. С.460.
- 13 Сызранский филиал ГУСО ЦГАСО. Ф.101. Оп.1. Д.6. Л.203.
- 14 Перечень постановлений Симбирской городской думы, рассмотренных за 1868, 1869, 1876–1884, 1886–1905, 1907–1912, 1914–1917 гг. Ульяновск, 2004. С.11–16.
- 15 ГАУО. Ф.143. Оп.1. Д.77. Л.14 – 147.
- 16 ГАУО. Ф.143. Оп.1. Д.77. Л.14.
- 17 Там же. Л. 43, 146(Об.)–147.
- 18 Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Симбирская губерния. С. 262.
- 19 ГАУО. Ф.143. Оп.1. Д.77. Л.2–2 (Об.).
- 20 Кошман Л.В. Город и городская жизнь. С.217.
- 21 Там же.
- 22 Там же. С.207–208.
- 23 ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д.1558. Л. 156.
- 24 Там же. Ф.217. Оп.1. Д.24. Л.43.
- 25 Там же. Д.26. Л.203; Ф.170. Оп.6. Д.214. Л.1.; Д.219. Л.1.; Д.215. Л.1.
- 26 ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д.621. Л.205.
- 27 ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д.580. Л.2.; Д.579. Л.1.; Д.578. Л.1.; ГАУО. Ф.144. Оп.2. Д.129. Л.16

- 28 Там же. Оп.1. Д.24. Л. 49 (Об.), 51; 53-53 (Об.), 55, 57 (Об.), 59, 62, .
29 Там же. Л.176.
30 Санитарные очерки городского санитарного врача г.Саратова И.Н. Матвеева. Общественное призрение в Саратове. Саратов,1898. С.126.
31 Галимова Л.Н. О причислении мещан к купечеству в Симбирске во второй половине XIX – начале XX века // Краеведческие записки. Вып.12. Ульяновск, 2006. С.27.
32 Там же. С.28.
33 ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д.37 (а). Л.49,95,162,208, 218.
34 ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д.37 (а). Л.384 ; Д.199. Л.1 (Об.)-2.
35 Там же. Д.199. Л.43; Д.212. Л.1; . Д.213. Л.1; Д.218. Л.1; Д.37 (а). Л.184.
36 Там же. Ф.217. Оп.1. Д.89. Л.1-331.
37 ГАУО. Ф.144. Оп.2. Д.129. Л.7.
38 Там же. Л.21; ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.112. Л.1-6.
39 История через личность : ист. биография сегодня. М., 2010. С. 11.
40 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.89. Л.331.
41 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.89. Л.395.
42 История через личность... С. 73.
43 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.89. Л.396.
44 ГАУО. Ф.144. Оп.2. Д.129. Л. 91
45 Там же. Л.224- 229.
46 Там же. Д.100.
47 ГАУО. Ф.144. Оп.2. Д.100. Л.1-15 (а).
48 Там же. Л.26.
49 Там же. Л.10-19.
50 Там же. Д.129. Л. 333-333 (Об.).
51 Там же. Л.333 (Об.), 385.
52 ГАУО. Ф.144. Оп.2. Д.190. Л.68.
53 Там же. Л.68-81 (Об.).
54 ЦГАСО. Д. 365. Л. 1-182.; Д.255. Л.1-220; Д.259. Л.1-277; Д.372. Л.3-25; 63-136, 160; Д.241. Л.69; Д.382. Л.2.5,26,59,68,70,85,229.
55 Кошман Л.В. Город и городская жизнь. С.193.
56 Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество. С.464.
57 Кошман Л.В. Город и городская жизнь. С.205.
58 Отчёт по управлению Санкт-Петербургского...С. 41.
59 Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. С.302.
60 Отчёт по управлению Санкт-Петербургского...С. 41.
61 Отчёт по управлению Санкт-Петербургского... С. 45.
62 Отчёт по управлению Санкт-Петербургского... С.70.
63 Там же. С.72.

- 64 Там же. С.73.
- 65 Миронов Б.Н. Страсти по революции. Нравы в российской историографии в век информации. М., 2013. С. 38-39.
- 66 Дружини Н.П. Мещане, их положение и нужды. Самара, 1917. С.8.
- 67 Дружини Н.П. Мещане, их положение и нужды. Самара, 1917. С.8.
- 68 Там же.
- 69 Там же.
- 70 Там же. С.9.
- 71 Там же.
- 72 Там же. С. 9.
- 73 Там же.
- 74 Там же. С.10.
- 75 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.27. Л.1.
- 76 Там же. Д.1. Л.4.
- 77 Там же. Л.4 (Об.).
- 78 Там же. Л.410 (Об.), 422 (Об.).
- 79 Там же.
- 80 Там же. Д.34. Л.70, Л. 22-365; Д. 35. Л.18 (выборочно).
- 81 Там же. Д.2. Л.1.
- 82 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д. 36. Л. (не пронумерован)
- 83 Молитвослов материнский. М., 2007. С. 163.
- 84 Труды Комиссии Высочайше утверждённой для пересмотра системы податей и сборов. Т. I. Прямые налоги. СПб., 1866. С.172.
- 85 Там же. С.173-174.
- 86 Комиссия высочайше учреждённая для улучшения системы податей и пошлин. Отдел прямых податей. Материалы. О настоящем быте мещан Саратовской губернии : записки И.А.Гана. СПб., 1860. С. 31.
- 87 Там же.
- 88 Труды Комиссии Высочайше утверждённой для пересмотра системы податей и сборов. Т. I. Прямые налоги. СПб., 1866. С.203-206.
- 89 Комиссия высочайше учреждённая для улучшения системы податей и пошлин. Отдел прямых податей. Материалы. О настоящем быте мещан Саратовской губернии : записки И.А.Гана. СПб., 1860. С. 32.
- 90 Комиссия высочайше учреждённая для улучшения системы податей и пошлин. С.4.
- 91 Там же. С.5.
- 92 Там же. С.36.
- 93 Там же.
- 94 Там же. С.38-39.
- 95 Там же. С.3.
- 96 Там же.

- 97 Санитарные очерки городского санитарного врача г.Саратова И.Н. Матвеева. С.129.
- 98 Санитарные очерки городского санитарного врача г.Саратова И.Н. Матвеева.
- 99 Там же.
- 100 Санитарные очерки городского санитарного врача г.Саратова И.Н. Матвеева. Общественное призрение в Саратове. Саратов, 1898. С.129.
- 101 Там же.
- 102 ГАСО. Ф.94. Оп.1. Д.1831. Л.146 (Об.).
- 103 Санитарные очерки городского санитарного врача г.Саратова И.Н. Матвеева. Общественное призрение в Саратове. Саратов, 1898. С.124.
- 104 Кошман Л.В. Город и городская жизнь. С.205.
- 105 Там же. С.229.
- 106 Перечень постановлений Симбирской городской думы, рассмотренных за 1868, 1869, 1876-1884, 1886-1905, 1907-1912, 1914-1917 гг. Ульяновск, 2004. С.11.
- 107 Протоколы заседания Саратовской городской думы за 1873 г. Январь, февраль и март. Саратов, 1873. С. 245.
- 108 ГАУО. Ф.143. Оп.1. Д.44. Л.7.
- 109 Абрамов Я. Забытое сословие // Наблюдатель. 1885. № 1.
- 110 Комиссия высочайше учреждённая для улучшения системы податей и пошлин. С.39.
- 111 Там же. Приложение № 3.
- 112 Календарь Симбирской губернии 1878. С.127.
- 113 Календарь Симбирской губернии 1880 г.(високосный) Симбирск. С.115.
- 114 Календарь Симбирской губернии 1881. Симбирск. С.92.
- 115 Миронов Б.Н.Благосостояние населения и революции в Имперской России XVIII – начало XX века. М., 2012. С. 272.
- 116 Там же.
- 117 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.14. Л.1-1(Об.).
- 118 Там же. Л.2.
- 119 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.14. Л.7.
- 120 Там же. Оп.1. Д.26. Л.935.
- 121 Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России. С. 205.
- 122 ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д.621. Л.5.
- 123 Там же. Ф.217. Оп.1. Д.26. Л.935.
- 124 Там же.
- 125 Там же. Д.11. Л.1.
- 126 Там же. Д.13. Л.1.
- 127 Там же. Д.25. Л.1.

- 128 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.26. Л. 2-265.
- 129 Там же. Д.25. Л.2-265.
- 130 Там же. Д.22. Л.84 (Об.).
- 131 Там же. Д.23. Л.114 (Об.)-116 (Об.).
- 132 Там же.
- 133 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.24. Л.13-14.
- 134 Там же. Д.26. Л.173.
- 135 ГАСО. Ф. 94. Оп.1. Д.1831. Л.207.
- 136 ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д.621. Л.563 (Об.).
- 137 Там же. Ф.217. Оп.1. Д.361.
- 138 Там же. Д.116. Л.2.
- 139 Приложение к Всеподданнейшему отчёту Самарского губернатора за 1890 год. Самара, 1891. С. 5.
- 140 Приложение к Всеподданнейшему отчёту Самарского губернатора за 1895 год. Самара, 1896. С. 10.
- 141 Приложение к Всеподданнейшему отчёту Самарского губернатора за 1896 год. Самара, 1897. С. 13.
- 142 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.312. Л.1.
- 143 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.16, Д.17, Д.18, Д.19, Д.20.
- 144 Там же. Д.408. Л.8.
- 145 Там же. Л.51.
- 146 Там же. Л.104 (Об.) – 103 (Об.)
- 147 Там же. Д.14. Л.223-223 (Об.).
- 148 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.80. Л. 518 (Об.) – 520.
- 149 Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999. С. 206.
- 150 Там же.
- 151 Чернуха В. Г. «Паспортный сбор» в России (1763-1897 гг.) // Страницы российской истории : проблемы, события, люди : сб. в честь Бориса Васильевича Ананьича. СПб., 2003. С. 223 ; Чернуха В. Г. Паспорт в России. 1719-1917 гг. СПб., 2007.
- 152 Чернуха В. Г. Паспорт в Российской Империи : наблюдения над законодательством // Исторические записки. 2001. № 4 (122). С. 91.
- 153 Чернуха В. Г. Паспорт в Российской Империи. С. 91.
- 154 Стейнвелд Ч. Создание социальных групп и определение социального статуса индивидуума: Идентификация по сословию, вероисповеданию и национальности в конце империалистического периода в России // Российская империя в зарубежной историографии : работы последних лет : антология М., 2005. С. 610-633.
- 155 Смирнов И. Н. Мещанское сословие Области войска Донского в конце XIX – начале XX века. : дис... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2007. С. 163.

- 156 Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А.. Энциклопедический словарь : репринт. воспроизв. издания 1890 г. Т. 44. М., 1992. С. 924.
- 157 Гидденс Э. Социология. С. 81.
- 158 Там же. С. 84.
- 159 И.В.Нарский в разделе «Технические замечания», предваряющем его монографию «Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг.» замечает, что «при обилии развёрнутого цитирования, оправданного неизвестностью большинства документов и жанром самого исследования, описки, опечатки, грамматические и пунктуационные ошибки исправлены без оговорок...» (Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С.8). Мы же сознательно сохраняем орфографию источника, в частности, того эпистолярного наследия мещанства, которое оказалось сохранённым в составе делопроизводственной документации, так как практически нет другого пути уловить вербальные особенности мещанской речи.
- 160 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.26. Л.4(а)-4(б) (Об.).
- 161 Плампер Я. Эмоции в русской истории // Российская империя чувств. Подходы к культурной истории эмоций. М., 2010.С. 16.
- 162 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д. 26. Л. 128.
- 163 Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре : быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) СПб., 1997. С. 26.
- 164 ЦГАСО. Ф. 170. Оп.2.Д.12. Л.60.
- 165 Там же. Ф.217. Оп.1. Д. 26. Л.1021 (Об.)-1022 (Об.).
- 166 Там же. Л. 1026 (а)(Об.)
- 167 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д. 26. Л.1033.
- 168 Там же. Л.1042.
- 169 Там же. Л.1052 (Об.).
- 170 Там же. Л.1052 (а).
- 171 Там же. Л.1052 (б).
- 172 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.43. Л.709.
- 173 Там же. Л. 711 (Об.)
- 174 Там же. Л.712 (Об.).
- 175 Там же. Л.729 – 730.
- 176 ГАУО. Ф.143. Оп.1. Д.56. Л.9.
- 177 Там же. Л.52.
- 178 Там же. Л.1-90.
- 179 ГАУО. Ф.143. Оп.1. Д.56. Л.97.
- 180 Там же. Л.105.
- 181 Там же. Л.129.
- 182 Там же. Д.51. Л.1-117.
- 183 Там же. Л.1-242.

- 184 Симбирские губернские ведомости. 1865. 9 янв. (№ 2). С.3.
185 Кирсанова Р.М. Костюм в русской художественной культуре 18-пер-
вой половины 20 вв. : (опыт энциклопедии). М., 1995. С. 186.
186 Там же. С. 254.
187 Там же. С.135-136.
188 ГАСО. Ф.94. Оп.1. Д.2681. Л.1 (Об.) – 89.
189 Там же. Д.2799. Л.5.
190 Там же. Л.37-387.
191 ГАСО. Ф.94. Оп.1. Д.2799. Л.218.
192 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.43. Л.802.
193 Там же. Л.809.
194 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.43 Л.850 (Об.).
195 Там же. Д.26. Л.1403.
196 Там же. Д.43. Л.855.
197 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.306. Л.17.
198 Там же. Л.20.
199 Там же. Л.18.
200 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.270. Л.36.
201 Там же. Д.89. Л. 428-428 (Об.).
202 Там же.
203 Там же. Л.455.
204 Там же. Ф. 170. Оп.6. Д.1558. Л. 46.
205 Там же. Л.46 (Об.).
206 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.254. Л.10.
207 Там же. Л.20.
208 Там же. Л.21
209 Там же. Л.52.
210 Там же. Л.100.
211 Там же. Ф.153. Оп.1. Д.84. Л.143.
212 Там же. Д. 85. Л. 534
213 Там же. Л.582.
214 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.32. Л.226.
215 Там же. Д. 33. Л.227-227 (Об.).
216 Там же. Д.235. Л.104.
217 Там же. Ф.153. Оп.1. Д.84. Л.63.
218 Баак Й. Ван. Дом и мир. С. 67.
219 Там же.
220 Там же. С. 69.
221 ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д.621. Л. 215-217.
222 Там же. Л.217.
223 Там же. Л.215-215 (Об.).

- 224 Там же. Д.573. Л.5.
225 Там же. Л.5 (Об.) – 6.
226 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д. 88. Л.432-433 (Об.).
227 Там же. Ф.170. оп.6. Д.1558. Л.52 – 54.
228 Там же. Л. 55 (Об.).
229 Там же. Ф.153. Оп.1. Д.86. Л.115.
230 Календарь Симбирской губернии. 1879. Симбирск, 1878. С.178.
231 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.88. Л. 610.
232 Там же. Л. 762.
233 Чернуха В. Г. Паспорт в Российской империи. С. 99.
234 ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д.1558. Л.24.
235 Там же. Л. 25.
236 Там же. Д.1558. Л.57.
237 Там же. Л.87.
238 ЦГАСО. Ф.1. Оп.1. Д.311. Л.1. – 1(Об.).
239 Там же. Ф.217. Оп.1. Д.33. Л.280 – 283.
240 Смирнов Ю. Н. «Юрьев день» губернского масштаба : отмена проверки паспортов в Самаре в начале 1850-х годов // Центр и периферия. 2012. № 1.
241 ЦГАСО. Ф. 217. Оп.1. Д.88. Л.48.
242 Там же. Л.144.
243 Там же. Ф.153. Оп.1. Д.85. Л.255-259.
244 Там же. Л.257.
245 ЦГАСО. Ф.153. Оп.1. Д.346. Л.43.
246 Там же. Л.49.
247 Там же. Д.319. Л.94.
248 Там же. Л.17.
249 Там же. Л.152-153.
250 Там же.
251 Там же. Л.205, 216, 267 (Об.).
252 ЦГАСО. Ф.153. Оп.1. Д.235. Л.181 (а) – 181 (б) (Об.).
253 Там же. Л. 172-172 (Об.).
254 Там же. Д. 391. Л.253.
255 Там же. Д.447. Л.79 (Об.)-235.
256 Там же. Л.91.
257 Там же. Д.448. Л.1-19.
258 Там же. Д.449. Л.23.
259 ЦГАСО. Ф.153. Оп.1.Д. 449. Л.33, 41, 52.
260 Там же. Ф.217. Оп.1. Д.411. Л.172.
261 Там же. Л.109.

- 262 Памятная книжка Самарской губернии на 1916 год. Самара, 1916 г. С. 14. ; Памятная книжка Самарской губернии на 1909 г. Самара, 1909. С. 14 ; Памятная книжка Самарской губернии на 1915 г. Самара, 1915. С. 14.
- 263 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.425. Л.340.
- 264 Там же.
- 265 Там же. Л.340 (Об.).
- 266 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.425. Л.342.
- 267 Там же. Д.417. Л.6.
- 268 Там же. Д.412. Л.57-177.
- 269 Там же. Д.423.Л.1-263; Д.313, 318, 299.
- 270 Там же. Ф.153. Оп.1. Д.83. Л.275.
- 271 ЦГАСО. Ф.153. Оп.1. Д.83. Л.213.
- 272 Там же. Д.87. Л.129.
- 273 Там же. Л.129 (Об.).
- 274 ГАСО. Ф.94. Оп.1. Д.2795. Л.1 (Об.)-3 (Об.).
- 275 ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6 (подсчитано по описи).
- 276 Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи. С.466.
- 277 ПСЗ-П. Т.9. Отд.1. № 6712. Т.17. Отд. 1 № 15206.
- 278 Там же. Т.28. Отд.1. № 27727. Ст.1; Т.30. Отд.1. № 29767, 29947.
- 279 Там же. Т. 32. Отд.1. № 31583; 31584. Т.35. Отд.1. № 35951.
- 280 Там же. Т.47. Отд.2. № 51650.
- 281 Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи. С.465.
- 282 Рьдзюнский П. Г. Городское гражданство в дореформенной России. М., 1958. С. 44.
- 283 Иванов Ф. Н. Рекрутская повинность населения России в 1831-1874 годах: на материалах Европейского Севера : дис... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2006. С. 5.
- 284 Кормина Ж. В. Рекрутский обряд: структура и семантика (на материалах севера и северо-запада России XIX – XX вв.) : дис... канд. культуролог. наук. М., 2000.
- 285 Кормина Ж. В. Рекрутский обряд: структура и семантика... С.1.
- 286 Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. С. 41.
- 287 Эткинд А. Хлыст. М., 1998.
- 288 Кофман А. Ф. Аргентинское танго и русский мещанский романс // Литература в контексте культуры. М., 1986. С. 220-233.
- 289 Краткая литературная энциклопедия. Т. 6. М., 1971.
- 290 Кофман А. Ф. Аргентинское танго и русский мещанский романс... М., 1986.

- 291 Корнилов В. А. Эволюция военной службы в России XIX в.: от рекрутской системы к всеобщей воинской повинности // Преподавание истории и обществоведения в школе. 2003. № 7. С. 2-12.
- 292 Иванов Ф. Н. Рекрутская повинность. С. 54-55.
- 293 Иванов Ф. Н. Рекрутская повинность. С. 55.
- 294 Иванов Ф. Н. Рекрутская повинность. С. 68.
- 295 Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь : репр. воспроизведение издания 1890 года. Т. 52: Резонанс и резонаторы – роза ди-тиволи. С. 532.
- 296 ГАСО. Ф.94. Оп.1. Д.962. Л.1.
- 297 Отчёт по управлению С.-Петербургского мещанского сословия. С.103.
- 298 Там же.
- 299 Там же. С.104.
- 300 Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь: репр. Воспроизведение издания 1890 года. Т.52: Резонанс и резонаторы – роза ди-тиволи. С. 531.
- 301 Там же.
- 302 Там же.
- 303 Иванов Ф. Н. Рекрутская повинность. С. 77.
- 304 ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д. 227. Л.1.
- 305 Там же. Ф. 170. Оп.6. Д.85.
- 306 Ерошкин Н. П. История государственных учреждений. С. 170.
- 307 Иванов Ф. Н. Рекрутская повинность. С. 84.
- 308 Отчёт по управлению С.-Петербургского мещанского сословия. С.106-107.
- 309 Там же. С.111-112.
- 310 Там же. С.112.
- 311 Там же. С.114.
- 312 Там же. Д.621. Л.287.
- 313 Иванов Ф. Н. Рекрутская повинность. С. 118.
- 314 Корнилов В. А. Эволюция военной службы. С. 4.
- 315 Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Т.52. С. 531.
- 316 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.25.
- 317 Там же. Ф.170. Оп.6. Д.53. Л.2.
- 318 Там же.
- 319 Там же. Оп.2. Д.14. Л.1.
- 320 Там же. Оп.6. Д. 53. Л.4, 8, 10; Д.87. Л.5(Об.), 6; Д.88.
- 321 Там же. Д.122. Л.24 (Об.).
- 322 Там же. Д.45. Л.1.
- 323 ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 6. Д.53. Л.2.

- 324 Там же. Л.4-4 (Об.), 8,10.
325 Там же. Д.87. Л.3 (Об.), 5(Об.), 6.
326 Там же. Д.87 (а).
327 Иванов Ф. Н. Рекрутская повинность. С. 118.
328 Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. С. 531.
329 Иванов Ф. Н. Рекрутская повинность. С. 119.
330 ГАСО. Ф.94. Оп.1. Д.1229. Л.1-87 (Об.)
331 Иванов Ф. Н. Рекрутская повинность. С. 91.
332 ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д.85. Л.1 (Об.)-
333 Там же. Ф.217. Оп.1. Д.85. Л. 74.
334 Симбирские губернские ведомости. 1872. 4 янв. (Казённые объявления)
335 ГАУО. Ф.143. Оп.1. Д.38. Л.5.
336 Иванов Ф. Н. Рекрутская повинность. С. 148.
337 Отчёт по управлению С.-Петербургского мещанского сословия. С.119.
338 Там же. С. 162.
339 ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д.506. Л.2.
340 Там же. Д. 227.
341 Там же. Ф.217. Оп.1. Д.24. Л.228.
342 Там же. Ф.170. Оп.6. Д.150. Л.1.
343 ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д.221. Л.1-2 (Об.).
344 Там же. Ф.217. Оп.1. Д.102. Л.1-1 (Об.).
345 Там же. Д.104 (а). Л.38 (Об.), Л.1.
346 Там же. Д.393. Л.7.
347 Там же. Ф.170. Оп.6. Д.393. Л.14-54, 103.
348 Там же. Л.1-103.
349 ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д.393. Л.1- 103.
350 Отчёт Самарской Городской Управы и подведомственных ей учреждений за 1888 год. Самара, 1890. С. 13.
351 Там же. С. 14.
352 ЦИАМ. Ф.852. Оп.2. Д.25. Л.124.
353 ГАУО. Ф.143. Оп.1. Д.42. Дело о рекрутской повинности 1872-1874.
354 Памятная книжка Симбирской губернии на 1869 год. Симбирск, 1869. С.330.
355 Календарь Симбирской губернии 1880. С.119.
356 Календарь Симбирской губернии. 1881. С.38, 97.
357 Приложение ко Всеподданнейшему отчёту Самарского губернатора за 1876 год. Самара, 1877. С. 45-46.
358 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.393. Л.135.

- 359 Невская Л. Г. Полное переиздание «Причитаний Северного края» // Живая старина. 1999. № 4(24). С. 44.
360 Там же.
361 Невская Л. Г. Полное переиздание «Причитаний Северного края» // Живая старина. 1999. № 4(24). С. 44.
362 ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6. Д.122. Л.85.
363 Там же. Д.650. Л.1 – 4.
364 ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6. Д.1511. Л.1-5.
365 Там же. Л.7-9.
366 Там же. Л. 10-11.
367 Там же. Д.85. Л.118 (Об.) – 119.
368 ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6. Д.128. Л.1-2.
369 Там же. Д.677. Л.1 – 1(Об.).
370 Там же. Л.5-8
371 ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6. Д.680. Л.1-11.
372 Там же. Д.875. Л.1-11 (Об.).
373 Там же. Л.6.
374 Там же. Д.996. Л.3.
375 Там же. Д.1508. Л.84
376 ГАУО. Ф.144. Оп.1. Д.150. Л.1.
377 Там же. Л.3.
378 Там же. Л.7.
379 Там же. Л. 84.
380 Там же. Л.11-11 (Об.).
381 ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6. Д.1558. Л.4-4 (Об.).
382 ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6. Д.1558. Л. 58-59.
383 Там же. Л.284.
384 Там же. Ф.217. Оп.1. Д.392. Л.378.
385 Там же.
386 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.392. Л. 378.
387 Там же. (Письмо нами обнаружено не пронумерованное и отдано на реставрацию).
388 Там же. Д. 393. Л.316.
389 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.393. Л.314-320.

ГЛАВА 4 .

МЕЩАНСКИЕ ДЕВИАЦИИ В МИРНОЕ И РЕВОЛЮЦИОННОЕ ВРЕМЯ

Под девиантным поведением в социологии понимается поведение, не соответствующее совокупности норм, принятых значительным числом людей в группе или обществе¹. Применительно к анализу девиантного поведения в мещанской среде, отклоняющимися от нормы являлись в первую очередь те тексты поведения мещан в обществе, которые самим обществом квалифицировались как порочные. В понятие девиантного поведения в социологии включается как поведение, относящееся к компетенции уголовного права, так и то, которое представляет собой примеры поведенческого отклонения «в пределах общества»². С помощью анализа девиаций, можно увидеть социальные нормы, принятые в мещанской среде. Помимо традиционных мещанских девиаций, связанных, как правило, с хулиганством, пьянством и воровством, в годы первой русской революции и предшествующий ей период нарастания революции появляются три новых модели отклоняющегося поведения в мещанской среде: уличное хулиганство, использующее революционную риторику без всякого политического контекста, профессиональная революционная деятельность, в которую включилось мещанство, и сочувствующие революции романтики и авантюристы. Рост протестного движения в пореформенное время Б.Н.Миронов относит к девиантному поведению и объясняет с помощью теорий аномии, социальной дезорганизации и напряжения. По его мнению Великие реформы 1860-х гг. «породили дезориентацию, так как социальные нормы стали противоречивыми, утратили прежнюю ясность..., прежние устойчивые социальные связи становились противоречивыми и разрушались, вследствие чего социальный контроль над человеком со стороны социальных организаций, таких как сельская община, мещанское, купеческое и дворянское общества, чрезвычайно ослабел, и в обществе появились

черты дезориентации ... Это напряжение со временем увеличивалось по мере роста индивидуализма, личной свободы, гражданских прав, уровня культуры и кругозора»³. Отклонением от нормы в православном большинстве мещан трёх рассматриваемых губерний выступало и религиозное инакомыслие, обобщённое негативистским термином «раскольники», применяемым не только к старообрядцам, но и к сторонникам тех или иных русских мистических сект. Причём, если традиционные мещанские девиации воспринимались как отклонение в первую очередь самим обществом и наказывались обществом, то девиантные тексты поведения мещан в революции и в религиозности – трактовались как нарушающие порядок, с ними боролась государственная власть и подвергала наказанию и исправлению. Все вышеперечисленные отклонения от принятых в мещанской среде поведенческих норм будут обобщены понятием «мещанские девиации».

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПОРОКЕ В МЕЩАНСКОЙ СОСЛОВНОЙ СРЕДЕ

Ещё в XVIII в. Жалованная грамота городам утверждала, что мещанин должен лишиться доброго имени, если нарушит присягу, учинит измену, разбой, воровство, лживые поступки, преступления⁴. Этический смысл грамоты сводился к тому, что с помощью трудолюбия и добронравия, посредством торговли, промыслов, рукоделия и ремесла можно стать мещанином и передать своё состояние по наследству. Мещанин имеет право на доброе имя, которого может лишиться только по суду (мещанскому)⁵.

Городское общество, в которое входило мещанство, имело дисциплинарную власть над своими членами, право исключать из него «гражданина, который опорочен судом или которого явный и доверие нарушающий порок всем известен, хотя бы и судим ещё не был, пока оправдается»⁶. И мещанские общества имели дисциплинарную власть над своими членами: право исключать из своей среды людей порочных и за развратное поведение. До вынесения приговора в высылении порочных и развратных мещан в Сибирь, мещанские общества применяли к ним до трёх раз по мирским приговорам меры исправительные, а именно: отдачу в разные казённые, городские и частные

работы – в первый раз на время от одного до двух месяцев, во второй раз – от двух до четырёх месяцев, в третий раз – от четырёх до шести месяцев. Право мещанских обществ исключать своих порочных членов с их последующей ссылкой на водворение в Сибирь было отменено указом от 12 июня 1900 г.⁷ Кроме того, мещанские общества имели право выносить приговоры о наложении опеки на имение расточителя⁸. Таким образом, «революционный порок», ставший особенно распространённым в мещанской среде в годы первой русской революции, самим обществом уже не мог квалифицироваться как порок и подвергаться наказанию со стороны общества. А религиозное инакомыслие для самого мещанского общества не являлось пороком, мещане даже шли на нарушение закона (до закона о веротерпимости) при назначении старообрядцев на сословные должности.

Дела о «порочных» мещанах сосредоточены в самом сословном делопроизводстве. Безусловно, в различных фондах государственных учреждений также имеется свой комплекс дел, связанных с нарушением закона и порядка в обществе. Но так как в границах данного исследования основное внимание уделено репрезентациям мещанской сословной повседневности, сосредоточенным именно в сословном делопроизводстве, остальные фонды будут играть вспомогательную роль. Дела о мещанах, совершивших то или иное преступление хранятся и в фондах провинциальных магистратов, основных «регуляторов конфликтогенности»⁹ в дореформенный период. Одно дело было позаимствовано из этого фонда, датированное концом XVIII в. в качестве своего рода эпиграфа к теме и как свидетельство неизбывности уличного хулиганства в мещанской городской среде. В фонде сызранского городского магистрата хранится дело о мещанине, «замахнувшегося на городничего топором в 1795 г.»¹⁰ Образно говоря, мещанин хулиганил, «замахиваясь топором», непрерывно, с момента оформления сословия и до его гибели. В.Н.Шапошников считает, что «хулиганство России развивалось как знак её урбанизации и технизации, знак изменения образа и ритма жизни»¹¹. Главный герой урбанизации – мещанство. Из мещанства, смешанного с приехавшим в город крестьянством, формировался так называемый «площадной народ», социальные низы города, улица с её законами и образом жизни, подогретым сивушно-пивными парами и отличавшимся безмотивными нарушениями порядка. Часто в мещанских девиациях проявлял себя процесс поиска новой идентичности деревенским созна-

нием, оказавшимся в новой городской среде. Мещанину не хватало урбанистического прошлого, чтобы быть более дерзким в диалогах с властью, с жизнью. Российский мещанин предпочитал двигаться маленькими шагами по пути повседневного выживания. Но выразить своё пренебрежение к городскому культурному коду и обиду на государство и жизнь, он, тем не менее, успевал в форме уличного деструктивного поведения. В среде мещан г.Дорогобужа сложился даже своеобразный язык («воров и бродяг», который до революции изучал известный этнограф В.Н.Добровольский, определивший этот язык как «шубрейский или кубрацкий»¹². Воровство, пьянство, «праздношатательство» – становятся основными мещанскими девиациями в различных губерниях Российской империи, о таких мещанах в делопроизводствах управ писали: «холост, имеет от роду 23 года,...был взят за праздношатательство в деревне...прислан для водворения...за кражу со взломом лишён всех прав и преимуществ...в исправительное арестантское отделение...а потом под надзор общества на 4 года»¹³.

Самый главный вопрос, связанный с дореволюционным мещанским обществом, заключался в том, где грань между нормой и отклонением от нормы, между добродетелью и пороком. Пороком признавалось всё то, что противоречило основным задачам жизнедеятельности мещанского общества и мещанских семей. Городская мещанская община, как коллективная мораль социума, удерживая своих «подопечных» в границах традиционных правил поведения, но сама постоянно подвергалась трансформации из-за интенсификации географической мобильности городского населения и возрастающей степени взаимодействия с иными социальными группами. Борьба общины с пороком была направлена в первую очередь на сохранение социального баланса и безопасности самой общины (Приложение № 24).

По ту сторону власти и дисциплины мещанин оказывался по различным причинам. Одна из них – невозможность экономически выдержать налоговый гнёт, всей своей тяжестью направленный именно на основной городской социальный слой. Тогда как большинство мещан выбирали тактику легитимного существования и непротивления обстоятельствам жизни, некоторая часть мещан устремлялась за границы обжитого локуса в поисках лучшей участи. Но машина власти использовала все возможные способы, чтобы водворять мещан на свои места дисциплинарного пространства и принуждать к выполнению их социальных ролей и обязательств. Городская дума Самары не-

однократно в течение 1857 г. просила Уральскую городскую полицию выслать мещан в Самару для уплаты податей¹⁴. Или Оренбургский земский суд «взыскать с Самарского мещанина ... проживающего в Оренбургском уезде... числящуюся за ним податную и общественную недоимку в количестве 10 р.29 к. серебром»¹⁵. Практичный ум мещанина срабатывал и в том случае, если кто-то из его семьи оказывался за гранью, отделяющей легитимное существование от маргинального, вне закона. Он сразу же спешил внести изменения в ревизские сказки и рекрутские списки, чтобы не платить за выбывшего подати и получить надежду в плане рекрутства. «Сын мой по преступлению согласно решению уголовной палаты сослан в Сибирь на поселение... прошу исключить его из числа наличных душ», – писал в 1854 г. Ефрем Пискулин¹⁶. Аналогичные прошения поступали и от других мещан¹⁷. Еремей Марков писал: «Старший мой сын в отлучке уже более пяти лет...вскоре был взят в тюремный замок а из оного куда-то – где неизвестно...»¹⁸.

Чаще всего за те виды преступлений, которые порой трудно было отличить от бытового хулиганства, мещан отправляли на исправление обществу. В 1850 г. саратовский мещанин Прокофий Синельщиков попытался отвязать от телеги другого саратовского мещанина Петра Киселёва двух лошадей. «Хотя в сём поступке инеуличён никак он прежде всего неоднократно находился под судом заразные кражи ив самом поведении неодобрен то по сему решительному определению Магистрата утверждённым саратовскою палатою уголовного суда заключено...отдать в общество будь оно принять пожелает»¹⁹. Но мещанское общество в случае Синельщикова приговорило: «усматривая из настоящего указа что ... Прокофий Синельщиков неоднократно судился в разных кражах ив самом поведении неодобрён и сверх сего нисколько не заботился о платеже государственных податей с повинностями каковых накопил за собою 17 р. 68 к. серебром отдать в солдаты а по негодности сослать напоселение»²⁰. В каждом конкретном случае мещанское общество решало судьбу провинившегося однообщественника, исходя из таких подробностей биографии и свойств личности, которые могут быть известны только в общине, то есть в узком пространстве соседских связей. В 70-е гг. XIX в. по Саратову на дрожках ехали два мещанина. При резком повороте, мещанин Волков свалился с дрожек. А ехавший с ним мещанин Большаков успел сорвать с падающего Волкова часы с цепочкой и заложил их.

Большакова приговорили к работам в исправительных арестантских ротах на три года. Когда срок истёк, мещанское общество Саратова не приняло его обратно в свою среду²¹. Также мещане Саратова не приняли назад мещанина Р.А.Овчинникова. Он похитил у своего товарища рядового Карачука 3 руб. 20 коп., 3 руб. и «употребил на пьянство». После других краж, Овчинников был отправлен на год в арестантские исправительные роты²². Мещанское общество могло учреждать своими приговорами опеку над имуществом расточителя. Так, саратовское мещанское общество учредило опеку над «имением Г.И.Артамонова», так как он вёл «распутную и нетрезвую расточительную жизнь и расточает своё имущество»²³.

В этом пространстве провинциального города наиболее типичными мещанскими девиациями были пьянство, драки («буйство») и воровство, от которых в первую очередь страдали сами же мещане. Самарская мещанка Лукерья Колинина жаловалась городскому голове на своего деверя: «деверь мой Иван Колинин пришед ко мне в дом в пьяном виде и начал производить буйство и обличать меня скверноматерными словами по неизвестной мне причине, причём в комнате моей выбил стекло. А потому о сём доводя Вашему Степенству и покорнейше прошу деверя моего Ивана Колинина призвать и внушить ему дабы он подобных обид не причинял...»²⁴. Самарский мещанин Михаил Покровский был приговорён обществом в 1855 г. «за пьянство и неплатёж податей» на один месяц «в городские работы». Только его выпустили, он снова начал пить. Общество его опять отравило уже на два месяца в городской работный дом²⁵.

Полиция направляла к мещанскому старосте сведения о дурном поведении мещан города, задержанных полицией или на которых приходили в полицию жалобы. «Негодование жителей» города вызывало поведение братьев Стромилых, неоднократно задерживаемых полицией в 1852 г. «за пьянство и буйство»²⁶. 31-летний самарский мещанин Константин Нелидов был препровождён полицией к мещанскому старосте, так как постоянно задерживался за пьянство и неплатёж податей²⁷. Решено было к нему применить исправительную меру²⁸.

8 сентября 1853 г. «самарские мещане домохозяева были в собрании», чтобы решить судьбу своих «порочных» однообщественников, обвиняемых в кражах, пьянстве и буйстве²⁹. В 1854 г. мещанское общество Самары определило по приговору «исправительную меру над мещанином Сергеем Евдокимовым постоянно занимающимся пьян-

ством», который «в отсутствии здравого рассудка делает кроме буйства разные неосмотрительные поступки, действия, влекущие к опасности семейство его и соседей»³⁰. В качестве «исправительной меры» было принято решение содержать его «в градской части до одного месяца с употреблением в городские работы»³¹. От Самарского земского начальника пришло в мещанскую управу Самары требование не выдавать письменного вида на жительство для мещанина Андрея Гуревич до окончания производимого о нём дела по обвинению в проступках, предусмотренных 38 и 44 устава о наказаниях³².

Приговоры мещанского общества города о принятии в свою среду вновь тех мещан, которые были «содержимы в местах заключения с лишением прав», подлежали утверждению Городской управы по примечанию к 313 ст. XIV т. Устава о предупреждении и пресечении преступлений³³.

Отбывших срок в исправительных арестантских отделениях мещан, общество решало, принимать ли обратно в свою среду. В одном из решений мещанского общества был обозначен круг отвергнутых нарушителей порядка: «Матвея Алексеева (осуждённого) за приобретение заведомо краденых часов, ...Раневского...за приобретение заведомо краденой лошади, телеги и прочей сбруи на сумму свыше 30 руб.....а также за приобретение просроченных видов и за хождение по улицам и повсюду с закуренною трубкою или же сигарою и папиросою...»³⁴. Выявить их мотивацию в выборе тех, кого принять, а кого не принимать – достаточно сложно. Иногда случались ситуации, что из двоих, осуждённых за одно и тоже преступление, одного принимали обратно, другого – нет. Вполне возможно, что в ход шли дружественные, семейные, соседские связи. Если, к примеру, Степан Сидоров, судимый за грабёж, не был принят обратно в мещанское общество в то время, как подельник его, Грачёв оказался принятым мещанами, мать Сидорова написала прошение в мещанское общество и мещане отреагировали положительно: «...желаем принять в среду свою, тем более, что он ещё в молодых летах, то есть в возрасте, который даёт возможность верить в будущее его исправление нравственности и доставление семейству прокормлений. Почему просим правительство, если Сидоров куда либо им сослан, возвратит его, и означенный выше приговор уничтожить»³⁵. 45-летний И.И.Кривцов был лишён всех особых прав и преимуществ и заключён на один год в тюрьму за составление подложного вида на жительство. Мещане

Самары вновь приняли его в своё общество после отбытия заключения³⁶. Николай Меркулов 2 года 4 месяца отбывал срок и вернулся под надзор полиции в г.Бузулук. Вновь был причислен в мещанство³⁷. Мещанская управа строго следовала букве закона и только по статье 184 о прощении судебных дел выдавала судимым мещанам виды на жительство³⁸.

Девять самарских мещан были замечены в 1854 г. полицмейстером «в буйстве, без занятий и наклонности к воровству»³⁹. Среди них: Степан Кобешев, укравший чай у купца Буреева, а также замеченный в воровстве на волжских судах; Фёдор Усацкий, ограбивший мещанина и купца; Капитон Кривошеев, «пропивающий вещи»; Григорий Чернышёв, «занимающийся шалостями»; Егор Ложетников, обвиняемый в краже лошадей; Тимофей Осокин, судимый за кражу коров; Михаил Юдин, «пропивающий чужие вещи»; Григорий Журавлёв, судимый несколько раз за конокрадство; Макаров, подозреваемый «в переводе фальшивой монеты»⁴⁰. Все нарушители порядка были отданы «на поручительство благонадёжным людям»⁴¹. В этом же году «по магистрату» были судимы следующие мещане: Осокин, заключивший брак с несовершеннолетней; Усацкий, судимый за ограбление конной упряжи; Кобешев, за кражу лошади; Муравьёв, за кражу лошадей у крестьян (наказан 40 ударами розг)⁴², Евдокимов, постоянно занимающийся пьянством⁴³. Все эти мещане были «приняты обществом под надзор»⁴⁴. Сведения о некоторых «буйствах» самарских мещан доходили лично до начальника губернии. В 1855 г. он предписал самарской полиции «самарского мещанина Петра Сорокина за буйство в доме самарской мещанки Т.Фирсовой подвергнуть исправительно-му наказанию...а прочим мещанам, участвовавшим с ним в буйстве, Ф.Марычеву, А.Суворовскому (и др.) внушить с подпискою чтобы они от противозаконных поступков воздержались и что за повторение подобных поступков они подвергнуты будут взысканию по всей строгости законов»⁴⁵. Мещанское общество приговорило Сорокина «как замеченного неоднократно в буйстве и других противозаконных поступках» отправить в рекруты. «Если он окажется негодным для службы, отправить его в Симбирский рабочий дом на 6 месяцев»⁴⁶. Отцы жаловались обществу на сыновей, занимающихся пьянством («ведёт жизнь распутную, не занимается хозяйством, растрчивает... притесняет в пьяном виде жену и малолетних детей наносит отцу оскорбления неблагопристойными словами») ⁴⁷. Самарский мещанин

Гаврила Стромилов, «взятый за буйство и пьянство», «оказал грубости и дерзости квартальному надзирателю в Самарской части» и «состоит под судом за пролом головы архиерейскому певчему». Гаврила был отправлен в тюремный замок. Но, в принципе, сообщественники уже и не знали, куда его ещё отправить: он уже три раза побывал в Симбирском работном доме за постоянное пьянство и буйство на собраниях мещан⁴⁸.

Порой неизвестно было, кто оказывался на самом деле в худшем положении: пьяница-муж или его жена, которая не имела права без его разрешения или разрешения управы отправиться на заработки. Самарская мещанка Авдотья жаловалась на своего мужа Назара Сорокина за то, что он «не доставляет ей средства к содержанию и ведёт нетрезвую жизнь»⁴⁹. Сорокина уже не раз отправляли и в арестантские роты, и в тюрьму. Теперь ему снова предстояло отправиться в тюрьму на пять с половиной месяцев. И только в этот раз Авдотья получила разрешение от управы «отлучиться от него на заработки»⁵⁰. И в пользу Федосьи Левковой суд решил дело об «отлучке от мужа для работ», так как её муж вёл «жизнь нетрезвую» и «не доставлял ей средства к содержанию малолетних детей»⁵¹.

Аграфену Самойлову обвинили в краже коров. Но Аграфена обвинила в ответ пристава первой части Самарской городской полиции Кричевского и словесного судью Воронцова в вымогательстве. Аграфена согласилась, что да, действительно её два раза задерживали за кражу коров. В первый раз, когда её доставили в часть, пристав Кричевский приказал ей заплатить унтер-офицеру Артапьеву за проданную ему Самойловой краденую корову деньги с тем, чтобы не заводить дела. Во второй раз, словесный судья Воронцов велел ей заплатить деньги мещанину Линёву, у которого она украла корову. Кричевский предъявленные ему обвинения отверг. Воронцов же сказал, что он сейчас и не состоит больше на должности словесного судьи. Решено было «проступки Кричевского и Воронцова оставить без последствий, но строго воспретить последнему, что когда снова будет в должности...не осмеливался вмешиваться в разбор уголовных дел», иначе будет наказан «за превышение власти»⁵².

Города были не только очагами культуры и прогресса, но и тем местом, где «армии» вчерашних крепостных крестьян пополняли мир обитателей трущоб, «где оставались до конца своих дней, окончательно разлагаясь нравственно и физически»⁵³. Ночные обходы со-

бирали по городу пьяных мещан, и в случае, если личность их не была установлена, препровождали в Мещанскую управу. В отчётах писали: «взяли двух неизвестных человек, одного в пьяном виде, а другого за соби́рание милостыни, называющихся самарскими мещанами»⁵⁴. Дисциплинарная власть мещанской управы над своими провинившимися однообщественниками порой оказывалась действенной, пьяницы и дебоширы каялись и присили приостановить заведённые на них дела. Самарский мещанин Пётр Стрельцов писал в управу: «30 минувшего ноября, я бывши в управе в нетрезвом виде, нанёс оскорбление словами члену Грачёву. Сознавая в настоящее время, что подобный поступок с моей стороны в высшей степени безнравственный я приношу Грачёву искреннее в этом раскаянье...имею честь просить управу начатое обо мне дело покончить»⁵⁵.

Но порой мещан обвиняли несправедливо и они искали защиты у «своей» власти. Самарский мещанин Василий Дьячков просил помощи у городского головы: «Дозвольте Ваше Высокопревосходительство объяснить Вам мои бедственные и неожиданные последствия. Казанский земский исправник через отношение своё просит Самарскую городскую полицию выслать меня посредством внутренней стражи к Приставу 1го Стана Казанского уезда, для каких то очных ставок с Смотрителем запасного магазина Рахметулиным по делу о выдаче им хлеба из магазина обывателям чурилинского общества Где я находился сельским ...»⁵⁶. В конце прошения мещанин просит в городского головы разрешения, если власти города его не защитят, «отправиться на наёмных подводах» в Казань, чтобы его не позорили «по этапу». И добавляет: «уж если по другому нельзя я обязуюсь отправиться на наёмных подводах непременно».⁵⁷

Мещане, нарушившие закон, со всех сторон были окружены контролем и учётом: со стороны пенитенциарной и судебной систем и со стороны своего мещанского общества, в которое постоянно доставлялись сведения о судимости мещан города⁵⁸. Из Наряда Самарской мещанской управы о судимости мещан г.Самары по решениям мировых судей в 1887 году, видно, что основным преступлением, за которое привлекались мещане к суду была кража⁵⁹. Даже за «покушение на кражу», как в случае с мещанкой Екатериной Диковой, можно было попасть в тюрьму на полтора месяца⁶⁰. Такой ходовой товар по самарскому бездорожью как калоши, становился объектом краж. 17-летний самарский мещанин Павел Лукин утащил калоши

у казанского мещанина Степана Иванова, за что попал на шесть недель в тюрьму⁶¹. Мещанин Константин Коннехов попал в тюрьму на три месяца «за растрату тулупа у крестьянина»⁶². На четыре месяца отправился в тюрьму самарский мещанин Иван Сизов за «присвоение денег у рядового»⁶³. Даже за кражу уток, как в случае с Феофанов Яшиным, можно было оказаться в тюрьме на три месяца⁶⁴. «Мошеничество» грозило тюремным сроком в шесть месяцев⁶⁵. А уж за оскорбление действием полицейского чиновника можно было отправиться в тюрьму на один год, как и произошло с 34-летним мещанином Петром Богомоловым⁶⁶. Матвей Андреев утащил бельё, сушившееся на верёвке у солдатки, за что был наказан на десять месяцев тюремного заключения⁶⁷. А Кирилл Сорокин отправился туда же на четыре месяца за кражу шали у мещанки Клюквиной. Женщины-воровки не отставали от мужчин, Ольга Богомолова и Анна Курочкина были отправлены в тюрьму на три месяца за кражу белья⁶⁸. Отставной рядовой, причисленный в самарское мещанство, попал в тюрьму на три месяца за кражу гаечных ключей в Депо Оренбургской железной дороги⁶⁹. Попадали в тюрьму мещане за укрывательство краденого⁷⁰, за кражу лошадей⁷¹, «за растрату пальто»⁷². Были и девиации среди мещан, в определённой степени вызванные нищетой, как, например, порубка леса на городских выгонных землях. За порубку леса мещанину выписали штраф в 5 руб. 66 коп.. Такую сумму уплатить он не мог. И был отправлен «на работы» в Красный Яр⁷³. Воровали мещане сапоги, столярные инструменты, часы – то есть вещи первой необходимости в их быту⁷⁴. Но иногда тянуло и на роскошь. Мещанка Пелагея Степанова попала в тюрьму на месяц за кражу шубки у дворянки⁷⁵. Но это скорее исключение. На четыре месяца попал в тюрьму мещанин Самары за кражу пудовой гири у купца⁷⁶. Кража кулей с гириями вообще была достаточно распространена в городе⁷⁷. Мещанин Никита Васильев был отдан под суд за то, что украл пальто у учительнице Рыбкиной⁷⁸. В 1864 г. Мещанская управа Самары истратила на «издержки по исправлению порочных мещан» 124 руб.⁷⁹.

В 1869 г., как отмечалось в Памятной книжке Симбирской губернии, больше всего преступников принадлежало к городскому сословию. Из 1359 преступлений в городском сословии – 1221 выпадали на долю мещан⁸⁰. Причём, авторы Памятной книжки объясняют данные цифры тем, что мещане преобладали среди других категорий городского населения и были склонны к жалобам, а также «вследствие

недостатка образования»⁸¹. Большинство самоубийц по губернии составляли женщины, авторы Памятной книжки по этому поводу замечали: «Необъясняется ли это недостатком воли и слабостью характера – так свойственных нашим женщинам»⁸².

В начале XX в. в качестве основной мещанской девиации по-прежнему оставалась кража⁸³, за которую получали срок от 10 дней до одного года и, как правило, это были достаточно молодые люди, около 20 лет⁸⁴. Порой самарские мещане попадали в тюрьму и далеко за пределами родного города. Так самарский мещанин, запасной старший писарь Николай Кузнецов был отправлен по решению ташкентского окружного суда в тюрьму на восемь месяцев «за оскорбление действием туркестантского участкового пристава и полицейских джигитов»⁸⁵. По Нарядам уведомлений о судимости мещан вплоть до 1917 г. основным преступлением оставалось воровство⁸⁶. Средний возраст нарушителей был 19 лет⁸⁷.

В 1907–1908 гг. симбирское мещанское общество не знало, как быть с симбирским мещанским мальчиком Николаем Ульяновым, судимым за мелкие кражи. В селе Усолье в экономии графа Орлова – Давыдова умер слесарь И.А.Ульянов, оставив сына от первого брака, Николая и жену, на которой женился вторым браком. Николай постоянно занимался мелкими кражами, хулиганил, поджигал около построек порохов, за что в конце концов оказался «под судом» и до совершеннолетия был «отдан под надзор» своей тётке, самарской кухарке, проживавшей в Симбирске. Но тётка тут же отправила его обратно в Усолье к мачехе. Мачеха решила отправить обратно в Симбирск. Тётка отказалась принимать и тогда бедного 14-летнего хулигана решением сиротского суда отправили «этапным порядком» на попечение симбирского мещанского общества. Мещанский староста обязывался «приискать лицо, которое изъявило бы согласие принять на себя обязанности опекуна». По материалам дела остаётся неясным, нашёл ли староста Ульянову приёмных родителей, но в 1908 г. управляющий Усольской вотчины пишет уряднику полицейской стражи по Усольской волости, что «около двух недель тому назад в Усолье появился мальчик Николай Ульянов, который шляется везде и всюду по экономической усадьбе. Мальчик Ульянов имеет плохое поведение, почему прошу Вас объявить ему, чтоб он прекратил свои прогулки, а также и посещение вверенной мне усадьбы»⁸⁸. Урядник, не зная, что делать с Ульяновым, написал пись-

мо Приставу I Стана Сызранского уезда. И пристав принял решение отправить мальчика этапным порядком теперь уже в Самару, в полицейское управление для передачи на попечение тётке⁸⁹. Так заканчивается история мальчика с великой фамилией, от опеки над судьбой которого счастливо избавился город, получивший впоследствии имя, производное от фамилии Ульянов.

Пьянство и хулиганство в мещанской повседневности были явлением привычным, о чём постоянно сообщалось в провинциальной периодической печати. 29 июня 1895 г. на р.Свияге утонул симбирский мещанин И.М.Михайлов, 45 лет. «Будучи в нетрезвом виде, посадил себе на шею 10-летнего сына и поплыл на другой берег реки, но, не доплыв до середины ея, вдруг совсем опустился в воду и более не появлялся на ея поверхности...сын же его сам выплыл на берег», или «скоропостижно умер от апоплексического удара симбирский мещанин...был подвержен алкоголизму»⁹⁰. А другой мещанин Ратушков неудачно салютовал проходившему по Волге пароходу, за что был доставлен в полицию. «Самарская газета» сообщала, что в 26 августа 1895 г. в семь часов вечера пароход «Миссури» приближался к Сызрани и шёл в 50 саженьях от берега средним ходом. Когда он стал проходить мимо кажевенного завода Ратушкова, с берега раздались выстрелы по пароходу. Стрелял молодой человек, который находился на берегу в компании ещё трёх человек, около телеги с рыболовными снастями. Капитан в рупор пригрозил стрелявшим, потом обратился в полицию. Выяснилось, что стрелял сам Ратушков и на вопрос «зачем?» ответил: «Стрелял я, так как хотел вам салютовать!»⁹¹.

Среди уведомлений в управу о судимости мещан за 1910 г. встречаются и малолетние преступники, которых в качестве наказания отдавали под надзор своих родителей⁹². В 1914 г. двое 11-летних мещан г.Самары в компании с 15-летним сыном титулярного советника «в г.Оренбурге, тайно, с корыстной целью, сговорившись между собой и при взаимном участии, похитили из незапертой квартиры ветеренарного врача...2 пиджачных костюма, мужской и детский, стоимостью в 50 руб., а сын титулярного советника (Кокурыкин) ещё и похитил из незапертой квартиры мещанина...принадлежавший последнему револьвер системы Смита и Вессона стоимостью 15 руб.»⁹³.

В 1915 г. мещане Симбирска отправлялись в тюрьму, как правило, на небольшой срок, от одного до трёх месяцев, что свидетельствует о том, что также как и в Самаре это были мелкие кражи и уличное

хулиганство⁹⁴. В 1916 г. мещанка Морашкина была арестована и препровождена на 2 недели в тюрьму за «оскорбления на словах чина полиции»⁹⁵.

В провинциальных городах было много нищих, «различного рода бродяги, живущие подаванием, калики и юродивые считались людьми божьими. Через милостыню обыватель как бы приобщался к великому таинству божественной благодати, ибо был воспитан на заповеди: «Будьте милосердны, как милосерден Отец наш Небесный»⁹⁶. В мещанские управы периодически поступали из полиции списки лиц мещанского сословия, задержанные за нищенство. Из 68 человек одного такого списка по Самаре – практически нет бездомных. Мещане, задержанные полицией за нищенство, проживали или в чьих-то домах, или в своих собственных, на постоянных дворах, в землянках за полотном железной дороги, в «заведениях»⁹⁷. Из всего списка к калекам, то есть людям, которые не в состоянии были добывать пропитание своим трудом, можно отнести только трёх мещан⁹⁸. Но с точки зрения трудности для женщин – вдов с детьми найти работу и средства к жизни, а также детей-сирот, в эту категорию «вынужденных нищих» можно отнести солдаток⁹⁹ и их детей¹⁰⁰. Остальные, по-видимому, занимались нищенством как профессией.

По «Высочайше утверждённому указу о порядке удаления порочных мещан» видно, что составляемые обществом приговоры о подсыдимых и порочных мещанах подписываемы были 2/3 домохозяев. «Но как по штатным обстоятельствам жителей г.Самары 2/3 общества собрать в одно время нет никакой возможности, потому что мещане хотя и имеют в городе дома, но по промыслам своим находятся по большей части в отлучке, а другие, занимаясь земледелием, постоянно находятся на снятых ими участках, другие же хотя и проживают в г.Самаре, но по бедному состоянию своему заняты постоянно чёрной работой, не находят времени являться на общественное собрание»¹⁰¹.

Случались в этом вопросе и конфликтные ситуации, которые иллюстрирует дело о мещанине, сосланном в Сибирь по «подложному приговору» мещанского общества. Распространённость подобных практик доказывается прошениями родственников. Так отец сосланного самарского мещанина Алексея Грачёва в Сибирь по подложному приговору общества, добился проведения следствия чиновником особых поручений¹⁰². Для оставшихся в Самаре сирот, дед отправился в управу просить пособие и настаивал, чтобы на собрание мещан не

приглашались те, кто подписал подложный приговор. Но те мещане, которые собрались на собрание, отказали в выдаче пособия¹⁰³. И это несмотря на то, что приговор «об удалении из своей среды Петра Грачёва» они решили отменить и при том, что у Грачёва, невинно отправленного в Сибирь, остались жена и пятеро малолетних детей¹⁰⁴. Отец снова начинает борьбу за пособия. Тогда мещане вВ приговоре общества указывают, что общество «упустило из виду..назначение средств к содержанию его семейства...упущение это...произошло как от членов собрания, так и от Г.Председавшего в оном потому, что в приговоре составленным этим собранием показано, что Пётр Грачёв имеет у себя только жену и одну двенадцатилетнюю дочь, между тем, как по дознанию, произведённому в 1871 г...у него пять малолетних детей»¹⁰⁵. Но денег не выдают, а принимают решение об избрании специальной комиссии, которая должна решить, обманывает ли мещанское общество отец Петра Грачёва, так как у него имеется сад, за счёт которого, по мнению мещанского общества, дети и жена Петра Грачёва не должны бы были бедствовать¹⁰⁶. Отец настойчиво продолжал писать жалобы. Настроенная на борьбу во имя нежелания исправлять ошибки комиссия доложила на собрании общества: у отца Грачёва под садом находится целых 23 десятины земли, из которых лесом засажены 5 десятин, остальные – под плодовые деревья. Земля под картофель и другие овощи – сдаётся людям, 25 руб. за десятину. Таким образом, одна только земля приносит Грачёву старшему годовой доход в 275 руб.. Плодовые деревья, в количестве 4000, приносят доход в 400 руб.. Под малиной – одна десятинна. 5 десятин леса используются в качестве отопления для избы. В саду выстроен флигель, стоящий 150 руб.. А кроме того, Грачёв имеет ещё и лошадь, стоящую 20 руб. и корову, которая также может стоить 10 руб.. Дети уже вообще взрослые: 9, 16, 13 и 11 лет. Более того, воинствовала мещанская управа, у Грачёва-старшего есть ещё один сын, помимо несправедливо сосланного в Сибирь, и вот этот другой сын Алексей – занимается посевом овощей и другими промыслами, имеет двух лошадей и одну корову. И вообще, всё принадлежащее Грачёву-старшему имущество можно оценить в 5000 рублей, следовательно ни о каком пособии для семьи Грачёва-младшего нечего и говорить¹⁰⁷.

В начале XX в. в среде мещанства появляются девиации, вызванные военным временем: нарушение законов военного времени и дезертирство. В каторжные работы на 8 лет был отправлен мещан-

нин – часовой, у которого на охраняемом объекте произвели кражу со взломом казённого имущества (к сожалению, такой документ как наряд уведомлений о судимости не даёт подробного описания дел)¹⁰⁸. В 1916 г. побег со службы рядового 4 роты 135 пехотного запасного полка мещанина г.Самары повлёл за собой наказание в 10 лет каторги¹⁰⁹. Так же поступили и со сбежавшем из 130 запасного пехотного полка 19-летним самарским мещанином. Только «приняв во внимание несовершеннолетие», дали 4 года каторжных работ¹¹⁰. В том же 1916 г. 23-летний самарский мещанин бежал из запасного самарского батальона к своей матери. Прятался там 6 месяцев. После чего был обнаружен, судим военно-полевым судом. Несмотря на то, что это преступление влекло за собой смертную казнь, суд заменил её 10 годами каторжных работ¹¹¹. Дела о таких дезертирах из мещан, заканчивались, как правило, наказанием в виде каторжных работ от 6 до 10 лет¹¹².

Через дело о саратовской мещанке Марии Релизовой за 1917 г. проходит не только тема пороков, принятых в мещанской среде и мер к их пресечению, предпринимаемых сословным обществом, но и нелёгкая судьба людей в революционную эпоху. В 1917 г. мещанское общество Саратова по ходатайству её детей, Михаила и Раисы Релизовых, приняло приговор о наложении опеки «вследствии ея расточительности» на всё имущество¹¹³. На своём собрании мещане Саратова, несмотря на очень сложные для них проблемы, связанные с судьбой сословного капитала и благотворительных учреждений в ситуации революции, вынуждены были заниматься судьбой и этой молодой женщины, обвинённой детьми в «прелюбодейной и расточительной» жизни. Дети обратились за помощью к обществу уже тогда, когда Мария «растратила с своими любовниками» 600 руб. наследства, полученного от своей матери и собиралась продать дом, чем лишала «единственного крова своих четверых малолетних детей с которыми обращалась грубо и безжалостно»¹¹⁴. Марии к этому времени исполнилось 36 лет, её мужу было 46 лет, а дети – 6, 8, 14 и 16 лет. До февральской революции муж Марии служил городовым в городской полиции. После «Государственного переворота был заключён вместе с другими чинами полиции в тюрьму и только 20 апреля с.г. по болезни был освобождён; в данное время пока без места в виду того, что как полицейского, на службу никуда не принимают»¹¹⁵. Мария – «по профессии торговка на базаре». До 1912 г. «совместная жизнь Релизо-

вых протекала мирно и не нарушалась никаким предосудительным поступком как с той, так и с другой стороны»¹¹⁶. Но в 1912 г. супруги решили купить себе «домик на чужом месте» за 450 руб. деньги взяли в долг «с правом погашения ежемесячно». Жена настойчиво стала просить мужа оформить купчую на дом на её имя, мотивируя тем, что в то время муж «временно заболел». Активно эту идею поддерживала и мать Релизовой, проживающая с ними вместе. Муж уступил и оформил дом на свою жену. Если до этого Мария сидела дома и занималась хозяйством, то теперь потребовала от мужа снять ей столик для торговли на базаре. Муж вновь пошёл навстречу. Как только Мария начала торговать на базаре, «начался разлад между супругами», так как у жены «появилось новое базарное знакомство из мужчин», она стала «с ними проводить большинство время», заработанные деньги «уходили на угощение компании», «а тем временем муж аккуратно уплачивал ежемесячно долг за дом и содержал семью»¹¹⁷. Муж и мать пытались призвать Марию к порядку («делали замечания»), но Мария «отвечала грубостью». Когда муж полностью расплатился с долгом, Мария его выгнала из дома. Но так как он не мог жить без детей, очень их любил, через некоторое время стал просить, чтобы Мария впустила его в дом в качестве квартиранта, то есть с платой за жильё. Мария его пустила. Умирает её мать, оставив 600 руб. наследства. Мария перестаёт торговать на рынке и, не стесняясь детей и мужа, начинает приводить мужчин домой. В это время в результате революции муж, в дополнение к своим несчастьям, оказывается за решёткой. Дети – абсолютно брошены. Им нечего есть. Появляется новое учреждение, отвечающее за порядок в городе, милиция. В милицию обращаются соседи Марии Релизовой, обвиняя Марию в том, что она «является по натуре грубой женщиной, обращающейся с детьми деспотически, образ жизни ведёт распутный, тогда как муж ея, в их глазах, является трезвым, смиренным мужчиной, любящим своих детей и всегда о них заботящимся»¹¹⁸. Милиция со своей стороны провела расследование и выяснила, что бывший городской – «удручён семейным горем, хороший семьянин, любит своих детей, которые сиротски группируются около него. Дети, несмотря на бедную обстановку и семейную распрю, выглядят воспитанными детьми»¹¹⁹. Дело было передано на рассмотрение мещанского общества, которое решило наложить опеку на имение Релизовой¹²⁰.

Таким образом, на примере реакции мещанских обществ трёх поволжских губерний на своих «порочных однообщественников» было прослежено отношение мещанского сословия к порядку, дисциплине, к закону и противозаконным действиям. В основе этого отношения на протяжении всего периода с середины XIX в. и до 1917 г. лежала именно сословная коллективная нравственность, подчинённая в первую очередь задачам выполнения сословием своих обязанностей перед государством. Государство предпочитало и часть пенитенциарных функций переложить на мещанское общество. Пьяницы, воры, хулиганы изгонялись из общества в случае сомнений в их способности жить в обществе, выполнять налоговые обязательства перед государством и функции опеки своей семьи. Мещанские управы или канцелярии старост вынуждены были заниматься ещё и вопросами, связанными с «порочными мещанами». Вопросы об их принятии или исключении решались, исходя из соседской осведомлённости в обстоятельствах частной жизни однообщественников, симпатий и антипатий, локальных интриг. Можно констатировать, что при определении «порока» в мещанском сословном обществе действовала универсальная мораль, но задачи сословные заставляли следовать утилитарной этике и принимать обратно в свою среду тех, кто мог платить налоги, участвовать в рекрутских наборах и имел надежду на исправление. Практика исключения «порочных» мещан из общества исчезает в начале XX в., когда революционная пора добавляет к традиционным для мещанской среды девиациям новые формы поведенческих отклонений, связанных с протестом против существующего государственного порядка.

ПОВСЕДНЕВНЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРАКТИКИ ИЛИ «ОБЯЗУЮСЬ ПРЕБЫВАТЬ В ПОСЛУШАНИИ»

Мещанин в пореформенной России – это горожанин, застигнутый процессом социальной модернизации. Б.Н.Миронов рассматривает секуляризацию жизни как важнейшее направление социальной модернизации: «Мы имеем множество свидетельств современников о том, что со временем посещаемость церкви падала, соблюдение постов становилось менее строгим, заключались гражданские браки и

т.д.»¹²¹. Рационализм городского менталитета проявлял себя и в постоянной конфронтации определённой части мещанства, принадлежащего к старообрядцам, с властью. Эта конфронтация была рутинно-повседневной, прикрыта постоянной приспособленческой игрой, выражавшейся в переходах из одной веры в другую, в уклонениях от увещеваний, обманах, интригах. Мещанин хитрил и изворачивался, приспособлялся, но не вступал в борьбу. Так как главным для него становится бизнес и ради возможности спокойно торговать или заниматься промыслом можно было даже перейти в православие. И если в среде крестьянства продолжала сохраняться мистическая религиозность, связанная, к примеру, с распространённым в деревнях Самарской губернии хлыстовством, то практически единственным предателем, обратившимся в жандармское управление с предложением разоблачить хлыстов – становится мещанин, для рационалистического сознания которого лжебогородицы и лжехристы не представляют той сакральной ценности, как для духовно погруженных в традицию крестьян.

Опознавать границу между «сектантами» и «не сектантами» в массовой городской культуре достаточно сложно. Потому что горожанин всё меньше и меньше внимания уделял религиозным практикам, обрядовым действиям. А.А.Панченко считает, что понимание «секты» как «социальной организации религиозных диссидентов, противопоставляющих себя господствующей религии»¹²² возникло «не без усердной помощи идеологии православного фундаментализма»¹²³. До указа от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» в таком аспекте понимала власть религиозное инакомыслие, объединяя его термином уничижительного характера «раскольники». В указе от 12 декабря 1904 г. в этом отношении существует важное терминологическое уточнение: «установить различие между вероучениями, соединёнными ныне под наименованием «раскол», разделив их на три группы: а) старообрядческие согласия, б) сектантство, в) последователи изуверных учений»¹²⁴. Но указ 1905 г. о веротерпимости фактически предоставлял и старообрядцам и сектантам равные права в религиозном отношении. Однако в Списке населённых мест Самарской губернии за 1910 г. встречаем следующее понятийное разведение: «православных и единоверцев – 77,3 %; раскольников 3,4 %...»¹²⁵. Таким образом, термин «раскольники» продолжал бытовать в официальной речевой практике. Более того, в силу того, что «русская культура считается особенно

психологичной» из-за «социальной структуры, которая из-за самодержавного контроля приобрела авторитарный квазисемейный характер» и из-за «противостояния между государством и личностью», которое с середины XIX в. «выдвигается в центр культурной рефлексии»¹²⁶, «игра» понятиями приобретает особый смысл в дихотомии власти и общества и не всегда ведётся сознательно. Анализ употребления тех или иных понятий как случайных, бессознательных оговорок, представляется весьма перспективным для выяснения отношения общества к вопросу религиозного инакомыслия. Несмотря на то, что за списки отвечал образованный при министерстве внутренних дел центральный статистический комитет, на местах они составлялись земскими статистиками, чьим «пером» употребление слова «раскольники» было сохранено, в частности, в данном источнике. После Именного Высочайшего Указа от 17 октября 1906 г. «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин и о правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от православия сектантов», самарское губернское правление 30 января 1907 г. утвердило «Общину старообрядцев Поморского законно-брачного согласия», большинство членов которой принадлежали к сословию мещан г.Самары¹²⁷. Но в выдаваемых им из мещанской управы г.Самары видах на жительство всё равно было написано: «раскольник-сектант Поморской секты Поморского толка»¹²⁸. Для людей, столько времени подвергавшихся гонениям, было чрезвычайно важно легитимировать их статус и на бумаге. В частности, они писали в управу заявления, чтобы на документах было написано: «Старообрядец поморского законно-брачного согласия»¹²⁹. Упрямые служащие управы никак не хотели заменять выражение «раскольник – сектант» на «старообрядец». В результате старообрядцы обратились в Губернское правление, чтобы «мещанской управе дали предписание правильно обозначать»¹³⁰.

Так как в Российской империи «конфессиональный статус являлся важным элементом идентичности и способом классификации поданных властями»¹³¹, это позволяет нам рассмотреть техники власти в отношении религиозного инакомыслия среди провинциальных мещан на примере старообрядцев и сектантов (хлыстов).

Особое положение людей, придерживающихся религиозного инакомыслия, обосновывалось властью через такой инструмент как пода-ти. По Указу 1794 г. двойным окладом были обложены мещане – «рас-

кольники»¹³². А если «различные последователи ересей» обращались в православие, пользовались льготой от податей¹³³.

Даже в научном дискурсе середины и второй половины XIX в. люди, придерживающиеся не православной веры, именовались «расколоучители» или «ересеначальники», как, к примеру, в лекции А.П.Крыжина на тему «Опыт исследования скопческой секты в Симбирской губернии», прочитанной на заседании Русского Географического общества¹³⁴. А публицист дореволюционного Саратова И.Горизонтов называет старообрядцев «начётчиками», относя раскол к «безотрадным явлениям народной жизни»¹³⁵. По мнению фельетониста «Саратовского листка», «раскол и православие – это...консерватизм и либерализм в области религиозных идей, – это неподвижность, косность, с одной стороны, и прогрессивное движение – с другой»¹³⁶. Наблюдая за повседневной жизнью Саратова, Горизонтов замечал: «Единоверие – это уния православия с расколом...вливание вина нового в мехи старые... православный, зашедший в единоверческий храм, искренне убеждён бывает, что он попал в настоящий раскольниковый скит, а единоверец, дорожащий стариной и двуперстным сложением, никогда в православный храм и не заглядывает»¹³⁷, а старообрядцев, особенно саратовских купцов, отправляют в церковь для прений, которые походят на «народные собрания»¹³⁸. Следует отметить, что в Саратове в конце XIX в. было 37 православных церквей, 2 монастыря, 16 часовен, 3 единоверческие церкви, 9 раскольниковых молелен, 1 лютеранская церковь, 1 римско-католическая церковь, 1 синагога и 1 мечеть¹³⁹. Таким образом, в среде интеллигенции отношение к старообрядчеству, к сектантству выглядело как взгляд людей современной культуры на анахронизмы и варварство.

Официальная церковь через «Епархиальные ведомости» называла присутствие старообрядцев и сектантов в той или иной среде как «местности, зараженные расколом и ересями»¹⁴⁰. О присоединившихся «из раскола» мещанах публиковались регулярно сведения¹⁴¹.

Само же мещанское сословие, в отличие от государства, от интеллигенции отличалось веротерпимостью, проистекающей из его смешанного состава и маргинального характера: крестившиеся инородцы, бывшая польская шляхта, церковные причётники, уволенные из духовного звания или исключённые за пороки, раскольники и многочисленный люд из самых сложных социальных судеб, о чём уже упоминалось выше в разделе о приписке и причислении в мещанское сословие.¹⁴²

И, наконец, официальная идеология не обладала ещё таким количеством информационных средств, которые позволили бы создать негативный образ «раскольника» в массовом сознании городского населения. Этот образ активно создавался «Самарскими епархиальными ведомостями», но целевая аудитория этого издания была ограниченной. Кроме того, терпимость таких фронтальных городов как Самара, Саратов, Симбирск к различным видам инаковости порождало неофициальную синкретическую городскую культуру низов, в которой проблема веротерпимости была подчинена другим законам и другим стихиям, связанным с практиками выживания, конкуренции, борьбы новаций и традиций в повседневном быту.

В Поволжье традиционно сильны были традиции религиозного инакомыслия. После указа 1762 г. старообрядцам было разрешено селиться по берегам рек Волги и Иргиза¹⁴³. После разгрома Иргизских монастырей в 1837–1841 г., многие старообрядцы переселились в сёла и деревни Бузулукского и Бугурусланского уездов¹⁴⁴. И с самого начала распространения старообрядчества в Среднем Поволжье так сложилось, что «посадским ...жителям невозможно было открыто исповедовать свою веру. Попытки строительства новых молитвенных домов заканчивались их закрытием и арестом строителей»¹⁴⁵.

Как отмечает в своём исследовании В.В.Катькова, «Самарская губерния с момента её образования официально числилась среди наиболее «зараженных расколом» российских губерний» и приводит данные, что в конце 50-х гг. в губернии насчитывалось 32 441 чел. старообрядцев¹⁴⁶. В 1895–1897 гг. старообрядцев в губернии становится 81462 чел.¹⁴⁷. В Самарской губернии старообрядчество было представлено «достаточно широким спектром согласий и толков: поповцы, признававшие белокриницкую (австрийскую) церковь; беглоповцы, не признававшие белокриницкую церковь, ...поморцы (даниловцы), признававшие брак как одно из таинств православной церкви; поморцы (федосеевцы), отрицавшие брак как священное таинство; спасовцы... (которые) делились на староспасовцев и новоспасовцев; часовенное согласие (разновидность спасова согласия); странники, или бегуны, считавшие, что надо всё время менять место жительства, спастись от Антихриста. Из этих согласий и толков наиболее широко представлены в Самарской губернии...: поповцы..., беглоповцы и поморцы»¹⁴⁸. Несмотря на то, что в 1858 г. Министерство внутренних дел разослало губернаторам два секретных цирку-

ляра, запрещавших вмешиваться в дела старообрядцев и прекратить преследование старообрядческих священников, самарский губернатор не дал этим документам никакого практического применения¹⁴⁹. Дальнейшие попытки правительства законодательным порядком облегчить статус старообрядцев (1864, 1874 гг.) на практике не облегчили их положение. Местными светскими и церковными властями продолжали закрываться старообрядческие храмы, монастыри, моленные дома¹⁵⁰. В 1864 г. в Самаре были устроены два моленных дома мещанами Захаровыми и Власовыми. Но по доносу в этом же году эти дома были закрыты и опечатаны, имущество арестовано и увезено в Духовную консисторию¹⁵¹. Тогда Д.П.Захаров «вступает в многолетние тяжбы, добиваясь возврата икон и книг»¹⁵². Спустя несколько лет, его сын П.Д. Захаров, выкупает у города здание бывших полицейских казарм, перестраивает его и открывает новый молитвенный дом – Крестовоздвиженский храм. Вскоре открывается и Власовская моленная¹⁵³. В 1878 г. в Самаре появляется Любимовская моленная, основанная купцом Ф.М.Любимовым (из мещан Кинешмы). В 1890-е гг. в Самаре действовали пять общин старообрядцев-поморцев, в том числе молитвенный дом мещанина П.Г.Шунина¹⁵⁴. В 1883 г. выходит закон «О даровании раскольникам некоторых прав гражданских по отправлению духовных треб», согласно которому власти не должны были им чинить препятствия в выдаче паспортов и занятии торговых и промыслами. Но положение старообрядцев не стало лучше, чему свидетельствуют жалобы в Правительствующий сенат на притеснения со стороны местных властей, которые продолжали проводить «запечатание» старообрядческих молелен, конфискацию икон, книг, различных предметов богослужебного назначения¹⁵⁵. И несмотря на разъяснения Правительствующего сената на места в 1897 г. о том, что иконы, книги и другие богослужебные предметы не могут быть отобраны у тех, кто имеет на них право собственности, книги в Самаре у старообрядцев продолжали отбирать¹⁵⁶. Так как до 1905 г. старообрядцам запрещалось иметь общественную собственность, то есть записывать молитвенные дома на общины, все моленные записывались на частных лиц. Сразу после 1905 г. на старообрядческих моленных зданиях стали надстраиваться небольшие купола с крестами, что было ранее запрещено властью. 27 (14) сентября 1905 г. в самарском Крестовоздвиженском храме собрался Третий Самарский Всероссийский Собор христиан-поморцев, 200 человек¹⁵⁷. Постоян-

ными попечителями Крестовоздвиженского храма были состоятельные самарские мещанские семьи, владевшие недвижимостью, пароходами, баржами, занимавшиеся сплавом грузов по Волге: Годуновы, Крашенинниковы, Карповы и др.¹⁵⁸. И тем не менее, даже после указа о веротерпимости, в годы первой русской революции, губернские власти проводили порой жестокою по отношению к старообрядцам политику¹⁵⁹. Однако после указа 1906 г., как отмечает А.А.Наумлюк, административные притеснения власти в отношении старообрядцев в Самаре пошли на спад, приняв форму публичных и частных бесед и проповедей, а старообрядцы начали активно регистрировать свои общины¹⁶⁰. В 1912–1913 гг. в Самаре была построена церковь Успения Пресвятой Богородицы, объединившая общины Власовской и Шунинской молельных¹⁶¹. К 1917 г. на территории Самары действовали три старообрядческих общины: Крестовоздвиженского храма, Успенской церкви и Любимовской моленной¹⁶².

Из 95461 горожан Самары в 1910 г. – 5,7 % составляли мещане; православных и единоверцев было – 77,5%; раскольников – 3,4 %; католиков – 2,1 %; лютеран – 6,4 %; остальных христианских вероисповеданий – 0,2 %; иудеев – 0,1 %; магометан – 10,3%; остальных нехристианских вероисповеданий – 0,2 %¹⁶³. «Состоящие в расколе» члены мещанского общества города фиксировались не только духовным ведомством, но и мещанским обществом. Так, по списку семейств многорабочего участка Самары, состоящих в расколе, можно увидеть, что в 1855 г. это были большие семьи, состоящие в среднем из 8–14 человек, всего 29 семейств. Среди них выделялись: «молокане», «поповщицкая секта» и «поморского согласия»¹⁶⁴. Но в целом, рассматривая проблему борьбы самарских духовных и светских властей с религиозным инакомыслием, следует иметь в виду, что речь идёт о меньшинстве сословия. Отношение к «раскольникам» образованного общества находит отражение и в порядке перечисления различных категорий населения Саратова в «Саратовском календаре на 1873 год», в котором после указания количества проституток в городе (103 чел.), сразу же шли «раскольники» (2657 чел.)¹⁶⁵.

В Саратовской губернии в 1870 г. «приемлющих священство» было 645 мужчин и 664 женщины, а «беспоповщицкой секты» – 389/400 и 211/348 человек¹⁶⁶. В 1897 г. в православных и единоверцев было 2 022 517 чел., старообрядцев и уклоняющихся от православия – 113 710 чел. В Самарской губернии в этом же году православных и единовер-

цев проживало несколько больше, 2 047 726 чел., а старообрядцев – меньше, 97 522. В Симбирской губернии эти показатели были ниже, чем в Саратовской и Самарской губерниях: православных – 1 358 592 чел., а старообрядцев – 31 511 чел.¹⁶⁷ Но эти соотношения коррелировались с общим числом населения в губерниях. Кроме того, в переписи 1897 г. не указывалось вероисповедание по сословиям.

Рационализм, прагматизм, расчётливость и индивидуализм в текстах поведения мещан в пореформенном пространстве города проявлялись в возможности перехода в православие или «единоверие» для облегчения хозяйственной повседневности. Так из прошения самарского мещанина Алексея Грачёва, перешедшего из молокан в православие, видно, что главный мотив сводится к предоставлению льгот от платежа податей. Он отказывается от всех отцовских заповедей и пишет в 1858 г. в думу: «По примеру моего родителя Самарского 3 гильдии купца Акинфия Грачёва содержал я молоканскую секту». Но вопреки воле родительской, «оставил...ту пагубную ересь которую считает он истинным путём ко спасению и обратился к православию каковое желание моё исполнено». К делу прилагалась справка, подтверждающая его обращение в православие¹⁶⁸. Хвалынский мещанин Алексей Грачов изъявил желание перейти из поморской секты в православие и обратился с этим в самарскую духовную консисторию¹⁶⁹. Так же в православие «из раскола» решили перейти самарские мещане Андрей Микунов и жена его Ульяна¹⁷⁰. О желании присоединиться к православию писала в своём обращении в Консисторию и самарская мещанка Ксения Филиппова: «Я, нижеподписавшаяся г.Самары умершего мещанина Сергея Давыдова жена Ксения Филиппова дала сию подписку при нижеподписавшихся свидетелях в том что я с малолетства своего состою в расколе секты поморской, ныне же ... решительное моё желание присоединиться к православию и обязуюсь прибыть в оном до конца моей жизни непоколебимо»¹⁷¹. К «единоверию» присоединился из «раскола Спасовой секты» в 1852 г. мещанин г.Николаевска Герасим Болдов с семейством¹⁷². До этого, в 1848 г. он был сослан за раскол под надзор «Саратовской Градской Полиции». После перехода в православие, ему разрешили вернуться «в место его жительства в г.Николаевск»¹⁷³. При анализе такого явления как переход из старообрядчества в православие/ единоверие, следует учитывать и такой фактор, как предоставление трёхлетних льгот от платежа податей тем, кто переходил из «сект к единоверию»

(кроме скопцов)¹⁷⁴. Из поморской секты глава обращённого в православие семейства самарских мещан, Спиридон Ушатов писал: «Я нижеподписавшийся самарский мещанин изъявляю решительное и искреннее желание присоединиться к единоверию и обязуюсь пребывать в послушании»¹⁷⁵. В принципе, все подобные расписки были составлены и написаны по одному образцу с небольшими разночтениями: «состоя от рождения моего в расколе поповщинской секты убеждены оставить раскол...» – писали самарские мещане «числом 10 душ» в 1852 г.¹⁷⁶.

В отношении «раскольников» православная церковь проводила процедуру увещевания (увещания). Однако на практике, данная процедура была ненавистна семьям, не состоявшим в православии, так как отвлекала их от хозяйственных дел и отдавала в руки «маленьких начальников», которые в России неизменно, в духовной или светской сферах, являются самыми неприятными персонажами. Большинство старообрядческих семейств продолжали и после увещаний оставаться в своей вере. Так, упорствующим в расколе мещанам сызранских мещанских хуторов Андрею Николаеву и его жене Феодосье Васильевой троекратно предлагали на увещаниях перейти в православие, но они «по упорству своему остались непреклонными»¹⁷⁷. Зыбкая грань между купечеством и мещанством проявлялась и в материалах дела о бугурусланский купцах, находящихся «в расколе». Вначале по документам они проходят как купцы, спустя некоторое время – становятся мещанами. Марья Белоногова, стремясь избежать наказания за то, что 7 лет не была у исповеди, перешла в православие. На неё только наложили церковную епитимию на 7 недель за это. Спустя полтора года Марья умерла¹⁷⁸. Среди списка раскольников г.Бугульмы, собранным в духовной консистории Самары за 1853 год, было много мещанских семейств. Но у православной власти никак не получалось добиться, чтобы они прибыли на увещание. В графе, почему не явились, в основном, значится: «помер», «в отлучке», «болен», «осталась при детях»¹⁷⁹. А те семейства купцов и мещан, которые всё-таки прибыли для увещания, «по упорству и закоснению в заблуждении своём, остались непреклонными»¹⁸⁰. Поэтому было принято решение «после троекратного увещания отпустить в их место жительства»¹⁸¹. К увещаниям призывались и те, кто вступил в брак не по православному обряду. Такой брак считался «блудом». Из старообрядческого семейства «мещанскую девку Авдотью Аврамову Бело-

ногову» решено было предать церковному суду за блуд и подвергнуть церковному покаянию на 4 года под надзором приходского священника. К такому же покаянию была приговорена и её сестра Степанида. В материалах дела уточнялось, что «не только за блуд, но ещё и раскольница Поморской секты»¹⁸². В конце концов консистория резюмировала: раз «девка Белоногова поморской секты не повинуется попечениям православной церкви»¹⁸³ и «по упорству отклоняется», «как неповинующуюся правилам Святой Церкви предать гражданскому суду», дело «отослать в Самарскую уголовную палату»¹⁸⁴. Так же поступили и с мещанами Балахонцевыми, Заглядиными, которые «по упорству и закоснению в заблуждении своём остались непреклонными»¹⁸⁵. В целом, дело об увещании этих семейств из Бугульмы состоит из 227 листов. И везде в качестве итога попыток увещевать мещан – раскольников стоит запись: «остались непреклонными». Порой терпение старообрядцев лопалось и имели место такие заявления, как писала на гербовой бумаге мещанка г.Бугульмы Прасковья Балахонцева: «Всепресветлейший, Державнейший Великий Государь Император Александр Николаевич, самодержец всероссийский, государь всемилостивейший! 1.Живу я с дочерьми в г.Саратове. 2. Меня хотят в Самару выслать для увещания. 3. С открытием половодья и хорошего времени я сама намерена направиться в г. Самару явиться в духовную консисторию для обращения в православие. Я давно уже с детьми своими обратилась в православие...»¹⁸⁶. Слову мещанки – «раскольницы» безусловно никто не поверил. Затребовали удостоверение от местного священника в том, что Балахонцева бывает на исповеди. Священник Саратовского Спасо-Преображенского монастырского подворья Святогоров выдал такое удостоверение. Обращает на себя внимание значительный промежуток между датами: удостоверение затребовали из Консистории в 1858 г., а обращена в православие Прасковья была в 1854 г., следовательно, весь этот период от неё требовали явиться в Самару на увещания¹⁸⁷. Такая ситуация складывалась не из-за плохой работы ведомства, а из-за того, что распространённой практикой среди старообрядческих семейств было «вторично уклоняться в раскол». Так, к примеру, бугульминский купец, а через некоторое время мещанин Казаков принял православие, а затем снова уклонился в раскол. Поэтому протоиерей г. Бугульмы вынужден был постоянно контролировать религиозный быт семьи и доносить о нём в Консисторию. Но сколько бы он не ходил в дом к Казаковым,

никого там не заставлял, «по-видимому скрываются, – доносил он, – а дети говорят, что не могут послушаться родителей»¹⁸⁸.

На хуторе Лохматкином Новоузенского уезда проживало мещанское семейство молокан во главе с Фёдором Мулюкиным. Семья была выслана земским судом на увещания. После чего, новоузенский соборный священник Князевский рапортовал в самарскую духовную консисторию: «Успехи увещания до сего времени сомнительны: крайнее невежество их исключает возможность держаться последовательного порядка в увещании: я принуждён бываю сам указывать им на предмет их заблуждения и разъяснять, как противно не только правому учению, но и простому здравому разумению их противоверие. Слушающие молча слушают, но на приглашение оставить заблуждение своё обыкновенно отвечают: коли мы уж пошли в эту веру, так в ней и хотим остаться»¹⁸⁹. Спустя некоторое время вновь читаем в рапорте Князевского: «молокане Новоузенского мещанства... остаются на прежней степени упорства, беседы с ними, по упорному молчанию их, имеют постоянный характер увещаний»¹⁹⁰. Шесть месяцев посещал священник Князевский семью мещанина Мулюкина. В конце данного срока в 1859 г. он вновь рапортовал в консисторию: «Касательно результата полугодового увещания ничего утешительного сказать не могу. С равнодушием, понятным для всякого, кому выпадал тяжёлый жребий бороться с невежеством и закоснелостью, сдерживаемыми к тому опасением высказаться не кстати, Мулюкин с прочими, почти во весь период увещания, отмалчивались за тем весьма редким исключением, когда, поддерживаемые вероятно, своими руководителями, высказывали общее всем молоканам еретические мысли, очевидно с усилением ими заученные»¹⁹¹.

Мещане по разным причинам писали расписки о переходе в православие: и чтобы их просто оставили в покое, и чтобы иметь возможность заниматься спокойно своим хозяйством. Скорее всего для людей, поставленных в ситуацию постоянного гонения, легче было пойти на подписание официальной бумаги: «Мы нижеподписавшиеся будучи убеждены внушениями Приходского священника...сим даём решительное обещание, чтобы впредь не слушать внушений учителей старообрядческих»¹⁹².

По рапорту священника села Селезнихи Самарской губернии, на жителей оказывали «вредное влияние» приехавшие из города Николаевска «мещане-раскольники беглопоповской секты» с семейства-

ми¹⁹⁵. Священник в своём рапорте в консисторию писал: «Вреда для православия в настоящее время от них хотя и не видно, но они, как враги Святой Церкви, при удобных случаях советами своими из Православия легко могут вовлекать в раскол простой народ»¹⁹⁴. Священник отправил материалы на них в земский суд. Суд распорядился, чтобы сотник прислал семейство на увещание. Но мещане отказались, аргументировав тем, что принадлежат к мещанскому обществу г. Николаевска и поэтому состоят «в ведомстве городской полиции» и земскому суду не подчиняются¹⁹⁵. Как видим, мещанин в пореформенной России прекрасно осведомлён о своих правах, производных от сословного статуса.

Одним из самых тяжких «преступлений» против православной церкви считалось «сворачивание в раскол»¹⁹⁶. Крещение по старообрядческому обряду детей, а также заключение браков с «раскольниками», приравнивалось русской православной церковью также к «сворачиванию в раскол»¹⁹⁷. Но и для того, чтобы вступить в брак по православному обряду, бывшие «раскольники» также встречали препятствия, так как находились «на подозрении». В 1855 г. вновь написанный в православие мещанин Кирилл Владимиров обратился с прошением повенчать согласно обряду православной церкви его сына Ивана с «девкою Наталей Евдокимовой». Ему было отказано. Потребовали, чтобы вначале он «предоставил...верное сведение о содеянном им Владимировым расколе»¹⁹⁸. Если старообрядцы вступали в брак по своему обычаю, в документах консистории это называлось «вступление с девкою в брак по раскольнически»¹⁹⁹. Такой проступок разбирался уголовным судом. А родившийся в таком браке ребёнок, определялся как «прижитый девкою»²⁰⁰. В данном конкретном деле речь шла о поженившихся старообрядце, мещанине Веденее Крючкове с православной мещанкой Анной Карякиной и о родившейся у них дочери. Ребёнка предлагалось отобрать у родителей, крестить в православном храме и отдать православным родственникам на воспитание²⁰¹. Данных мещан «по ст.30 Св. Зак. Улож. Изд. 1842 г. супругами не признавать, пока не осветят того брака венчанием в Православной или Единоверческой церкви...уклонившихся из православия в раскол на основании 206 ст. Улож. отослать к духовному начальству»²⁰².

Как уже отмечалось выше, местные власти постоянно конфисковали у старообрядцев их книги. У Бугурусланского мещанина, раскольника, Николая Орлова церковные власти отобрали старопечатную

книгу «Часослов». Он пытался объяснить, что эта книга досталась ему от его покойного родителя, священника Феокиста Темникова, и ходатайствовал о возвращении ему книги. Духовной консисторией Самары было проведено целое расследование, прежде чем отреагировать на просьбу Орлова. Прочитав «Часослов», пришли к выводу, что «в книге нет ничего противного Православной вере и нравственности христианской», но есть «разночтения в молитвах», сам же «означенный мещанин Николай Орлов прихожанин Сосновской единоверческой церкви и обряды христианские соблюдает каждодневно по духовным росписям»²⁰³. Но по материалам дела неясно, вернули ли семейную реликвию Николаю. У Самарского мещанина Семёна Дудинцева отобрали целую старообрядческую «библиотеку – сокровищницу»: «маленький устав, псалтырь царя Алексея Михайловича, часовник большой старинный, цветник Кириллы Иерусалимского, каноник издан 1306 г., пролог на три месяца, листок, писанный по печатному, ладоницу, 14 листовок, из коих 5 вышитых, а прочие простые, 2 пелены, из которых одна со словами, а другая парчовая, три штуки с бахромой, 4 лапостка, 3 подручника, монашеский крест, книги, употребляемые в церквах Единоверческих»²⁰⁴. После «идентификации» отобранного имущества, решено было всё передать «священнику Самарской Единоверческой церкви для употребления при богослужении»²⁰⁵ за исключением «письменного листка без обозначения года и месяца», который являлся «частной перепиской о предмете, касающимся раскола», в нём извещалось о «месте нахождения раскольнического попа»²⁰⁶.

Церковные власти забрали у мещанина молоканина Тимофея Шишкина его Библию²⁰⁷. Его сын обратился в духовную консисторию с покорнейшим прошением: «В 1856 г. родитель мой, Самарский мещанин, Тимофей Шишкин, содержащий молоканскую секту, по неизвестно чьим проискам, был взят в Городскую Полицию и содержался под арестом, при чём отобрана от него Библия и передана в рассмотрение Самарской Духовной Консистории, где находится и по настоящее время. Ныне, по смерти родителя, имея в виду с одной стороны, что Библия, как книга, находящаяся в общем употреблении между христианами, не заключает в себе ничего вредного для религии, с другой стороны, что она мне, принявшему из молоканства св. крещение, для руководства всей жизни духовной, необходима, я осмеливаюсь покорнейше просить Ваше преосвященство сделать

распоряжение о возвращении мне означенной Библии, на что и буду ожидать милостивейшей Вашей...резолюции»²⁰⁸. Библию Шишкину вернули.

Порой ряды православной паствы терпели урон даже на уровне церковного старосты с семейством. В г.Бугуруслане в 1859 г. мещанская семья Казаковых, глава которой, Пётр Казаков, был церковным старостой, стала всё реже и реже бывать в церкви, а познакомившись с «мещанскими девками из г.Оренбурга Марьей и Дарьей Никитиными Комовыми, неизвестно по какому поводу...стали уклоняться от исполнения христианских обязанностей»²⁰⁹. Спустя некоторое время, в результате увещаний, проводимых православными священниками, семья вновь перешла в православие и дала расписку: «Мы нижеподписавшиеся будучи убеждены внушениями Приходского священника Тихомирова сим даём решительное обещание, чтобы впредь не слушать внушений учителей старообрядческих ...в чём и даём подписку»²¹⁰. Спустя некоторое время, Казаков перешёл в купечество, и от семьи вновь требовали ответ о вероисповедании. На этот раз «отзыв» писала жена Казакова, Анастасия: «бугурусланская городская ратуша объявила мне и детям моим, сыновьям: Ивану и Василью с их жёнами, отношение благочинного протоиерея Кувацкого, от 25 ноября 1856 г. о том, чтобы я с детьми моими в течении полугода каждый день являлась к нему Благочинному для увещания нас к обращению в православие...Я и дети мои никуда не отлучались, честь имею отозваться: я и дети мои у благочинного Кувацкого на увещании быть не можем потому что они с мужем моим Петром Никитиным Казаковым по должности церковного старосты имеет разные неприятности, а в чём именно заключаются неприятности, то о том знает муж мой посему немудрено, что Протоиерей Кувацкий в отмщение мужу моему, при увещании меня и детей моих, вместо духа Кротости употребляет строгость или что другое неприличное. Вместе с сим, я послала к Епархиальному Архиепископу просьбу о том, чтоб мне и детям моим увещание было сделано в Духовной Консистории, или через другого Священнослужителя, только не протоиереем Кувацким»²¹¹. Кувацкий обязал всю семью в течение полугода каждый день ходить к нему на увещания и никуда не отлучаться, следовательно никаким делом не заниматься, а только общаться с Кувацким²¹². Купец Казаков объяснял городской ратуше в последствии, что его сыну Ивану по купеческим делам необходимо ездить в три разных города: в Самару, в

Казань, в Чистополь²¹³. Самого Ивана также заставили писать после очередной жалобы Кувацкого²¹⁴ объяснение в Ратушу о самовольной отлучке из г. Бугуруслана в то время, когда он ежедневно должен был находиться на увещеваниях у Кувацкого²¹⁵. Иван писал: «...а в Казань мне было необходимо ехать, потому что в это время я отправил туды около 40 подвод с товаром...»²¹⁶. К «отзыву» Казаковой в Консistorию прилагались выписки из духовных ведомостей из архива о том, когда семейство Казаковых было на исповеди²¹⁷. В Консistorии приняли решение: «Раз не желает слушать увещания от Кувацкого, тогда пусть слушает от священника Тихомирова»²¹⁸. По рапортам Кувацкого действительно складывается впечатление, что он сложного нрава, со склонностью к скандальности. Он требовал от Бугурусланского городничего присылать своих писцов, если «желает получить такую огромную выписку» о всех «грехах» ненавистного ему семейства²¹⁹. Не выдержав такого гнёта, семья Казаковых перешла в единоверие и прикрепилось к Единоверческой церкви²²⁰. Ещё одно дело из фонда духовной консистории называется «дело об уклонении самарского мещанина Андрея Васильева Микунова с семейством в раскол поморской секты»²²¹. В Консistorию регулярно докладывал священник самарской уже единоверческой церкви Павел Кустов: «прихода моего Самарский мещанин Андрей Васильевич Микунов жена его Ульяна Фёдоровна отступили в раскол поморскую секту и детей крестили в расколе...»²²². Церковные власти решили подвергнуть семью «тщательному увещеванию по обращению в Единоверие»²²³. Священник опять на них жаловался: «прямо сказали, что мы не будем ходить к вам куды нас хотят»²²⁴.

Некоторые семьи обманывали и изворачивались, только чтобы их оставили в покое. Но консистория проводила розыскные мероприятия, как в случае с мещанином Елисеевым и его женой Матрёной Греховой в 1857 г., которые, приехав в Самару из Саратовской губернии, заявили, что венчаны по православному обряду в Верхнеисакопребраженском монастыре, но как выяснилось потом, священник их не венчал²²⁵.

В пространство Самары ссылались не только революционеры, но и представители религиозного инакомыслия, в частности, скопцы. Из Якутского округа селения Мархинское на жительство в Самару под надзор полиции был отправлен скопец Яков Семенников, причисленный в мещанство²²⁶. А так же скопцы-крестьяне Олекминского округа

Спасского селения, Кильдемского селения, села Ново Николаевского, Балагурского селения и др.: Роман Губанов, Лазарь Лесин, Анисим Демидов, Максим Москвителев, Яков Гражданкин с женой Степанидой, Леонтий Губанов, Василий Барков, Михаил Каровяковский, Михаил Перфильев, Иван Новокрещенов, Еремей Дунилин, Никита Забродин, Костьма Сапрыкин. Все они были причислены к самарскому мещанству²²⁷. Принимались семьи, принадлежавшие к «поповщинской» и молоканской сектам. Это были большие семьи, состоявшие в среднем от 5 до 12 душ: Былинский Василий Андреевич, 70 лет с тремя сыновьями; Акинфий Прохорович Грачёв, 79 лет и 12 душ домочадцев; Алексей Алексеевич Глухов, 40 лет и семья из 6 душ и др.²²⁸. В 1856 г. самарская мещанка Козьмина, которая значилась как православная, проживала на самом деле в молоканском семействе в доме мещанина Бутузова. Молоканства придерживался и её сын. Православный священник уговаривал Козьмину покинуть дом молоканина, но она отказывалась на том основании, что ей больше негде жить²²⁹. И уже в 1914 г. по поводу принятия в свою среду мещан-скопцов, мещанское общество резюмировало: «препятствий не встречается»²³⁰.

В 1898 г. в самарскую полицию обратился мещанин Вахх Пименович Копанкин с предложением раскрыть и сдать полиции с уликами руководителей самарских хлыстов, так называемых лжепророков (лжеисусов, кормщиков и т.д.) и лжебогородиц (мамаш). В этом как раз и заключалась вся сложность полицейского дознания, так как хлысты за века гонений выработали эффективную систему конспирации и их никак не удавалось взять «с поличным», например, во время радений. Начиная с 1830-х годов и последующие полтора столетия, мистические секты, в том числе и хлысты, считались особо опасными и подвергались полицейским репрессиям. Хлысты отвечали на репрессии особого рода конспиративностью, устраивая свои радения в строго секретной атмосфере. Посторонним людям редко удавалось бывать на них. Копанкин утверждал, что у него имеется своего рода пропуск на хлыстовские радения, фотокарточка 76-летней «Богородицы» – крестьянки-мордовки из села Кузькина Матвеевской волости Бугурусланского уезда Самарской губернии Надежды Платоновны Коноваловой, на которой та изображена с дочерьми, Вассой (40 лет, проживающей с матерью), Ульяной (55 лет, монахиней бузулукского Таллиннского-Ключегорского Казанско-Богородницкого женского монастыря, расположенного в селе Ключегорье, в 70 верстах от го-

рода Бузулука).²³¹ Кроме того, он знает ответы на вопросы, которые могут быть заданы предъявителю карточки и вхож на все хлыстовские «тайные сборища и безнравственные обрядности».²³² Своё намерение разоблачить хлыстов Копанкин объяснял тем, что в 1891 г. он привлекался к суду в числе прочих последователей и распространителей хлыстовской секты, раскаялся, был освобождён и стал «убеждённым последователем православия»²³³. Мещанин Вахх Пименович Копанкин – предатель, доносчик. Что из себя представляло мещанское сословие на рубеже XIX-XX веков. Фактически, это был формирующийся в постреформенном российском пространстве средний класс, проникающийся новыми ценностями рационалистического буржуазного города, но ещё тысячами нитей связанный с крестьянским миром, с социальной и культурной точек зрения. «Культура капиталистического города, рационализм среднего класса, знакомство человека с собственной природой вызывали ожесточённое сопротивление. Буржуазная цивилизация очищала жизнь от страсти и карнавала, освещала собственность и семью, разграничивала частную и публичную жизнь...»²³⁴ Мещанин выступает в этом случае «скопцом», отсекающим от своей социальной «плоти» всё, что связывало его исторически с иррациональным миром народной крестьянской культуры. Он предаёт не только свою крестьянскую «Богородицу», не требуя ничего взамен, он выбирает новый текст поведения человека «срединного мира»: никто, ничей, ниоткуда, «self made individual».

Таким образом, власти не удалось использовать для религиозной православной унификации мещанское общество города. Потому что пореформенный город и его основное мещанское сословие нацелены были на преодоление любых границ. Особенно в поволжских губерниях миграционные потоки, проходящие через город и через мещанское общество размывали любые формы нетерпимости к инаковости, в том числе и к религиозной. Мещанское общество, как и купеческое, включало в свой состав старообрядцев. В системе ценности городских торговых сословий важное место занимала ориентация на предпринимательский успех и полезные экономические связи. Поэтому мещанские общества трёх рассматриваемых губерний не оставили в своём делопроизводстве репрезентаций, связанных с религиозной нетерпимостью. А обманывать власть по мелочам мещанин привык. Поэтому и мещанам – «раскольникам» приходилось также вести свою повседневную игру с властью

светской и религиозной. Мещанское сознание оказывалось более рационализированным и секуляризированным по сравнению с крестьянским в силу интенсивной модернизации городского пространства провинциального города в пореформенный период.

ПРАКТИКИ ПОВЕДЕНИЯ И ПСИХОЛОГИЯ МЕЩАН В РЕВОЛЮЦИИ: ОЗОРУЮЩИЙ ОБЫВАТЕЛЬ

Вторая половина XIX – начало XX вв. «отмечена сильным ростом общественного движения, нередко приобретавшего протестную и временами агрессивную и революционную форму»²³⁵. В это движение оказались включёнными и мещане провинциальных городов, Самары, Саратова, Симбирска, что явилось следствием «прогрессивных социальных изменений в обществе, последствием предоставленной экономической и гражданской свободы огромной массе прежде бесправных людей, результатом развития рыночной экономики и невероятного прежде роста потребностей и ожиданий»²³⁶. Разгул революционной стихии приводил и к тому, что народ начинал «озоровать», как верно заметил в романе «Жизнь Клима Самгина» М.Горький²³⁷. Озоруемый мещанин – это, как правило, уличный пьяница – дебошир, повторяющий те антиправительственные лозунги, которые подслушал всё в том же кабаке, это и провинциальный учащийся, вдохновлённый идеями и лозунгами эгалитаризма. За период с 1883 по 1886 г. мещане и крестьяне составляли 45 % участников «русского освободительного движения»²³⁸, хотя следует отметить, что исследователи, занимающиеся революционным движением в России, предпочитают оперировать не категорией сословности, а классовыми понятиями. Поэтому мещанство в таких исследованиях растворяется в категориях «рабочий класс» и «мелкая буржуазия», что затрудняет анализ именно сословных текстов поведения в революции.

Период первой русской революции и предшествующее ему время были интересны тем, что обыватель, вслед за интеллигенцией, включался в революцию. Мещанин-обыватель 1917 года ментально уже был человеком иного дискурса. Слишком много эсхатологически тревожного, принципиально нового произошло в его повседневной жизни за 10 предреволюционных лет. Мещанин в период между двумя рево-

люциями уже перешагнул все «рубежи»: сословный, легитимный и нравственный. Этот мещанин одной ногой стоял в дореволюционной России, другой – в советской. Этот мещанин будет вовлечён в стихию Гражданской войны и примерит на себя новые социальные советские маски. Поэтому, несмотря на хронологический период, пролонгированный в исследовании до 1917 г., девиации революционного времени будут в основном сосредоточены на периоде с конца XIX в. и до 1907 г.

О том, как «дисциплина производит подчинённые и упражняемые тела, «послушные» тела» через технику «монотонного» городского пространства, которое «увеличивает силы тела (с точки зрения экономической полезности) и уменьшает те же силы (с точки зрения политического послушания)»²³⁹, говорят данные таблицы. Уже в 1880-е гг. в делопроизводстве мещанской управы Самары появляются дела о мещанах, находившихся под гласным надзором полиции. Чтобы получить «вид на отлучку» из места ссылки, им приходилось обращаться помимо полиции в управу. Если нареканий в адрес сосланного не поступало, по прошествии указанных в наказании лет он вливался в благоспешную самарскую повседневность. Так, Павел Романов, сосланный в с. Воскресенское на четыре года под надзор полиции, «занимался казённым своим сапожным мастерством, поведение его было безукоризненное»²⁴⁰, и поэтому полицейский надзор за ним был прекращён и он принят в мещанское общество. Бывший дворянин А.А.Бозолович, лишённый за политические преступления всех особых прав и преимуществ, в конце XIX в. был сослан в Самару, в 1887 г. освобождён от полицейского надзора и также причислен в мещанское общество²⁴¹. Таких примеров на рубеже XIX – XX вв. было достаточно, особенно после Всемиловейшего Манифеста от 15 мая 1883 г.. Среда мещанства города за счёт ссыльных представителей высшего российского благородного сословия, высшего воинского начальства, отпрысков семей священнослужителей²⁴² и т.д. менялась по составу, а изменения состава, пусть и незначительные, вели за собой неизбежно изменения сословного менталитета. К терпимости горожанина к проявлениям инаковости присоединялись настроения эгалитаризма. Поэтому власть призывала управу внимательно следить за такими новыми членами общества, заботиться «о благонадёжности и образе мыслей»²⁴³.

Но самарское пространство оказывалось сильнее революционных идей. Обстоятельства повседневной жизни сосланных в Самару

и общее «благоспешное» окружение мещанского мира приводили к тому, что бывшие «революционеры» начинали обращаться к власти с прошениями об устройстве на работу и помощи в преодолении непростых для их семей жизненных обстоятельств. Новгородский мещанин Н. Сахаров, обвинявшийся в государственной измене, был выслан в 1898 г. из Нижнего Новгорода в Самару для отбытия в течение двух лет гласного надзора полиции. Жить ему дозволялось только вне столиц, университетских городов и «тех местностей фабричного района, в которых пребывание его будет признано МВД нежелательным»²⁴⁴. С собой в Самару он привёз семейство. Собственных средств к существованию никаких не было. Родители состояния не имели. Ремеслом он не владел. Средства к существованию добывал только письмоводством²⁴⁵. Год семья прожила в Самаре. В 1899 г. Сахаров написал Прощение Самарскому губернатору: «...имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство дать означенному прошению надлежащий ход и, в виду моего крайне стеснённого материального положения, не отказать в содействии...»²⁴⁶. Через некоторое время он вновь пишет прошение губернатору: «Будучи выслан в г.Самару для отбытия гласного полицейского надзора, по распоряжению Вашего Превосходительства, на 2 года, сроком по 5 ноября 1899 г. и не имея в настоящее время возможности вместе с семейством, состоящем из жены и двоих малолетних детей, никаких собственных средств к существованию, не имея также возможности найти какой-либо частный заработок, обращаюсь к Вашему превосходительству с покорнейшей просьбой разрешить мне занятия канцелярскими работами по вольному найму в правительственных и общественных учреждениях г.Самары...и... разрешить мне также разъезды по губернии для работы по оценке земель...»²⁴⁷. От губернатора полицмейстеру г.Самары было направлено секретное поручение узнать, «не занимается ли Сахаров ...чем-либо предосудительным и какое его материальное положение»²⁴⁸. В ответном рапорте полицмейстера губернатору говорилось, что Сахаров «ни в чём предосудительном не замечался», «имущества, кроме носильного платья, не имеет», в качестве средств к существованию располагает только личным заработком за частные письменные занятия²⁴⁹. Губернатор передал просьбу Сахарова Господину Министру Внутренних дел. И, наконец, из МВД пришло разрешение для Сахарова устроиться на работу в управление Самаро-Златоустовской железной дороги²⁵⁰. И уже спустя некоторое время пришло из-

вещение об освобождении Сахарова от гласного надзора полиции²⁵¹. 47-летний мещанин г.Маленкова Владимирской губернии Дмитрий Фомин был сослан в Самару под гласный надзор полиции в 1898 г. за государственное преступление – хранение «нецензурных книг»²⁵². Причём сам Дмитрий был малограмотный, получивший только домашнее образование. Он был женат на мещанке Матрёне Гавриловой. У него было две дочери, 10 и 8 лет. На высылку был отправлен со всей своей семьёй. Собственных средств к существованию никаких не было. «По мастерству» Фомин был слесарь и машинист. Занимался слесарным мастерством у частных лиц. После смерти родителей средств никаких не осталось и жена, Матрёна, существовала только на случайные заработки мужа. Поэтому, приехав в Самару, семья столкнулась с крайней нуждой, и Фомин вынужден был также писать прошение губернатору Самары, чтобы ему разрешили «перейти на жительство в Бугурусланский уезд Самарской губернии, на Сергиевские минеральные воды, для поступления на службу при местной Санитарной военно-лечебной станции»²⁵³. Но пока готовился ответ от властей на Прошение, Фомин самовольно, «без установленного проходного свидетельства и надлежащего разрешения на перемену места жительства»²⁵⁴, уехал в Казань²⁵⁵. Более типичен с возрастной и образовательной точек зрения для персонажа революционного подполья мещанин Василий Солдатов, сосланный в Самару в 1898 г. за «государственное преступление». До этого он 6 месяцев провёл в Арзамасском тюремном замке. Василию было 22 года. Перед ссылкой в Самару он учился в Казанском земледельческом училище. Из родных у него были только брат, 30-ти лет, который проживал в Самаре и работал учителем в первом городском четырёхклассном училище и старуха-мать. На средства брата Василий и обучался в Казани и вообще жил. В Самаре он написал прошение на имя губернатора о разрешении поступить на общественную службу по вольному найму²⁵⁶. Прошло некоторое время. Ответа от губернатора не поступило. Василий настойчиво пишет новое прошение: «...на днях мне представляется возможность занять должность помощника Губернского агронома при Губернской земской управе»²⁵⁷, «прошу ускорить ответом»²⁵⁸. Выяснилось, что Солдатову разрешили канцелярские работы по вольному найму в общественных и частных учреждениях за исключением статистических²⁵⁹, но до него это сообщение по неизвестным причинам не дошло. Но позднее из департамента полиции Петербурга

пришло сообщение, что «так как должность помощника агронома связана с разъездами по губернии, запретить»²⁶⁰. Шло время. Солдатов обосновался в Самаре в доме № 30 по Успенской улице, женился, перевёз к себе мать. И вновь написал прошение губернатору. «В настоящее время я отбываю срок моего наказания двухлетнего гласного надзора в г. Самаре и уже отбыл его в течении полутора года. Здесь я занимал должность писца в Губернской земской управе, где служит также моя жена, наш совместный заработок даёт нам с женой и больной старухой-матерью возможность жить без особой нужды, но в скором времени положение это должно измениться к худшему, так как у нас будет скоро ребёнок и жене придётся бросить службу: жить только на мой заработок нам будет трудно и мы будем поставлены в крайне затруднительное положение... В настоящее время мне представляется возможность занять место заведующего конторой имения А.Н. Шалашникова при с. Исаклах, Бугурусланского уезда. Эта должность, при готовом содержании и квартире, оплачивается настолько хорошо, что я с моей семьёй был бы вполне обеспечен в материальном отношении, можно сказать, на всю жизнь»²⁶¹. Содержание этого письма свидетельствует, что в диалог с властью вступил не революционер, а обыватель, заботящийся о «хлебе насущном». Пространство Самары «поглотило» мещанина-революционера и породило мещанина – обывателя. Губернатор Самары, учитывая положение Солдатова, разрешил уехать в с. Исаклы и пожить там два месяца до получения официального разрешения из МВД²⁶². Через два месяца разрешение из МВД так и не пришло. Тогда Солдатов вновь пишет прошение губернатору о том, что его ребёнку только ещё два месяца и «не разрешит ли губернатор остаться на больший срок до получения известий из МВД». Губернатор вновь пошёл навстречу. И, наконец, пришло разрешение из Санкт-Петербурга²⁶³. Таким образом, «лицо» власти и в этом случае обращено к человеку. Губернатор фактически нарушает правило и идёт навстречу просьбе человека, который за бунт против власти был наказан и которому, в принципе, некого винить в сложных жизненных обстоятельствах, кроме себя самого.

В 1898 г. в Самару под гласный надзор полиции был отправлен на два года 25-летний мещанин из Ярославля, Николай Кондратьев. Он работал фельдшером на одной из фабрик Иваново-Вознесенска. В Самаре ничем не занимался. Средств к жизни никаких не имел, только получал пособие от казны. Из родственников имел 57-летнего отца и

сестёр. Сам был холост. В таком положении, вырванный из привычной жизни в нищету чужого города, он также написал прошение губернатору Самары, в котором просил разрешить ему канцелярские работы по вольному найму в казённых и общественных учреждениях без права разъездов²⁶⁴. По приказу губернатора было проведено полицейское дознание о том, как себя ведёт Кондратьев²⁶⁵. Выяснилось, что ни в чём предосудительном он не был замечен. Но при более подробном расследовании оказалось, что Кондратьев хотел поступить на службу в статистическое бюро Самарской губернской земской управы или Управление Самаро-Златоустовской железной дороги. Всё, что касалось возможности для ссыльных служить в статистических учреждениях, «не подлежало удовлетворению». Кондратьеву было отказано.

В 1898 г. на имя Директора департамента полиции г. Самара поступило прошение от мещанина Павла Зиссера. Он писал: «Ваше высокопревосходительство! Несколько недель назад я обращался к Вам с просьбой о разрешении мне выезда в пределы Персии, где мне предлагали место... Не видя за собой никакой вины, которую я заслужил бы такое наказание, как лишение возможности зарабатывать кусок хлеба для себя и детей, я обращаюсь с просьбой к Вашему Высокопревосходительству с всепокорнейшей просьбой...»²⁶⁶. Зиссеру было отказано в возможности работать в управлении Самаро-Златоустовской железной дороги²⁶⁷. Таким образом, дисциплинарный ненавязчивый контроль через призму комплексно организованного пространства вырабатывал общий жест в виде уничижительной формулы обращения к власти с просьбой разрешить устройство на работу, которая обеспечила бы возможность существования в пространстве данного города.

С ростом революционного движения в стране в традиционные мещанские миграции проникает значительное число мещан – революционеров, чьи движения по городам империи были подчинены уже совершенно иной логике. В делопроизводстве тихой провинциальной Сызрани появляются секретные дела о розыске одесских, варшавских, могилёвских и т.д. мещан, оказавшихся в составе сызранского мещанского общества²⁶⁸.

В 1904 г. «Политический обзор Симбирской губернии» отмечал настроение горожан как «вполне благонамеренное», не внушающее опасений со стороны «политической благонадёжности». Если

и увеличилось число политических дознаний «по государственным преступлениям», то это, по мнению авторов обзора, относилось к влиянию соседних губерний, Казанской, Самарской, Саратовской, Пензенской и Нижегородской²⁶⁹.

В оценке политического сознания провинциального мещанства в начале XX в., следует отталкиваться от мнения В.В.Шелухаева о том, что «российские партии «прорастали» не «снизу», а насаждались интеллигенцией «сверху»»²⁷⁰, были «сравнительно слабо ...связаны не только с соответствующими классами и социальными группами, но и с избирателями вообще, которые, как правило, в подавляющем большинстве были общественно инфантильными и политически инертными»²⁷¹. Такая ситуация позволяет рассматривать те или иные тексты поведения мещанства не столько как пример политической борьбы, сколько как всеобщую разнузданность революционной эпохи, беспорядок и высвобождение авантюрного духа.

Что касается проблемы сословного состава политических партий России в революционный период, то во многих исследованиях советского периода мещанство не было зафиксировано вообще, частично включённое, по-видимому, в состав рабочего класса. Так, в сборнике статей «Политические партии России в период революции 1905–1907 гг. Количественный анализ» сословный состав указывается в отношении кадетской, октябристской и черносотенной партий. Что касается РСДРП и эсэров, то стратификация социального состава дана по классовому принципу²⁷². В отношении РСДРП А.И.Уткин отмечает, что «в 1895–1896 гг. рабочих было 51,6%,...К началу 1905 г. в рядах РСДРП было 61,7% рабочих, 4,7 крестьян и 33,6% служащих и представителей революционной интеллигенции»²⁷³. По аналогичным критериям определяется М.И.Леоновым социальный состав партии эсэров: из 21752 членов 21 губернской организации в 1906– начале 1907 гг. было 43,2% рабочих, 45,2% крестьян (вместе с солдатами), 11,6% интеллигентов (включая учащихся)²⁷⁴. В более расширенном анализе состава центральных органов партии эсэров сословие мещан также не упоминается, хотя упомянуты дворяне, торговцы, служащие, служители культа, интеллигенты, купцы, рабочие и крестьяне²⁷⁵. Сама сословная категория «мещанин» упоминается М.И.Леоновым при характеристике социального состава руководящих органов партии эсэров, вынесенной в Приложения (3 представителя мещанского сословия)²⁷⁶. Что касается кадетской партии, при анализе её

социального состава В.В.Шелохаев упоминает мещан среди прочих категорий (рабочие, крестьяне, ремесленники, приказчики, торговцы, купцы, служащие земских и городских учреждений, чиновники, интеллигенты, лица интеллигентных профессий, студенты, землевладельцы, домовладельцы, владельцы фабрик, священники)²⁷⁷. Частично, по-видимому, мещанство подразумевается, когда речь идёт о «мелкой городской буржуазии», так как в эту категорию В.В.Шелохаев включает ремесленников, кустарей, владельцев средних и мелких торговых заведений и контор²⁷⁸. Мещане упоминаются В.В.Шелохаевым в составе партии октябристов²⁷⁹. Категория «мещанство» учитывается С.А.Степановым при анализе социального состава черносотенных союзов и организаций²⁸⁰. В целом, следует отметить, что общих сведений по России и по губерниям в отношении сословного состава партий не приводится. Исходя из материалов фонда самарского жандармского управления, складывается впечатление, что мещанство было достаточно активно, если не в партийной борьбе, то в общем околопартийном «брожении», в частности связанном с партией эсеров. По подсчётам М.И.Леонова, в Самарской губернии в годы первой русской революции в партии эсеров состояло 1100-1200 чел.²⁸¹.

Ряд дел фонда жандармского управления, отмеченных принадлежностью к мещанскому сословию, позволяет выявить некую общую поведенческую модель, вызванную революционным временем и связанную с уличным хулиганством, использующим революционную риторику. Как правило, эти мещане «за границей не были», «к суду не привлекались», следовательно, их нарушение порядка было связано с общим революционным «брожением» в стране, а не участием в революционном подполье. Оказавшись обвинёнными в «государственном преступлении», эти мещане теряли свою привычную повседневность, ломались судьбы и вместе с этими невольными участниками революции – менялась жизнь в сословии и в стране. Сюжетная линия таких историй приблизительно одинакова: пьяный (или трезвый) мещанин ругает публично царя, предрекает революцию и производит какие-либо действия с бумагой как знаком революционного времени (совсем необязательно это запрещённая литература, листовки или прокламации). В контексте общественного невроза 1905-1907 гг. эти вполне обычные действия и обычные предметы приобретают логику бунта и порождают фигуру доносчика. Доносчик – наблюдатель. Исследование «почвы»

его наблюдений – ещё один путь постижения ускользающей истории повседневности, в данном контексте революционной повседневности.

5 февраля 1905 г. самарский мещанин и пароходовладелец П.В.Лобастов зашёл в свою мастерскую и обратился к слесарям, слышали ли они об убийстве генерал-губернатора Москвы Великого князя Сергея Александровича. Слесари ответили, что читали об этом в «Самарском курьере». На что Лобастов заметил: «Поделом вору и мука! Будет, пожил и пограбил будучи генерал-губернатором г.Москву и её градожителей!»²⁸². Среди слесарей находился И.Н.Палкин, крестьянин, проживавший в этой же хозяйской слесарной мастерской. В деле отмечено, что Палкин был уволен Лобастовым за верноподданныческий протест по поводу его высказывания. Как следствие, Палкин донёс на своего хозяина в жандармское управление. «Имею честь просить Самарское городское жандармское Управление принять моё доношение ... протест с моей стороны на слова ...Лобастова, которые заключаются на правонарушения Государственного Общественного Строя и всяк его данных, а именно за поношение чести на Его Императорское Величество Великого Князя и генерал-Губернатора г. Москвы Сергея Александровича в бозе почившего от руки злоумышленника...И я, как будущий слуга Царя и Отечества дерзнул донести на своего хозяина то, что слышал, да и нельзя допускать подобных вещей, так как и по время у нас ещё не окончились между рабочим людом и их подстрекателями социал демократические движения по поводу сказанного не токмо, чтоб установить тишину, а подобные хозяева и пароходовладельцы как г.Лобастов производят совершенно оборотнее дело для революций»²⁸³. Палкину на момент доноса было 20 лет. В его голове, как видно из данного текста, полная сумятица. Обыватель встревожен.

Самарская городская дума на своём чрезвычайном заседании 13 декабря 1905 г. отмечала, что «жизнь обывателей» находится в опасности, так как «масса вооружённых людей не стесняются стрелять на улицах»²⁸⁴, «торговля прекратилась»²⁸⁵. Но представитель другого лагеря, И.И.Блюменталь, характеризовал Самару 1905 года как «сравнительно глухой провинциальный пункт», в котором мещанско-купеческое население жило «сонной провинциально-обывательской жизнью», а самарские рабочие в значительной степени «были полумещанами»²⁸⁶. Но именно в таком сонном обывательском пространстве выстрелы звучат сильнее, речи кажутся крамольнее, а в листах бумаги

видятся Прокламации. Так, во время пьяной драки в ресторане гостиницы Улановой на углу улиц Вознесенской и Москательной у мещан В.Бабенышева и Н.Бурова вывалилась пачка бумажек, которую свидетели приняли за прокламации. Было заведено уголовное дело по статье 129 Уголовного Уложения. Был допрошен официант гостиницы. Он сообщил, что в гостиницу пришли Н.П.Буров, И.Максимов и постоянный посетитель гостиницы, служащий в губернской земской управе рыжий господин с бородой и в очках, и ещё какие-то два-три неизвестных мужчины. Сидя за одним столом, рыжий господин стал что-то читать, но что он читал, официант не обратил внимания и ушёл за кушаньем. Когда Андрей вернулся, в ресторане произошёл скандал. Некто Дольнов бросил в рыжего господина стаканом. И из рыжего господина вывалились бумажки, похожие на прокламации²⁸⁷. Но из допроса обвиняемого в хранении прокламаций выяснилось, что он «показывал письмо печатанное на пишущей машинке и картинку, ...как я ездил сдавать хлебные продукты на дальний Восток и вообще сдачу интендантству в скверноматерных выражениях Карточку эту видели все и смеялись. А потом все подрались»²⁸⁸. Но показательно в этой истории, что, увидев интерес к бумаге, тут же нашлись доносчики. Обыватель – бдителен. Так, к примеру, мещанин Н.Васильев, проходя по улице Саратовской, в 22.30 вечера выронил прокламации, начал их собирать, но мимо проходившие люди, сразу распознав эти листки, его задержали²⁸⁹. Прокламации наводнили обывательский мир, стали элементом повседневности, обыватель даже знал, как они должны выглядеть: узкая полоска печатного текста.

31 июля 1905 г. в городском саду г. Бузулука, напившись, буйствовал крестьянин И.Н.Пушкин. При задержании нарушителя покоя, в карманах его шаровар была найдена прокламация социал-демократической партии. Пушкин сообщил, что прокламацию ему дал мещанин Барковский. Барковский виновным себя не признал, так как, по его словам, прокламацию нашёл за городом, недалеко от мельницы Чемодурова, на которой он работал. Придя домой, он попросил своего соседа Пушкина почитать, о чём пишут студенты. А Пушкин напился и забыл выбросить прокламацию²⁹⁰. 9 февраля 1905 г. мещанин А.О.Смирнов, будучи пьян, сообщил крестьянину, высказавшему соболезнование по поводу убийства Великого князя Сергея Александровича: «Туда ему подлецу, мерзавцу, с.... сыну и дорога...19 февраля предстоит бунт, у меня есть по этому поводу прокламация, которую

даю только под страхом меня не выдавать, а иначе того...»²⁹¹. Мещанин М.И.Булычёв 21 января 1905 г. принёс в слесарную мастерскую прокламацию Георгия Гапона «К рабочим» – потом попросил сжечь²⁹². Мещане разбрасывали прокламации на железнодорожных путях²⁹³, оставляли на подоконниках в общественных учреждениях²⁹⁴. Мещане сквернословили в адрес власти, как правило, напившись. В первый день Пасхи 1905 г., двое мещан, Е.Борисов, наборщик типографии и И.Васильев, столяр, «будучи немного выпимши» (в документе уточняется «твёрдо стояли на ногах») в гостях заявили: «Царя нам не нужно, царь обирал и обирает народ, дурак он!»²⁹⁵. 30 августа, на базаре, 49-летний мещанин, переплётчик и письмоводитель В.Д.Волохов, будучи пьян, говорил торговцам: «Я знаю, в Японии идёт бунт. Микадо хотят убрать. Уберут и у нас Николашку, выгонят в ..... мать...» (далее ненормативной лексикой о том, что государь не умеет вести войну и слушать своих министров, потому что – дурак! – Прим. авт.) Когда Волохова допрашивали в жандармском управлении, вину свою он не признал, так как, по его словам, страдает запоем, и что с ним в это время происходит, он «решительно не помнит»²⁹⁶. Мещанин П.А.Бобылёв, 27-летний конторщик чайной компании «Губкин-Кузнецов», в магазине пел, будучи пьян, революционную песню «Отречёмся от старого мира» и нецензурно выражался в адрес царя: «Мать вашу ети, а равно вашего царя»²⁹⁷. Поздно вечером, в пивной, мещанин В.А.Константинов обругал наследника престола матерными словами. В своё оправдание заявил, что «был пьян, ничего не помнит, даже как очутился дома!»²⁹⁸. К мещанину Васильеву, выпивавшему после работы с друзьями, подошёл мещанин Скосырев и спросил: «В кого ты веришь?» Васильев ответил: «В Бога и Царя». На что Скосырев ответил: «... (ненормативная лексика – Прим. авт.) я вашего царя, какую он тебе помощь дал?»²⁹⁹. Другой мещанин с такой же фамилией Васильев, был осуждён по 131 статье Уголовного Уложения. Он пришёл к казарме батареи, расположенной в доме Топорнина и стал говорить солдатам, что не нужно царя и не нужно войны: «Зачем вам самодержавие, нужно жить свободно!»³⁰⁰. Ивану в 1905 г. исполнилось 17 лет. Он служил санитаром при Губернской земской больнице, был холост, не закончил курс в городском Бугурусланском училище «по малоуспешности», отец его служил в торговом доме «Квил и К»³⁰¹. У 20-летнего мещанина Ф.Богоявленского, работавшего в Самаре колбасным мастером, но закончившего Симбирское городское

училище, при обыске обнаружили воззвание «Крестьяне к Вам наше слово», «В бой за свободу» и т.д. и брошюру «Пауки и мухи»³⁰². Мещанин Д.О.Попов, маляр, угощая за свой счёт в пивной приятелей пивом, рассказывал, что в Самаре существуют два комитета, которые очень богаты и вооружены, что скоро в Самаре будет бунт, царя убьют и государством будет управлять народ³⁰³. Работник иконописной мастерской, мещанин А.В.Календо, напившись, решил выступить перед народом на углу Троицкой и Москательной улиц с призывом давить купцов и отбирать у них землю. Дело решено было прекратить, так как Календо «просто был пьян, ещё и дрался!»³⁰⁴. Мещанин А.Мельников собрал вокруг себя на вокзале толпу солдат, уезжавших на Дальний Восток и стал их убеждать вступить в партию социал-демократов, не исполнять приказы начальства в особенности в тех случаях, когда будут приказывать «стрелять в бунтовщиков»³⁰⁵. 28-летний мещанин П. Хальзов, сотрудник «Самарской газеты», окончивший два класса духовной семинарии, женатый, был осуждён по 129 статье за распространение изданий социал-демократической рабочей партии³⁰⁶. Мещанин И. Серебряков был приговорён к аресту на один месяц за то, что 18 октября 1905 г. крикнул: «Долой самодержавие, мы свергнем Николашку!» и сбежал³⁰⁷. Мещанин А. Дмитриев пел на станции Самара революционные песни. А когда осмотрщик вагонов депо увидел его, то «схватил в зубы и начал рвать тетрадку». При обыске у Дмитриева была обнаружена брошюра «Молодое слово»³⁰⁸.

Мещанин П.Севастьянов был обвинён по статьям 103, 107, 130 Уголовного уложения 22 декабря 1905 г. за то, что вёл среди крестьян «противоправительственную пропаганду, выражаясь оскорбительно в Бозе почившем Государе Императоре Александре III и возбуждал крестьян жечь и грабить помещичьи усадьбы»³⁰⁹. Пётр был 37-летний холостяк, без родственных связей, православный, рождённый в г.Симбирске и принадлежащий к мещанскому сословию. В качестве меры пресечения для него было избрано отобрание вида на жительство. Когда он приходил к крестьянам, рассказывал, что «теперешний Российский Государь правил не знает». «Именуя себя студентом», Севастьянов добавил, что «они сменят Государя и поставят так, что будет царь избираться на каждый год». А покойного Государя Императора называл алкоголиком³¹⁰.

В обывательской среде всё переплелось: революционные мысли и монархические. 2 декабря 1905 г. после заседания семейно-педаго-

гического кружка в здании земской управы в Самаре публика расходилась в 12 часов ночи с пением «Марсельезы» и выкриками: «Долой самодержавие!». Та же публика, которая окружила «скопище» кружковцев, шла за ними, готовая броситься в драку, со словами: «Вас самих, мерзавцев, долой!»³¹¹.

5 мая 1905 г. в половине десятого вечера в Струковском саду начался беспорядок с криками: «Долой полицию!», «Долой самодержавие!». В это время в саду было много гуляющей публики, на эстраде играл оркестр. Около 200 человек, пришедших в сад поодиночке, собрались вокруг эстрады, стали стрелять из револьверов вверх и «запели преступную Марсельезу»³¹². Дамы и дети стали в панике разбегаться. Толпа ушла из сада, прошли по Александровской улице, дошли до Соборного сала, где и были остановлены казаками и полицией. Позднее в результате расследования данного дела, в частности, об участии в демонстрации мещанской молодёжи, выяснилось, что какой-то офицер с дамой, который должен был бы ругать демонстрантов, «матерно ругал казаков» за нанесение кому-то побоев и называл их опричника-ми³¹³. Мещане еврейского происхождения в Самаре достаточно активно включались в революционные события, потрясавшие и город, и страну³¹⁴. Герш Бронзович, 17-летний самарский мещанин, работавший подмастерьем у часового мастера, был осуждён по 129 статье за распространение прокламаций³¹⁵. 17-летний мещанин Мендель Курзаниер был обвинён по 132 статье³¹⁶. Самарская мещанка Шеина Гершевич была обвинена по 132 статье за распространение нелегальной литературы³¹⁷. Узел с данной литературой Гершевич оставила в дамской уборной на станции Самаро-Златоустовской железной дороги. На неё донесла горничная, убиравшая дамскую комнату³¹⁸.

В делах жандармского управления многие так называемые «бывшие студенты» оказываются связанными с мещанским сословием, так как писалось: «бывший студент Михаил Веденяпин, мещанин»³¹⁹. Михаил Веденяпин вместе со своей супругой Софьей Хворостовой принадлежали к партии эсеров и были осуждены в 1905 г. по 126 и 132 статьям³²⁰. У мещанки Павлы Трофимовой при обыске было найдено «значительное количество нелегальных произведений и гектограф с имеющимся на нём отпечатком воззвания революционного содержания»³²¹. Кроме того, «экземпляр гектографированного Журнала Самарской учащейся молодёжи «Молодая речь» №1 1904 г. из числа пропаганды из незначительного количества воззваний и бро-

шюр издательства «Партии социалистов революционеров»³²². Павла Трофимова родилась в Саратове в 1886 г., сектантка поморской секты, определённых занятий не имеет, средства к жизни – личный труд, семейное положение – девица, отец – маляр, в 1904 г. поступила в Саратовскую фельдшерскую школу, по собственному желанию была исключена. Вначале её заключили под стражу, потом освободили на поруки с денежной ответственностью в 200 рублей на жительство в Самаре. Потом дознание было окончено³²³. В определённой степени биография Павлы – типичная для революционной поры. 18-летняя девица, порвавшая со своей социальной средой, но вместо того, чтобы учиться и вливаться в новую категорию профессиональной интеллигенции, она влилась в романтическую среду революции.

Самарский мещанин, Абрам Поляк, был обвинён по 129 статье Уголовного уложения за то, что при выборах в Государственную Думу произнёс речь с призывом к вооружённому восстанию. В Самару он прибыл из Виленской губернии, еврей, 1886 года рождения, иудейского вероисповедания, работал фармацевтом, холост, за границей не был, к суду не привлекался³²⁴. Из самарской тюрьмы его выпустили под залог в 500 рублей³²⁵. Позднее, в 1908 г. он был осуждён приговором саратовской судебной палаты к заключению в крепость на один год³²⁶.

Мещанин Пётр Кузьмин был обвинён по статье 129 Уголовного Уложения за то, что во время выборов в Государственную Думу в 1906 г. кричал: «Долой Государственную Думу!», а также называл её черносотенной и предлагал собранию подняться на вооружённое восстание³²⁷. Биография этого социального актора революционной поры позволяет предположить, что молодой человек (1881 года рождения) принадлежал к той части сословия, которая уже порвала со своей социальной средой в результате получения образования и включилась в революцию³²⁸. По статье 132 Уголовного Уложения за хранение «преступных изданий», воззваний российской социал-демократической рабочей партии, были отправлены в тюрьму два мещанина, еврей по национальности, холостяки, Я.Бахрах и И. Быховский. Оба работали «заготовщиками», за границей не были, к суду не привлекались³²⁹. Мещанин П.Ф.Толкачёв был привлечён к суду по 129 статье за распространение в бузулукском саду воззваний в 1906–1907 гг.³³⁰. В своей обычной жизни он занимался письмоводством, был холост, за границей не был, к суду не привлекался³³¹. Мещане В.Кузнецов и

Д.Елфимов были обвинены по 128 и 129 статьям Уголовного Уложения за распространение прокламаций преступного содержания среди рабочих железнодорожного депо на станции «Самара». Елфимову в 1905 г. было 19 лет, а Кузнецову – 20. Елфимов закончил городское приходское училище, а Кузнецов «по малоуспешности» не доучился в самарском городском училище. Оба – православные, русские, холостые, за границей не были, к суду не привлекались. Елфимов часто получал взыскания за пьянство во время работы слесарем в депо. 17 января 1905 г. они принесли в мастерскую воззвания «Канун революции», «Петербург 8 и 9 января», «Ко всем рабочим». В этот день рабочие читали вывешенное правительственное сообщение по поводу беспорядков в Петербурге. Стоявший между ними Кузнецов спросил: «Ну что, хорошо написали?» Получив утвердительный ответ, Кузнецов вынул из бокового кармана пальто узенький листок: «У меня лучше написано!». Рабочие высказали своё неудовольствие: «Это нам давно известно. Этого мы слушать не желаем! Людей, которые себе позволяют это делать – надо выгнать!». На что Кузнецов сказал: «Для вас же, дураков, стараются – а вы знать ничего не хотите!». Тут показались жандармы. И Елфимов незаметно выбросил какие-то листки. Один из рабочих, Подкопаев, подошёл к вахмистру самарского жандармского управления и сообщил об этом. При обыске у Кузнецова и Елфимова были обнаружены 6 воззваний, в том числе тексты «Марсельезы», «Вставай поднимайся рабочий народ! Вставай на борьбу люд голодный!». В воззваниях говорилось: «Товарищи! Настал наш час! Поддержать петроградских рабочих...Свистят пули, грохочут выстрелы...Самодержавие обагрило кровью руки...»³³².

Некоторые мещане уже совсем не имели ничего общего со своим сословием, становясь неким всесловным авантюристом или своего рода революционером – бретёром, которому заниматься революционной борьбой было интересно не с точки зрения идей, а из-за того приключенчески-девиантного образа жизни, который появлялся у человека революционного подполья. Таким персонажем был и самарский мещанин П.Ф. Вовченко. Его дело в фонде жандармского управления начинается с сообщения о том, что 12 октября 1906 г. 16-летний социалист-революционер Вовченко был доставлен из губернской земской больницы в тюремную больницу в карете скорой помощи³³³. Дело иллюстрирует путь юного мещанина в революционный террор со всеми перипетиями, метаниями и конспирацией. И

заканчивается сообщением о том, что в мае-августе 1907 г. Вовченко вновь был обвинён по 129 статье³³⁴.

Бугуруслансий мещанин А. Суряков, находясь 7 октября 1906 г. в квартире крестьянина Т. Расторопова «произносил дерзкие и оскорбительные слова против особы государя Императора («площадная брань в адрес Государя Императора и Государыни Марии Фёдоровны»³³⁵) и призывал к неповиновению властям и отказу платить подати и отбывать воинскую повинность»³³⁶. Суряков был православный, жил в деревне Топорино, занимался хлебопашеством, был женат, имел четверых малолетних детей, малограмотный, за границей никогда не был, к суду не привлекался, в 1906 г. ему исполнилось 29 лет³³⁷. В принципе, как и все, он любил покритиковать власть, но в 1906 г. слова о том, что Государя Императора и Государыню Императрицу «нужно сменить», так как «Государь Император отправляет всё золото за границу и там разоряет Россию» приобрели особое крамольное звучание и повлекли за собой статьи 103 и 129 Уголовного Уложения³³⁸.

Дело мещанина В. Бажутина рассматривалось в жандармском управлении Самары с 1906 по 1908 гг.³³⁹. В 1906 г. в результате обыска в его квартире была обнаружена «преступная литература (значительное количество)»³⁴⁰. Ему шёл 27 год, он был женат, происходил из крестьян, но в городе был причислен к мещанскому сословию, работал переписчиком в переплётной мастерской, никаких средств к жизни не имел, за границей не был, к суду не привлекался³⁴¹. Литература, обнаруженная у него во время обыска, была эсеровской. Над Василием был установлен особый надзор полиции³⁴². Но 6 марта 1907 г. он без разрешения «выбыл на жительство в с. Тимашево Бузулукского уезда, поступил на службу в Правление общества потребителей Тимашевского сахарного завода»³⁴³. После того, как полиция его обнаружила, с завода его уволили как «политически неблагонадёжного»³⁴⁴. Он пишет прошение в Самарское полицейское управление: «...имею честь покорнейше просить Самарское жандармское полицейское управление в виду безвыходного моего положения за неимением других средств кроме службы в качестве бухгалтера Тимашевского общества потребителей» выдать справку о благонадёжности. На что полицейское управление Самары отреагировало: «Никакие справки о политической благонадёжности частным лицам на руки не выдаются»³⁴⁵.

Мещанки Н.Шилова и М.Ишутина (Щеглова) приехали в 1906 г. в с.Среднюю Покровку и в доме крестьянки Степаниды Колесниковой собрали крестьян и стали им читать прокламации. При аресте у них изъяли брошюры «Протокол учредительного съезда Всероссийского крестьянского союза» и др. и отправили в тюрьму³⁴⁶. Шилова вначале отказалась давать о себе какие-либо сведения³⁴⁷. Позднее выяснилось, что ей 21 год, родом из Уральска, не замужем, определённых занятий не имеет, за границей не была, к суду не привлекалась³⁴⁸. Деввица Ишутина – её ровесница. Родители – живут в селе, имеют свой дом. Образование получила домашнее, за границей также не была и к суду не привлекалась³⁴⁹. Девицы, оказавшись в тюрьме, стали просить изменить меру пресечения: вместо освобождения под залог – на поручительство или гласный надзор полиции³⁵⁰. Приговором Саратовской судебной палаты от 1908 г. мещанки Шилова и Ишутина «были оправданы, причём постановлено: вещественные доказательства по сему делу уничтожить»³⁵¹. О дальнейшей судьбе мещанки Шиловой можно узнать из документа, прикреплённого к этому же делу: «Пензенская губернская земская управа предполагает определить на службу в оценочное отделение Управы слушательницу Санкт-Петербургского Политехнического института Надежду Ивановну Шилову, проживающую в Санкт-Петербурге, Лесная»³⁵². В этой связи Шилова ходатайствует о выдаче ей свидетельства Самарской полицией о благонадёжности. Ей данное свидетельство выдали³⁵³. Это удивительное «попрошайничество» у своих «классовых врагов» в случае ареста иллюстрирует и дело мещанина А.А.Лангина, обвинённого в 1906–1908 гг. по 129 статье Уголовного Уложения. Вместе с другим мещанином, В.М.Абрамовым, они собрали на железнодорожной станции Самара в зале III класса много людей, которым стали рассказывать, что «не нужно Бога и Царя» и читали воззвания³⁵⁴. Лангину было 27 лет. К этому времени он уже 4 года не жил с женой, оставленной им в Оренбурге. Работал шапочником. Но, по всей видимости, основная профессия у него уже была другая, революционная борьба. Но после того, как был отправлен в тюрьму, Лангин писал Заявление «Его Превосходительству Господину жандармскому адъютанту ротмистру Бакину. 1906 г. Снявши с меня допрос 24 февраля Вы Ваше Высокоблагородие обещали меня освободить 25 февраля. Но и по настоящее время я нахожусь в заключении. 14 марта»³⁵⁵. Дело было прекращено. Лангин выпущен на свободу³⁵⁶.

Дело о мещанине М.Константинове начинается с его письма в Самарское губернское жандармское управление³⁵⁷. «Ваше Высокоблагородие, – пишет он в 1906 г., – неужели моя вина заслуживает такого строгова одиночного наказания если вы считаете у меня найденные книги неразрешёнными то тогда зачем же их печатают и продают если вы подозреваете за мной ещё что-то то прошу вас допросить и освободить меня так как я человек семейный у меня на воле осталась семья безо всяких средств которая состоит жена, мать женина, трое детей, мальчик 4 л. девочка 2 л. И мальчик 1-года, ещё моя мать в Москве, которой я помогал тоже как на дворе Праздник и им придётся проклинать свою судьбу если я не столько виноват то ещё раз прошу вас освободить меня до суда так как мне скрываться от своей семьи и от вас некуда и...я это хорошо сознаю что мне за это наказание будет гораздо строже... (Далее лист изорван – прим.авт.) Если моя просьба невозможна, прошу передать мою просьбу Губернатору чтобы дали бесплатный билет на проезд в Москву моему семейству...»³⁵⁸. Из материалов дела становится понятно, почему 31-летний мещанин из Московской губернии оказался в Самарской тюрьме. По специальности он литограф. Служил в московской литографии Евдокимова. В 1906 г. приехал в Самару и поступил работать в литографию Жданова. Никаких революционных бесед с рабочими литографии, по его показаниям, не вёл и прокламаций на работу не приносил, «а если какие прокламации и бывали, то случайно нашёл в Струковском саду»³⁵⁹. Тем не менее Константинов был арестован «за преступную агитацию среди рабочих типографии в г.Самаре»³⁶⁰. Некоторые истории про мещан в революции выглядят просто анекдотично. Так, мещанин Михаил Макеев был обвинён по 128 статье за то, что 8 декабря 1905 г. в конторе при станции Самара «немного в не трезвом виде собрал около себя служащих криком: Долой самодержавие! Долой Николку!». Далее кричал, что хочет на царя «плюнуть и топнуть ногой и сказать: «если бы за это пришлось поплатиться жизнью, зато буду знать, что погиб за свободу!»»³⁶¹.

Следует солидаризироваться с мнением В.М.Бухараева о том, что характер мещанского протеста был «не активным социально-политическим, а скрытым, зачастую неосознанным; его выразители, мещане – деликвенты, не выпадали из мещанского архетипа»³⁶². В провинции, как и в столицах, началось общее брожение, обыватель пришёл в движение. Вседозволенность проникала в обывательские

поведенческие тексты. Оружие стало доступно не только профессиональным революционерам, но и просто хулиганящим, играющим в революцию, маргиналам всех мастей, наводнившим город. Документы, относящиеся к тому периоду, постоянно упоминают револьверы системы «Бульдог»³⁶³. Но параллельно провинция жила той же повседневностью, как и до революции. Так, в «Симбирских губернских ведомостях» печаталась, ставшая уже привычной, реклама сочинений доктора Лоренца по борьбе с онанизмом, стоящих 1 руб.

Среди участников стачечного движения в Самаре мещанство выражено через профессиональную принадлежность: «приказчики», «модистки», «парикмахеры», «служащие конки», «официанты», «грузчики» и т.д.³⁶⁴. Являясь частью городских обывателей, они же и затрудняют обывателю своей политической активностью повседневную жизнь. Приказчик и хозяин ментально принадлежат к единому предпринимательскому пространству города. Оказавшись неожиданно по разные стороны баррикад, они ведут себя как во время торговли: пытаются договориться, торгуются, лукавят³⁶⁵. Январь 1905 г. оказался особо тревожным временем для всех горожан. 14 января 1905 г. приказчики г.Самары собрались для выработки своих требований³⁶⁶; происходят волнения среди мастериц модных мастерских; 18 января приказчики вырабатывают свои экономические требования владельцам торгово-промышленных заведений; 21 января парикмахеры отправляют петицию губернатору об улучшении своего положения. Потом забастовала самарская конка³⁶⁷. Отдельно вышли на забастовку кондукторы конки. После чего бастовавшие служащие конки были уволены. Полицией было разогнано собрание приказчиков слободы Покровской, которые собрались для обсуждения вопроса о праздничном отдыхе³⁶⁸. Стали формулировать свои требования официанты Самары³⁶⁹. Началась однодневная забастовка приказчиков³⁷⁰. Свои требования вырабатывали портные и модистки³⁷¹. Ломовые извозчики Самары грозили хлеботорговцам стачкой, происходили волнения грузчиков³⁷². Бастовали оперные хористы, наборщики «Самарской газеты», кондитеры, приказчики учреждения «1-ый союз труда в г.Самаре», а так же приказчики магазинов общества потребителей, легковые извозчики, кучера и дворники³⁷³. Волнения грузчиков (3000 грузчиков были разогнаны казаками³⁷⁴) сменялись собраниями портных. За забастовкой приказчиков магазина Жижина следовала забастовка официантов, портных и сходка маляров. Шляпочницы добились ве-

дения 11-часового рабочего дня³⁷⁵. И все эти в основном мещанские профессии И.И.Блюменталь справедливо относит не к пролетариату (классу) и не к сословию, а к «полумещанам». Причина слабости самарской социал-демократии в 1905 году, по его мнению, «лежит не в её составе, а в самом характере той социальной среды, в которой приходилось работать партии в Самаре... (то есть в среде – прим.авт.) ...рабочих, которые являлись ещё в значительной мере полумещанами»³⁷⁶.

Неожиданно для Самары в «Правительственном вестнике» за июль 1905 г. была опубликована статья о найденном в Самаре в вагоне Красного Креста сундуке с золотом на миллион рублей³⁷⁷. Как всегда шёл подробный рассказ о том, что сумма проверялась три раза и в конечном счёте оказалось 600 000 руб., но газета делала вывод, что скорее всего всё это слухи!³⁷⁸ Но был встревожен порочащими Красный Крест слухами Председатель Главного Управления Российского общества Красного Креста, написавший письмо Д.Ф.Трепову с просьбой о помощи в данном деле. Письмо начиналось с достаточно личного обращения: «Любезный Митя!»³⁷⁹ Но вот уже в «Сыне Отечества» появляется статья под названием «Золотая утечка», в которой рассказывается о найденном в Самаре в вагоне Красного Креста ящике с золотом³⁸⁰. После того как из столицы самарскому губернатору стали поступать от вышестоящих начальников телеграммы о безотлагательном проведении расследования, в Самаре, наконец, в жандармском управлении этим занялись. Выяснилось, что 8 июня 1905 г. слесарь депо станции Самара Косицын, подрабатывающий могильщиком на Молоканском кладбище, дожидался со своими двумя товарищами «приноса покойника». И тут они увидели, что 5–6 парней тащат от железно-дорожного полотна какой-то сундук. Слесари-могильщики заподозрили кражу и погнались за парнями. Парни сбежали, а сундук бросили. Так как замок на сундуке был не повреждён, его просто отнесли обратно в вагон Красного Креста, даже не заглянув, что там было³⁸¹. Но после того, как в столице пошёл слух о самарских сундуках с золотом, все стали смеяться над бедным Косицыным, обвиняя его в том, что он никому, кроме Петербурга, не рассказал о находке.

В октябре 1905 г. дума находила положение в городе «крайне опасным как для имущества так и для жизни граждан»³⁸². В ноябре 1905 г. обсуждались мероприятия по охране города³⁸³, так как «...вся торговля в Самаре, благодаря происшедшей забастовке, прекратилась, по-

тому что магазины все закрыты и когда всё это кончится неизвестно. А между тем такое положение влечёт за собой полнейшее разорение торгового класса...³⁸⁴. 13 декабря журнал чрезвычайного заседания Самарской городской думы констатировал, что от «вновь возникающих забастовок» перед «насильственным закрытием» встали не только торговые и заводские заведения и электрическое освещение, но даже присутственные места, такие как окружной суд, натариусы, банки «с угрозами убивать тех, кто не подчиняются», «около месяца не работали почта и телеграф», «жизнь замерла и страшная катастрофа разорения надвигается»³⁸⁵. На заседании было высказано требование о том, что «дума должна принять какие-нибудь меры к тому, чтобы жизнь обывателей не находилась в такой опасности»³⁸⁶.

Тревожная ситуация была и в Симбирске. Вседозволенность, сопровождающая революции, усиливала девиантное поведение в обывательской среде. 26 мая 1905 г. токарь Алатырских железно-дорожных мастерских мещанин М.Ф.Конаев, «будучи в нетрезвом виде», катался по городу на велосипеде и упал около тратуара, где играли дети. Находившийся рядом слесарь Актушинский заметил, что так можно и детей ушибить и пьяному лучше сидеть дома. «Эти слова Конаеву показали очень обидными и он нанёс рану слесарю Актушинскому шилом»³⁸⁷. Прибывший в дом к Конаеву полицейский надзиратель потребовал отвечать на вопросы, на что Конаев «со словами «Я вам сейчас отвечу» пошёл в спальню и, взяв ружьё, заряженное картечью, выстрелил в полицейского надзирателя весь заряд картечи»³⁸⁸.

17 мая 1905 г. 15 нижних чинов Дагестантского Казачьего полка, следовавшего на Дальний Восток, произвели беспорядки в Сызрани³⁸⁹. На самом деле беспорядки в Сызрани были гораздо серьёзнее. На войну следовали 2 эшелона с добровольцами из осетин, лезгин и кавказских татар³⁹⁰, всего 450 человек³⁹¹. Большая толпа горцев, вооружённых палашами, кинжалами и револьверами, партиями по 10–15 человек отправились в дома терпимости, располагавшиеся на этой Песчаной улице и стали производить буйство и стрелять. Эшелонные начальники отказались ехать на Песчаную улицу усмирять своих подопечных, так как сопровождаемые ими нижние чины «собраны в горах Кавказа, народ дикий, необузданный, в войсках не служивший и никакого понятия о дисциплине не имевший, причём каждый из них отбывший несколько раз тюремное заключение за разные преступления. Со дня выезда с Кавказа люди эти совершили несколько

раз преступления в том числе и убийства, в виду чего они командиры просили своё начальство сделать распоряжение, чтобы эшелоны их не останавливались на дневки ни в городах, ни на станциях»³⁹². Пока начальство думало, как быть, в доме Егоровой, горцы, не обнаружив проституток, которых кто-то успел предупредить, забрали у кухарки 20 аршин ситца, 3 кофты, шерстяное платье и 2 простыни, всего на 30 руб.³⁹³ Также, не получив девиц в доме Кудрявцевой, ограбили кухарку-мещанку, забрав у неё 3 шерстяных платья, 16 аршин полотна и несколько гребёнок, всего на 25 руб. Но тут увидели во дворе одну проститутку, не успевшую спрятаться, погнались за ней и изнасиловали. Одна проститутка в другом доме по той же улице спряталась в ретирадном месте, но также была настигнута горцами. В доме Шуганковой, требуя девиц, подстрелили служащего мещанина М.А.Гуртового. По Песчаной улице Сызрани располагались не только действующие дома терпимости, но и проживали бывшие проститутки. Так у 70-летней содержательницы дома терпимости отобрали 100 руб. серебром и несколько золотых и серебряных вещей. Не испугались во всей Сызрани разбушевавшихся горцев только доблестные городовые и пожарники, которые вступили с ними в бой³⁹⁴.

24 июня 1905 г. по Симбирску стали попадаться пьяные солдаты, переходившие из трактира в трактир, затевающие ссоры, толкающие прохожих на улицах, бранившихся и угрожающих всем. Городовой сделал им замечание и еле спасся бегством, так как один из солдат выхватил нож и погнался за городовым. По телефону городовой вызвал подкрепление. А народ, горожане, столпились посмотреть на бушующих солдат, скучились экипажи – всем было интересно! Солдаты перед толпой стали ещё больше безобразничать. Так продолжалось до тех пор, пока не приехали воинское начальство и не разогнали хулиганов³⁹⁵.

В 1906 г. торжественный день открытия Первой государственной Думы в Симбирске омрачился для горожан печальными событиями. В 11 часов утра горожане собрались на Венце на торжественный молебен в Кафедральном соборе. Но тут выступила учащаяся молодёжь с пением «марсельезы», «варшавянки» и других революционных песен. Как печаталось в сызранских газетах, образовалась толпа до 3 тысяч человек. Приехали стражники с ногайками и начали всех разгонять. Демонстранты разбежались с одного места и собрались в другом, около тюрьмы, где вновь скорбно запели «Вы жертвою пали в борьбе роковой», а из тюрьмы им отвечали пением «Марсельезы». Тут и сюда

добрались стражники и начали избивать ногайками толпу по признаку светлых пуговиц, форменных фуражек, красных или чёрных рубаш и синих брюк³⁹⁶.

24 января 1906 г. на заседании Симбирского губернского земского собрания выступал, как представитель городского общества, городской голова Волков, потрясённый событиями предшествующего периода: «как представитель города, всё время переживал те политические движения, которые совершались в населении нашего города», но и «в городском общественном управлении тоже была забастовка. Все служащие ...пригласили меня и объявили, что они такие же русские люди и они, переживая несчастье, постигшее Россию и сочувствуя этому, не могут спокойно заниматься делом...Я...говорил им, что политические взгляды – это дело совести каждого, что их насиловать за это городское управление не в праве и не будет этого делать...После манифеста 17 октября движение в городе было настолько сильное, что его не под силу было остановить Председателю Управы...18 октября и в последующие дни движение народа в городе было огромное, толпы народа ходили по улицам, пели Марсельезу, Боже Царя храни...»³⁹⁷. Председатель губернской управы потребовал, чтобы Волков внёс в Думу вопрос об отводе помещения под митинги, так как все митинги стали проводить в помещении губернской управы, что мешало её повседневной деятельности. И вот на заседании земства Волков жаловался дальше: «По Волге нет города, который перенёс бы это народное движение с меньшими потерями, чем Симбирск»³⁹⁸. А параллельно предложил под митинги отвести помещение земской управы, которая по своим симпатиям ближе к этому митингующему народу. Но земство уже испытало на своих помещениях всю «прелесть» проведения в них митингов и поэтому земец Мотовилов заявил: «здесь во время митинга развевались революционные флаги и раздавались крики: «Долой самодержавие! Да здравствует, кажется, республика!» Я не знаю кому приятны такие вещи?! Мне они неприятны!»³⁹⁹.

Свидетельством общего падения нравственности и распущенности текстов поведения в провинции в 1906 г. становится сообщение в Департамент Полиции о том, что 7 января в 9 часов утра унтер-офицер, проходивший по залу станции Пенза Сызранско-Вяземской железной дороги увидел, как избивают железной палкой новобранца, заступился, хулиганы принялись избивать и унтера, грозить ему кинжалами⁴⁰⁰. А из поезда-жилья главного железно-дорожного состава

ва было похищено 152 трёхлинейных винтовки и 7500 патронов⁴⁰¹. 29 апреля 1906 г. в поезде № 3 в вагоне второго класса помещались корнет В.А.Семенихин, дворянка Игнатенко и помощник машиниста Турганов. Вдруг в вагон самовольно вошёл с билетом третьего класса мещанин А.Н.Хохлов в нетрезвом виде и потребовал от корнета в грубой форме, чтобы он освободил место. Не вставая, корнет заметил, что мест в поезде много. Хохлов начал его «оскорблять...самыми площадными словами...и схватил корнета за горло». Корнет выхватил револьвер и выстрелил в Семенихина в упор. Пуля попала в нос и застряла. Мещанину тут же была оказана помощь, и его здоровью ничего не угрожало. Но корнету помощь потребовалась. Вначале он отдал для перевязок своё бельё, «видимо был сильно потрясён происшествием», а «офицерам пришлось за ним наблюдать, во избежание покушения на самоубийство»⁴⁰². Это история была бы комичной, если не свидетельствовала о том периоде смуты, в который вступала страна. При пересылке вещей самарского губернатора Якунина из Одессы через Харьков в Самару все эти вещи, стоимостью в 10 тыс. руб., были украдены и так и не обнаружены⁴⁰³. А в Симбирске ротмистр застрелил свою сожительницу «по неосторожности»⁴⁰⁴. Издатель саратовского Адрес-календаря во вводном обращении к читателям в 1906 г. жаловался, на современные условия, которые «мешают правильной, систематической работе. Во время октябрьских, Ноябрьских и Декабрьских событий невозможно было думать о собирании материала и его систематизации. Неубывающая волна забастовок приостанавливала повседневную жизнь»⁴⁰⁵.

Таким образом, политическая ситуация в стране в начале XX в. добавила к традиционным мещанским девиациям, связанным с преступлениями уголовного порядка, политические. Общая атмосфера вседозволенности, этически подкреплённая революционными идеями, приводила к появлению в поволжских городах нового хулиганства среди мещан, хулиганства революционного. Исчезали старые депрессивные символы, скреплявшие традиционные городские общины, и вместе с ними разрушалась «уставная норма», исчезал порядок. Общество мещан города из последних сил пыталось привести всё в систему. Но если раньше оно изгоняло из своей среды «порочных» и «кристаллическая решётка» сословной организации от этого не страдала, то в ситуации, когда общество менялось изнутри, интенсивно пополняясь околореволюционным элементом, всё труднее станови-

лось определить «порок» и избавиться от него. «Порок» пропитал сам воздух города и создал иной язык, синкретический язык, на котором говорил обыватель революционной эпохи, объединяющий саму идею, её адаптированный обывательской средой вариант и новые коммуникативные эмоции. При этом сама дисциплинарная сословная структура продолжала функционировать, создавая видимость непотрево-

Концевые сноски

- 1 Гидденс Э. Социология. С.179.
- 2 Там же. С.180.
- 3 Гидденс Э. Социология. С. 199.
- 4 Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи. С. 368.
- 5 Там же. С. 367–368.
- 6 Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи. С.379.
- 7 Там же. С.468.
- 8 Там же. С.469.
- 9 Там же. С.176.
- 10 Сызранский филиал ЦГАСО. Ф.61. Оп.1. Д.8.
- 11 Шапошников В.Н. Хулиганы и хулиганство в России. Аспект истории и литературы XX века. М., 2000. С.26.
- 12 Добровольский В.Н. О дорогобужских мещанах и их шубрейском или кубрацком языке. Санкт-Петербург, 1897.
- 13 ЦИАМ. Ф.852. Оп.3. Д.19. Л.1.
- 14 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.24. Л.312 (Об.)
- 15 Там же. Л.384.
- 16 ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д.1483. Л.1.
- 17 Там же. Л.5,7.
- 18 Там же. Л.7.
- 19 ГАСО. Ф.94. Оп.1. Д.1229. Л.16 (Об.) – 17.
- 20 Там же.
- 21 Там же. Д.1850. Л.32 (Об.)–34.
- 22 ГАСО. Ф.94. Оп.1. Д.1850. Л.54–54 (Об.).
- 23 Там же. Л.135 (Об.).
- 24 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.26. Л.157– 157 (Об.).
- 25 Там же. Ф.170. Оп.6. Д.122. Л.81 (Об.).

- 26 Там же. Ф.217. Оп.1. Д.4. Л.1-1 (Об.).
- 27 Там же. Л.7.
- 28 Там же. Л.8.
- 29 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.26. Л.167.
- 30 Там же. Л.925.
- 31 Там же. Л.925 (Об.).
- 32 Там же. Д.306. Л.4.
- 33 Отчёт Самарской городской управы и подведомственных ей учреждений за 1888 год. Самара, 1890. С. 15.
- 34 ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д.785. Л.8.
- 35 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.85. Л.66 (Об.)-67 (Об.).
- 36 Там же. Ф.153. Оп.1. Д.905. Л.2-3.
- 37 Там же. Ф.217. Оп.1. Д.382. Л.32 – 33 (Об.).
- 38 Там же. Д.306. Л.8-11.
- 39 Там же. Ф.217. Оп.1. Д.8. Л.6.
- 40 Там же. Л.6-6 (Об.).
- 41 Там же. Л.6 (Об.).
- 42 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.8. Л.7-9.
- 43 Там же. Л.19.
- 44 Там же. Л.9.
- 45 Там же. Д.14. Л.95.
- 46 Там же.
- 47 Там же. Л.108.
- 48 Там же. Д.8. Л.153-153 (Об.).
- 49 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.8. Л.428.
- 50 Там же. Л.428 (Об.).
- 51 Там же. Д. 89. Л.455.
- 52 Там же. Ф.170. Оп.6. Д.621. Л. 199-199 (Об.)
- 53 Власов П. В. Благотворительность и милосердие в России. М., 2001. С. 108.
- 54 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.88. Л.314, 362, 378, 385 (а), 386, 387, 394, 398, 413, 416,419, 430, 442, 472, 574, 613, 640, 670, 670 (а),682, 695, 785,825, 826, 832.
- 55 Там же. Л.1019.
- 56 Там же. Ф.170. Оп.6. Д.493. Л.48.- 48 (Об.).
- 57 Там же. Л.48 (Об.).
- 58 ГАСО. Ф.94. Оп.1. Д.2800. Л.2-19 (Об.) Дело о доставлении сведений о судимости мещан г.Саратова. 1917 г.
- 59 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д. 235. Л.188-266.
- 60 Там же. Л.189.
- 61 Там же. Л.190.

- 62 Там же. Л.191.
- 63 Там же. Л.193 (Об.).
- 64 Там же. Л.194 (Об.).
- 65 Там же. Л.195.
- 66 Там же. Л.196 (Об.).
- 67 Там же. Л.197.
- 68 Там же. Л.202,203,204.
- 69 Там же. Л.211.
- 70 Там же. Л.212.
- 71 Там же. Л.213.
- 72 Там же. Л.224.
- 73 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д. 235. Л.228 (Об.).
- 74 Там же. Л.232, 233, 234.
- 75 Там же. Л.237.
- 76 Там же. Л.255.
- 77 Там же. Л.261.
- 78 Там же. Ф.170. Оп.6. Д.625. Л.178 (Об.).
- 79 Там же. Ф.217. Оп.1. Д.49. Л.72 (Об.).
- 80 Памятная книжка Симбирской губернии на 1869 год. Симбирск, 1869. С.34-35.
- 81 Там же.
- 82 Там же. С.36.
- 83 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.445.
- 84 Там же. Д.345. Л.1-64.
- 85 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.345. Л.34.
- 86 Там же. Д.367. Л.1-47; Д.394.
- 87 Там же.
- 88 ГАУО. Ф.143. Оп.1. Д.482. Л.1-16.
- 89 Там же. Л.19.
- 90 Симбирские губернские ведомости. 1895. 29 июня (№ 53).
- 91 Там же. 2 авг. (№ 54). С.1-2.
- 92 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.398. Л.7.
- 93 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.398. Л.7.
- 94 ГАУО. Ф.143. Оп.1. Д.622. Л.1-11.
- 95 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.418. Л.236.
- 96 Власов П. В. Благотворительность и милосердие в России. М., 2001. С. 81-82.
- 97 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.235. Л.175-177.
- 98 Там же.
- 99 Там же. Л.175.
- 100 Там же. Л.175-177.

- 101 ЦГАСО. Ф. 217. Оп.1.Д.26. Л.167-167 (Об.).
- 102 Там же. Д.99. Л.3.
- 103 Там же. Л.3 (Об.)-6.
- 104 Там же. Л. 7 (Об.).
- 105 Там же. Л.8.
- 106 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.99. Л.23-24.
- 107 Там же. Д.235. Л.32 (Об.).
- 108 Там же. Л.18 (Об.).
- 109 Там же. Д.416. Л.2.
- 110 Там же. Л.5.
- 111 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.99. Л.36.
- 112 Там же. Л.42.
- 113 ГАСО. Ф.94. Оп.1. Д.2795. Л.54.
- 114 Там же. Л.54 (Об.).
- 115 Там же. Л.55.
- 116 ГАСО. Ф.94. Оп.1. Д.2795. Л.55.
- 117 Там же. Л.55 (Об.).
- 118 Там же. Л.56.
- 119 ГАСО. Ф.94. Оп.1. Д.2795. Л.56 (Об.).
- 120 Там же. Л.57.
- 121 Миронов Б. Н. Социальная история России. Т. 2. С. 326.
- 122 Панченко А. А. Христовщина и скопчество :фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2004. С. 11.
- 123 Там же.
- 124 Энциклопедический словарь. Дополнит. Т. Т.2. М., Репр. Воспр. Изд. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. 1890. М., 1994. С.699.
- 125 Список населённых мест Самарской губернии. Самара, 1910. С. XI.
- 126 Шахадат Ш. Психологизм, любовь, отвращение, разум: эмоции с точки зрения литературоведения // Российская империя чувств. С. 37-38.
- 127 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.403. Л.2.
- 128 Там же.
- 129 Там же. Л.2.
- 130 Там же.
- 131 Очерки истории Поволжья и Приуралья в имперский период. Саратов, 2010. С. 310.
- 132 Труды Комиссии Высочайше учреждённой для пересмотра системы податей. С.48, 51.
- 133 Там же. С.104-105.
- 134 Симбирские губернские ведомости. 1866. 20 янв. (№ 7). С. 3.
- 135 Горизонтов И. Письма к приятелю // Старый Саратов. Свидетельство прошлого. Т.2. Саратов, 1995. С. 101, 103, 104.

- 136 Там же. С.97-98.
- 137 Там же. С.97.
- 138 Там же. С.99.
- 139 Сырнев И. Первый по величине // Россия. Полное географическое описание нашего Отечества: настольная и дорожная книга для русских людей. Т.6. СПб., 1901. С.147.
- 140 Симбирские епархиальные ведомости. 1878. 1 сент. (№ 17). С. 306 ; 1 янв. (№ 1). С.14-15.
- 141 Симбирские епархиальные ведомости. 1881. № 1. С.78.
- 142 Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи. С.454-467.
- 143 Половинкин П. В., Кожевникова М. В. Старообрядчество Самарского края : история и культура. Самара, 2007. С. 1.
- 144 Катькова В. В., Мышенцев Н. П. Старообрядческие общины Самарской губернии : численность, структура, динамика развития // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13 (41). № 3. С. 47.
- 145 Половинкин П. В., Кожевникова М. В. Старообрядчество Самарского края. С. 1-2.
- 146 Катькова В. В., Мышенцев Н. П. Старообрядческие общины Самарской губернии. С. 48, 49.
- 147 Там же. С. 51.
- 148 Катькова В. В., Мышенцев Н. П. Старообрядческие общины Самарской губернии. С. 51.
- 149 Катькова В. В. Старообрядчество Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX в. : дис... канд. ист. наук. Самара, 2010. С. 36-37.
- 150 Там же. С. 37-39.
- 151 Половинкин П. В., Кожевникова М. В. Старообрядчество Самарского края. С. 2.
- 152 Там же.
- 153 Половинкин П. В., Кожевникова М. В. Старообрядчество Самарского края. С. 2.
- 154 Там же.
- 155 Катькова В. В. Старообрядчество Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX в. С. 50, 52.
- 156 Там же. С. 52, 53.
- 157 Половинкин П. В., Кожевникова М. В. Старообрядчество Самарского края. С. 3.
- 158 Там же.
- 159 Наумлюк А. А. Самарское старообрядчество в начале XX в. // Вестник Самарского государственного университета. 2009. № 1(67). С. 68.

- 160 Там же. С. 69.
161 Половинкин П. В., Кожевникова М. В. Старообрядчество Самарского края. С. 3.
162 Там же.
163 Список населённых мест Самарской губернии. 1910. С.Х – XI .
164 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.26. Л.193.
165 Саратовский календарь на 1873 год. С.87.
166 Памятная книжка Саратовской губернии на 1872 г. Ведомость лит. В.
167 Очерки истории Поволжья и Приуралья. С.353.
168 ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д.234. Л.1-1 (Об.).
169 Там же. Ф.32. Оп.1. Д.119. Л.1-1 (Об.).
170 Там же. Д.154. Л.1.
171 ЦГАСО. Ф.32. Оп.1. Д.280. Л.2.
172 Там же. Д.293. Л.1.
173 Там же. Л.1 (Об.).
174 Там же. Ф.170. Оп.6. Д.1684.
175 Там же. Ф.32. Оп.1. Д.527. Л.1 (Об.)-2.
176 Там же. Л.1 (Об.).
177 ЦГАСО. Ф.32. Оп.1. Д.46. Л.1-3.
178 Там же. Д.98. Л.13-25.
179 Там же. Л.30-30 (Об.).
180 Там же. Л.31-32.
181 Там же.
182 Там же. Ф.32. Оп.1. Д.98. Л. 64-73.
183 Там же. Л.74.
184 Там же. Л.77.
185 ЦГАСО. Ф.32. Оп.1. Д.98 Л.84-90.
186 Там же. Л.196.
187 Там же. Л.198-200.
188 Там же. Л.227.
189 ЦГАСО. Ф.32. Оп.1. Д.1016. Л.1 (Об.)-31 (Об.).
190 Там же. Л.34-34 (Об.).
191 Там же. Л.37-38.
192 Там же. Д.1096. Л.15.
193 ЦГАСО. Ф.32. Оп.1. Д.1222. Л.1-2.
194 Там же. Л.2-11.
195 Там же. Л.15-15 (Об.).
196 Катькова В. В. Старообрядчество Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX в. С. 56.
197 Там же. С. 59.
198 ЦГАСО. Ф.32. Оп.1. Д.955. Л.15.

- 199 Там же. Д.1223.
200 ЦГАСО. Ф.32. Оп.1. Д.1223. Л.1 (Об.).
201 Там же.
202 Там же. Л.3 (Об.) – 4 (Об.).
203 Там же. Д.1250. Л.1-7.
204 ЦГАСО. Ф.32. Оп.1. Д.1250. Л.1-5.
205 Там же. Л.8 (Об.).
206 Там же. Л.11.
207 Там же. Д.1091. Л.1.
208 Там же. Л.2-2 (Об.).
209 Там же. Д.1096. Л.4(а).
210 ЦГАСО. Ф.32. Оп.1. Д.1096. Л.15.
211 Там же. Л.19.
212 Там же. Л.36.
213 Там же. Л.71.
214 Там же. Л.73.
215 Там же. Л.78.
216 ЦГАСО. Ф.32. Оп.1. Д.1096. Л. 78.
217 Там же Л.23.
218 Там же. Л.30.
219 Там же. Л.34.
220 Там же. Л.93-100.
221 Там же. Д.1020.
222 Там же. Л.1.
223 Там же. Л.3.
224 Там же. Л.25.
225 Там же. Д.1199. Л.1-4.
226 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.382. Л.6-6 (Об.).
227 Там же. Ф.32. Оп.1. Л.9-23, 27, 28.
228 Там же. Д.10. Л.113-118.
229 Там же. Ф.1. Оп.1. Д. 1108. Л.1-3.
230 Там же. Ф.217. Оп.1. Д.410. Л.38.
231 Названия монастырей, упомянутых в деле Копанкина, выверены по исследованию О.И.Радченко «Монастыри Самарской губернии: история и современность» // Режим доступа: <http://www.muzeum.Murom.ru/wwwmus/Uwar/3/Radchenko.htm>. – Загл. с экрана.
232 ГАСО. Ф.3. Оп.233. Д.1558. Л. 1.
233 Там же.
234 Эткинд А.Хлыст. Хельсинки, 1998. С. 675.
235 Миронов Б. Н. Страсти по революции. С. 198.
236 Там же. С. 201.

- 237 Горький М. Жизнь Клим Самгина (Сорок лет) // Собрание сочинений в 16 томах. Т.14. М., 1979.
- 238 Лурье Л.Я. Эволюция численности, сословного, профессионального и возрастного состава деятелей русского освободительного движения на дворянском и разночинском этапах (по материалам био-библиографического словаря «Деятели революционного движения в России»): автореф. дис... канд. ист. наук. Л., 1981. С.10.
- 239 Фуко М. Надзирать и наказывать. С. 201.
- 240 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.243. Л.120.
- 241 Там же. Д.235. Л.31.
- 242 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1.Д.235. Л.36, 38, 39, 48.
- 243 Там же. Ф.170. Оп.6. Д.336.
- 244 ЦГАСО. Ф.3. Оп.233. Д.1604. Л.1-1 (Об.).
- 245 Там же. Л.3-4.
- 246 Там же. Л.11.
- 247 ЦГАСО. Ф.3. Оп.233. Д.1604. Л.12-12 (Об.).
- 248 Там же. Л.13.
- 249 Там же. Л.14.
- 250 Там же. Л.15-17.
- 251 Там же. Л.21.
- 252 Там же. Д.1620. Л.1-4.
- 253 ЦГАСО. Ф.3. Оп.233. Д.1604. Л.1.
- 254 Там же. Л.17.
- 255 Там же. Л.16.
- 256 Там же. Д.1593. Л.1-25.
- 257 Там же. Л.25.
- 258 Там же. Л.26.
- 259 Там же. Л.27 – 27 (Об.).
- 260 Там же. Л.30.
- 261 ЦГАСО. Ф.3. Оп.233. Д.1593. Л.32-32 (Об.).
- 262 Там же. Л.34-35.
- 263 Там же. Л.51.
- 264 ЦГАСО. Ф.3. Оп.233. Д.1542. Л.1-12.
- 265 Там же. Л.13-14.
- 266 Там же. Д.1563. Л.2-2 (Об.).
- 267 Там же. Л.5.
- 268 Сызранский филиал ЦГАСО. Ф.29. Оп.1. Д.138. Л.5 (Об.), 6 (Об.), 30, 164 (Об.).
- 269 ГАРФ. Ф.102. Д-3. Оп.109. 1905 г. Д.1 ч. 41 л. А. Л.2.

- 270 Шелохаев В. В. Политические партии России в свете новых источников // Политические партии в российских революциях в начале XX в. М., 2005. С. 99.
- 271 Там же.
- 272 Политические партии России в период революции 1905-1907 гг. : колич. анализ : сб. ст. М., 1987.
- 273 Политические партии России в период революции 1905-1907 гг.. С. 22.
- 274 Там же. С. 54-55.
- 275 Там же. С. 57.
- 276 Там же. С. 91-95.
- 277 Там же. С. 101.
- 278 Там же. С. 106.
- 279 Там же. С. 147.
- 280 Там же. С. 196, 237-242.
- 281 Политические партии России в период революции 1905-1907 гг. : колич. анализ : сб. ст. М., 1987. С. 80.
- 282 ЦГАСО. Ф.468. Оп.1. Д.467. Л. 1-2.
- 283 ЦГАСО. Ф.468. Оп.1. Д.467. Листы в деле далее не пронумерованы.
- 284 Там же. Ф.153. Оп.36. Д.1144, Л. 62 (а).
- 285 Там же. Л.45.
- 286 Блюменталь И. И. Социал-демократия и революционное движение 1905 г. в Самарском крае : материалы по истории РКП (б) и революционного движения. Самара, 1925. С. 4-10.
- 287 ЦГАСО. Ф.468. Оп.1. Д.484. Л.5-21.
- 288 Там же. Л.27-27 (Об.).
- 289 Там же. Д.455. Л. 8-25 (Об.).
- 290 Там же. Д.490. Л. 5-27.
- 291 ЦГАСО. Ф.468. Оп.1. Д.468. Л. 2.
- 292 Там же. Д.460. Л.2-4
- 293 Там же. Д. 470, 484, 490, 486, 460, 411 «А», 438, 439, 424, 418, 442, 458, 456, 455, 563 и др.
- 294 Там же. Д.456. Л.1 (Об.).
- 295 Там же. Д.411 (а). Л.6-24.
- 296 Там же. Д.438. Л. 1-18.
- 297 Там же. Д. 439. Л. 2-16.
- 298 Там же. Д. 418, Л.5,6.
- 299 ЦГАСО. Ф.468. Оп.1. Д.442. Л.8 (а).
- 300 Там же. Д.492. Л.2-3.
- 301 Там же. Л.14.
- 302 Там же. Д.491. Л.4-11.

- 303 Там же. Д.458. Л.6-27.
304 Там же. Д.514. Л.18-25 (Об.).
305 Там же. Д.563. Л.1.
306 Там же. Д.543. Л.5-6.
307 ЦГАСО. Ф.468. Оп.1. Д.546. Л.1.
308 Там же. Д.518. Л.1-7 (Об.).
309 Там же. Д.573. Л.1-11.
310 Там же. Л.51.
311 Блюменталь И. И. Социал-демократия и революционное движение. С. 21.
312 ЦГАСО. Ф.468. Оп.1. Д.490. Л.2.
313 Там же. Л.11-15.
314 Там же. Д.486. Л.1-5.
315 Там же. Д.554. Л.7.
316 Там же. Д.506. Л. 3-12.
317 Там же. Д.500.
318 Там же. Л.1-3 (Об.).
319 Там же. Д.675.
320 Там же. Л.22-22 (Об.).
321 Там же. Д.470. Л.1-2.
322 ЦГАСО. Ф.468. Оп.1. Д.470. Л.5-5 (Об.).
323 Там же. Л.6-10.
324 Там же. Д.671. Л.1-4 (Об.).
325 Там же. Л.5 (Об.)-8.
326 Там же. Л.42.
327 Там же. Д.677. Л.1.
328 Там же. Л.5-25.
329 ЦГАСО. Ф.468. Оп.1. Д.704. Л.1-15.
330 Там же. Д.706.
331 Там же. Л.1-5 (Об.).
332 ЦГАСО. Ф.468. Оп.1. Д.459. Л.3-66 (Об.).
333 Там же. Д.847. Л.1,3,8.
334 Там же. Д.957.
335 Там же. Д.834. Л.4.
336 Там же. Л.1.
337 Там же. Д.834. Л.8-9(Об.).
338 ЦГАСО. Ф.468. Оп.1. Д.834. Л.21.
339 Там же. Д.695.
340 Там же. Л.1.
341 Там же. Д.695. Л.4.
342 Там же. Л.5 (Об), 12.

- 343 Там же. Л.12.
344 Там же. Д.695. Л.13.
345 Там же. Л.13-22.
346 Там же. Д.672. Л.1-1(Об.).
347 ЦГАСО. Ф.468. Оп.1. Д. 672. Л.3-4.
348 Там же. Л.12-13.
349 Там же. Л.6.
350 Там же. Л.37.
351 Там же. Л.103.
352 Там же. Л.108.
353 Там же. Л.108-110.
354 Там же. Д.630. Л.1.
355 ЦГАСО. Ф.468. Оп.1. Д.630. Л.6, 31, 49.
356 Там же.
357 Там же. Д.598. Л.1.
358 Там же. Л.1-1(Об.).
359 Там же. Д.598. Л.23-24.
360 Там же. Л.5.
361 ЦГАСО. Ф.468. Оп.1. Д.598. Д.566. Л.1.
362 Бухараев В. М. Провинциальный обыватель. С. 32.
363 1905 год в Саратовской губернии (по материалам жандармского управления) : сб. ст. Вып. 1. Саратов, 1925. С. 125.
364 Блюменталь И. И. Социал-демократия и революционное движение 1905 года в Самарском крае // 1905 год в Самарском крае : материалы по истории РКП(б) и революц. движения. Самара, 1925.
365 ЦГАСО. Ф.153. Оп.36. Д.1144. Л. 1(а), 1(б).
366 1905 год в Самарском крае. Самара, 1925. С. 10.
367 Там же. С. 13.
368 Там же.
369 Там же. С. 15.
370 Там же. С. 17.
371 Там же. С. 20-21.
372 Там же.
373 Там же. С. 29-55.
374 Там же. С. 22-23.
375 Там же. С.28-29.
376 Блюменталь И. И. Социал-демократия и революционное движение 1905 года в Самарском крае... С. 10.
377 ГАРФ. Ф.102. Д-3. Оп.103. 1905 г. Д.1 ч. 51 л.Б. Л.1.
378 Там же. Л.2.
379 Там же. Л.6.

- 380 Там же. Л.7.
381 Там же. Л.13.
382 Там же. Д.1136. Л.6.
383 Там же. Д.1144. Л.4 (б).
384 ГАРФ. Ф.102. Д-3. Оп.103. 1905 г. Д.1144. Л.45.
385 Там же. Л.62 (а).
386 Там же.
387 Там же. 1905. Оп.103. Д.1 ч.41. Л.Б. Л. 14.
388 Там же. Л.14 (Об.).
389 Там же. Л.11.
390 Там же. Л.16.
391 ГАРФ. Ф.102. Д-3. Оп.103. 1905 г. Д.1 ч.41. Л.Б. Л.18.
392 Там же. Л.18 (Об.).
393 Там же. Л.19.
394 Там же. Л.20.
395 ГАРФ. Ф.102. Д-3. Оп.103. 1905 г. Д.1 ч.41. Л.Б. Л.25.
396 Симбирские отклики // Сызрань. 1906. 4 мая (№ 99). С.1.
397 Стенографический отчёт заседаний Симбирского губернского земского собрания очередной сессии 1905 года с 12–28 января 1906 г. Симбирск, 1906. С.2.
398 Там же. С.3.
399 Там же. С.8.
400 ГАРФ. Ф.102. Д-3. Оп.1906. Д.1 ч.10лБ Л.2.
401 Там же. Л.3.
402 ГАРФ. Ф.102. Д-3. Оп.1906. Д.1 ч.10лБ Л.14-14 (Об.).
403 Там же. Л.32 – 36.
404 Там же. Оп.103. Д.1 ч.41 л.Б. 1905. Л.1-2.
405 Адрес-Календарь г.Саратова на 1906 г. Саратов, 1906.

ГЛАВА 5.

ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ ОБЫВАТЕЛЬСКОГО БЫТА

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПРАКТИКИ

В конце XIX в. публицист и общественный деятель Н.П.Дружинин, отвечая на вопрос, кто такие мещане, замечал, что «мещане – это мелкие торговцы, приказчики, ремесленники, прислуга»¹. Что касается мещан-торговцев, то «в стране, где не облагается только воздух», они имеют годовой оборот в какие-нибудь рубли, но платят за всё, «за какое-нибудь свидетельство, за какую-нибудь бляху, за какой-нибудь угол, в который поставлен его лоток с товаром»². Мещанин – приказчик, каким его рисует Н.П.Дружинин, «за ничтожное вознаграждение несёт тяжёлый труд», находится «на всей воле своего хозяина», и если «приказчик-крестьянин изредка съездит в деревню», то «мещанин... остаётся в тех же душных и мрачных пределах города»³. Мещанские дети – подмастерья – «человеческие существа, живущие на собачьем положении»⁴. Прислужой работают, в основном, мещанки и это «последняя ступенька» на лестнице мещанских занятий⁵. Живут мещане на окраинах городов, в наименее благоустроенных районах, на второстепенных улицах, где «городское управление не проявляет...заботливости», где «замощена только середина улицы», где «грязь, которую не убирают», где «нет ни бульваров, ни садов», где «лишённая воздуха мещанская голь лишена и света». Часть этой «голи» живёт в подвалах, часть – «скрашивает мещанское убожество горшками цветов, не пропускающих солнечного света». В этих районах нет фонарей, так как здесь живут не гласные думы, «а безгласные обыватели»⁶. Эта городская беднота не пользуется водопроводом, ходит за водой в платные водопроводные будки или на реку⁷. Признавая справедливость подобных характеристик, следует иметь в виду, что мещане были чрезвычайно деятельны, значительной части сословия удавалось выбиваться в respectable городскую среду, заводить предприятия, торговые

лавки, питейные заведения, приносившие хотя и небольшой доход, но позволявший им ощущать себя бедняками.

Занятия мещан по всей империи были приблизительно одинаковыми. Мещане занимались извозом, содержанием постоянных дворов, харчевен, домашним хозяйством, служили у купцов приказчиками, доверенными, работали по найму на торговых складах, пушных и рыбных промыслах, занимались коммерцией, торгуя самостоятельно⁸. Особый колер российскому городскому сословию придавали сельскохозяйственные занятия, производимые в городе и за городом, благодаря которым мещане зачастую элементарно выживали. Л.В.Кошман считает, что «в конце 50 – начале 60-х гг. сельскохозяйственные занятия в городах 20 губерний Центрально-Европейской части и Поволжья России были достаточно распространены и оказывали существенное влияние на их (мещан – прим. авт.) жизненный уклад»⁹. Я.В.Абрамов, публицист и общественный деятель XIX в., отмечал, применительно к 80-м гг. XIX в., что «города до сих пор остались такими же деревнями, какими они были прежде, и господствующим занятием...мещан и купцов по-прежнему остаётся хлебопашество», «большая часть мещан живёт, главным образом, доходами от земледелия, занимаясь, преимущественно, огородничеством... большинство мещан – земледельцы, это знает каждый, живший в провинциальных городах и присматривавшийся к быту местного населения»¹⁰. Но Н.П.Дружинин, анализируя специально проблему «земельного вопроса» в мещанской жизни, писал, что «нет разряда населения, более обездоленного на счёт земли, как мещане»¹¹. Отмечая тот факт, что «у всех городов имеются более или менее обширные земельные владения», автор замечал, что «в громадном большинстве случаев» они «недоступны мещанам», так как «городское управление состоит из представителей богатых слоёв населения города», которое и «распоряжается городскими землями в интересах этих слоёв»¹². Но жизнь в поволжских городах, насыщенных торговлей и предпринимательством, являла собой достаточно динамичный мир, в котором мещанин активно действовал, используя все предоставленные ему законом права и жизненные обстоятельства.

Одно из обращений самарского мещанина Павла Солдатова в думу начиналось со слов: «Желаю я построить мукомольную мельницу»¹³. По дискурсу в некоторой степени напоминает державинские строки: «Я царь – я раб – я червь – я Бог!»¹⁴. Как отмечал Р.Барт, «фраза...

содержит в себе знаки, но сама не является знаком;...на уровне фразы мы переходим...к описанию дискурса, единицей которого может являться фраза... «она имеет одновременно и смысл и референцию: смысл – потому что несёт смысловую информацию, а референцию – потому что соотносится с соответствующей ситуацией»¹⁵. Фраза, оставленная самарским мещанином в делопроизводстве думы, обращает к проблеме, которую Б.Н.Миронов обозначил как «менталитет... городских низов после эмансипации»¹⁶. Общий посыл её («желаю я построить мукомольную мельницу») направлен в сторону формирующегося слоя городских предпринимателей с их текстами поведения. С другой стороны, так как подобными фразами начинались все прошения мещан в градскую думу об отдаче им городских мест под устройство тех или иных «заведений», скорее всего это была устоявшаяся речевая формула: «Желаю я устроить горчичный завод вверх по берегу реки Волги», – писал в думу мещанин Осип Давыдов¹⁷. Но слово цементирует повседневные практики, обобщает опыт.

Мещанин Самары Фёдор Ильин просил отвести ему в оброчное содержание городское место для устройства сально-свечного и мыловаренного завода¹⁸, в 15 сажень в ширину и 20 сажень в длину, но дума отказала на основании того, что своим производством он может причинить «вред городскому воздуху»¹⁹. Ильин не сдался и спустя некоторое время мещанское и купеческое общества города удовлетворили его просьбу²⁰. Через какое-то время он, уже купец, просил место для устройства бойни рядом с мыловаренным заводом²¹. Спустя некоторое время обращался в думу с очередной просьбой, но уже в качестве мещанина²². Таким образом, в этом маленьком сюжете видно стремление мещан к расширению бизнеса, к росту социального статуса. За казалось бы банальными фразами делопроизводства, констатирующими мещанскую хозяйственную повседневность, скрывается некий имплицитный смысл, определяющий индивидуалистическое мировоззрение и социальный апломб негоцианта. «В языке предложение есть то же, что представление в мышлении: его форма одновременно самая общая и самая элементарная...»²³. Читаем в материалах дела мещанина А.И.Быстрова: «желаю я приобрести из городского выгона в 24-летнее содержание место за чертою города между заводами Крахмального, принадлежащего купцу Кузнецову и Селитёрного, принадлежащего мещанину Светову в количестве 3221 кв. сажень под устройство заведения какое мне заблогорасу-

дится»²⁴. В этом отрывке особенно показательным выступают глаголы «желаю» и «заблогорасудится». «Глагол – это атрибутивность», «в течение всего XIX века язык будет предметом дознания в своей загадочной природе глагола: т.е. там, где он наиболее близок к бытию, наиболее способен называть его, переносить или высвечивать его фундаментальный смысл, делая его совершенно выявленным»²⁵. Исходя из утверждения, что «язык обозначает действия, состояния, волю»²⁶ и «язык означает прежде всего не то, что видят, но скорее то, что делают или испытывают»²⁷, можно предположить, что горожанин-мещанин эпохи превращения патриархального города в город нового времени, через отношение к делу (бизнесу), собственности, поднимался над «тяглым» характером своего статуса. И несмотря на то, что «задача комментария, по существу, никогда не может быть выполнена до конца»²⁸, тем не менее подходя к языку источника как к «глобальному опыту культуры»²⁹, можно утверждать, что вышеприведённые глаголы доказывают ментальное становление горожанина нового типа в российской провинции.

Е.В.Кащеева, анализируя быт московского мещанства, отмечает внутреннюю ранжированность сословия по характеру быта и повседневной жизни. Автор пишет, что «границы между группами мещан были достаточно жёстки, они почти не смешивались в быту»³⁰. Городская беднота, жители городских слобод – по образу жизни были близки к сельским жителям, а те мещане, которые «примыкали к чиновничеству и сфере интеллектуального труда» – устраивали свой быт, исходя из «механизмов престижа и социального самоутверждения в формах, свойственных буржуазному обществу»³¹. Проблемы мещанской бедноты во многом были связаны с тем, что «правительство, обращая сельских обывателей в городские, не принимало во внимание, способны ли они к торговле, ремёслам и вообще к промыслам, свойственным городам, и имеют ли к этому материальные средства... Назад тому лет 50 из мещан г.Саратова жили хуторами на городской земле 1570 душ, они постоянно занимались хлебопашеством; но по воле правительства их переселили в город»³². В 1859 г. по сведениям Саратовской городской думы под посевами мещан находилось до 15 тысяч десятин земли³³. В г.Вольске в этот же период «промышленность городских обывателей» заключалась в хлебопашестве и скотоводстве³⁴. До 800 душ вольских мещан жили особыми хуторами на городских землях и занимались исключительно хлебопашеством со

взносом в доход города за землю по 5 коп. серебром с десятины³⁵. В других городах Саратовской губернии хлебопашество среди мещан производилось ещё в больших размерах. Так, к примеру, в Петровске в 1859 г. мещанами было распахано 6320 десятин земли³⁶. По статистическим отчётам население Симбирской губернии характеризовалось как занимающееся в основном сельским хозяйством и земледелием³⁷. В 60-е гг. XIX в. количество земли внутри городской черты составляло 893 десятины 1848 сажений, из них под садами было 292 десятины 2378 сажений, под огородами – 95 десятин 1769 сажений, под зданиями и дворами – 178 десятин 1290 сажений, под пустопорожними местами – 88 десятин 1022 сажений. Земли вне городской черты, принадлежащие Симбирску представляли собой 922 десятины 1482 сажений выгона, 263 десятины 100 сажений дровяного леса и 120 десятин 580 сажений под садами и огородами³⁸.

Земледельческий характер Саратовской, Самарской и Симбирской губерний накладывал определённый отпечаток на хозяйственную повседневность мещан, как замечалось в Памятной книжке Саратовской губернии на 1872 г., «Саратовская губерния, по обилию земель, коими владеют города, даёт и городским рабочим сословиям и их промыслам почти исключительно земледельческий характер... исключая тех ремёсел, ...кои вызываются требованиями собственно городской жизни...Цифра рабочих рук, занятых этими ремёслами, не превышает 10 тысяч по всем городам губернии»³⁹. В описании населения Вольска также отмечалось, что «жители Вольска более мещане и купцы. Мещане занимаются хлебопашеством, снимая городские земли, которых по обоим берегам Волги считается более 40 тыс. десятин»⁴⁰. Многие авторы отмечали хлебопашество в качестве преобладающего занятия мещан в последние десятилетия XIX в.⁴¹

Однако, в номенклатуре дел шестой описи фонда самарской городской думы, непосредственно связанной с мещанством, доминирует слово «сад». Несмотря на то, что значительная часть мещанства Самары занималась хлебопашеством и скотоводством⁴², в думу в значительном количестве поступали от представителей сословия просьбы о выделении земли под разведение садов, что являлось имплицитным знаком городского образа жизни. Хотя сады в первую очередь были необходимы для продажи фруктов, существует очень показательная оппозиция: сад-огород. Огород характеризует крестьянскую ментальность, сад – знак городского мировосприятия, обращённого

к высокой культуре. Сад эстетизирует пространство дома. С 80-х гг. XIX в. сады стали постепенно переходить на положение дач, «т.е. стали заниматься лицами не столько ищущими от них дохода, сколько являющимися местом летнего отдыха вдали пыльной и жаркой Самары»⁴³. Городской выгон, как отмечал К.П.Головкин, «с давних пор до 1853 г. был самовольно занимаем местными жителями под разведение садов; брали кто сколько хочет, кто сколько в состоянии огородить и окараулить. В конце 50-х годов город «хватился» своего имущества, но за давностью не мог уже считать захваченную землю своей собственной, чтоб обложить арендой. С этого времени город привёл в известность свой выгон, и стал уже сдавать участки земли под разведение садов на определённый срок (99 лет) и за известный оброк в год. Захватчиков лишь обязал огородить свои участки плетнём или забором...Сады разрослись, и некоторые садоводы умело поставили дело садоводства, стали получать громадный урожай, главным образом, яблок, малины и вишни»⁴⁴. После того как город взял под свой контроль ситуацию с садами, в думу посыпались прошения от мещан об отдаче им городской выгонной земли⁴⁵. Прошения выглядели следующим образом: «желая заниматься садоводством по правую сторону дороги, пролегающей в с. Семейкино в конце Казанского колка где отдано для садоводства место...»⁴⁶.

Многие горожане держали скот, и на мещанских собраниях часто обсуждалась кандидатура пастуха, нанимаемого для пастьбы стада. Общество учитывало «хорошее поведение» кандидата⁴⁷. В 1855 г. пастух был нанят «пасти крупный табун ценою за 25 коп.»⁴⁸. В том же 1855 г. пастух, нанятый мещанами г.Самары пасти их скот, писал расписку: «Я, мещанин г.Самары, Филипп Григорьев Макеев, заключил сие условие с жителями г.Самары в следующем: Я, Мокеев, обязуюсь в течении лета...производить пастьбу рогатого скота коров, принадлежащих жителям здешнего города собирать скот в сборное место близ дома Г-на Тарханова по Саратовской улице»⁴⁹. Аналогичные расписки писали и другие пастухи⁵⁰.

В 1877 г. во Всеподданнейшем отчёте самарский губернатор отмечал «исключительно земледельческий характер губернии», который «отражается не только на промыслах, но и на торговле»⁵¹, в которой главную роль играет хлеб⁵². В 1890 г. купцы и мещане Самарской губернии владели 1 144 247 дес. земли⁵³. Верблюдов, этих «кораблей пустынь», в Самарской губернии в 1890 г. было 6824 голов⁵⁴.

По сведениям самарской городской думы за 1850 г., мещане занимались торговлей, чёрной работой, хлебопашеством, кузнечным делом, были сапожниками, плотниками. Причём, если родители занимались данным делом, то и их дети занимались тем же⁵⁵. Некоторую часть мещан составляли те, для которых были характерна запись: «неграмотный, православный, ремесла не знает» (5 из 640 чел. всего, а также определённое количество тех, у кого в графе «профессия» стоит прочерк)⁵⁶. Так из Жеребьёвого списка малорабочего участка г. Самары за 1855 г., большинство парней (1833–1834 гг. рождения) ремесла никакого не знали⁵⁷. Но подавляющее число мещан, зафиксированных в деле № 48 фонда 170 Городской думы за 1850 г. принадлежали к категории «чернорабочий» (286 чел. из 640 чел.) (При подсчёте не учитывались смешанные категории, когда человек, к примеру, занимался и чёрной работой и торговлей. Точно также такие смешанные категории не учитывались и при других подсчётах)⁵⁸. Вторая по количеству занятости в профессии – категория «торговля» (175 из 640 чел.)⁵⁹. Далее все профессии значительно уступают в количественном отношении категориям «чернорабочий» и «торговля». К ним можно отнести следующие: кузнечное мастерство, хлебопашество (52 чел.), печное мастерство, сапожник, красильное заведение, извозчик, плотник, шитьё тулупов, шорное мастерство, портной, слесарь, резчик, каменщик, письмоводство, кузнец, садоводство, оспопрививатель, выделка кирпича⁶⁰. Из 640 человек 182 грамотных, среди которых были такие, которые только читали или только писали по-русски⁶¹. И 115 человек, принадлежавших к так называемым «сектантам»: поморской и малоканской сект, остальные – православные⁶². Из 307 человек мещанских парней, указанных в Жеребьёвом списке за 1855 г., 4 портных, 3 кузнеца, 3 маляра, гребеньщик, красильщик, резчик, 5 плотников, каменщик и печник. Остальные указали, что ремесла не знают⁶³.

Круг занятий провинциальных мещан-горожан демонстрировал некое торжество вещного мира. Вещь – «это то, что доступно зрению, это то, что мыслится, ...это некоторая вещь-дефиниция, которая ничего нам не даёт, если только не попытаться выяснить, какие коннотации имеет данное слово»⁶⁴. В основном, все профессии мещан – вещные и постигаемые через конкретный продукт-вещь: пироженники делают пироженное, квасники – квас, сбитенщики – сбитень, хлебники – хлеб, крендильщики – крендель и т.д.. В рамках этих профессий вещь определяется как «нечто, что для чего-то служит», то есть целе-

сообразностью использования⁶⁵. И поэтому вещь мещанского мира «обладает транзитивностью – она служит человеку для воздействия на внешний мир, для активного присутствия в нём»⁶⁶. Но вещи ещё и несут в себе смыслы, сообщают информацию. Поэтому у каждой вещи есть своя метафорическая глубина⁶⁷.

В 1895 г., судя по спискам квартирующихся у домовладельцев Самары мещан, видно, как расширяется круг мещанских профессий. К традиционным, таким как чернорабочий, столяр, портной, кучер, домохозяин, слесарь, сапожник, торговец, хлебопашец, кузнец прибавляются: служащий, содержатель гостиницы, повар в гостинице, няня, кухарка, горничная, швейка, швейцар в клубе, строитель, дворник, экономка, содержатель столовой, приказчик, служащий в клубе, содержательница буфета, стряпка, хозяйка швейной мастерской, служащий в типографии, фельдшер, машинист на заводе, мастер калачный, виноторговля, домовладелец, содержатель пивной лавки, портниха, модельщик, няня⁶⁸. Причём, портновские заведения часто среди мещан становились семейным бизнесом, достаточно распространённым в этой среде⁶⁹.

В переписке о выдаче мещанам г.Самары паспортов в 1907–1908 гг., которая велась мещанской управой, обнаружено значительное количество паспортных книжек, в которых в графе «род занятий» указывалось их ремесло. Список профессий, которыми владели мещане в начале XX в. существенно меняется. Помимо традиционных для XIX в. (работа в услужении, кузнец, сапожник, торговля, чернорабочий, столяр), появляются новые: кондуктор, техник, золотых дел мастер, машинист, телеграфист, фельдшер, слесарь, приказчик⁷⁰, садовник⁷¹. Но по-прежнему большинство мещан было занято чёрной работой⁷². О получении специальности «телеграфист» мещанами свидетельствуют и прошения об увольнении из общества для поступления в школу при Самарской почтово-телеграфной конторе⁷³. Из паспортов за 1916 г., основными мещанскими занятиями выступают «хозяйство» и «служба»⁷⁴.

Платье, сапоги, башмаки, печи, трубы, хлеб, мясо, карета, лошадь, часы, крыша, картуз, шляпа, тулуп, сбитень, квас, пирожки – вещи, в которых нуждаются, вещи полезные, вещи, определяющие быт горожанина. И если понимать под словом «пригнанность» то, что в него вкладывает М.Фуко, «сходство, связанное с пространством отношения «ближнего к ближнему», выражающее соединение и слаженность

вещей»⁷⁵, окажется, что мир мещанских профессий середины XIX в. был «пригнан» к городу. «Благодаря действию этой пригнанности, сближающей подобное и породняющей близости, мир образует цепь вещей и замыкается на себе самом»⁷⁶.

Гостиница, контора, частный дом, столовая, магазин, мастерская, типография, больница, поезд, публичный дом, завод, трамвай, почта – пространства, свободные от «ограничений, налагаемых местом», соответствие, действующее на расстоянии. Такое подобие М.Фуко называет «соперничеством». В своей профессиональной занятости мещанин рубежа XIX – XX вв. приходит в соперничество с замкнутым пространством «чрева», рвёт связи и обусловленности, «знаки освобождены от муравейника мира»⁷⁷ и устремляются на свободу: в профессионализацию и индивидуализм. Служба, чёрная работа – традиционные, казалось бы для мещанства занятия, наполнялись новым смыслом, благодаря секуляризации, рационализации сознания и повышения уровня культуры.

В 60-е гг. XIX в. в Симбирске из 274 мещан, торгующих в городе, платками, ситцами, чулками, старым и новым платьем – торговали 32 мещанина; мукой и хлебом – 43; шапочным товаром – 6; шорным – 9; кожами и сапогами – 8; мелочным товаром – 29; мясом – 8; свежей и солёной рыбой – 9; съестным, овощным, пряничным товаром и табаком – 93; горшками, глиняной посудой – 2; мылом – 2; прочими товарами – 20⁷⁸. Ремесленников в Симбирске в 1863 г. состояло 534 мастера, 801 работник и 681 ученик⁷⁹. В Памятной книжке Симбирской губернии отмечалось, что «лучшие ремесленники у нас в Симбирске почти исключительно немцы. Немцы у нас лучшие булочники, лучшие колбасники, лучшие сапожники и портные. Преимущество за русскими ремесленниками остаётся только в тех производствах, которыми не занимаются немцы»⁸⁰.

Значительная часть мещан города занималась торговлей. По отчёту торговой депутации за 1858 г., 214 человек самарских мещан постоянно торгуют из открытых лавок⁸¹ на площадях и на пристанях⁸². В 1856–1857 гг. в Самаре на Троицкой площади «до снятия флага, то есть до 12 часов полудня...не позволяли скупать у приезжающих на рынок поселян привозимые ими припасы, дрова, сено и т.п. Только явится на рынок сельский обыватель со своими произведениями, немедленно окружают его городские барышники и торговцы и почти насильственно скупают у него произведения и потом перепродают

онные по дорогой цене городским обывателям»⁸⁵. На площадях Самары мещане снимали места под устройство деревянных лавок, за которые платили от 12 до 35 руб.⁸⁴. Мещане брали в оброчное содержание также места на Троицкой площади для торговли печёным хлебом, мясом, рыбой, птицей, горшечными изделиями, разным товаром, валенками. Брали в оброчное содержание также «столики» и «сквозные лавки»⁸⁵. Места на площадях города, взятые в аренду для торговли, снимали по многу лет, как например, сызранский мещанин Пётр Васильев Ширманов, который писал в думу: «Я произвожу торговлю мелочным товаром более десяти лет и имею на Троицкой площади снятое...место»⁸⁶. Для торговли на ярмарках мещанам продавались думой специальные билеты: «Дан сей билет (продан за 18 руб. – прим.авт.) Самарской городской думой, на основании 2816 ст. XI т. уст. торг. Самарскому мещанину Герши Маркисону, на отведённую ему во временно устроенном ярмарочном ряду лавку...для торговли»⁸⁷. Мещанское предпринимательство было в значительной степени связано с «торговлей питий»⁸⁸. Мещанин в этом вопросе тесно взаимодействовал с властью, так как существовало много ограничений в торговле алкогольными напитками. Городская дума отказывала мещанам в желании открыть питейные заведения на основании их мест расположения. Так, к примеру, запретили торговать «питием» на берегу реки Самарки около хлебных амбаров, чем могли помешать «хлебным операциям»⁸⁹. Отказано было и мещанину, который не указал, что конкретно хочет открыть «питейный дом или выставку», так как помещение он просил слишком большое для простой лавки, в 120 кв. сажень⁹⁰. По ведомости о трактирных заведениях г.Самары, видно, что бизнес мещан города был связан и с содержанием харчевен⁹¹. Иногда хозяйственный локус мещанина определялся размером в 3 квадратных сажени на берегу речки Самарки – тёсовой передвижной (на случай разлива) лавкой для продажи хлебного вина распивочно и на вынос⁹². В 1869 г. из категории таких заведений как «гостиницы, рестораны и харчевни» больше всего свидетельств мещанам было выдано на содержание трактиров⁹³. Их открывали или в собственных домах или арендовали помещения под заведение в домах других горожан. Запрещалось использование в пивных лавках труда женщин и мальчиков, моложе 15-летнего возраста. Если женщина сама открывала пивную лавку, то обязывалась «для производства торговли иметь непременно приказчиком мужчину»⁹⁴.

Мещане активно торговали на ярмарках. На первой неделе Великого поста с молебствия в ярмарочных рядах начиналась Симбирская сборная ярмарка. Ярмарочное помещение состояло из 16 отдельных деревянных корпусов, при которых было 600 номеров и своекоштных лавок. На время ярмарки избиралось трое старшин из мещан завожских слобод: Часовни, Корольчихи и Канавы. Под личной ответственностью этих старшин состоял ярмарочный караул в числе 240 караульщиков⁹⁵. По номенклатуре товаров, представленных на ярмарке, можно также представить себе повседневный быт мещанства⁹⁶.

В 60-е гг. XIX в. промышленность и торговля в Симбирской губернии были развиты слабо, за исключением Сызрани, в которой сапожным и кузнечным ремеслом занимались до 1000 человек. В Курмыше и Буинске ремесленников было очень мало. Как отмечалось в Памятной книжке Симбирской губернии, «недостаточное развитие ремёсел в городах объясняется тем, что господствующее население городов мещане занимаются ещё земледелием, чему способствует и то, что города Симбирской губернии, за исключением Ардатова, наделены значительными земельными участками»⁹⁷. Фабрик и заводов в городах Симбирской губернии в 1869 г. было только 167⁹⁸.

На примере губерний Центрально-Промышленного региона Российской империи, Л.В.Кошман приходит к выводу о том, что на протяжении XIX в. происходит рост участия мещанства в промышленном предпринимательстве⁹⁹. А в средневропейских и поволжских губерниях в 90-е гг. XIX в. было только 9 % мещан среди владельцев промышленных заведений¹⁰⁰. В конце XIX в. мещанские заведения относились к числу мелких с числом рабочих до 15 человек. «Большинство этих заведений производило продукцию, необходимую для потребностей домашнего быта горожан»¹⁰¹. К таким мещанам можно отнести, к примеру, сызранских производителей кирпича или извести, поставляющих их для строительных работ в Сызранском Вознесенском монастыре¹⁰² или владельцев деревянных мельниц, приводимых в действие нефтяным двигателем и обшитых кровельным железом¹⁰³. Мещанство в своих обращениях в думу называло свои промышленные предприятия заводами. Но стоит иметь в виду, что «под громкою рубрикой «фабрики и заводы»...следует разуместь...самые скромные заведения, где работают отец с сыном или с двумя, тремя наёмными работниками»¹⁰⁴. В Саратовской губернии, как отмечал И.А.Ган, «ни в одном из городов нет фабрик, а существуют только кирпичные

заводы в самом ограниченном размере для удовлетворения местных нужд – постройки печей; кожевенные заводы, собственно овчинные, обделяющие овечьи шкуры для полушубков местным жителям и... салотопенные»¹⁰⁵. Авдотья Шихобалова просила в 1858 г. думу отдать землю под устройство изразцового завода¹⁰⁶. Никифор Захаров – под мукомольную мельницу¹⁰⁷. По описи заведений, устроенным на городской земле, с которых собирался акциз в пользу города в 1856 г., видно, что больше всего в собственности мещан Самары было салотопенных заводов¹⁰⁸. Кроме того, мещане владели: клееваренными, канатно-прядельными, мыловаренными, поташными и солодовенными заводами¹⁰⁹. По реестру владельцев заводов и мельниц, видно, что и за них на мещанах числились недоимки¹¹⁰. Но недоимки не останавливали предпринимательскую активность и конкуренцию. Самарский мещанин Глухов и купец Чекмарёв обращались в думу с просьбой передать им участок городской земли размером в 840 кв. саженей под устройство бойного завода. На Глухове к этому моменту были недоимки в 662 руб. 90 коп. за землю под мыловаренный завод¹¹¹. Он должен был выплачивать в думу за эту землю ежегодный оброк в 168 руб. Но в думу обратился мещанин Новотоцкий, предложив за этот мыловаренный завод уплачивать 200 руб. в год, кроме того, он обязывался заплатить недоимку, накопившуюся у Глухова. Купец же Чекмарёв на тех же условиях предложил 210 руб в год. И выиграл сделку¹¹². Мещанин, А.Абрамов, открыв «торговую баню, преимущественно для чёрного класса в двух отделениях», заработал столько капитала, что стал купцом третьей гильдии, хозяином торговых бань на берегу р.Волги «против женской общины»¹¹³. Л.В.Кошман считает, что «многочисленные налоговые, финансовые преграды со стороны правительственных властей» приводили к тому, что «преуспевающие в этой сфере деятельности мещане встречались редко»¹¹⁴.

Главной единицей мещанского хозяйственного локуса являлось дворовое место, единица поземельного владения в городах, считающаяся недвижимым и нераздельным имуществом. (Приложение № 25) К примеру у самарского мещанина Василия Комарова по Окладной книге на 1910–1911 гг. дворовое место располагалось на набережной реки Самары, между Саратовской и Николаевской улицами, составляло 26, 04 кв.саж.¹¹⁵, у мещанина Никифора Трофимова Степанова, дворовое место в Солдатской слободе составляло 300 кв. саж., такие же по размеру места принадлежали Абраму Фёдорову Фёдорову, Фёдору Дми-

триеву Букрееву, Михаилу Прокофьеву Федотову, Людвигу Филиппову Товкевичу, Конону Егорову Куркину¹¹⁶. В той же Солдатской слободе были и меньшие по размеру места, приблизительно в 70–80 кв.саж.¹¹⁷. Чтобы выстроить дом на дворовом месте, нужно было получить у землемера план¹¹⁸. Самара начала активно застраиваться в начале XIX в., в середине века – многим мещанам потребовалось подтверждение своего права на владение городскими местами. В этой связи они обращались в городскую думу с просьбой выдать им данную на дворовое место: «После родителя моего самарского мещанина ... досталось в наследство дворовое место в первой части города по Симбирской улице, по улице – 9 саж., в глубину – 16 саж.»¹¹⁹.

Купчие на дворовые места, иллюстрируют размеры этого мещанского достояния. Так, дворовое место, проданное мещанкой Корниловой мещанину Колпину, располагалось на Алексеевской улице, в глубину двора на 20 сажень, по улице – 10 сажень. Обязательно указывались соседи: справа – жила вдова вольноотпущенника, слева – коллежский асессор. Дворовое место было продано в 1859 г. за 268 руб.¹²⁰.

Вместе с тем как город рос, происходило «отчуждение» дворовых мест мещан под улицы, площади и промышленные предприятия. В середине XIX в. в Самаре больше всего дворовых мест мещан отчуждалось под Соборную площадь и набережную. Новые дворовые места, как правило, выдавались им в другой части города. Дума регулировала этот вопрос. В связи с чем, значительное количество дел фонда городской думы посвящено именно вопросу дворовых мест. Так, мещанин Гаврила Андреев Вьюгин, волнуясь, писал в думу: «дворовое моё место лежащее по набережной р.Самары отходит под устройство кузниц, в таком случае я хотя и просил комиссию чтобы отвести мне взамен отходящего другое, но такового неизвестно почему не получил...»¹²¹. Под устройство Соборной площади у самарской мещанки П.С.Скворцовой городом было выкуплено 900 кв. сажень земли за 5200 руб.¹²². Тоже самое происходило и при застройке Троицкой площади. Иногда им выдавали компенсацию за перенос их строений на новые места. В 1892 г. мещанам Никитину и Сухову выдали новые дворовые места и 1000 руб. на перенос строений¹²³, мещанам Ивановым – под строительство гимназии, Давыдовым – под присутственные места, под маслобойный завод – у мещанки Лифановой и т.д.. Самое главное, что, так как эти места были «самовольно захвачены», не надо было ничего компенсировать их владельцам¹²⁴. Иногда го-

родской землемер отказывал мещанам в выдаче пустопорожных мест под постройку домов¹²⁵. Мещанка Ольга Александрова Загуменнова просила думу выдать ей свидетельство на пустопорожное место в 115 квартале¹²⁶. Для этого вначале она написала заявление в думу на приобретение с торгов городского места, затем получила разрешение губернского землемера, потом приняла участие в торгах по повестке из думы, полученной от мещанского старосты, потом приобрела место, а потом ещё и обращалась в думу с просьбой о выдаче свидетельства, что всё вышеперечисленное осуществлено ею законно. Всё как всегда. Бесконечная рутина в жизни маленького человека. Дума выдавала ещё и такой документ как данная на дворовое место¹²⁷. Мещане при просьбах о выдаче данной на дворовое место писали о том, как оно им досталось. Значительное количество дворовых мест Самары к середине XIX в. перешло к владельцам по наследству¹²⁸ или было куплено¹²⁹. Депутаты от граждан и соседи приводились к присяге, подтверждая, что данное дворовое место действительно принадлежит тому или иному мещанину. Клятвенное обещание было произвольной формы: «Я наименованный обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом пред Святым его Евангелием животворящим Крестом Господним в том, что по делу, по которому я призван...будут меня спрашивать должен показать сущую правду, неприбавя и неубавя ненакоторую сторону не для родства, дружбы, вражды, корысти или подарков...страха ради ...лиц не показывать, но так честно и справедливо как перед Богом и судом его Страшным в том ответ дать могу. В Заклучении сей моей клятвы Целую слова и Крест Спасителя моего. Аминь». Далее шёл список всех тех, кто подтвердил клятвенно права владения дворовым местом¹³⁰. А после привода к присяге – тексты показаний¹³¹. В Саратове в 1865 г. мещанка Чарыкова ходатайствовала перед думой о выдаче ей денежного вознаграждения за сгоревшее дворовое место, на котором имела два деревянных флигеля со службами. По её словам, тот флигель, в котором производилась продажа «питей» приносил ей ежемесячный доход в 800 руб. После пожара, город решил забрать себе это дворовое место, а Чарыкова просила за него 800 руб. Дума провела собственное расследование, в надежде не обнаружить какие-нибудь документы, подтверждающие право собственности Чарыковой на данное дворовое место. Но оказалось, что действительно, в 1843 г. саратовский мещанин А.Ф.Столяров продал это дворовое место жене цехового, а та продала мещанке Чарыковой.

Все документы у Чарыковой, подтверждающие разрешение на строительство на этом дворовом месте флигелей, были в порядке. Флигель со службами у мещанки снимали купец Веселов и мещанин Первов для «торговли акцизными питиями». Поэтому дума решила уговорить Чарыкову снизить просимую ею сумму до 250 руб. Такую сумму и выдали. По всей видимости, мещанке не оставалось ничего другого, как согласиться¹³².

В этом же 1865 г. саратовский мещанин Сулейман Бахметьев ходатайствовал перед думой «об отводе ему без взимания платы места для пастьбы маток и приготовления кумыса, с устройством на нём помещения для проживания пациентов, сроком на 6 лет; при чём предоставил удостоверение лиц, пользовавшихся кумысом, засвидетельствованное врачебным отделением губернского правления»¹³³. Городской голова заявил, что в принципе, это место принадлежит городу и никому в арендное содержание не сдаётся, но «ради эксперимента» решили разрешить Бахметьеву организовать такую своего рода кумысолечебницу и сдали бесплатно место на 6 лет. Когда появился другой мещанин, Акмэлидин Сулякаев, который предъявил претензии на это же место, дума устроила торги, отменила своё прежнее обещание Бахметьеву и сдала за деньги в аренду данное место¹³⁴.

В уездной Сызрани, уступающей губернскому Саратову по хозяйственным оборотам, в делопроизводстве думы не обнаруживается столь многочисленных конфликтов между мещанами и городом по поводу аренды городских мест¹³⁵. Но также не обходилось без них. Показательны сами тексты поведения мещан, в которых прочитывается уверенность старожилов в своей правоте и праве на достойное ведение собственного дела, никакой униженности перед думой, никаких заискиваний и т.д. Так сызранский мещанин написал заявление в думу о необходимости переноса полицейской будки, «поставленной в задах его дворового места, так как эта будка препятствует доступу покупателей в лавки»¹³⁶. Несмотря на то, что дума отклонила его заявление, важным видится само требование, свидетельствующее о том, что мещанин ощущал себя хозяином в городе. Так, к примеру, сызранский мещанин В.И.Калинин написал в думу жалобу на неправомерность раскладки акциза в доход города на 1908 г. с чайных-кухмистерских, не производящих торговли крепкими напитками. Дума удовлетворила его заявление и пересмотрела сумму акциза¹³⁷. Или, к примеру, спорный вопрос с мещанином И.В.Кузнецовым о взыскании

с него городом Сызранью 3540 руб. с процентами рассматривался в Симбирском Окружном суде, который постановил взыскать с мещанина означенную сумму. Но Кузнецов направил встречный иск о взыскании с города 400 руб. в Казанскую Судебную палату, которая отменила решение Симбирского окружного Суда¹³⁸. Но в вопросах общих несчастий, какими являлись для города пожары, дума шла на встречу погорельцам, выделяя денежные пожертвования на восстановление хозяйства¹³⁹.

По переписям недвижимых имуществ Симбирска 1901 и 1909 гг., выясняется, что постепенно увеличивался процент крестьянских и мещанских владений в городе и уменьшался процент купеческих¹⁴⁰. Однако, определённая часть мещан из-за бедности проживала в помещениях, не приспособленных для жилья. Как отмечалось в статистических изданиях начала XX в., «живя в грязных, сырых конурах без воздуха и света, при ужасающей скученности, разрушающей все преграды приличий, люди нравственно грубеют»¹⁴¹.

Большая часть мещан проживала в деревянных домах. Поэтому самым тяжёлым испытанием для хозяйственной повседневности мещан – был пожар. После пожара 1850 г., Самара дважды опустошалась пожарами в 1854 и 1856 гг.. «В 1848 и 1850 годах город (Самара) выгорел почти полностью»¹⁴². Не случайно поэтому мещане собирали общественные деньги на обучение мальчиков из сословия в московском пожарном депо. В 1855 г. до сведения самарского мещанства доводили объявление от городских властей о том, что в случае пожара, владельцы домов должны явиться на пожар «с огнегасительными снарядами...немедля прибыть с бочками нужными для возки воды»¹⁴³.

Экономическое положение мещан не позволяло тут же после трагедии «реанимировать» свой хозяйственный быт. Поэтому пожар, произошедший в Симбирске в 1864 г., стал настоящей трагедией для основного мещанского населения города. Спустя десятилетия после этого пожара дума постоянно проводила среди обывателей противопожарные мероприятия. В слободах Симбирска, Часовне, Канаве и Королёвке запрещалось курение табаку на улицах и во дворах в целях пожарной безопасности¹⁴⁴.

Спустя год после пожара 1864 г. дороговизна квартир в городе заставляла погорельцев ютиться в сырых и холодных землянках и кельях, так как средств у мещан для восстановления сгоревшего движимого и недвижимого имущества не было. Чтобы как-то приютить

всех пострадавших, были отданы нижние этажи в здании полиции и в здании присутственных мест, но эти меры практически не меняли ситуацию¹⁴⁵.

В 1866 г. было объявлено о выдаче пособий жителям Симбирска, пострадавшим от пожара 1864 г. Горожане стали описывать всё своё сгоревшее имущество и отправлять прошения в думу. Благодаря этим документам приподнимается завеса над подробностями мещанского домашнего быта. Так мещанка Симбирска, вдова унтер-офицера, писала в думу о том, что в пожаре у неё сгорел весь каменный дом с постройками, который был не застрахован. Вместе с домом сгорели все документы. Поэтому она может только предоставить свидетельство соседей, готовых поручиться за истинность всего того, что у неё было в собственности¹⁴⁶.

Мещанка Т.Е.Лукиянова рассказывала в аналогичном документе, что всю жизнь торговала на толкучем рынке разным мелочным товаром. Всё хранилось в доме, который сгорел. Лукьянова пишет, что «при всём своём старании не могла спасти помянутого мелочного товара», который оценивала в сумму 250 руб. серебром и заканчивала словами: «по этому случаю пришла я в бедность»¹⁴⁷. Симбирский мещанин, мастер портного цеха, К.В.Логинов рассказывал, что занимался всю жизнь портным мастерством, для чего нанимал работников и держал учеников, за что платил «цеховые» в Ремесленную управу. «Квартировался» в доме у симбирской мещанки Черкасовой, «от этого ужасного пожара, – продолжает Логинов, – лишился я как по мастерской, так и по домашнему заведению равно имущества на сумму по совести до 250 руб., а воспомоществование получил 38 руб. 60 коп.», а «усматривая из Губернских ведомостей, что для раздачи погоревшим жителям г.Симбирска прислали в Симбирскую городскую думу из Петербурга 30 тысяч рублей серебром», Логинов надеялся получить дополнительно какую-нибудь сумму¹⁴⁸. Пожар застиг мещанскую вдову Н.С.Логинову в квартире другой симбирской мещанки, Вагиной. Поэтому из дома спасти она ничего не успела и «лишилась всего своего движимого имущества и самой одежды и платья носильного – заключающегося: серебра столового чайного золотых и серебряных вещей белья в сундуках всего на сумму 200 руб. серебром»¹⁴⁹. Мещанская девица «полагала по совести», что лишилась имущества на сумму 500 руб. серебром: «осталась решительно без всякой перемены в платье, кроме только того, которое было на мне

и я претерпеваю в настоящее время самое беднейшее положение»¹⁵⁰. «Маленькие трагедии» семейной повседневности мещан проглядывают в этом «пожарном деле» № 313, хранящимся в ГАУО в фонде 144. По «несправедливому извету» жены Фёклы, мещанин Ф.М.Максимов оказался в симбирском тюремном замке, в котором пробыл 1 год и 9 месяцев. В это время как раз и случился страшный пожар 1864 г., в который у Максимова сгорел дом и всё имущество. И вот он освобождается из тюрьмы – и оказывается лишённым всего¹⁵¹. У мещан Симбирска сгорели лавки со всем имуществом, дома, флигели, «подверглось расстройству хозяйство», женщины остались с малолетними детьми на руках и с престарелыми родителями без каких-либо средств к жизни, а пособие получили в размере 13 рублей¹⁵². Мещанка, у которой сгорел дом со всем имуществом на сумму 4000 руб., просила у думы 635 руб. на постройку нового дома. Из данных документов выясняется, что некоторые мещане снимали квартиры у проживавших в городе крестьян. Так, мещанин потерял в огне: «сундук с имуществом какое у меня находилось, равно перина, подушки и прочее, всего на сумму 100 руб. серебром. Через это несчастное положение, – пишет он, – я дошёл до совершенной крайности, довольно того, что я в настоящее время с женою моею почти скитаюсь по чужим людям для снискания пропитания, сам же я имею здоровье весьма слабое»¹⁵³. У другого мещанина сгорела лавка в горшочном ряду со всем товаром на сумму в 100 руб. серебром, а мещанин, потерявший имущества на сумму в 300 руб. серебром получил компенсацию 10 руб. от ремесленной управы и 3 руб. от Городского головы¹⁵⁴. Из всех документов данного дела, которое достаточно объёмное, 461 лист, слышится страшное отчаяние людей, выразившееся одной фразой: «и более средств к содержанию себя не имею»¹⁵⁵. В пожаре главное было спасти детей, а не имущество. Как пишет один мещанин, «так что я с женою моею и троими малолетними детьми едва спасли свою жизнь, оставшись лишь только в том, что на нас в минуту такую было»¹⁵⁶. У некоторых мещан в прошениях о пособии прочитывается просто крик о помощи. Особенно это выглядит трагедийно, применительно к симбирскому мещанству, более «молчаливому» по сравнению с саратовским и самарским. Саратовское, принадлежа к значительной сословной организации, ведёт постоянный деловой «разговор» с купечеством и различными представителями власти. Самарское – патриархально беседует с властью, в различных обстоятельствах и

различных инстанциях, рассказывая ей о самом сокровенном в своей жизни. Симбирское – молчит. Оно «молчит» в сложных для семей вопросах рекрутства, молчит в отношении налогов и недоимок, молчит по вопросам паспортов и т.д. И вдруг прорывает это «молчание» в деле № 313 о погорельцах. Некоторые мещане кропотливо перечисляют всё сгоревшее имущество в надежде на компенсацию, может даже преувеличивая его стоимость. Жена симбирского мещанина, описывая сгоревшее имущество, состоящее из двух деревянных флигелей, амбара, сарая, бани, лабаза, двух деревянных подвалов, разного движимого имущества, коровьего мяса и ржаной муки, оценивает его в 1700 руб. серебром¹⁵⁷. Другим мещанином снятый по контракту дом со всем имуществом, сгоревший в пожаре, оценивается в 1248 руб. серебром¹⁵⁸. Спасая детей от огня, мещанин-ремесленник всё потерял. Ремесленная управа выдала ему 20 руб. и на них он смог построить флигель в овраге речки¹⁵⁹. Старая мещанка проживала до пожара вместе с дочерью-вдовой при церкви Николая Чудотворца. На смерть у неё было отложено 25 руб. серебром. Всё сгорело вместе с церковью. Старушку парализовало от переживаний и страха («порадившим параличом отнявшим язык правую руку и ногу»). И она пишет прошение в думу о помощи, так как не имеет средств к пропитанию¹⁶⁰. Мещанин, квартировавшийся в купеческом доме на 3 этаже, потерял имущества на 400 руб. серебром: мебель, посуду, платье, бельё¹⁶¹. В среднем, мещане оценивали свои сгоревшие дома в 1300–1500 руб.¹⁶² Невозможно не привести текст прошения одного мещанина, который в описании сгоревшего имущества и постигших его несчастий на первое место ставит прибор астролябию: «я потерпел несчастье в квартире моей...наняваемой в доме вдовы мещанки...сгорел землемерческий инструмент Астролябия и собственно мне принадлежащей одежды: суконное меховое пальто, тулуп, крытый сукном, шинель, и две пары сюртуков с брюками» всего на сумму 180 рублей серебром, «нахожусь я теперь с престарелой матерью моею в самом бедном положении, приобретение моё к пропитанию, собственно через землемерный инструмент астролябию с принадлежностью, как я должности занимал Землемером»¹⁶³. Кто-то из мещан в описании своих убытков «оплакивает» «квартиру с иконами»¹⁶⁴. У кого-то самое главное сгорело в лавке: овёс, соль и прочий товар на 359 руб.¹⁶⁵ По описи сгоревшего имущества выясняется хозяйство мещан Симбирска: «занимался я торговлею разным крестьянским, шерстяным,

холщовым и кумачным товаром всего было на сумму 1200 руб. серебром»¹⁶⁶. Мещанка жалуется, что не успела спасти «собственного моего имущества разные материи женских платьев верхней зимней одежды хозяйственные тары и прочего домашнего обзаведения на 200 руб. серебром»¹⁶⁷.

Описывая свой убыток от пожара 1864 г., мещанин рассказывает о достаточно прибыльном гостиничном бизнесе. Для своей гостиницы под названием «Коммерческая с номерами для господ приезжающих» он снимал весь третий этаж каменного дома. «Гостиница эта и номера известны были всему Симбирску и иногородним обществам по обстановке и значительному устройству её мебели, сервировкой отдельно в комнатах и прочим преимущественно других гостиниц»¹⁶⁸. Гостиница целиком была устроена на его «капитал». И с горечью хозяин писал: «Я лишился всего своего движимого имущества, состоящего из разной мебели, зеркал, столового белья, серебра, медной и фарфоровой посуды, чайной и столовой, самоваров, годового запаса съестного..чая и сахару, разных вин хлебных и виноградных, экипажей с упряжью большое количество, словом сказать всего и самого носильного платья и всего без остатка..на сумму 11 693 руб. 20 коп.»¹⁶⁹. Ещё один мещанин всю свою торговлю в бакалейной лавочке, сгоревшую в 1864 г., оценивал в 1000 руб. серебром¹⁷⁰. И, наконец, писала в думу старая нищенка, проживавшая в келье при церкви Владимирской Божьей матери и собиравшая около церкви «доброхотные подаяния», просила компенсировать ей стоимость кельи, которую оценивала в 100 руб. серебром¹⁷¹.

Таким образом, если судить по описям мещанского сгоревшего в пожаре 1864 г. в Симбирске имущества, мещане представляли собой отнюдь не самые бедные слои населения города.

Тот факт, что мещане во второй половине XIX в. практически отошли от традиционного убранства дома и наполнили его пространство общеевропейскими модными вещами, подтверждают прошения погорельцев. Пострадавший от пожара 1864 г. в Симбирске мещанин, описывал этот «вещный мир»: «я лишился совершенно всего своего имущества заключающегося в тёплом и холодном платье и прочих вещах а именно: четырёх лисьих и трёх беличьих салопах, трёх золотых и серебряных карманных часах, мебели, хрустальной посуды...»¹⁷². Салоп – знаковая одежда для русской повседневности XIX в. С одной стороны, это своего рода «ливрея нищеты», как правило старые сало-

пы, от времени ставшие бурями, которые донашивали городские бедняки. С другой стороны, салопы не являлись модной одеждой, но так как требовали больших затрат ткани и меха, становились любимой одеждой в купеческом сословии, так как с помощью солопа можно было продемонстрировать свой достаток¹⁷³. Часовой мастер потерял в этом же пожаре всё своё дело, которое он «производил» в съёмной квартире¹⁷⁴. И также потерял всё своё предприятие мастер живописных дел¹⁷⁵. Сами занятия мещан свидетельствуют об изменениях в быту сословия в пореформенную эпоху: дома наполнялись картинами и фотографиями, необходимым аксессуаром одежды становились часы. Мещанки могли себе позволить украшения и наряды, как об этом говорится в другом прошении о пособии: «...Я не могла спасти собственно мне принадлежащего разного имущества как то женские разные материи платья зимние летние две шали бельё серебряные ложки дюжина столовых семь пять золотых колец двоя серебряные карманные часы одни позолоченные и прочие вещи полупуховая перина с двумя подушками Самовар жёлтой меди чайные приборы»¹⁷⁶. О мещанской городской респектабельности свидетельствует следующее прошение, в котором весь урон от пожара оценивается в 2000 руб. серебром: «Имел я свой собственный деревянный дом с антресолюю...флигель поперёк двора два каретника две конюшни четыре погреба...»¹⁷⁷. Европейское убранство городских мещанских домов подтверждается и в исследовании интерьера мещанского дома Ростова середины XIX в¹⁷⁸.

Оценочные ведомости Самарской оценочной комиссии по недвижимому имуществу позволяют реконструировать мещанский дом 1855 года (в данном документе даётся описание всех мещанских домов города, мы произвольно выбрали три примера). Деревянный флигель мещанина Потапа Алексеева Балова был выстроен в 1850 г. на дворовом месте, шириной 9 сажень, а в глубину – 20 сажень. На улице и во двор выходили комнаты в четыре окна, во дворе находилась баня. Крыша дома была крыта тёсом. Доход с дома и квартир в год составлял у Потапа 36 руб.¹⁷⁹. На этом фоне его расходы по дому исчерпывались четырьмя рублями 68 копейками¹⁸⁰. В эту сумму входило: на различные полицейские повинности – 36 коп., на содержание дворника – не платил («не полагается»¹⁸¹), на ремонт – 2 руб.16 коп., «на содержание тратуар – не полагается», на страхование – 2 руб.16 коп.¹⁸². За рекой Самарой было расположено дворовое место, шири-

ной 8 сажень, а глубиной 33 сажени, что в общем составляло более 264 кв. сажений, принадлежавшее мещанину Фёдору Яковлеву Никитину. На этом месте был построен деревянный флигель с сенями и одной комнатой в три окна. Во дворе ещё находились изба (из одной комнаты в три окна), два амбара и сарай на столбах¹⁸³. Доход с дома в год составлял 36 руб., а расход – 4 руб. 68 коп.¹⁸⁴. В Самаре он владел ещё одним домом, расположенным на дворовом месте, общей площадью 504 кв. сажени. На дворовом месте располагался обгоревший одноэтажный каменный дом с двумя комнатами, 4 окна выходили на улицу, 3 окна – во двор. Этот дом был построен в 1848 г.. Комнату сдавали «в постой» за 18 руб. серебром в год. Общий доход с дома составлял 60 рублей¹⁸⁵. Самарскому мещанину Дмитрию Яковлеву Ключеву принадлежала деревянная изба, состоящая из одной комнаты в четыре окна, построенная в 1848 г.. Доход от дома составлял 18 руб. в год, расход – 2 руб. 34 коп.¹⁸⁶.

Если судить по Раскладочной ведомости по второй части г. Самары за 1871 г., то основными типами мещанских домов были: деревянный флигель, изба и каменный одноэтажный флигель¹⁸⁷. Первенствующее место среди них занимал деревянный флигель. Однако, у более состоятельной части мещанства, встречались полукаменные двухэтажные дома с амбарами, полукаменные флигели с амбарами и сараями, каменные двухэтажные дома¹⁸⁸. Наиболее состоятельные имели и каменный двухэтажный дом, во дворе – избу, сарай, конюшни и погребницы. Некоторые владели избой и лавочкой. А самые бедные вместо дома имели землянку¹⁸⁹. По раскладочной ведомости по первой части Самары за 1871 г. видно, что мещане селились также в каменных или деревянных флигелях, каменных домах, порой с лавочками, и в избах с дворовыми постройками¹⁹⁰. Те из мещан, кто не имел собственного дома, снимали квартиры у богатых горожан¹⁹¹. Порой мещане превращали свои дома в гостиницы¹⁹².

Хозяйственную и семейную повседневность мещан города в наибольшей степени характеризует Обывательская книга г. Самары¹⁹³. (Приложение № 26) Книга состоит из двух частей: имеющим недвижимую собственность и не имеющим недвижимой собственности¹⁹⁴. В Обывательской книге был описан весь «мир» мещанина: имя, отчество, фамилия, возраст, члены семьи с указанием их возраста, городская недвижимая собственность, принадлежащая семье, а самое главное, описывался дом и указывалась история его приобретения и

перестроек. Кроме того, отмечалось, где мещанин проживает, каким делом занимается и состоял ли в городских службах.

В городском пространстве присутствовали и такие категории мещан, которые в качестве дома могли претендовать только на ночлежный дом, а в качестве жизненных средств – только на милостыню. Санитарный врач Саратова И.Матвеев в своих отчётах приводил классификацию возможных городских «приютов для ночлега». Данная классификация косвенно отображает внутреннюю дифференциацию горожан, кто какой ночлег мог себе позволить. Матвеев выделяет пять разрядов приютов: 1) перворазрядные гостиницы с платой от 60 коп. до 5 руб. и более за сутки; 2) гостиницы и меблированные комнаты средней руки от 40 коп. до 1 руб.; 3) постоялые дворы от 2 коп. до 5 коп. за ночлег; 4) артельные квартиры от 1 руб. 20 коп. до 1 руб. 50 коп. в месяц; 5) ночлежные дома от 2 коп. до 5 коп. в сутки¹⁹⁵. В ночлежных домах, на которые «большинство ночлежников смотрит именно как «на свой дом»» – ужасная грязь: «сырость, затхлость и мириады всяких насекомых. Нары – единственная мебель ночлежных домов – едва ли когда либо подвергались очистке»¹⁹⁶. Из 256 постояльцев Городского ночлежного дома № 2 в Саратове – 107 представителей мещанского сословия, 61 крестьян и 35 военных. Из этого же количества постояльцев – 167 неграмотных и 225 чернорабочих¹⁹⁷. Из этой небольшой статистики, приводимой санитарным врачом, получается социальный портрет некоторой части городского мещанства: неграмотные чернорабочие, проживающие в ночлежных домах. Все ночлежники были очень бедными. Единственной их одеждой были грязные лохмотья, едва прикрывающие тело. Их пищей были сухой чёрный хлеб, гнилая рыба, «и в лучшем случае – грязный кипяток под видом щей или супа, рубцы, печёнка, горло, лёгкие, всё это сомнительной свежести, в грязной посуде»¹⁹⁸. Таким людям летом давала более – менее сносную жизнь Волга, а вот осенью и зимой работу было очень трудно найти. Но и в артельных квартирах жизнь была не намного лучше: «холодно, грязно, сыро, спят на грязных тряпках, страшная вонь...»¹⁹⁹. Постоялые дворы Саратова, по мнению санитарного врача, тоже олицетворяли собой жизнь «дна»: «дворы эти, из которых 40 не мощёных, постоянно смачиваются большим количеством жидкости, состоящей из отделений животных, помоев, сортирных жидкостей и атмосферных осадков, а во дворах, мощёных деревом, образуется под помостами целое болото»²⁰⁰.

Описывая жизнь «берега Волги», санитарный врач Саратова начинает с качества воды, которую активно потребляет весь этот «прибрежный» и «собственно городской» народ, определяя её как «смесь самых разнообразных нечистот»²⁰¹. Около пароходных пристаней были сосредоточены многочисленные лавочки, в основном мещанские. Та продавались дешёвые съестные продукты, чай, табак, квас и овощи. Товар был разложен на прилавках и развешан по стенам, следовательно, покрыт «густым слоем пыли...Крендели везде висят без всяких крышечек и мухи свободно засиживают их...Самый ходкий товар – колбаса...берётся она торговцами у городских колбасников...ягоды, овощи, яйца хранятся в корзинах и очень редко закрываются... главную массу составляют торговки ягодами, семечками, свежими и солёными огурцами...Продукты покупаются ими на Митрофановском базаре, держатся в лавках и корзинах, то совсем без крышечки, то с какой-нибудь подозрительной тряпкой наверху...»²⁰². Ещё одной группой торговцев данного района были продавщицы пирогов с мясом, рисом, ягодами, а также оладушек и пышек. Некоторые старушки занимались этим всю жизнь. Их заработок составлял от 20 коп. до 1 руб. в день²⁰³. Большинство торговки брали свой товар от «Матрёны с Татарской улицы», от «Васёны и Марфы с Верхнего базара», от «Варвары с Красного Креста» и от «Василья Яковлевича с Узенького мостика» и т.д.²⁰⁴ На берегу Волги бродили и разносчики булок, мороженого, питьевых продуктов, «лимонадчики», чей «лимонад» представлял собой «водопроводную воду со льдом и какой-нибудь ягодной или лимонной эссенцией», лёд хранился в грязных тряпках, «от саратовских старожилов приходилось слышать самые серьёзные уверения, что эти «лимонадчики», а также и мелочники – мороженщики добывают летом лёд из под толстых платов навоза, наваленного на Глебучевом овраге и нетающего целое лето»²⁰⁵. К этому народу присоединялись газетчики, офени, галантерейщики, туфельницы и т.д., которые проводили на берегу большую часть дня и даже многие здесь же ночевали²⁰⁶. Рыбные лабазы помещались между Обуховским переулком и Царицинским взвозом, представляли собой древние, прогнившие строения. Рядом, между сваями и под скатами крыш проходящие рабочие устроили отхожее место. «В нескольких местах наиболее бойкой части берега можно видеть ещё оригинальные сооружения в виде то крошечных избушек, то каких-то шалашей, на подобие собачей будки. Это жилища лодочников»²⁰⁷. Береговые

кварталы Саратова были населены исключительно беднотой. Помимо мещанской бедноты города, там проживали приехавшие из деревень крестьяне. Волжская пристань Симбирска также находилась в середине XIX в. в самом плачевном состоянии. Там, где существовал перевоз, в дождливое время, осенью, весной – люди и лошади вязли в страшной грязи²⁰⁸.

Возвращаясь к вопросу, актуализированному публицистом конца XIX в., «Чем и как живут мещане?»²⁰⁹, следует искать ответ на него не в самих видах хозяйственной деятельности мещан, которые обращают к картине городской бедноты, а в отношении представителей сословия к этой деятельности. Так, наиболее популярным занятием самарского мещанства являлось хлебопашество. Но это традиционно крестьянское занятие наполнялось у городского сословия другими смыслами, не формировало календарный год, так как в хронотопе города его невозможно было ограничить природными ритмами и хозяйственными работами²¹⁰. В отношении к городским выгонным землям мещанин проявлял себя как хозяин города, принадлежащий к городскому обществу, к старожильской среде, корнями уходящей в «Обывательские книги». Городская реформа 1870 г. ввела такой принцип распределения земли между горожанами, согласно которому земля стала сдаваться в аренду с торгов, то есть не только члены городского общества, но все жители городов разных социальных слоёв получили возможность с торгов взять в аренду городскую землю. Тем самым мещане были отодвинуты от своих исконных преимуществ как членов городского общества. После хлебопашества, вторым по распространённости занятием мещан поволжских городов была «чёрная работа». На Волге она во многом носила сезонный характер, определяемый навигацией. Но, как правило, «чёрная работа» не являлась единственным источником дохода. В мещанских буднях она сочеталась всё с тем же хлебопашеством или с торговлей. Во второй половине XIX в. происходил рост мещанского промышленного предпринимательства, но в Самарской, Саратовской и Симбирской губернии это «предпринимательство» выглядело скорее как небольшие заведения, производившие продукцию, необходимую для повседневного быта горожан. Усложнение инфраструктуры поволжского города во второй половине XIX – начале XX вв. приводило и к усложнению набора традиционных мещанских занятий. Мещане поступают официантами в рестораны и клубы, приказчиками в круп-

ные мануфактурные магазины, кухарками и горничными в частные дома уважаемых горожан, привратниками, дворниками, заводят собственные портновские заведения, парикмахерские и т.д.. Сам быт горожан, очерченный их хозяйственным локусом, наполнялся ценностями, присущими среднему классу. Во-первых, эти ценности приходили в мещанскую среду через профессионализацию и индивидуализм. Во-вторых, через образование, как правило, получаемое в городских училищах. В-третьих, через вещный мир, напрямую связанный с урбанизмом: мебель, одежда, мода, транспорт, аксессуары. И, наконец, даже в пространстве мещанской хозяйственной повседневности, значительную роль играла информационная среда города. Через газеты мещанин оказывался включённым в гораздо более широкую сеть взаимодействий, чем в патриархальной жизни дореформенного города. Газеты сообщали о выплате пособий погорельцам, о торгах, о ценах на товары, о номенклатуре вещного мира, начинавшегося в середине XIX в. с сапог, рогож и кулей, а заканчивавшегося в начале XX в. фортепьяно, клюшками для гольфа и автомобилями. Модернизация изменяла традиционный мещанский мир, наполняя его новыми урбанистическими ценностями.

ВНУТРИСЕМЕЙНЫЕ ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ

Проанализировав роль мещанской семьи в первичной социализации и стабилизации личности, можно правильно оценить и само сословие с точки зрения совокупности социальных институтов, выполняющих специфические функции для поддержания в нём целостности и согласия²¹¹. Одновременно правильным будет и взгляд на семью как на бурные личные взаимоотношения, в которых «индивиды сталкиваются с бесконечным рядом возможностей для создания, приспособления, исправления или разрушения союзов»²¹². Кроме того, путь к пониманию характера внутрисемейных отношений может лежать и через знание моральных и правовых норм, которые регулировали эти отношения²¹³. Так как семейный статус мещанского сословия через демографические показатели и типологию семей исследован в исторической литературе, в рамках данного исследования мещанская семья будет показана через сферу человеческой субъ-

ективности, через эмоциональные переживания, через родительскую любовь, страсть, предательства, страдания, ссоры и примирения.

Как и в любых других сословных группах, в мещанстве встречались одиночки, за которых в некоторых ситуациях могли поручиться только однообщественники: «мы, нижеподписавшиеся, дали сию подписку Самарской мещанской управе в том, что самарскую мещанскую дочь Олимпиаду Александрову Коясову мы хорошо знаем, удостоверяем, что она действительно девица и замуж не выходила»²¹⁴. Однообщественники подтверждали, что кто-то из их среды холостяк, у кого-то жена действительно умерла²¹⁵. Таким персонажам в определённой степени семью заменяла община. В пореформенном городе демографический быт мещанских семей во многом напоминал современный: мужчина в 52 года мог иметь 9-летнего ребёнка²¹⁶, а женщины чаще всего становились матерями в 20–21 год²¹⁷. Мужчины долго в холостяках или вдовцах не ходили. Экономические интересы, связанные, как правило, с хозяйством, заставляли их после смерти жены вступать в новый брак. Самарский мещанин Кирилл Иванов получил свидетельство в том, что он повенчан вторым браком²¹⁸. Мещанин Егор Ерофеев имел от первого брака двух дочерей и от второго – сына²¹⁹. Иногда для них это был уже третий брак, как в случае с мещанином Иваном Матвеевым. Его вторая жена Параскева умерла от чахотки, и он в том же году был повенчан с крестьянской девицей 22-х лет из Ново-Семейкино²²⁰.

По ревизским сказкам за 1897 г. в делах о причислении в самарское мещанство выясняется следующий состав семьи: глава семьи, мещанин г.Симбирска, Иван Павлов Князев, 37 лет, его жена, Устинья, 36 лет, сын Александр, 3 лет, мать Анна Петровна, 58 лет²²¹. Как видим, дети в браке могли быть достаточно поздними. Разница в возрасте между супругами в большинстве случаев была незначительная, жена могла быть и на несколько лет старше. Причисленный в самарское мещанство крестьянин самарской губернии Панфил Борадачѳ, 38 лет, был женат на Ольге Семёновой, 38 лет. У них были дети 17 лет и 10 месяцев²²². Возраст супругов в семье Ивана Александрова Земцева: 35 и 32 года; Василия Прокофьева Дурнева, 48 и 46 лет; Алексея Алексеевича Семёнова (34 и 36 лет); Григория Федотова Криворотова (22 и 21 год) и др.²²³. Разница в возрасте в районе 10 лет выглядит скорее исключением из правил для первого брака. Как правило, жена была намного младше в тех случаях, когда это второй брак, как, на-

пример, в семействе причисленного в самарское мещанство крестьянина (41 и 22 года)²²⁴. Дети в семьях чаще всего рождались подряд, как например, в семье крестьянина Симбирской губернии Фёдора Иванова Теньгаева, причисленного в самарское мещанство: 5, 8 и 9 лет²²⁵. Многодетные семьи среди мещанства встречаются не часто. Самое распространённое количество детей в семье – 2-3 ребёнка. Но были и такие семьи, как у причисленной в мещанство г.Самары крестьянской вдовы 42 лет из Симбирской губернии, в которых было много детей: старшей – 22 года, младшей – 6 лет, а ещё Иван (16 лет), Степан (9 лет), Екатерина (22 года), Антонина (13 лет), Акулина (7 лет), Татьяна (6 лет)²²⁶. Большинство причисленных в самарское мещанство в 1897 г. семей происходило из крестьянского сословия²²⁷.

Состав мещанской семьи иллюстрируют и различные виды фискальных документов, в которых фиксировалось число податных душ. Так по податной тетради мещанского общества Самары за 1853 год, число податных душ в семье варьируется от 1 до 6, наибольшее количество встречающихся семейств с численностью от 3 до 5 человек²²⁸.

О семейном статусе мещанства повествуют метрические книги и ведомости бракосочетания самарских мещан и мещанок, которые поступали из церковного причта в управу²²⁹. Вступали в первый брак иногда уже в достаточно зрелом возрасте. Так, мещанин Косьма Яртылин (42 года) вступил в брак с крестьянкой Анной Бухаровой (40 лет)²³⁰. Но в основном такой возраст у жениха и невесты был в тех случаях, когда она, к примеру, – вдова, а он – отставной фельдфебель²³¹. В основном возраст вступающих в брак в 1897 г. мещан был от 17 до 23 лет²³². Нарушают данную традицию лишь браки вдовцов или отставных военных на молоденьких мещанках, как, например запасной унтер-офицер из мещан Казанской губернии (31 года) вступил в брак с 16-летней самарской мещанкой²³³.

Ревизские сказки, несмотря на свой канцелярский стиль, хранят семейные тайны и семейные драмы. Иван Леонтьев был отослан по суду в арестантские роты бессрочно. У него остались семеро детей: двое новорождённых, и 1,3,6,18 и 24 лет²³⁴. Из посемейных списков, составленных в тех местах, откуда люди приезжали в Самару, мы можем увидеть сколько домочадцев оказывались сорванными с места. В 1874 г. В Кирсановском уезде Тамбовской губернии умер Набатов Андрей. После его смерти у него остались: жена 18 лет, сын одного года, дочь двух лет, ещё одна дочь умерла, мать Федосья, два брата, Емельян (20 лет) и Ва-

сий (17 лет), две сестры (обе уже выданные замуж)²³⁵. Всё оставшееся семейство перебралось на жительство в Самару. Из посемейных списков видна достаточно высокая смертность в среде мещан²³⁶. Б.Н.Мионов замечает, что «если ранжировать сословия по уровню смертности, то окажется, что во всём населении наиболее высокая смертность наблюдалась у дворян, затем – у мещан...»²³⁷.

Многонациональный состав самарского мещанства, безусловно, влиял и на специфику сословного семейного быта. В 1910 г. мещанским служащим управы были присланы к сведению результаты состоявшейся при МВД Раввинской комиссии «по рассмотрению предложенного на обсуждение вопроса о мерах предупреждения среди евреев двоежёнства»²³⁸. Комиссия «признала необходимым обязать с этой целью раввинов требовать от жениха при вступлении в брак представления свидетельств: метрического и о приписке к призывному участку»²³⁹.

Что касается межсословных браков, из списка лиц самарских мещан и мещанок, повенчанных причтом Ильинской церкви в 1898 г., большинство браков – между мещанами и крестьянами²⁴⁰ и мещанами и мещанками²⁴¹. Встречаются и такие, которые раз за разом, брак за браком, повышали свой сословный статус. Так в 1898 г. одна мещанка первый раз вышла замуж за купеческого сына, второй раз – за дворянина²⁴². Иногда сословный статус определён в документах весьма специфически: «самарский мещанин ...повенчан с дочерью учёного помощника агронома»²⁴³.

По Посемейному списку мещан г.Самары за 1904 год, зафиксировавшему 702 мещанских семейства²⁴⁴, состав семей, как правило, состоял из родителей и нескольких взрослых детей со своими семьями²⁴⁵. Ту же картину мы видим и в двух других томах этого списка²⁴⁶. К примеру, семья Фокия Ланкова состояла из него самого, его жены, четырёх сыновей с жёнами и детьми (у одного сына – 5 сыновей, у другого – 6 сыновей)²⁴⁷. Вполне возможно, что в реальной жизни, они не проживали таким составом. Но препятствием на пути выделения малой семьи из большой мещанской, оставался низкий экономический статус большинства представителей сословия, и в первую очередь это было связано с дороговизной жилья. С другой стороны, следует отметить, что мещанские семьи были гораздо меньше по составу, чем купеческие. Среди мещанства Самары в значительном количестве присутствует и малая семья, что находит отражение в

Посемейных списках. В начале XX в. в Самару многие малые семьи попадают в результате ссылки за политические преступления. Тогда в отношении главы семьи в Посемейном списке указывалось: «лишён особых прав и преимуществ»²⁴⁸.

Вплоть до 1917 г. браки и разводы оставались прерогативой церкви и если «до 1850-х гг. главными основаниями для развода служили длительное отсутствие и вступление в брак при жизни супруга, в начале XX в. почти единственным основанием стала супружеская измена. Формальные разводы происходили главным образом в среде городского населения, их значительное увеличение отражает серьёзные изменения в психологии горожан, произошедшие в результате реформ»²⁴⁹. Женщина могла устроить свою судьбу и судьбу своих детей и после развода. Новый избранник мог усыновить её детей. Однако, до подлинной эмансипации было ещё далеко, власть и церковь стояли на страже нравственности и текстов поведения женщины. Так от самарского мещанина Матвея Негрустуева потребовали подтверждение в том, что он, действительно, отпустил свою жену в село Борское на богомолье и выдал ей через мещанского старосту в этом удостоверение²⁵⁰.

Самарская мещанка Е.В.Головачёва обратилась в Самарскую духовную консисторию с просьбой о расторжении её брака с мужем Петром Васильевым «по его неспособности к супружеству»²⁵¹. Брак на этом основании был расторгнут. Истица вступила в новый брак, а ответчик, Пётр Головачёв был навсегда осуждён на безбрачие²⁵².

Церковь пресекала «блуд», контролируя повседневную жизнь паствы и со своей стороны вершила суд и выносила приговоры. Слово «девка» не только обозначало незамужнюю девушку, но несло в себе и негативные коннотации. Так 25 августа 1856 г. проживавшая в г. Бугуруслане солдатка Наталья Платонова Ефремова обнаружила около своего дома «неизвестно кем подкинутого младенца», о чём и сообщила городничему. Следствие по этому делу обнаружило, «что младенец был подкинут к Ефремовой...родною сестрою её бугульминскою мещанскою девкою Аграфеною Платоновною, которая прижила его с неизвестным человеком блудно...»²⁵³. Палата уголовного суда приговорила «означенную мещанскую девку» «преданию церковному покаянию»²⁵⁴.

В 1891 г. в Самаре было заключено 389 браков среди православных, 9 – единоверцев, 28 – раскольников, 2 – лютеран, 6 – католиков, 5 – евреев, 5 – магометан. За этот же год у православных родилось 1604

мальчика и 1451 девочка (законнорождённые) и 172 ребёнка незаконнорождённые. Не приводя остальную статистику деторождения по религиозным группам, отметим, что незаконнорождённых детей у единоверцев – 1, у лютеран – 1 и 1 у католиков²⁵⁵. Случалось, что если при жизни отца по каким-либо причинам дети не были признаны законными, приходилось после его смерти обращаться в суд. Самарская мещанка Элька Крепляк обратилась в 1902 г. в суд с иском о признании законности её детей, Моисея, Евы, Розы, рождённых от её законного, но ныне покойного мужа Мордуха Мовшева. Суд принял решение узаконить детей²⁵⁶.

Значительное количество дел в фонде самарской мещанской управы посвящено проблеме усыновления. По указам 1845 и 1863 гг. в мещанское сословие должны были приписываться незаконнорождённые, подкидыши и непомнящие родства²⁵⁷. Вопросы об усыновлении решались мещанским обществом города. Мещанский староста контролировал посемейные списки, заменившие в 1874 г. ревизские сказки. Посемейные списки имели целью выявить лиц, подлежащих призыву в армию на основании закона о воинской повинности²⁵⁸. В этой связи практики усыновления мещанскими семьями подкидышей не всегда были связаны с филантропическим чувством. Зачастую, выросший подкидыш отправлялся от семьи его усыновившей в армию. С другой стороны, сердобольные мещане сталкивались с волокитой мещанских управ, связанной с приёмом в семью подкидыша. Ребёнок успевавший вырасти, прежде чем оформлялись все документы.

26 января 1897 г. мещане г.Самары на своём собрании решили положительно дело о желании усыновить подкидыша и «о желании мещанина Иргизова усыновить воспитанника своего сына»²⁵⁹. Само количество дел в фонде мещанской управы Самары о подкидышах свидетельствует о такой стороне мещанской повседневности, как избавление от нежелательных детей²⁶⁰. В мещанской делопроизводительной документации сведения по внебрачным детям достаточно частое явление²⁶¹. Много подкидышей самарские мещане брали на усыновление из самарского земского приюта²⁶². Иногда, чтобы усыновить подкидыша, требовалось свидетельство под присягой соседей и полиции. Так 12 человек соседей самарского мещанина Алексея Петюнова под присягой заявили, что 8 лет назад неизвестно кем у него на дворе была оставлена девочка трёх лет, которую он собрался официально усыновлять и приписывать к своему семейству²⁶³.

На рассмотрение мещанской управы в 1897 г. было передано заявление самарской мещанки Евпраксии Николаевой о том, что её родная сестра Наталья и её муж Пётр передали ей на воспитание своего сына Александра девяти с половиной лет «по неимению к тому собственных средств». «...Затем мать последнего умерла 20 сентября 1886 г. и отец – 3 августа 1896 года. А так как я воспитала и обучила означенного приёмьша – племянника на свой счёт и он по настоящее время находится при мне, своих же детей не имею, то посему я ныне, достигнув 55-летнего возраста, желаю усыновить его с тем, чтобы ему была присвоена моя фамилия»²⁶⁴. Евпраксия надеялась таким образом добиться для племянника «льгот по отбытии воинской повинности». Ей отказали, сославшись, «что нет никаких доказательств тому, что она взяла племянника на воспитание до 10-летнего возраста»²⁶⁵. Но в большинстве случаев дела об усыновлении решались мещанским обществом положительно²⁶⁶.

Прошения об усыновлении иллюстрируют и такую сторону словной этики, нравственности, как сердобольность: умерла «крестьянская девица», оставив после себя незаконнорождённого сына – его усыновили; женился мещанин на женщине с ребёнком четырёх с половиной лет – усыновил и причислил к своему семейству²⁶⁷; брали из приютов²⁶⁸; Василий Жуков даже решил усыновить четверых незаконнорождённых детей девицы, воспитывавшейся в Николаевском сиротском доме²⁶⁹. Таким образом, малышей, выкинутых на обочину жизни, самарское мещанство сердобольно принимало в свой состав. Шестилетняя Анну, дочь бродяги Кирилла Афанасьева, прислали в Самару на попечение Приказа Общественного призрения. Но в 1860 г. в Самаре у приказа кроме больницы и богадельни никаких других заведений не было. Девочку не знали, куда девать²⁷⁰. Обратились к мещанам с просьбой усыновить.

В Прощении самарского мещанина Луппы Попова прослеживается судьба солдатки Арины Кузьминой, вынужденной отдать ему на усыновление своего незаконнорождённого ребёнка²⁷¹. «Я, Ирина Кузьмина, – писала она расписку, – имею при себе родного сына незаконнорождённого Агапия по крёстном отце Архипове рождённого сего 1860 г. в марте месяце, но по случаю неимения средств воспитать сына своего по бедному своему состоянию и болезни своей...решила отдать его на воспитание в приёмьши навсегда Самарскому мещанину Лупе Васильеву Попову»²⁷². Попов в свою очередь подтвердил, что

«принимает младенца Агапия вместо родного сына», которого обязуется «воспитать как моё состояние дозволяет» и желает причислить его к своему семейству²⁷³. Мещане города подтвердили, что Ирина «по слабости своего здоровья и неимению никаких средств» действительно не может воспитать сына и приписали младенца Агапия к семейству Попова²⁷⁴.

С родными же детьми в мещанских семьях отношения не всегда складывались гладко. Обида душила порой настолько, что домочадцы отправлялись жаловаться во власть. Самарскому городскому Голове В.Е.Бурееву поступила «докладная записка» от самарского мещанина Семёна Мамыкина: «Семейство наше состоит по сказкам Х ревизии в следующем: именно: умерший дед мой Игнатий Мамыкин, его сын Пётр, Петра сыновья: первый я проситель Семён, и второй Николай всего в четырёх мужского пола душах с повинностями, по распоряжению родителя моего, плачу я один, за сей же год я уплатил только 3 рубля, остальные 25 руб. не уплачены мной потому...что я почти всё возможное время болел и ничего не заработал, брат же мой Николай живёт с отцом моим отдельно от меня в своём доме и ведёт промысел также, а я живу на квартире, по крайней своей бедности с своим семейством состоящим из меня самого, жены, трёх дочерей и престарелой безродной тёщи, едва пропитываюсь...Прошу обязать брата моего Николая платить за две души самому, не касаясь меня, так как для меня одного обременительно платить за все четыре души причём присовокупляю, что родитель мой, завещанный мне дом по духовному завещанию дедом моим Игнатием Мамыкиным продал в 1868 г. за 100 руб....На означенную сумму отец купил себе другой дом...»²⁷⁵. Родители тоже искали помощи у власти и защиты от своих детей. Самарский мещанин Никифор Мосягин написал жалобу на сына в думу: «Воспитал и женил я родного своего сына Степана, имеющего в настоящее время 22 года от роду, которому всю собственность мою, как то: дом в г.Самаре, скотоводство, загородный сад и всё прочее вручил ему в независимое его распоряжение, в надежде той, что он будет ценить ещё больше мои о нём попечения и будет стараться упрочивать представляемое ему мною состояние, но вместо повиновения и хорошей жизни, с женитьбы, по поводу жены, он впался в пьянство, скрытно от меня берёт, что попало из дома и из сада овощи продаёт, употребляя деньги на мотовство. По многим замечаниям моим, я предупреждал его оставить дурные поступки и ве-

сти себя как должно, но вместо доброй склонности, он отвечает мне бранными словами и нисколько мне не повинуется. Грубая дерзость тронула сердце отца и кровнотрудившегося для пользы сына и всё приобретённое переданное ему в собственность...я вынужден прибегнуть под покровительство В.В. и покорнее просить делать ему наказание розгами со внушением иметь ко мне отцу должное сыновнее почтение и не самовольствовать что послужит ему уроком на всю будущность и упрочит её»²⁷⁶.

Мещанская вдова Хавронья Лятаева жаловалась Городскому Голове на сына: «Родной сын мой самарский мещанин Козьма Алексеев, не только не даёт мне никакого воспомоществования к жизни, но даже нередко делает невыносимые для меня оскорбления, поносит разными неблагопристойными словами и нередко причиняет побои, и наконец сего месяца 15 числа ночью пришёл в келью мою в которой я имею проживание, вытащил меня в сени и побил меня до бесчувственного состояния от чего я и по настоящее время чувствую в голове, руках и по всему телу сильную боль, почему я вынужденно нашлась довести о сём до сведения Вашего Степенства и просить сказанного сына моего Козьму Алексеева за причинённые им мне разные оскорбления и побои предать суду Уголовному с удалением из общества»²⁷⁷. По данной просьбе матери было проведено дознание и выяснилось, что действительно Кузьма был известен в обществе «нетрезвой жизнью и дурным поведением»²⁷⁸. Возмущённый подобным отношением к матери Городской голова распорядился не только Кузьму отдать под суд, но и напомнил думе, что «по ст. 164,165,166 Уголовного Уложения детей обоего пола за упорное неповиновение родительской власти, развратную жизнь и другие явные пороки, отдавать в Смирительные дома...и приносить жалобы в Словесный суд»²⁷⁹.

Самарский мещанин Григорий Андреев писал жалобу Городскому голове на своего зятя: «Проживая в г.Самаре около 10 лет собственными трудами приобрёл флигель, состоящий в первой части...выдал в замужество падчерицу за самарского мещанина И.И.Сухова, который был временно принят в наш дом как бесприютный с тем обязательством – меня старика покоить, но встретил неожиданно без всякой со стороны моей причины в нетрезвом виде причинил побои: о чём производится в городской полиции следствие и выгнал из дому. Не имея средств начать иск свой судебным порядком при бедном состоянии, осмелюсь всепокорнейшее просить Ваше Степенство, убе-

дить неблагодарного зятя Сухова к почтению, и меня в дом устроить как хозяина»²⁸⁰.

Но встречались семьи и с полной гармонией во взаимоотношениях. Самарская мещанка Марфа Парфёнова Бердникова обращалась в думу с просьбой причислить к её семейству зятя, самарского мещанина Герасима Васильева Борисова²⁸¹. А вот снохи порой доводили свёкров до необходимости жаловаться в сословные органы власти. По жалобе Якова Михайлова на сноху было проведено дознание добросовестным Аристархом Воронцовым и он выяснил: «от соседей мещанина Якова Михайлова с снохою, какого они поведения, Михайлов – трезвой жизни, хорошего поведения, занимается всегда при старости работою, а сноха его самой развратной жизни и произносит Михайлову разные неприличные обиды, при соседях и свидетелях»²⁸².

Заглянуть в «замочную скважину» семейного конфликта позволяет докладная записка Самарского мещанина Дмитрия Ширмова на имя Самарского городского Головы: «вчерашнего числа являсь ко мне в дом рассылный Градской Думы объявил, чтобы я за себя и сына Григория нёс подати, а как Вашему Превосходительству известно, что я с упомянутым сыном, по ходатайству старшего сына моего Самарского 3 гильдии купца Ивана Ширмова, исключён из купечества в мещане, без моего на то согласия, и оставлен им Иваном без всяких средств к поддержанию моего состояния с семейством»²⁸³.

Жалоба самарской мещанки Александровой в градскую думу иллюстрирует дореволюционный способ «избавления» от надоевших жён. Иван Воткин отпустил жену «для свидания с родителями в Симбирский уезд в деревню Подлесную», а «обратно в дом не пустил» и «выкинул имущество во двор»²⁸⁴.

Самарская мещанка Анисья Алексева просила Городскую думу вмешаться в её судьбу: «Муж мой, Самарский мещанин Трофим Михайлов, вступивший со мной в законный брак в 1859 г., и проживя не больше полугода со мною, я нередко замечала, что он употребляет много излишних горячих напитков, так что дошло до того, что нам нечем стало продовольствоваться, я неоднократно говорила ему об оставлении такой развратной жизни, но ему это не понравилось, производил ежедневную драку, потом прогнал меня от себя, совершенно в одном платье. Потом пустил. Но снова стал пить и драться. Чуть не убил...»²⁸⁵.

Дела о нарушении патриархальной нравственности в семьях мещан во взаимоотношениях родителей и детей встречаются доволь-

но часто. Старики обращаются во власть за защитой: «Самарскому Городскому Голове от Самарского мещанина Ивана Матвеева Скорнякава/ Прошение / дети мои сыновья Андрей и Дмитрий...при таких слабых наших дряхлых летах оба не почитают, не пропитывают нас так что и подати уже посредством постояя своего дома мы сами оплачиваем...»²⁸⁶. Но когда отец собрался продать половину дома, сыновья, видя в этом угрозу своему наследству, воспротивились, «не дают», жалуется старик Голове.

Мещанин Иван Выров также написал Покорнейшее Прошение в Думу, в котором жаловался на свою печальную отцовскую долю²⁸⁷. (Приложение)

Мать Самарского мещанина Павла Никитича Гурьянова, Арина Титова Гурьянова, потребовала от него расписку при Городском Голове Плотникове (в 1854 г.) в том, что он обязуется «ей родительнице моей давать на пропитание каждый год 45 руб. серебром и за родителя моего Самарского мещанина Никиту Иванова подушные ежегодно уплачивать и паспорт каждый год выправлять на свой счёт с тем чтобы мне на промысленности своей мыт от ния особо сие я обязанности свои не исполню то вольна она родительница моя поступить со мною по её родительской власти. В том подписуюсь»²⁸⁸.

Среди целого спектра различных видов «дискриминаций», связанных с историей мещанского сословия в России, особое место занимает негласное изъятие права на «настоящую» любовь у представителей данной сословной группы. Даже наступившая в историографии эпоха исследовательской «реабилитации» мещанства²⁸⁹, с особым интересом обратившаяся к анализу внутрисемейного быта городских обывателей²⁹⁰, не затрагивает их любовные переживания, ограничиваясь констатацией: «отношения в семье в основном оставались патриархально-авторитарными»²⁹¹. В.С.Чутчев и Ю.М.Гончаров в своём исследовании мещанской семьи Западной Сибири отмечают, что «главной особенностью провинциальных городских семей середины XIX в. являлась патриархальность внутрисемейных отношений»²⁹².

В достаточно объёмном деле распорядительной документации городской думы за 1855–1857 гг., хранящейся в фонде мещанской управы, попалось письмо, написанное корявым детским почерком с отнюдь не детским сюжетом (письмо приводится в полном объёме с орфографией источника): «Дрожайшая родительница и милостивая государыня маминька Анна Михайловна / свидетельствую Вам своё

глубочайшее почтение / прошу я вас любезная маминька чтобы вы не отреклись наградить меня своим заочным родительским благословением которое может существовать по гроб моей жизни / Любезной моей сестрице Александре Константиновне свидетельствую я Вам глубочайшее почтение и низко склоняюсь любящим моим единоутробным братцем Якову Константиновичу и Павлу Константиновичу / Любящая маминька / Я верно знаю что вы не имея обо мне через несколько лет никакого известия и находитесь в отчаянии о моей жизни правда что я во время моего странствия претерпевая великие нещастии но при том лишившись дряжайшего своего родителя и придавши его земле 1836 го года января 2 дня....(неразборчиво – З.М.)/...был приведён в худое состояние даже доходил до бешенства потому что больше думать мне другого ничего как только что я опять должен препроводить нищанскую жизнь свою в каземате ....1857 го января 27 Любезный сын Иван Уланов»²⁹³. Данное письмо, рефлексия одного исторического персонажа, представляет собой на фоне эмоционально скупой делопроизводственной документации некий «надрыв», в котором сосредоточились и тоска, и любовь, и отчаяние, и страх, своего рода «Письмо матери»: «Ты жива ещё, моя старушка? / Жив и я, привет тебе, привет...». Для изучения истории «немотствующего» (из-за практического отсутствия так называемых «эго» – источников) мещанского сословия подобный документ безусловно выразителен, но приводит в «тупик» с точки зрения возможного выхода на контекст. Встаёт вопрос о том, как интерпретировать эмоциональный заряд данного текста. Напрашиваются аналогии с мещанским романсом. Так же как при противопоставлении жанров «высокого» искусства и «низкого» (каким принято считать мещанский романс), как высокое и низкое противопоставляется традиционно *emotio – ratio*, эмоциональность мало образованных социальных слоёв и сдержанность и рационализм элит. Низкие эмоции низких сословий, не поддающиеся сдерживанию, не отточенные воспитательной парадигмой (как в дворянском сословии), могут представлять собой исследовательский интерес в отношении анализа культуры эмоционального выражения, принятой в мещанском сословии. Следует ли считать «Письмо матери» эмоциональной девиацией или же манера «громко» чувствовать как раз и была свойственна слою, породившему «мещанский романс». И насколько эмоциональная «громкость» «мещанского романа» отличается от «громкости» романтической литературы, формировав-

шей чувственный мир русского дворянства первой половины XIX столетия. Р.Г.Суни отмечал, что «данные эволюционной психологии подтверждают, что эмоции – это тот язык, без которого немислимы социальные отношения»²⁹⁴. Язык сдерживания эмоций («подавления эмоций активностью интеллекта»²⁹⁵) принуждением образовательного дискурса свойственен письмам дворян Секуляризированный европейский классицизм, а затем и романтизм научил облекать эмоцию в литературные рамки. Мещане городов, очень восприимчивые к моде в любых её проявлениях, соединяли в своих эмоциональных переживаниях «романтизм, не отрывающийся от земли», слезливость сентиментального чтения, авантюризм мобильного социального слоя («бродея, судьбу проклиная, тащился с сумой на плечах») и крестьянскую религиозную сдержанность («я никогда ещё не видал, чтобы большие плакали»²⁹⁶). Н.З.Дэвис в своём исследовании «Дамы на обочине» вводит понятие «маргинальное существование», подразумевая удалённость своих героинь от центров власти, образования и культуры: «скорее это было пограничное пространство между культурными слоями, которое способствовало возникновению нового и созданию удивительных гибридов»²⁹⁷. Мещанский блудный сын, покинувший родительский кров, похоронивший отца и пишущий письмо матери, маргинален по состоянию «вырванности с корнем» и по удалённости от основного дискурса русской культуры «золотого века». В этом персонаже запечатлён знак мещанства, стремящегося на протяжении XIX века вырваться из обжитого локуса на освоение новых пространств, но прикрепленного к хронотопу провинциального города, к «местечку», российским законодательством и бюрократической системой. Система поймала Ивана Константиновича Уланова. В письме к матери он взывает к тем социальным связям, которые покинул.

От мещанских текстов доносится всё более и более различимое местоимение «Я». «Я» – как стержень той части социальной реальности, которая определялась частным пространством семьи. «Я» и моя семья – как ощущение тыла, защищённости, и в тоже время того чувственного пространства, которое само нуждается в защите. Давайте вместе экзистенциально прислушаемся.

«В 1856 г. родитель мой, самарский мещанин Тимофей Фёдоров Шишкин, содержащий молоканскую секту, по неизвестно чьим проискам, был взят в городскую полицию и содержался под арестом, при чём отобрана от него Библия...Ныне, по смерти моего родителя....я

осмеливаюсь покорнейше просить...о возвращении мне означенной Библии...»²⁹⁸; «Бугурусланская городовая ратуша объявила мне и детям моим, сыновьям...с их жёнами отношение благочинного протоиерея Кувацкого..о том, чтобы я с детьми моими в течение полугода каждый день являлась к нему ...для увещания нас об обращении к православию...я и дети мои у благочинного Кувацкого на увещание быть не можем потому что они с мужем моим...имеют разные неприятности...., посему немудрено, что протоиерей Кувацкий в отмщение мужу моему, при увещании меня и детей моих, вместо духа кротости употребляет строгость или что другое неприличное...»²⁹⁹; «Я, Ирина Кузьмина, имею при себе родного сына незаконнорождённого Агапия...»³⁰⁰. Помимо того, что употребление местоимения «Я» в документах подобного рода было всего лишь формой делопроизводственного этикета, «Я» в тоже время как бы утверждает за собой социальное пространство.

У кого же нет семейства, у того нет «Я», тот заменяет семью властью, обращаясь к ней за защитой, устанавливая «единокровный» диалог: «Дозвольте Ваше Высокостепенство объяснить Вам мои бедственные и неожиданные последствия...(из письма самарского мещанина В.И.Дьячкова к самарскому городскому голове М.И.Назарову)»³⁰¹; «Милостивый государь Лев Алексеевич! решил я особу Вашу побеспокоить потому что не имея в Самаре родственников и знакомых сделайте милость не оставить меня своим покровительством... (из письма мещанина Чаплыгина городскому голове Умнову)»³⁰².

Самарский 75-летний мещанин Тит Андреевич Кожевников написал городскому голове «покорнейшее прошение» о помощи во внутрисемейных делах, из которого нам немного приоткрывается «дверь» в частный мир отдельно взятой мещанской семьи в субъективном восприятии автора прошения. Выбор данного документа обусловлен сильным эмоциональным переживанием, чувством обиды на домочадцев. Трудно определить кто прав, кто виноват в данной семейной ситуации. Общечеловеческий опыт подсказывает, что опасно жениться на слишком молодой женщине и при этом пригласить в доме молодого зятя, а так же отдавать свой бизнес детям, рассчитывая на их благодарность. На пространное письмо Тита Андреевича, городской голова Гладков, заняв, по-видимому, также не его сторону, ответил, что данное дело не в его компетенции, «пусть обращается куда следует».

Тит, имея хороший бизнес, женился вторым браком на молодой женщине Прасковье. В этом браке у него родилась любимая дочь Аграфена. Когда пришло время выдавать её замуж за коллежского регистратора Александра Поцынкова, Тит дал в приданное «ради родительской любви моей к дочери» «на 3200 рублей ассигнациями». Жена, Прасковья, вскоре убедила Тита, что дочери необходимо «дать средства на существование». Тит передал зятю свою лавку, находящуюся на Троицкой площади, с кожаным товаром на 4 тысячи рублей ассигнациями с тем, чтобы зять заплатил за настоящий 1863 г. в Думу следующий поземельный акциз 12 рублей серебром, а в течение следующих трёх лет, Тит сам обязывался вносить акциз. Зять должен был только уплачивать Титу за товар до конца 1867 г. Но вопреки ожидания Тита, зять, начав торговлю собственным его товаром и в его же лавке, «вместо благодарности за доставленное ему истинно великодушное благодеяние», «стал делать разные огорчения» Титу: не уплачивал акцизные за лавку, отзываясь сначала неимением денег, а потом решительно сказал, чтобы Тит к нему больше не обращался. Поэтому несчастный муж и отец вынужден был внести акцизные деньги сам. Кроме того, зять («вероятно с давно задуманной целью, чтобы воспользоваться всем нажитым, собственными много-лютыми моими трудами достоянием, под предлогом настоящей старости моих лет, а главное, как я знаю в душе моей, чтобы устранить от участия в оном родного моего сына Василия от первого брака»), сумел «преподать свои советы» жене Прасковье, с которой вместе стали делать Титу «невыносимые оскорбления, в особенности жена («ибо она при результате своей жизни, действуя по наущению зятя – как я это разумею, на каждом шагу старалась и доставляет мне одни только самые грубые и нестерпимые дерзости до того, что забыла долг свой перед законом Божьим и гражданским, публично и всенародно поносила меня и сына моего Василия на базаре, всевозможными бранными словами и названиями, а в доме дозволила себе, во-первых, восстановить против меня даже меньшую дочь мою 15-летнюю Федосью, и внучку дочь сына Василья Лукерью, доведённую женой моей, по ея вредному назиданию до развратного положения, которыя, то есть дочь Федосья и внука Лукерья, следуя настойчивым приказаниям жены моей, так же как и сама она делали мне бесперывные дерзости, слушания и оскорбления; во-вторых, за напоминания мои о неприличном поведении ея и беспорядках в хозяйственном быту моём, она, жена

моя, осмелилась вцепиться в мою старую бороду, угрожая при том задушить меня, потому что я много уже древен летами, а она гораздо моложе и сильнее меня, и в-третьих, надеясь вероятно на поддержку со стороны зятя, а не менее и на приглашённого ею без моего согласия для квартирования в нижнем этаже моего дома ея племянника самарского мещанина Никифора Крисанфова с женою его, человека неблагонамеренного и вредного обществу, потому что он двукратно подвергался суждению за фальшивые деньги и за кражу часов и сидел за это 6 месяцев в остроге»). И, наконец, жена силой выгнала Тита из собственного дома под предлогом, что купчая крепость на дом («по моему добросердечному желанию») была совершена на её имя, причём захватила и удержала у себя всё имеющееся в доме собственное имущество. Обо всех этих обидах и оскорблениях «при древних моих летах» Тит заявил городской полиции. И продолжал сокрушаться: «после таких проявлений, неслыханных мною до сего дня, чтобы жена, дети и внучата осмеливались когда либо безнаказанно восставать противу главы своего семейства, полного хозяина и властелина своего дома, – я снова обратился к зятю моему с требованием отдать мне полный отчёт по торговле его в моей лавке и моим товаром...но он окончательно отозвался, что знать меня не хочет и, чтобы я более к нему в лавку не приходил, а иначе он проводит меня по шеям. Претерпев такие невыразимые для меня обиды и оскорбления, я остаюсь теперь в опасении, что зять мой...растратит весь переданный ему товар мой, и потому не желая лишиться нажитого многолетними трудами имущества и подвергнуться разорению единственно по проискам и злему намерению жены моей и зятя, я осмеливаюсь прибегнуть к покровительству Вашего степенства и всепокорнейшее прошу не лишить меня вашей справедливой милости...»³⁰³. Тит был безграмотный, за него письмо писал отставной штабс-капитан, чем объясняется стиль прошения. Н.З.Дэвис в своём исследовании справедливо отмечает: «От центров власти и иерархических структур нельзя отделиться полностью»³⁰⁴. Тит оказался вписанным в пространство не только местной самарской власти, к которой он столь эмоционально апеллирует, но и в пространство внутрисемейных властных отношений, в котором молодая жена, хитрый зять, мошенник – родственник жены, разгульная внучка – образуют такую корпорацию силы, с которой Тит не в состоянии справиться. Даже если предположить, что Тит – зануда и крохобор и «бунт на корабле» имеет под собой

законные основания, Тита жалко. В противоборстве с властью он, как слабый персонаж, оказывается в проигрыше, даже городской голова предпочёл с ним не связываться. Данный эмоциональный накал страстей свидетельствует о том, что не всё благополучно с патриархальной нравственностью в мещанском семействе. Женщины, попирая весь строй семейного быта, встают «у руля» интриги и принимают решения в пользу своих симпатий и своекорыстных интересов. Тит, который вероятно был хорошим дельцом, раз нажил приличное состояние, тем не менее, оказавшись в какой-то момент в плену своих нежных чувств к жене и дочери, теряет всё нажитое и оказывается в 75 лет у разбитого корыта. *Emotio* побеждает *ratio*.

Другой пример текста поведения женщины, нарушающей традиционные патриархальные гендерные роли также свидетельствует об изменениях мещанского внутрисемейного быта, уже в 60-е гг. XIX в.. В Самарскую городскую Думу поступила «докладная записка» самарской мещанской жены Прасковьи Леонтьевой, в которой она писала, что со дня своего «вступления в супружество» выносила от мужа «постоянные претеснения и преследования». Потом муж разошёлся с ней, «по собственному желанию», тем самым, оставив «без всяких средств к жизни, даже почти без платья, которое было отчасти продано и отчасти заложено для удовлетворения его же разным надобностям». Прасковья перебивалась «с гроша на грош» и жила у сестры «в материнской келье и не имела ничего». Муж оставил её в покое «и на образ жизни моей не обращал никакого внимания. Равным образом он не обращал на меня, как будто я вовсе для него не существовала, – никакого внимания и в ту пору, когда я проживала в модных магазинах». Но когда бывший муж разведкал, что Прасковья, «отошедши от модистки», стала работать на некоторых лиц, находясь в услужении у двоих чиновников, доставляющих за это мне содержание и квартиру и кроме того платящих за мои труды, «муж мой тотчас же заявил ... свои претензии с целью, чтоб я, – взяла его с собой жить и опять прожила с ним всё, что только я могла приобрести своими трудами; а он бы в это время ничего не делал и ел даровый хлеб, и проживал бы по прежнему всякую добытую мною копейку. Как жена своему мужу – я обязана с ним жить, но покорнейше прошу городскую Думу обязать его, чтоб он – во 1-х не мучил меня теми истязаниями, которые я от него выносила...и на которые уже жаловалась Градской Думе; а во 2-х доставал мне все средства к жизни; а в противном случае пре-

доставил бы мне право жить независимо от него своими работами, которых я найду себе столько, чтоб прокормить самую себя и которыми вовсе не намерена кормить мужа и поощерять его к пьянству и разврату»³⁰⁵.

Подводя итог анализу эмоционального мира мещанской семьи в середине XIX столетия, следует отметить, что безусловно, эмоции следует рассматривать как часть сложного социального процесса превращения горожанина традиционной культуры в человека хронотопа нового времени, подверженного всем влияниям открытой городской культуры: моде на чувствительность, маргинальную авантюристичность текстов поведения, эмансипацию в форме «мещанской драмы», чрезвычайную незащищённость против соблазнов городской жизни и страсть по «потерянному раю» патриархальных семейных устоев. Сын пишет маменьке, отец – сыну, мещане позиционируют своё семейное «Я» в обращениях во власть, и, наконец, бедный Тит просит защиты – эмоциональное поле чрезвычайно напряжено, система нестабильна, всё свидетельствует о наступлении новой эпохи со всё убыстряющимся темпом жизни, с новым стилем жизни человека реализма.

Близился к концу сословный период в истории России. 1916 год. А в мещанском делопроизводстве всё обнаруживаются отголоски тех страстей, которым политические режимы и социальные системы неподвластны. Киевский купец Шишкин переписал фактически весь свой бизнес на самарскую мещанку Алмаеву. Переписав состояние, он озаботился её переводом в киевское купечество³⁰⁶. Вдовы постепенно пополняли ряды эмансипированных женщин, являясь более независимыми в своих передвижениях и жизненных текстах, чем замужние женщины. В качестве сопроводительного документа при таких перемещениях у них был «вдовый вид», в котором, наряду с прочими сведениями было написано: «на свободное проживание в разных городах и селениях Российской Империи, а в случае надобности и выхода в замужество по третьему законному браку»³⁰⁷.

Таким образом, страсти, сотрясавшие мещанские семьи на рубеже XIX-XX вв., казалось бы, были вневременными, вечными, связанными с любовью, предательством, расчетом, игрой случая. С другой стороны, во всех этих эмоциональных переживаниях есть нечто общее, свойственное именно данной социальной среде, что позволило объединить их дискурсом «жесточкого романа». Сознание много-

численных социальных слоёв России, сдвинувшихся с места в пореформенный период, наводнивших город, но ещё не успевших приспособиться к городскому образу жизни, – надрывно, как надрывен мещанский романс, появившийся как жанр фольклора в середине XIX в.. Мещанство, поглощавшее в себя вчерашних крестьян, солдат, незаконнорождённых, ссыльных, инородцев и т.д., представляло собой достаточно неровное эмоциональное поле. Некоторая сословная потерянности, вызванная законодательным изменением социальных констант, угасание патриархальных устоев в условиях городской жизни, зарождение в недрах мещанской повседневности новых субкультур, связанных с изменениями социально-экономического порядка, выводили из равновесия «мещанский мирок», делая его открытым и исповедующим новые хронотопические ценности. Русский провинциальный город, а вместе с ним и мещанская семья, стремительно убегали от горьковского дискурса, пригвождавшего их к образу душевной и неподвижной глубинки.

ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ В НЕМОЩИ И В СТАРОСТИ

Тело мещанина – это тело, предоставленное болезням, старости и смерти. И в этой ипостаси оно чрезвычайно одиноко, как одиноки все мы, наедине с болезнями, старостью и смертью. Но обстоятельства, в которые человек оказывается поставленным в силу своего социального статуса, позволяют говорить о теле как о коллективном явлении. «На наши тела глубоко влияет как социальный опыт, так и нормы и ценности тех групп населения, к которым мы принадлежим»³⁰⁸.

Главную тенденцию, связанную с эволюцией отношения к «сословному» телу на протяжении пореформенного периода, можно определить как гуманизацию, что выразилось, в первую очередь, в освобождении сословия от телесных наказаний, которое началось с Положения от 10 марта 1897 г. и закончилось Манифестом от 11 августа 1904 г., освобождавшим бывшие податные сословия, в том числе и мещан, от телесных наказаний³⁰⁹. Телесная эмансипация от власти является важным моментом в генезисе личности. Применительно к дворянскому сословию об этом размышлял С.О.Шмидт в статье «Общественное самосознание *noblesse russe* в XVI – первой

трети XIX в.»³¹⁰, отмечая, что кодекс дворянской чести (не связанной с моралью воинского сословия) начинает складываться с того момента, когда никто больше не смеет ударить дворянина по лицу. Русский дворянин был телесно эмансипирован в конце XVIII в., а русский мещанин – в начале XX в.. В стоящем между этими событиями XIX в. происходит другое важное событие: исчезает физическое наказание тела как грандиозное зрелище³¹¹. «Последняя экзекуция» на самарском эшафоте была произведена в 1865 г.: «наказуемый был положен на наклонно поставленную доску, так что голова была выше ног, руки были привязаны к доске. Присутствовал доктор. Нанесено было 63 удара розгами. Эшафот, будучи разборным, был поставлен там, где теперь находятся городские весы»³¹².

В изменившихся обстоятельствах, когда сословная рефлексия становится глубже и тоньше, государство апеллирует к душе, провозглашая, что «добродетель есть дело государственное»³¹³. Освобождая тело мещанина, государство рассчитывало на его душу. Но душа в начале XX в. становилась пленницей общего безумия: «безумие притягательно ...другой своей стороной...это не только тёмные глубины человеческой природы, но и знание»³¹⁴. Знание мещанина о мире многократно умножалось с помощью растущего количества информационных каналов, пронизывающих его повседневность. На мещанина обрушивалась информация о войнах, революциях, трагедиях, преступлениях, болезнях, событиях. Научные открытия изменяли быт. Однако душевная болезнь всего общества не признавалась болезнью, «философская и научная мысль отказывается принимать это узнавание себя в безумце»³¹⁵. Отношение же общества к безумцам было определено сегрегацией, изоляцией таковых. Лица, «подвергшиеся расстройству умственных способностей», представляли и представляют помимо объекта приложения сил медицины, часть социального пейзажа города. Безумие в среде нормы воспринималось как отклонение от нормы, а следовательно угроза. Как пишет М.Фуко в «Истории безумия в классическую эпоху», на майнцком смирительном доме была прикреплена надпись: «Если возможно было усмирить в свете Божиим диких зверей, то никогда нельзя отчаиваться в исправлении заблудшего человека»³¹⁶. Так называемый «старый дом умалишённых» был выстроен в Самаре в 1860 г. «по инициативе губернатора Арцимовича на пожертвования частных лиц и имел вид летнего барака, из тонкого леса, для выздоравливающих и хрониче-

ских больных, находился на двух местах, определённых по высочайше утверждённому плану на город Самару под богоугодные заведения... Каково было содержание душевнобольных в Самаре, видно из доклада ревизионной комиссии земского собрания в 1876 году: «(1) употреблявшиеся до сего времени цепи в отделении дома для умалишённых выведены их употребления новым врачом»³¹⁷. Как писал в своей краеведческой картотеке К.П.Головкин, «по рассказам старожилов, около ветхой изгороди больницы всегда с одной стороны толпились прохожие и ребятишки, смотря на больных сквозь щели, с другой – больные, глядя на улицу и проходящих. Изводя друг друга разными способами, они громко и долго ругались»³¹⁸. Самарские врачи были поставлены в ситуацию, когда необходимо было в многочисленных случаях их практики подтвердить «расстройство умственных способностей» или доказать «притворное сумашествие»³¹⁹. Так как и в связи с налогами, и с рекрутством – мещане пытались прибегать к практикам притворного сумасшествия, приходилось обращаться в полицию, чтобы вместе с умалишённым в больницу доставлялись сведения «об образе жизни в домашнем быту и об обстоятельствах лиц этих окружающих»³²⁰. Медики предлагали полицейским разобраться в таких вопросах, как: «не было ли вражды или другой побудительной причины / не находился ли он в таком положении, которое могло бы его довести до отчаяния и до умоступления»³²¹. Несмотря на тот факт, что в деле «Об умалишённой мещанке Анне Хрунтяевой» за 1884 г. речь идёт об имущественных вопросах, прослеживается реакция городской семьи на подобное заболевание. И в первую очередь это касается уверенности близких в неизлечимости таких больных и роковой случайности, связанной с проявлением болезни. Самарский мещанин Михаил Степанов Цыков в своём Прощении писал: «Родная моя дочь, Анна Михайлова, бывши в замужестве за Самарским мещанином Афанасием Хрунтяевым – после выхода в замужество впала в сумашествие, и хотя была помещена для лечения в г.Казани в больницу душевно-больных доктора Фризе и в Самарской городской больнице сумашедших но болезнь её не излечилась...помер бездетный муж моей дочери Андрей Хрунтяев, и я поставлен был в необходимость взять мою сумашедшую дочь на моё попечение, так как родные ея мужа, живших с ним в одном доме... тяготятся уходом и надзором за больной»³²². Отец просил сделать врачебное освидетельствование дочери и на этом основании «вернуть имущество от той родни». Речь

шла о приданном в виде капитала в 3 тыс. руб., одежде и мебели. Судебные приставы описали всё имущество несчастной сумасшедшей и передали отцу. К делу были прикреплены материалы врачебного освидетельствования, проведённого в Присутствии Самарского губернского правления. Больной задавали вопросы, на которые она давала ответы: «Как зовут тебя? Я не знаю как. Меня Вы узнали? Доктор. А меня узнали? Пустите меня! (не отвечая на вопросы, больная просит отпустить её) Не хочется покурить? Не хочу. Чаю пить не хотите? Не хочу! Не хочу!»³²⁵.

При губернской земской больнице находился Дом умалишённых Симбирска. К 1 января 1895 г. в нём находилось 95 пациентов. Кроме этого, в Симбирской губернии функционировала Карамзинская колония для душевнобольных³²⁴. В 1913 г. в Карамзинской больнице больше лечилось мужчин, чем женщин, на первом месте из заболеваний стоял алкоголизм в достаточно молодом возрасте, от 15 до 25 лет³²⁵. Из обратившихся в 1913 г. 404 человек – 46 было мещан³²⁶. Исходя из профессиональной занятости, больше всех страдали душевными заболеваниями земледельцы, на втором месте – занимающиеся чёрной работой, на третьем – торговлей. И всего одна кухарка попала в этот год в лечебницу³²⁷.

Э.Гидденс обращает внимание на чёткую взаимосвязь между показателями смертности и заболеваемости «и тем социальным классом, к которому принадлежит человек», так как «между разными классами существует значительное неравенство, влияющее на показатели здоровья – от веса при рождении до артериального давления...»³²⁸. (Приложение № 27) О болезнях, которые тревожили мещан второй половины XIX – начала XX вв., можно узнать из той части делопроизводственной документации, которая касается просьб об освобождении от тех или иных повинностей на основании состояния здоровья. Так, мещанин Никита Малышев, прося освободить его от податей, писал в 1858 г. в Думу: «всею я плачу податей за 3 души тогда как я сам человек нездоровый и разбитый параличом от которого лишён владением правой ноги и правой руки...а сын мой ещё человек молодой и тоже на родителях»³²⁹. Дело 1858 г. о взыскании недоимки с мещанина г.Самары Андрея Данова началось с того, что Приказ общественного призрения потребовал с него 40 руб. за содержание в больнице Приказа его дочери Александры и за лечение её в Симбирском доме для умалишённых по 2 руб.89 коп. в месяц³³⁰. Данов был не

в состоянии уплатить требуемые с него деньги, так как, «кроме дворового пустопорожного места, на котором есть деревянный флигель и прочие строения», сдающиеся квартирантам, у него ничего нет. «По справке в Самарском Приказе общественного призрения оказалось: в указе Правительствующего Сената 15 января 1857 г....сказано, что плата за содержание в больницах бедного звания лиц, в т.ч. и немущих мещан, в том городе где учреждена больница должна производиться на том основании примечания к 480 ст. общ. губ. учреж. сообществе сословий, к которым принадлежат призреваемые»³³¹. Как видно из документа, платить за лечение должно было мещанское общество города. Но мещанское общество Самары платить за Данова отказалось, предложив ему «продать пустопорожное место и деньги выслать в Приказ», так как «Данов пользуется с дома квартирными деньгами»³³². Так как Данов отказывался продавать дом, мещане постановили взыскать с него деньги «полицейскими мерами»³³³.

А вот за отправленную в больницу мещанку Прасковью Макаричеву муж «решительно» отказался платить 5 руб., сказав, что «проживая в работниках, он ещё не уплатил податей за первую половину сего года, а в отношении отправления в больницу, он её в больницу не отправлял...платить не обязан»³³⁴. Сама же Прасковья также сообщила, что платить не желает, так как «была отправлена в больницу не по желанию ея, а вследствие произошедшей ссоры с мужем, и будучи здоровою – в больнице ничем не пользовалась»³³⁵. Мещанскому обществу оставалось производить собственное расследование: из какой полицейской части она была отправлена в Контору больницы и по чьему ходатайству³³⁶. Таких случаев, связанных с уплатой за содержание в больнице бедных мещан, их излечение или погребение, мещанскому обществу приходилось решать много³³⁷. В 1896 г. мещанская управа выдала свидетельство о том, что Захар Красных был причислен в самарские мещане из отставных рядовых. Недвижимой собственности в городе у него никакой не было. Ремеслом и торговлей он не занимался. Ни у кого не был в услужении. Не состоял сторожем в каких-либо присутственных местах или церквях. Собственных средств к жизни никаких не имел, равно как не имел и родственников, которые могли бы взять его к себе на содержание³³⁸. Через два года такой жизни он умирает утром 22 февраля, о чём пристав г.Самары сообщил в мещанскую управу. В 1898 г. самарский мещанин Захар Иванов Красных умирает «вследствие кровоизлияния в мозг, вызван-

ного, как обнаружило вскрытие, болезнью, так называемой «Вермофовой»³³⁹. Из прошения в городскую думу Самары мещанки Марьи Степановой с просьбой освободить от рекрутства её сына, всплывает описание болезни мужа и отца этого семейства. Марья пишет, что «у меня муж, а у призываемого отец...одержим около пяти лет падучею болезнью, которая по удостоверению самарских врачей оказалась неизлечимою...призываемый постоянно находится при своём отце...с которым учащённо случаются припадки всюду, как то: в лавке во время торгового занятия, в своём доме, ...призываемый приводит его бесчувственного домой, а тем более. Что сын мой Пётр поступил на действительную военную службу, тогда останусь я с неспособным к труду моим мужем...и двумя малолетними детьми»³⁴⁰. Члены мещанского собрания постановили признать Василия Степанова неспособным к труду и исходатайствовать сыну льготу 1 разряда³⁴¹. Путь к выздоровлению бедного мещанина был многотрудным, так как рассчитывать на благотворительную помощь можно было при условии, что мещанская управа выдаст так называемое удостоверение о бедности. В мещанскую управу Самары пришло прошение: «Страдая с давнего времени главною болезнью и находясь на излечении в самарской земской больнице около двух лет, я не получил никакого облегчения в болезни. Имея намерение при помощи благотворителей отправиться для лечения в Петербург в Университетскую при Академическую медицинскую клинику я покорнейше прошу выдать мне удостоверение в бедности»³⁴².

Особенно безысходна Докладная записка в Думу самарского мещанина Ивана Дмитриева Журавлёва: «В бывшей со мной несколько лет тому назад болезни лишился я совершенно владения ног, а с тем вместе лишился и всяких необходимых средств к своему существованию, благодетелей же и родственников, которые бы могли поддержать мой физический быт, не имею, а хотя и есть брат, но он в таком беднейшем положении, что не может как следует обеспечить и собственного своего семейства, не говоря уже обо мне...покорнейше прошу о помещении меня в богадельню и тем самым предоставить бедному страдальцу тёплый приют...Я уже находился в богадельне и только в марте месяце сего года вышел из оной, в надежде чем-либо излечиться от болезни, между тем надежда моя не оправдалась и я остался в таком же жалком положении, как и прежде...»³⁴³. В 1887 г. муж самарской мещанки Е.Л.Сапунковой умер в бригадном лазарете

«от паралича сердца»³⁴⁴. Мещанин Максим Григорьев Ларионов был освобождён от призыва в рекруты и исключён из числа работников по решению комиссии, которая констатировала, что у него «значительная машоночная грыжа трудно вправимая в брюшную полость». Сам Максим писал: «С давнего времени страдаю грыжей от чего я не могу доставать себе средства к пропитанию трудами своими»³⁴⁵. В 1903 г. 14-летний мещанин умер от «язвенного воспаления внутренней оболочки сердца»³⁴⁶.

Одной из самых распространённых в Самаре в рассматриваемый период болезней была холера. В городе постоянно проводились мероприятия, которые должны были бы предупредить очередную эпидемию холеры. Город в случае появления этой болезни предполагалось разделить на 8 участков, в каждом открыть холерную больницу на число кроватей от 10 до 20 с аптечкой³⁴⁷. Дома для больниц сдавали самарские мещане приблизительно за 20 руб. в месяц, в зависимости от размера дома³⁴⁸. В 1892 г. тиф в Самаре принимал эпидемический характер³⁴⁹, и в этом же году в связи с очередной холерной эпидемией решено было открыть специальное отделение для холерных больных³⁵⁰. В 1910 г. Самара вновь столкнулась с эпидемией холеры³⁵¹. Во время эпидемий большинство больных проходили под категорией «сомнительнохолерные». Из списка за 1911 г. больных холерной больницы, принадлежавших к мещанскому сословию, большинство холостяков и вдовцов. Профессии, а следовательно и экономический статус у всех заболевших холерой мещан разные: австрийский дезертир, кровельщик, хозяйка бакалейной лавки на набережной, домохозяйка, торговец, маклер, сапожник, слесарь, чернорабочий³⁵², бондарь, фельдшер, слесарь, торговец, солдат, портниха³⁵³. Как уже говорилось выше, это всё были люди, которых госпитализировали с подозрением на холеру. Они, как правило, выздоравливали и покидали больницу. Но те, кто попадал в категорию «явнохолерный», то есть у кого диагноз подтверждался, в основном умирали. В 1911 г. врачи Самары имели дело с «азиатской холерой»³⁵⁴. Замужняя мещанка, домохозяйка 27 лет выздоровела от холеры и была выписана из больницы³⁵⁵. И в тоже время 55-летний мещанин, занимавшийся домашним хозяйством, умер³⁵⁶. Если оценивать степень подверженности заболеванию по сословиям, то наибольшее число больных холерой было среди приехавших в город крестьян³⁵⁷.

Главное внимание земства в 1876 г. в области медицинского дела было обращено на принятие мер против распространения сифилиса.

В Бузулуке решено было даже учредить отдельную сифилитическую больницу на 25 кроватей³⁵⁸. В 1856 г. самарский городской врач Григорий Андреевич Троицкий при рекрутских участковых начальниках «свидетельствовал» самарских мещанок Авдотью Тихонову Баловневу и Наталью Филиппову Баловневу «в болезненном их состоянии». По освидетельствованию оказалось, «что они обе больны хронической венерической болезнью и одержимы дряхлостью отчего никаких работ производить не могут и для поддержания их здоровья им необходимо нужна помощь...»³⁵⁹. В 1876 г. в Самаре работал всего один дантист³⁶⁰. А плата за лечение и содержание в земской больнице мещан, «несостоятельных к уплате», в 1891 г. составила 1000 руб. 4 коп.. Дума ассигновала на это 1000 руб.³⁶¹. В 1896 г. в Самарской губернии работало уже 2 дантиста, 6 цириульников, 77 фармацевтов, 145 врачей, 71 повивальная бабка и 5 оспопрививателей³⁶². Для горожан Самары в конце XIX в. действовал приёмный покой на ул. Панской, расположенный в двухэтажном каменном доме. Помещение приёмного покоя состояло из общей приёмной комнаты для входящих взрослых больных, кабинета врачей, кабинета женщины-врача, операционной и перевязочной комнат, аптеки и детской приёмной. В Приёмном покое работали 4 врача, 4 фельдшера и фельдшерица. Приём больных производился ежедневно с 9 утра до 13. 00 дня³⁶³. За 1888 г. врачами Приёмного отделения из всех сословий города Самары больше всего было принято мещан: 16595 человек³⁶⁴. Среднее число посетителей в день составляло 99 человек³⁶⁵. Самым распространённым заболеванием среди горожан были: «перемежающаяся лихорадка (5156 случаев в год)», «болезни лёгких» (4135), «желудка и кишек» (4349), «кожи» (3223), «женские болезни» (2154), инфекционные болезни (1553), болезни костей (1732), «язвы, раны, ожоги, ушибы» (1191), «ревматизм» (1334), «мозговые и нервные» (1087). Далее шли: «сердца и сосудов» (227), «глаз» (690), «ушей» (583), «сифилис» (606), «малокровие» (293), «цинга» (14), «золотуха» (153), «венерические болезни» (266)³⁶⁶. Для лечения дифтеритных больных при земской больнице было выстроено два барака на 22 кровати. В 1888 г. дифтеритом заболело 99 мещан г. Самары и 35 мещан иногородних³⁶⁷. Так как мещане города составляли фактически наиболее бедную его страту, постоянно перед властями города вставал вопрос о том, кто будет платить за их лечение в городских больницах. «Городское общественное управление, по ходатайству мещанского общества, приняло

на себя, по примеру прошлого 1887 г., платёж за лечение беднейших мещан г. Самары в губернской земской больнице; на этот предмет было внесено в смету расходов в отчётном году 500 руб.; впоследствии число больных, имевших надобность в лечении, значительно увеличилось. Всего Городской Управою, с разрешения Городской Думы уплачено земству за лечение бедных больных из числа мещан г. Самары 1117 руб. 47 коп.»³⁶⁸. У значительной части мещан не было средств оплачивать своё лечение в больницах. Мещанский староста Самары в своём рапорте в Городскую Думу писал, что, во-первых, никто не соглашается платить за умерших в больнице мещанах, во-вторых, «мещане, мещанки отправляются в контору больницы не всегда по собственному их желанию и не по крайней в том необходимости, а часто при случающихся ссорах и драках, последствие которых...не всегда открываются в удовлетворительном виде, так, что виновных, с которых следовало бы взыскать деньги за...больного, не оказывается, а те лица, которые находятся в больнице,...отказываются от платежа за лечение...так как не виноваты в ссорах и драках и потому деньги остаются невзысканными...гг. мещане и мещанки неимеющие никакой собственности отправляются в больницу Полицией без разбора в состоянии ли они уплатить за лечение их деньги, а мещанки иногда берутся из развратных домов и при отправлении их в больницу следовало бы требовать обеспечение в платеже денег за лечение, но этого никогда не исполняется, а по выздоровлению их они присылаются из конторы в Думу за пользование их и содержание в больнице деньги обращаются на общество»³⁶⁹. Из мещанства набирались лекарские ученики к врачам³⁷⁰. В 1871 г. первый городской врач обращался в Думу с предложением отметить каким-либо образом, например, вознаграждением, многолетний труд по оспопрививанию жителей города старшим лекарским учеником мещанином Павлом Васильевым³⁷¹.

В 1867 г. в Симбирске было 9 врачей, 1 оспопрививатель, в каждом городе губернии по одной больнице и во всей губернии 9 аптек³⁷². Пациенты в основном принадлежали к городскому сословию, к его состоятельной части, а «отнюдь не буинские чуваша», в основном, взрослые мужчины. Но обращаются с уже застарелыми болезнями³⁷³. Большинство простонародья было убеждено, что болезни происходят «сглазу». И, как описывали наблюдатели за народной жизнью, лечили такие хвори «нечаянным спрыскиванием водою, настоенною на трёх угольках и щепотке соли. Или при зубной боли знахарь берёт

рябиновый сучок, надкалывает его начетверо, шепчет над ним и даёт пациенту подержать на больных зубах, приказывая несколько лет сряду не есть рябины»³⁷⁴. Любимым средством врачующих было в то время «непомерное кровопускание»³⁷⁵. В 60-е гг. XIX в. народ активно лечили пиявками. Поэтому даже издавалось пособие проглотившим живую пиявку: «Это может случиться во время приставления пиявок к дёснам и ноздрям. Должно немедленно выпить круто насоленной воды, от чего пиявка умрёт, а потом принять слабительное»³⁷⁶. В 1866 г. «Симбирские губернские ведомости» публиковали заметки о борьбе с холерой в губернии, в которых замечалось: «к крайнему прискорбию мы, русские, хотя и называем себя христианами, но мы фаталисты не меньше магометан. На все советы о принятии известных мер, о большей умеренности в пище и питье, в такое бедственное время слышишь часто только один ответ: «кому не суждено умереть, так не умрёт, а потому можно есть и пить что попало»...Но выличившиеся в больницах и испытывавшие все ужасные мучения этой болезни заказывают другу и не другу не есть огурцов, не пить холодного кваса, холодной воды и т.д.»³⁷⁷.

В честь 25-летнего юбилея царствования Государя Императора Александра II в Симбирске решено было открыть бесплатную городскую больницу для бедных на 25 кроватей³⁷⁸. Больница получила название мещанской³⁷⁹. В 1909 г. из 4126 мужчин, обратившихся в Симбирскую губернскую земскую больницу – 209 принадлежали к мещанскому сословию. По сравнению с 1908 г. количество больных из мещан уменьшилось на 2,8 %³⁸⁰. В этом же году в геникологическом отделении лечилось 32 мещанки, а в хирургическом – 26 мещанок. В родильный покой обратились 54 мещанки Симбирска. В сифилитическом женском отделении из 304 пациенток – 16 было мещанок. Преобладали в качестве пациенток с таким диагнозом крестьянки, замужние, русские женщины³⁸¹. В мужском сифилитическом отделении лечилось 19 мещан Симбирска из 218 обратившихся, а в кожно-венерологическом отделении – 42 мещанина Симбирска из 212 пациентов³⁸². В течении 1909 г. в мужской и женской амбулатории было принято 1838 больных, из них мещан Симбирска – 265 человек³⁸³. Самыми распространенными заболеваниями были: сифилис, триппер, острая экзема, чесотка, простая жаба³⁸⁴. Но в основном, мещане предпочитали в силу своих экономических обстоятельств, или вообще не обращаться в больницу, или в мещанскую, бесплат-

ную, для бедняков³⁸⁵. В 1911 г. было помещено в городскую богадельню Симбирска 18 мещан³⁸⁶. В этом же году в терапевтическом отделении Симбирской губернской земской больницы лечилось 262 мещан, в хирургическом – 105, в гинекологическом – 36, в глазном – 33, в заразном – 286, в сифилитическом – 39, в кожно-венерологическом – 42³⁸⁷. В 1914 г. в губернской земской больнице Симбирска проходили лечения мещане: в терапевтическом отделении 179 человек, в хирургическом отделении – 71, в родильном – 44, в гинекологическом – 33, в глазном – 9, в заразном – 130, в сифилитическом – 30, в кожно-венерологическом – 44³⁸⁸. Из больниц в мещанские управы поступали так называемые скорбные листы о смерти мещан³⁸⁹.

В 1912 г. очень интересный отчёт подготовили врачи Симбирской губернской земской больницы с точки зрения наблюдений за нравственностью горожан. Медики писали: «Большие города дошли до школ для отсталых детей. В будущем мы дойдём до отдельных школ для типов лицемеров, честолюбцев, заласканных, злых, добродушных и угнетённых... Жизнь очень сложна и всё больше усложняется...»³⁹⁰. От нравственности горожан медики переходили к смертности, отмечая, что высокая смертность горожан Симбирска проистекает из-за отсутствия «элементарного благоустройства», особенно показатель смертности усиливается смертностью детей в приютах и престарелых в богадельнях³⁹¹.

В 1893 г. в Саратове свирепствовала холера. «Главными бичами населения» оставались дифтерит и сыпной тиф³⁹². В среде мещанства болезнь очень быстро разносилась, так как вызывали врачей только уже «по прошествии сороковин», когда «все переболеют и разнесут болезнь»³⁹³. Жертвами этих инфекций становились в основном «обитатели бедных, грязных, скученных жилищ»³⁹⁴. Санитарный врач Саратова Матвеев призывал делать антидифтерийные прививки, приводя в пример мещанскую девочку, умершую на 23 день болезни из-за осложнений на почки. И также как и другие саратовские врачи, обращал внимание на то, что в борьбе с дифтерией «необходимо всё внимание обратить на общую чистоту и опрятность помещений, дворов, домов, торговопромышленных заведений»³⁹⁵. Санитарное состояние тех районов города, где проживала мещанская беднота, особенно вызывало тревогу врачей. Даже в построенной на средства купцов и мещан г.Саратова школе св. Владимира и имевшей постоянного врача, дети постоянно находились в неблагоприятной атмосфере самого

района вблизи Глебучева оврага, из которого шла «вечерами сильная тяга дурно пахнущих газов»³⁹⁶.

Н. Рубакин отмечал, что Россия «беднее всех других стран стариками», из чего он заключал, что «в России борьба за существование с различными неблагоприятными условиями труднее, чем в других... странах»³⁹⁷.

За 63-х летним мещанином Максимом Марковым числилась недоимка в 54 рубля за лечение его жены в Земской больнице г. Самары. Из-за этого, мещанская управа в течение 6 лет не выдавала ему вид на жительство. Из жалобы Маркова губернатору открывается всё его безнадежное положение. Жена его умерла. Максим Максимов пишет: «Между тем я, будучи 63 лет и болезненного состояния, едва имею возможность съискивать себе пропитание личным трудом, при крайней своей бедности». Марков не отказывается от платежа недоимки, а просит разрешения поэтапно отдавать долг. Из-за того, что ему не выдают паспорт, он не может устроиться на службу. В ответ на запрос губернатора о ситуации с Марковым, управа заявила, что за 7 лет он выплатил только 3 рубля, следовательно «не заслуживает уважения» и отказали в выдаче вида на жительство³⁹⁸.

Для стариков богадельня была выходом и спасением. Если в Москве богадельня Мещанского общества была одним из самых крупных благотворительных учреждений³⁹⁹, то в Константиновской богадельне Самары количество мест для представителей всех сословий было ограничено. С образованием земства в Самаре, богадельни переходят в это ведомство. Земская богадельня в Самаре была передана земству в 1865 г. Несколько позже была образована богадельня для душевнобольных в 10 верстах от г. Самары при земской больнице. Она содержалась на средства земства и на частные пожертвования. В 1872 г. была учреждена городская общественная богадельня в память избавления государя императора от угрожавшей 25 мая 1867г. в Париже Его Величеству опасности. Она помещалась в двух домах, пожертвованных почетным гражданином И.М.Плешановым. Богадельни в уездах были значительно меньше и содержались в основном за счет крестьян, как, например, богадельня в слободе Покровской Новоузенского уезда Самарской губернии, в которой к 1877 г. находилось 12 призреваемых, или на средства общества и добровольные пожертвования, как Гватентаутское убежище для сирот и бедных в приходе Гватентау Новоузенского уезда, где призре-

валось к 1900 г. 23 чел., а капитал ее насчитывал 9043 руб.89 коп. Или Бузулукская богадельня (основана в 1882 г.), содержащаяся на средства города и призревавшая в 1887 году 26 чел. Со временем количество богаделен, содержащихся преимущественно на государственные средства, в Самарской губернии увеличивается. В с. Балаково была открыта богадельня во имя Александра Невского, в которой призревало до 63 чел. обоего пола. Ее капитал в 1894 году насчитывал 91 691 руб.82 коп., а в 1895 году – 91 918 руб. 4 коп. В 1889 году в Бугуруслане была открыта богадельня на средства земства, в ней в 1900 г. призревало 35 чел.

В 1901 г. на призрении в самарской городской общественной богадельне состояло 48 мещан⁴⁰⁰. Попечительский совет богадельни докладывал, что призреваемые в мужском отделении не имеют тёплых брюк, «между тем, с наступлением холодов, в таковых является крайняя необходимость, так как за неимением брюк, призреваемые во время зимы отвлекаются даже от посещения Божьего Храма»⁴⁰¹. Порой в богадельню мещане помещались супружескими парами. Серафим Осипов и Акулина Матвеева Вольские, каждому по 73 года, не имеющие родственников, «в виду преклонных лет и бедственного положения» были помещены в богадельню⁴⁰². Мещанка Феврония Матвеева Казяева ходатайствовала о приёме её в богадельню, так как была бедная, «слаба здоровьем», проживала «у добрых людей из милости». У неё был сын Гаврила, но он сам «слаб здоровьем», «обременён семейством», «в бедственном положении»⁴⁰³. И таких случаев было много: пока дети были «обременены» собственными семействами, родители жили по чужим домам «из милости»⁴⁰⁴. Мест в самарских богадельнях было мало. И тем не менее туда попадали порой не те, кто действительно находился в безвыходном положении. 62-летний самарский мещанин Василий Иванов постоянно подвергался в богадельне замечаниям и выговорам за «жизнь нетрезвую». Но это его не останавливало и 17 января он «позволил напиться пьяным, грубил с призреваемыми и в состоянии невменяемости даже перепортил своё бельё и постель. За последний проступок Иванов был послан на работы по богадельне но с таковых без разрешения отлучился и явился опять пьяным и в таком состоянии упал в снег и едва не замёрз»⁴⁰⁵. Было принято решение исключить его из богадельни. Мещанин Суворов просился в богадельню, из которой был исключён «за безнравственное поведение и пьянство», но его обратно уже не приняли⁴⁰⁶.

Были в богадельни и женщины-«хулиганки». 75-летняя мещанка А.И. Захарова занимала «бесплатно уголок за печкой», днём «ходит по сбору милостыни», «на вид старая и больная старческим маразмом, всё её имущество состоит из рогожи и рваного платья на ней», родственников нет⁴⁰⁷. Попечительский совет богадельни положительно решил её прошение о приёме. Но попав в богоугодное учреждение, старушка раскрылась с другой стороны. Самовольно уйдя, купила водки, напилась в саду богадельни и начала буянить. «В виду её неприличного поведения», Захарову пришлось запереть в дровяник⁴⁰⁸. После отрезвления, она обнаружила, что исключена и может уже на законном основании отпрапляться за водкой и «бесплатно в уголок за печкой». Призреваемый в богадельне отставной рядовой из самарских мещан Иван Кривин «напился пьяным, разбил оконное стекло». Спустя время, «опять напился, безобразничал, в присутствии священника ещё больше безобразничал и всех стариков поносил оскорблениями». В тот же день призреваемая самарская мещанка Т.М. Чурашева тоже «напилась пьяной и самовольно отлучилась на свободу... явилась вечером...когда зритель стал делать замечания... она ответила дерзостью выразив «что она не только его, но и других никого не боится»⁴⁰⁹. Обоих из богадельни исключили. Пётр Безденежнов был отпущен смотрителем в город. Назад он вернулся на извозчике «без чувств пьяным». Стали выяснять личность дебошира и оказалось, что «за безнравственное поведение» он уже был исключён из Константиновской богадельни. Поэтому его исключили и из общественной⁴¹⁰.

Стариков-мещан, кормящихся подаванием, живущих у чужих людей из милости, было много⁴¹¹. Все они просились в богадельню. На этом фоне относительно молодой 54-летний мещанин «страдающий хроническими язвами голени» и «нуждающийся в хирургической операции», тоже вынужден был ходатайствовать о месте в богадельне, так как его 15-летняя дочь, работая в услужении, получала только 2 руб. в месяц и не могла оплатить лечение отца⁴¹². Некоторые мещане имели преимущества при приёме. Так 57-летнюю мещанку, страдающую ревматизмом и параличом, несмотря на то, что у неё имелся сын, служащий писцом в Контрольной палате и получавший 30 руб. в месяц, приняли в богадельню, так как её покойный муж служил в пожарной команде города⁴¹³. А были и такие мещане, за которых просила городская больница. Так одна параличная мещанка продолжала находиться в больнице просто потому, что её некуда было оттуда

деть: ни родственников, ни денег у неё не было, а уход требовался⁴¹⁴. А молодую женщину, 47 лет, просили принять в богадельню, так как она не может ходить без посторонней помощи, а средств к жизни у неё никаких нет⁴¹⁵. Ещё один мещанин, 56 лет, имущества никакого не имел, родных не имел, кроме жены, которая «ввиду старости к труду мало способна», сына 14 лет и дочери, обременённой своим собственным семейством, просился в богадельню. У него были парализованы левая рука и нога, следовательно – к труду не способен. Единственные деньги приносила в семью жена, которая шила мешки на мукомольную мельницу, зарабатывая этим от 15 до 20 коп. в день⁴¹⁶. Частично парализованный 32-летний мещанин, чтобы заплатить 1 руб.20 коп. в месяц за квартиру, ходил с трудом собирать милостыню⁴¹⁷. Это давалось ему всё труднее и он также как и многие другие обратился с просьбой о призрении в богадельню. В Попечительский совет поступило заявление священника И.Беневальского: «Вчера у парадной двери моей квартиры улеглась ночевать самарская мещанская вдова Ксения Фёдоровна Филиппова, имеющая от рождения 90 лет. Раньше она жила в Шихобаловской богадельне и билет её остался там. Мне она известна. Я позволил ей ночевать в холодном помещении на дворе моей квартиры. Так она и жила у меня во дворе, но теперь, когда настало холодное время, ей жить негде. Я сам с семьёй по случаю ремонта квартиры живу в холодном помещении». Чтобы от него забрали Филиппову, священник Беневальский обращался и в Константиновскую богадельню, и в Общество попечения о бедных. Но помощи не дождался. Обращаясь в общественную богадельню, он пишет, что Филиппова «дошла до детского состояния. Она может замёрзнуть и умереть. Прошу взять её от меня сегодня же»⁴¹⁸. 57-летний мещанин в своём прошении о принятии его в богадельню, описывал свою непростую судьбу: он «не очень хил, но одержим болезнью и слепотой». У него жена и две дочери. За квартиру нужно платить 1 руб. в месяц. Зарабатывать деньги он не может. Быть обузой семье тоже не хочет⁴¹⁹. Ещё одну семейную драму раскрывает прошение о приёме в богадельню 65-летней мещанки Самары. Сама она работать не может и собирает подаяние. Одна её дочь живёт бедно. Замужем за служащим на железной дороге. Имеет троих детей. Другая дочь, ещё совсем ребёнок, вынуждена работать подённо на заводе Александрова за 30 коп. в день⁴²⁰. В деле Попечительского совета городской общественной богадельни прошения мещан о приёме собраны по 1910 год

включительно. Во всех прошениях – приблизительно один сценарий социальной повседневности: старость, бедность, болезни, отсутствие родственников, которые могли бы взять на себя заботу о них⁴²¹.

В 1907 г. в Самаре ходатайствовала о приёме в Константиновскую богадельню мещанка г. Касимова Рязанской губернии Н.Н.Рахманова. Ей было 64 года и проживала она во дворе дома Сурикова. Родных у неё не было, на вид – дряхлая. Средств к жизни – никаких. Решили принять⁴²². О приёме в богадельню своего тестя ходатайствовал самарский мещанин П.К.Поляков. Тестю было 67 лет. Зять писал, что имеет достаточно ограниченный заработок и «не в состоянии держать его при себе»⁴²³. У старика на самом деле было четверо детей, сын и три дочери. Но никто из них не мог взять на себя заботу об отце. По мнению зятя, «сын ведёт образ жизни ненормальный, трудом не занимается, самого себя не в состоянии прокормить»⁴²⁴. Старика приняли. В богадельню попадали и молодые люди, которые по болезни не могли найти средства к существованию. Мещанка А.И.Казакова была парализована около двух лет. Родных у неё никого не было. Её маленького 8-летнего сына «добрые люди старались определить в детский приют»⁴²⁵. Чтобы заплатить за квартиру 2 руб. в месяц, она вынуждена была выбираться на улицу для сбора милостыни. Имущества никакого не имела. Её так же приняли в Константиновскую богадельню. Двое супругов, самарские мещане Михайловы, также находились в безвыходном положении. Жена – параличная. Муж – «одержим старческой болезнью»⁴²⁶. Средств к жизни также никаких не имели и оба просились в богадельню. О 77-летней мещанке А.С.Суховой писали в Попечительный комитет Константиновской богадельни: «дряхлая, хилая, к труду неспособная, средств никаких не имеет»⁴²⁷. Мещанка Анна Климова ходатайствовала, чтобы в богадельню забрали её 77-летнюю родственницу А.Д.Климову. У Анны было своё дело: «Чайное дело Климовой». Раньше родственница помогала ей, но теперь стала «неспособна к труду». Как докладывал Попечительский комитет, «хозяйка обременяется её содержанием», так как имеет двоих малолетних детей, а муж её, Василий, отбывает наказание в местной тюрьме «за разные преступления». Родственница никакого имущества «кроме ветхого платья» не имеет⁴²⁸. Самарская мещанка Н.И.Махина, тоже пожилая 70-летняя женщина, оказалась в таком положении полной безысходности, что спасти её могла только богадельня. За квартиру нужно было платить 1 руб. в месяц. Дочери у неё оказались беспутными. Одна вышла замуж

и уехала в Ригу, причём «чем она занимается, этого никто не знает»⁴²⁹. Другая дочь Пелагея «ведёт нетрезвую и безнравственную жизнь и содержать свою мать не хочет»⁴³⁰. Имущества Н.И.Махина никакого не имеет, «кроме ветхого носильного платья». Кормится подаванием добрых людей, «на вид дряхлая, совершенно глухая, в бедственном положении»⁴³¹. 19 ноября 1907 г. самарский губернатор указывал в своём распоряжении, что «обеспечение отца, матери, деда, бабки, братьев и сестёр – круглых сирот погибших низших воинских чинов относится к числу обязательных земских и городских повинностей»⁴³². Но количество стариков, находившихся в бедственном положении не уменьшалось, а количество мест в богадельне было ограничено. Все они писали: «слаба здоровьем, в крайне бедственном положении», «слаб здоровьем, плохо видит, добывать пропитание не может», «стара, слаба, не имеет средств», «слепой, не имеет средств к жизни», «совершенно дряхлая, глухая», «слабость здоровьем», «ходит по сбору милостыни»⁴³³. Были среди них и молодые, которые в силу заболеваний оказались «к труду неспособными»⁴³⁴. Судя по данным документам, старость и немощность наступала в 60–70 лет. С другой стороны, были и долгожители. Мещанка 92 лет получала от казны пособие 3 руб.. Но этого, безусловно, на жизнь ей не хватало⁴³⁵. Некоторых стариков держали у себя «добрые люди из сожаления»⁴³⁶. В 1910 г. в Александровскую богадельню Самары просился 41-летний мещанин И.В.Малкин, так как был совершенно слеп и к труду неспособен. Имущества у него тоже никакого не было. Зато было три брата, но у каждого из них своя судьба, поэтому рассчитывать на них не приходилось. Один брат работал почтальоном в Западной Сибири, другой – обер-офицер в г.Николаевске, третий – в Самаре, работал в уездном земском управлении, но был вдовцом с шестью малолетними детьми на руках и престарелой матерью⁴³⁷. Каждая история бедных мещан города трагична по-своему. 78-летняя мещанка Ф.Н.Мельникова, одинокая, не имеющая ничего «кроме ветхого рублища», два месяца пролежала в больнице после того как ей проехали колесом по ноге⁴³⁸. Теперь она просилась в богадельню. Не легче была и жизнь самарской мещанки М.Н.Ефимовой, «очень хилой, дряхлой, к труду неспособной»⁴³⁹. На две недели её пустили в свою квартиру Зимины «бесплатно из сожаления». А так она кормится, бедная, сбором милостыни на паперти церкви Троицы. Да и раньше, когда был жив муж, умерший уже более двадцати лет назад, она не жила богато. Муж торговал ветхой одеждой на толкучем рынке. Сын умер от хо-

леры. Стала Ефимова лепить пельмени и торговать ими на Троицкой площади. Но потом и на это сил не осталось. И племянница, у которой Ефимова поселилась, «выпроводила её на произвол судьбы»⁴⁴⁰. Вот и ходатайствует о месте в богадельне. Можно понять и мещанку Е.Е.Волгушеву, которая просила принять в богадельню её мужа, разбитого параличом, так как на руках у неё ещё было двое детей и старуха мать⁴⁴¹. Самарские мещане Иван Будылов и Дмитрий Скворцов написали прошение в городскую думу о месте в богадельне из больницы, в которой оба находились около трёх месяцев «не надеясь получить настоящего облегчения...мы оба желаем как безродные в преклонных летах немощные приюта и никаких средств к пропитанию себя»⁴⁴². Прошение этих стариков заканчивается просьбой: «поспешите с выпискою нас из больницы в богадельню дабы ещё не заняты другими два места»⁴⁴³.

Санитарный врач Саратова И.Н.Матвеев оставил целую серию очерков, посвящённых санитарному быту города. Так как одним из основных благотворительных объектов, которым он непосредственно занимался с 1891 г. как заведующий, была мещанская богадельня («Дом призрения для престарелых и убогих мещан»), то через данные очерки проступает та сторона повседневной жизни сословия, которая была связана с болезнями и старостью. И.Н.Матвеев, сокрушаясь «о печальной участи...собратьев, обездоленных болезнями, тяжёлым трудом, старческими немощами», начинает свой анализ со сравнений с благотворительной деятельностью, организованной в г.Эльберфельде в Пруссии⁴⁴⁴. Предлагая в качестве образца чёткий прусский порядок, И.Н.Матвеев переходит к анализу того, что происходило в этом плане в Саратове. В 1896 г. в Саратовской губернии по его подсчётам было 116 лечебных заведений с 1867 кроватями, 50 богаделен с 1251 призреваемых, 23 детских приютов с 965 детьми, 2 дома трудолюбия, 3 учебно-заработных дома, 15 ночлежных домов⁴⁴⁵. Ежегодно в больничном лечении, по мнению санитарного врача, нуждались в Саратовской губернии 115000 человек. В губернии было 3000 душевнобольных, 4000 слепых, 11000 калек, 2800 дряхлых, 4000 немощных, 2400 немых и глухих, 12600 подкидышей, 30800 разорившихся, 1800 переселенцев, 3000 безработных, итого, по его мнению, 95 400 людей, нуждающихся в помощи, да ещё к ним следует прибавить 140 000 труднобольных⁴⁴⁶. На этом фоне он анализирует ту минимальную помощь всем этим обездоленным, которую оказывало Общество купцов и мещан г.Саратова, останавливаясь более подробно на подведомственной ему

мещанской богадельне. Дом призрения сирых и убогих мещан г.Саратова был образован в 1891 г. и состоял из четырёх заведений⁴⁴⁷. Два здания богадельни были деревянные, обложенные кирпичом, одно – деревянное и одно – каменное. Располагалась богадельня на Московской улице между Камышенской и Царевской на собственном месте. За городское место под богадельню мещанством Саратова было заплачено 8600 руб., здания стоили обществу 27200 руб. и ещё на строительство пятого корпуса было ассигновано 5000 руб.⁴⁴⁸ В богадельне призревалося в первом здании 47 чел., во втором – 29, в третьем – 10, четвёртое вместимостью до 100 чел. отстраивалось к моменту написания очерков, а пятое должно было бы вместить 30 человек. От мещанского общества призреваемые в богадельне получали одежду, халаты, бельё (по 2 пары на каждого), пищевое довольство. Особенностью мещанской богадельни было то, что она предназначалась не просто для старых, но именно для хронических больных. Хотя на практике получалось, что (как видно из отчёта) из 86 призреваемых – 65 чел. были хронически больными⁴⁴⁹. И тем не менее, Матвеев называет мещанскую богадельню единственной в Саратове больницей для хроников. При богадельне постоянно находились врач и фельдшер. Медикаменты получали из частной аптеки, закупая на год. В хирургическом магазине Саратова покупались инструменты и аппараты. Для совсем беспомощных больных при богадельне состояли «хожатые» (сиделки). Для определённых категорий больных было предусмотрено дополнительное питание в виде молока и чая. Для надзора за порядком в богадельне имелись два смотрителя. Для религиозных нужд в богадельню был приглашён с годовым жалованием священник. Призреваемые мылись в частной бане. В самих зданиях было чисто, тепло, сухо. Для служб и прогулок имелся большой двор, 1500 кв. сажень. Содержание одного призреваемого в богадельне обходилось в 44 руб. 33 коп. в год⁴⁵⁰. Общий расход в год составлял 3817 руб. 62 коп. Больные мещане, призреваемые в богадельне, страдали самыми разными недугами: чахоткой, катаром кишек, воспалением надкостницы голени, ревматизмом, катарактой, падучей, воспалением почек, ревматизмом, параличом, глухотой, потерей зрения и т.д.⁴⁵¹. Возраст призреваемых приблизительно составлял 60–70 лет, но были и молодые, как 23-летняя мещанка, у которой «парши по всей голове, все волосы вылезли, слепая на оба глаза»⁴⁵².

Лечение в богадельне было поставлено по последнему слову медицинской науки. В 1888 г. в Александровскую больницу поступил бала-

шовский мещанин с диагнозом заболевания спинного мозга. Он был абсолютно беспомощен: «ноги согнуты в тазобедренном и коленном сочленении так, что больной не мог ходить, стоять и сесть, а только лежал на спине»⁴⁵³. Когда он поступил в мещанскую богадельню, для лечения были применены физические методы лечения: массаж и гимнастика. Больной вначале стал ходить на костылях, потом с палкой, через 8 лет стал совершенно здоров⁴⁵⁴.

В 1914 г. вновь выстроенное во дворе мещанской богадельни здание было отдано бесплатно под военный госпиталь, и городская управа разместила в нём Эвакуационный госпиталь⁴⁵⁵. Но позднее управа заплатила мещанскому обществу за приспособление помещений богадельни под нужды госпиталя 3000 руб., но эта сумма мещанами была истрачена исключительно на нужды самого госпиталя. В 1917 г. мещанское общество признало, что терпит убыток, так как отдавая своё помещение, «совершенно не имело в виду, как не имели в виду и все в России, что война затянется на такое продолжительное время, конца которой ещё не видно»⁴⁵⁶. Кроме того, принимая во внимание, что в 1917 г. «2 / 3 всех работоспособных плательщиков мещан призвано в войска, надеяться на поступление общественных сборов нет возможности»⁴⁵⁷. Поэтому мещанское общество Саратова решило просить Городскую Управу ассигновать на содержание мещанской богадельни 26500 руб.⁴⁵⁸

Одиночество в смерти и коллективность в смерти. Мещанин умирает в одиночестве, но и после смерти продолжает оставаться частью мещанского общества, так как его документы и вещи переправляются в мещанскую управу того общества, к которому он был приписан⁴⁵⁹. Смерть настигала мещан в чужих городах⁴⁶⁰. Умирили мещане от самых разных причин: в 1882 г. в г. Самаре 3 человека покончили жизнь самоубийством, произошло одно детоубийство, 9 человек умерло от пьянства, 12 – от неизвестных причин, было задавлено и упали с высоты 4 человека, один замёрз и 8 утонуло. В целом, за этот год по городу умерло от насилия и случайностей 52 человека⁴⁶¹. В 1912 г. в г. Самаре от отравления морфием скончался 48-летний мещанин г. Самары Вацлав Левандовский, оставивший после себя 32-летнюю жену и двоих детей⁴⁶².

Таким образом, мещанин болеющий, стареющий, умирающий предстаёт в источниках делопроизводственного характера не как человек страдающий, а как личность сословная, подверженная и в горе учёту и контролю. Тем не менее на фоне эмоционально скупой

документации совершенно явственно проступает тема одиночества человека в городе. Это во многом было связано с упадком в среде мещанства отношений общинного типа. Мещанское общество выполняло жизненно важную функцию «дома» только в качестве последней инстанции, в которую направлялась информация об умершем. Все данные косвенно говорят только об одном общем для мещан факторе: о низком уровне жизни большинства представителей сословия. Та часть мещанской повседневности, которая была связана с болезнями и старостью, обострена модернизационными процессами, разрушавшими традиционные общинные связи и выталкивающими на поверхность социальной жизни индивидуализм как текст поведения, свидетельствовала о социальной незащищённости мещан в городах и отсутствии значительной сословной благотворительности. Сама среда обитания значительной части бедного мещанства обрекала их на антисанитарию и болезни. Таким образом, не было денег лечить мещанское тело. Не было денег поддерживать мещанское тело в старости. Не на что было хоронить мещанское тело. Мещанскую душу уже не грела сословность, утраченная в эпоху «чрева».

Концевые сноски

- 1 Дружинин Н.П. Мещане, их положение и нужды. С.5.
- 2 Там же.
- 3 Там же. С.6.
- 4 Там же.
- 5 Там же. С.7.
- 6 Там же. С.4.
- 7 Там же. С.5.
- 8 Бурилова М.Ф. Мещанское сословие Приамурского края // Третьи Гродековские чтения... С.32.
- 9 Там же. С.234.
- 10 Абрамов Я. Мещане и город // Отечественные записки 1883. № 3. С.1-21.
- 11 Дружинин Н.П. Мещане и земельный вопрос // Народное право. 1906. № 33. С.3.
- 12 Дружинин Н.П. Мещане и земельный вопрос // Народное право. 1906. № 33. С.10-11.
- 13 ЦГАСО. Ф 170. Оп.6. Д.507. Л.1.

- 14 Державин Г. Р. Бог // <http://rupoem.ru/derzhavin/all.aspx> (Дата обращения: 12.08.2014)
- 15 Барт Р. Лингвистика дискурса // Система моды : ст. по семиотике культуры. М., 2004. С. 458 ; Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. С. 140.
- 16 Миронов Б. Н. Социальная история России. Т. 1. С. 332.
- 17 ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д.336. Л.1.
- 18 Там же. Д.135. Л.1.
- 19 ЦГАСО. Ф.170. Оп.6.Д.135. Л.1.
- 20 Там же. Л.32.
- 21 Там же. Л.49.
- 22 Там же. Л.53.
- 23 Фуко М. Слова и вещи : археология гуманитар. наук. СПб., 1996. С. 125.
- 24 ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д.1705. Л.1.
- 25 Фуко М. Слова и вещи... С. 129-130.
- 26 Там же. С. 314.
- 27 Там же.
- 28 Фуко М. Слова и вещи... С. 77.
- 29 Там же.
- 30 Кашеева Е.В. Городские формы досуга: московское мещанство // Традиционные формы досуга: история и современность. Вып. 5. М., 1994. С.156.
- 31 Там же.
- 32 Комиссия Высочайше учреждённая для улучшения системы податей. С. 24, 27.
- 33 Там же. С.27.
- 34 Там же.
- 35 Комиссия Высочайше учреждённая для улучшения системы податей. С.28.
- 36 Там же.
- 37 Приложение ко Всеподданнейшему отчёту начальника Симбирской губернии за 1895, 1897, 1896 г. (страницы не указаны).
- 38 Памятная книжка Симбирской губернии на 1862-1863-й годы. Симбирск, 1863. С.24.
- 39 Памятная книжка Саратовской губернии на 1872 г. Ч. III, Отдел I. С.7.
- 40 Вольский календарь и справочная книга на 1875 год. СПб., 1974. С.43.
- 41 Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России. С. 237.
- 42 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.26. Л.848.
- 43 Головкин К. П. Самара в конце XVIII – начале XX вв. : краевед. картотека // Классика самарского краеведения : антология. Вып. 3. Самара, 2007. С. С.267.
- 44 Там же. С. 265-266.

- 45 ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д.264.
46 ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д.264. Л.1.
47 Там же. Ф.217. Оп.1. Д.26. Л.134.
48 Там же.
49 Там же. Д.14. Л.46.
50 Там же. Л.50.
51 Приложение ко Всеподданнейшему отчёту Самарского губернатора за 1876 год. Самара, 1877. С.20.
52 Там же. С.21.
53 Приложение к Всеподданнейшему отчёту губернатора за 1890 год. Самара, 1891. С. 1.
54 Там же. С. 4.
55 ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д.48. Л.1 (Об.)-66.
56 ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д.48. Л.66.
57 Там же. Д.85.
58 Там же. Д.48. Л.1 (Об.)-66.
59 Там же.
60 Там же.
61 Там же.
62 Там же.
63 Там же. Д.85.
64 Барт Р. Семантика вещи // Система моды : ст. по семиотике культуры. М., 2004. С. 417.
65 Барт Р. Семантика вещи // Система моды : ст. по семиотике культуры. М., 2004. С. 418.
66 Там же.
67 Там же. С. 420.
68 ЦГАСО. Ф.153. Оп.1. Д.910. Л.33 (Об.)-34.
69 ЦИАМ. Ф.5. Оп.2. Д.6. Л.143.
70 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.447. Л.79 (Об.)-235; ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.448. Л.1-19.
71 Там же. Д.448. Л.1-19.
72 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.447. Л.79 (Об.)-235; Д.448. Л.1-19.
73 Там же. Д.257. Л.29.
74 Там же. Д.450. Л.1-63.
75 Фуко М. Слова и вещи. С. 55.
76 Там же. С. 56.
77 Фуко М. Слова и вещи. С. 101.
78 Памятная книжка Симбирской губернии на 1862-1863-й годы. С.29.
79 Там же. С.30.
80 Там же. С.31-32.

- 81 ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Л.40 (Об.).
82 Там же. Л.68-72 (Об.).
83 ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д.1140. Л.1.
84 Там же. Д.1349. Л.29-30.
85 Там же. Ф.153. Оп.1. Д.436. Л.1 (Об.)-9 (Об.), 10 (Об.)-32, 33 (Об.)-57, 58 (Об.)-64 (Об.), 65 (Об.)-72 (Об.), 73 (Об.)-84, 84 (Об.)-86, 86 (Об.)-92 (Об.), 93 (Об.)-97 (Об.), 99 (Об.)-105 (Об.), 106 (Об.)-113, 117-125 (Об.), 126 (Об.)-130 (Об.).
86 ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д.1385. Л.4.
87 Там же. Л.25.
88 Там же. Д.621. Л.244.
89 Там же. Л.244.
90 Там же. Л.248 (Об.).
91 Там же. Л.58-59.
92 Там же. Л.44.
93 Там же. Д.992. Л.1-9 (Об.).
94 Сборник изданных Симбирской городской думою... С.20.
95 Памятная книжка Симбирской губернии на 1869 год. Симбирск, 1869. С.43.
96 Там же. С.45-46.
97 Там же. С.22.
98 Там же. С.23.
99 Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России. С. 223-225.
100 Там же. С. 226.
101 Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России. С. 227.
102 Сызранский филиал ЦГАСО. Ф.101. Оп.1. Д.2а. Л.6,14.
103 Там же. Д.6. Л.4 (Об.).
104 Комиссия Высочайше учреждённая для улучшения системы податей. С. 21.
105 Там же. С.22.
106 ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д.251. Л.1.
107 Там же. Д.252. Л.1.
108 Там же. Ф.217. Оп.1. Д.26. Л.1719 (Об.).
109 Там же. Л.1720-1720 (Об.).
110 Там же. Ф.170. Оп.6. Д. 1349. Л.57-58.
111 Журналы самарской городской думы. 1892 г. Самара. 1892. С.144.
112 Там же. С.145.
113 ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д.1637. Л.3-69.
114 Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России. С. 246.
115 ЦГАСО. Ф.153. Оп.1. Д.487. Л.5(Об.)-6.
116 Там же. Л.7 (Об.) – 15.

- 117 Там же. Л.16 (Об.)-22.
118 Там же. Ф.170. Оп.6. Д.112. Л.1 – 19.
119 ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д.112.. Д.113. Л.1.
120 Там же. Л.1-2.
121 Там же. Д.439. Л.1.
122 Отчёт Самарской городской Управы и подведомственных ей учреждений за 1888 год. Самара. 1890. С. 74-77.
123 Там же. С. 54.
124 Отчёт Самарской городской управы за 1883 год. Самара, 1885. С. 19-20.
125 ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д.60. Л.1.
126 Там же. Д.142. Л.1.
127 Там же. Д.143. Л.1-43.
128 Там же. Д.144. Л.1.
129 Там же. Д.148.
130 Там же. Л.4-4 (Об.).
131 Там же. Л.6.
132 Протоколы заседаний Саратовской городской думы за 1874 г. Саратов, 1874. С.9-12.
133 Там же. С.51.
134 Там же. С.52-55.
135 Сызранский филиал ЦГАСО. Ф.101. Оп.1. Д.6. Л.30-79.
136 Там же. Л.125.
137 Там же. Л.264.
138 Там же. Д. 5. Л.101.
139 Там же. Л.3, 40.
140 Город Симбирск по двум переписям недвижимых имуществ (1900-1901 г. – земской и 1909 г. – городской). Симбирск, 1911. С. 48.
141 Продовольственная перепись 1916 г. в г. Симбирске в связи с данными переписи 1912 года: стат. сб. Симбирск, 1917. С.8.
142 Баранов В. С., Михеева А. В., Шерстнёв В. Г., Шерстнёва Г. С. История самарского купечества. С. 26-27.
143 ЦГАСО. Ф. 217. Оп.1. Д.26. Л.745.
144 Сборник изданных Симбирскою городскою думою обязательных для жителей города Симбирска постановлений в период времени с 3 мая 1871 г. по 31 июля 1895 г. Симбирск, 1895. С.41.
145 Симбирские губернские ведомости. 1965. 2 янв. (№ 1). С. 3.
146 ГАУО. Ф.144. Оп.1. Д.313. Л.1-3.
147 Там же. Л.8-8 (Об.).
148 Там же. Л.23-23 (Об.).
149 Там же. Л.29.

- 150 ГАУО. Ф.144. Оп.1. Д.313. Л.34.
151 Там же. Л.37.
152 Там же. Л.49, 62, 63.
153 Там же. Л.87-87 (Об.).
154 Там же. Л.89, 94.
155 Там же. Л.127.
156 ГАУО. Ф.144. Оп.1. Д.313. Л.140.
157 Там же. Л.143.
158 Там же. Л.170.
159 Там же. Л.183.
160 Там же. Л.189.
161 Там же. Л. 197.
162 ГАУО. Ф.144. Оп.1. Д.313. Л.235-240.
163 Там же. Л.244-244 (Об.).
164 Там же. Л.265.
165 Там же. Л.270.
166 Там же. Л.292.
167 Там же. Л.293.
168 Там же. Л.308.
169 ГАУО. Ф.144. Оп.1. Д.313. Л.308 (Об.).
170 Там же. Л.440.
171 Там же. Л.456.
172 Там же. Д.68. Л.35.
173 Кирсанова Р.М. Костюм в русской художественной культуре. С. 240-241.
174 ГАУО. Ф.144. Оп.1. Д.68. Л.41.
175 Там же. Л.72.
176 ГАУО. Ф.144. Оп.1. Д.68. Л.96.
177 Там же. Л.173.
178 Сазонова Е.И. Материалы к истории мещанско-купеческого быта Ростова XIX века // Труды Ростовского музея. Ростов, 1991. С.50-51.
179 ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д.1479. Л.1.
180 Там же. Л. 4.
181 Там же.
182 ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д.1479.
183 Там же. Л.16.
184 Там же. Л.16 (Об.).
185 Там же. Л.24-25.
186 Там же. Л.32.
187 ЦГАСО. Ф.153. Оп.1. Д.931. Л.1-208.
188 Там же.

- 189 Там же.
190 ЦГАСО. Ф.153. Оп.1.Д.930. Л.1-308.
191 Там же.
192 Там же.
193 Там же. Ф.170. Оп.6. Д.120.
194 Там же. Д.121.
195 Матвеев И. Санитарные очерки. III. Перепечатано из № 39 «Саратовской Земской Недели» за 1896 г. Саратовская типография Губернского земства. Ночлежные дома, артельные квартиры и постоялые дворы г.Саратова. С.1.
196 Там же. С.9, 11.
197 Матвеев И. Санитарные очерки. С.14-15.
198 Там же. С.16.
199 Там же. С.17.
200 Матвеев И. Санитарные очерки. С.24.
201 Там же. С.13.
202 Матвеев И. Санитарные очерки. С.25-26.
203 Там же. С.27.
204 Там же.
205 Там же. С. 27.
206 Там же. С. 28.
207 Там же. С. 29.
208 Памятная книжка Симбирской губернии на 1862-1863-й годы. С. 26.
209 Дружинин Н.П. Мещане, их положение и нужды. С. 5.
210 Домников С.Д. Мать-земля и царь-город. Россия как традиционное общество. М., 2002. С. 105.
211 Гидденс Э. Социология. С. 157.
212 Гидденс Э. Социология. С. 160.
213 Миронов Б. Н.Социальная история России. Т. 1. С. 250.
214 ЦГАСО. Ф.153. Оп.1. Д.84. Л.104.
215 Там же. Л.109, 110.
216 Там же.
217 Там же. Л.7 (Об.)-8.
218 Там же. Ф.170. Оп.6. Д.155. Л.12.
219 Там же. Д.199. Л.42 (Об.) – 43.
220 ЦГАСО. Ф.153. Оп.1. Д.83. Л.29 (Об.).
221 Там же. Ф.217. Оп.1. Д.296. Л.2.
222 Там же. Л 8.
223 Там же. Л.8-31.
224 Там же. Л.35.
225 Там же. Л.5.

- 226 Там же. Л.48.
227 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.296. Л.45-105.
228 Там же. Ф.217. Оп.1. Д.5.
229 Там же. Д.305.
230 Там же. Д.305. Л.6.
231 Там же.
232 Там же. Л.6-6 (Об.).
233 Там же. Л.6.
234 Там же. Л.251 (Об.).
235 ЦГАСО. Ф.153. Оп.1. Д.82. Л.7 (Об.).
236 Там же. Л.56-56 (Об.), 848 (Об.); Д.84. Л.420-421, Д.86. Л.626 (Об.)-627.
237 Миронов Б. Н. Социальная история России. Т. 1. С. 190.
238 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.397. Л.1.
239 Там же.
240 Там же. Д.305. Л.76.
241 Там же. Л.160, 177.
242 Там же. Л.99.
243 Там же. Л.145.
244 Там же. Ф.153. Оп.1. Д.93. Л.1 (Об.)-437.
245 Там же. Л.1 (Об.), 83 (Об.).
246 ЦГАСО. Ф.153. Оп.1. Д.94, Д.95.
247 Там же. Д.94. Л.26 (Об.) – 28.
248 Там же. Д. 94. Л.606 (Об.), 612 (Об.) и др.
249 Миронов Б. Н. Социальная история России. С. 176.
250 ЦГАСО. Ф.153. Оп.1. Д.85. Л.363.
251 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.393. Л.1.
252 Там же. Л.1(Об.).
253 Там же. Ф.32. Оп.1. Д.1145 (а). Л.1.
254 Там же.
255 Там же. Ф.171. Оп.1. Д.52 (а). Л.1-1 (Об.).
256 Там же. Ф.217. Оп.1. Д.346. Л. 124.
257 Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество российской империи. С. 455.
258 Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России. С. 218.
259 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.300. Л.1-2.
260 Там же. Д.366. Л.105; Д.371. Л.5,6,7 и т.д.; Д.372. Л.1.
261 Там же. Д.372. Л.157.
262 Там же. Д.374, Д.375. Л.8-85. Д. 381, Л. 27,28,29,57,59,60,61,62.
263 Там же. Ф.170. Оп.6. Д.23. Л.758.
264 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.300. Л.43.

- 265 Там же.
266 Там же. Л.65, 67, 73, 74.
267 Там же. Д.257. Л.12, 19.
268 Там же. Д.274. Л.16.
269 Там же. Л.18.
270 Там же. Ф.170. Оп.6. Д.15. Л.76.
271 Там же. Д.396.
272 ЦГАСО. Ф.170. Оп.6.Д.396 Л.1.
273 Там же.
274 Там же. Л.3.
275 Там же. Ф.217. Оп.1. Д.80. Л.472-472 (Об.).
276 ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д.15. Л.44-44 (Об.).
277 Там же. Д.710. Л.1.
278 Там же. Л.4 (Об.).
279 ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д.710. Л.5.
280 Там же. Д.15. Л.71.
281 Там же. Д.326. Л.1.
282 Там же. Ф.217. Оп.1. Д.26. Л. 1401 (Об.).
283 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.26. Л.1402 (Об.)
284 Там же. Ф.170. Оп.6. Д.15. Л.72.
285 Там же. Л.78-78 (Об.).
286 Там же. Д.493. Л. 74.
287 ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д.856. Л.108.
288 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.33. Л.227.
289 Бухараев В. М. Провинциальный обыватель в конце XIX – начале XX века: между старым и новым // Социальная история : ежегодник. М., 2000.
290 Гончаров Ю. М., Чутчев В. С. Мещанское сословие Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул, 2004.
291 Там же. С. 126.
292 Там же.
293 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.26. Л. 1404-1404 (а) (Об.).
294 Российская империя чувств : подходы к культурной истории эмоций. М., 2010. С. 82.
295 Там же. С. 13.
296 Горький М. Детство. М. ; Л., 1951. С. 10.
297 Дэвис Н. З. Дамы на обочине...С. 243-244.
298 ЦГАСО. Ф.32. Оп.1.Д.1091.Л.2(Об).
299 Там же. 1096. Л. 19-19 (Об.)
300 Там же. Ф. 170. Оп.6. Д.396. Л.1.
301 Там же. Д.493. Л.48.

- 302 ЦГАСО. Ф. 217. Оп.1. Д.26. Л.1033.
303 ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д.621. Л.603-604 (Об.).
304 Дэвис Н. З. Дамы на обочине. С. 245.
305 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.270. Л. 392 – 392 (Об.).
306 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.425. Л.285-290.
307 Там же. Д.278. Л.5.
308 Гидденс Э. Социология. С. 132.
309 Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи. С. 466.
310 Шмидт С. Общественное самосознание *noblesse russe* в XVI – первой трети XIX в. // *Sahiers du monde russe et soviétique*, XXXIV (1-2), 1993, pp 11-32.
311 Фуко М. Надзирать и наказывать. С. 22.
312 Классика самарского краеведения. Самара, 2007. С. 306.
313 Фуко М. История безумия в классическую эпоху. М., 2010. С. 94.
314 Там же. С. 31.
315 Фуко М. История безумия в классическую эпоху. С. 606.
316 Там же. С. 96.
317 Классика самарского краеведения. С. 148.
318 Там же. С. 148-149.
319 ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 573. Л.1.
320 Там же.
321 ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 573. Л.2.
322 Там же. Д.3653. Л.2.
323 ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3653. Л.11.
324 Приложение ко Всеподданнейшему отчёту начальника Симбирской губернии за 1895, 1897, 1896 г. С.10.
325 Медико-административный отчёт по Карамзинской колонии душевно-больных Симбирского губернского земства за 1913 год Директора В.А.Копосова. Симбирск, 1914. С. 3-4.
326 Там же. С.36-37.
327 Там же. С.40-41.
328 Гидденс Э. Социология. С. 133-134.
329 ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д.235. Л.1
330 ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д.1683. Л.2.
331 Там же. Л.2 (Об.).
332 Там же. Л.4-4 (Об.).
333 Там же. Л.31.
334 Там же. Л.34.
335 Там же.
336 Там же. Л.34 (Об.).

- 337 ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д.1683. Л.68 (Об.)-103.
338 Там же. Ф.217. Оп.1. Д.305. Л.43.
339 Там же. Л.42.
340 Там же. Д.242. Л.45-45 (Об.).
341 Там же.
342 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.89. Л.737.
343 Там же. Ф.170. Оп.6. Д.856. Л.46.
344 Там же. Л.52.
345 Там же. Д.678. Л.1.-3.
346 Там же. Ф.217. Оп.1. Д.346. Л.3.
347 Там же. Ф.170. Оп.6. Д.1532. Л.5.
348 ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д.1532. Л.7-8.
349 Журналы Самарской Городской Думы. Самара, 1892. С. 32.
350 Там же. С. 412-413, 470-471.
351 Приложение к всеподданнейшему отчёту Самарского губернатора за 1910 год. Самара, 1911. С. 35.
352 ЦГАСО. Ф.153. Оп.1. Д.920. Л.2-13 (Об.).
353 Там же. Л.9- 11.
354 Там же. Л.5 (Об.), 6 (Об.).
355 Там же. Л.6 (Об.).
356 Там же. Л.7.
357 Там же. Л.2-13 (Об.).
358 Приложение ко всеподданнейшему отчёту Самарского губернатора за 1876 год. Самара, 1877. С. 73.
359 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.43. Л.652.
360 Приложение ко всеподданнейшему отчёту Самарского губернатора за 1876 год. С. 72.
361 Там же. С. 135.
362 Приложение к Всеподданнейшему отчёту Самарского губернатора за 1896 год. Самара, 1897. С. 45.
363 Отчёт Самарской городской Управы и подведомственных ей учреждений за 1888 год. Самара, 1890. С. 16-17.
364 Там же. С. 17.
365 Там же.
366 Там же. С. 18.
367 Отчёт Самарской городской Управы и подведомственных ей учреждений за 1888 год. С. 19.
368 Там же. С. 20.
369 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.33. Л. 269-270.
370 Там же. Д.24. Л.96.
371 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.85. Л.24.

- 372 Памятная книжка Симбирской губернии на 1869 год. С.17.
373 Там же. С.16.
374 Там же. С. 17.
375 Там же. С.18.
376 Памятная книжка Симбирской губернии на 1868 год. С.15.
377 Симбирские губернские ведомости. 1866. 13 авг. (№ 88.).
378 Календарь Симбирской губернии. 1881. С. 3.
379 Памятная книжка и Адрес-Календарь Симбирской губернии на 1902 г. С.176.
380 Отчёт по Симбирской губернской земской больнице за 1909 год. Симбирск, 1910. С.24-25.
381 Там же. С.96-97, 100, 111, 115.
382 Там же. С.119, 123.
383 Там же. С.126-127.
384 Там же. С.130-131.
385 Протоколы заседаний и труды общества врачей в г.Симбирске за 1905, 1906, 1907 и 1908 гг. Симбирск, 1909. С.6-7.
386 Журнал Симбирской городской думы за 1911 год. С.55.
387 Годовой отчёт Симбирской Губернской Земской больницы за 1911 год /составлен старшим врачом А.Л.Поленовым и Гг. ординаторами М.И.Ладыгиным, А.А.Козловым, Л.Е.Кутасовым, П.Н.Николаевым, Г.И.Суровым, Я.Е. Шостаком, С.Н.Яковлевым, Э.В. Ленцнером, зубным врачом С.С.Есиповым и заведующим аптекой Е.А. Сцытником. Симбирск, 1912. С.23.
388 Годовой отчёт Симбирской губернской земской больницы за 1914 год. Симбирск, 1916. С.14-15.
389 ГАСО. Ф.94. Оп.1. Д.1869 Скорбные листы мещан г.Саратова за 1878-1879 гг.
390 Отчёт по Симбирской губернской земской больнице за март-апрель месяцы 1912 года. Симбирск, 1912. С.34.
391 Смертность населения г.Симбирска в 1913, 1914 и 1915 гг. А.Чистосердов. Симбирск, 1921. С.10.
392 Отчёты о деятельности Саратовских городских санитарных врачей, городских врачей, врача – оспопрививателя, городских акушерок и субсидируемых от города лечебниц в 1893 году. Саратов, 1894. С. 4-5.
393 Отчёты о деятельности Саратовских городских санитарных врачей, городских врачей, врача – оспопрививателя, городских акушерок и субсидируемых от города лечебниц в 1893 году. Саратов, 1894. С.6.
394 Там же. С.7.
395 Матвеев И.Н. Санитарные очерки (перепечатано из № 26 и 27 «Саратовской земской недели» за 1896 год). Саратов, 1897. С.17, 25.

- 396 Краткий отчёт по II школьному участку города Саратова (с ноября 1889 по январь 1891 г.) Санитарного врача И.Н.Матвеева (перепечатано из №№ 5-6, 7-8 «Саратовского санитарного Обзора» 1893 г.). Саратов, 1894. С. 3.
- 397 Рубакин Н. А. Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы. С. 51.
- 398 ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.368. Л.82.
- 399 Власов П. В. Благотворительность и милосердие в России. С. 223.
- 400 ЦГАСО. Ф.153. Оп.1. Д.926. Л.4.
- 401 Там же.
- 402 Там же. Л.11.
- 403 ЦГАСО. Ф.153. Оп.1. Д.926. Л.11 (Об.)-12.
- 404 Там же. Л.12 (Об.)-13.
- 405 Там же. Л. 13 (Об.)-14.
- 406 Там же. Л.29.
- 407 Там же. Л. 14 (Об.).
- 408 Там же. Л.29 (Об.)-30.
- 409 ЦГАСО. Ф.153. Оп.1. Д.926. Л.33 (Об.)-34.
- 410 Там же. Л.62 (Об.)-63.
- 411 Там же. Л.15 (Об.), 16, 17, 18, 19,22, 24 (Об.), 25 (Об), 38-61 (Об.).
- 412 Там же. Л.20-21.
- 413 Там же. Л.23.
- 414 Там же. Л.27.
- 415 Там же. Л.33.
- 416 ЦГАСО. Ф.153. Оп.1. Д.926. Л.64 (Об.)-65.
- 417 Там же. Л.70.
- 418 Там же. Л.73.
- 419 Там же. Л.81 (Об.).
- 420 Там же. Л.83 (Об.).
- 421 ЦГАСО. Ф.153. Оп.1. Д.926. Л.84 (Об.)-144 (Об.).
- 422 Там же. Д.928. Л.1 (Об.).
- 423 Там же. Л.2.
- 424 Там же.
- 425 Там же. Л.3.
- 426 Там же. Л.6.
- 427 Там же. Л.4.
- 428 ЦГАСО. Ф.153. Оп.1. Д.928. Л.4 (Об.).
- 429 Там же. Л.5.
- 430 Там же.
- 431 Там же. Л.6.
- 432 Там же. Л.7.

- 433 Там же. Л.8-20.
434 Там же. Л. 9 (Об.), 14.
435 ЦГАСО. Ф.153. Оп.1. Д.928. Л.20.
436 Там же. Л.36.
437 Там же. Л.41.
438 Там же. Л. 47 (Об.).
439 Там же. Л.50.
440 Там же.
441 Там же. Л.55 (Об.).
442 ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д. 621. Л. 62 (Об.).
443 Там же.
444 Матвеев И.Н. Общественное призрение в Саратове: санитарные очерки городского санитарного врача г. Саратова. Саратов, 1898. С.1, 1-61.
445 Там же. С.61-62.
446 Там же. С.63-64.
447 Матвеев И.Н. Общественное призрение в Саратове С.84.
448 Посчитано по: Матвеев И.Н. Общественное призрение в Саратове. С.84.
449 Там же. С.84-85.
450 Там же. С.85.
451 Матвеев И.Н. Общественное призрение в Саратове. С.85.
452 Там же.
453 Там же. С.117.
454 Там же.
455 ГАСО. Ф.94. Оп.1. Д.2795. Л.8.
456 Там же. Л.8 (Об.).
457 Там же. Л.9 (Об.)
458 Там же.
459 ЦГАСО. Ф.153. Оп.1. Д.84. Л.306.
460 Там же. Ф.217. Оп.1. Д.346. Л. 152, 205, 216.
461 Там же. Ф.171. Оп.1. Д.30. Л.3 (Об.)-4
462 Там же. Ф.153. Оп.1. Д.85. Л.278.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мещанин, застигнутый модернизацией, политическими ка-таклизмами своего времени, как ощущает себя в повседневности? Какие поведенческие практики остаются неизменными для городского обывателя и позволяют формировать вокруг мещан образ «обывательщины», а какие практики свидетельствуют о том, что перед нами – модернизирующийся городской слой, средний социальный слой российской империи, готовый к переменам?

Мещанство являлось самым многочисленным городским сословием России, однако до настоящего времени изучено в историографии в наименьшей степени по сравнению с другими категориями населения. Одной из главных причин тому является «антимещанский комплекс», укоренившийся в интеллектуальной традиции. Мещанство с осуждением представлялось как качественная характеристика людей безыдейных, с узкими интересами и низким уровнем культуры.

Отверженное советской историографией в качестве самостоятельного объекта научного анализа, мещанское сословие только в 90-е гг. XX в. начинало изучаться историками в рамках институционального подхода. В данной же работе мещанское сословие рассмотрено в рамках подхода, принятого в направлении истории повседневности (Alltagsgeschichte, History of Everyday life), исходя из повседневных практик, направленных на выживание внутри государства, закона, и своего времени, наполненного экономическими и политическими вызовами. Данный подход показал, как мещане через повседневные практики приспособливались к своему сословному статусу, эволюционировавшему на протяжении более чем полувекового периода – периода модернизации городов, резко изменившей социальный состав горожан. Повседневность представлена в работе не только как повседневные практики людей, но также и как продукт социального конструирования власти. Изучение социальных практик продемонстрировало, что «повседневность» – это реакция на власть, переработка решений власти, адаптация её силового поля, коммуникация с властью. Исходя из этого в исследовании показано как в мещанской повседневности границы возможностей, установленные законом, расширялись и коррелировались в зависимости от субъективных обстоятельств акторов. Избранный подход к источникам дал возможность проследить, как в повседневности проявило себя обращение

людей с тем набором прав и обязанностей, которые им были предписаны властью. Этот подход также показал, что постоянный «диалог» мещан с властью влиял на их телесные привычки и стратегии выживания.

Изучая вопрос о влиянии глобальных исторических событий (войн, революций, реформ) в стране на повседневную жизнь мещанства, мы пришли к выводу, что мировые катаклизмы амортизировались сложившимся в мещанских обществах порядком, традициями, моделями поведения, стилем взаимодействия. Несмотря на появившиеся в городской повседневности изменения, вызванные модернизационными процессами, мещанская повседневность внешне менялась плавно и медленно, но изнутри была наполнена «броуновским движением» поведенческих реакций на обстоятельства, продиктованные мещанину властью. Под влиянием социокультурных изменений городской жизни, вызванных модернизацией страны усложняется спектр мещанской профессиональной сферы занятости. Если раньше доминировали хлебопашество, чёрная работа и торговля, то в начале XX в. профессионализация в среде мещан выводит их далеко за рамки традиционного старожильского хозяйствования, свойственного аграрному провинциальному городу. Поток информации открывает для провинциала новые миры. Реклама, синематограф, граммофон, телеграмма, телефон, периодическая печать, круг чтения – расширяют кругозор и коммуникативные возможности.

Интересный сплав источникового материала, обнаруженный в фонде городской думы Центрального государственного архива Самарской области, позволил выдвинуть гипотезу о «золотом веке» мещанства, связанным с реализацией в практической повседневной жизни реформ городского управления конца XVIII в. В историографии утвердилось мнение, что вместо всесословного самоуправления, заложенного екатерининским законодательством, в городах сложилось малоэффективное управление купцов и мещан. Исходя из анализа повседневных результатов державной систематизации городских структур, представляется, что главная мысль законодателя заключалась в том, чтобы отсечь от городского самоуправления те сословия и социальные группы, которые, проживая в городах, не принадлежали к городским сословиям. Исследование ранее не введенных в научный оборот делопроизводственных материалов трёх поволжских губерний, доказало, что именно эти институты самоуправления в основ-

ном и организовывали основную часть общественной и повседневной жизни мещан, формировали городской менталитет.

Рассмотрение вопроса об участии в городском управлении разных сословий показывает следующее. Крестьяне, проживавшие в городах (в Саратовской, Самарской и Симбирской губерниях они составляли половину населения города) не имели права участвовать в городском самоуправлении. Однако переход крестьян в мещанское сословие повышал их социальный престиж, приобщал к символическому миру власти. От системы «городского гражданства» Поволжья оказалась отсечённой и элита русского общества: дворянство, духовенство и интеллигенция не выразили желания совместно участвовать в нём с купцами и мещанами. Анализ повседневных практик мещан, задействованных в системе городского самоуправления, показал как в таких условиях у мещан сформировался образ «своей» власти, без социальных «чужаков».

Создавались собственные практики поведения, адаптирующие, исходя из местных условий, эту систему. В частности, где не хватало купцов, на общественные должности избирались мещане. Когда мещане находили лазейки, чтобы избежать выполнения обременительных для их хозяйственной повседневности общественных поручений, постоянно находились другие однообщественники, способные их заменить. Через думу решались вопросы с городскими местами, со строительством мещанских домов, с торговлей, с рекрутством, с налогами, с благотворительностью, с семейными проблемами. Во всех этих институциональных связях проявляли себя рациональные и эмоциональные повседневные мысли, решения и поступки мещан. Делопроизводство дум 50–60-х гг. наполнено репрезентациями мещан, выраженными в форме личного письма во власть, иллюстрирующими сложившиеся паттерны и казусы. Особой свободой во взаимодействии с властью отличалось самарское мещанство. Именно делопроизводство самарских думы и мещанской управы позволило говорить о периоде 50–60-х гг. XIX в. как о «золотом веке» мещанства, подразумевая под этим его эмоциональную вовлечённость в диалог с городской властью. На фоне самарского мещанства практически не обнаруживается в аналогичных фондах рефлексия симбирских мещан, отстранённых от власти дворянством, традиционно в Симбирске влиятельным. Поражает своим деловым размахом деятельность саратовского мещанства по созданию и укреплению совместного с купечеством благотворительного капитала.

Без рассмотрения последнего этапа существования городской системы гражданства, заложенной екатерининским законодательством, невозможным оказывается понимание последующего периода в жизни мещанского сословия, который по Городовому положению 1870 г., характеризовался совершенно иной расстановкой сил (поменялся состав думы, перераспределявшей городскую собственность). Отсюда проистекала стойкость мещан, проявленная в последующие периоды в «битвах» с новой думой и недоумение, вызванное превращением города в «товар», а мещан – в периферийных персонажей его социальной жизни.

Региональные особенности повседневных «текстов» поведения мещан ярко проявились в источниках. Они оказались вызваны тем, что мещанство «внутренней окраины» империи, к которой относились рассматриваемые в исследовании губернии, находилось в постоянном движении, несмотря на приписку к определённому городу. «Внутренняя окраина» представляла собой зону фронта, пограничья между ядром империи и её окраинами. С конца XIX в. в регионе образовались мощные узлы пересечения железнодорожных и водных путей сообщения. Удалённость от центрального государственного аппарата страны, особенности хозяйственного быта городов, связанных с большой рекой, придавали взаимоотношениям мещан с властью неформальный характер, что проявлялось в практиках послабления паспортного контроля в Самарской губернии в период навигации.

Сквозь фронт постоянно двигались миграционные потоки, которые усложняли и без того разнородный состав мещанского сословия: в его среде происходила постоянная ротация между крестьянами, мещанами и купцами, а также за счёт практик «приписки» включались разнородные социальные элементы (незаконнорождённые, подкидыши, младшие воинские чины, инородцы и т. д.).

Тексты «протоколов» собраний мещанских обществ показали, что, хотя на них приходило гораздо меньше мещан, чем проживало в городе, именно здесь проявлялся водораздел между «коренным» и «пришлым» населением. Благодаря приписке к мещанскому обществу маргинальных групп населения, существовал «балласт» из неплательщиков и людей, ускользающих от фиксации. Недоимки приходилось раскидывать на «коренных» мещан, входивших в состав общества и экономически состоятельных. Поэтому мещане серьёзно обсуждали кандидатуры тех, кого они «причисляли» в свое общество,

подразумевая в этой процедуре имплицитную борьбу за жизнеспособность социума.

В законодательных источниках, связанных с устранением главных сословных различий внутри города в пореформенный период ясно проявилась противоречивость новых установлений в отношении мещанства. Фактически постепенно исчезали те права и обязанности мещан, которые составляли особенность их социального статуса (подушная подать заменяется окладными сборами, рекрутская повинность распространяется на другие сословия, отменяются телесные наказания, вводится бессрочный паспорт и т.д.). Одновременно именно в этот период образуется мещанское управление в городах, оформлявшее мещанскую корпорацию. В Саратове и Самаре было введено мещанское управление, а в Симбирске, как и в уездных городах, сохранялась канцелярия мещанского старосты. Таким образом, искусственно власть способствовала сохранению самого сословия и его организаций, чтобы они несли ответственность за выполнение сословных обязанностей в пользу государства. И в этой противоречивой для мещан ситуации, им удалось адаптировать новую модель и использовать ее для отстаивания собственных жизненных интересов (в вопросах налогообложения, воинской повинности, частных внутрисемейных конфликтах).

Мещанское общество одновременно защищало интересы своих членов перед новой городской властью и, неся ответственность перед государством, принуждало их к строгому выполнению всех сословных обязанностей. Поэтому сформировались две группы властных мещанских практик: практики мещанской корпорации, направленные вовне, и практики, направленные вовнутрь. Помимо них существовали личные интересы мещан, которые проявились в практиках уклонения от дисциплинарного контроля управы.

Так, мещане как корпорация были вынуждены решать вопросы с новой городской думой, введённой Городовым Положением 1870 г. Анализ документов показал, что, таким образом, власть в городе для мещан всех трёх губерний разделилась на «свою» и «чужую». «Чужой» являлись новая дума с управой, в которых состав изменился в сторону социальной элиты: купцов, дворян и интеллигенции. Мещане не вызывали у них никакого сочувствия и вынуждены были вести повседневные маленькие «битвы» за свои интересы. Спектр используемых для этих целей тактик варьировался от открытых противо-

стояний с помощью профессиональных юристов до обывательских хитростей и уловок.

Контролируя сословные обязательства перед государством, мещанское общество отвечало за рекрутские, фискальные и паспортные вопросы.

Рекрутские сборы рассмотрены на материалах городского делопроизводства. В период рекрутских сборов мещанское общество отвечало за количество поставленных рекрутов, но было вынуждено рассматривать многочисленные частные обстоятельства. Ключевыми поведенческими практиками, которые позволяли избежать данной повинности, были наём «охотников» и семейные «разделы». Если к найму «охотников» мещанские общества относились положительно, так как это был законный способ избежать рекрутской повинности, то «разделы» семей были той уловкой, к которой прибегали мещане в целях изменения жеребьёвого порядка, списков очередников. Общества строго следили на местах за всеми перипетиями частной жизни семей, чтобы «раздел» не оказался фикцией. Данные практики демонстрируют с одной стороны законопослушность, приверженность порядку, осознание своей роли в государстве, а с другой – попытки избежать воинской повинности.

Делопроизводство сословных органов власти не позволяет выявить эмоции «горевания» и ритуальные действия, сопутствующие рекрутским наборам, которые воспринимались как «смерть» человека для социума. Зато они описаны фольклористами применительно к крестьянской среде. Таким образом и в этой сфере мещане оказываются «забытым сословием», хотя тяготы рекрутской повинности они несли наравне с крестьянами.

Впервые удалось выявить пласт «текстов» поведения мещан, который был связан с необходимостью получения ими в местах приписки срочных паспортов. Только с паспортом мещанин мог быть мобилен в своих передвижениях по стране, это было одним из главных факторов, отделяющих легитимное состояние от статуса беспаспортного бродяги. Поэтому ключевыми фигурами мещанской повседневности становились в 50–60-е гг. XIX в. мещанский староста и городской голова, в последующий период – председатель мещанской управы, от которых зависел процесс получения паспорта. В этих вопросах сословное делопроизводство особенно проявляет себя как «эго-источник», так как оно наполнено жизненными историями мещан, оказав-

шихся без «вида» на жительство и апеллирующих к своей сословной власти за помощью. Именно в отношении «паспортной повседневности» проявляет себя чувственно-эмоциональное восприятие мещанами своего сословного статуса, связанного с прикреплением к определённом месту, отношение к идее власти как «дисциплинарного пространства» и практики «освоения» его. Даже после отмены для мещан срочного паспорта и появления возможности обратиться в полицию по месту жительства, они продолжали идти в управу по месту приписки.

Жизненный опыт приводил мещан к тому, что они старались не утаивать, а погашать недоимки. Те семьи, которые находились в отчаянном экономическом положении, апеллировали к филантропическим чувствам власти. В связи с важными государственными событиями или стихийными бедствиями власть периодически прощала мещанам недоимки. Однако их наличие мешало экономически благополучной части сословия увеличивать свои капиталы, так как существовал принцип раскладки недоимок по состоятельным налогоплательщикам.

Таким образом, практики мещан в отношении своих сословных обязательств демонстрируют модель адаптации жизни к вызовам власти. В этой сфере соединялись мотивы, основанные на личном расчёте и привычки, укоренившиеся в коллективном опыте.

В монографии впервые рассмотрена ритуальная сторона сословного быта и стоящие за ней социо-культурные смыслы. Это – сценарии процедуры выборов, принесения клятв, оформление приговоров общества, решения конфликтов. Они до настоящего времени были незамечены «высокой» культурой в качестве одного из вариантов урбанистических ценностей.

Привычка к порядку, к определённому устройству городского общества помогла мещанам пережить смуту первой русской революции. Несмотря на революционное «брожение» российского общества в 1905–1907 гг., исследование повседневности показало, что в массе мещанское общество оказалось «нечувствительным» к эгалитаристским лозунгам, которые подхватили лишь те или иные профессиональные союзы и выходцы из сословия, посвятившие себя революционной борьбе. Однако в этот период к привычным отклонениям от общественной нормы и морали, присоединились новые девиантные «тексты» поведения, связанные с уличным хулиганством, использую-

щим риторику революции. Кроме того, состав мещанства изменился за счёт включения различных ссыльных элементов. Это проявилось, в основном, в Самаре, которая благодаря отсутствию крупной промышленности и университетского центра выступала в качестве места ссылки. И именно в Самаре обнаружился эффект «исправления пространством»: мещане, сосланные за государственные преступления, решившиеся на протестные поступки, под влиянием повседневной жизни города и сословия, ориентированных на положительные обыденные ценностные ориентиры («хорошая работа», «достаток», «семья», «выполнение сословных обязанностей») начали обращаться с прошениями к власти по поводу устройства своего бытового благополучия, используя всю гамму уничижительного символического языка подобных текстов «во власть».

Реконструированы практики повседневности, связанные с семейным бытом мещан. Они показывают трансформацию традиционных устоев быта под влиянием модернизационных процессов: рвутся семейные узы, видоизменяются гендерные роли, эмансипируется женщина, появляется лёгкость в отношении к разводу, оказываются брошенными на произвол судьбы старики-родители. В этой ситуации увеличивалось количество социально незащищённых представителей сословия. В массе своей бедные мещанские общества городов, лишённые поддержки и одобрения со стороны российской просвещённой элиты, городских дум и управ, не могли поддержать своих однообщественников в старости и в болезни, так как не имели возможности собрать необходимые для этого благотворительные капиталы и даже заплатить больничные недоимки. Главное недоумение мещан в пореформенном городе заключалось в несоответствии между тем, что они были основными налогоплательщиками, от которых зависело процветание городов, и тем, что они не пользовались этими благами культурного пореформенного прорыва. Мещане жили на окраинах, в неблагополучных, с санитарной точки зрения, районах. Медицинские отчёты позволяют выявить социальный состав пациентов провинциальных больниц и проанализировать взаимосвязь заболеваемости с сословным статусом. И в этом отношении оказывается принципиальным показателем не сама социальная принадлежность, хотя и она играет роль, а образ жизни и состояние «вырванности с корнем». Одиночки, оказавшиеся в городе на заработках, лишившиеся семьи, в большей степени подвержены болезням, чем семейные горожане.

Кроме того, в работе выявлена специфика саратовского мещанского общества, чья благотворительная активность была уникальна даже в масштабах страны. В Саратове сложился совместный благотворительный нераздельный капитал мещан и купцов, шедший на нужды сословий. Забота об этом капитале привела к тому, что мещане Саратова, в отличие от Самары и Симбирска, были чрезвычайно озабочены перспективой отмены сословий в стране в 1917 г., так как боялись потерять свой капитал, накопленный за полтора века. Именно забота о капитале привела к тому, что саратовское мещанство, готовое поддержать Временное правительство, выработало свою программу и отправило делегатов на всероссийский мещанский съезд. Но несмотря на всю значимость этого события для мещанского сословия, съезд оказался незамеченным и правительством, и многими провинциальными организациями мещан, да и саратовскому мещанству не помог в решении его экономических забот. В 1918 г. весь капитал саратовских мещан был экспроприирован. Всероссийские мещанские съезды, по-видимому, не вызвали реакции в провинциальных обществах Самары и Симбирска. Мещане не боялись революции, воспринимая ее как еще один «вызов» большой политики, к которой можно привычно адаптироваться.

Таким образом, реконструкция повседневных поведенческих практик мещан «внутренней окраины» России во второй половине XIX – начале XX вв. показала, что социально-экономические и политические изменения в стране, происходившие в русле модернизационных процессов, были восприняты рядовыми представителями сословия в форме практик выживания, освоения этого нового пространства через чувственно-практическую сторону социального бытия и, в конечном итоге, создания эффекта «своей» повседневности.

Научное издание

Кобозева Зоя Михайловна
Кабытов Пётр Серафимович

МЕЩАНСКОЕ СОСЛОВИЕ РУССКИХ ГОРОДОВ

Монография

Печатается в авторской редакции

Подписано в печать 26.04.2023
Формат 60х90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Печ. л. 28. Тираж 100 экз. Заказ № 2147.

Отпечатано в типографии ООО «Слово»
443070, г. Самара, ул. Песчаная, 1; тел.: (846) 267-36-82
e-mail: izdatkniga@yandex.ru